Kun. Prel. Alf. Svarinskas

J. LAPPO

1588 metų LIETUVOS STATUTAS

I tomas

TYRINĖJIMAS

Antroji dalis

И. И. ЛАППО

ЛИТОВСКІЙ СТАТУТЪ 1588 года

Томъ I

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Часть вторая

KAUNAS ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ 1936

„ŠPINDULIO" B-vės spaustuvė

J. LAPPO

1588 metų LIETUVOS STATUTAS

I tomas

TYRINĖJIMAS

Antroji dalis

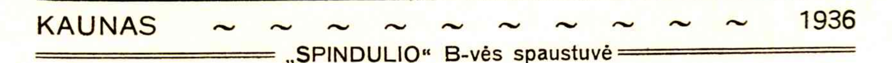
И. И. ЛАППО

ЛИТОВСКІЙ СТАТУТЪ 1588 года

Томъ I

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Часть вторая



KAUNAS ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ ~ 1936

„SPINDULIO“ B-vės spaustuvė

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава IV. Виленская типографія Мамоничей 257—309.

ЛИТОВСКІЙ СТАТУТЪ
1588 года

Глава I.

Работа составителей и редакторовъ Третьяго Литовскаго Статута.

Заголовки раздѣловъ и артикуловъ Третьяго Статута. Число артикуловъ. Опущеніе артикуловъ Второго Статута въ Третьемъ. Распредѣленіе артикуловъ по раздѣламъ. Раздѣленіе артикуловъ Второго Статута и, наоборотъ, ихъ сліяніе. Сохраненіе текста артикуловъ Второго Статута. Измѣненіе ихъ текста. Стилистически-редакціонныя исправленія. Развитіе или уточненіе содержанія отдѣльныхъ артикуловъ. Дополненія и исправленія, которыхъ потребовало учрежденіе въ 1581 году Трибунала. Развитіе судебныхъ учрежденій и урядовъ послѣ 1566 года. Отдѣльные примѣры переработки артикуловъ Второго Статута въ Третьемъ съ принятіемъ во вниманіе опыта судовъ и урядовъ. Опытъ Московской войны. „Разновѣріе“ и присяга. Варшавская конфедерація 1573 года и измѣненія въ законахъ Второго Статута, съ нею связанныя. Отраженіе идей „разновѣрія“ въ Третьемъ Статутѣ. Третій Статутъ и компетенція церкви въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Постановленія о разводѣ. Опека. Третій Статутъ и постановленія Литовскихъ сеймовъ 1566—1568 годовъ. Пожеланія этихъ сеймовъ, не удовлетворенныя Сигизмундомъ Августомъ. Статутовыя „поправы“, утвержденныя на „спольныхъ“ Польско-Литовскихъ сеймахъ 1574 и 1578 годовъ. Постановленія этихъ сеймовъ, касавшіяся Великаго Княжества Литовскаго. Постановленія Варшавскаго сейма 1581 года. Постановленія „спольныхъ“ сеймовъ, въ которыхъ не оговорено ихъ отношеніе къ Литвѣ, и вопросъ объ ихъ обязательности для Великаго Княжества Литовскаго. Актъ Варшавской конфедераціи 1573 года и артикулъ „поприсяженья“ Стефана Баторія, обращенные въ артикулы Третьяго Статута. Вопросъ объ источникахъ Третьяго Статута. Обычное право и Третій Статутъ. Мотивировка постановленій артикуловъ Третьяго Статута. Предвидѣніе составителями Третьяго Статута неполноты его законовъ и ихъ указаніе на ея восполненіе въ практикѣ судовъ. Третій Статутъ о законѣ, усмотрѣніи и недостаточности данныхъ для рѣшеній судовъ.

Въ чемъ же выразилась въ текстѣ Третьяго Статута работа его составителей и редакторовъ? — Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта работа, распадаясь на двѣ части, имѣла и различную технику въ каждой изъ нихъ. Повѣтовые сеймики и государственные съѣзды Великаго Княже-

ства Литовскаго вырабатывали свои матеріалы для кодекса достаточно свободно отъ порядка раздѣловъ и артикуловъ исправляемаго Второго Статута. Повѣтовая шляхта и станы Великаго Княжества Литовскаго могли, на отдѣльныхъ сеймикахъ и съѣздахъ, заниматься тѣми артикулами Статута 1566 года и тѣми вновь создаваемыми ими узаконеніями, которые въ данный моментъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, ихъ особенно интересовали. Въ иномъ положеніи находились редакторы кодекса, вырабатывавшіе его текстъ въ окончательномъ видѣ. Они должны были производить статутовую „поправу“ въ самомъ точномъ значеніи слова, т. е. должны были, положивъ передъ собою экземпляръ Второго Статута, устанавливать, что́ изъ его текста подлежитъ сохраненію въ новомъ кодексѣ и что́ должно быть въ немъ измѣнено. Эти измѣненія могли быть самыя различныя, начиная отъ простой замѣны одного слова другимъ и перестройки фразы, и вплоть до составленія совершенно новыхъ законовъ или коренного измѣненія содержанія артикуловъ, уже имѣвшихся въ Статутѣ 1566 года. Если мы станемъ сличать текстъ обоихъ Статутовъ артикулъ за артикуломъ, работа, произведенная надъ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ при переработкѣ его въ Статутъ 1588 года, обнаружится совершенно отчетливо. Начнемъ наши наблюденія съ замѣчаній, касающихся внѣшней стороны текста обоихъ Статутовъ, и прежде всего обратимся къ заголовкамъ раздѣловъ и артикуловъ.

Число раздѣловъ въ обоихъ Статутахъ одно и то же, а именно четырнадцать. Каждый изъ нихъ въ Третьемъ Статутѣ представляетъ собою исправленіе и дополненіе того же раздѣла Статута Второго. Но не всѣ заголовки раздѣловъ Статута 1588 года являются простымъ воспроизведеніемъ аналогичныхъ заголовковъ Статута 1566 года. По отношенію къ нѣкоторымъ заголовкамъ наблюдается полное ихъ тожество. Такъ, второй раздѣлъ въ обоихъ Статутахъ озаглавленъ — „О обороне земской“, третій — „О вольностяхъ шляхетскихъ и о розмноженью Великого Князства Литовского“, четвертый — „О судьяхъ и о судехъ“[1]), шестой — „О опекахъ“, седьмой —

[1]) Въ рукописи, съ которой изданъ Статутъ 1566 года въ XXIII-й книгѣ Временника заголовокъ четвертаго раздѣла опущенъ. Въ Реестрѣ ея къ Статуту онъ такой: „О судьяхъ и о судехъ и о выбиранью судей въ по-

„О записехъ и продажахъ“, восьмой — „О тестаментехъ“, тринадцатый — „О грабежохъ и о навезкахъ“[1]), четырнадцатый — „О злодействе всякого стану“. Заголовокъ перваго раздѣла въ Третьемъ Статутѣ — „О персоне нашой господарской“, во Второмъ — „О персоне господарской“; заголовокъ пятаго раздѣла въ Третьемъ Статутѣ — „О оправе посагу и о вене“, во Второмъ — „О оправе посагу“; десятаго въ Третьемъ Статутѣ — „О пущу, о ловы, о дерево бортное, о озера и сеножати“, во Второмъ — „О ловы, о пущу и о дерево бортное“; одиннадцатаго въ Третьемъ Статутѣ — „О кгвалтехъ, о боехъ, о головщынахъ шляхетскихъ“, во Второмъ — „О кгвалтехъ и о головщызнахъ шляхецкихъ“. Трудно поручиться за то, что приведенные сейчасъ заголовки раздѣловъ Второго Статута всѣ были дополнены радакторами Статута Третьяго. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, часть словъ соотвѣтствующихъ заголовковъ, отличающихъ послѣдніе въ обоихъ Статутахъ, могла находиться въ тѣхъ рукописяхъ Статута 1566 года, которыя имѣли въ своихъ рукахъ редакторы. Знакомымъ со старыми рукописями одного и того же памятника очень хорошо извѣстно, что различные списки его имѣютъ и тѣ или другія дополненія, и пропуски словъ и даже цѣлыхъ фразъ въ его текстѣ, даваемомъ различными его рукописями, являющіеся результатомъ простого невниманія и описокъ переписчика или сознательнаго исправленія и дополненія имъ самимъ переписываемаго текста. Но различія текста заголовковъ десятаго и двѣнадцатаго раздѣловъ Статутовъ приходится уже относить цѣликомъ на счетъ именно работы редакторовъ Третьяго Литовскаго Статута. Заголовокъ девятаго раздѣла во Второмъ Статутѣ читается такъ: „О правахъ земскихъ“. Въ Третьемъ же Статутѣ онъ такой: „О подкоморыхъ въ поветехъ и о правахъ земленыхъ, о границахъ и о межахъ“. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ни въ одной рукописи Статута 1566 года въ заголовкѣ девятаго раздѣла не могло быть упоминанія о подкомо-

вете“. Въ изданныхъ Пѣкосинскимъ (Collectanea ex Archivo Collegii Iuridici, tomus VII) латинскомъ и польскомъ текстахъ Статута 1566 года: въ первомъ — „De iudiciis“, во второмъ — „O sądziech y o sędziach y o processie prawnym, o dilatiach, exequuciey, o sądzie podkomorskim także o appelatiach“.

[1]) По изданію въ XXIII-й книгѣ Временника: „О грабежохъ и навезкахъ“.

ріи, ибо въ этомъ кодексѣ подкоморскій судъ отнесенъ къ предметамъ четвертаго раздѣла. Точно также и находящійся въ Третьемъ Статутѣ заголовокъ двѣнадцатаго раздѣла не могъ уже быть въ Статутѣ 1566 года. Въ этомъ послѣднемъ онъ читается такъ: „О головщызнахъ и навезкахъ людей посполитыхъ". Въ Третьемъ Статутѣ: „О головщинахъ и о навезкахъ людей простыхъ и о такихъ людехъ и челяди, которая отъ пановъ своихъ отходить, такъ же и о слугахъ приказныхъ". Двѣнадцатый раздѣлъ, какъ увидимъ ниже, въ Третьемъ Статутѣ значительно переработанъ его редакторами изъ основы, данной Вторымъ Статутомъ, и эта переработка, естественно, потребовала и измѣненія его заголовка.

Переходя отъ заголовковъ раздѣловъ къ заголовкамъ артикуловъ, нужно отмѣтить, что очень большое число ихъ сохранено въ Третьемъ Статутѣ въ томъ же содержаніи и даже текстѣ, какъ они даны въ Статутѣ 1566 года. Но имѣла мѣсто и та или другая переработка этихъ заголовковъ. Иногда встрѣчаемъ внесеніе въ текстъ заголовка обозначенія того, что уже было въ текстѣ самого артикула, но что не было отмѣчено въ заголовкѣ составителями Второго Статута. Иногда заголовокъ артикула въ Статутѣ 1588 года лишь иначе редактированъ, но цѣликомъ сохраняетъ содержаніе соотвѣтствующаго артикула Второго Статута. Но рядъ заголовковъ артикуловъ и значительно дополненъ по сравненію съ ихъ текстомъ Второго Статута въ виду того, что само содержаніе даннаго артикула существенно дополнено въ Третьемъ Статутѣ. Примѣромъ перваго случая можетъ служить хотя бы заголовокъ пятаго артикула второго раздѣла Третьяго Статута („О хоружихъ — земъскомъ, дворномъ и поветовыхъ"), который соотвѣтствуетъ пятому же артикулу того же раздѣла во Второмъ Статутѣ („О хоружыхъ"). Примѣръ второго — заголовокъ тридцать перваго артикула третьяго раздѣла Статута 1588 года („О непозыванье светъскихъ въ духовное право о речи светские"), который соотвѣтствуетъ двадцать шестому артикулу того же раздѣла Статута Второго „О позыванье свецскихъ въ духовное право". Примѣръ третьяго — заголовокъ второго артикула шестого раздѣла Третьяго Статута „О опеце отцовъской именьями и маетностью рухомою детей всихъ, имъ по матце ихъ належачого, и о властномъ набытью сынънемъ", соотвѣтствующаго тому же артикулу того же раздѣла Статута 1566 года „О опеце отцов-

ской". Однако, рядомъ съ дополненіемъ заголовка при дополненіи текста его артикула, встрѣчаемъ въ Третьемъ Статутѣ и случаи, наоборотъ, сокращенія заголовка при дополненіи текста самаго артикула. Такъ, дополненный въ Статутѣ 1588 года первый артикулъ десятаго раздѣла имѣетъ заголовокъ: „О ловы". Между тѣмъ въ заголовкѣ того же артикула Второго Статута стоитъ: „О ловы, о пущу — хто бы ихъ половилъ". Мы не будемъ отмѣчать всѣ разновидности отличій всѣхъ заголовковъ артикуловъ Третьяго Статута по отношенію къ исправленнымъ, дополненнымъ или сохраненнымъ въ немъ безъ измѣненія соотвѣтствующимъ артикуламъ Статута Второго. Приведенныхъ примѣровъ, думается, достаточно, чтобы можно было составить представленіе о работѣ редакторовъ надъ ними. Само собою разумѣется, что вновь составленные для Третьяго Статута артикулы потребовали и составленія къ нимъ соотвѣтствующихъ новыхъ заголовковъ.

Общее число артикуловъ въ Третьемъ Статутѣ больше, чѣмъ во Второмъ на 121. Во Второмъ Статутѣ, во всѣхъ раздѣлахъ, 367 артикуловъ. Въ Третьемъ — 488. Только въ одномъ раздѣлѣ (XIII-мъ) въ обоихъ Статутахъ одно и то же число артикуловъ (14). Въ одномъ (II-мъ) въ Третьемъ Статутѣ число артикуловъ меньше на два (27), чѣмъ во Второмъ (29). Въ остальныхъ раздѣлахъ число артикуловъ въ Третьемъ Статутѣ больше, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ артикулахъ Второго, и это увеличеніе числа ихъ отъ 1-го до 35-ти. Вотъ число артикуловъ въ однихъ и тѣхъ же раздѣлахъ Второго и Третьяго Статутовъ: I — 30 и 35, II — 29 и 27, III — 41 и 51, IV — 70 и 105, V — 18 и 22, VI — 13 и 15, VII — 26 и 31, VIII — 8 и 9, IX — 22 и 32, X — 17 и 18, XI — 35 и 68, XII — 14 и 24, XIII — 14 и 14, XIV — 30 и 37. Увеличеніе числа артикуловъ въ соотвѣтствующихъ раздѣлахъ Третьяго Статута, однако, не означаетъ того, что всѣ артикулы Второго Статута въ немъ сохранены и къ нимъ были только добавлены новые. Нѣкоторые изъ артикуловъ Второго Статута были опущены въ Третьемъ. Такъ, напримѣръ, двадцать восьмой артикулъ второго раздѣла Статута 1566 года („О указанью а пописованью шляхты повѣтовое у воеводствахъ або у староствахъ головныхъ") оказался пропущеннымъ въ Третьемъ Статутѣ, а имѣющіяся въ немъ узаконенія отчасти совсѣмъ были выброшены изъ Литовскаго свода законовъ, отчасти же оказались присое-

диненными къ другимъ артикуламъ. Другой примѣръ невнесенія въ Статутъ 1588 года артикула изъ Второго Статута — восьмой артикулъ восьмого раздѣла („О человѣку слѣпомъ“), котораго не имѣется въ Третьемъ Статутѣ. Случалось и такъ, что заголовокъ выпущеннаго артикула сохранился въ присоединеніи къ другому заглавію, а самый текстъ оказался исчезнувшимъ. Такова была, напримѣръ, судьба шестого артикула третьяго раздѣла Второго Статута („О сойму вальномъ“), котораго заголовокъ вошелъ въ составъ заголовка того же артикула и раздѣла Третьяго Статута („О сойме вальномъ, о соймикахъ поветовыхъ и о выправованью и посланью з нихъ пословъ земъскихъ на вальный сеймъ, и о вольныхъ возныхъ отъ войны, такъ же о приеждчанью пановъ радъ, врядниковъ земъскихъ и шляхъты“), но котораго самый текстъ изъ него исчезъ.

Правя Второй Статутъ артикулъ за артикуломъ, редакторы Третьяго не считали себя безусловно связанными прежнимъ ихъ порядкомъ распредѣленія въ раздѣлѣ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ порядокъ они, конечно, сохраняли, дополняя отдѣльные артикулы и вставляя между ними новые. Но далеко не разъ порядокъ артикуловъ Второго Статута ими и нарушался. Такъ, напримѣръ, въ четвертомъ раздѣлѣ восьмой артикулъ Статута 1566 года соотвѣтствуетъ второму въ Статутѣ 1588 года („О судьяхъ — яковые маютъ быти выбираны“), седьмой („Абы особы врядовые сами судили, а нихто иншый на ихъ местцу“) четвертому („Абы особы врадовые сами судили, а не хто инъший на ихъ местъцу; и о томъ, кгды бы хто з нихъ захорелъ або свои властъные справы въ иншомъ альбо въ томъ же повете мелъ; и о даванью листовъ упоминальныхъ“), сороковой („Хто бы на суде судью, подсудка и писара, такъ вряду земского яко и замкового, зсоромотилъ, збилъ, ранилъ, або забилъ“) седьмому („О беспечности судьи, подъсудъка и писара земъскихъ, такъ же вряду кгродского, по тому жъ суду подкоморъского и комисарского“). Но редакторы Третьяго Статута иногда не только мѣняли порядокъ въ раздѣлѣ артикуловъ Второго, но даже переносили артикулъ изъ одного раздѣла въ другой. Такъ, семидесятый артикулъ четвертаго раздѣла Второго Статута („О подкоморыхъ и о ихъ вряде“) съ его частями („Врядъ подкоморого“, „Справа урядовая“ и „О коморникохъ“) оказался въ девятомъ раздѣлѣ Третьяго Статута, раздѣленный на нѣсколько его артикуловъ

(1 — „О установленью подъкоморыхъ въ поветехъ и о прысязе ихъ", 2 — „О повинъности и владзы вряду подъкоморъского", 3 — „Около обосланья суседовъ граничныхъ и сумежныхъ ку выеханью на кгрунътъ пенъный", и другіе, 10 — „О установенью черезъ подкоморого коморъниковъ").

Встрѣчаемъ въ Третьемъ Статутѣ артикулы Второго и раздѣленными на части, которыя вошли въ составъ не одного и того же артикула. Такъ, второй артикулъ восьмого раздѣла Статута 1566 года („О тестаментехъ на речи рухомые, на именья набытые — якъ мають чинены быти") вошелъ своими частями во второй и третій артикулы того же раздѣла Третьяго Статута („О тестаментъ на речы рухомые и на именья набытые — яко мають быти справованы", „О вольность записать на костелъ именей набытыхъ"), третій артикулъ того же раздѣла Второго Статута („О сведкахъ, которые мають быти при справованью тестаментовъ") оказался въ Статутѣ 1588 года раздѣленнымъ между четвертымъ и пятымъ артикулами того же раздѣла („Естли бы ся кому прыдало на войне албо где въ дорозе, або тежъ въ чужой земли тестаменътъ чинити", „Которые печатниками и светками пры чиненью тестаменту быти не могуть"). Но встрѣчаются и случаи обратные, т. е. сліянія двухъ артикуловъ Второго Статута въ одномъ Статута Третьяго. Напримѣръ, въ пятнадцатомъ артикулѣ девятаго раздѣла Статута 1588 года („Хто бы кому светки ганилъ") слиты четвертый („Хто бы кому сведки ганилъ") и пятый („Коли бы хто сведковъ наганеныхъ передъ судомъ не очыстилъ") артикулы того же раздѣла Статута 1566 года.

Переходя въ составъ Третьяго Статута, соотвѣтствующій артикулъ Второго крайне рѣдко сохранялъ свой текстъ неприкосновеннымъ, даже если небольшое различіе въ отдѣльныхъ словахъ считать не поправками редакторовъ, а лишь разночтеніями рукописей Статута 1566 года. Вотъ два примѣра такого воспроизведенія текста артикула Второго Статута въ Третьемъ:

III Ст., III, 44.	II Ст., III, 37.
Тежъ уставуемъ: кому быхмо мы, господаръ, именье або люди и земли дали, а хто бы иншій по той данине нашой въ него тое именье отнялъ, тогды тотъ, у кого отнялъ, можеть	Тежъ уставуемъ: кому быхмо мы, господаръ, именье або люди и земли дали, а хто иншый по той данине нашой тое именье отнялъ, тогды тотъ, у кого отнято, можеть того доходити

того доходити и правомъ позыскивати, нижли болшей искати не можеть, одно якъ ему дано и якъ на насъ, господара, то держано, только бы давности земъское не омешкалъ.

и правомъ поискивати, нижли большей искати не можеть, одно яко ему дано и якъ на насъ, господаря, то держано, толко бы давности земское отъ того часу, яко ему дали, не омешкалъ.

III Ст., III, 48.

Уставуемъ и вечными часы **то мети хочемъ**, постерегаючи того, абы зо всихъ земль панства нашого Великого Князства Литовъского яко жидове, татарове, купцы, такъ и вси подданые наши, которого кольвекъ стану, явне и таемне всякихъ броней, железа, ручницъ, косъ, ножовъ, стрелъ и всякого иного нараду военъного не выпущали и посломъ не продавали, щого бы неприятель силити се могъ. А хто бы се того смелъ важити надъ тое росказанье и уставу нашу, тотъ ничимъ инымъ, одно горломъ каранъ быти маеть, а товары и вся маетность его маеть быти до скарбу нашого взята. А того съ пильностью на всихъ замъкахъ украиныхъ старостове и вси врядники нашы постерегати мають. А то се розумети маеть во-въ покою и подъ непокоемъ.

II Ст., III, 41.

Уставуемъ и вечными то часы мети хочемъ, постерегаючи того, абы зо всихъ земль панства нашого Великого Князства Литовского яко жидове, татарове, купцы и вси подданые наши, которого кольвекъ стану, явне и таемне всякихъ броней, железа, ручницъ, ножовъ, стрелъ и всякого иншого наряду военного не выпущали и не вывозили, посломъ не продавали, съ чого бы неприятель силитись могъ. А хто бы се того смелъ важыти надъ тое росказанье и уставу нашу, тотъ ни чимъ инымъ, одно горломъ каранъ быти маеть, а товари и вся маетность его маеть быти до скарбу нашого взята. А того съ пильностью на всехъ замкохъ украинныхъ старостове[1]) и вси врядники наши постерегати мають. А то се розумети будеть въ покою и подъ не впокоемъ.

Но обычно артикулы Статута 1566 года при переходѣ въ Третiй Статутъ подвергались значительнымъ измѣненiямъ и дополненiямъ, а иногда и пропускамъ въ текстѣ и содержанiи. Исправленiя текста ихъ иногда имѣютъ лишь стилистически-редакцiонный характеръ. Примѣръ такого исправленiя можетъ собою представлять хотя бы начало перваго артикула второго

---

[1]) Въ изданiи: „сторожове"; въ польскомъ переводѣ: „starostowie".

раздѣла[1]). Приводимъ текстъ этого артикула въ обоихъ Статутахъ:

III Статутъ.

Уставуемъ тежъ съ прызволеньемъ радъ нашихъ и всихъ становъ, подданыхъ нашихъ паньства того Великого Князства Литовъского, ижъ вси станы духовные и светъские, княжата, панята и врядники земские, дворъные, дворане, земяне, шляхта хоруговная и вдовы, и тежъ татарове, и мещане местъ нашихъ, маючи именья земъские, и кождый, отъ вышъшого до низшого стану, никого не выймуючи, лета зуполъные маючие, часу потребы з нами и съ потомъки нашими, або при гетманехъ нашихъ, винни будуть сами, особами своими, войну служити и выправовати на службу военъную, коли бы колвекъ была потреба, водле уѳалы земъсксе зъ соймовъ вальныхъ, яко на онъ часъ будеть потреба указывати, зъвлаща кгды бы рушенье посполитое было уѳалено, то естъ яко з людей отчизныхъ и похожихъ и з ыменей, яко отчизныхъ, материстыхъ, такъ выслужоныхъ и купъленыхъ и яко кольвекъ набытыхъ.

II Статутъ.

Уставуемъ тежъ съ призволеньемъ радъ нашихъ зуполныхъ и всѣхъ становъ, подданыхъ панства нашого Великого Князства, ижъ кождый князь и панъ, духовный и тежъ дворянинъ, бояринъ и вдовы кождые и иные станы, и татарове наши, такъ мещане местъ нашихъ, маючи земское именье и лета зуполные маючы, часу потребы зъ нами и потомками нашими, або при гетманохъ нашихъ, винни будуть сами особами своими войну служыти и выправовати на службу военную, коли бы кольвекъ была потреба водле уѳалы земское соймовъ нашихъ Великого Князства, якая на онъ часъ будеть потреба оказовати, то естъ [з людей отчизныхъ] и похожыхъ, зъ именей, зъ людей, яко будеть потреба, отчызныхъ, выслужоныхъ и купленыхъ[2]).

Тутъ мы имѣемъ лишь иначе редактированный текстъ Второго Статута въ Третьемъ, съ бо́льшимъ раскрытіемъ то-

---

[1]) Заголовокъ этого раздѣла во Второмъ Статутѣ: „О повинности, яко вси обыватели Великого Князства Литовского чынить маютъ". Въ Третьемъ: „О повинъности, яко вси обыватели тутошнего паньства службу земъскую служити маютъ".

[2]) Въ изданіи неисправность. Вставленныя нами слова взяты въ прямыя скобки. Въ польскомъ переводѣ стоитъ: „to iest z ludzi iako oyczystych, tak wysłużonych, slubionych".

го, что въ немъ уже содержалось въ болѣе короткой формулировкѣ. Быть можетъ, вниманіе читателя остановитъ на себѣ замѣна въ Статутѣ 1588 года словъ „соймовъ нашихъ Великого Князства“ словами „соймовъ вальныхъ“, и онъ увидитъ въ нихъ указаніе на реализацію Третьимъ Статутомъ постановленія Люблинской Уніи объ уничтоженіи особыхъ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго. Но эта Унія признала существованіе для обоихъ соединенныхъ ею государствъ лишь сейма „Короннаго“, а такимъ его Статутъ не именуетъ. Онъ называетъ сеймъ „вальнымъ“, т. е. какъ его обозначаетъ и Второй Статутъ въ другихъ своихъ артикулахъ[1]). Какъ увидимъ ниже, такое обозначеніе сейма, проводимое Третьимъ Статутомъ, имѣетъ свое значеніе, но отнюдь не то, которое было бы точнымъ выполненіемъ требованій акта Уніи 1569 года.

Примѣровъ развитія или уточненія содержанія артикуловъ Второго Статута въ Третьемъ Статутѣ можно привести очень много. Вотъ два изъ нихъ:

III Ст., III, 11.	II Ст., III, 8.
Тежъ уставуемъ, ижъ княжата и панове-рада нашы и шляхта, и тежъ кождый з рицерства нашого, которые шляхту нашу у себе служебниками ховають, не мають ихъ сами о почтивость судити, кромя насъ, бо тотъ судъ никому иному не належить, одно намъ, господару. А што се дотычеть злодейства, забойства, кгвалту и инъшихъ выступковъ тому подобныхъ, естли бы, служечы которому пану, кому инъшому, такъ же и самому пану своему што зашкодилъ, о то волни будуть панове ихъ, засадив-	Тежъ уставуемъ, ижъ княжата и панове-рада наша шляхту и кождого бы зъ рицерства нашого, которые тежъ шляхту нашу служебниками въ себе ховають, не мають сами о почтивость судити кроме насъ, бо тотъ судъ никому иному не належить, одно господару. А што се дотычеть злодейства, забийства и иншыхъ речей-выступковъ, то волни будуть панове ихъ зъ ними, осадившы при собе предъ се шляхту людей добрыхъ, справедливость чынити, а въ чомъ бы былъ хто съ права поконанъ, тогды

---

[1]) Такъ, въ шестомъ артикулѣ („О сойму вальномъ“) третьяго раздѣла Второго Статута стоитъ: „.....маемъ мы и потомки нашы, великие князи Литовские, съ потребы речы посполитое, за радою радъ нашихъ того жъ панства або за прозбою рыцерства, складати сеймы вальные въ томъ же панстве Великомъ Князстве Литовскомъ завжды, коли-колко того будеть потреба“. Ср. пятый артикулъ того же раздѣла Второго Статута — „на томъ таковомъ вальномъ сойме“.

ши при собе шляхту, людей добрыхъ, справедливость съ такового чинити, а въ чомъ бы хто съ права поконанъ, тогды тотъ маеть за выступокъ свой терпети и каранъ быти, бы тежъ и горломъ. Ведъже апеляцыи поступкомъ сего Статуту на обе-две стороне, такъ поводовой, яко и отпорной, до Суду Головного не маеть боронити. А въ кождой таковой справе маеть быти складанъ рокъ за чотыри недели, для того абы тотъ слуга обжалованый родичовъ або приятель своихъ ку тому праву способити могъ. А въ меньшихъ речахъ, где о горло и о плаченье сумы пенежное, такъ же о седенье не пойдеть, волно будеть кождому пану слугу своего водле выступку его судити и съ права карати.

тотъ за выступокъ свой терпети и каранъ маеть быти, бы и горломъ.

III Ст., IX, 20.

Тежъ, где бы река граничила именья або бы чый кгрунтъ, поля, сеножати, лесы къ реце прилегли, тогды кождый з берега своего маеть ее до половицы ужывати. Ведже въ которыхъ местъцахъ и краехъ сего панства нашого и на такихъ сполныхъ рекахъ здавна до сихъ местъ былъ який обычай забиванья езовъ, закотовъ або сежъ, таковый и впередъ захованъ быти маеть. А где бы которая река граничная, на чий берегъ песокъ незначне сыплючи, прибавокъ чинила, тотъ прибавокъ маеть быти того пана, чый берегъ естъ. А если бы река кгвалтомъ инуды пошла, тогды старое речыщо маеть быти

II Ст., IX, 11.

Тежъ, где бы река граничыла, тогды кождый съ берега своего маеть ее до половицы вжывати. А кгды бы река которая граничная, на чый берегъ песокъ незначне сыплючы, прибавокъ чынила, тотъ прибавокъ маеть быть того пана, чый берегъ естъ. А естли бы река, кгвалтомъ идучы, инуды пошла, тогды старое речыще маеть быти предъ се границою, а того речыща, будеть ли въ ней пожытокъ, такъ кождый съ берега своего на половицы ужывати маеть. А тая река граничная, которая инуды се обернеть, оба-два береги того мають, чыимъ кгрунтомъ пойдеть. А если хто реку проко-

предъ се границою; а того речыща, будеть ли въ ней який пожитокъ, такъ же каждый з берега своего по половицы уживати мають. А у тое реки граничное, которая се инуды обернула, оба-два береги того быти мають, чиимъ кгрунтомъ пойдеть. А если бы хто реку перекопалъ умысльне ку шкоде суседа своего, а о то бы его ку праву позвалъ и того бы на него довелъ водле права, тогды маеть оному право сказати, абы засе реку по старому загамовалъ, а за то будеть повиненъ стороне жалобливой кгвалту дванадцать рублевъ грошей заплатить, яко бы границу сказилъ, и вси шкоды, што въ пожитокъ тое реки шкодовалъ, з розсудку оправити.

палъ умыслне ку шкоде суседу свсему, и о то бы его ку праву позвалъ и то бы на него перевелъ ведле права, тогды маеть оному право сказати, абы засъ реку по старому загамовалъ, и за то будеть повиненъ жалобливой стороне кгвалтъ дванадцать рублей платити, яко бы границу сказилъ, и вси шкоды, што въ пожыткохъ тое речы шкодовалъ, зъ розсудку оправити маеть.

Въ первомъ изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ уточненіе и развитіе въ Третьемъ Статутѣ соотвѣтствующаго артикула Статута 1566 года осложнились необходимостью ввести въ него компетенцію Главнаго Литовскаго Трибунала (Судъ Головный), какъ аппелляціонной инстанціи, не существовавшей во время составленія Второго Статута, учрежденной только въ 1581 году. Во всемъ остальномъ и одиннадцатый артикулъ третьяго раздѣла, и двадцатый артикулъ девятаго раздѣла Третьяго Статута представляютъ собою именно уточненіе и развитіе соотвѣтствующихъ артикуловъ Статута 1566 года, какъ того требовала, надобно думать, практика споровъ, возникавшихъ между обывателями Великаго Княжества Литовскаго, и судебныхъ ихъ разбирательствъ.

Созданіе Литовскаго Трибунала потребовало внесенія измѣненій во всѣ артикулы Второго Статута, въ которыхъ шла рѣчь о тѣхъ аппелляціяхъ, которыя уставомъ этого судебнаго учрежденія были ему переданы, и вообще ввести его въ систему судовъ Великаго Княжества Литовскаго[1]). Въ только что

[1]) I, 14, 24; III, 32, 34; IV, 3, 11, 32, 37, 40, 44, 54, 57, 86, 88, 89, 90, 94, 95, 96; IX, 7, 8, 10, 11; XI, 28, 36, 61, 66, 67; XIV, 35.

приведенномъ одиннадцатомъ артикулѣ третьяго раздѣла Статута 1588 года мы уже встрѣтились съ такимъ измѣненіемъ и дополненіемъ. То же было сдѣлано и въ рядѣ другихъ артикуловъ, въ которыхъ это требовалось значеніемъ Трибунала, какъ аппелляціонной инстанціи[1]). Но и цѣлый артикулъ Второго Статута, говорившій „о отзыванью изъ суда до насъ, господара“[2]), долженъ былъ въ Статутѣ Третьемъ превратиться въ артикулъ „о отзыванью зъ суду до Головныхъ Судей“[3]), съ соотвѣтствующей перестройкою его содержанія.

Дополненій и исправленій требовали и соотвѣтствующіе артикулы Второго Статута, въ которыхъ говорилось о подкоморскомъ судѣ и объ его соприкосновеніи съ другими повѣтовыми судами Великаго Княжества Литовскаго. Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ Августъ „ласкаве зезваляти рачилъ“ на просьбу становъ Княжества объ учрежденіи во всѣхъ повѣтахъ подкоморіевъ „для справъ граничныхъ и земленыхъ“ только въ концѣ 1565 года, когда текстъ Второго Статута былъ уже выработанъ[4]). Организацію подкоморскаго суда пришлось спѣшно внести въ видѣ дополненія къ четвертому раздѣлу этого Статута[5]), а „граничныя и земленыя“ дѣла, разбирать которыя долженъ подкоморскій урядъ, въ другихъ артикулахъ Статута оказались не выдѣленными изъ компетенціи другихъ судовъ, какъ будто бы подкоморія повѣтоваго не существовало совсѣмъ. Самъ Второй Статутъ въ концѣ девятаго своего раздѣла „О правахъ земскихъ“ дѣлаетъ такую оговорку: „а ведьже на томъ сойме зъ росправы господарское его милость придати рачилъ урядъ подкоморого ку тымъ справамъ судовъ земляныхъ, а то для большое и поспешнейшое отправы въ справедливости людской, про то, што судъ земский мелъ отправовати ведле артыкуловъ урядовыхъ, вышей описаныхъ въ томъ Статуте“[6]). Но эта оговорка не указывала точно, въ какихъ именно случаяхъ судебное дѣло въ вопросахъ объ имѣніяхъ должно было передаваться на разсмотрѣніе подкомрскаго уря-

---

1) Напримѣръ, Третій Статутъ, III, 11; IV, 11, 19.

2) II Ст., IV, 61.

3) III Ст., IV, 86.

4) См. выше, часть первая, стр. 36—37. Ср. Р. Ист. Б., XXX, ст. 368.

5) Артикулъ 70.

6) Послѣ окончанія текста двадцать второго артикула (по изданію Второго Статута въ XXIII-ей книгѣ Временника стр. 143).

да. Детальная разработка этого вопроса должна была стать одною изъ задачъ составленія и редакціи Третьяго Статута, и она была въ немъ выполнена не только въ артикулахъ девятаго раздѣла, организующихъ урядъ повѣтоваго подкоморія, но и въ различныхъ артикулахъ другихъ раздѣловъ, путемъ внесенія въ нихъ соотвѣтствующихъ указаній[1]).

Такимъ образомъ, подкоморскій судъ въ артикулахъ Третьяго Статута получилъ свою организацію. Такое же значеніе имѣетъ кодексъ и для суда гродскаго. Статутъ 1566 года установляетъ, что всѣ воеводы, старосты и державцы замковъ и дворовъ господарскихъ должны, каждый „на врядѣ своемъ, выбрати человѣка доброго шляхтича, въ томъ же повѣтѣ осѣлого, прысяглого, который уставичне повиненъ будеть посполу зъ урядомъ замковымъ судити и справовати вси речы судовые, которые замку або вряду“ господарскому „приналежати будуть“[2]). Говоря о судебной дѣятельности замковыхъ намѣстника, судьи и писаря, Второй Статутъ не упоминаетъ ни о времени ея отправленія, ни объ отвѣтственности за ея правильность, ни о спеціальной судейской присягѣ членовъ замковаго-гродскаго суда. Статутъ 1588 года эти пробѣлы предшествующаго кодекса восполняетъ. Сессіи гродскаго суда, по Третьему Статуту, должны отправляться ежемѣсячно[3]), отвѣтственности членовъ его и исправленію ихъ неправильныхъ рѣшеній отдано достаточное вниманіе закона. Поскольку позволяетъ зависимость состава этого суда отъ воеводы или повѣтоваго старосты, Третій Статутъ старается примѣнить къ нему возможно больше изъ тѣхъ требованій закона, которыя касаются суда земскаго. Онъ требуетъ отъ членовъ гродскаго суда такихъ же качествъ, какими должны обладать и члены земской судебной коллегіи. Подстароста или подвоеводій намѣстникъ, замковый судья и писарь должны быть назначаемы воеводами и старостами изъ „людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ, шляхтичовъ, въ томъ же повете оселыхъ и родичовъ того панства Великого Князства Литовского“. Они должны принести присягу „ротою судьи земского, а писаръ ротою писара земского“. Ихъ от-

---

1) См., напр., I, 20; III, 33; IV, 7, 8, 9, 11, 19, 44, 94.
2) II Ст., IV, 21.
3) IV, 33.

вѣтственность и обжалованіе ихъ судебныхъ рѣшеній опредѣлены точно[1]). Кругъ дѣлъ, подлежащихъ судебной компетенціи воеводъ, старостъ и ихъ гродскихъ судовъ въ Третьемъ Статутѣ обозначенъ полнѣе и точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано Статутомъ 1566 года[2]). Передъ нами подведеніе итоговъ развитія гродскаго суда, совершившагося на протяженіи времени между составленіемъ Второго и Третьяго Литовскихъ Статутовъ, и его закрѣпленіе въ кодексѣ 1588 года.

Развитіе повѣтовыхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго выразилось и въ учрежденіи Третьимъ Статутомъ въ повѣтахъ должности генералъ-вознаго, какъ главы возныхъ, т. е. судебныхъ приставовъ повѣта. Сто четвертый артикулъ четвертаго раздѣла Статута 1588 года установляетъ, что въ каждомъ повѣтѣ „въ здешнемъ панстве" Великомъ Княжествѣ Литовскомъ „надъ иншые одинъ возный установленъ быти маеть, таковый, которого латиньскимъ езыкомъ зовуть енералъ". Этотъ урядъ будетъ даваться „въ томъ воеводъстве и повете оселому родичу Великого Князства, писмо руское умеючому", по ходатайству передъ господаремъ „отъ воеводъ, старостъ судовыхъ и шляхты, обывателевъ тыхъ поветовъ, откуль тотъ будеть"[3]).

Но не только суды и судебныя должности получили свое дальнѣйшее развитіе въ Третьемъ Статутѣ. Въ его артикулахъ и другіе уряды Великаго Княжества Литовскаго были организованы съ дополненіемъ новыхъ о нихъ узаконеній. Такъ, повѣтовый хоружій, который по Второму Статуту назначался господаремъ изъ „людей зацныхъ, добрыхъ, ростропныхъ, можныхъ и осѣлыхъ въ повѣтѣ томъ"[4]), въ Статутѣ 1588 года получилъ новый способъ своего назначенія на урядъ и весьма существенное дополненіе качествъ, которымъ долженъ удовлетворять кандидатъ на повѣтовое хоружество. Третій Статутъ ввелъ избраніе кандидатовъ на урядъ хоружія повѣтовою шляхтою „тымъ порадъкомъ, яко обиранье врядъниковъ судовыхъ земъскихъ въ семъ же Статуте естъ описано"[5]), и только изъ числа этихъ кандидатовъ, представленныхъ господарю обывателями

---

1) IV, 37.

2) IV, 30.

3) III Ст., IV, 104.

4) II Ст., II, 5.

5) III Ст., II, 5. На земскій судовый урядъ повѣтовая шляхта избирала четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного, „который се" господа-

повѣта, онъ, притомъ не одинъ, а вмѣстѣ съ панами-радою, изберетъ повѣтоваго хоружія и утвердитъ его своимъ привилеемъ. Такимъ образомъ, неограниченное раньше право великаго князя Литовскаго назначать повѣтоваго хоружія получило два ограниченія. Изъ нихъ первое — предварительное избраніе кандидатовъ повѣтовою шляхтою, а второе — согласіе рады Великаго Княжества Литовскаго на назначеніе хоружимъ лица, которому господарь хочетъ дать это назначеніе. Что касается требованій, которымъ долженъ удовлетворять кандидатъ на хоружество, то Третій Статутъ добавилъ необходимость для хоружія быть изъ состава „родичовъ властныхъ того панства", т. е. Великаго Княжества Литовскаго[1]). Если въ установленіи избранія повѣтовою шляхтою кандидатовъ на хоружество отразилось дальнѣйшее послѣ 1566 года развитіе правъ шляхетскаго „народа", то всѣ три отмѣченныя нами добавленія, взятыя вмѣстѣ, ясно указываютъ и на стремленіе составителей Статута 1588 года сдѣлать невозможнымъ назначеніе кого-либо изъ поляковъ на урядъ хоружія въ Литвѣ общимъ ея и Польши монархомъ.

Мы не можемъ, конечно, на настоящихъ страницахъ принимать на себя задачу сколько-нибудь полнаго и всесторонняго изученія всего новаго, что въ области публичнаго и частнаго права Великаго Княжества Литовскаго было внесено Третьимъ Статутомъ въ исправленный имъ Статутъ 1566 года. Эта задача подлежитъ разрѣшенію въ спеціальномъ изслѣдованіи и, возможно, даже не въ одномъ трудѣ. Но, изучая составленіе Статута 1588 года, мы должны все-таки путемъ сравненія содержанія обоихъ Статутовъ, хотя бы и очень суживая и ограничивая его предѣлы, стараться выяснить характеръ, методы и направленіе работы составителей и редакторовъ Третьяго Литовскаго Статута. Работа эта выразилась въ исправленіи артикуловъ, уже имѣвшихся въ Статутѣ 1566 года, и въ составленіи артикуловъ совершенно новыхъ. Исправленіе старыхъ артикуловъ бывало и дополненіемъ ихъ текста, и пропусками въ немъ, согласно, прежде всего, требованіямъ и указа-

---

рю „видети и подобати будеть, выбравши", онъ утвердитъ своимъ привилеемъ „на тотъ врядъ до живота его албо до вывышенья з ласки" своей „на инший який вышъшый врядъ або достоеньство". III Ст., IV, 1.

[1]) III Ст., II, 5.

ніямъ жизни и судебной практики. Надо, однако, думать, что въ этомъ исправленіи далеко не разъ выразилась и теоретическая мысль составителей и редакторовъ Третьяго Статута, самостоятельно у нихъ рождавшаяся въ формѣ логическихъ выводовъ и юридическихъ построеній, или заимствованная ими изъ доступной имъ законодательной и юридической, богословской, философской и политической литературы, или же, наконецъ, возникавшая у нихъ изъ ихъ наблюденій жизни заграничныхъ странъ, въ которыхъ имъ случалось бывать. Остановимся же на нѣсколькихъ примѣрахъ переработки артикуловъ Второго Статута въ Третьемъ.

Двѣнадцатый артикулъ одиннадцатаго раздѣла Статута 1588 года[1]), исправляя соотвѣтствующій артикулъ Статута Второго[2]), устанавливавшій наказанія за изнасилованіе женщины, къ его содержанію сдѣлалъ такое дополненіе: „а естли бы на таковомъ местъцу кгвалтъ такий сталъ се, где бы люди воланье могли слышеть, а девка албо невеста кгвалту бы не волала, а по томъ бы то людемъ оповедала, тогды тое оповеданье за кгвалтъ розумено быти не можеть, и тотъ помовеный отъ кгвалту воленъ быти маеть“. Факты жизни и практика судовъ, очевидно, обнаружили достаточно случаевъ злоупотребленія нѣкоторыми женщинами этою статьею закона, созданія ими искусственно обстановки, въ которой оказывалось возможнымъ предъявленіе обвиненія въ попыткѣ къ изнасилованію, и даже полной вымышленности его, такъ что потребовалось дополненіе закона для огражденія интересовъ лицъ, противъ которыхъ такія вымышленныя обвиненія предъявлялись[3]).

Второй артикулъ десятаго раздѣла Второго Статута, устанавливая расцѣнку дикихъ звѣрей, называетъ только зубра, лося, оленя или лань, медвѣдя, вепря или свинью, серну и рысь[4]). Третій Статутъ прибавляетъ къ нимъ дикихъ коня и кобылу, соболя и куницу и точно указываетъ, что рѣчь идетъ о цѣнѣ „зверомъ дикимъ, которые бы черезъ кого было убито у чужой

---

1) „О кгвалтованье девки и невесты“.

2) II Ст., XI, 8 — „О кгвалтъ дѣвки и невѣсты“.

3) Изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива собрано достаточно примѣровъ такихъ обвиненій въ XVII столѣтіи въ книжкѣ Ор. Левицкаго, Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія (Кіевъ, 1902. Изданіе журнала Кіевская Старина).

4) II Ст., X, 2 — „Цена зверемъ дикимъ“.

пущы"[1]). Болѣе обстоятельно и подробно по сравненію со Вторымъ Статутомъ Статутъ 1588 года останавливается и на другихъ видахъ охоты и на нарушеніяхъ права ея владѣльцевъ[2]). Онъ даже добавилъ новый артикулъ „О томъ, абы нихто на чужихъ кгрунтехъ полевати не смелъ"[3]). Очевидно, на повѣтовыхъ сеймикахъ, обсуждая „поправу" Статута, шляхта достаточно внимательно занималась вопросами права охоты, которые близко затрагивали ея интересы, и на основѣ практики жизни углубила и расширила постановленія о немъ, находившіяся во Второмъ Статутѣ.

Та же практика судовъ и жизни требовала уточненія, развитія и дополненія и ряда другихъ артикуловъ Статута 1566 года. Приведемъ для примѣра хотя бы законъ объ отвѣтственности за убійство при защитѣ своего дома отъ нападенія на него[4]).

III Ст., XI, 19.	II Ст., XI, 6.
Тежъ уставуемъ: хто бы на чый домъ або на господу кгвалтомъ наехалъ або нашолъ, а тотъ господарь домовый, такъ тежъ и гость, который въ томъ дому або въ господе стоить, оного кгвалтовъника самого або помочниковъ его, боронячы дому або господы своее, забилъ, тогды, скоро по ономъ кгвалте, маеть суседовъ околичныхъ обослати, обволати и оповедати и того жъ часу до вряду нашого судового того повету, въ которомъ се то станеть, ехати або послати, и, вземшы возного и сторону, людей добрыхъ шляхту або инъшыхъ суседовъ вери годныхъ, оный кгвалтъ и забитого кгвалтовника въ дому своемъ оказати, а по томъ, кгды будеть	Тежъ уставуемъ: хто бы на чий домъ або на господу кгвалтомъ наехалъ або нашолъ, а тотъ господарь домовый, такъ же и гость, который въ дому его томъ або господе стоить, оного кгвалтовника самого або помочниковъ его, боронечи дому своего, забилъ, тогды, скоро по ономъ кгвалте, маеть суседомъ своимъ околичнымъ обволати и оповедати и того жъ часу до вряду нашого, который будеть наблизший, ехати або слати и, зъ уряду взявшы возного и сторону, людей добрыхъ шляхту а иншихъ суседовъ веры годныхъ, оный кгвалтъ и забитого кгвалтовника въ дому своемъ оказати, а по томъ, кгды будеть о тое забитье обвиненъ, тогды за

---

1) III Ст., X, 2 — „Цена зверомъ дикимъ".

2) III Ст., X, 9 („О бобровые гоны"), 11 („О принадахъ пташыхъ"), 12 („Хто бы прынады злодейскимъ обычаемъ показилъ") и др.

3) III Ст., X, 18.

4) „Хто бы забилъ кгвалтовника въ дому своемъ и помочниковъ его".

о тое забитье обвиненъ, тогды за оказаньемъ слушъныхъ знаковъ кгвалту маеть зъ жоною и з детьми летъ дорослыми и съ трема шляхтичами, собе деровъными, а не будеть ли мети жоны або детей, ино съ тыми трема шляхтичы, а не будеть ли трехъ шляхътичовъ до отприсеженья зъ собою мети, ино з слугами и съ челедью домовою само-пять предъ се маеть присегою се отвести на томъ, ижъ тотъ забитый кгвалтомъ наехалъ або нашолъ, а стало се за початъкомъ того забитого. А естли бы толко ранилъ, а не забилъ, тогды самъ одинъ панъ домовый або гость, въ господе стоячый, маеть присегнути, ижъ яко кгвалътовника въ дому своемъ ранилъ. Таковый головщыны, ранъ и шкодъ никоторыхъ платити не будеть повиненъ.

оказаньемъ слушнымъ знаковъ кгвалту маеть зъ жоною и съ детьми дорослыми и съ трема шляхтичи собе ровными, а не будеть ли мети жоны або детей, ино съ тыми трема шляхтичома собе ровными предъ се маеть присегнути и тымъ ся отвести на томъ, ижъ тотъ забитый кгвалтомъ наехалъ або нашолъ, а стало ся за початкомъ того забитого. А естли бы только ранилъ, а не забилъ, тогды самъ одинъ панъ домовый маеть присегнути, ижъ яко кгвалтовника въ дому своемъ ранилъ. Таковый головщызны, ранъ и ни шкодъ никоторыхъ платити не будеть повиненъ.

Если оставимъ въ сторонѣ всѣ поправки чисто редакціоннаго характера, также имѣющія свое значеніе для уточненія текста артикула, то должны будемъ отмѣтить два существенныхъ измѣненія, внесенныхъ въ текстъ артикула Третьимъ Статутомъ. Первое изъ нихъ — замѣна ближайшаго къ мѣсту происшествія уряда, для сообщенія о немъ, судовымъ урядомъ именно того повѣта, на территоріи котораго имѣло мѣсто убійство въ оборонѣ, хотя бы онъ и не былъ ближайшимъ по мѣсту нахожденія дома, на который было совершено нападеніе. Второе — разрѣшеніе пользоваться для удостовѣренія обстоятельствъ убійства присягою не только членовъ семьи и трехъ шляхтичей, но и слугъ и домовой челяди. Трудно сомнѣваться въ томъ, что оба эти измѣненія потребовались накопившейся практикою дѣлъ даннаго рода. Требованіе обращенія именно къ своему повѣтовому уряду могло появиться въ артикулѣ не только потому, что была признана необходимость выдержанности идеи повѣта какъ административно-судебнаго округа, но и потому, что уряды другихъ повѣтовъ отказывались принимать къ производству дѣла не своихъ округовъ,

не считая ихъ себѣ подлежащими и не желая доставлять себѣ лишнюю работу. Что же касается разрѣшенія пользоваться присягою слугъ и челяди, то оно должно было быть вызвано тѣмъ, что въ рядѣ дѣлъ было невозможно найти другихъ свидѣтелей происшествія кромѣ нихъ.

Иногда опытъ жизни послѣ введенія въ дѣйствіе Второго Статута даже прямо указывается въ артикулахъ Статута 1588 года. Такъ, въ двадцать первомъ артикулѣ второго раздѣла Третьяго Статута[1]), исправляющемъ двадцать третій артикулъ того же раздѣла Статута 1566 года, стоитъ, что въ обозѣ и во время похода тотъ, кто другого „ударилъ, а хотя и не ударилъ, але словы неучъстивыми соромотилъ, або шкоду якую учинилъ“, карается гетманомъ „водле баченья своего и водлугъ артыкуловъ, которые бы на онъ часъ о спокойномъ захованью у войску выданы были“. Исправляемый артикулъ Второго Статута говоритъ о наказаніи гетманомъ въ такихъ случаяхъ „водле баченья своего“ только и не упоминаетъ объ издаваемыхъ военныхъ артикулахъ. Но во время Московской войны такіе артикулы издавались. Александръ Гванини приводитъ ихъ полный текстъ въ своемъ современномъ ей описаніи „Европейской Сарматіи“[2]), какъ участникъ этой войны. Практика Московской войны передъ нами на лицо въ данномъ артикулѣ Третьяго Статута, обобщенная въ формулѣ закона Великаго Княжества Литовскаго.

---

[1]) „О кгвалътъ або о находъ военъный въ обозе“.

[2]) „Articuli Constitutionum Bellicarum Magni Ducatus Lituaniae in Comitiis Generalibus constituti a Supremoque et Generali Copiarum Imperatore, fortissimo et Haeroe perpetua memoria dignissimo, Illustri Domino Gregorio Chodkiewicio, Castellano Vilnensi, confirmati et militibus imperati“. Въ изданіи труда Гванини, вышедшемъ въ 1581 году, листы 62 об.—63 об. Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui suplementi loco, ea quae gesta sunt superiori anno, inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spirae, MDLXXXI. Мы не входимъ на настоящихъ страницахъ въ вопросъ объ авторствѣ Гванини по отношенію къ этому труду, которое отрицалъ, какъ извѣстно, Стрыйковскій, обвинявшій Гванини въ изданіи подъ своимъ именемъ похищенной имъ рукописи Стрыйковскаго (ср. стр. 22—25 вводной статьи Николая Малиновскаго къ І-му тому изданія Хроники Стрый-

Тотъ же опытъ Московской войны отразился и въ другихъ артикулахъ второго раздѣла Статута 1588 года. Такъ, напримѣръ, Второй Статутъ ничего не говоритъ о „шкодахъ“, которыя могутъ оказаться причиненными повѣтовою шляхтою, идущею въ посполитомъ рушеньѣ еще подъ командою своего хоружія, пока онъ ее ведетъ съ мѣста повѣтоваго сбора къ повѣтовому маршалку или каштеляну, и о судѣ въ этихъ „шкодахъ“. Онъ установляетъ, что вообще въ такихъ дѣлахъ, пока повѣты воеводства не дошли еще до гетмана, творятъ судъ воевода или каштелянъ[1]). Конечно, во время Московской войны собиравшіеся въ повѣтовомъ рушеньѣ шляхетные обыватели Великаго Княжества Литовскаго причинили немало убытковъ и непріятностей мирному населенію городовъ и селъ, черезъ которые они проходили и въ которыхъ останавливались. Проступки вооруженныхъ повѣтниковъ противъ мирнаго населенія вызывали жалобы его немедленно по ихъ совершеніи, и пока повѣтъ не былъ еще сданъ хоружимъ маршалку или каштеляну, эти жалобы, конечно, подавались хоружію. Между тѣмъ Второй Статутъ не далъ никакихъ указаній по отношенію къ его суду по нимъ. Статутъ 1588 года восполняетъ этотъ пробѣлъ въ законѣ. Въ немъ стоитъ: „а поки се хоружий и шляхъта зъ кашталяномъ або маршалкомъ стягнуть, потуль хоружому шляхту о шкоду, въ тягненью черезъ нихъ кому вделаную, засадивши при собе кольку шляхтичовъ, судити и водлугъ сказанья отправу чинити вольно будеть“[2]). Лишь дѣла, по которымъ обвиняемый подлежитъ смертной казни, хоружій долженъ отлагать до гетманскаго суда.

Опытъ же Московской войны чувствуется и въ добавкѣ, сдѣланной въ Третьемъ Статутѣ къ постановленіямъ Второго объ оплатѣ рушившимися повѣтовыми шляхтичами ихъ записи въ гетманскіе реестры[3]). Второй Статутъ установляетъ „за працу“ гетманскимъ писарямъ, „отъ попису войска“ при его съѣздѣ, по полугрошу отъ коня и воспрещаетъ какіе-либо сборы въ пользу гетмана и его писарей при разъѣздѣ — „а коли

ковскаго, вышедшему въ Варшавѣ въ 1846 году). Но, думается, что Гваньини, какъ ротмистръ, долженъ былъ не хуже жолнера Стрыйковскаго знать распоряженія, относившіяся къ военнымъ силамъ Великаго Княжества Литовскаго.

1) II Ст., II, 6.

2) III Ст., II, 6.

3) „По чому отъ попису брати“.

войско нашо маеть быти роспущено, тогды не маеть гетманъ ани писаръ отъ попису ничого брати подъ ласкою нашою господарскою", говоритъ онъ отъ имени великаго князя[1]). Третій Статутъ добавляетъ къ этому слѣдующее: „ведъже квитовъ шляхте отъ гетмана при роспущенью войска не будеть потреба брати, опрочъ хто бы самъ для якихъ потребъ своихъ потребовалъ квитъ взяти. А гетманове мають рейстра списанья войска порадные мети и съ пилностью ихъ ховати, и писары свои на пописъ войска люди добрые, шляхту, и къ тому присяглыхъ, мети"[2]). Ясно, что гетманскіе писари позволяли себѣ злоупотребленія въ сборахъ за свою „працу", требуя ихъ отъ шляхты и при ея разъѣздѣ изъ войска. Очевидно, и самые реестры, т. е. списки явившихся на земскую военную службу, не всегда велись достаточно тщательно. Еслибы всего этого не было, надо думать, едва ли бы и возникала мысль у составителей Третьяго Статута о надобности сдѣланнаго ими дополненія въ соотвѣтствующемъ артикулѣ предшествующаго кодекса. Примѣровъ исправленій и дополненій, въ которыхъ замѣтно вліяніе опыта Московской войны, въ артикулахъ Статута 1588 года можно привести достаточно[3]).

Но иногда въ исправленіяхъ артикуловъ Второго Статута замѣчается работа мысли составителей или редакторовъ кодекса 1588 года, вызванная просто ихъ вдумчивымъ отношеніемъ къ своей задачѣ, возможно думать, безъ всякихъ указаній опыта жизни послѣ изданія Статута 1566 года. Такъ, при исправленіи одиннадцатаго артикула того же второго раздѣла[4]), изъ котораго мы уже привели только что рядъ примѣровъ, Третій Статутъ отмѣнилъ присягу не явившагося въ посполитое рушенье шляхтича по болѣзни. Второй Статутъ требуетъ, чтобы больной „немоцъю обложоною" во время призыва въ войско долженъ былъ заявить о своей болѣзни хоружію и тремъ шляхтичамъ, которые, „немоцы его очыма своими огледавшы", удостовѣряютъ его болѣзнь гетману „подъ сумненьемъ своимъ", т. е. ручаясь своей совѣстью. Но и этого удостовѣренія Второму Статуту мало. Онъ требуетъ, чтобы по

---

1) II Ст., II, 16.

2) III Ст., II, 16.

3) Напримѣръ, III Ст., II, 15, 19 (ср. II Ст., II, 15, 21), 22 (II Ст., II, 24), 25 (II Ст., II, 27).

4) „Которие для немоцы своее на войну ехати не могуть".

болѣзни не явившійся на земскую военную службу шляхтичъ, послѣ выздоровленія, еще присягнулъ передъ хоружимъ въ томъ, что онъ не исполнилъ своей обязанности дѣйствительно „для правдивое и обложное немоцы". Едва ли возможно не признать такую присягу излишнею послѣ удостовѣренія болѣзни тремя, своими глазами видѣвшими больного, шляхтичами, подъ ихъ шляхетскимъ словомъ. Не вѣрить шляхетскимъ слову и совѣсти законъ Великаго Княжества Литовскаго не могъ, ибо онъ былъ созданъ самимъ шляхетскимъ „народомъ", видѣвшимъ въ принадлежности къ шляхтѣ гарантію довѣрія къ человѣку, шляхетскимъ достоинствомъ обладавшему. Чтó же могла прибавить присяга при такихъ условіяхъ? А, какъ увидимъ ниже, Третьему Статуту пришлось серьезно считаться и съ „разновѣріемъ", отдѣльныя исповѣданія котораго не принимали оффиціально установленной присяги.

Литовскій Статутъ знаетъ присягу должностныхъ лицъ при вступленіи въ должность и присягу тяжущихся или удостовѣряющихъ свои права, а также свидѣтелей. Текстъ этихъ присягъ, естественно, не былъ тождественнымъ. Образцомъ присяги всѣхъ повѣтовыхъ судей является присяга членовъ земскаго суда. Текстъ присяги земскихъ судьи и подсудка получилъ свое развитіе въ Третьемъ Статутѣ. Вотъ эта присяга въ обоихъ Статутахъ:

III Статутъ.	II Статутъ.
Я, Н, присегаю Пану Богу Вшехмокгонцому, въ Тройцы Единому, ижъ въ томъ повете Н водле Бога, справедливе и водле права Статуту сего, даного Великому Князству Литовскому, водлугъ жалобы и отпору сторонъ, а не водлугъ ведомости своее, ничого не прикладаючи ани уймуючи, буду судити, сознанья и записы приймовати, не фолькгуючы высокимъ и подлымъ станомъ, на достойностяхъ и врядехъ седячихъ, на богатого и на вбогого, на приятеля, кровного, заховалого, ани на	Я присегаю Пану Богу, во Троицы Единому, ижъ въ томъ повете водле Бога, справедливе, подле права и Статуту сего писаного Великого Князства Литовского, водлугъ жалобы и отпору, ничого не прикладаючы ани уймуючи, буду [судити], сознанья[1]) и записы приймовати, не фолкгуючи высокимъ и подлымъ становъ, на достойностяхъ и на врядехъ седячимъ, на богатого ани на вбогого, на приятеля, кровного, заховалого, ани на неприятеля, на тутошнего, не на гостя не

[1]) Въ изданіи: „сознавати".

неприятеля, на тутошънего, ани на гостя не смотречы, не съ приязни, не з вазни, не з боязни, не за посулы и дары, ани сподеваючи се напотомъ даровъ и якого нагороженья, и не радечы стороне, ани боячи се казни, помъсты и погрозокъ, але самого Бога и Его светую справедливость и право посполитое и сумненье свое передъ очима маючи, тежъ роковъ николи не омешкиваючи кромъ великое, правдивое, зложное хоробы. А, якъ на томъ справедливе присегаю, такъ ми, Боже, поможи; а, естли бы несправедливе, Боже мя убий.

смотречи, не съ приязни, не зъ вазни, не зъ боязни, не за посулы и дары, ани сподеваючи ся напотомъ дарованья и якого нагороженья, и не радечи стороне, ани боячи ся казни, помсты и погрозокъ, але самого Бога и Его светую справедливость и право посполитое и сумненье свое передъ очима маючи, тежъ роковъ николи не омешкиваючи, кромъ великое, правдивое и зложное хоробы. А, якъ то справедливе присегаю Богу, такъ ми, Боже, помози; а, естли несправедливе, Боже ми не поможы.

Сравнивая эти два текста и оставляя въ сторонѣ различія въ отдѣльныхъ словахъ, мы считали бы нужнымъ выдвинуть двѣ особенности текста Третьяго Статута. Первая изъ нихъ — требованіе, чтобы судья и подсудокъ выносили свои рѣшенія только на основѣ данныхъ, полученныхъ ими во время судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, „а не водлугъ ведомости своее“, т. е. не считаясь съ тѣмъ, что они знаютъ по разбираемому ими дѣлу сами, получивъ о немъ тѣ или другія, хотя бы и весьма основательныя, свѣдѣнія внѣ даннаго судебнаго засѣданія. Это требованіе Третьяго Статута, вызванное, по всей вѣроятности, практикою судовъ, въ которой замѣчалось вліяніе личныхъ свѣдѣній судей на ихъ рѣшенія, говоритъ, конечно, о глубокомъ пониманіи составителями кодекса значенія суда и объ ихъ стремленіи поставить его на должную высоту. Что касается второй особенности текста Третьяго Статута, которую намъ представляется нужнымъ выдвинуть, это — различіе обозначенія Статута. Текстъ Статута 1566 года называетъ его „писанымъ“, текстъ Статута 1588 года — „данымъ“ Великому Княжеству Литовскому. Изъ замѣны слова „писаный“ словомъ „даный“, конечно, прежде всего нужно заключать, что печатаніе Третьяго Статута при его редактированіи и составленіи было рѣшено окончательно и безповоротно. Но слово „даный“ въ приведенномъ выше контекстѣ можетъ указывать и на способъ утвержденія кодекса, опредѣлившійся

къ окончанію кодификаціонной надъ нимъ работы. Третій Статутъ въ присягѣ не именуется „уфаленымъ" на общемъ Литвы и Польши сеймѣ, какъ были обозначены „поправы статутовыя" 1578 года[1]). Не указано въ этой присягѣ и на то, что Статутъ данъ на сеймѣ, какъ то было обозначено по отношенію къ Литовскому Трибуналу въ его уставѣ. Мы видѣли выше[2]), что Стефанъ Баторій въ 1584 году гарантировалъ Великому Княжеству Литовскому утвержденіе Третьяго Статута своимъ привилеемъ на сеймѣ, т. е. иными словами уже его утвердилъ властью своего „маестата". Въ именованіи вышеприведеннымъ текстомъ Третьяго Статута „данымъ" возможно видѣть отраженіе этого акта 1584 года, оффиціально выданнаго королемъ Стефаномъ Великому Княжеству Литовскому.

Присяга земскаго писаря въ Третьемъ Статутѣ, кромѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, имѣетъ такое обязательство, котораго нѣтъ въ ея текстѣ Второго Статута: „а съ книгъ первъшихъ, кгды хто выписовъ альбо видимусовъ якихъ потребовати будеть, тежъ ихъ справедливе и верне, яко въ книгахъ записано будеть, з ведомостью судьи и подсудъка, выдавати буду". Очевидно, что практика судовъ потребовала внесенія этого добавленія въ текстъ присяги земскаго писаря, которая, какъ и тексты присягъ должностныхъ лицъ вообще, имѣла значеніе статьи закона, опредѣляющаго его обязанности[3]).

---

1) Временникъ, XXIII, стр. 200.

2) Часть первая, стр. 414.

3) Текстъ присяги членовъ земскаго суда въ обоихъ Статутахъ помѣщенъ въ первомъ артикулѣ четвертаго раздѣла. Латинскій текстъ присяги земскихъ судьи и подсудка, внесенный въ Литовскую Метрику, былъ слѣдующій: „Ego N. iuro, quia iuste, secundum ius scriptum, aequitatem et parti|u|m controuersias iudicabo recognitionesque suscipiam, diuitis et pauperis, amici et inimici, ciuis et peregrini discrimine sublato, et neque fauorem, neque odium, neque praemium, neque paenas, mihi proposita, curabo sed in iudicando solum Deum et ius scriptum, aequitatem, partium controuersias et recognitiones, in hisque omnibus conscientiae iudicium sequar et audiam, aliaque negotia, mihi incumbentia, fideliter et pro posse meo faciam. Sic me Deus adiuuet et Sancta Christi Crux". Текстъ присяги земскаго писаря: „Ego N. juro, quia iuste, secundum Deum, ius scriptum, aequitatem et partium controuersias iudicabo, consulam iudici fideliterque partium recognitiones, controuersias, affectationes seu postulationes iuridicas vel judicis decreta in librum actorum terrestrium inscribam et inscribi curabo, diuitis et pauperis, amici et inimici, ciuis et peregrini discrimine sublato, et neque fauorem, neque odium, neque praemium, neque paenam, mihi proposita, curabo, sed in iudicando,

Судовые старосты должны были присягать „ротою“ судьи земскаго[1]). Отъ этой присяги освобождены только такіе старосты, которые одновременно были и радными панами, а стало быть уже, какъ таковые, принесли присягу „на чиненье, захованье и помноженье справедливости и покою посполитого“[2]). Члены гродскаго (замковаго) суда, т. е. подстароста, замковые (гродскіе) судья и писарь, должны были приносить присягу по образцу членовъ земскаго суда — первые два „ротою“ земскаго судьи, послѣдній „ротою“ земскаго писаря[3]). Присяга повѣтоваго подкоморія и его коморниковъ отлична отъ присяги членовъ земскаго суда лишь въ указаніи характера дѣлъ подкоморскаго уряда и сохраняетъ обѣщаніе судить, „самого Пана Бога а справедливость Его светую передъ очима маючи“[4]). Тексты всѣхъ этихъ присягъ начинаются призываніемъ Бога, „въ Тройцы Единаго“, и ни малѣйшаго указанія на то, что присягающій принадлежитъ къ католической церкви, въ присягахъ нѣтъ. Это совершенно понятно, ибо еще наканунѣ утвержденія Второго Статута, въ 1563 году совершилась отмѣна стараго требованія принадлежности къ „повшехной, то естъ соборной“ вѣрѣ христіанской и Римскому костелу[5]), ограниченнаго и даже вообще фактически не соблюдавшагося по отношенію къ православнымъ уже задолго до этого времени[6]) для обладанія всѣми правами на шляхетскія вольности, землевладѣніе и долж-

---

consulendo, solum Deum et iustitiam sanctam et aequitatem, partium recognitiones, controuersias ac judicis sententias, in hisque omnibus conscientiae meae iudicium sequar et audiam; aliaque negotia, mihi incumbentia, fideliter et pro posse meo peragam. Sic me Deus adiuuet et Sancta Christi Crux“. Обѣ эти присяги („Ivramentum judicis et subiudicis“, „Ivramentum notarii terrestris“) — Лит. Метрика, Публ. Дѣлъ Лит. 8, л.л. 13 и об.

1) III Ст., IV, 36.

2) Такимъ образомъ, воеводы, отправлявшіе функціи судовыхъ старостъ въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ, этой присяги не приносили. Въ текстѣ присяги пана-рады находились обѣщанія охранять правосудіе, покой посполитый и единомысліе, какъ въ радѣ, такъ и между подданными господаря. См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 683—684.

3) III Ст., IV, 37.

4) III Ст., IX, 1 и 10.

5) См. выше, часть первая, стр. 18—22.

6) Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ (Москва, 1901), стр. 430 и его же Къ вопросу о политическихъ правахъ православныхъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до Люблинской Уніи — Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому (Москва, 1909), стр. 1—17.

ности. Привилеемъ 1563 года совершилось уравненіе въ правахъ шляхты всѣхъ христіанскихъ религій, т. е. католиковъ, православныхъ и разновѣрцевъ, послѣдователей реформаціонныхъ ученій[1]).

Актъ Варшавской конфедераціи 1573 года, принятый Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, подъ впечатлѣніемъ религіозныхъ войнъ, происходившихъ въ государствахъ Европы, какъ онъ самъ поясняетъ, гласилъ: „а, ижъ въ Речи Посполитой естъ розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаючы тому, абы се съ тое причины межы людми зашстье якое шкодливое не вщело, которое[2]) по иншыхъ королевъствахъ ясне видимъ, обецуемъ то собе сполне, за насъ и за потомъки наши, на вечные часы подъ обовязкомъ присеги, подъ верою, честью и сумненьемъ нашимъ, ижъ, которые естесьмо розни въ вере, покой межы собою заховати а для розное веры и отмены въ костелехъ крови не проливать, ани се карати отсуженьемъ маетъности, почтивостью, везеньемъ и выволаньемъ, и зверхности жадное ани уряду до таковогo поступку жаднымъ способомъ не помагать......" Согласно этой конфедераціи и вновь избранный монархъ Речи Посполитой обязанъ присягнуть въ томъ, что онъ будетъ „покой посполитый межы розорваными и розными людьми въ вере и набоженстве заховывать"[3]). Тутъ рѣчь идетъ уже обо всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ, т. е. и о наиболѣе крайнихъ эпохи реформаціоннаго движенія. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя отрицали догматъ о Святой Троицѣ. Уже на Люблинскомъ сеймѣ, при заключеніи Уніи 1569 года, антитринитаріи отказались присягать на нее именемъ „Бога въ Троицѣ Единаго"[4]). Въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута „разновѣріе", въ различныхъ его толкахъ, широко распространилось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Его исповѣдывало весьма зна-

---

1) Уже въ то время, когда производилась „поправа" Второго Статута наканунѣ заключенія Люблинской Уніи, Сигизмундъ Августъ подтвердилъ этотъ привилей 1 іюля 1568 года въ Городнѣ. А. Ю. и З. Р., II, № 146.

2) Въ оригиналѣ: „которую".

3) III Ст., III, 3.

4) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 487. См. Tadeusz Grabowski, Literatura aryańska w Polsce 1560—1660 (Kraków, 1908). Ср. Н. Н. Любовичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (Варшава, 1883).

чительное число и рядовой шляхты, и должностныхъ лицъ, урядниковъ различнаго ранга, и даже радныхъ пановъ[1]). Канцлеры и подканцлеры Великаго Княжества Литовскаго за все время составленія Третьяго Литовскаго Статута — Николай Юрьевичъ Радивилъ, Евстафій Воловичъ, Криштофъ Николаевичъ Радивилъ и Левъ Сапѣга — также были разновѣрцами. Актъ Варшавской конфедераціи 1573 года былъ внесенъ въ Третій Статутъ, надо думать, и по требованіямъ разновѣрцевъ-шляхтичей на повѣтовыхъ сеймикахъ, и по желанію государственной Литовской канцеляріи. Что католическое духовенство не сочувствовало этому внесенію, можно заключать изъ того, что отъ имени „всего духовенства" Великаго Княжества Литовскаго былъ въ 1588 году заявленъ протестъ противъ утвержденія Третьяго Статута Сигизмундомъ Вазою именно изъза принятія имъ акта конфедераціи 1573 года „мимо позволенье становъ духовныхъ"[2]). Но разъ актъ этотъ былъ внесенъ въ Статутъ, потребовали измѣненія и всѣ артикулы послѣдняго, которые по своему содержанію съ нимъ соприкасались.

Потому то и требованіе присяги при разрѣшеніи споровъ и тяжбъ нужно было возможно болѣе сократить, если уже нельзя было вполнѣ отъ него отказаться. Потому то пришлось поставить подъ охрану закона храмы и связанныя съ ними постройки и кладбища не только католиковъ и православныхъ, что было сдѣлано Статутомъ 1566 года, но и „разновѣрцевъ". Потому то потребовалось и устраненіе изъ кодекса различныхъ ограниченій для „разновѣрцевъ", которыя существовали раньше. Третій артикулъ одиннадцатаго раздѣла Второго Статута[3]) говоритъ: „тежъ, естьли бы хто, пришедши кгвалтовне на кос-

---

[1]) Перечень „разновѣрцевъ" въ составѣ Литовскихъ сенаторовъ см. въ дневникѣ сейма 1570 года (Scriptores Rerum Polonicarum, t. I, p.p. 154—155). Объ этомъ спискѣ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 682—683.

[2]) „Протестацыя его милости князя Бенедыкта Войны, именемъ всего духовенства у Великомъ Князстве Литовскомъ, противъко конъѳедерацыи на коронацыи учиненая", сохранившаяся въ книгахъ Литовской Метрики, издана нами въ примѣчаніи 2-мъ на 226 страницѣ нашей статьи „Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія" (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1914, II).

[3]) „О кгвалтъ костела закону хрестиянского".

телъ, або на цвинтару, въ школе або въ капланскомъ, поповскомъ дому кого забилъ або ранилъ", и опредѣляетъ наказаніе за такое дѣяніе. Въ томъ же артикулѣ того же раздѣла Третьяго Статута[1]) приведенныя сейчасъ слова дополнены, и въ немъ читается такъ: „тежъ, если бы хто, пришедши кгвалтовне на костелъ Божий якого колвекъ набоженъства хрестиянъского, або тежъ на цвинтару, въ школе, або въ капланъскомъ, поповскомъ, казнодейскомъ дому кого забилъ або ранилъ" и т. д. Рядомъ съ католическимъ и православнымъ духовенствомъ тутъ уже поставлены и „казнодеи" разновѣрцевъ, и вообще религіозныя и просвѣтительныя учрежденія послѣднихъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ отраженія въ статутовыхъ артикулахъ равноправія „разновѣрія" съ католичествомъ и православіемъ. Артикулъ „О головщинахъ, охроменью члонковъ и о навезкахъ шляхетъскихъ" беретъ подъ свою охрану духовенство „всякого набоженьства хрестиянского"[2]). Второй Статутъ, установляя порядокъ составленія „тестаментовъ", предписываетъ присутствіе при немъ личнаго состава земскаго суда или трехъ свидѣтелей, а также и „каплана"[3]). Соотвѣтствующій артикулъ Третьяго Статута значительно дополняетъ постановленія Статута 1566 года, но упоминанія о капланѣ, какъ обязательномъ свидѣтелѣ составленія завѣщанія, въ немъ уже не имѣется[4]). Въ числѣ основаній, по которымъ отецъ можетъ лишить своихъ сыновей наслѣдства, въ Статутѣ 1566 года имѣется такое: „кгды упорне кацерства наследуютъ[5]) або ку вере хрестиянской пристать не хотять"[6]). Въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Третьяго Статута это основаніе для лишенія наслѣдства выброшено, и вмѣсто восьми „причинъ" отказа въ наслѣдствѣ, которыя обозначены Вторымъ Статутомъ, въ Третьемъ имѣемъ только семь[7]). Послѣ внесенія въ Статутъ акта

---

1) „О кгвалтъ костеловъ Божихъ вшелякого набоженъства хрестиянъского".

2) XI, 27.

3) II Ст., VIII, 2.

4) VIII, 2.

5) Въ изданіи въ XXIII книгѣ Временника: „не слѣдуютъ".

6) II Ст., VIII, 7 „Причыны, для которое отецъ сына может отъ именей выделити або отдалити".

7) VIII, 7 „Прычыны, для которыхъ отецъ сыновъ або дочокъ вsречы се может".

Варшавской конфедераціи 1573 года, „кацерство“, т. е. еретичество, уже не могло признаваться въ законѣ основаніемъ для ограниченія правъ его послѣдователей. Само собою разумѣется, что въ Третьемъ Статутѣ должно было отпасть и ограниченіе права свидѣтельства въ дѣлахъ „о речъ земленую и о доводъ держанья земли“, которое Вторымъ Статутомъ было признано только за христіанами „Рымского або Греческого закону“[1]). Третій Статутъ предоставилъ это право всѣмъ „людемъ веры хрестиянъское“[2]).

Но „разновѣріе“ въ Третьемъ Статутѣ отразилось не только черезъ актъ конфедераціи 1573 года. Оно вложило и свои идеи въ нѣкоторые артикулы новаго кодекса Великаго Княжества Литовскаго. Необходимость сдѣлать Евангельское ученіе основою жизни человѣка и общества, которую провозглашало реформаціонное движеніе въ различныхъ его проявленіяхъ въ Центральной и Западной Европѣ, провозглашалась и въ государствѣ Литвы его „разновѣрцами“. Это требованіе столкнулось съ привычною церковностью и, осложнившись соціальными и политическими условіями жизни тогдашней Европы, звучало въ громѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ. Послѣднихъ не было въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Церковность въ немъ не была единою. Между католическою и православною церквями существовало взаимное отталкиваніе и даже вражда. Онѣ не могли объединиться въ борьбѣ съ „разновѣріемъ“. Только позднѣе католическая церковь, оправившись отъ побѣдъ „разновѣрія“, стала успѣшно съ нимъ бороться. Но въ этой борьбѣ она не искала союза съ церковью православною. Наоборотъ, она подняла свое оружіе и противъ нея, какъ „схизмы“, стремясь поставить ее подъ единую съ собою власть Святого Престола, путемъ ли церковной уніи, или путемъ прямого обращенія православныхъ въ католичество.

Въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута „разновѣріе“ широко разлилось по Великому Княжеству Литовскому. Въ ряды его послѣдователей и борцовъ за его идеалы вступали и католики, и православные. Одинъ изъ его представителей, Полоцкій шляхтичъ Василій Тяпинскій, въ предисловіи къ своему переводу Евангелія „власнымъ езыкомъ рус-

---

1) II Ст., IX, 3.

2) IX, 14.

кимъ“, такъ писалъ о своей вѣрѣ: „ведь же держу не иначей, одно зъ Евангеліи, отъ Бога черезъ Христа Пана и Его апостоловъ поданое“[1]). Симонъ Будный издалъ свой „Катихисисъ“[2]), какъ поясняетъ онъ самъ, для того, „абы всѣ, слово Божіе и истины разуменья жаждущіе, мели, чего бы ся и сами учили и дѣтокъ своихъ научали“[3]). Евангельское ученіе, которое стремились „разновѣрцы“ сдѣлать живымъ и торжествующимъ въ жизни современной имъ, требовало и пересмотра привычнаго взгляда на людей „стану простого“, разсматривавшихся въ государствахъ сословно-привилегированнаго строя типа Великаго Княжества Литовскаго не съ точки зрѣнія ихъ правъ и достоинства, а съ точки зрѣнія интересовъ правящаго, политически и соціально господствующаго шляхетскаго „народа“. Первый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла Статута 1588 года учитъ, что человѣкъ простого стана есть „Божъе створенье“. Второй Статутъ за убійство простого человѣка установилъ лишь „головщину“, т. е. уголовный штрафъ[4]). Третій Статутъ строго и, прибавимъ, очень горячо осуждаетъ такую мѣру наказанія. Въ надеждѣ откупиться за убійство лишь деньгами, своевольные люди прсливаютъ „невинную“ человѣческую кровь и тѣмъ гнѣвъ Божій навлекаютъ на все государство. Въ виду этого, Статутъ 1588 года устанавливаетъ смертную казнь для шляхтича, пойманнаго при совершеніи имъ убійства простого человѣка, сохраняя требованіе и уплаты „головщины“[5]). Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ поста-

---

[1]) В. Ластоўскі, Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі (Коўна, 1926), стр. 411. На страницахъ 410—415 этого труда „предмова“ Тяпинскаго напечатана цѣликомъ. Ср. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе — Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. IV, 1899, стр. 1031—1064.

[2]) „Катихисисъ, то естъ наука стародавная христіяньская отъ Светого Писма, для простыхъ людей языка руского въ пытаніяхъ и отказѣхъ събрана“. Напечатанъ въ Несвижѣ, въ 1562 году.

[3]) В. Ластоўскі, op. cit., стр. 384.

[4]) II Ст., XII, артикулы 1 („О головщинахъ и навезкахъ людей простого стану“), 2 („Головщизны и навезки тивуномъ, ключникомъ, войтомъ, старцомъ, лавникомъ сельскимъ“), 3 („Головщизна ремеснымъ людемъ“).

[5]) „Повстегаючи мы, господаръ, своволенства и зуфалства людские, которые ся што отъ часу въ людехъ неповстегливыхъ, безъ всякое боязни Божое, оказують, съ чого и кровъ невинъную людскую невстыдливе и не-

новленіяхъ Третьяго Статута, въ которыхъ обнаруживается та же тенденція признанія элементарныхъ правъ за людьми „простого стану“. Отмѣтимъ лишь, что онъ очень ограничиваетъ и источники рабства, утвержденные Статутомъ 1566 года. Тринадцатый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла Второго Статута[1]) говоритъ, что происхожденіе невольниковъ можетъ быть такое: „первые — которые суть здавна въ неволи, або зъ невольныхъ се родять; другие — которые полономъ заведены суть изъ земли неприятельское; третие — коли бы се сами въ неволю поддали, а хто бы, ведаючы, жонку неволную въ малженство понялъ, хотя человекъ вольный, тогды таковый самъ и дети ихъ въ неволи быти мають“[2]). Въ отмѣну этого закона Третій Статутъ постановляетъ: „неволники впередъ не мають быти з ыншихъ причинъ, одно полоненики; а иншая челядь неволная и тежъ дети-потомъки полонениковъ мають быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ, а татарские неволники мають быти осажываны на ихъ земляхъ“[3]). Статутъ 1588 года упраздняетъ самое именованіе „невольники“ и замѣняетъ его именованіемъ „челядь дворная“[4]).

Мотивировка постановленій Третьяго Статута далеко не разъ отражаетъ на себѣ эпоху углубленія религіозной мысли и атмосферу религіозной свободы современной составленію его

винне, въ надею заплаты за нее пенежное, розливають и тымъ не меншъ Пана Бога ку гневу на речъ посполитую побужають, уставуемъ: если бы который шляхтичъ зъ зуфалъства, з опилъства и безъ данья причины, своволне, умысльне, легце поважаючи право посполитое, а паствечи ся надъ створеньемъ Божимъ, чоловека простого стану, не шляхтича, забилъ, а былъ бы пойманъ на горячомъ учинку въ часе, вышей въ семъ Статуте на горячий учинокъ замерономъ, таковый шляхътичъ, за слушнымъ доводомъ, маеть быти горломъ каранъ, кромъ головщизны“. III Ст., XII, 1 („О забитью чоловека простого стану отъ шляхтича“)-

[1]) „Невольницы мають быти троякихъ причинъ“.

[2]) Дальше артикулъ продолжаетъ: „а есть ли бы се неведоме поняли, а одинъ зъ нихъ, будучи вольнымъ, не хотелъ въ томъ быти, тогды того жъ часу мають се втечи до права духовного, ведле которого ихъ мають розвести; а по розводе таковый вольний маеть зостати вольнымъ, а невольный невольнымъ“.

[3]) III Ст., XII, 21 („Неволники якие быти мають“).

[4]) „Ознаймуемъ и ведомо то чынимъ, ижъ што въ семъ теперешнемъ Статуте тыхъ людей о челядь, которые передъ тымъ неволниками были званы, отменено назвиско и поменено а написано ихъ челедью дворною отчызною, материстою, купленою, або полонениками, тогды тое отменене

жизни Великаго Княжества Литовскаго. Вотъ примѣры такой мотивировки въ статутовыхъ артикулахъ. — „Ради то видечы, абы въ панстве нашомъ хрестиянъскомъ всякая учстивость и поважность, поволанью хрестиянскому належачая, была захована, а противные тому жебы каранье слушное на собе относили, откуль бы и инъшые нерадного предъсявзятья своего повъстегати ся могъли, уставуемъ......"[1]). „Наследуючы въ томъ права Божъего, уставуемъ, ижъ за таковый кождый члонокъ, утятый або урезаный, або выбитый, тому, хто въ томъ виненъ зостанеть, маеть тежъ таковый члонокъ утятъ и урезанъ або выбитъ быти"[2]). Запрещая дуэли и поединки, Статутъ о нихъ говоритъ: „то въ речы посполитой жадного помноженья и пожытку не чинить, и овшемъ, кгды се кровъ людъская, часомъ и невинная, выливаеть, Панъ Богъ тымъ бываеть обрушонъ, такъ же и покой посполитый ображонъ"[3]). Артикулъ, установляющій кары за увозъ чужой жены, начинается такъ: „повстегаючы злость людей своволныхъ, уставуемъ, ижъ, где бы хто, якого-колвекъ стану будучи, пропомневши боязни Божое и повинности своее хрестияньское, смелъ подъмовити и взяти кому жону, хотя жъ зъ ее призволеньемъ, и уехалъ бы з нею......"[4]).

Регулируя и разрѣшая вопросы и отношенія въ области права семейнаго, наслѣдственнаго, вещнаго и обязательственнаго, Третій Статутъ неизбѣжно встрѣчался съ правами и съ компетенціею церкви въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. И церковь Римская, и церковь Греческая руководствовались въ дѣлахъ своего управленія и суда каноническимъ правомъ, которое не было однимъ и тѣмъ же для каждой изъ нихъ. Ихъ права и компетенція, кромѣ того, были гарантированы привилеями, выданными имъ великими князьями Литовскими. Съ

назвиска ихъ часу права на кождомъ враде, кгды бы хто своей челяди неволное пойскивалъ, никому съ подъданыхъ нашыхъ до ужыванья и доваженья справедливости ничого шкодити и перешкажати не маеть". XIV, 36. Заголовокъ артикула: „О новомъ назвиску челяди дворное место того, што ихъ передъ тымъ неволниками звано".

1) XI, 60.

2) XI, 27.

3) XI, 14. Заголовокъ артикула: „О забитье за повабеньемъ або вызваньемъ на руку".

4) XIV, 29. Заголовокъ артикула: „О людяхъ своволныхъ, таковыхъ, который бы, намовивши невесту-мужатку, и з нею уехалъ".

развитіемъ „разновѣрія“ и принятіемъ его подъ охрану государственной власти, вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви осложнился. Рядомъ съ прежними двумя церквями, существовавшими въ государствѣ Литвы, оказались признанными имъ религіозныя общины и организаціи, находившіяся внѣ этихъ церквей и также имѣвшія свои обязательныя для ихъ членовъ правила и постановленія. Третій Статутъ долженъ былъ разобраться въ ставшемъ достаточно сложнымъ, въ виду всего этого, положеніи и долженъ былъ регулировать его въ своихъ артикулахъ.

Само собою разумѣется, что основою для всѣхъ постановленій Статута въ этой области долженъ былъ служить актъ Варшавской конфедераціи 1573 года, ставшій однимъ изъ его артикуловъ. А въ этомъ актѣ, кромѣ признанія свободы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и запрещенія какой-либо борьбы съ ними вооруженною рукою или дѣйствіями органовъ государственной власти, были церкви Римской и Греческой гарантированы неприкосновенность церковнаго землевладѣнія и компетенціи церковныхъ властей. Рядъ постановленій каноническаго права, особенно въ области церковнаго суда, сталкивался съ компетенціей органовъ государственной власти. Между „станомъ духовнымъ и светъскимъ“ замѣчалась „немалая розность о речахъ светъскихъ дочасныхъ“, т. е. происходили разногласія и столкновенія въ дѣлахъ и вопросахъ текущей жизни. „Право посполитое“, котораго кодексомъ являлся Статутъ Литовскій, и право каноническое разрѣшали эти вопросы часто несходно. Третій Статутъ долженъ былъ урегулировать отношенія государства и церкви въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, при чемъ послѣдняя не была въ немъ единой, а была представлена церковью Римскою, церковью Греческою и церковно-религіозными общинами различныхъ видовъ „разновѣрія“.

Мы видѣли выше[1]), что въ процессѣ выработки Третьяго Статута потребовалось соглашеніе духовнаго и свѣтскаго „становъ“ государства Литвы по ряду вопросовъ. Это были вопросы о неподсудности „свѣтскихъ“ лицъ „духовному праву“ въ дѣлахъ свѣтскихъ, о производствѣ суда между духовными и свѣтскими лицами, о земельныхъ спорахъ между лицами тѣхъ же двухъ „становъ“, объ „опекунахъ“ завѣщаній духовныхъ

[1]) Часть первая, стр. 415.

лицъ и о „колегіятахъ". Первые четыре изъ этихъ вопросовъ какъ разъ относятся къ той области, въ которой „право посполитое" и право каноническое не только соприкасались, но и сталкивались одно съ другимъ въ своихъ требованіяхъ. Что касается вопроса о „колегіятахъ", то онъ возникалъ благодаря учрежденію въ Вильнѣ коллегіума Общества Іисуса и желанію католическихъ круговъ Литвы обезпечить ему возможно болѣе благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Сличеніе текста статутоваго артикула съ текстомъ соглашенія духовнаго и свѣтскаго становъ, состоявшагося на Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года[1]), обнаруживаетъ, что при дальнѣйшей выработкѣ Третьяго Статута и въ его окончательной редакціи льготы, дарованныя Виленскому коллегіуму, оказались значительно уменьшенными. Соглашеніе 1584 года считало возможнымъ освободить отъ обязанности военной земской службы всѣ имѣнія Виленскаго коллегіума, какъ тѣ, которыми онъ владѣлъ въ то время, такъ и тѣ, которыя будутъ „наданы" въ дальнѣйшее время, притомъ „на тотъ колеиумъ и на иные колеиумъ"[2]). Но повѣтовые сеймики, на обсужденіе которыхъ было передано соглашеніе 1584 года, очевидно, не согласились предоставить эти льготы Обществу Іисуса, ибо въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Статута имѣется постановленіе объ освобожденіи отъ военной службы имѣній одного Виленскаго коллегіума, притомъ лишь тѣхъ его имѣній, которыя ему уже принадлежали въ данное время, а отъ податка, устанавливаемаго сеймомъ „на оборону" государства, не освобождаются рѣшительно всѣ имѣнія коллегіума[3]).

Вопросъ о льготахъ для Виленскаго коллегіума былъ вызванъ его основаніемъ и развитіемъ въ столицѣ Великаго Княжества Литовскаго и представлялъ собою, такъ сказать, частный случай изъ области отношеній церковныхъ учрежденій къ государству. Остальные вопросы, по которымъ въ 1584 году пришли къ соглашенію духовный и свѣтскій „станы", имѣли

---

1) Тамъ же, стр. 412—415.

2) А. З. Р., III, № 161.

3) „Тежъ, за позволеньемъ всихъ становъ а за прозбою колиятовъ колеиумъ Виленьского, зъ именей тыхъ, которые отъ кого-кольвекъ на тое ку колеиумъ наданые албо якимъ-кольвекъ способомъ набытые до сего часу маютъ, отъ выправованья на службу земъскую военъную волными чынимъ; але, естли што болшъ именей до того колеиумъ Виленьского якимъ-

общій характеръ. Дѣло соглашенія по нимъ было значительно болѣе сложнымъ, ибо „станъ духовный“ долженъ былъ тутъ признавать себя связаннымъ постановленіями каноническаго права. Но, какъ мы уже видѣли, соглашеніе по этимъ вопросамъ было все-таки достигнуто, и въ Третій Статутъ были внесены артикулы „О непозыванье светъскихъ въ духовное право о речи светские“[1]), „О довоженье справедливости въ кривдахъ светъскихъ зъ станы духовъными, такъ же духовънымъ зъ станы светъскими“[2]), „О права земленые межы станы духовъными и светъскими“[3]) и „О позыванью опекуновъ або екъзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ“[4]). Въ первомъ изъ этихъ артикуловъ постановлялось, что бискупы, прелаты и ихъ „справъцы“ не имѣютъ права „позывати“ къ своему духовному суду „о светские речи“ никого изъ свѣтскихъ лицъ, начиная съ князей, пановъ и шляхты и кончая мѣщанами и подданными господарскими и шляхетскими; „нижъли што ку праву духовному належати и прислухати будеть, то въ духовномъ праве справовано и сужоно быти маеть“. Такимъ образомъ, Статутъ строго раздѣлилъ дѣла чисто духовнаго характера и дѣла характера чисто гражданскаго и чисто уголовнаго и воспретилъ распространять на нихъ компетенцію духовныхъ судовъ, хотя бы она и устанавливалась въ томъ или другомъ случаѣ каноническимъ правомъ. Въ остальныхъ изъ этихъ артикуловъ устанавливалась обязательность для духовныхъ лицъ судить по Литовскому Статуту своихъ слугъ и подданныхъ, совершающихъ преступленія по отношенію къ людямъ „стану светъского“, опредѣлялась компетенція свѣтскихъ судовъ по отношенію къ духовенству, создавались суды смѣшанные изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и дѣлались другія постановленія, имѣвшія

кольвекъ способомъ по выданью сего Статуту по томъ набыли, съ таковыхъ всихъ они по томъ на службу земъскую военъную почты съ тыхъ именей повинъни ровно, яко и шляхта Великого Князства Литовъского, выправовати будуть повинъни; ведь же, где бы на сойме сполномъ податокъ який на оборону речы посполитое былъ ухваленъ, тогды они со всихъ добръ своихъ колеятъскихъ, якимъ-кольвекъ обычаемъ первей сего и по томъ набытыхъ, таковый податокъ выдавати будуть повинъни“. II, 9.

1) III, 31.

2) III, 32.

3) III, 33.

4) III, 34.

своею задачею урегулирсвать отношенія между „станами“ духовнымъ и свѣтскимъ въ государствѣ Литвы и выдвинуть обязывающее въ немъ значеніе „права посполитаго“, т. е. Статута. Нельзя не отмѣтить, что составители Третьяго Статута не преминули тутъ указать и на обязательность исполненія требованій Варшавской конфедераціи 1573 года[1]).

Конечно, въ числѣ дѣлъ, подлежавшихъ духовному суду, весьма существенное значеніе имѣли дѣла о разводѣ. Вотъ текстъ соотвѣтствующихъ артикуловъ Третьяго и Второго Статутовъ „О розводехъ малженскихъ передъ судомъ духовнымъ“:

III Ст., V, 20.

Тежъ уставуемъ, ижъ розводъ малъженьский, кому бы до того спору и розницы приходило, маеть быти водлугъ права хрестияньского кождымъ особамъ нигде инде, одно передъ судомъ духовънымъ ихъ набоженьства. И естли мужъ зостанет виненъ з розсудку права духовного, тогды жона зостанеть на оправе, отъ него описаной, яко вышей о томъ естъ постановлено; а пакъ ли бы жона винъна найдена, тогды внесенье и оправу свою тратить. А ведъ же естли бы былъ розводъ за слушнымъ доводомъ для кревности, ижъ се малъженьство въ неведомости кревности стало, албо для инъшыхъ причынъ, которые бы ся передъ правомъ духовнымъ показали, ижъ бы слушный розводъ мелъ быти, тогды пры розводе привенокъ при мужу, а внесенье при жо-

II Ст., V, 18.

Тежъ уставуемъ, ижъ розводъ малженский маеть быти передъ судомъ духовнымъ обоего закону[2]) водле правъ нашихъ хрестиянскихъ. Если мужъ зостанеть виненъ зъ розсудку права духовного, тогды жона останеть на оправѣ, отъ него описаной; а пакъ ли бы жона винна найдена, тогды внесенье и оправу свою тратить. А ведь же, если бы розводъ слушный доводомъ для кревности, ижъ ся малженство въ невѣдомости кревности стало, або для иншыхъ причынъ, которые бы се передъ правомъ духовнымъ показали, ижъ бы слушный розводъ мѣлъ быти, тогды при розводѣ вѣнокъ при мужу и внесенье при жоне зостати маеть.

---

[1]) „А естли што у суду духовного правомъ светъскимъ будеть осужоно, а на отправу до которого вряду земского або кгродъского одослано, тогды то оный врядъ отправовати маеть, ведже не вскладаючи въ то жадныхъ такихъ речей, которые бы намней волности правъ тыхъ и конъфедерацыю нарушати мели“. III, 32.

[2]) Въ изданіи въ XXIII-й книгѣ Временника: „стану“. Въ польскомъ текстѣ въ изданіи Пѣкосинскаго: „abo iego zakonu“.

не зостати маеть. Але на росправу судовную межы такими розведеными около вена маеть судъ духовный, выписавъшы правдиве и верне причыну розводу, отослати ихъ до суду належного светъского въ томъ повете, где тое именье веновъное лежати будеть; а врядъ светъский розсудокъ свой о томъ промежку нихъ водлугъ науки сего Статуту вделати, а по томъ и отправу водлугъ права учинити будеть повиненъ.

Сравнивая эти два текста, необходимо признать, что Третій Статутъ, во-первыхъ, указываетъ „право хрестияньское" не только церквей (т. е. Римской и Греческой), существовавшихъ издавна въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, какъ то дѣлалъ Статутъ 1566 года, но и другихъ „набоженствъ", т. е. различныхъ видовъ „разновѣрія", а во-вторыхъ устанавливаетъ порядокъ разрѣшенія свѣтскимъ судомъ вопросовъ о раздѣлѣ имущества супруговъ на основаніи акта объ ихъ разводѣ, пересылаемаго въ этотъ судъ изъ суда духовнаго.

Въ составленномъ вновь для Третьяго Статута артикулѣ, запрещающемъ браки между родственниками, какъ по линіи отца, такъ и по линіи матери, вплоть до четвертаго поколѣнія[1]), не духовный судъ, а земскій повѣтовый признается инстанціей, передъ которой должны начинаться дѣла о незаконности такихъ браковъ. Именно земскій судъ разбираетъ такія дѣла и, въ случаѣ признанія имъ запрещенной закономъ степени родства между вступившими въ бракъ, выноситъ свое постановленіе относительно ихъ имущества и дѣтей, рожденныхъ въ незаконномъ супружествѣ. Статутъ прибавляетъ къ этому, что такой бракъ долженъ быть разведенъ, но даже не указываетъ, что этотъ разводъ долженъ быть совершенъ судомъ духовнымъ[2]). Говоря о вступившихъ въ бракъ въ добросовѣстномъ невѣдѣніи своего родства и, конечно, также долженствующихъ быть „розлучоными", Третій Статутъ касается вопроса о правѣ такихъ разведенныхъ супруговъ вступить въ

---

1) V, 22 — „Абы нихто повинъное собе ве крви не поймовалъ".

2) „А такое малъженъство предъ се маеть быти розлучоно".

новый бракъ. Это право онъ передаетъ на разрѣшеніе суда духовнаго[1]). Такимъ образомъ, незаконность брака, заключеннаго въ недозволенной степени родства, устанавливается земскимъ повѣтовымъ, т. е. свѣтскимъ, судомъ, и только право разведенныхъ супруговъ вступать въ новый бракъ устанавливается судомъ духовнымъ.

Статутовое опредѣленіе совершеннолѣтія также можетъ разсматриваться въ значеніи постановленій, касающихся брака. Но это опредѣленіе имѣло существенное значеніе и для установленія гражданской правоспособности и уголовной отвѣтственности, а по отношенію къ мущинѣ и для признанія его способнымъ къ военной земской службѣ. Второй Статутъ опредѣлялъ „лѣта зуполные", т. е. совершеннолѣтіе для „мужчизны" въ восемнадцать, а для „дѣвки" въ пятнадцать лѣтъ[2]). Мужское совершеннолѣтіе было оставлено восемнадцатилѣтнее и въ Третьемъ Статутѣ. Что же касается совершеннолѣтія женскаго, то оно имъ было установлено въ тринадцать лѣтъ[3]). Позволительно думать, что измѣненіе это было вызвано исключительно злоупотребленіемъ правомъ опеки со стороны опекуновъ, обнаружившимся въ годы составленія Третьяго Статута. Управляя имѣніями сироты-дѣвицы, они задерживали ея выходъ замужъ, пользуясь своимъ правомъ опеки, въ интересахъ сохраненія для себя доходовъ съ ея имѣній. Когда такая дѣвица-шляхтянка достигала совершеннолѣтія, она могла получить на замужество разрѣшеніе отъ административной власти въ томъ случаѣ, если выберетъ себѣ въ мужья шляхтича[4]). Со-

---

[1]) „Пакъ ли жъ бы тые особы, въ кревности такой до стану малженъского злучоные, давали о собе справу, же бы се то мело стати въ неведомости ихъ о той кревности, тогды таковые винъни будуть кождый зъ нихъ самовторъ съ прыятелми, собе повинъными, прысегнути на томъ, ижъ въ тое малъженъство вступили, не ведаючи о кревности межи собою; а по такой присязе яко именей и маетности своее тратити не будуть, такъ и дети, въ томъ малженъстве спложоные, за дети учъстивого ложа розумени будуть и отъ именей по смерти такихъ родичовъ отдалены не мають быти, але сами тые малжонъкове предъ се розълучоны будуть. А то, естли имъ по той такой розлуце волно будеть в ыншое малженъство отдавати се, розъсудокъ права духовного промежку ихъ узнати маеть".

[2]) II Ст, VI, 1; V, 8.

[3]) VI, 1.

[4]) V, 9 („О девкахъ, которые по смерти родичовъ своихъ безъ воли братьи або стрыевъ замужъ пойдуть") такъ излагаетъ это постановленіе:

вершенно естественно, что законъ долженъ былъ стремиться принять возможно болѣе дѣйствительныя мѣры для борьбы со злоупотребленіями опекуновъ. Одною изъ такихъ мѣръ и явилось уменьшеніе на два года возраста дѣвицы для признанія ея совершеннолѣтнею, а стало быть, и правоспособною.

Составители Третьяго Статута исправляли и дополняли новыми постановленіями артикулы Статута 1566 года. Но они выработали и длинный рядъ новыхъ артикуловъ. Въ нихъ создаются новые уряды и новые органы государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго и получаетъ развитіе организація старыхъ, уже существовавшихъ во время утвержденія Второго Статута. Въ нихъ имѣемъ новые законы изъ области публичнаго и частнаго права и судебнаго процесса[1]). Третій

„а естли бы она мела лета свои, а братья або стрыеве, ее задерживаючы, а не хотели бы ее замужъ выдати, тогды однако жъ своволне не маеть ни за кого ити, лечъ маеть дати знати до вряду черезъ кревныхъ або тежъ и черезъ суседовъ, або и черезъ кого-колвекъ, а врядъ,ವземши о томъ певную ведомость, же оные близъские, въ которыхъ опеце естъ, замужъ ее выдати не хочуть, маеть ей дозволити замужъ пойти, але за шляхтича, а не за простого стану чоловека; а она, естли з волею вряду або близъскихъ замужъ пойдеть за шляхътича, тогды таковая именья не маеть тратить; а ведъ же лета девка маеть мети зуполные, трынадъцать летъ; а тотъ, хто ее пойметь, волно будеть ему восполокъ з нею доходити маетности жоны своее". Во Второмъ Статутѣ соотвѣтствующее постановленіе читается такъ: „а естли бы она мела лета свои, а братья або стриеве, ее задерживаючи, ее не хотели бы замужъ выдати, тогды однако жъ своволне не маеть ни за кого ити, лечъ маеть дати знати до вряду черезъ кровныхъ ведомость, а врядъ ей маеть дозволити замужъ пойти; а она, естли зъ волею вряду або близкихъ замужъ пойдеть за ровного собе шляхтича, тогды таковая именья не маеть тратити; а ведь же девка маеть мети лета зуполные, петнадцать летъ; а тотъ, хто ее поиметь, вольно ему будеть доходити маетности жоны своее". II Ст., V, 8.

[1]) См., нпр., II, 24 („О неданье пенезей на роты станомъ, нижей описанымъ"), III, 3 („О захованью въ покою всихъ подданыхъ нашихъ, обывателей того паньства, зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского"), 7 („О пѣнези стравные посломъ земъскимъ, выправуючы ихъ на сеймъ вальный"), 8 („О соймику або зъезде головномъ въ Слониме передъ соймомъ великимъ вальнымъ"), 9 („О складанью соймиковъ по сойме вальномъ и о даванью дармо съ канцляреи справъ соймовыхъ"), 24 („О шляхте, которые, именья свои попродавши, лиѳою се бавять"), 32 („О довоженье справедливости въ кривдахъ светъскихъ зъ станы духовъными, такъ же духовънымъ зъ станы светъскими"), 33 („О права земленые межы станы духовъными и светъскими"), 34 („О позыванью опекуновъ або екъзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ"), 49 („О домы шля-

Статутъ не только исправилъ и дополнилъ артикулы Статута 1566 года, но далъ на своихъ страницахъ и большое количество новеллъ во вновь написанныхъ артикулахъ.

Долженъ быть поставленъ вопросъ: что́ и откуда заимствовали составители Третьяго Статута въ своихъ переработкѣ и дополненіи Второго и что́ они въ нихъ создали своимъ самостоятельнымъ законодательнымъ творчествомъ? А за этимъ вопросомъ, естественно, встаетъ и второй вопросъ: что́ изъ новаго, находящагося въ артикулахъ Третьяго Статута, получило законодательную санкцію уже до утвержденія этого кодекса въ 1588 году и какая власть эту санкцію дала?

По времени своего происхожденія, конечно, на первомъ мѣстѣ нужно поставить тѣ исправленія и дополненія Второго Статута, которыя получили свое начало въ годы между утвержденіемъ Третьяго Статута и Люблинскою Уніею. Къ сожалѣнію вполнѣ точно ихъ указать нельзя. Причина этого въ распаденіи ихъ на двѣ группы, изъ которыхъ одна не поддается опредѣленію при современномъ состояніи нашихъ источниковъ. Первую изъ этихъ группъ представляютъ собою тѣ новыя постановленія Третьяго Статута, которыхъ содержаніе дано просьбами148 становъ и отказами на нихъ великаго князя на сеймахъ Великаго Княжества Литовскаго 1566—1568 годовъ. Происхожденіе такихъ постановленій и опредѣляется путемъ изученія актовъ этихъ сеймовъ. Но Городенскій сеймъ 1568 года, установивъ коммиссію для „поправенья Статуту“, предписалъ ей представить исправленные и дополненные ею артикулы на государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, который долженъ былъ собраться въ томъ же году передъ „спольнымъ“ съ поляками сеймомъ для установленія Уніи[1]). Свѣдѣній о томъ, какіе артикулы „поправы“ успѣла эта коммиссія изготовить къ исходу 1568 года, въ распоряженіи изслѣдованія въ настоящее время не имѣется, а потому вопросъ о нихъ остается открытымъ. Что же касается внесенія въ Статутъ 1588

хетъские въ месте Виленъскомъ и в ынших местехъ нашихъ господаръскихъ“), 50 („О отменахъ кгрунъты нашыми зъ кгрунты шляхетъскими“), 51 („О монополии, то есть недаванья одной особе въ аренъду и заведанье пожитковъ, всей речы посполитой належачихъ“) и длинный рядъ артикуловъ въ другихъ и тѣхъ же раздѣлахъ Третьяго Статута.

[1]) Р. Ист. Библ., XXX, ст. 467—468.

года дополняющихъ и исправляющихъ Второй Статутъ просьбъ становъ на сеймахъ 1566—1568 годовъ, то вотъ нѣсколько ихъ примѣровъ.

Въ рецессѣ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ имѣется постановленіе „о розъсыланье листовъ сеймовыхъ“[1]), въ которомъ стоитъ, что господарскіе сеймовые листы должны присылаться въ гродскіе уряды за двѣ недѣли до повѣтовыхъ сеймиковъ и эти уряды должны „розширати“ ихъ въ своихъ повѣтахъ „черезъ возныхъ поветовыхъ до пановъ-радъ, до князей, врядниковъ земъскихъ и поветовыхъ и до иныхъ становъ, до кого передъ тымъ зъ стародавна листы соймовые съ канцеляріи“ господарской „посыланы, — въ домы ихъ мають носити, а для шляхты на торгу, при костелехъ обволывати; такимъ же обычаемъ и около розсыланья листовъ нашихъ военныхъ“, прибавляетъ рецессъ отъ имени великаго князя, „маеть ся заховати“. Это постановленіе, съ небольшими редакціонными измѣненіями, внесено въ шестой артикулъ третьяго раздѣла Статута 1588 года и читается тамъ такъ: „а листы нашы таковые соймовые мають быти приношоны з двору нашого до воеводъствъ и старостъ судовыхъ и отдаваны до рукъ врядовъ кгродскихъ за часу, передъ соймиками недель за две, а врядъ маеть тые листы розсылати черезъ возъныхъ поветовыхъ до пановъ-радъ, до княжатъ, панятъ, врядъниковъ земъскихъ и поветовыхъ и до инъшихъ становъ народу шляхетского, до кого передъ тымъ стародавна листы соймовые съ канъцляреи нашое посылывано, до домовъ ихъ мають носить, а для всихъ пасполите въ местехъ, местечъкахъ нашихъ на торгохъ и при костелехъ парафеялныхъ объволывати и копеи з листовъ нашихъ прибивати; таковымъ же обычаемъ около розсыланья листовъ нашыхъ военъныхъ врядъ кгродский заховати се маетъ“. Третій Статутъ, такимъ образомъ, не только ввелъ въ свой артикулъ содержаніе постановленія рецесса Городенскаго сейма, но даже сохранилъ въ немъ добавку о разсылкѣ листовъ военныхъ, хотя рѣчь о нихъ должна идти не въ третьемъ, а во второмъ его раздѣлѣ[2]).

Другой примѣръ. Рецессомъ Городенскаго сейма 1568 года сдѣлано постановленіе „о недаванье на роты становъ ни-

---

[1]) Тамъ же, ст. 408—409.

[2]) „О обороне земской“.

жей описанымъ", которое гласитъ слѣдующее: „то тежъ зъ сего сойму уѳалено, ижъ всимъ паномъ воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ и державцамъ украиннымъ на роты давано быти не маеть" [1]). Двадцать четвертый артикулъ второго раздѣла Третьяго Статута начинается такъ: „уставуемъ, ижъ часу войны, которая бы зъ уѳалы соймовое рушеньемъ посполитымъ отправовала, не маемъ воеводамъ, старостамъ и державцамъ украинънымъ на тые замъки, гдѣ староства и деръжавы маютъ, на роты давати". Далѣе въ артикулѣ слѣдуетъ развитіе этого его основного положенія. Заголовокъ артикула такой: „О неданье пенезей на ротыраномъ нижей описанымъ". Такимъ образомъ, Третій Статутъ, кодифицируя постановленіе Городенскаго сейма 1568 года, развилъ его въ своемъ артикулѣ, заголовокъ котораго почти полностью повторяетъ заглавіе соотвѣтствующаго артикула сеймоваго рецесса.

Приведемъ еще, для примѣра кодификаціи Статутомъ 1588 года постановленій сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго кануна Люблинской Уніи, параллельно текстъ двадцать седьмого артикула второго раздѣла [2]) этого Статута и текстъ двадцать перваго артикула рецесса Городенскаго сейма 1568 года [3]).

Статутъ.

Кгды бы хто съ подданыхъ нашихъ, якого-колвекъ стану, менуючи се людьми служебными, жолнеръми, безъ листовъ нашихъ або гетмана великого здешнего паньства, на лежы се где въ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовъскомъ положилъ, и тамъ на той лежы, або дорогою тягнучы, живность дармо або уставою бралъ, шкоду якую чинилъ, а былъ бы где близко панъ гетманъ великий того паньства Великого Князства, тогды такий маеть быти позванъ передъ пана гет-

Рецессъ.

Къ тому тежъ на семъ сойме, съ позволеньемъ всихъ становъ, уѳалили есмо и постановили, ижъ, хто бы, менуючи ся жолнерми, безъ листовъ нашихъ и пана гетмана великого, на лежи ся где у Великомъ Князьстве положилъ, або, тягнучи, уставою, яко жолнеръ, не маючи на то такихъ листовъ, бралъ, альбо шкоду якую чинилъ, а былъ бы где близко его милость панъ гетманъ, тогды маеть быти позванъ отъ пана гетмана на короткій часъ, яко бы могъ съ

1) Р. Ист. Библ., XXX, ст. 459.

2) „О завъстегненью бранья живности черезъ людей свовольныхъ".

3) „Около завстягненья и бранья живности черезъ людей служебныхъ". Р. Ист. Библ., XXX, ст. 460—461.

мана на коротъкий часъ, яко бы могъ съ того местъца до пана гетмана переехать, и, окажеть ли се то съ права передъ гетъманомъ, тотъ маеть быть за то каранъ водлугъ зданья гетьманского, а живъность браная або шкода якая учиненая зъ совитостью зъ статку маетности его маеть быть укривъжоному плачона; а естли бы панъ гетманъ далеко былъ и отсягнуть его укривжоному трудно было, ино таковый своволный маеть быть отъ укрывжоного позванъ передъ врядъ кгродский на короткий рокъ, яко бы могъ зъехати, а где бы былъ неоселый, тогды маеть быть поставленъ ку праву передъ оный же врядъ кгродский, и кгды такъ ку праву притягненъ будеть и з розсудъку врядового виненъ зостанеть, маеть сужонъ и каранъ быти яко збойца и лупезца, а шкоды зъ совитостью зъ статку маетности его отправлены быти мають. А естли бы передъ гетманомъ або врядомъ кгродскимъ не сталъ и того се не справилъ, ино панъ гетманъ або врядъ кгродский маеть такого выволать и дати о такомъ по всей земли на врядехъ листы своими знать, абы былъ пойманъ и тамъ такъ каранъ, яко вышей описано.

того местца до его милости переехати, и, не окажеть листъ, то съ права передъ его милостью маеть быти каранъ водле зданья его милости, а шкода зъ совитостью зъ статку его маеть быти плачона. А пакъ ли бы его милость панъ гетманъ далеко былъ и осегнути его милости трудно было, за тымъ тогды отъ укривжоныхъ маеть быти таковый своволный передъ урадъ кгродскій позванъ на короткій рокъ, яко бы могъ зъехати; а где бы былъ неоселый, тогды маеть быти поставенъ ку праву передъ оный же врадъ кгродскій и, кгды за позвы станеть, або, неоселый будучи, поставенъ будеть, а съ права виненъ зостанеть, маеть каранъ быти седеньемъ две недели; а естли бы билъ або ранилъ, тогды водлугъ Статуту за доводомъ навезка зъ статъку его, а шкоды зъ совитостью съ того жъ статъку его отправены быти мають. А пакъ ли бы не сталъ, маеть панъ гетманъ або врадъ кгродскій его выволати и дати по всей земли на урадехъ листы своими знати о такомъ, абы былъ пойманъ и такъ тамъ каранъ, яко вышей описано. А где бы, ся выслуживши, ехалъ и то чинилъ, тогды вжо до пана гетмана не маеть быти позыванъ, толко до кгроду.

Сопоставленіе приведенныхъ текстовъ обнаруживаетъ ясно, что передъ нами въ Статутѣ лишь немного измѣненный артикулъ рецесса Городенскаго сейма 1568 года. Послѣдняя фраза его не попала въ двадцать седьмой артикулъ второго раздѣла Третьяго Статута потому, что его редакторы использовали ея содержаніе въ другомъ артикулѣ кодекса[1]).

---

[1]) III Ст., II, 18 — „О наезды на домы и на гумна шляхетъские".

Но сеймы Великаго Княжества Литовскаго кануна Уніи 1569 года дали Третьему Статуту не только рядъ постановленій, которыя онъ внесъ на свои страницы. Они отразились въ его артикулахъ и просьбами登 становъ, не встрѣтившими сочувствія великаго князя во время сеймованья и получившими уклончивые и даже отрицательные великокняжескіе отвѣты. Такъ, на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ, на которомъ совершилось утвержденіе Второго Статута, станы подали Сигизмунду Августу просьбу, „абы присега хрестіянская, ачъ ото всихъ людей хрестіянскихъ, однымъ обычаемъ на имя Божье завжды быти маеть, а ведже, што ся дотычеть при томъ звычаевъ людскихъ, ижъ иншіе на образъ або на крижъ, а другіе на еванелію, а иншіе тежъ згола на самое толко имя Божье присегати волять, а то бы при вольности кождого зостало, кгды жъ и поганомъ въ томъ панстве вольно кождому особливыхъ своихъ присягъ уживати". Сигизмундъ Августъ приказалъ отвѣтить, что онъ „инъшого часу" на эту просьбу „отказъ вделати казати рачить"[1]). На томъ же сеймѣ станы вновь просили „о присегу", чтобы они въ ней „з милостивое ласки его кролевское милости захованы были". Но и теперь послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ великаго князя: „его кролевская милость на тую прозбу вашу коло присеги часу иного отказъ свой господарскій казати вамъ вчинити рачить"[2]). Просьба становъ Великаго Княжества Литовскаго „о присегу" касалась главнымъ образомъ „звычаевъ", т. е. установившейся обрядности ея произнесенія передъ иконою, крестомъ или евангеліемъ, и добивалась свободы присягавшаго произносить свое торжественное обѣщаніе передъ ними, или безъ нихъ, просто „на имя Божье". Самый текстъ присяги „однымъ обычаемъ на имя Божье"[3]) былъ уже принятъ Статутомъ 1566 года въ фор-

---

[1]) Р. Ист. Библ., XXX, ст. 373.

[2]) Тамъ же, ст. 374—375.

[3]) Передъ текстомъ присягъ должностныхъ лицъ Великаго Княжества Литовскаго („Formvlae ivramentorvm consiliariorum sacrae regiae maiestatis aliorumque dignitariorum et officialium Magni Ducatus Lithuaniae cum Sacrosancto Christi Euangelio"), внесеннымъ въ Литовскую Метрику (Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 8), помѣщены начальныя строки Евангелія отъ Іоанна („Inicium Sancti Jesv Christi Euangelii secundum Joannem"), начиная отъ словъ „in principio erat Verbum" и кончая словами „et Verbum caro factum est et habitauit in nobis, et vidimus gloriam Eius, gloriam quasi unigeniti a Patre, plenum gratiae et veritatis". Изъ помѣщенныхъ далѣе фор-

мулахъ присягъ членовъ земскаго суда, какъ мы это видѣли выше. Но въ этой просьбѣ звучитъ требованіе „разновѣріемъ" своего равноправія съ церковнымъ христіанствомъ, которое затруднялся признать Сигизмундъ Августъ и которое было утверждено Третьимъ Литовскимъ Статутомъ.

Другой примѣръ. На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ станы просили „о подкоморихъ, абы яко иныхъ врядниковъ земъскихъ, такъ тежъ и ихъ елекъцыя у поветехъ была, а его кролевская милость жебы з електовъ подле воли своее господаръское давати рачилъ". На эту просьбу Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ: „даванье подкоморыхъ поветовыхъ рачить его кролевская милость при воли своей господаръской зоставовати, и, кого где воля его кролевское милости будеть, подкоморыхъ, людей добрыхъ, въ томъ повете оселыхъ, подавати рачить, такъ, яко и въ Коруне Полской подкоморыхъ поветовыхъ самъ господаръ король его милость подавати рачить" [1]). Третій Литовскій Статутъ претворилъ просьбу объ избраніи шляхтою кандидатовъ на подкоморство въ законъ, такъ гласящій отъ имени великаго князя: „ведже того вряду подъкоморъства иначей давати не маемъ, одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей кождое земли и повету тымъ порядкомъ, яко обиранья инъшыхъ врядниковъ судовыхъ земъскихъ — судьи, подъсудка и писара — въ семъ Статуте описано; а съ тыхъ особъ, обраныхъ и намъ отъ становъ поданыхъ, кого се намъ напрыстойней видети будеть, того мы, господаръ, з веръхности нашое господаръское, на тотъ врядъ преложимъ и привильемъ нашымъ его потвердимъ до живота его або до подвышенья на иньшый який большый врядъ або достоеньство" [2]).

мулъ присягъ присяга радныхъ пановъ оканчивается словами — „tak mi Boze pomagay y ta Swięta Euangelia" (л. 2), повѣтоваго подкоморія — „tak mi Pan Bog pomagay y S. Euangelia" (л. 4 об.), сенаторовъ во время безкоролевья — „sic me Deus adiuuet et haec S. Crux" (л. 4 об.), земскихъ судьи, подсудка и писаря — „sic me Deus adiuuet et Sancta Christi Crux" (л. 13 и об.), земскаго маршалка, канцлера, подканцлера и земскаго подскарбія — „tak mi Boze pomoz etc." (л.л. 2 — 3 об.), писарей господарскихъ и старостъ — „tak mi Panie Boze pomagay etc." (л.л. 4 — 4 об.). Прибавка сокращенія „etc." въ послѣднихъ изъ приведенныхъ сейчасъ формулъ, къ сожалѣнію, уменьшаетъ ихъ значеніе для сопоставленія съ другими.

1) Р. Ист. Библ., XXX, ст. 374.

2) IX, 1.

На Городенскомъ сеймѣ 1568 года, по просьбѣ Литовскихъ татаръ, Сигизмундъ Августъ предписалъ сохранить неприкосновенными въ законахъ Статута всѣ ихъ права, гарантированныя имъ привилеями великихъ князей и нарушенныя въ Статутѣ 1566 года[1]). Третій Статутъ приводитъ въ исполненіе это предписаніе въ своихъ артикулахъ. Установляя, что свидѣтелями въ дѣлахъ „о речъ земленую и о доводъ держанья земли" могутъ быть только христіане, статутовый артикулъ добавляетъ: „а татарове, где бы се имъ трафило о кгрунтъ межы собою и з людми хрестиянъскими право вести, а скажуть ли имъ доводъ албо отводъ, тогды они водлугъ привильевъ своихъ...... светками быти могуть"[2]). Но не только въ дѣлахъ о землѣ, но и во всѣхъ остальныхъ, правомъ свидѣтельства наравнѣ съ христіанами обладаютъ и служащіе военную службу татары[3]). Татары, служащіе военную службу, Третьимъ Статутомъ трактуются какъ равные съ шляхтичами-христіанами[4]).

Мы видѣли выше, что на томъ же Городенскомъ сеймѣ 1568 года былъ поднятъ вопросъ и о постановленіяхъ Статута 1566 года, касающихся евреевъ[5]). Эти постановленія, во-первыхъ, ограничивали вообще права евреевъ, а во-вторыхъ, запрещали имъ носить дорогую одежду и золотыя и серебряныя украшенія, а также обязывали ихъ имѣть на себѣ желтаго цвѣта головные уборы, чтобы можно было евреевъ по этимъ уборамъ сразу отличать отъ христіанъ. Сигизмундъ Августъ при-

---

1) См. выше, часть первая, стр. 180—181.

2) IX, 14.

3) IV, 76 — „А къ тому мають быти припущоны ку сведецству и татарове тые, которые на службу нашу военъную ездять, яко то въ привилью продъка нашого описано мають".

4) XII, 10 („О головщынахъ и навезкахъ татаромъ"). Артикулъ „О розбои, который бы ся сталъ отъ татаровъ" (XI, 33) выдѣляетъ татаръ „народу зацного, яко то суть князи, мурзы, уланы". Но нѣсколько ниже тотъ же артикулъ раздѣляетъ татаръ на вообще имѣющихъ шляхетскія права и ихъ не имѣющихъ, т. е. служащихъ военную службу со своихъ имѣній и такой службы не служащихъ, а живущихъ промысломъ: „а з иншыми татары, которые привилями, имъ надаными, не суть припущоны до волности шляхетское, розъсудокъ чыненъ быти маеть водлугъ належшого баченья своего, прихиляючы ся чымъ ближей ку справедливости, маеть жалобную сторону, людей народу хрестиянского близшыхъ ку доводу и присязе найдовати, водлугъ досегненья ведомости и уваженья особъ и учынку въ томъ поступуючи......"

5) Часть первая, стр. 181—184.

зналъ такое отличіе ненужнымъ, о чемъ и заявилъ станамъ Городенскаго сейма 1568 года. Въ виду этого, составители Третьяго Статута измѣнили соотвѣтствующимъ образомъ содержаніе артикула „О ношенью жидовскомъ", но они сдѣлали уступку пожеланіямъ евреевъ и въ томъ отношеніи, что разрѣшили имъ по печати и перстню, а еврейкамъ дали право одѣваться вообще такъ, какъ позволяютъ имъ ихъ средства. Въ Третьемъ Статутѣ этотъ артикулъ оказался изложеннымъ слѣдующимъ образомъ: „жидове з ланцухами и съ клейноты золотыми ходити, такъ тежъ серебра на пасехъ, на кордехъ, на шабляхъ носити не маютъ; ведъ же однакъ сыгнетъ на палцу одинъ и перстень одинъ кождому з нихъ мети, и жидовкамъ перстени, поесъ и уберы водлугъ преможенья своего носити волно"[1]).

Сдѣлавъ, однако, уступку недовольству евреевъ предписаніями Статута 1566 года объ ихъ „ношеньѣ", составители Третьяго Статута не признали возможнымъ принять во вниманіе разъясненіе Сигизмунда Августа, сдѣланное имъ по отношенію къ пользованію евреями услугами христіанъ. Какъ мы видѣли выше[2]), на Городенскомъ сеймѣ 1568 года великій князь разъяснилъ общее для евреевъ запрещеніе имѣть слугъ-христіанъ въ томъ смыслѣ, что оно сохраняетъ силу въ ихъ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ, но во время своихъ путешествій они могутъ пользоваться слугами-христіанами. Въ соотвѣтствующій артикулъ Третьяго Статута это разъясненіе Сигизмунда Августа внесено не было, хотя его прежній текстъ и былъ въ общемъ нѣсколько измѣненъ, что указываетъ на его внимательный пересмотръ лицами, работавшими надъ статутовою „поправою"[3]).

Итакъ, составители Третьяго Статута, исправляя Статутъ 1566 года, кодифицировали постановленія сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго эпохи кануна Люблинской Уніи. Но, дѣлая это, они не считали себя обязанными сохранить и непри-

---

1) XII, 8.

2) Часть первая, стр. 182.

3) II Ст., XII, 5; III Ст., XII, 9. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя измѣненія этого артикула Второго Статута въ Третьемъ, можно отмѣтить слѣдующее. Зачетъ годовой работы закупу поднятъ съ полтины грошей на рубль, а закупкѣ съ полукопы на копу грошей. За пользованіе мамками-христіанками для еврейскихъ и бесурмянскихъ дѣтей Второй Статутъ на-

косновенною ту ихъ редакцію, которая была дана въ сеймовыхъ „уфалахъ“. Признавали они возможнымъ и не все, постановленное на этихъ сеймахъ, внести въ Статутъ. Примѣръ послѣдняго мы только что видѣли въ опущеніи разъясненія Сигизмунда Августа, даннаго имъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года по отношенію статутоваго артикула о евреяхъ и бусурманахъ. Но въ Третьемъ Статутѣ должны были быть кодифицированы и тѣ статутовыя „поправы“, которыя были утверждаемы „спольными“ Польско-Литовскими сеймами, а также законы, изданные послѣдними для Великаго Княжества Литовскаго, какъ составной части федеративной Речи Посполитой.

Изъ статутовыхъ „поправъ“ Польско-Литовскими сеймами были утверждены слѣдующія. Во-первыхъ, артикулъ „поправы“ Статута, утвержденный на сеймѣ коронаціи Генриха, но не внесенный своевременно въ сеймовыя конституціи и опубликованный лишь въ 1578 году Стефаномъ Баторіемъ[1]), во-вторыхъ, артикулы, утвержденные на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, внесенные въ конституціи этого сейма[2]) и опубликованные королемъ Стефаномъ одновременно съ артикуломъ, принятымъ на коронаціонномъ сеймѣ 1574 года[3]), и, въ-третьихъ, артикулы, утвержденные на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года. Текстъ артикула, утвержденнаго королемъ Генрихомъ, слѣдующій: „Если бы хто съ кимъ право зачалъ вести о именя, люди, кгрунты, о што-колвекъ, а онъ, будучы въ позвехъ и не скончившы права, кому иншому тое имене або люди, кгрунты, съ чого позывано будеть, въ держане якимъ же колвекъ правомъ пустилъ,

---

значалъ смертную казнь, а Третій — денежный штрафъ, уплачиваемый тому, кто обвинитъ имѣющаго мамку-христіанку — „а хто бы хрестиянку ку тому приневолилъ або наймовалъ, а то бы слушне водле права на него было переведено, тогъды таковый, отъ кого-колвекъ будучы позванъ, тому, хто позоветь, вины двадцать копъ грошей заплатити повиненъ будеть“. Заключительная фраза Второго Статута („а пакъ ли бы тые люди наши за таковымъ зневоленьемъ прочъ отошли и засели на земляхъ нашихъ або князскихъ, панскихъ и шляхецскихъ, таковыхъ за вольныхъ мети хочемъ, нижли земли ихъ мають зостати при таковыхъ, кому дано водле данины нашое“) замѣнена въ Третьемъ слѣдующимъ: „ведь же тые подданые татарские, которые здавна на именьяхъ седять, тые за отчичы и у нихъ, яко у иншихъ обывателовъ Великого Князства, розумены быти мають“.

1) Временникъ, книга XXIII, стр. 204.

2) Vol. Leg., II, str. 186, f. 970.

3) Временникъ, кн. XXIII, стр. 200 и сл.

тогды урядъ нашъ жалобнику на ономъ именю, на которомъ позвы класти почато, отъправу до конца чинити маеть водлугъ Статуту, а державчый ничимъ того забороняти не маеть, але въ томъ заводцы своего смотрети маеть, хто ему пенное имене завелъ. Пакъ ли бы тотъ, хто имене держалъ будеть, упорне вряду противился а отправы чинить не допустилъ и боронилъ увезаня, тогды таковый противникъ отъ вряда нашого позвы нашими передъ насъ, господаря, на рокъ зась завитый позванъ быти маеть, -- если будемъ на онъ часъ въ панстве нашомъ [Великомъ Князтве Литовскомъ], за чотыри недели, а если въ Коруне Польской, тогды за осмъ недель; на который рокъ, ничымъ не вымовляючися, самъ або презъ умоцованого своего жалобнику предъ нами, господаремъ, усправедливитися повиненъ будеть. А если бы на рокъ завитый предъ нами, господаремъ, ку росправе не сталъ и въмоцованого не послалъ, тогды вже тую речъ, о што позвано будеть, жалобной стороне отъ насъ, господаря, на впадъ присужоно и моцное увязоване з рамени господарского, за листомъ и посланцомъ нашымъ, въ то, о што жалоба идеть або будеть, дано быти маеть, и заклады, съ права положоныи, на власномъ именю спротивного мають быти презъ того же посланца нашого отправованы. А где бы еще и противъ зверхности нашой господарской посланцу нашому спротивился, тогды вжо мандатомъ нашымъ господарскимъ, яко о власную речъ нашу, маеть быть до суду нашого позванъ; а гды бы не сталъ, тогды таковую особу зъ земли панства нашого, якъ непослушного права и зъверхности нашой господарской, выволати повинны будемъ, а стороне жалобной такъ, яко вышей описано, моцная отправа учинена быти маеть"[1]).

Приведенный сейчасъ нами текстъ представляетъ собою совершенно выработанный статутовый артикулъ, готовый для внесенія въ кодексъ. Естественно ожидать, что онъ, утвержденный законодательною властью именно въ этомъ видѣ, найдетъ свое мѣсто въ Третьемъ Статутѣ, не подвергшись никакимъ измѣненіямъ. Но составители, а вѣроятнѣе — редакторы, Статута нашли для себя возможнымъ этотъ артикулъ „по-

---

[1]) Воспроизводя этотъ текстъ по изданію его въ XXIII книгѣ Временника, мы исправляемъ, какъ это дѣлаемъ и обычно, погрѣшности въ языкѣ и правописаніи, допущенныя издателемъ.

правы“ не только дополнить словами и цѣлыми фразами, но даже раздѣлить его текстъ между двумя статутовыми артикулами, а именно 73-мъ и 95-мъ четвертаго раздѣла Статута. Въ первомъ изъ этихъ артикуловъ находимъ бóльшую часть даннаго текста, но въ весьма значительно измѣненной редакціи[1]). Что касается второй части приведеннаго нами текста артикула, утвержденнаго на коронаціонномъ сеймѣ 1574 года, то она оказалась переработанною совершенно, и ея содержаніе было настолько измѣнено при кодификаціи въ 95-мъ артикулѣ четвертаго раздѣла Третьяго Статута, что даже трудно догадаться объ ея вліяніи на происхожденіе даннаго статутоваго артикула[2]). Но дѣло кодификаціи по отношенію къ артикулу „поправы“, утвержденному на сеймѣ коронаціи Генриха, осложнялось еще тѣмъ, что онъ былъ принятъ во вниманіе при составленіи устава Трибунала Великаго Княжества Литовскаго и составители этого устава внесли часть его текста въ этотъ уставъ. Дѣлая это, они текстъ переработали[3]). Такимъ образомъ, ар-

---

[1]) „Забегаючы продлуженью справедливости людъское, уставуемъ, хотячи то впередъ мети, ижъ, естли бы хто съ кимъ право вести и зачалъ о именье, о люди, кгрунты, о долъги або о иншие якие-колвекъ речи, крывды и шкоды, съ которого именья починеные, такъ отъ особъ самыхъ пановъ, яко ихъ слугъ и подъданыхъ, а тотъ позваный, будучы въ позвехъ и не скоnъчивши права, кому иншому тое именье або люди, кгрунты, о што позывано будеть, въ деръжанье якимъ же кольвекъ способомъ пустилъ, тогды жалобникъ, предъ ся беручи позвы на имя того, кого позывати почалъ, и на томъ же именью ихъ покладати маеть, съ которого перъвей почалъ позывати, а врядъ нашъ жалобнику наономъ же именью, на которомъ позвы класть почато, отправу до конца чинити маеть водлугъ сего Статуту, а деръжачий ничимъ того забороняти не маеть, але въ томъ заводъцы своего смотрети маеть, хто ему пенъное именье завелъ. Пакъ ли бы тотъ, хто именье деръжати будеть, упоръне вряду спротивилъ ся а отправы вчинити не допустилъ и боронилъ увязанья, тогды противъ таковому врядъ нашъ и сторона мають далей поступовати водлугъ арътыкуловъ, о отправахъ речей сужоныхъ въ семъ же розъдѣле описаныхъ“. Заголовокъ артикула: „О томъ, ижъ, будучи хто съ которого именья о што до вряду позванымъ, не можетъ его, не росправивъши ся, инъшому пущати“.

[2]) IV, 95 („О томъ, хто бы вряду которому увязанья не поступилъ по суде которого вряду, а не по трыбунальскомъ“).

[3]) „А естли бы тотъ же такъ упорный былъ и тому посланьцу нашому спротивился и отъправы вдѣлати не допустилъ, або тое именье, уникаючы права, кому иному въ руки пустилъ, чого водлугъ артыкулу, на сойме коронацыи короля Генрика [у]фаленого, учинити не могъ, таковогo противника справедливости Божое и зверхности маестату нашого господарского,

тикулъ „поправы“, утвержденный на коронаціонномъ сеймѣ 1574 года, не только не былъ во всей неприкосновенности своего текста внесенъ въ Третій Статутъ въ видѣ особаго статутоваго артикула, но его содержаніе было раздѣлено между двумя артикулами. Этого мало. Утвержденный „спольнымъ“ Польско-Литовскимъ сеймомъ артикулъ составители Третьяго Статута признали для себя возможнымъ исправить въ его содержаніи, отмѣнивъ часть его постановленій и замѣнивъ ихъ другими. Измѣненіе же сдѣлали въ его содержаніи и составители устава Трибунала, притомъ не найдя даже нужнымъ это оговорить, хотя измѣняемый ими артикулъ „поправы“ коронаціоннаго сейма 1574 года и сохранялъ силу дѣйствующаго закона.

Обращаясь къ артикуламъ статутовой „поправы“, утвержденнымъ на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, и сопоставляя ихъ текстъ съ соотвѣтствующими артикулами Третьяго Статута, мы замѣчаемъ то же совершенно свободное отношеніе къ нему составителей и редакторовъ Статута. Такъ, въ „поправѣ“ установляется, что „позвы, такъ гродскии, якъ и земскии, комисарскии, подкоморскии[1]) жадными причынами збиваны быть не могуть, опрочь где бы сторона року позваня не довела вы-

---

за припозваньемъ отъ стороны укривъжоное передъ насъ господаря манъдатомъ на рокъ завитый и по отказанью на письмѣ того упору и непослушенства сознаньемъ посланца нашого, шляхты и возныхъ, при немъ будучыхъ, тамъ гдѣ на тотъ часъ дворомъ нашимъ будемъ, въ жадную лимитацію не впущаючы, кгды позваный станеть, горломъ его карати кажемъ...... А естли бы тотъ, кому именье по заложенью на немъ позвовъ пущоно, увезанье боронилъ, тогды сторона жалобливая таковового на рокъ завитый заочне за шесть недѣль, а очевисто за чотыри недѣли до Суду Головного припозвати маеть...... А то се маеть розумети, коли бы хто оселый у Великомъ Князстве Литовскомъ тое учинилъ; а гды бы тотъ, который увезанья боронилъ, у Великомъ Князстве Литовскомъ былъ неоселый а увезанья боронилъ моцно, тогды самый истецъ поступъкомъ вышей описанымъ во всемъ поконыванъ быти маеть, а о томъ неоселымъ противнику одномъ, або колько ихъ будеть, яко и о самомъ истцу врядъ намъ, господару, ознаймити маеть, а мы тыхъ противниковъ, посполу съ самымъ истцомъ, съ земли всихъ панствъ нашихъ выволати росказати маемъ“. Цитируемъ по изданію проф. А. Янулайтиса — Vyriausiasis Lietuvos Tribunolas XVI—XVIII amž. (Kaunas, 1927), стр. 150—153.

[1]) Въ изданіи „поправы“ въ XXIII-й книгѣ Временника послѣ этого слова стоитъ: „и при позве“. Эти слова, какъ не имѣющія въ данномъ контекстѣ смысла, мы опускаемъ.

писомъ съ книгъ або сознанемъ возного водлугъ артикулу девятого розделу четвертого[1]), такожъ где бы хто имени, титулу преднейшого позваной стороны, рокъ, месеца, въ который то стало, на позвехъ не написалъ, а въ речахъ крывавыхъ, кгды бы о горло або о поцтивость ишло, маеть местце, на которомъ ся што стало, описати, а кгды не опишеть, на таковый позовъ не повинна сторона отказовати"[2]). Въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Третьяго Статута допустимыя основанія для оспариванія позвовъ изложены такъ: „про то такъ вечными часы мети хочемъ, абы позвы всякие, яко наши господаръские, такъ кгродские, земъские и подкоморские и з ыншихъ вшелякихъ врядовъ, водлугъ сего Статуту выдаючые, такъ же у Суду Головного, жадными причинами збиваны быти не могли, опрочъ трехъ причинъ, нижей тутъ помененыхъ: перъвое — где бы сторона поводовая року и позванья водлугъ артыкулу вышъшого сего розделу, семънадцатого[3]), квитомъ або написомъ возного и писаръскимъ не довела; другое — хто бы имени позваного власного и имени отца его, такъ же тежъ тытулу упривильеваного предънейшого, альбо яко ся онъ самъ зоветь и пишеть, не написалъ, ведь же обчого народу людей такъ писати могуть, яко се хто самъ писати и звати звыклъ; третее — кгды о што шкрутыния, а къ тому о кгвалтъ, бой, грабежъ идеть, а поводови местъца, где се то стало, року, месеца и дня естли бы не доложилъ, на таковый позовъ сторона не повинъна отказывати. А иными никоторыми причинами врядъ збиванья позвовъ не маеть допускати"[4]). Сравненіе приведенныхъ текстовъ обнаруживаетъ ясно, насколько углубили и развили составители и редакторы Третьяго Статута текстъ „поправы", вырабатывая статутовый артикулъ. Но въ данномъ случаѣ они не измѣнили основного существа постановленія „поправы". Въ другихъ случаяхъ они не останавливались и передъ такими измѣненіями.

---

[1]) Заголовокъ этого артикула во Второмъ Статутѣ: „Яко и при комъ позвы позывати ся мають и якъ и где то осведчыти и што возному за проездъ давати".

[2]) Временникъ, кн. XXIII, стр. 202. Погрѣшности изданія въ языкѣ и правописаніи въ приведенномъ текстѣ мы исправляли.

[3]) Заголовокъ этого артикула въ Третьемъ Статутѣ: „Яко и пры комъ позывати се и яко а гдѣ то осветъчати".

[4]) IV, 19.

Съ точки зрѣнія установленія отношеній Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго въ годы составленія Третьяго Статута имѣетъ значеніе различіе въ постановленіи „поправы“ Варшавскаго сейма 1578 года и Статута относительно состава монаршаго сеймоваго суда по аппелляціямъ. „Поправа“ говоритъ, что, въ случаѣ аппелляціи на рѣшеніе гродскаго суда, вынесенное на основаніи „шкрутиніума“, разбираетъ дѣло монархъ на сеймѣ „съ панами-радами обоего народу“, т. е. съ сенаторами Литовскими и Коронными[1]). Уставъ Трибунала, утвержденный черезъ три года послѣ Варшавскаго сейма 1578 года, раздѣлилъ аппелляціи по такимъ дѣламъ на двѣ группы, а именно на дѣла, въ которыхъ вынесенъ приговоръ гродскаго суда, карающій смертною казнью, т. е. „справы о горло“, и дѣла, въ которыхъ приговоръ караетъ лишеніемъ чести, „справы о почтивость“. Аппелляціи по первой группѣ дѣлъ должны поступать въ Трибуналъ, аппелляціи по второй группѣ — на сеймъ. Для разбора ихъ уставъ Трибунала назначаетъ опредѣленные дни во время сейма[2]). Такимъ образомъ, послѣ изданія устава Трибунала монархъ на сеймѣ долженъ былъ разбирать только такія аппелляціи отъ гродскихъ судовъ по шкрутиніуму, въ которыхъ имѣлось рѣшеніе о „почтивости“. Согласно „поправѣ“ Варшавскаго сейма 1578 года эти дѣла долженъ былъ разсматривать господарь съ панами-радами „обоего народу“, какъ мы это сейчасъ видѣли. Но въ соотвѣтствующихъ артикулахъ Третьяго Статута слова „обоего народу“ оказались выпущенными. Въ одномъ изъ его артикуловъ говорится отъ имени монарха: „а што се дотычеть такихъ речей, о што почтивость отсужона бываеть,.... только мы сами, господаръ, съ порадою пановъ-радъ нашихъ, на сойме вальномъ, обычаемъ, въ семъ Статуте описанымъ, судити будемъ“[3]). А другой артикулъ указываетъ, что этими панами-радами могутъ быть только сенаторы государства Литвы: „тежъ обецуемъ и будемъ повинъни кождому съ подданыхъ нашихъ, кому бы шло о честь, прудкую а неотволочную справедливость

---

[1]) „А кгды вже врядъ до насъ таковую справу, яко ся вышей поменило, на сеймъ за апеляцыею отошлеть, мы съ паны-радами обоего народу то судити маемъ“. Временникъ, кн. XXIII, стр. 212.

[2]) Prof. A. Janulaitis, op. cit., стр. 123—124.

[3]) III, 46.

учинити на первшомъ близко пришломъ сойме великомъ вальномъ, съ паны-радами нашими Великого Князства Литовского, безъ всякое отволоки"[1]).

Статья „поправы" Варшавскаго сейма 1578 года, озаглавленная „Шкрутениумъ", въ Третьемъ Статутѣ раздѣлена между четырьмя его артикулами[2]), къ которымъ добавлены еще два, говорящіе объ отсылкѣ дѣлъ на „шкрутыниумъ" отъ господаря и отъ Трибунала[3]). Содержаніе этой статьи оказалось въ Статутѣ измѣненнымъ не только въ уже отмѣченномъ нами только что мѣстѣ ея текста. Измѣненій было больше. Приводимъ одно изъ нихъ, относящееся къ опредѣленію состава „шкрутаторовъ".

„Поправа".	Статутъ, XI, 62.
И судъ кгродский, допустивши того, маеть две особы зъ врядниковъ земскихъ присяглыхъ, имъ позволивши, на таковое опытане вывести; а если бы врядниковъ земскихъ до таковой справы мети не могли, тогды врядъ самъ, кого бы розумелъ людей побожныхъ и зростропныхъ, таковымъ то злецити черезъ листъ свой маеть, положивши сторонамъ рокъ певный, на который тые депутати на месце оное, где ся то стало, зъехати до обу-двухъ сторонъ будуть повинни, маючи при собе возного и шляхътичовъ килка.	Кгды вжо врядъ кгродский, съ причинъ верху описаныхъ, шкрутыниумъ которой стороне або обу-двумъ допустить, тогды на тое шкрутыниумъ, то естъ на выведанье, маеть староста судовый того повету, въ которомъ ся такая справа приточить, а въ небытности самого старосты, тогды две особы врядовые, наместникъ або подстаростий з судьею кгродскимъ, а естли бы оба-два тые не могли зъ якихъ слушныхъ причинъ ехати, тогды з однымъ з нихъ которымъ писаръ кгродский маеть ехати, а не моглоль бы то быти, же бы два врядники ехали, тогды одинъ который з нихъ маеть ехати. И хотя одинъ або и два поедуть, предъ ся мають при собе мети возного и колку шляхти-

---

[1]) I, 28.

[2]) XI, 61 („Въ чомъ и коли шкрутыниумъ маеть быти допущоно"), 62 („Хто на шкрутыниумъ маеть выездъжати и о назначенью часу ку выезду на нее"), 63 („Якимъ обычаемъ шкрутыниумъ маеть быти чинено"), 64 („Яко стороны и врядъ по шкрутыниумъ заховати ся мають").

[3]) XI, 65 („О высыланью черезъ насъ, господаря, на шкрутыниумъ"), XI, 66 („О высыланью черезъ судъ головный на шъкрутыниумъ").

човъ, людей добрыхъ, веры годныхъ, принамней трохъ особъ, ни одной стороне, въ праве томъ стоячой, не повинныхъ.

Сравненіе этихъ текстовъ обнаруживаетъ прежде всего очень значительное развитіе постановленій „поправы". Последняя является какъ-бы черновымъ наброскомъ, который, пройдя черезъ обработку составителей и редакторовъ Статута, получилъ формулировку закона, съ большою продуманностью деталей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ сравненіи выясняется, что Статутъ разошелся съ „поправою" принципіально. Послѣдняя желаетъ видѣть въ положеніи „шкрутаторовъ" членовъ повѣтовыхъ земскихъ судовъ, кандидаты въ которые избирались шляхтою. Въ случаѣ невозможности для двухъ изъ этихъ „врядниковъ земскихъ" выѣхать на шкрутиніумъ, „поправа" требуетъ, чтобы урядъ замѣнилъ ихъ лицами соотвѣтствующихъ качествъ, по своему усмотрѣнію. Самый гродскій урядъ „поправа" устраняетъ отъ производства шкрутиніума. Вѣроятными причинами этого устраненія естественно считать, во-первыхъ, желаніе поставить шкрутиніумъ въ совершенно независимое положеніе отъ гродскаго суда, которому придется вынести приговоръ на основаніи разслѣдованія, произведеннаго „шкрутаторами", а во-вторыхъ, желаніе предупредить всякую возможность вліянія представителей повѣтовой административной власти на лицъ, дающихъ свои показанія во время шкрутиніума. Гродскій судъ былъ судомъ повѣтоваго старосты, а въ его отсутствіи или при его недосугѣ, старосту замѣняла назначенная имъ судебная коллегія изъ подстаросты, гродскаго судьи и гродскаго писаря. Староста и его подстароста держали въ своихъ рукахъ не только судебную, но и административную власть въ своемъ повѣтѣ. Господарскіе подданные, жившіе въ предѣлахъ староства-державы, имѣли въ лицѣ старосты власть, вѣдавшую и судившую ихъ въ значеніи правителя господарскихъ имѣній, къ „людямъ" которыхъ они принадлежали. А между тѣмъ во время шкрутиніума должны были допрашиваться всѣ, кто могъ быть свидѣтелями преступленія, на разслѣдованіе котораго были высланы „шкрутаторы". Въ числѣ этихъ свидѣтелей очень часто могли быть „люди" господарскихъ имѣній, для которыхъ староста и его намѣстникъ-

подстароста являлись властью, отъ которой они находились въ полной зависимости. Такимъ образомъ, „поправа“ имѣла серьезныя основанія принципіальнаго характера для того, чтобы устранить гродскій судъ и повѣтовую администрацію отъ руководящей роли при производствѣ шкрутиніума.

Однако составители и редакторы Третьяго Статута не приняли этихъ основаній въ уваженіе, устранивъ земскій судъ отъ участія въ шкрутиніумѣ и отдавъ его въ руки повѣтоваго старосты и членовъ гродскаго суда. Правда, Статутъ опредѣлилъ число шляхтичей, обязательно входящихъ въ составъ „шкрутаторовъ“, не менѣе трехъ, оговоривъ притомъ, чтобы они не находились въ родствѣ со сторонами. Но все-таки онъ передалъ производство шкрутиніума въ руки повѣтовой администраціи и родскаго суда и устранилъ отъ него членовъ выборнаго шляхетскаго земскаго суда, совершенно независимаго отъ повѣтовой администраціи. Надо думать, что причиною этого устраненія была трудность привлекать членовъ земскаго суда къ шкрутиніумамъ. Въ повѣтовый центръ они съѣзжались лишь три раза въ годъ, на судебныя сессіи, „роки земскіе“. Вызывать ихъ для шкрутиніума изъ ихъ имѣній было неудобно и для гродскаго суда, передъ которымъ возникало дѣло, и для нихъ самихъ. По всей вѣроятности практика первыхъ шкрутиніумовъ обнаружила сразу трудную осуществимость постановленій „поправы“, а потому составители и редакторы Третьяго Статута ихъ измѣнили. Но во всякомъ случаѣ фактъ отмѣны ими постановленія, утвержденнаго „спольнымъ“ сеймомъ, остается фактомъ. Признаніе ими своего права измѣнять утвержденныя „спольнымъ“ сеймомъ статутовыя „поправы“ легко обнаруживается и при сличеніи другихъ частей ихъ текста съ текстомъ артикуловъ Третьяго Статута.

Кромѣ артикуловъ „поправы“ Литовскаго Статута конституціи „спольныхъ“ Польско-Литовскихъ сеймовъ внесли на свои страницы и постановленія, касающіяся Великаго Княжества Литовскаго. Часть ихъ нашла, въ томъ или другомъ видѣ, свое мѣсто въ Третьемъ Статутѣ. Такими постановленіями Люблинскаго сейма 1569 года были статьи его конституцій, предписывающія повѣтовымъ старостамъ отвести участки земли для постройки домовъ для земскихъ судовъ и для храненія

книгъ этихъ судовъ[1]), а также запрещающія соединеніе въ однѣхъ рукахъ двухъ судебныхъ урядовъ и требующія принесенія присяги и обладанія повѣтовою осѣлостью ото всѣхъ повѣтовыхъ урядниковъ[2]). Первое изъ этихъ постановленій нашло свое выраженіе въ тринадцатомъ артикулѣ четвертаго раздѣла Статута[3]). При этомъ объ обязанности повѣтовыхъ старостъ отвести землю для устройства „схованья" земскихъ книгъ данный артикулъ говоритъ дважды: въ первомъ случаѣ о немъ одномъ[4]), а во второмъ — о такихъ „схованьяхъ" и о домахъ для засѣданій земскихъ судовъ. Текстъ этого второго постановленія въ статутовомъ артикулѣ такой: „къ тому тежъ воеводове, старостове судовые въ кождомъ воеводъстве, земъли и повете местъца пристойные на збудованье домовъ для отправованья судовъ земскихъ, недалеко замковъ и дворовъ нашихъ судовыхъ, вряду земскому и шляхте указати и поступити маютъ, а врядники земъские со въсими станы оного повету будуть винъни, яко тое схованье книгъ судовыхъ у замку албо у дворе, такъ и тотъ домъ судовый збудовати съ тыхъ пенезей, яко то особливою уфалою естъ постановено, што за моцно держано быти маеть". Дальше въ артикулѣ говорится и объ обязанности храненія книгъ гродскихъ повѣтовыми старостами и воеводами, а также и о невывозѣ ихъ ими при перемѣщеніи на другое староство или воеводство.

Передъ нами въ этомъ артикулѣ, во-первыхъ, расширеніе постановленія „спольнаго" сейма дополненіемъ, касающимся

---

[1]) „Mieysca abo placow na zbudowanie domow dla Sądow Ziemskich, y dla chowania ksiąg w każdym Powiecie tegoż Xięstwa Litewskiego, pozwalamy, ktore Starostowie onych mieysc powinni będą naznaczyć y wymierzyć. na co My z Kancellaryi naszey listy do nich dać roskażemy". Vol. Leg., II, str. 101, f. 794.

[2]) „Dygnitarze y urzędnicy, w każdym Powiecie W. X. L. przysięgli y osiedli bydź maią, także y ich urzędnicy, y ktorym sprawa Sądow Szlacheckich należy. A dwu urzędow y mieysc sądowych, żaden dzierżeć nie ma, oprocz tych ktoreby ta konstytucya przy takowych urzędziech zastała: z takich każdy przy urzędzie swym ma bydź zachowan do iego żywota, abo do wywyższenia na większy urząd". Ibidem.

[3]) Его заголовокъ: „О книгахъ земъскихъ и кгродскихъ — где мають быти хованы, и о местъцу на отправованье судовъ земъскихъ и тежъ о выдаванью, кому потреба укажеть, выписовъ албо видимусовъ".

[4]) „Про то воеводове и старостове судовые въ кожъдомъ воеводъстве, земли, повете, въ замъку або дворе нашомъ судовомъ схованье доброе и варовное поступити имъ на то винни будуть".

гродскихъ книгъ, а во-вторыхъ, ссылка на особую „уфалу“, установившую денежныя средства на постройку судовыхъ домовъ въ повѣтовыхъ центрахъ. То обстоятельство, что о сохраненіи въ цѣлости гродскихъ книгъ составители Третьяго Статута сказали въ статутовомъ артикулѣ, помѣщенномъ въ ряду артикуловъ, относящихся къ организаціи земскаго суда, а не въ одномъ изъ артикуловъ, говорящихъ о судѣ гродскомъ, указываетъ на возникновеніе у нихъ мысли о храненіи книгъ послѣдняго въ связи съ кодифицируемымъ ими постановленіемъ конституціи Люблинскаго сейма 1569 года. Что же касается ссылки на „особливую уфалу“, изыскавшую средства на постройку судовыхъ домовъ, то она относится къ постановленію Варшавскаго сейма 1578 года, сдѣланному по просьбѣ пановъ-рады и шляхты Берестейскаго воеводства. Въ исполненіе этой просьбы было разрѣшено Евстафію Воловичу, какъ старостѣ Берестейскому, отвести въ Берестьѣ мѣсто для постройки дома для земскаго суда и для храненія его книгъ, а на эту постройку былъ установленъ сборъ по одному литовскому грошу съ каждой волоки земли въ Берестейскомъ повѣтѣ, „nullis exceptis“[1]). Это сеймовое постановленіе, сдѣланное по отношенію къ одному изъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, при составленіи Третьяго Статута было распространено на всѣ повѣты государства Литвы.

Постановленія Люблинскаго сейма, касающіяся повѣтовыхъ урядниковъ, и въ частности, урядниковъ судебныхъ Великаго Княжества Литовскаго, обозначенныя нами выше, были приняты составителями Третьяго Статута къ исполненію. Принесеніе соотвѣтствующей присяги и обязательность обладанія осѣлостью въ повѣтѣ, т.е. принадлежность къ обывателямъ именно даннаго повѣта, находимъ выраженными въ тѣхъ статутовыхъ артикулахъ, въ которыхъ говорится о повѣтовыхъ должностныхъ лицахъ[2]). Несовмѣщеніе должности члена земскаго суда съ другимъ урядомъ, постановленное для Великаго Княжества Литовскаго Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, на-

---

1) Vol. Leg., II, str. 186, f. 969—970 („Dom sądowy w Brześciu Litewskim“).

2) II, 5 — о хоружихъ; IV, 1 — о членахъ земскихъ судовъ; IV, 8 — о возныхъ; IV, 36 — о старостахъ; IV, 37 — о подстаростѣ и членахъ гродскаго суда; IV, 104 — „о возномъ, котораго по-латине зовуть енералъ“; IX, 1 — о повѣтовомъ подкоморіи; IX, 10 — о коморникахъ.

шло свое выраженіе въ Третьемъ Статутѣ въ такомъ видѣ: „уставуемъ, ижъ на тые вряды, яко на судъство, на подсудъство и на писаръство, не мають быти выбираны духовные особы, ани каштелянове, маръшалъки и старостове судовые, ани подкоморые, войские, ани хоружие земъские, дворъные и поветовые и нихто таковый, который бы инъшимъ врядникомъ земъскимъ былъ“[1]). Составители Третьяго Статута признали необходимымъ прибавить къ сеймовому постановленію о несовмѣстимости судебнаго уряда съ другою должнсстью и запрещеніе занимать его для духовныхъ лицъ.

Возможно думать, что при составленіи Третьяго Статута было принято во вниманіе и постановленіе конституцій Люблинскаго сейма объ обязанности жолнеровъ, находящихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, платить за забираемый ими провіантъ, ибо они получили отъ Сигизмунда Августа плату въ достаточныхъ размѣрахъ; если ротмистръ, въ ротѣ котораго находится не исполняющій этого жолнеръ, не учинитъ по жалобѣ на него „справедливости“, то виновныхъ разрѣшается вызывать передъ гродскій судъ[2]). Третій Статутъ предписываетъ, чтобы „люди служебные“, т. е. наемныя войска, покупали провіантъ или „торгомъ“, или „уставою“, установленною господаремъ вмѣстѣ съ панами-радою государства Литвы, притомъ не ѣздя въ фуражировки, а покупая на своихъ стоянкахъ „з сторонъ живность звезеную“[3]). Что же касается привлеченія жолнеровъ, виновныхъ въ насильственномъ забираніи провіанта, то статутовый артикулъ требуетъ обращенія въ такихъ случаяхъ къ суду великаго гетмана государства Литвы, и только, если онъ будетъ въ данное время находиться слишкомъ далеко, разрѣшается обращаться къ гродскому суду[4]). Приходится

---

[1]) IV, 2.

[2]) „Pozwalamy też, y chcemy to koniecznie mieć, aby żołnierze y służebni ludzie nasi, ktoreśmy po przeszłe czasy w W.X.L. chowali, wszelakie żywności, ktore iedno ku potrzebie swey brali zupełnie wszędzie popłacili, ponieważ się też im od Nas dostatecznie zapłata stała. A gdzieby z ktorego Rotmistrz iego, sprawiedliwości niechciał, abo omieszkał w tym uczynić, będzie wolno każdemu o to pozwać do Grodu“. Vol. Leg., II, p. 101, f. 795.

[3]) II, 23.

[4]) „Кгды бы хто съ подданыхъ нашихъ якого-колвекъ стану, менуючи се людьми служебными, жолнеръми, безъ листовъ нашихъ або гетмана великого здешнего паньства, на лежы се где въ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ положилъ и тамъ на той лежы, або дорогою тягнучы,

признать, что сеймовая конституція едва ли отразилась въ данныхъ артикулахъ Третьяго Статута. Къ тому же она сама имѣла въ виду не столько общій порядокъ, сколько положеніе жолнеровъ, находившихся на службѣ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ 1569 году, какъ указываетъ и самый текстъ конституціи. Вѣроятнѣе всего, что данные статутовые артикулы возникли изъ практики времени Московской войны, какъ и многіе другіе артикулы того же раздѣла „О обороне земской"[1]).

Изъ „спольныхъ" Польско-Литовскихъ сеймовъ, собиравшихся за время составленія Третьяго Статута, постановленія, относившіяся къ Великому Княжеству Литовскому, кромѣ Люблинскаго сейма 1569 года, внесли еще въ свои конституціи Варшавскіе сеймы 1578 и 1581 годовъ. Въ конституціи сейма 1578 года вписаны: 1) постановленіе о созывѣ сеймиковъ, а также съѣзда въ Новгородкѣ для „поправы" Статута, 2) постановленіе о постройкѣ дома для земскаго суда въ Берестьѣ и 3) артикулы „поправы", утвержденные на этомъ сеймѣ[2]). Всѣ эти постановленія уже разсмотрѣны нами выше[3]), и мы уже видѣли, въ какомъ видѣ были усвоены два послѣднихъ изъ нихъ артикулами Третьяго Статута[4]). Что касается Варшавскаго сейма 1581 года, то въ его конституціи внесены четырнадцать статей, имѣющихъ отношеніе къ Великому Княжеству Литовскому. Первыя семь изъ нихъ имѣютъ общій заголо-

---

живность дармо або уставою бралъ, шкоду якую чинилъ, а былъ бы где близко панъ гетманъ великий того паньства Великого Князства, тогды такий маеть быти позванъ передъ пана гетмана на коротъкий часъ, яко бы могъ съ того местъца до пана гетмана переехать, и окажеть ли се то съ права передъ гетъманомъ, тотъ маеть быть за то каранъ водлугъ зданья гетьманского, а живъность браная, або шкода якая учиненая, зъ совитостью зъ статку маетности его маеть быть укривъжоному плачона; а естли бы панъ гетманъ далеко былъ и отсягнуть его укривжоному трудно было, ино таковый своволный маеть быть отъ укрывжоного позванъ передъ врядъ кгродский на короткий рокъ, яко бы могъ зъехати, а где бы былъ неоселый, тогды маеть быть поставленъ ку праву передъ оный же врядъ кгродский и, кгды такъ ку праву притягненъ будеть и з розсудъку врядового виненъ зостанеть, маеть сужонъ и каранъ быти яко збойца и лупезца, а шкоды зъ совитостью зъ статку маетности его отправлены быти мають". II, 27.

[1]) См. выше, стр. 20—22.

[2]) Vol. Leg., II, p. 186, f.f. 969—970.

[3]) Часть первая, стр. 388—392.

[4]) Стр. 52—57.

вокъ: „Artykuły do prawa Wielkiego Xięstwa Litewskiego“[1]). Содержаніе этихъ статей слѣдующее: 1) утвержденіе Трибунала для государства Литвы, 2) исправленіе Статута депутатами Великаго Княжества Литовскаго[2]), 3) подтвержденіе конституціи Люблинскаго сейма 1569 года о несоединеніи въ однѣхъ рукахъ двухъ судебныхъ урядовъ, 4) подтвержденіе постановленія прежнихъ сеймовъ объ отправленіи земскихъ и гродскихъ роковъ во время ведшейся тогда войны, 5) сохраненіе въ силѣ постановленія, сдѣланнаго въ 1579 году „въ войскѣ“ подъ Полоцкомъ о порядкѣ судебныхъ исковъ во время войны, съ добавленіемъ сдѣланнаго на настоящемъ сеймѣ постановленія, 6) объ отводѣ земли для построенія домовъ для земскихъ судовъ и храненія ихъ книгъ, согласно конституціи Люблинскаго сейма 1569 года, и 7) въ виду отсутствія на настоящемъ сеймѣ духовныхъ лицъ изъ Великаго Княжества Литовскаго, отложеніе до „поправы“ Статута вопроса о „справахъ“ между духовными и свѣтскими лицами[3]). Содержаніе первыхъ двухъ изъ этихъ статей, конечно, не подлежало внесенію въ артикулы Третьяго Статута. Одна изъ нихъ относится къ уставу Трибунала, а другая говоритъ о составленіи Статута, а не о содержаніи его законовъ. Третья и шестая статьи, какъ мы уже видѣли выше, были приняты составителями Третьяго Статута въ содержаніе соотвѣтствующихъ статутовыхъ артикуловъ[4]). Статьи четвертая и пятая представляютъ собою временныя постановленія, вызванныя еще продолжавшейся тогда Московскою войною[5]). Въ пятой статьѣ обращаетъ на себя вниманіе указаніе на другое постановленіе того же Варшавскаго сейма 1581 года. Оно относится къ конституціи, озаглавленной „Exempcya żołnierzow a iudiciis“ и говорящей о жолнерахъ обоихъ государствъ Польско-Литовской федераціи, принимавшихъ участіе въ Московской войнѣ[6]). Эти жолнеры освобождались на срокъ до двѣнадцати недѣль послѣ роспуска войска

---

1) Vol. Leg., II, p. 210, f.f. 1020—1021.

2) См. выше, часть первая, стр. 395, прим. 5.

3) Текстъ послѣднихъ пяти изъ этихъ постановленій приведенъ нами выше — часть первая, стр. 396—397, прим. 1.

4) См. выше, стр. 57, 59—60.

5) Ср. выше, стр. 20—22.

6) Vol. Leg., II, p. 211, f.f. 1021—1022.

отъ вызова въ судъ по своимъ судебнымъ дѣламъ[1]). Наконецъ, седьмая изъ этихъ статей, не получившая своего разрѣшенія на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года, была разрѣшена соглашеніемъ духовныхъ и свѣтскихъ „становъ“ Великаго Княжества Литовскаго на Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года[2]).

Кромѣ отмѣченныхъ сейчасъ семи статей въ конституціи Варшавскаго сейма 1581 года внесены еще семь другихъ статей, относящихся къ Великому Княжеству Литовскому. Первая изъ нихъ охраняетъ Невяжу какъ „портовую“, т. е. судоходную и сплавную рѣку, а потому запрещаетъ устройство плотины въ Кейданахъ. Постановленіе это дѣлается согласно „конституціи“ Городенскаго сейма государства Литвы, принятой наканунѣ Люблинской Уніи, въ 1568 году[3]). Дѣйствительно, въ постановленіяхъ послѣдняго находимъ артикулъ „О реки портовые“, охраняющій ихъ отъ устройства на нихъ „ставовъ“, „млыновъ“ и „езовъ“[4]). Въ Третьемъ Статутѣ имѣется законъ объ охранѣ „портовыхъ“ рѣкъ отъ устройства на нихъ сооруженій, мѣшающихъ судоходству и сплаву[5]), но такое постановленіе имѣлось и въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Статута 1566 года[6]), и, такимъ образомъ, оно не было внесено въ кодексъ вновь во время статутовой „поправы“.

Слѣдующая статья конституцій Варшавскаго сейма 1581 года озаглавлена „O drogach Ziemie Żmudzkiey“[7]). Постановленіе, находящееся въ этой статьѣ, вызвано просьбою Ковенскихъ сеймовыхъ пословъ. Въ немъ охраняется торговое значеніе Ковна, согласно его привилеямъ, съ его складомъ для

---

1) Конституція эта ссылается на соотвѣтствующія конституціи Варшавскаго сейма 1578 года (ibidem, p. 190, f. 979) и Піотрковскаго сейма 1567 года. Въ послѣдней говорится именно о жолнерахъ польскихъ, идущихъ въ Великое Княжество Литовское съ королемъ — „Żołnierze, urzędnicy, y słudzy wszyscy, ktorzy na potrzebę z Nami do Litwy idą, mocą uchwały Seymu ninieyszego, od sądu y sądzenia wszelakich sądow y urzędow, wolne czyniemy do blisko przyszłego Seymu Koronnego......“ Ibidem, p. 71, f. 732.

2) См. выше, стр. 34.

3) „O wolności portu rzece Newiazy, iż w Kieydanach port wolny, y groblą hamowany, bydź nie ma, zachowuiemy według konstytucyi Grodzińskiey roku 1568“. Vol. Leg., II, p.p. 210—211, f. 1021.

4) Р. Ист. Б., XXX, ст. 474—475 (арт. 45).

5) I, 29.

6) II Ст., I, 25.

7) Vol. Leg., II, p. 211, f. 1021.

товаровъ купцовъ. Ковно являлось торговымъ пунктомъ крупнаго значенія для заграничной торговли Великаго Княжества Литовскаго, въ частности для торговли съ Пруссіей. Продукты земледѣльческаго хозяйства Жомойти именно черезъ посредство Ковна, дорогами, шедшими изъ него, направлялись въ Герцогскую Пруссію. Отсюда становится понятною забота о состояніи дорогъ въ этотъ городъ изъ Жомойти. Просьба Ковенскихъ пословъ на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года и отмѣчаемое нами постановленіе послѣдняго и вызваны этою заботою. Но, конечно, это постановленіе не могло найти мѣста въ Литовскомъ Статутѣ, какъ законъ, относящійся не къ цѣлому государству, а лишь къ отдѣльной мѣстности. Общій законъ о содержаніи въ порядкѣ дорогъ въ Третій Статутъ былъ перенесенъ изъ Статута 1566 года[1]), и постановленіе сейма 1581 года о дорогахъ въ землѣ Жомойтской не подлежало кодификаціонной работѣ составителей Статута 1588 года.

Не подлежали кодификаціи и остальныя постановленія, касавшіяся Великаго Княжества Литовскаго, сдѣланныя на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года. Этими постановленіями были: 1) объ ежегодной выплатѣ опредѣленной суммы со столовыхъ имѣній государства Литвы королевѣ Аннѣ, 2) дарованіе „на вѣчность" Свислочскаго имѣнія въ Волковыйскомъ повѣтѣ Александру и Карлу Ходкевичамъ, 3) такое же дарованіе трехъ волокъ въ деревнѣ Шосткахъ державы Каменца Литовскаго шляхтичу Максиму Чаплѣ, 4) возстановленіе въ правахъ шляхетства Яна Остика, сына казненнаго за измѣну пана Григорія Остика, и 5) пожалованіе „на вѣчность" ротмистру Василію Немирѣ двѣнадцати служебъ людей въ Могилевской волости[2]).

Послѣдовавшіе за Варшавскимъ сеймомъ 1581 года „спольные" сеймы Польско-Литовской федераціи, собиравшіеся въ царствованіе короля Стефана, ни по дѣламъ Польши, ни по дѣламъ Великаго Княжества Литовскаго конституцій послѣ себя не оставили, и лишь конституціи, организующія возвращенную изъ-подъ Московской власти Ливонію, были утверждены на Варшавскомъ сеймѣ 1582 года[3]).

---

1) I, 29. Ср. II Ст., I, 25.

2) Vol. Leg., II, p.p. 211—212, f.f. 1022—1024: „Oprawa Krolowey JMci Anny", „Danina Swisłości", „Danina Maximowi Czapli", „Ościkowa sprawa" (въ изданіи по недосмотру напечатано: „Ościskowa sprawa), „Danina Wasilowi Niemierze".

3) Konstytucye Inflantskie. Vol. Leg., II, p.p. 220—223, f.f. 1040—1046.

Но долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, не были ли внесены въ Третій Статутъ какія-либо конституціи „спольныхъ“ сеймовъ времени составленія этого кодекса, которыя не были обозначены какъ имѣющія прямое отношеніе къ государству Литвы. Вопросъ этотъ входитъ въ составъ болѣе общаго вопроса объ обязательности для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Польско-Литовскихъ сеймовъ послѣ Люблинской Уніи. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія этотъ вопросъ въ русской историко-юридической литературѣ привлекъ къ себѣ особенное вниманіе въ связи съ судебнымъ дѣломъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти графа Станислава Манузи и его жены, и примѣненіемъ къ разрѣшенію споровъ о немъ Литовскаго Статута и конституціи о „кадукахъ“, утвержденной на коронаціонномъ сеймѣ 1588 года[1]). На настоящихъ страницахъ мы не можемъ входить въ изученіе этого вопроса въ его полномъ объемѣ. Но мы должны неизбѣжно коснуться его въ его отношеніи къ составленію Третьяго Статута и установить, были ли перенесены въ послѣдній тѣ изъ постановленій „спольныхъ“ сеймовъ времени его выработки, которыя не обозначены въ конституціяхъ какъ относящіяся къ Великому Княжеству Литовскому, но которыхъ содержаніе могло бы давать матеріалъ для статутовыхъ артикуловъ.

Отраженіе нѣкоторыхъ изъ такихъ постановленій въ артикулахъ Третьяго Статута можетъ быть установлено. Примѣромъ такого отраженія можетъ быть хотя бы артикулъ Третьяго

---

[1]) Кромѣ присяжнаго повѣреннаго Б. Г. Ольшамовскаго, ведшаго это дѣло отъ имени далекихъ родственниковъ гр. Манузи противъ Виленско-Ковенскаго Управленія Государственными Имуществами, доказывавшаго выморочность этого наслѣдства, выступили въ литературѣ ученые спеціалисты въ области литовскаго права или цивилистики вообще, а именно С. А. Бершадскій, А. Х. Гольмстенъ, Ѳ. И. Леонтовичъ и С. Л. Пташицкій. Ихъ работы по вопросу объ обязательности для государства Литвы конституцій „спольныхъ“ сеймовъ слѣдующія: С. А. Бершадскій, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву (С. Петербургъ, 1892 — раньше въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1892, XI) и Литовскій Статутъ и Польскія конституціи (С.-Петербургъ, 1893), А. Х. Гольмстенъ, Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права (Журн. Юридич. Общества при Имп. С.-Петерб. Университетѣ, 1896, II), Ѳ. И. Леонтовичъ, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права (С. Петербургъ, 1893), Б. Г. Ольшамовскій, Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго Конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о вымо-

Статута, озаглавленный „О нечиненью ѳолькги у везенью“[1]), запрещающій воеводамъ и судовымъ старостамъ облегчать обстановку тюремнаго заключенія для осужденныхъ на смертную казнь. Сопоставленіе части текста этого артикула съ текстомъ конституціи Варшавскаго сейма 1578 года, озаглавленной „Siedzenie głownikow“[2]), обнаруживаетъ несомнѣнное вліяніе второго на первый.

Статутъ	Конституція
А хто бы з воеводъ, старостъ судовыхъ, або ихъ врядниковъ того се важилъ, а тому вязню, до вежи на дно, будь отъ насъ господара, або отъ вряду кгродского, або тежъ отъ которого иного вряду нашого сказаному, якую ѳолькгу у везенью чинилъ и допущалъ ему собе седенье вышъшого, нижли на дне, чинити, або комины у вежи будовати, або бы кому и в ынъшомъ лжейшомъ везенью фолкгу якую надъ сказанье судовое чинилъ, таковый воевода, староста, або врядъ его и хтокольвекъ везенье въ моцы своей мети будеть, будучи о то отъ стороны болячое до суду земъского позванъ на рокъ завитый, за доводомъ слушнымъ правнымъ, повиненъ будеть той стороне болячой сорокъ копъ грошей заплатити, иле-кроть о то позвано и переведено то на него будеть. А стороне болячой вольно будеть завжды того догледати, якъ и где вя-	Acz statuta dostatecznie są o głownikach opisane, iaką winą maią bydź jure mediante karani: iednak nic na to nie bacząc Starostowie, y ich namiestnicy, gdy kogo o zabicie głowy na dno do wieże skażą, w wieży przętry y kominy głownikom budować, y tamże siedzieć dopuszczaią. Przetoż chcąc My ad beatam executionem statuta na głowniki przywieść, Seymową uchwałą znayduiemy: iż ktoryby się z Starostow, albo z urzędnikow ich, ważyć, a naprawę iaką w wieży głownikowi dopuścić wzgorę, a nie na dnie siedzieć śmiał, taki Starosta albo Urząd iego ma bydź karan winą czterma sty grzywien, toties quoties byłby pozwan przed Sąd Ziemski od strony bolącey, byle to nań przewiedziono, iż folgował gwałtownikowi siedzeniem w wieży, nie wedle dekretu sądowego na dnie, czego stronie boleącey wolno będzie zawsze doyrzeć, iako głownik y kędy

---

рочности (Кадукахъ) по Польско-Литовскому законодательству (С.-Петербургъ, 1897) и Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ (С.-Петербургъ, 1899), С. Л. Пташицкій, Къ исторіи литовскаго права послѣ Третьяго Статута (Журн. Мин. Нар. Пр., 1893, X и отдѣльно — С.-Петербургъ, 1893). Ср. его же, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута (С. Петербургъ, 1893).

1) IV, 32.

2) Vol. Leg., II, p. 186, f.f. 970—971.

зень, будь за голову або за який иный выступъ седить, а врядъ кгродъский не маеть ему того боронити подъ таковою жъ виною вышей описаною, колько бы разъ о то его позвано и доведено. Ведъ же однакъ врядъ кгродъский маеть, хотя передъ нимъ самымъ правомъ переконаного, албо отъ вряду земъского або Суду Головного до везенья по сказанью отосланого, не кождого до вежы въ землю сажати, але водлугъ учинку и выступку, яко около того въ семъ Статуте описано. Про то, въ которомъ артыкуле сего Статуту вежа которому вязню поменена, тотъ въ таковую сажонъ; которому тежъ другая, лжейшая, тотъ такъ же въ той сажонъ быти маеть водле выступку своего.

siedzi, a Starosta nie ma mu tego bronić sub poena superius descripta, toties, quoties citabitur peremptorie, cum remissione ad viciniorem Capitaneum.

Сопоставленіе сейчасъ приведенныхъ текстовъ устанавляетъ несомнѣнность вліянія текста конституціи на текстъ артикула Третьяго Статута. Часть послѣдняго представляетъ собою простой переводъ части перваго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сеймовая конституція оказалась подвергнутою весьма существенному измѣненію составителями Статута. Во-первыхъ, наказаніе представителей старостинскаго уряда за послабленія заключеннымъ, по сеймовой конституціи 1578 года, опредѣляется какъ „вина“, штрафъ въ порядкѣ публичнаго возмездія; въ статутовомъ же артикулѣ этотъ штрафъ назначается въ порядкѣ частнаго удовлетворенія “стороны болячей“, виновное по отношенію къ которой лицо получаетъ отъ старостинскаго уряда льготы. Во-вторыхъ, статутовый артикулъ заключаетъ въ себѣ распространенное толкованіе слова „гловники“, говоря какъ о посаженныхъ въ тюрьму „за голову“, т. е. за убійство, такъ и за другія преступленія. Наконецъ, въ-третьихъ, сумма штрафа въ конституціи опредѣляется въ польскихъ гривнахъ, а въ статутовомъ артикулѣ въ литовскихъ грошахъ; при этомъ цѣнность сорока копъ литовскихъ грошей была въ то время значительно больше со-

рока польскихъ гривенъ[1]). Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Третій Статутъ инкорпорировалъ въ составъ своихъ законовъ данную конституцію Варшавскаго сейма 1578 года. Составители Литовскаго кодекса ее переработали, существенно измѣнивъ ея содержаніе. Отсюда слѣдуетъ, что они не считали закономъ для Великаго Княжества Литовскаго конституцію „спольнаго“ сейма, въ которой не было указано ея распространеніе и на государство Литвы. Передъ нами рецепція измѣняемаго составителями Статута закона, изданнаго для Польши, а не его инкорпорація въ Литовскій сводъ законовъ.

То же самое приходится сказать и о другихъ конституціяхъ „спольныхъ“ сеймовъ времени составленія Третьяго Статута. Такъ, коронаціонный сеймъ 1576 года установилъ штрафъ въ сто марокъ за непринятіе судами и урядами „реляцій“ генералъ-возныхъ[2]). Третій Статутъ, учреждая должность генерала-match возного, лишь говоритъ, что его „сознанье“ должно быть принимаемо „въ кождомъ повете и на кождомъ урядѣ за моцное и важное“, но не добавляетъ ничего о какомъ-либо штрафѣ за нарушеніе этого постановленія[3]). Еще примѣръ. Въ конституціи Варшавскаго сейма 1578 года о цыганахъ стоитъ: „Cygani acz są statutem wywołani, iednak ie przechowuią: przetoż ktoby ie przyiąć y przechować śmiał, aby był pozwan od każdego, kto iedno chce takiemu akcyą uczynić, y karan tamquam complex banniti, do Sądu Grodzkiego[4]). Въ Третьемъ Статутѣ артикулъ „О цыганехъ“ является новымъ. Его нѣтъ въ Статутѣ 1566 года, и онъ гласитъ слѣдующее: „Ижъ цыгани суть люди непотребные и порожнуючые, которые не толко жадное послуги а пожытку намъ и никому въ речы посполитой не чынять, але и овшемъ шкода черезъ нихъ въ ошукиванью простыхъ людей и въ крадежы, а снать и въ збиванью потаем-

---

[1]) О сравнительной цѣнности польскихъ грошей и гривенъ и грошей литовскихъ см. Н. Горбачевскій, Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго Края и Царства Польскаго (Вильна, 1874), стр. 145—146.

[2]) „Co My bacząc być rzecz przystoyną, y z prawem się zgadzaiącą, ustawiamy, aby każdy sąd y urżąd dopuszczał Woźne, Generały, ad eorum obeunda officia, y relacye ich przyimował, sub poena centum marcarum, part instiganti succumben“. Vol. Leg., II, p. 163, f. 924(5).

[3]) IV, 104.

[4]) Vol. Leg., II, p. 187, f. 972(39).

номъ немалая ся дееть, а часомъ, выходечы до иншыхъ земль, звлаща неприятелскихъ, шпекгами и вожами до злого могли бы ся ставати, а про то уставуемъ, абы ихъ конечно отъ того часу нигде въ панъстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ и въ земляхъ, до него належачыхъ, далей не было ховано, чого старостове пограничъные и иные державцы нашы мають съ пилностью постерегати, абы до земли нашое не входили; а кгды ихъ который з нихъ з староства и вряду своего выпудить, абы жаденъ з ынъшихъ становъ, подъданыхъ нашыхъ, черезъ то ихъ не прыймовалъ и на именьяхъ своихъ не переховывалъ подъ виною до скарбу нашого дванадцатма копами грошей"[1]). Весьма вѣроятно, что этотъ статутовый артикулъ возникъ подъ вліяніемъ именно польскаго права. Тѣмъ характернѣе измѣненіе въ немъ наказанія за принятіе къ себѣ и укрывательство у себя цыганъ по сравненію съ наказаніемъ, установленнымъ сеймовою конституціею 1578 года. Послѣдняя караетъ принимающаго къ себѣ цыганъ какъ соучастника „баннита", т. е. „выволанца" по терминологіи Литовскаго Статута. Между тѣмъ этотъ кодексъ караетъ тѣхъ, „хто бы злочинцовъ, розбойниковъ, злодеевъ явныхъ, людей выволаныхъ, въ себе въ дому переховывалъ", такимъ же наказаніемъ, какъ и самъ „оный злочинца або выволанецъ, або чти отсужоный, которого онъ въ дому переховывалъ"[2]). Такимъ образомъ, установляя, хотя и достаточно высокій, но все-таки только денежный штрафъ за укрывательство цыганъ, составители Третьяго Статута весьма существенно расходились съ постановленіемъ конституціи „спольнаго" сейма 1578 года.

О томъ, чтобы составители Третьяго Статута признавали себя обязанными считаться со всѣми конституціями „спольныхъ" сеймовъ, имѣющими общій характеръ закона, но не оговоренными въ ихъ значеніи для Великаго Княжества Литовскаго, не можетъ быть и рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ полнаго игнорированія ими ряда такихъ конституцій того же Варшавскаго сейма 1578 года. Конституція, озаглавленная „Woźnych bespieczenstwo", постановляетъ: „Jeśliby kto Woźnego na ten czas gdy sprawuie urząd swoy, zabił, zranił, abo zbił, ma bydź karan iako violator securitatis judiciorum, iuxta statu-

---

1) XIV, 35.
2) XI, 36.

tum"[1]). Такимъ образомъ, здѣсь устанавливается тожество наказанія за преступленія по отношенію къ вознымъ, какъ и къ суду. Наоборотъ, Третій Статутъ эти наказанія различаетъ. За оскорбленіе словами членовъ земскаго суда онъ установляетъ арестъ на шесть недѣль и „навезку" оскорбленному „водлугъ стану его шляхетъского", за раны смертную казнь и двойную „навезку", а за убійство — смертную казнь съ утратою чести и „головщину" въ двойномъ размѣрѣ[2]). Что касается охраны featuresзнаго при исполненіи имъ его обязанностей, то Третій Статутъ дѣлаетъ такія постановленія. Еслибы кто-либо его „збилъ албо листы, отъ него отнявъши, содралъ, албо возного, любъ сторону, позвы, листы ести примусилъ, албо поличковалъ, волосы або бороду ръвалъ и тымъ вряду не учъстилъ", — виновный во всемъ этомъ наказывается арестомъ на двѣнадцать недѣль и долженъ уплатить „навезку" въ двойномъ размѣрѣ „водле стану" потерпѣвшаго[3]); за убійство же вознаго при исполненіи его обязанностей назначается смертная казнь и взысканіе „головщины" въ двойномъ размѣрѣ[4]). Установляя различіе наказаній за преступленія по отношенію къ членамъ суда и вознымъ, Третій Статутъ игнорируетъ приведенную нами выше конституцію „спольнаго" сейма 1578 года. Тотъ же сеймъ постановилъ, что шляхтичи, продавшіе свои имѣнія и живущіе въ городахъ, занимаясь отдачею денегъ въ ростъ и владѣя достаточными капиталами, подлежатъ несенію военной службы[5]). Что касается Третьяго Статута, то онъ не требуетъ отъ такихъ шляхтичей военной земской службы ни въ артикулѣ, говорящемъ объ этой службѣ вообще[6]), ни въ артикулѣ „О шляхте, которая бы у месте оселость принела"[7]). Конституція Варшавскаго сейма 1581 года „O mężoboystwie plebeiorum"[8])

---

1) Vol. Leg., II, p. 187, f. 973 (43).

2) IV, 7 — „О беспечности судьи, подъсудъка и писара земъскихъ, такъ же вряду кгродского, по тому жъ суду подкоморъского и комисарского".

3) „Пакъ ли жъ бы конемъ хвосты поурезано альбо поранено, тогды за то виненъ будеть толко коня конемъ навезати и за то седенья не понесеть".

4) IV, 11.

5) „O szlachcie co zgołocieli". Vol. leg., II, p. 187, f. 972 (38).

6) II, 1.

7) III, 25.

8) Vol. Leg., II, p. 206, f. 1012 (3).

караетъ шляхтича за убійство простого сельскаго человѣка (plebeium hominem rusticanum) лишь денежнымъ штрафомъ въ тридцать гривенъ, въ то время какъ Третій Статутъ такого шляхтича, убійцу „человека простого стану“ караетъ смертною казнью[1]).

Подводя итогъ подъ нашими наблюденіями надъ отношеніемъ составителей Третьяго Статута къ постановленіямъ „спольныхъ“ Польско-Литовскихъ сеймовъ времени выработки этого кодекса, мы должны установить слѣдующее. Во-первыхъ, тѣ изъ этихъ постановленій, которыя представляютъ собою утвержденіе статутовыхъ артикуловъ, внесенныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ на „спольные“ сеймы, нашли свое мѣсто въ окончательной редакціи Третьяго Статута, но ихъ текстъ составителями кодекса не признавался неприкосновеннымъ и не подлежащимъ никакимъ измѣненіямъ, хотя онъ и получилъ уже сеймовую санкцію. Во-вторыхъ, сеймовыя конституціи, не имѣвшія прямого отношенія къ „поправѣ“ Литовскаго Статута, но обозначенныя какъ изданныя для государства Литвы, нашли свое отраженіе въ кодексѣ, хотя и не всѣ. Составители этого кодекса сдѣлали изъ нихъ выборъ, лишь часть ихъ признавая подлежащими кодификаціи, при чемъ опять-таки не считали ихъ текста неприкосновеннымъ, долженствующимъ войти въ Статутъ безъ всякихъ измѣненій. Наконецъ, въ-третьихъ, сеймовыя постановленія, не изданныя для государства Литвы и не обозначенныя какъ таковыя въ текстѣ конституцій, признавались составителями Третьяго Статута не имѣющими силы закона для Великаго Княжества Литовскаго. Одни изъ такихъ постановленій, въ самомъ текстѣ сеймовыхъ конституцій обозначены имѣющими мѣстное значеніе, напримѣръ — „Roki y Wieca Warszawskie“, „Sądy Ziemie Zakroczymskiey“, „Sądy Ziemie Ciechanowskiey“, „Wieca Podlaskie“[2]), „Krakow“, „Woytowstwo Wieluńskie“[3]) и т. п. Другія, образцы заголовковъ которыхъ мы видѣли выше, не указываютъ мѣстности, къ которой постановленіе относится, и какъ-будто потому должны имѣть общее значеніе. Но какъ понимать это общее зна-

---

1) XII, 1. О происхожденіи этого артикула Третьяго Статута мы говорили выше, на стр. 31.

2) Vol. Leg., II, p. 190, f.f. 978—979 (62—65).

3) Ibidem, p. 207, f. 1014 (10, 12).

ченіе — для всей Польско-Литовской федеративной Речи Посполитой, или для одной только Польской Короны? С. А. Бершадскій еще въ 1892 году выдвинулъ положеніе, что, „разъ въ сеймовой конституціи не упоминается о Великомъ Княжествѣ, ея постановленія не имѣютъ никакой силы на Литовской территоріи“[1]). Когда С. Л. Пташицкій, въ слѣдующемъ году, попытался доказать, что для Литвы были обязательны и имѣющія общій характеръ постановленія сеймовъ эпохи послѣ Люблинской Уніи, хотя-бы въ нихъ и не было Великое Княжество Литовское названо[2]), Бершадскій самымъ внимательнымъ образомъ провѣрилъ на основаніи фактическаго и текстуальнаго матеріала доводы Пташицкаго и совершенно ясно показалъ ихъ неосновательность. Свой выводъ изъ изученнаго обширнаго матеріала, въ окончательномъ видѣ, Бершадскій формулировалъ такъ: „Поэтому нельзя утверждать, что, если въ конституціи вальнаго сейма, не озаглавленной „Конституціею Великаго Княжества Литовскаго“, помѣщено постановленіе безъ всякой оговорки, то этимъ самымъ такое постановленіе распространяется и на Литву. Только тѣ положенія конституцій вальныхъ сеймовъ безспорно распространяются и на Литву, которыя или помѣщены подъ особымъ заголовкомъ „Конституціи Великаго Княжества Литовскаго“, „Дѣла Великаго Княжества Литовскаго“ и т. д., или же, находясь между другими параграфами извѣстной конституціи, имѣютъ свой особый заголовокъ, напримѣръ, „Суды Княжества Литовскаго“, „Артикулы къ законамъ Великаго Княжества Литовскаго“ и т. д. Если же подобнаго рода заголовка нѣтъ, въ такомъ случаѣ законодатель, для устраненія сомнѣній, прибавляетъ къ извѣстному параграфу конституціи оговорку, что опредѣленія этого параграфа распространяются и на Великое Княжество Литовское“[3]).

Какъ мы уже замѣтили выше, мы не имѣемъ возможности входить на настоящихъ страницахъ въ этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, ибо нашею задачею является лишь изученіе Третьяго Литовскаго Статута. Но въ предѣлахъ такого изученія, по

---

1) С. А. Бершадскій, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву, стр. 19.

2) С. Л. Пташицкій, Къ исторіи Литовскаго права послѣ Третьяго Статута.

3) С. А. Бершадскій, Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 61—62.

отношенію къ конституціямъ „спольныхъ“ сеймовъ времени составленія этого кодекса положеніе, выдвинутое С. А. Бершадскимъ, подтверждается полностью. Отдѣльныя сеймовыя конституціи, въ которыхъ нѣтъ указанія на то, что онѣ относятся къ Великому Княжеству Литовскому, усваивались Третьимъ Статутомъ въ порядкѣ рецепціи иностраннаго законодательства, а не въ порядкѣ инкорпораціи обязательныхъ для государства Литвы законовъ. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы такія конституціи, являющіяся общими законами для Польши, всѣ и въ полномъ своемъ составѣ вошли въ артикулы Литовскаго кодекса. Та часть этихъ конституцій, которая нашла свое отраженіе въ Третьемъ Статутѣ, подверглась настолько значительному измѣненію, что можно говорить только о вліяніи ея на статутовые артикулы, но не объ ихъ ими усвоеніи.

Но два артикула Третьяго Статута представляютъ собою простой переводъ съ польскаго языка двухъ постановленій, имѣвшихъ общее для государствъ Литвы и Польши значеніе. Первый изъ нихъ озаглавленъ — „О захованью въ покою всихъ подданыхъ нашихъ, обывателей того панства, зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского“[1]) и является переводомъ на русскій языкъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года, бравшей подъ свою охрану „покой посполитый межы розорваными и розными людьми въ вере“, т. е. провозглашавшей одинаковую свободу для всѣхъ христіанскихъ вѣроученій въ федеративной Польско-Литовской Речи Посполитой. Этотъ актъ отнюдь не представлялъ собою обычнаго закона, получавшаго законодательную санкцію „спольнаго“ сейма. Онъ являлся актомъ соглашенія обоихъ государствъ федераціи, установленнаго на чрезвычайномъ съѣздѣ ихъ представителей во время безкоролевья, когда обычные „спольные“ сеймы, постановленные договоромъ Люблинской Уніи 1569 года, не имѣя уже въ своемъ составѣ общаго для всей Речи Посполитой монарха, функціонировать не могли. Именно, какъ соглашеніе государствъ Литвы и Польши и обозначили этотъ актъ составители Третьяго Статута въ статутовомъ артикулѣ, выразивъ это такими словами: „конъфедерацыя, часу интерекгни въ той речы межы станы Коруны Польское и Великого Князства Литовъского учиненая“. Во вступительной

---

[1]) III, 3.

части статутоваго артикула внесеніе въ него этого акта Варшавской конфедераціи 1573 года мотивируется отъ имени монарха такъ: „а ижъ тежъ привильемъ и поприсяженьемъ нашимъ естъ утвержоно покою межы розными въ релии стеречи, про то и конъфедерацыя“ эта „въ сесь Статутъ слово отъ слова есть вписана, абы водле нее яко мы, господаръ, такъ и вси обыватели тыхъ панствъ“, ее между собою заключившихъ, „заховали се“. Актъ Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года заключаетъ въ себѣ не только постановленія, касающіяся „разновѣрія“, но и рядъ другихъ, принятыхъ Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ на первомъ съѣздѣ перваго безкоролевья въ образованной Люблинскою Уніею ихъ федераціи. Однако заголовокъ, помѣщенный составителями Третьяго Статута передъ статутовымъ артикуломъ, въ который внесенъ актъ конфедераціи, указываетъ на то, что этотъ актъ разсматривался ими именно въ значеніи его для охраны свободы религіозныхъ вѣрованій, а не въ полномъ его содержаніи. Нельзя упускать изъ виду и того, что статутовый артикулъ начинается указаніемъ на присягу царствовавшаго во время составленія этого артикула монарха, т. е. короля Стефана, утвердившаго при вступленіи на престолъ Речи Посполитой „покой“ между исповѣдующими различныя христіанскія вѣроученія. Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы во время составленія Третьяго Статута на повѣтовыхъ сеймикахъ и съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго не раздавались достаточно сильные голоса, враждебные „разновѣрію“. Борьба съ нимъ католической церкви уже велась тогда, и выработка новаго текста статутоваго артикула, утверждающаго свободу всѣхъ христіанскихъ вѣроученій, была сопряжена потому со значительными затрудненіями. При такомъ положеніи дѣла самымъ простымъ исходомъ въ спорахъ о правахъ „разновѣрія“, конечно, являлась ссылка на актъ Варшавской конфедераціи 1573 года, принятый къ исполненію и присягою царствовавшаго во время составленія Статута монарха. Вопросъ о правахъ „разновѣрія“ при такой постановкѣ его снимался съ обсужденія по его существу и переносился на формальную почву обязательности исполненія постановленій акта конфедераціи 1573 года и утвержденія Стефаномъ Баторіемъ свободы всѣхъ христіанскихъ вѣроученій. Закрѣпить эту свободу въ Третьемъ Статутѣ должны были стремиться и „разновѣрцы“-шляхтичи Великаго Княжества Литов-

скаго, и редактировавшая кодексъ Литовская государственная канцелярія, руководимая „разновѣрцами"-„печатарями", т. е. канцлеромъ и подканцлеромъ того времени.

Итакъ, артикулъ Третьяго Статута, устанавливающій свободу христіанскихъ вѣроученій и воспроизводящій въ переводѣ на государственный языкъ Великаго Княжества Литовскаго текстъ Варшавской конфедераціи 1573 года, не можетъ быть признанъ инкорпораціей закона, изданнаго „спольнымъ" Польско-Литовскимъ сеймомъ. Инкорпорированъ въ Статутъ былъ актъ договора государствъ Литвы и Польши, котораго основное содержаніе составители кодекса считали нужнымъ въ немъ закрѣпить въ значеніи закона Великаго Княжества Литовскаго. Онъ вносится при этомъ въ Третій Статутъ отъ имени монарха государства Литвы, а не отъ имени короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, какъ именовался монархъ федеративной Речи Посполитой. Можно сказать даже, что актъ конфедераціи 1573 года въ статутовомъ артикулѣ представляетъ собою не столько самый законъ, сколько цитату, обосновывающую законъ о свободѣ христіанскихъ вѣроученій.

Не утвержденнымъ на „спольномъ" сеймѣ закономъ является и другой артикулъ Третьяго Статута, воспроизводящій также одну изъ статей „поприсяженья" Стефана Баторія при вступленіи его на престолъ федеративной Речи Посполитой, а именно — „О монополии, то естъ недаванья одной особе въ аренъду и заведанье пожитковъ, всей речы посполитой належачихъ"[1]). Этотъ артикулъ гласитъ слѣдующее: „Ижъ естъ обварoвано въ артыкулехъ поприсяженья нашого, абы монополия не была, про то тотъ артыкулъ слово отъ слова естъ вписанъ и такъ се въ собе маеть: особливе то варуемъ, ижъ податковъ ани поборовъ жадныхъ на именьяхъ нашихъ королевъскихъ и радъ духовъныхъ, такъ же целъ новыхъ на местахъ нашихъ, въ Польще и въ Литве, и во всихъ земляхъ паньства нашого складать и постановлять не маемъ безъ зезволенья всихъ становъ на сойме вальномъ, ани тежъ монополию речей тыхъ, которые съ паньствъ нашыхъ, такъ Польскихъ, яко Литовскихъ, походять, уставляти допустити не маемъ; а хто бы се важилъ надъ сее постановенье листы наши съ канъцляреи нашое одеръжать, тотъ маеть быти виною каранъ до скарбу

---

1) III, 51.

нашого земъского стома копами грошей; а предъ се такие листы наши никоторые моцы мети не мають, и тая особа тымъ владати не будеть мочы".

Вступленіе къ этому артикулу совершенно опредѣленно указываетъ, откуда заимствованъ его основной текстъ. Это тѣ статьи, въ соблюденіи которыхъ Стефанъ Баторій принесъ присягу въ Мегешѣ 8 февраля 1576 года, послѣ оффиціальнаго сообщенія ему объ его избраніи на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Въ числѣ документовъ, выданныхъ имъ тогда, были „Literae confirmationis articulorum Henrico Regi antea oblatorum". Пятнадцатая статья этихъ „Literarum"[1]), въ переводѣ на русскій языкъ, и составила основное содержаніе статутоваго артикула „О монополии". Но текстъ статьи оказался нѣсколько измѣненнымъ въ двухъ мѣстахъ. Во-первыхъ, слова „we wszytkich Ziemiach do Korony należących" замѣнены словами: „во всихъ земляхъ паньства нашого"; и во-вторыхъ, слова „rzeczy tych, ktore z Państw Koronnych, tak Polskich iako Litewskich pochodzą", замѣнены словами: „речей тыхъ, которые съ паньствъ нашыхъ, такъ Польскихъ, яко Литовскихъ, походять". Мы видѣли выше[2]), что избраніе Стефана Баторія поначалу не было признано Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и что оно лишь черезъ полгода послѣ Польши признало новаго короля и своимъ монархомъ. Потому и документы, представленные Баторію Польшею при сообщеніи ему его избранія, были выработаны безъ участія Великаго Княжества, и въ нихъ оказалась выраженною Польская тенденція понимать Унію 1569 года болѣе тѣснымъ соединеніемъ Литвы и Польши, чѣмъ допускала первая, ревниво и настойчиво охранявшая свое государственное значеніе въ федеративной Речи Посполитой. Признать себя „Коронным панствомъ" и единымъ государствомъ съ Польшею Великое Княжество Литовское не желало, а потому составители Третьяго Статута и внесли отмѣченныя

---

[1]) „Osobliwie to waruiemy, iż podatkow, ani poborow żadnych na imionach naszych Krolewskich, y Rad Duchownych, także cel nowych na miastach naszych w Polszcze y w Litwie, y we wszytkich Ziemiach do Korony należących, składać y postanawiać nie mamy, bez dozwolenia wszech Stanow na Seymie Walnym. Ani też monopolia rzeczy tych, ktore z Państw Koronnych, tak Polskich iako Litewskich pochodzą, ustawiać dopuścić nie mamy". Vol. Leg., II, p. 152, f. 901.

[2]) Часть первая, стр. 336—341.

нами измѣненія въ текстъ статьи „Literarum“, превращая ее въ статутовый артикулъ. Но они добавили къ этому тексту и конецъ артикула въ видѣ постановленій, которыхъ въ статьѣ не имѣлось: „а хто бы се важилъ надъ сее постановенье листы наши съ канъцляреи нашое одеръжать, тотъ маеть быти виною каранъ до скарбу нашого земъского стома копами грошей; а предъ се такие листы наши никоторые моцы мети не мають, и тая особа тымъ владати не будеть мочы“. Эти заключительныя слова совершенно умѣстны въ артикулѣ Третьяго Статута, ибо декларацію Стефана Баторія кодификаторы превращали въ законъ Великаго Княжества Литовскаго, а этотъ законъ долженъ былъ предвидѣть и кару для его нарушающихъ, и опредѣленіе о ничтожности господарскихъ листовъ, которыхъ сила уничтожалась новымъ закономъ.

Изучая источники новыхъ постановленій, внесенныхъ въ Третій Статутъ его составителями, мы старались выяснить ихъ отношеніе къ постановленіямъ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго времени между утвержденіемъ Второго Статута и Люблинскою Уніею, къ постановленіямъ „спольныхъ“ Польско-Литовскихъ сеймовъ времени составленія Третьяго Статута и къ общимъ для Литвы и Польши постановленіямъ годовъ безкоролевій. Но эти источники нашли свое мѣсто лишь въ части, притомъ не большей, а значительно меньшей общаго числа дополненныхъ артикуловъ Второго Статута при перенесеніи ихъ въ Третій, а также артикуловъ новыхъ, появляющихся въ послѣднемъ впервые. Въ виду этого, необходимо долженъ быть поставленъ вопросъ о происхожденіи и этихъ статутовыхъ артикуловъ, возникшихъ независимо отъ обычныхъ сеймовъ и чрезвычайныхъ съѣздовъ времени безкоролевій. Мы уже видѣли выше, что Третій Статутъ былъ „поправою“ Второго прежде всего на основѣ опыта примѣненія его въ годы послѣ его утвержденія. Этотъ опытъ обнаруживалъ дефекты артикуловъ Второго Статута 1566 года. Въ жизни нарастали новыя явленія, требующія ихъ нормировки закономъ. При исправленіи и дополненіи артикуловъ Второго Статута составители Третьяго могли руководиться собственною практическою мыслью, исходившею изъ конкретныхъ фактовъ и явленій жизни, не замѣченныхъ или упущенныхъ при составленіи кодекса 1566 года, а также нарождавшихся вновь въ годы послѣ его утвержденія. Но толчкомъ для переработки стараго закона и

для выработки новаго могло являться и знакомство составителей Третьяго Статута съ законодательствомъ, дѣйствовавшимъ въ другихъ государствахъ, начиная съ Польши и продолжая другими странами, законы которыхъ были извѣстны отдѣльнымъ лицамъ, трудившимся надъ статутовою „поправою". Иными словами, рецепція другихъ законодательствъ должна была имѣть мѣсто и при составленіи Третьяго Статута такъ же, какъ она имѣла мѣсто при выработкѣ Второго. Подобно составителямъ Второго Статута составители Третьяго рецепировали право, дѣйствовавшее въ другихъ странахъ Европы, въ томъ, что представлялось имъ цѣлесообразнымъ и удовлетворяющимъ потребностямъ жизни Великаго Княжества Литовскаго. Право римское, каноническое Римской и Греческой церквей, городское-нѣмецкое и вообще право, дѣйствовавшее въ различныхъ государствахъ, могло получать свое отраженіе въ новыхъ артикулахъ Третьяго Статута и въ дополненіяхъ и исправленіяхъ артикуловъ Статута 1566 года. И мы должны по отношенію къ происхожденію отдѣльныхъ артикуловъ Третьяго Статута повторить лишь то, что было нами высказано при изученіи составленія Статута 1566 года: „въ этой области необходимъ еще рядъ спеціальныхъ изслѣдованій на основѣ сравнительнаго изученія текстовъ Статута и текстовъ какъ иностраннаго права, такъ и мѣстныхъ источниковъ права Великаго Княжества Литовскаго"[1]).

Казалось бы, что при томъ развитіи писаннаго права, которое наблюдается во Второмъ и Третьемъ Статутахъ, обычное право не должно было уже являться источникомъ для законодательства. Въ дѣйствительности же, составители Третьяго Статута сами указываютъ на него какъ на источникъ нѣкоторыхъ изъ выработанныхъ ими артикуловъ. Такъ, установляя, что стадо домашняго скота можетъ отпускаться безъ пастуха только до дня Святого Юрія (23 апрѣля), а съ этого дня до дня Всѣхъ Святыхъ (1 ноября) можетъ выпускаться лишь въ сопровожденіи „сторожа або пастуха", статутовый артикулъ добавляетъ: „а давность заплате за испашъ не маеть дальшая быти, толко подле стародавного обычаю до Божъего Нароженья"[2]).

---

1) Часть первая, стр. 144.

2) XIII, 2 — „Якимъ обычаемъ маютъ се заховати о испашъ и о грабежи на испашахъ". Ср. въ томъ же артикулѣ: „......маютъ быти займованы подле обычаю давного".

Говоря о случаяхъ захвата „до везенья своего“ и жестокостей „отъ можнейшыхъ“ шляхтичей по отношенію къ „убожшымъ“, Третій Статутъ отъ имени господаря установляетъ, что „тогды, водле обычаевъ добрыхъ давныхъ, которые и передъ тымъ въ томъ панстве нашомъ были заховываны, оный, таковое безправье терпячый, моцъю звирхности нашое господаръское черезъ посланца нашого або черезъ воеводу албо старосту того повету, где ся то деяти будеть, за листомъ и посланцомъ его, маеть быти напервей з везенья вынятъ и выпущонъ, по томъ ему справедливость безъ проволоки маеть быти учынена черезъ тотъ же врядъ кгродъский на року перъвшомъ, яко на завитомъ“[1]). Въ артикулѣ „О погоненье следомъ въ якой-колвекъ шкоде покраденой“[2]) говорится о соблюденіи „давного обычаю“ при разслѣдованіи дѣла о покражѣ. Въ томъ же артикулѣ организація копнаго суда по обычаямъ Руси распространяется и на всѣ остальныя земли Великаго Княжества Литовскаго — „А на Руси и инъде, где здавна копы бывали, тамъ маютъ быти и теперъ копы отправованы на старыхъ коповищахъ тымъ обычаемъ, яко первей того бывало; а на тыхъ тежъ местъцахъ, где доселъ копы не бывали, таковымъ же порядъкомъ и поступкомъ копы збираны и отправованы быти маютъ, яко ся и на Руси заховывало и заховуеть“[3]).

Но иногда составители Третьяго Статута признавали нужнымъ и вносить закономъ поправки въ дѣйствовавшій обычай. Артикулъ „О отменахъ кгрунъты нашыми зъ кгрунты шляхетъскими“[4]) начинается такъ: „Ижъ тежъ въ звычаю было въ томъ паньстве нашомъ Великомъ Князстве Литовъскомъ, же замены даваны кгрунътами, столу нашому належачими, за добра-кгрунты шляхетские отъ продковъ нашихъ и отъ насъ, господара, а часомъ отъ ревизоровъ, въ чомъ некгды уближенье бывало добрамъ столу нашого, а некгды тежъ и шляхтичови ровная и

---

1) XI, 28 — „Хто бы шляхътича взялъ до везенья своего свовольне и надъ нимъ се паствилъ албо его у везенью уморылъ“.

2) XIV, 9.

3) О копныхъ судахъ см. особенно трудъ И. Ю. Черкаскаго, основанный на изученіи обширнаго матеріала — Іринарх Черкаський. Громадський (Копний) Суд на Україні-Русі XVI—XVIII в.в. (Праці Ком. для виуч. іст. зах.-р. та вкр. права. Вип. 4—5. У Київі, 1928). Въ этомъ трудѣ указана и литература предмета.

4) III, 50.

зупольная отмена не дошла, што у порадокъ слушный приводечы, такъ впередъ постановляемъ..,...“

Нѣкоторые изъ статутовыхъ артикуловъ приводятъ мотивировку для постановляемаго закона. Такая мотивировка можетъ заключать въ себѣ указаніе на задачу государственной власти охранять покой и нравственные устои жизни населенія, но можетъ указывать и на тѣ или другія явленія, вызвавшія надобность въ данномъ законѣ. Примѣры перваго: „уставуемъ, хотячи то мети вечными часы, ижъ бы подданые нашы, подъ росказаньемъ нашымъ мешкаючи, учстиве жили, зысковъ спросныхъ, Богу и людемъ почстивымъ обрыдлыхъ, не наследовали“[1]); „забегаючи межи иншими и той злости, абы ся въ панъствахъ нашихъ християнъскихъ не множила, то есть чужоложство, которымъ не мней Панъ Богъ бываеть обpaжонъ, уставуемъ“[2]); „повстегаючи мы, господаръ, своволенства и зуфалства людские, которые ся што отъ часу въ людехъ неповстегливыхъ, безъ всякое боязни Божое, оказують, съ чого и кровъ невинъную людскую невстыдливе и невинне, въ надею заплаты за нее пенежное, розливають и тымъ не меншъ Пана Бога ку гневу на речъ посполитую побужають, уставуемъ“[3]); „ради то видечы, абы въ панстве нашомъ хрестиянъскомъ всякая учстивость и поважность, поволанью хрестиянскому належачая, была захована, а противные тому жебы каранье слушное на собе относили, откуль бы и инъшые нерадного предъсявзятья своего повъстегати ся могъли, уставуемъ“[4]). Примѣры второго: „ижъ некоторые люди звыкли были въ позвехъ жалобы своее, при кгвалтехъ и при иншыхъ розницахъ, писати много речей, шкодъ, албо и при устной жалобе словне ихъ много менити, а часу доконанья права, кгды прийдеть ку присязе, тогды тыхъ шкодъ, въ позве або устне на жалобе помененыхъ, великую часть отступовали, чымъ яко врядъ въ непотребную трудность приводили, такъ и себе они якое мниманье противное приправовали, а такъ мы, господаръ, хотячы то въ людяхъ таковое

---

1) XIV, 31 — „О каранью зводницъ“.

2) XIV, 30 — „О каранью чужоложъства“.

3) XII, 1 — „О забитью чоловека простого стану отъ шляхтича“.

4) XI, 60 — „О каранью такихъ невестъ збытечныхъ, которые бы дети свои або иншыхъ губили“.

мысли впередъ завстегнути, уставуемъ"[1]); „ижъ многие люди звыкли о речы давные застаралые, менуючы заставу, одинъ другого ку праву потегати и тымъ затрудненье сторонамъ и вряду непотребное задавати, про то и о такихъ давныхъ а прошлыхъ заставахъ такъ объясняемъ и уставуемъ"[2]); „обачаючи тежъ то, ижъ въ томъ панъстве Великомъ Князстве Литовъскомъ, на частыхъ местцахъ, на селахъ, намножило се своволне много коръчомъ покутныхъ, которые коръчмы покутные не одно на великой переказе местомъ нашимъ и шляхетъскимъ, але и въ речи посполитой сказу и шкоду приносятъ не менъшъ съ тое самое причины, же въ таковыхъ коръчмахъ покутнихъ уставичне забойства, злодейства, розъбой и иншие многие збытки деютъ ся, чому забегаючы, уставуемъ"[3]); „кгды жъ се то подъ часъ траѳляеть, же слуги за росказаньемъ пановъ своихъ злодея и иныхъ злочынцовъ паньскихъ имати и гонити не хотять, даючы тую причину, ижъ сами панове не гонили, албо чынечы тымъ вымову, же ся ему не годить на ката гонити, въ чомъ людемъ злымъ не толко фолкгу, але и великую оборону тымъ чынили, абы рукъ уходили тыхъ, которые ихъ поймати могли, для того уставуемъ"[4]).

Не наблюдавшееся раньше явленіе въ жизни Великаго Княжества Литовскаго, но развивавшееся настолько, что на него долженъ былъ обратить свое вниманіе законодатель, иногда получало въ артикулѣ Третьяго Статута весьма подробное описаніе. Въ числѣ такихъ явленій должна быть признана дуэль. Статутовый артикулъ[5]) говоритъ о ней такъ: „ижъ тежъ шкодливый звычай въщалъ се былъ межы поддаными нашыми, звлаща стану рыцеръского, которые, за леда причиною теръпливости пристойное въ собе не заховываючи и правомъ посполитымъ не обходечи се и овшемъ имъ яко бы възгаръжаючы, своволне и быстре одинъ на другого торъгнувши се, а за тымъ

---

[1]) XI, 59 — „О писанью шкодъ въ позве або менованью при устной жалобе".

[2]) VII, 13 — „О способе доводу заставы именья лежачого, кгды бы хто кого ку бранью пенезей позвалъ".

[3]) XIV, 33.

[4]) XII, 23. Ср. IX, 13 („О такомъ, хто бы безъ причинъ слушныхъ правныхъ на року за позвы подъкоморого не сталъ"): „однакъ же, забегаючи хитрости людской, и то варуемъ....."

[5]) XI, 14 — „О забитье за повабеньемъ або вызваньемъ на руку".

на руку повабивши и обовезавшы словы такими, которые се почстивости и доброе славы дотычуть, по томъ спольне бъючы ся и раны собе задаючы, о раны шкодливые и зайстья межы собою приходять, а некоторые броней шкодливыхъ яко бы противко посторонъному неприятелю, и дивныхъ поступковъ до того ужываючы, на смерть одинъ другого забияють и сполне се моръдують, не иначей, яко бы звирхности и справедливости надъ собою не мели, и хотя жъ подъ часъ то собе обваровывають, естли бы одинъ другого ранилъ або забилъ, же того на собе сами и потомкове ихъ позыскивати не мають, однакъ же то въ речы посполитой жадного помноженья и пожытку не чинить, и овшемъ кгды се кровъ людъская, часомъ и невинная, выливаеть, Панъ Богъ тымъ бываеть обрушонъ, такъ же и покой посполитый ображонъ". Нельзя при этомъ не отмѣтить того, что законъ о дуэли былъ для Польши внесенъ только въ конституціи коронаціоннаго сейма 1588 года[1]), датированныя 30-мъ января этого года, Третій же Литовскій Статутъ былъ утвержденъ 28 января 1588 года. Такимъ образомъ, законодательство Великаго Княжества Литовскаго въ данномъ случаѣ, какъ и въ рядѣ другихъ, создавало свой законъ раньше, чѣмъ это дѣлало по отношенію къ аналогичному явленію жизни законодательство Польши.

Составители Третьяго Статута сознавали, что, несмотря на всю многолѣтнюю и тщательную работу, которая производилась надъ статутовою „поправою", новый кодексъ не могъ предвидѣть рѣшительно всѣ жизненныя явленія, подлежавшія его нормировкѣ закономъ, и всѣ казусы, могущіе возникать при разборѣ дѣлъ судами. Всѣ суды, какъ гласитъ Третій Статутъ, должны разбирать поступающія на ихъ разсмотрѣніе дѣла только на основаніи статутовыхъ артикуловъ, притомъ лишь на основѣ данныхъ, получаемыхъ при судебномъ разбирательствѣ, а не свѣдѣній, имѣющихся у судей помимо него. Но, если бы въ Статутѣ не оказалось закона, на основаніи котораго возможно разрѣшить данное дѣло, судьи должны вынести свое рѣшеніе по общему смыслу законовъ согласно своей совѣсти

---

1) Vol. Leg., II, p. 255, f. 1214 (18. „De duellis"). С. А. Бершадскій уже отмѣтилъ различіе наказанія за вызовъ на дуэль по этой конституціи и по Третьему Литовскому Статуту. С. А. Бершадскій, Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 45.

и „прикладомъ иншыхъ правъ хрестияньскихъ“ [1]). Въ литературѣ уже обратило на себя вниманіе то обстоятельство, что составители Третьяго Статута не предписали обращенія къ Польскому законодательству въ случаяхъ отсутствія соотвѣтствующихъ законовъ въ Литовскомъ Статутѣ [2]). И дѣйствительно это не можетъ не быть признано характернымъ. Помимо того, что, казалось бы, совершенно естественно было указать именно на Польское законодательство въ значеніи субсидіарнаго права для Великаго Княжества Литовскаго, со времени Люблинской Уніи находившагося въ федераціи съ Польскою Короною, нельзя забывать и предписанія, даннаго Люблинскимъ сеймомъ 1569 года утвержденной имъ коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута, а именно — согласовать право Литовскаго Статута со „Статутомъ Польскимъ“ [3]). Отрицательное отношеніе составителей Третьяго Статута къ директивамъ Люблинскаго сейма отчетливо обнаруживается статутовымъ артикуломъ, дающимъ указаніе судьямъ на случай недостатка нужнаго имъ отдѣльнаго закона въ Литовскомъ Статутѣ.

Требованіе, чтобы всѣ судьи руководствовались въ своихъ приговорахъ и рѣшеніяхъ статутовыми артикулами, провозглашенное, какъ мы видѣли, въ Третьемъ Статутѣ съ такою категоричностью, было нѣсколько ослаблено составителями кодекса въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ артикулахъ. Г. В. Демченко, изучая постановленія Литовскихъ Статутовъ о наказаніяхъ, пришелъ къ выводу, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ санкція уголовнаго закона не имѣетъ своей обычной опредѣленности“, и что

---

1) „А мы, господаръ, такъ же Судъ Головный, воеводове, старостове и врядники наши, судья, подъсудокъ, и судъ замковый або дворъный, и нихто иный ничого з головы и домыслу своего, такъ же и зъ ведомости своей судити и сказывати не мають и не будуть мочы, толко водлугъ сего Статуту и артыкуловъ, въ немъ описаныхъ, и водлугъ мовенья и споровъ у суду обеюхъ сторонъ; а где бы чого въ томъ Статуте не доставало, тогды судъ, прихиляючы ся до ближъшое справедливости, водле сумненья своего и прикладомъ иншыхъ правъ хрестияньскихъ то отправовати и судити маеть“. IV, 54 („Яко стороны у суду за позвы заховати ся мають, а судъ ижъ бы з головы ничого не судилъ“).

2) На это указалъ С. А. Бершадскій (op. cit., стр. 49), опровергая мнѣніе С. Л. Пташицкаго, высказанное имъ въ его работѣ „Къ исторіи Литовскаго права послѣ Третьяго Статута“, будто-бы Литовскіе суды, въ случаѣ сомнѣнія, должны были обращаться къ Польскимъ конституціямъ.

3) См. выше, часть первая, стр. 376—377.

„въ видѣ исключенія мы находимъ въ Статутѣ, рядомъ съ абсолютно-опредѣленной санкціей, также санкцію неопредѣленную (въ 15-ти случаяхъ) и относительно-опредѣленную (въ 10-ти случаяхъ)“ [1]). Не всѣ изъ отмѣченныхъ Г. В. Демченкомъ статутовые тексты, на нашъ взглядъ, могутъ быть признаны говорящими объ ослабленіи общаго требованія Третьяго Статута отъ судей, чтобы они строго руководствовались статутовыми артикулами въ своей судебной дѣятельности. Такъ, гетманъ въ своемъ судѣ руководился не только своимъ усмотрѣніемъ „водле баченья своего“, но и спеціальными военными „артикулами“, издававшимися въ то или другое время [2]). Судъ пана надъ своимъ подданнымъ не является судомъ государственныхъ судебныхъ учрежденій и принадлежитъ къ области вотчинной юстиціи. Но нѣкоторые изъ артикуловъ Третьяго Статута, которые не выдвинулъ на первое мѣсто Г. В. Демченко, дѣйствительно предписываютъ судьямъ въ отдѣльныхъ случаяхъ отступать въ своихъ рѣшеніяхъ отъ точныхъ требованій статутовыхъ законовъ. Такъ, артикулъ „О розбои, который бы ся сталъ отъ татаровъ“ [3]), предписываетъ, въ случаѣ обвиненія въ разбоѣ татаръ „народу зацного“ (князей, мурзъ и улановъ), производить „шкрутиниумъ, то есть выведанье, такъ около того местца, где ся што станеть, яко и въ околичныхъ суседовъ мешканья оного татарина“, а затѣмъ творить судъ такъ же, какъ о разбоѣ, „шляхтичу отъ шляхтича учыненомъ“, согласно соотвѣтствующему артикулу Статута [4]). Что же касается остальныхъ татаръ, „которые привильями, имъ надаными, не суть припущоны до волности шляхетское“, то, при предъявленіи имъ обвиненія въ разбоѣ, „розъсудокъ чыненъ быти маеть“ судомъ „водлугъ налепшого баченья своего, прихиляючы ся чымъ ближей ку справедливости“.

Въ данномъ случаѣ имѣемъ различеніе стоящихъ передъ судомъ на шляхтичей и нешляхтичей. По отношенію къ первымъ судъ долженъ выполнять точно постановленія Статута. По отношенію ко вторымъ онъ можетъ дѣйствовать по своему

---

[1]) Г. В. Демченко, Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.). Кіевъ, 1894. Стр. 228.

[2]) Ср. выше, стр. 20.

[3]) XI, 33.

[4]) XI, 30 — „Естли бы шляхтичь шляхтича на дорозе розбилъ“.

усмотрѣнію и въ сокращенномъ порядкѣ судопроизводства. Тутъ передъ нами, такимъ образомъ, раздѣленіе отвѣтчиковъ на полноправныхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго и неполноправныхъ. Но Третій Статутъ допускаетъ усмотрѣніе суда и въ примѣненіи уменьшенной уголовной отвѣтственности при совершеніи преступленія несовершеннолѣтнимъ. Артикулъ „О обвиненью въ злодействе шляхтича, летъ зуполныхъ не маючого, такъ же и о простыхъ людяхъ“[1]) гласитъ, что, если будетъ обвиненъ въ воровствѣ шляхтичъ не старше шестнадцати лѣтъ, то онъ „не маеть быти до ката въ руки и на муку даванъ“. Причиненные имъ убытки „з навезкою“ платятъ, съ его части имѣнія, его родители или родственники; если же у него нѣтъ „чымъ платити“, то онъ выдается потерпѣвшему „на выслугу“, пока эти убытки оплатитъ своею службою, изъ расчета по копѣ грошей въ годъ. Такъ же предписываетъ статутовый артикулъ „розумети и о детяхъ людей простыхъ летъ недорослыхъ“. Но наказанъ такой несовершеннолѣтній преступникъ сверхъ того все-таки долженъ быть, если онъ совершилъ кражу не въ первый разъ, и урядъ, по своему усмотрѣнію, налагаетъ на него тѣлесное наказаніе — „а ведже таковый хлопецъ недорослый естли бы въ колку злодействахъ и при лицы[2]) былъ дознанъ, таковыхъ врядъ маеть карати водле зданья своего, то естъ не горломъ, але якимъ караньемъ на теле“.

Предвидитъ Третій Статутъ и такіе случаи въ судебной практикѣ, когда судьи не могутъ на основаніи данныхъ судебнаго разслѣдованія составить себѣ ясное и несомнѣнное убѣжденіе въ виновности обвиняемаго. Въ такихъ случаяхъ имъ предписывается лучше оправдать и освободить обвиняемаго, чѣмъ приговаривать его къ наказанію — „а ведже судъ подобенъства всякие на доброй бачности мети маеть, и въ речахъ вонтъпливыхъ склонънейший маеть быти ку вызволенью, нижли ку караныо“[3]).

Литовскій Статутъ 1566 года, какъ мы это видѣли выше[4]), выработалъ и конституцію государства Литвы, съ которою Ве-

---

[1]) XIV, 11.

[2]) Т. е. пойманъ съ поличнымъ.

[3]) XIV, 3 — „О пойманомъ з лицомъ въ местехъ нашихъ господаръскихъ и о зводехъ злодейства, съ чимъ-колвекъ хто пойманъ будеть“.

[4]) Часть первая, стр. 207 и сл.

ликое Княжество Литовское вступило въ переговоры съ Польшею объ Уніи въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Договоръ Люблинской Уніи вносилъ существенныя измѣненія въ основные законы Великаго Княжества Литовскаго. Къ вопросу объ усвоеніи этихъ измѣненій Третьимъ Статутомъ мы и должны теперь обратиться.

Глава II.

Основные законы Третьяго Литовскаго Статута и Люблинская Унія.

Великое Княжество Литовское какъ самостоятельное государство. Его территорія. Польша — иностранное государство. „Панства" общаго монарха Литвы и Польши. Значеніе выраженія „речь посполитая" въ статутовыхъ текстахъ. Составъ государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго. Земли, оторванныя отъ государства Литвы къ Польской Коронѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, и Третій Статутъ. Оборона Великаго Княжества Литовскаго, а не его и Польши. Населеніе государства Литвы. „Шляхетскій народъ" и „люди стану простого". „Подданные". Третій Статутъ и требованіе договора Люблинской Уніи объ уравненіи поляковъ въ правахъ съ „обывателями" Великаго Княжества Литовскаго. Значеніе выраженія „люди обчіе". Значеніе выраженія „суседы", употребляемаго Третьимъ Статутомъ для обозначенія поляковъ. „Родичи" Великаго Княжества Литовскаго и ихъ права, недоступныя полякамъ и чужестранцамъ. Права шляхетскаго „народа" государства Литвы. Государственная власть Великаго Княжества Литовскаго. Монархъ — великій князь Литовскій. Онъ можетъ быть и не быть королемъ Польскимъ. Присяга великаго князя государству Литвы. Ограниченіе его власти законами Третьяго Статута. Конструкція статутовыхъ артикуловъ о немъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли сохранить свои постановленія и при Уніи Литвы съ Польшею, и безъ нея. Повѣтовые сеймики и предсеймовый съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго. Рада государства Литвы. Общія постановленія Литвы и Польши въ Третьемъ Статутѣ. Государственный языкъ Великаго Княжества Литовскаго. Опущеніе ссылки на „статутъ судейскій Польскій", имѣвшейся во Второмъ Статутѣ. Монета. Итоги изученія текстовъ артикуловъ Третьяго Статута, вскрывающихъ отношеніе послѣдняго къ договору Люблинской Уніи.

Конституція Третьяго Литовскаго Статута представляетъ собою закрѣпленіе въ артикулахъ закона работы государственной мысли Великаго Княжества Литовскаго въ годы составленія этого кодекса, которые были и годами реализаціи договора Люблинской Уніи. Мы видѣли выше отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Уніи 1569 года и его рѣшимость во что бы то ни стало сохранить свое государство въ федеративномъ соединеніи съ Польшею. Эта рѣшимость получила совершен-

но ясное выраженіе и въ фактахъ отношеній Литвы къ Коронѣ въ ту эпоху[1]), и въ выработкѣ основныхъ законовъ при составленіи Третьяго Литовскаго Статута[2]). Теперь мы должны обратиться къ изученію этихъ законовъ въ томъ ихъ содержаніи, которое они получили въ окончательной редакціи кодекса.

Третій Литовскій Статутъ знаетъ Великое Княжество Литовское только какъ „панство", т. е. государство. Полнота значенія этого государства осталась тою же, какою она была и до заключенія Люблинской Уніи. Первый артикулъ третьяго раздѣла Статута гласитъ: „мы, господаръ, обецуемъ тежъ и шлюбуемъ то за себе и за потомъки наши, великие князи Литовские, подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князьства Литовъского, ижъ тое-то славное панство Великое Князство и вси земли, ку нему здавна и теперъ належачие, въ славе, тытулехъ, столицы, зацности, владзы, можности, росказыванью и въ иншихъ всякихъ належностяхъ и прислухиванью, и тежъ въ границахъ, ни въ чомъ уменьшивати и уимовати або понижати не маемъ и овшемъ ещо всего того примножати хочемъ и будемъ". То же обязательство монарха государства Литвы имѣется и въ Статутѣ 1566 года, перенесенное въ него изъ Перваго Литовскаго Статута[3]) и общеземскихъ привилеевъ, начиная съ Казимирова привилея 2 мая 1447 года. Но въ кодексѣ, составленномъ послѣ Люблинской Уніи, оно получаетъ новое значеніе. Имъ Великое Княжество Литовское опредѣляло свое самостоятельное государство въ федераціи съ Польскою Короною. Чтобы подчеркнуть особность государства Литвы отъ государства Польши, Третій Статутъ употребляетъ по отношенію къ Великому Княжеству Литовскому обозначенія „то панство", „сее панство", „здешнее панство", „тутошнее панство"[4]).

---

[1]) См. главу VI первой части.

[2]) См. главу VII первой части.

[3]) II Ст., III, 1; I Ст., III, 1.

[4]) То панство — I, 9, 10, 25, 30; II, 1, 5, 23, 27; III, 2, 4, 7, 16, 18, 33, 35; IV, 1, 3, 12, 14, 15, 29, 35, 37, 45, 55, 56, 67, 70, 83, 94, 104; V, 1, 7, 22; VI, 3; VII, 13; VIII, 2, 4; XI, 4, 14, 31, 36, 57; XIV, 4, 33; сее панство — III, 5, 32; IV, 5; VII, 23; IX, 20; XIV, 4; здешнее панство — I, 9, 25; II, 27; III, 21; IV, 1, 67, 104; XI, 44; XII, 22; XIV, 4; тутошнее панство — II, 1; III, 18; IV, 70.

Территорію государства Литвы составляютъ „земли Великого Князства Литовского и вси иные земли, здавна и теперъ до того панства Великого Князства Литовского належачие“ (I, 2), оно „и вси земли, ему прислухаючие“ (III, 12) и „къ нему належачие“ (IV, 14, 15; V, 7; XIV, 35), „Великое Князство Литовъское и вси земли того паньства“ (III, 2), „вси земли Великого Князьства Литовского“ (III, 1, 16, 38, 48; IV, 3), „вся земля того паньства нашого Великого Князства Литовского“, какъ говорится въ Третьемъ Статутѣ отъ имени его монарха (III, 35; IV, 104). Эта территорія государства Литвы противополагается другимъ государствамъ, „чужимъ панствамъ“. Обыватели Великаго Княжества Литовскаго могутъ внѣ его „панства“ быть „на послузе“ господарской „або на наукахъ и по рыцеръству у чужихъ паньствахъ“ (IV, 70), „на службахъ въ чужихъ краинахъ або на науце, або тежъ у везенью неприятельскомъ“ (VI, 11). Въ государство Литвы могутъ пріѣзжать различные „чужоземцы“ для того или иного рода въ немъ дѣятельности, служебной, торговой или промышленной. Выдѣлялъ ли Третій Статутъ изъ этихъ „чужихъ панствъ“ Польшу, съ которою государство Литвы было соединено Люблинскою Уніею, или его законы признаютъ Польскую Корону такимъ же „чужимъ панствомъ“, какъ и другія иностранныя государства?

На этотъ вопросъ текстъ статутовыхъ артикуловъ даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. Одинъ изъ примѣровъ такого отвѣта имѣемъ въ четвертомъ артикулѣ четырнадцатаго раздѣла Третьяго Статута. Въ немъ говорится о преступленіяхъ, которыя могутъ совершаться во время ярмарокъ[1]). На эти ярмарки съѣзжались люди не только изъ ближайшихъ мѣстностей, но и изъ другихъ земель и повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, а также и изъ-за границы. Пріѣзжіе люди могли во время ярмарокъ дѣлаться жертвами преступленій, могли совершать преступленія и сами. О такихъ случаяхъ Третій Статутъ говоритъ: „А што ся дотычеть купцовъ и иншихъ людей чужоземъскихъ албо и тубылцовъ и инъшыхъ людей приеждчыхъ з ыншого панства або тежъ и з сего панства, але з ыншихъ поветовъ далекихъ, за колкодесять миль, такимъ въ кривдахъ ихъ на томъ же вряде, где ся што на торгу станеть, ... справедливость чинена быти маеть“. Въ этомъ текстѣ

---

[1]) „О то, што бы ся стало на торъгу албо на ярмарку и празнику“.

языкъ Статута противополагаетъ „сему панству“, т. е. Великому Княжеству Литовскому, всѣ остальныя государства, изъ которыхъ могутъ оказаться на ярмаркѣ прiѣзжiе люди. Совершенно ясно, что и Польша мыслится Статутомъ въ числѣ этихъ „иншихъ панствъ“. Изъ нихъ въ государство Литвы прiѣзжаютъ „купцы, люди приеждчие здалека, з ыншихъ чужихъ панствъ, которые жадного захованья и знаемости въ томъ панъстве“ господарскомъ „не маютъ“[1]). Но Третiй Статутъ знаетъ „чужоземцовъ“ не только въ качествѣ купцовъ. Они могутъ поселяться въ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго, купивъ то или другое „именье шляхетское“[2]). Они появляются на территорiи государства Литвы, служа въ наемныхъ войскахъ, — „люди прибылые, такъ объчые, яко и суседние, заграничники“[3]). И всѣ они разсматриваются Третьимъ Статутомъ какъ прибывшiе въ „здешнее панство“ изъ „панствъ иншихъ“. Польша отнюдь не выдѣляется изъ ряда послѣднихъ. Для обозначенiя ея обывателей прибавляется, какъ увидимъ ниже, только еще одно слово „суседы“. Но оно не уничтожаетъ значенiя понятiя „чужоземецъ“ и „заграничникъ“. „Чужоземцы“ и „заграничники“ противополагались въ языкѣ Статута „тубыльцамъ“ и „родичамъ тутошнего панства“ и не могли претендовать на равенство правъ съ послѣдними.

Въ артикулахъ Третьяго Статута, говорящихъ о „чужихъ панствахъ“, мы никогда не встрѣчаемъ какой-либо оговорки по отношенiю къ Польшѣ, несмотря на существованiе договора Люблинской Унiи, заключеннаго съ нею Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ статутовыхъ текстовъ, въ которыхъ было бы безусловно умѣстнымъ выдѣлить соединенную Люблинскою Унiею съ Литвою Польшу изъ ряда „чужихъ“ или „иншихъ“ государствъ, упоминаемыхъ Статутомъ. Шестнадцатый артикулъ третьяго раздѣла говоритъ отъ имени господаря о постановленiи, „абы княжата и панове хоруговные, шляхта и кожъдый чоловекъ рицерский и всякого стану того паньства Великого Князства Литовского мели воль-

---

1) XI, 31.

2) III, 21 — „О чужоземъцу, наганеномъ о шляхетство, и о набытью черезъ него оселости“.

3) II, 23 — „О приймованью людей служебныхъ прибылыхъ и яко се они въ тягненью заховати се маютъ“.

ность и моцъ выехати и выйти съ тыхъ земль нашихъ Великого Князства для набытья наукъ, въ писме цвиченья и учинъковъ рыцерскихъ и тежъ, будучи неспособного здоровъя своего, для лѣкарствъ, до всякихъ земль и сторонъ кромя земъль неприятелей нашихъ, съ кимъ бы тое панство нашо на онъ часъ валчило"[1]). Совершенно естественно ожидать въ этомъ артикулѣ упоминаніе о Польшѣ, поѣздки въ которую не должны были бы разсматриваться какъ выѣзды во „всякія земли", ибо государство Литвы находится съ нею въ Уніи. Этого упоминанія Статутъ сдѣлать не счелъ нужнымъ. Не дѣлаетъ онъ его и въ своемъ постановленіи о составленіи завѣщаній во время такихъ путешествій — „а где бы се траѳило кому, будучы въ чужой земли, тестаменътъ чинити, тогды тотъ тестаментъ маеть быти объявленъ передъ тымъ врядомъ, где ся то прыгодить, а по томъ, прыехавшы зась до того паньства и повету, где прыслухати будеть, указавшы выписъ оного уряду, пры которомъ тотъ тестаментъ чиненъ, предъ се маеть передъ урядомъ земъскимъ того повету своего то оповѣдати, яко о томъ естъ вышей описано"[2]). Говоря о дѣлахъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ на рокахъ земскихъ судовъ, Статутъ предвидитъ возможность пребыванія нѣкоторыхъ изъ нихъ, во время разсмотрѣнія дѣла, за-границей и дѣлаетъ по отношенію къ нимъ исключеніе въ примѣненіи закона о земской давности: „выймуючи только тыхъ участниковъ съ такового позыванья и обосланья листами врядовыми, которые бы были на послузе" господарской „або на наукахъ и по рыцеръству у чужихъ паньствахъ, бо тымъ, прыехавшы до тутошнего паньства, такъ же волно будеть своихъ частей доходити, одно бы по тому жъ, прыехавши до того паньства, давности земъское не омешкали"[3]). Статутъ знаетъ и случаи пребыванія „за границою, въ

---

1) Въ заголовкѣ этого артикула стоитъ: „О вольности выеханья съ панствъ нашихъ до инъшихъ паньствъ хрестиянскихъ, кромъ земль неприятелскихъ, и о опекахъ такихъ именей". Первая мысль, которая можетъ явиться при чтеніи этого заголовка, это та, что подъ „панствами нашими" должны пониматься и Литва, и Польша. Но эта мысль разрушается текстомъ артикула, говорящимъ о выѣздѣ только „съ тыхъ земль нашихъ Великого Князства". О приложеніи къ этимъ землямъ обозначенія „панства" намъ еще придется говорить ниже.

2) VIII, 4.

3) IV, 70.

чужихъ паньствахъ на послузе“ господарской и „земъской“[1]), опять-таки не выдѣляя изъ этихъ „чужихъ паньствъ“ Польши, въ которой обыватели Великаго Княжества Литовскаго могутъ нести „земскія послуги“ въ положеніи повѣтовыхъ пословъ на „спольные“ сеймы.

Еще болѣе любопытнымъ представляется умолчаніе Третьяго Статута о Польшѣ, когда онъ упоминаетъ объ отсутствіи бискуповъ изъ Великаго Княжества Литовскаго: „гдѣ бы который бискупъ до чужихъ паньствъ въ посельствахъ або гдѣ по своихъ справахъ з сего паньства Великого Князства Литовъского отъехалъ“[2]). Оба бискупства Великаго Княжества Литовскаго состава его государственной территоріи послѣ Люблинскаго сейма 1569 года, т. е. Виленское и Жомойтское, входили въ митрополичій округъ примаса Польской Короны, архіепископа Гнѣзненскаго. Само собою разумѣется, что каноническая зависимость бискуповъ требовала и ихъ поѣздокъ къ своему архіепископу по „справамъ“ своихъ епархій, а также для участія въ синодахъ католической церкви Польши, съ которою были связаны канонически эти бискупства. Совершенно ясно, что, при такомъ положеніи католической церкви въ Литвѣ, Польша не могла являться совершенно „чужимъ панствомъ“ для Литовскаго католическаго духовенства вообще и для стоявшихъ во главѣ его бискуповъ. Но Статутъ на это не обращаетъ никакого вниманія и не выдѣляетъ Польши изъ „чужихъ панствъ“, говоря о Литовскихъ бискупахъ и ихъ „справахъ“.

Не оговариваетъ Третій Статутъ и возможности сколько-нибудь облегченнаго порядка отысканія „збѣговъ“ въ Польшу по сравненію съ отысканіемъ убѣжавшихъ въ другія государства. Въ двадцать второмъ артикулѣ двѣнадцатаго раздѣла Статута стоитъ: „хто бы кому приказалъ слугу, а тотъ слуга, шкоду учынивши тому пану своему, утекъ отъ него прочъ, тогды тотъ, который его приказалъ и за него прирекъ устне албо и черезъ листъ, же ему маеть верне служити и шкоды не учинити, маеть его ку праву ставити, а судьи мають ему рокъ зложити до другыхъ роковъ судовыхъ, и на тые другие роки маеть его, доискавши ся, ку праву поставити, а то, если тотъ

---

1) IV, 99.
2) III, 32.

збегъ будеть въ здешнемъ панъстве; а естли бы утекъ за границу, тогды на отысканье такого рокъ маеть быти узычонъ до третихъ роковъ судовыхъ"[1]).

Основаніе, по которому Польша должна была считаться въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ „чужимъ панствомъ", несмотря на существованіе между обоими государствами Уніи, совершенно понятно. Этимъ основаніемъ являлось различіе въ нихъ правительственной власти. На территоріи государства Литвы дѣйствовала правительственная власть Литовская, на территоріи Польши Польская. Территорія Великаго Княжества Литовскаго была закрыта для органовъ правительственной власти Польской Короны, какъ и территорія послѣдней была недоступна для дѣятельности правительственныхъ органовъ государства Литвы, „тутошнего панства", по выраженію Статута. Слово „чужой" употребляется языкомъ Литовскаго Статута не только по отношенію къ государствамъ. „Чужими" могутъ быть люди, земля, дерево бортное, озера, сѣножати и т. д. Въ артикулахъ статутовыхъ читается: „а если жъ бы хто въ чужого чоловека землю безъ воли пана его закупилъ або нанялъ и што на ней посеялъ, тогды тое сеянье и пенези тратить"[2]), или „а если бы хто стрельцовъ послалъ у чужую пущу або самъ таемне зверъ побилъ, тогды, если будеть то на него слушнымъ доводомъ переведено, колко зверу убито, таковый маеть за кождое звера платити по тому, яко нижей описано"[3]), или „а естли бы хто застрелилъ албо ранилъ звера у своей земли, а тотъ зверъ ушолъ бы у чужую землю, тогъды, хотя за ранънымъ зверомъ, черезъ границу у чужую землю нихто ходити не маеть"[4]), или „хто бы чюжие озера у своей пущи поволочилъ, тогды маеть тому, чие озеро будеть, кгвалтъ платити и за рыбу, на чомъ тотъ панъ смети будеть присягу вчинити, што ему въ рыбе шкоды станеть, досыть уделати"[5]), или „хто бы чужое

---

[1]) XII, 22.

[2]) IX, 27. Заголовокъ этого артикула: „Въ чужого чоловека не маеть нихто земъли закуповати безъ воли пана его". Текстъ артикула начинается такъ: „Уставуемъ, ижъ въ бояръ и въ людей простыхъ князскихъ, паньскихъ и земяньскихъ нихто земли закуповати ани на лето ку паханью наймовати не маеть безъ воли пана его".

[3]) X, 1.

[4]) Тамъ же.

[5]) X, 4.

дерево бортное со пчолами, сосну або дубъ, або иншое дерево бортное сказилъ, корень у земли урубалъ або пожаромъ ожогъ, або яко-кольвекъ неумысльне, съ пригоды, попсовалъ, тотъ за кождое дерево со пчолами будеть виненъ платити по две копе грошей, а за вырobленое, безъ пчолъ, копу грошей, за кремъ полъкопы грошей"[1]) и т. п. Земли, люди, бортныя деревья, сѣножати, озера и т. п. называются „чужими" потому, что они принадлежатъ другому „пану" или „господарю" въ значенiи частнаго собственника. Онъ ими владѣетъ, распоряжается и управляетъ такъ же, какъ и остальнымъ своимъ имуществомъ и домомъ въ значенiи „господаря домоваго"[2]) или „пана домоваго"[3]). Употребленiе языкомъ Статута слова „чужой" въ приложенiи къ имуществу частныхъ лицъ очень хорошо поясняетъ и уточняетъ значенiе этого слова и въ приложенiи къ государствамъ. Другая власть понимается подъ словомъ „чужой" какъ по отношенiю къ обозначаемому имъ частному имуществу, такъ и по отношенiю къ „панствамъ" или государствамъ.

Литовскiй Статутъ не разъ говоритъ о государственныхъ границахъ своего „панства". Онъ знаетъ случаи выѣзда „до земли якого суседа" господарскаго и необходимости для такого выѣхавшаго въ прiѣздѣ въ Великое Княжество Литовское, если къ нему оффицiально предъявляется какое-либо обвиненiе. Въ такомъ случаѣ ему можетъ быть выданъ отъ господаря „кглейтъ", т. е. пропускной листъ на право прiѣзда въ предѣлы государства Литвы и въ нихъ временнаго пребыванiя. Если такое лицо не получило бы „ласки" господарской для возвращенiя на постоянное жительство въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и „тому, кому завинилъ, не справилъ ся", т. е. не разрѣшилъ своего дѣла въ судѣ, къ которому вызванъ, „тогды маютъ такового за се з границъ панства нашего за тымъ же кглейтомъ нашимъ пропустити", какъ говоритъ статутовый артикулъ отъ имени господаря[4]). Монархъ государства Литвы можетъ находиться „въ здешнемъ панстве" или „за границою того паньства"[5]), „за границою Великого Князства Литовско-

---

1) X, 13.
2) См., напр., VII, 31; XI, 19, 41, 42, 58; XII, 24.
3) См., напр., III, 49; XI, 19.
4) I, 12.
5) I, 14.

го"[1]), и въ зависимости отъ того можетъ быть установленъ короче или длиннѣе срокъ для вызова предъ его дворный судъ лицъ, дѣла которыхъ на этотъ судъ восходятъ. „За границою, въ чужихъ паньствахъ" можетъ быть обыватель Великаго Княжества Литовскаго, „на послузе" господарской „и земъской"[2]). „За границу" изъ „здешнего панства" можетъ убѣжать „збегъ"[3]). Знаетъ Статутъ, говоря отъ имени монарха, и „службу" господарскую „и речи посполитое въ поселстве до земль чужихъ або на граниченье паньствъ нашихъ зъ паньствы або землями суседовъ нашихъ заграничныхъ, такъ же и въ нашихъ речахъ господаръскихъ властныхъ", когда обыватель государства Литвы „за границу съ паньствъ нашихъ посланъ былъ"[4]).

Послѣднiй изъ приведенныхъ текстовъ Статута требуетъ разъясненiя двухъ его выраженiй, а именно: что́ нужно понимать подъ „панствами" общаго Литвы и Польши монарха и какое значенiе имѣетъ въ языкѣ Статута выраженiе „речь посполитая"? Слово „панства" можетъ обозначать оба государства, соединенныя Люблинскою Унiею, и изъ него могъ бы быть сдѣланъ тотъ выводъ, что Третiй Литовскiй Статутъ, употребляя его, имѣетъ въ виду обозначить постоянную федеративную связь государствъ Литвы и Польши. Что касается выраженiя „речь посполитая", то оно въ новѣйшее время обычно понимается именно въ значенiи объединенiя Литвы и Польши въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой, т. е. въ соединенiи обоихъ этихъ государствъ. Естественно долженъ вставать вопросъ: не обозначаетъ ли выраженiе „речь посполитая" этого соединенiя и въ языкѣ Статута?

Значенiе слова „панства" особенно ясно обнаруживается въ тѣхъ текстахъ Литовскаго Статута, которые говорятъ о „выволаньѣ", т. е. объ изгнанiи изъ государства „выволанцовъ". „Выволанье" являлось однимъ изъ наказанiй за крупныя пре-

---

1) III, 32, 34.

2) IV, 99.

3) XII, 22.

4) I, 21. Употребленiе слова „панства" въ значенiи земель Великаго Княжества Литовскаго хорошо извѣстно языку XVI-го столѣтiя. Такъ, въ такъ называемой Лѣтописи Быховца, въ разсказѣ о началѣ великокняженiя Казимира Ягайловича стоитъ: „Y kniaź weliki Kazimir... y tohoż czasu hramoty pisał, po wsem panstwam swoim, włastem welikoho kniastwa". П. С. Р. Л., XVII, ст. 538.

ступленія. Вотъ нѣсколько статутовыхъ текстовъ, говорящихъ о „выволаньѣ“ и „выволанцахъ“. Лицо, оскорбившее, ранившее или убившее кого-либо изъ членовъ земскаго или гродскаго суда, а также судовъ подкоморскаго или комиссарскаго, во время судебной сессіи, и не явившееся къ разбору своего дѣла по вызову гродскаго суда, подлежитъ „выволанью“, и Статутъ такъ говоритъ объ этомъ отъ имени господаря: „а хто бы, о такую речъ будучи до суду кгродского позванъ, на рокъ позваный не сталъ, тогъды таковоro, за даньемъ намъ о томъ знати черезъ листъ того суду кгродского, маемъ росказати выволати со всихъ паньствъ нашихъ вечнымъ выволаньемъ, яко бы се николи въ границы паньства нашого не ворочалъ, а навезка або головщина предъ се зъ именья такого непослушного плачона и отправована быти маеть заразомъ, скоро за позвы не станетъ“[1]). Фраза статутоваго текста о „выволаньѣ“ можетъ быть построена въ различныхъ артикулахъ различно, входящія въ нее слова могутъ быть не одни и тѣ же[2]), но „выволанье“ всегда понимается Статутомъ какъ изгнаніе не изъ одного только Великаго Княжества Литовскаго, а изо всѣхъ государствъ, на которыя простирается верховная власть его монарха. Самъ Статутъ въ одномъ изъ своихъ артикуловъ совершенно ясно это разъясняетъ, глася отъ имени господаря: „абы люди своволные часу выволанья фолкги и обцованья въ панствахъ нашихъ не мели, уставуемъ, же выволаньцы Великого Князства Литовского, такъ же и чсти отсужоные во всихъ паньствахъ нашыхъ, не толко у Великомъ Князстве Литовскомъ, але и во всихъ панствахъ нашыхъ, не маютъ быти ни черезъ кого переховываны“[3]). Другой статутовый артикулъ къ этому добавляетъ, говоря также отъ имени господаря о присуждаемомъ къ „выволанью“: „а гдѣ бы таковый по

---

1) IV, 7. Ср. IV, 62.

2) „Съ панъствъ нашихъ выволанъ“ (I, 9), „выволываючи со всихъ паньствъ нашихъ“ (I, 10), „зъ земли паньствъ нашыхъ казати выволати“ (IV, 30), „зо всихъ паньствъ нашихъ выволати“ (IV, 32; ср. XI, 57), „выволать съ паньствъ нашихъ“ (IV, 95; XI, 28), „зъ земли всихъ паньствъ нашыхъ выволати“ (IV, 96), „зо всихъ земль паньствъ нашихъ выволати вечнымъ выволаньемъ, такъ, ижъ бы ся николи въ границы паньствъ нашыхъ не ворочалъ“ (IV, 95).

3) XI, 68. Заголовокъ этого артикула: „О непереховыванью выволаньцовъ во всихъ панъствахъ нашихъ“.

учинъку зникнулъ, прочъ зъехалъ, не росправивъши ся, таковый честь тратить и маеть быти выволанъ вечнымъ выволаньемъ со всихъ паньствъ нашихъ, жебы ся до нихъ николи не ворочалъ; а гдѣ бы ся таковый гдѣ въ которомъ паньстве нашомъ знашолъ коли-кольвекъ, предъ ся тое каранье вышей мененое черезъ врядъ нашъ кгродъский, подъ которымъ бы былъ постигненъ, выконано надъ нимъ быти маеть......"[1]). Статутъ приводитъ и формулу „выволанья" въ листахъ господарскихъ „выволаныхъ", которые оглашаются обычнымъ порядкомъ господарскихъ универсаловъ[2]). Въ этой формулѣ также говорится о „выволаньѣ" не изъ одного государства, но „съ панствъ" господаря, „зо всихъ земль" его.

Что́ же даютъ приведенные тексты для отвѣта на вопросъ о пониманіи Статутомъ „панствъ" общаго для государствъ Литвы и Польши монарха? Понимаетъ ли онъ подъ ними лишь Великое Княжество Литовское и Польскую Корону, какъ соединенныя Люблинскою Уніею подъ верховною властью единаго монарха? На послѣдній вопросъ возможенъ отвѣтъ лишь отрицательный. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тутъ Литовскій Статутъ имѣетъ въ виду рѣшительно всѣ государства, которыя могутъ оказаться подъ скипетромъ ихъ общаго монарха. Еслибы Генрихъ Валуа остался монархомъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой послѣ полученія имъ короны Франціи, „выволанье" преступника изъ государства

---

1) I, 13.

2) „Кгды жъ тотъ, именемъ Н., учинивъшы такий и такий учынокъ противъко Пану Богу, зверхности господаръской и праву посполитому, а будучы позваный, не становилъ ся, зверъхности его королевъское милости, вряду и права послушонъ быти не хотелъ, ани се становилъ на року усправедливенью поводовой стороне, въ чомъ его обвинила, — съ тыхъ причинъ его королевъская милость того Н., яко непослушного, выволываеть съ панствъ своихъ, зъ сполку обцованья подъданыхъ своихъ, зо всихъ земль своихъ, такъ, ижъ нихто з нимъ обцованья мети ани его въ дому своемъ переховывати не маеть, и съ права того, съ которого ся вси подъданые его королевское милости веселять, онъ веселити се не маеть, ани его уживати до того часу, ажъ водле права посполитого, з ласки его королевское милости а за усправедливеньемъ се стороне его противной, засе до сполку и товарыства подъданыхъ его королевское милости и до права посполитого приверненъ будеть; а въ томъ часе, покуль выволанцомъ естъ, жона его маеть быти розумена яко вдова, дети его сиротами, а домъ его пустый". XI, 5.

Литвы должно бы было имѣть свою силу не только въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и въ Польшѣ, и во Франціи. Еслибы Сигизмундъ Ваза удержалъ за собою престолъ Швеціи, „выволанье“, о которомъ говоритъ Литовскій Статутъ получало бы силу и въ ней. Тотъ, кто карается „выволаньемъ“ и не получаетъ прощенія, „вжо вечнымъ выволанцомъ зостати маеть“[1]) во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ царствуетъ монархъ Великаго Княжества Литовскаго, а не въ послѣднемъ и Польшѣ только. Такимъ образомъ, слово „панства“ въ статутовыхъ текстахъ о „выволаньѣ“ отнюдь не можетъ быть признано указаніемъ Литовскаго Статута на какія-либо особенно тѣсныя и постоянныя связи его государства съ Польшею. Въ дѣйствительности, конечно, великій князь Литовскій былъ и королемъ Польскимъ. Но законъ Великаго Княжества Литовскаго, изложенный въ его Статутѣ, былъ построенъ такъ, что сохранялъ силу и въ тѣхъ случаяхъ, когда монархъ государства Литвы могъ быть одновременно монархомъ различныхъ государствъ, а не только одной Польши. Иными словами, въ статутовыхъ текстахъ о „выволаньѣ“ изъ „панствъ“ имѣемъ указаніе на отношенія къ нимъ Великаго Княжества Литовскаго черезъ посредство „особы“ своего великаго князя, являющагося одновременно монархомъ и этихъ „панствъ“, а не на какія-либо связи органическаго характера, которыя бы имѣлись между ними и государствомъ Литвы.

Обращаясь къ выраженію „речь посполитая“, которое требуетъ поясненія въ статутовыхъ текстахъ, надо отмѣтить, что оно въ литовско-русскомъ актовомъ языкѣ, иногда совпадая съ понятіемъ государства, употреблялось и въ значеніи общаго интереса, общаго дѣла, общежитія, въ масштабѣ какъ цѣлаго государства, такъ и его частей, имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ. Рядомъ съ речью посполитою „паньства Великого Князства Литовского“[2]), можетъ быть речь посполитая и того или другого города[3]), какъ и отдѣльной земли, входящей въ составъ государства Литвы[4]). Въ такомъ же широ-

---

[1]) XI, 4.

[2]) См., напр., А. Ю. и З. Р., I, № 148.

[3]) См., напр., А. Ю. и З. Р., I, № 204 („то все на ратушъ Меньскій ку пожитку речи посполитое мѣстское вѣчне давано и оборочано быти маеть“).

[4]) Такъ, повѣтовый сеймикъ Жомоитской земли въ 1573 году разсуждалъ, между другими дѣлами, и о „пильныхъ потребахъ речи посполитое земли Жомойтское“. Виленскій Археогр. Сборникъ, IV, стр. 11.

комъ значеніи употребляетъ выраженіе „речь посполитая“ и языкъ Литовскаго Статута, но, конечно, онъ пользуется имъ въ своихъ артикулахъ почти исключительно въ значеніи государства или его интересовъ. Статутъ знаетъ случаи „здрады речи посполитое“, т. е. государственной измѣны[1]). Онъ говоритъ о дѣлаемомъ „не для пожитку речы посполитое“[2]) и „ку шкоде речи посполитое“[3]). Извѣстны Статуту „служба“ господарю „и речи посполитое“ и даже пребываніе въ непріятельскомъ плѣну „о речъ посполитую“[4]) и случаи, когда обыватель „для речи посполитое ку утрате и убоству и ку долгомъ пришолъ“[5]). Во всѣхъ этихъ текстахъ, конечно, рѣчь идетъ о государствѣ. Но можно ли подъ этимъ государствомъ разумѣть не только одно Великое Княжество Литовское, но и всю федеративную Польско-Литовскую Речь Посполитую?

На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ тексты самого Статута. Въ двадцать девятомъ артикулѣ его перваго раздѣла стоитъ: „а хто бы кольвекъ смелъ мыто подорожное и на торгохъ, новые якое жъ кольвекъ самъ безъ данины нашое въ именью своемъ змышляти и установляти або надъ старый звычай и данину нашу повышъшати, тогды тое именье, въ которомъ то будеть хто чинилъ, гдѣ бы се то оказало за слушнымъ доводомъ, тратить, и спадываеть тое именье на речъ посполитую и на насъ, господара, до столу нашого Великого Князства Литовского“. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ приведенномъ текстѣ имѣется въ виду „речь посполитая“ именно государства Литвы. На это совершенно ясно указываютъ послѣднія слова его. Подобное же указаніе имѣемъ въ статутовомъ артикулѣ, запрещающемъ браки между родственниками. Въ немъ говорится, что нарушающій это запрещеніе, „за слушнымъ доводомъ, маетности своее лежачое, а где бы лежачое не было, ино рухомое, половицу на речъ посполитую и на насъ,

---

[1]) Напр., I, 2, 12, 14, 18. Ср. I, 5 — „речъ посполитую здрадити и ку упадъку привести“.

[2]) VIII, 7. Ср. XI, 14 — „то въ речы посполитой жадного помноженья и пожытку не чинить“. Ср. XIV, 35 — „жадное послуги а пожытку намъ и никому въ речы посполитой не чынять“.

[3]) XI, 36. Ср. XIV, 33 — „въ речи посполитой сказу и шкоду приносятъ“. Ср. I, 3, 6.

[4]) I, 21. Ср. I, 22 — „на службе речы посполитое“.

[5]) I, 27.

господара, тратить до столу нашого того панъства Великого Князства Литовъского"[1]). За сопротивленіе приведенію въ исполненіе судебнаго приговора на имѣніи проигравшаго процессъ Статутъ постановляетъ конфискацію этого имѣнія и дѣлаетъ это такими словами: „а за тую вину, ижъ враду нашому не поступилъ увязанья, яко за спротивенье праву посполитому и зверъхности нашой господаръской, остатокъ маетности противного, што бы колвекъ ее по вчиненью стороне жалобной отправы въ Великомъ Князстве Литовъскомъ остало, всю, отъ мала до велика, лежачую до столу нашого господаръского взяти и приверънути маемъ, которую вжо тотъ истый таковый противъникъ вечне тратить повиненъ будеть, и вжо мы, господаръ, тую маетность раздати моцни и волни будемъ людемъ народу шляхетского, намъ и речы посполитой заслужонымъ, яко властные спадки наши"[2]). То, что въ данномъ текстѣ разумѣется „столъ" именно государства Литвы, поясняется указаніемъ на распоряженіе господаремъ конфискованными имѣніями какъ „спадками". Законы Литовскаго Статута установляютъ, что господарскія „спадковыя" имѣнія, т. е. перешедшія къ нему какъ выморочныя, могутъ имъ жаловаться исключительно „родичамъ" Великаго Княжества Литовскаго[3]). Иными словами, права на пожалованіе такими имѣніями были лишены поляки, чего не могло бы быть, еслибы въ разбираемомъ нами статутовомъ текстѣ имѣлась въ виду не „речь посполитая" государства Литвы, а соединенная Польско-Литовская Речь Посполитая. Такое же значеніе государства Литвы имѣетъ выраженіе „речь посполитая" и въ рядѣ другихъ текстовъ Третьяго Литовскаго Статута[4]).

Но текстъ Статута можетъ открывать и возможность пониманія „справъ речи посполитое" какъ дѣлъ и Литвы, и Польши. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда рѣчь идетъ о вальномъ

---

1) V, 22.

2) IV, 95.

3) III, 5.

4) Напримѣръ: „а хто бы съ таковыхъ, якимъ кольвекъ обычаемъ набывшы и маючы именье у Великомъ Князьстве Литовъскомъ и въ земляхъ, ему належачихъ, а войны земъское не служилъ, яко вышей описано, тогды онъ и жона его тые именья тратить вечне на речь посполитую" (V, 7). Заголовокъ этого артикула: „Который бы кольвекъ, оселый и неоселый, оженилъ ся въ Литве".

сеймѣ, который со времени Люблинской Уніи былъ соединеннымъ сеймомъ обоихъ государствъ. Вотъ образецъ такого текста, въ которомъ отъ имени господаря говорится: „тежъ обецуемъ и будемъ повинъни кождому съ подданыхъ нашихъ, кому бы шло о честь, прудкую а неотволочную справедливость учинити на першомъ близко пришломъ сойме великомъ вальномъ, съ паны радами нашими Великого Князства Литовского, безъ всякое отволоки; а естли быхмо на перъвшомъ сойме для затрудненья справъ речи посполитое того судити не могли, ино вжо на другомъ сойме конечно то скончити маемъ"[1]). Конечно, во время соединеннаго Польско-Литовскаго сейма монархъ государства Литвы, бывшій и королемъ Польши, долженъ былъ быть занятъ дѣлами обоихъ государствъ федераціи, которыя могли его отвлекать отъ исполненія лежавшихъ на немъ судебныхъ функцій. Въ данномъ текстѣ выраженіе „справы речи посполитое" употреблено въ общемъ значеніи государственныхъ дѣлъ. Но нельзя не отмѣтить того, что, говоря объ этихъ государственныхъ дѣлахъ, Третій Статутъ не считаетъ нужнымъ и указать, что они могутъ быть дѣлами какъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и Короны Польской.

Подводя итогъ подъ нашими наблюденіями надъ текстами Третьяго Литовскаго Статута, говорящими о государствѣ Литвы, изъ нихъ возможно сдѣлать только одинъ выводъ. Статутъ понимаетъ „панство" Великаго Княжества Литовскаго совершенно независимымъ, отдѣльнымъ отъ всякаго другого государства, а стало быть, и отъ Польщи. Никакихъ оговорокъ по отношенію къ послѣдней въ немъ нѣтъ.

Территорія государства Литвы состоитъ изъ его земель. Можно отмѣтить въ текстѣ Третьяго Статута остатки еще стараго, историческаго пониманія состава территоріи Великаго Княжества Литовскаго, т. е. раздѣленія ея на государственное ядро, состоявшее изъ собственной Литвы и такъ называемой

---

[1]) I, 28. Въ Статутѣ 1566 года этому артикулу соотвѣтствуетъ 24-й артикулъ I-го раздѣла, въ которомъ данное мѣсто читается такъ: „тежъ обецуемъ и будемъ повинни кождому съ подданыхъ нашихъ, кому бы шло о честь, прудкую а неодволочную справедливость учынити; а если бы на насъ, господаря, зашли якие трудности, тогды таковой справе въ годы чотыри роки складаемъ". Такимъ образомъ, этотъ артикулъ Второго Статута еще не требуетъ разбора дѣлъ о шляхетской чести только на вальномъ сеймѣ.

Руси Литовской, и областей-аннексовъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ артикулахъ читается: „у Великомъ Князстве Литовъскомъ и во всихъ земляхъ того паньства“[1]), „въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ“[2]), „въ панъстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ и въ земляхъ, до него належачыхъ“[3]). Иногда эти земли и обозначаются — „всихъ обывателей панства нашого Великого Князства Литовского и земль, къ нему належачыхъ Рускихъ, Жомоитъскихъ и иныхъ“[4]). Но въ другихъ своихъ текстахъ Статутъ указываетъ и на сліяніе этихъ исторически сложившихся отдѣльныхъ земель въ единой территоріи государства Литвы. Въ артикулахъ Статута стоитъ: „по всей земли того паньства нашого Великого Князства Литовского“[5]), „съ призъволеньемъ пановъ-радъ нашихъ и всихъ становъ всихъ земль того паньства нашого Великого Князства Литовъского“[6]). Къ этимъ примѣрамъ статутовыхъ текстовъ, указывающихъ на сліяніе отдѣльныхъ земель въ единой государственной территоріи, можно бы было добавить и другіе[7]). Слово „земля“ въ Статутѣ даже могло получать то же значеніе, какъ и слово „панство“. Такъ, въ заголовкѣ четвертаго артикула одиннадцатаго раздѣла стоитъ: „О кгвалтовнику и мужобойцы, который, забивъшы, зъ земъли утечеть“; въ текстѣ же этого артикула читается: „тежъ, если бы таковый кгвалтовникъ, забивъши кого въ дому, въ господе и на улицы, на дорозе и где жъ кольвекъ,..... не становечи се на рокъ, за позвы припалый ку росправе, прочъ съ того паньства нашого Великого Князства утекъ...“[8]). Но рядомъ съ этимъ, слово „земля“ въ языкѣ Ста-

1) III, 2.

2) III, 12.

3) XIV, 35. Ср. IV, 14, 15; V, 7.

4) III, 29.

5) III, 35.

6) IV, 3.

7) Напримѣръ, III, 1 („обывателемъ всихъ земль Великого Князьства Литовъского“), III, 8 („послове земъские усихъ земль Великого Князъства Литовского“), III, 38 („въ земляхъ паньства нашого Великого Князства Литовъского“), III, 48 („зо всихъ земль панства нашого Великого Князства Литовъского“), IV, 104 („въ кождое воеводство и поветъ по всей земли того паньства нашого Великого Князьства Литовъского“) и т. п.

8) Ср. III, 16 — „О вольности выеханья съ панствъ нашихъ до инъшихъ паньствъ хрестиянскихъ, кромъ земль неприятелскихъ, и о опекахъ

тута можетъ получать значеніе и воеводства, какъ единицы областного дѣленія государства. Статутъ говоритъ, что земскій судъ долженъ быть „въ кождой земли и повете“. Если одинъ изъ членовъ этого суда умретъ, то его коллеги, „живо позосталые“, должны извѣстить объ его смерти господаря, а въ случаѣ его отсутствія изъ Великаго Княжества Литовскаго, воеводу своего воеводства[1]), „а въ небытности“ его сообщаютъ „кашталяномъ оное земли“. Въ виду того, что каштеляны существовали въ воеводствахъ[2]), изъ статутоваго текста совершенно ясно обнаруживается употребленіе имъ слова „земля“ въ значеніи воеводства[3]).

Долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какъ Третій Статутъ относится къ оторванію отъ территоріи государства Литвы части его земель, произведенному въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Мы видѣли выше, что это оторваніе не признавалось законнымъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[4]). Поэтому уже заранѣе можно предвидѣть, что въ Третьемъ Статутѣ мы не сможемъ найти какихъ-либо указаній на отказъ государства Литвы отъ своихъ правъ на эти земли. Въ первомъ артикулѣ перваго раздѣла Статута говорится объ обывателяхъ и станахъ Великаго Княжества Литовскаго „и иныхъ всихъ земль, здавна ку тому паньству прислухаючыхъ“. Другой статутовый артикулъ гласитъ отъ имени господаря: „тежъ добра паньства того Великого Князства Литовъского не уменъшимъ и то, што будеть черезъ неприятелей того паньства отдалено, розобрано и ку инъшому панству отъ того панства нашого коли-кольвекъ упрошоно, то засе ку власности того Великого Князства привести, привлащити и границы направити обецуемъ“[5]). Конечно, въ Третьемъ Статутѣ, при перенесеніи

такихъ именей“. Въ текстѣ этого артикула: „...до всякихъ земль и сторонъ, кромя земъль неприятелей нашихъ“.

1) Въ землѣ Жомоитской — Жомоитскаго старосту.

2) И въ землѣ Жомоитской, которая воеводствомъ не называлась.

3) IV, 1. Ср. XI, 50 — „маеть ехати до оное земли або повету“.

4) Часть первая, главы V и VI.

5) III, 4. Заголовокъ этого артикула: „Мы, господаръ, обецуемъ розмножати Великое Князство Литовъское и, што бы разобрано и отышло, зась ку нему приверънути“. Въ I, 1 Второго Статута: „всихъ становъ въ томъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ, такъ же и земль Рускихъ, Киевское, Жомоитское, Волынское, Подляшское и иныхъ земль, при-

этихъ артикуловъ изъ Статута 1566 года, ихъ содержаніе было нѣсколько сглажено пропускомъ перечня земель и государствъ, къ которымъ ихъ часть была оторвана. Во Второмъ Статутѣ въ соотвѣтствующемъ артикулѣ они были обозначены, а именно были указаны земли, отошедшія „ку Короне, ку Мазовшу, ку Прусомъ, ку Ифлянтомъ". Правда, что Лифляндская земля въ 1561 году признала надъ собою верховную власть великаго князя Литовскаго. Но ея территорія не слилась въ единое цѣлое съ территоріей Великаго Княжества Литовскаго, а потому Статутъ 1566 года и внесъ Лифлянты въ перечень странъ, къ которымъ были „отдалены" части территоріи государства Литвы. Естественно встаетъ вопросъ: почему во Второмъ Статутѣ не было внесено и Московское государство въ перечень тѣхъ странъ, къ которымъ отошли части территоріи государства Литвы? Земель, отошедшихъ отъ послѣдняго къ Москвѣ, было немало уже до Ливонской войны, а во время послѣдней ихъ стало еще больше. Думается, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: упоминаніе въ Статутѣ 1566 года о земляхъ, отошедшихъ къ Москвѣ, могло вызвать осложненіе въ переговорахъ о заключеніи мира и прекращеніи войны изъ-за Ливоніи, которая такъ истощила въ то время Великое Княжество Литовское. Когда заканчивалась выработка Третьяго Литовскаго Статута, Московская война была побѣдоносно закончена Стефаномъ Баторіемъ. Земли, завоеванныя царемъ Иваномъ Грознымъ, были уже возвращены государству Литвы. Поднимать же вопросъ о возвращеніи Смоленска и другихъ земель, отошедшихъ къ Москвѣ при Иванѣ III и Василіи III, въ сводѣ законовъ Великаго Княжества Литовскаго было опасно, потому что это неизбѣжно вызвало бы дипломатическія осложненія съ Московскимъ государствомъ, Посольскій Приказъ котораго зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ другихъ государствахъ въ разрѣзъ съ правами и интересами Москвы. Что-либо враждебное Москвѣ въ артикулахъ Литовскаго Статута, внѣ всякаго сомнѣнія, вызвало бы со сторо-

---

слухаючыхъ къ тому панству нашому". Въ III, 3 Второго Статута: „тежъ добра Князства Литовского не уменшымъ и то, што будетъ черезъ неприятелей того панства нашого отдалено, розобрано и ку иншому панству отъ того панства нашого коли-кольвекъ упрошоно, ку Короне, ку Мазовшу, ку Прусомъ, ку Ифлянтомъ, то засе ку власности того Великого Князства привести, привлащати и границы оправити обецуемъ".

ны ея правительства не только дипломатическія представленія, но и серьезныя угрозы. Ссориться съ Москвою и идти на опасность вооруженнаго столкновенія съ нею Великому Княжеству Литовскому было отнюдь не желательно, особенно въ безкоролевье, наступившее со смертью короля Стефана, когда Третій Статутъ былъ окончательно приготовленъ къ утвержденію.

Такими соображеніями мы стараемся объяснить опущеніе во Второмъ и Третьемъ Литовскихъ Статутахъ имени Москвы въ числѣ государствъ, къ которымъ отошли подлежащія возвращенію части территоріи государства Литвы. Но въ Третьемъ Статутѣ опущены и имена всѣхъ остальныхъ странъ, возвращенія своихъ земель отъ которыхъ ожидало Великое Княжество Литовское. Возможно ли въ этомъ опущеніи видѣть отказъ его отъ своей территоріи, оторванной къ Польшѣ въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ? На этотъ вопросъ едва ли можно отвѣтить утвердительно. Мы видѣли выше[1]), что въ десятилѣтія, наступившія послѣ Уніи, Литва постоянно обнаруживала твердую рѣшимость вернуть себѣ свои земли, несправедливо и незаконно по господствовавшему въ ней убѣжденію отнятыя отъ нея Польшею. Да кромѣ того и самъ Третій Статутъ упоминаетъ о земляхъ своего государства, принадлежащихъ ему не только въ настоящее время, но и издавна. Такъ. въ немъ читается: „тежъ предречонымъ прелатомъ, княжатомъ, паномъ-радомъ духовънымъ и светъскимъ, паномъ хоруговнымъ, шляхте и местамъ земль Великого Князства Литовского и всихъ иныхъ земль, здавна и теперъ до того панства Великого Князства Литовского належачихъ“[2]).

Третій Статутъ, какъ мы уже отмѣчали выше, не устанавливаетъ никакихъ постоянныхъ и органическихъ связей государства Литвы съ государствомъ Польши. Онъ не знаетъ и никакихъ обязанностей перваго по участію въ оборонѣ второго, Статутъ гласитъ отъ имени господаря: „обецуемъ и уставуемъ вечными часы, ижъ, кгды будеть потреба противъ которого неприятеля нашого обороны земъское сему паньству нашому Великому Князству Литовъскому, албо вальку вести, тогды мы са-

---

1) Часть первая, глава VI.

2) I, 2. Ср. III, 1 — „тое то славное панство Великое Князство и вси земли, ку нему здавна и теперъ належачие“.

ми, господаръ, и съ паны-радами нашими не маемъ и не будемъ мочы того учинити ани серебщизны и плату никоторого и ни якого побору установляти, такъ на подданыхъ князскихъ, паньскихъ и земяньскихъ, яко тежъ и на местехъ и подданыхъ нашихъ господаръскихъ, алижъ первей съемъ великий вальный зложивъшы.....“[1]). Такимъ образомъ Третій Статутъ даже не говоритъ объ установленіи общей обороны государства Литвы и государства Польши. Ихъ федерація въ законахъ о государствѣ совершенно не принимается во вниманіе Литовскимъ Статутомъ, какъ будто бы постановленій Люблинской Уніи и не существовало вовсе. Ниже мы увидимъ то же и въ статутовыхъ законахъ, говорящихъ о законодательствѣ и монархѣ.

Итакъ, Третій Статутъ конструируетъ Великое Княжество Литовское въ значеніи самостоятельнаго и полноправнаго государства. Это государство обладаетъ своей территоріей, непроницаемой, согласно его основнымъ законамъ, для власти какого-либо другого государства, и имѣетъ свое, подлежащее подчиненію его правительственной власти и законамъ, населеніе.

Населеніе государства Литвы дѣлится на два основныхъ „стана“ — „шляхетскій народъ“[2]) и „люди стану простого“[3]), „шляхта“ и „нешляхта“[4]). Въ составъ „стана простого“ входитъ свободное лично населеніе, не обладающее шляхетскими „свободами и вольностями“, а именно мѣщане, бояре-нешляхта, различные виды слугъ-нешляхтичей и простые „подданые“ господаря, церковныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, живущіе въ городахъ-мѣстахъ, мѣстечкахъ и селахъ. Статутъ гласитъ:

---

1) II, 2. Ср. III, 16 — „съ кимъ бы тое панство нашо на онъ часъ валчило“.

2) Напр., III, 33 — „гдѣ бы се кому з людей народу шляхетъского и иныхъ светъскихъ становъ у забранью земли, у покаженью границъ и въ переоранью межъ, и в ыншыхъ речахъ земленыхъ кривды якие отъ нихъ деяли, ...“, или XIV, 3 — „кгды бы хто шляхетъского народу чоловекъ, яко и простого стану. . . . .“

3) Напр., IX, 18 — „а если бы простого стану чоловекъ шляхтичу границу порубалъ. . . .; а где бы чоловекъ простого стану другому, тежъ простого стану чоловеку межу переоралъ, ...“, или XI, 16 — „а где бы шляхтичъ простого чоловека тымъ способомъ забилъ, тотъ руку тратить. . . . .“. Ср. XI, 31, 32, 39, 49; XIV, 10.

4) Напр., XI, 40 — „естли бы ся хто шляхты якого колвекъ стану...... тымъ же обычаемъ и нешляхта противъ нешляхте......“.

„люди простого будь стану, наши господаръские або князские, панские, земянские, бояре панцерные, путные, мещане або люди тяглые“ [1]). Евреи и татары, за исключеніемъ татаръ, служащихъ со своихъ имѣній военную земскую службу, также остаются внѣ группъ „шляхетскаго народа“. Этотъ послѣдній внутри себя подраздѣляется на свои составныя части, которыя также именуются „станами“. Таковы прежде всего „станы духовные и светские“. Третій Статутъ знаетъ о „розницахъ“, т. е. спорахъ и тяжбахъ, „которые ся межи именьями и кгрунтами становъ духовъныхъ и становъ светъскихъ часто деють“ [2]). Но, конечно, духовныя лица низшаго ранга могли и не принадлежать лично къ „шляхетскому народу“. Раздѣленіе духовенства на высшее и низшее очень хорошо извѣстно Статуту. Въ немъ читается: „кгды бы хто съ князей бискуповъ або канониковъ, прелатовъ и иныхъ становъ духовныхъ.....“ [3]), Если нужно выразить всеобщую обязательность постановленія, Статутъ говоритъ: „не выймуючы съ того жадное особы, такъ духовного, яко и светского стану чоловека“ [4]), или „всякого стану духовного и светъского съ того не выймуючи“ [5]).

Такимъ образомъ, „народъ шляхетскій“ распадается также на „станы“, и Статутъ иногда говоритъ о „всихъ станахъ“ его [6]). Кромѣ духовныхъ и свѣтскихъ въ немъ имѣется раздѣленіе на станы сенаторскій и остальной шляхты. Эти два стана, въ которые входятъ и духовныя и свѣтскія лица, могутъ быть названы, употребляя старый терминъ литовско-русскихъ актовъ, „станами, сойму належачими“. Послѣ преобразованія стараго однопалатнаго сейма Великаго Княжества Литовскаго въ двухпалатный реформами 1565—1566 годовъ, этотъ сеймъ состоялъ, кромѣ монарха, изъ радныхъ пановъ и пословъ повѣтовой шляхты. Третій Статутъ и говоритъ потому: „вси станы

---

1) XI, 39. Ср. XIV, 33 — „и подданые такъ нашы, яко панъские, князьские и шляхетъские, по селахъ въ домехъ своихъ, пива на шынъкъ не варили и не продавали.....“

2) III, 33. Заголовокъ этого артикула: „О права земленые межы станы духовъными и светъскими“.

3) III, 34.

4) XI, 63.

5) XIV, 33.

6) См., напр., III, 41 — „Всимъ станомъ народу шляхетъского вольно именьями своими яко хотя шаѳовати“.

того паньства Великого Князства, такъ панове-рада ихъ милость, яко и послове земъские"[1]). Говоря отъ имени господаря о сдѣланномъ на сеймѣ постановленіи, Статутъ выражается такъ: „за спольными намовами и згоднымъ призволеньемъ всихъ становъ, обывателей того паньства нашого Великого Князства Литовъского, уставуемъ"[2]). Но, такъ какъ членами сейма были паны-рада и представители шляхты, то именно эти два „стана" разумѣются Статутомъ въ этомъ и подобныхъ ему его текстахъ[3]).

Обозначая все свободное населеніе Великаго Княжества Литовскаго, статутовые артикулы выражаются такъ: „кождый станъ"[4]), „кождого стану"[5]), „которого-колвекъ стану будеть"[6]), „якого стану будеть"[7]). Конечно, въ составѣ его имѣются люди „такъ можного стану, яко и менъшого"[8]). Но всѣ они должны одинаково подчиняться правительственной власти государства Литвы и ея закону. Всѣ они являются подданными господаря, отъ имени котораго Статутъ такъ ихъ и обозначаетъ — „хто бы съ подданыхъ нашихъ того паньства Великого Князства Литовъского, якого-кольвекъ стану будучи,....."[9]). Такимъ образомъ, слово „подданый" въ Литовскомъ Статутѣ употребляется и въ значеніи болѣе широкомъ, и въ значеніи болѣе узкомъ. Въ первомъ случаѣ оно обозначаетъ все свободное населеніе государства, во второмъ тяглыхъ и прикрѣпленныхъ къ землѣ „людей", которые иногда именуются „мужиками"[10]) и которые находятся не подъ государственною властью

---

[1]) III, 8.

[2]) III, 7.

[3]) См., напр., II, 1 — „уставуемъ тежъ съ прызволеньемъ радъ нашихъ и всихъ становъ, подданыхъ нашихъ паньства того Великого Князства Литовъского", или I, 34 — „за прозбою всихъ становъ Великого Князства Литовъского".

[4]) XII, 14.

[5]) XII, 24.

[6]) XI, 58.

[7]) XIV, 26, 29, 30.

[8]) XIV, 8.

[9]) I, 15. Ср. I, 20 и др.

[10]) См., напр., XIII, 4 — „а где бы мужыкъ шляхтича або шляхтянку пограбилъ", XIII, 11 — „за сани мужыцские, дровни простые, два грошы; за колеса мужыцские простые шесть грошей", XIV, 14 — „естли бы мужыкъ мужыку клеть выкралъ".

монарха-господаря, а подъ властью землевладѣльца. Этимъ землевладѣльцемъ можетъ быть и самъ великій князь въ своихъ имѣніяхъ „стола“ Великаго Княжества Литовскаго, и „господарь“ или „панъ“ домовый[1]) и „панъ“ своихъ „подданыхъ“[2]).

Десятый артикулъ третьяго раздѣла Статута 1588 года гласитъ отъ имени господаря: „тежъ уставуемъ и вечными часы то мети хочемъ мы, господаръ, и потомки наши, ижъ все рыцерство-шляхту Великого Князства при волностяхъ ихъ звыклыхъ, которые отъ насъ, господара, и отъ продковъ нашихъ имъ суть наданы, будемъ повинни заховати“. Этотъ артикулъ перенесенъ въ Третій Статутъ изъ Второго, но наличность его въ Литовскомъ кодексѣ, составленномъ и утвержденномъ послѣ Люблинской Уніи, получаетъ новое значеніе. Договоръ этой Уніи сохранялъ неприкосновенными всѣ старыя права становъ Великаго Княжества Литовскаго, и данный артикулъ Статута, такимъ образомъ, съ этимъ договоромъ не расходится. Совершенно обратное приходится констатировать по отношенію къ требованію этого договора объ уравненіи поляковъ съ обывателями государства Литвы въ правахъ. Полноправными обывателями этого государства Третій Статутъ признаетъ только „родичей“ Великаго Княжества Литовскаго, какъ это дѣлалъ и Статутъ 1566 года. Расширяя и дополняя девятый артикулъ третьяго раздѣла этого послѣдняго, Третій Статутъ въ двѣнадцатомъ артикулѣ того же раздѣла гласитъ: „Такъ же мы, господаръ, обецуемъ и шлюбуемъ подъ присегою нашою, которую учинили есмо Великому Князству Литовъскому и всимъ становъ, обывателемъ его, беручи то изъ Статуту старого, короля его милости Жикгимонта Першого, тому паньству Великому Князству Литовъскому даного, а въ сесь укладаючы и на то позволяючы, што жъ въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислу-

---

[1]) См., напр., III, 49 — „сами панове домовые“; VII, 31, XI, 19, 41, 42, 58, XII, 24 — „господаръ домовый“; XII, 24 — „господаръ дому“; XI, 19, 42 — „домовый панъ“; XIII, 2 — „отогнати до того пана, чые стадо есть“.

[2]) См., напр., XIV, 33 — „уставуемъ, то хотечи мети, абы яко на именьяхъ нашихъ господаръскихъ, такъ же и на именьяхъ князъскихъ, паньскихъ и шляхетъскихъ, коръчмы покутные нигде не были и подданые такъ нашы, яко панъские, князьские и шляхетъские, по селахъ въ домехъ своихъ пива на шынъкъ не варили и не продавали...“, или XIV, 35 — „абы жаденъ з ынъшихъ становъ, подъданыхъ нашыхъ....“

хаючихъ, достойностей духовныхъ и светъскихъ, городовъ, дворовъ, кгрунътовъ, староствъ, державъ, врядовъ земъскихъ и дворныхъ, посесый, або въ деръжанье и поживанье, и вечностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ ани суседомъ того паньства давати не маемъ, але то все мы и потомъки наши, великие князи Литовские, давати будемъ повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожитнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовъского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачихъ; а хто бы зъ чужоземцовъ, заграничниковъ и суседовъ того паньства и всихъ земль, ему прислухаючихъ, важилъ се што съ того упросити, взяти и въ деръжанье прийти а, упомененый будучи, того заразомъ не пустилъ, тогды маетность его вся маеть быти взята до столу и скарбу нашого Великого Князства Литовъского. Ведьже и тубыльцомъ, хотя и родичомъ Великого Князства Литовского, достоенъства и вряды всякие мають быти даваны добре значнымъ и правдиве, незмышлене въ томъ воеводъстве або повете оселымъ. А хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речи посполитой пришолъ ку оселости з ласки данины нашое або которимъ инымъ правомъ, тогды и таковый только оселости оное уживати маеть, учинивши первей присегу, по взятью оное оселости на першыхъ рочкохъ кродскихъ оного повету, передъ врядниками земъскими або кгродскими того жъ повету, которие на онъ часъ тамъ прибыти могуть, ижъ маеть быти вернымъ и зычливымъ тому паньству Великому Князству Литовъскому такъ, яко и тубылцы, и служечи службу земъскую тому жъ паньству; але и таковые на достоенъства и всякие вряды духовные и светъские не мають быти припущани ани отъ насъ, господара, установлены, чого печатары и писары наши съ повинъности своее постерегати винъни будуть"[1]). Этотъ артикулъ совершенно опредѣленно и въ категорическихъ выраженіяхъ отмѣняетъ статью договора Люблинской Уніи объ уравненіи поляковъ съ обывателями Великаго Княжества Литовскаго, ибо онъ направленъ не только противъ вообще всѣхъ

[1]) Заголовокъ этого артикула въ Третьемъ Статутѣ: „Около недаванья чужоземъцомъ достоеньствъ и врядовъ всякихъ, а приходнемъ зъ инъшихъ паньствъ оселости не давати". Заголовокъ въ Статутѣ 1566 года: „Ижъ достоенствъ, врядовъ, въ дѣдицтво — чужоземцомъ давано быти не маеть" (III, 9).

„чужоземцовъ и заграничниковъ“, но и противъ „суседовъ“ государства Литвы, подъ которыми Статутъ понимаетъ именно поляковъ.

Для обозначенія иностранцевъ языкъ Статута употребляетъ выраженія „чужоземцы“, „заграничники“, „суседы“ и „люди обчие“. Два первыя изъ нихъ совершенно ясны въ своемъ значеніи и не требуютъ поясненія. Наоборотъ, два послѣднихъ требуютъ того, чтобы на нихъ нѣсколько остановился изслѣдователь, желающій точно опредѣлить ихъ смыслъ и значеніе. Вотъ нѣсколько статутовыхъ текстовъ, выясняющихъ понятіе „людей обчихъ“. Говоря о случаяхъ оспариванія наслѣдованія имѣнія по праву родства, Статутъ требуетъ разсмотрѣнія урядомъ, передъ которымъ происходитъ тяжба, доказательствъ, представленныхъ сторонами, послѣ чего урядъ этотъ долженъ признанную имъ болѣе правою сторону „до присеги припустити“, и эту присягу она приноситъ сама-треть „з шляхтою, ему ровною, будь съ повинными кревными его, або, въ недостатку кревныхъ, з людми обчими, только вѣры годными“[1]). Въ данномъ текстѣ „повинные кревные“, т. е. родственники по крови, противополагаются „людямъ обчимъ“. Но понятіе „обчихъ людей“ можетъ прилагаться не только въ значеніи не родныхъ. Если подкоморскому суду приходится разбирать тяжбу объ имѣніи между шляхтичемъ и державцею господарскаго имѣнія, онъ „маеть смотрети листовъ, границъ, знаковъ, и чые листы будуть або границы лепшие, тая сторона маеть быти прыпущона ку доводу; ведъже если староста-деръжавца (т. е. урядникъ, вѣдавшій мѣстную администрацію) не мелъ ближшими граничниками тое земли пенъное людей инъшыхъ обчыхъ надъ людей староства своего, тогды вжо пры инъшыхъ обчыхъ людяхъ и такими подъдаными нашыми доводити будеть мочы“[2]). Въ этомъ текстѣ подъ „обчими людьми“ понимаются такіе, которые живутъ внѣ даннаго господарскаго имѣнія, а потому и не находятся въ подчиненіи „того враду прысуду“, какъ подданные этого послѣдняго. Такимъ образомъ, въ данномъ текстѣ понятіе „обчихъ людей“ соотвѣтствуетъ понятію людей, не находящихся подъ административной властью даннаго господарскаго имѣнія или земельнаго округа. Они живутъ на тер-

[1]) IV, 72.
[2]) IX, 17.

риторіи, вѣдаемой другою административною властью. Совершенно естественно, что „обчими“ могли именоваться и люди, живущіе въ другихъ государствахъ и изъ нихъ происходящіе. Наемные драбы и жолнеры принимались на службу въ войскахъ государства Литвы не только изъ состава его туземнаго населенія, но и изъ различныхъ чужеземцевъ, выходцевъ изъ самыхъ различныхъ странъ, какъ это бывало въ то время обычно и въ другихъ государствахъ. Въ рядахъ жолнеровъ и драбовъ, „людей служебныхъ“, какъ ихъ называли вообще, могли быть и „люди прибылые“, и „тутошние жолънеры“. Относительно этихъ „прибылыхъ“ въ Статутѣ имѣется слѣдующее постановленіе[1]: „тежъ уставуемъ, ижъ людей прибылыхъ, такъ объчыхъ, яко и суседнихъ заграничниковъ, приймовати и вести до паньства нашего Великого Князства Литовского и черезъ тое жъ панъство не маемъ, ажъ з ведомостью и за радами радъ нашихъ Великого Князства Литовъского“. Такимъ образомъ, слово „обчий“ въ языкѣ Статута прилагается и къ чужеземцамъ или иностранцамъ. Ему соотвѣтствуетъ въ этомъ значеніи и польское слово „obcy“. Наиболѣе подходящимъ словомъ современнаго русскаго литературнаго языка для перевода на него слова „обчий“ намъ представлялось бы слово „посторонній“.

Третій изъ приведенныхъ нами сейчасъ статутовыхъ текстовъ рядомъ съ „обчыми“ ставитъ „суседнихъ заграничниковъ“. Ясно, что чужеземцевъ вообще онъ раздѣляетъ на двѣ группы. Одни изъ нихъ, очевидно, понимаются имъ въ нѣсколько иномъ отношеніи къ государству Литвы, чѣмъ остальные. Кого же Статутъ разумѣетъ подъ этими „суседами“? На этотъ вопросъ совершенно опредѣленный отвѣтъ даетъ онъ самъ въ своемъ артикулѣ „О волностяхъ шляхетскихъ“, въ которомъ читается: „Такъ же мы, господаръ, обецуемъ словомъ нашимъ за насъ и за потомъки нашы великие князи Литовские, подъ тымъ же обовязкомъ нашымъ, яко вышей у першомъ артыкуле естъ описано, ижъ всихъ князей и пановъ-радъ, яко духовныхъ, такъ и светъскихъ, и всихъ врядниковъ земъскихъ и дворъныхъ, пановъ хоруговныхъ, шляхъту-рицеръства, мещанъ и всихъ людей посполитыхъ у Великомъ Князстве Литовъ-

---

[1]) II, 23 („О приймованью людей служебныхъ прибылыхъ и яко се они въ тягненью заховати се маютъ“).

скомъ и во всихъ земляхъ того паньства маемъ заховати при свободахъ и волностяхъ хрестияньскихъ, въ которыхъ они, яко люди волные, волно обираючи зъ стародавна, изъ вечъныхъ своихъ продъковъ, собе пановъ а господарей великихъ князей Литовъскихъ, жили и справовали се прикладомъ и способомъ волныхъ паньствъ хрестияньскихъ, ровнуючи а однако маючи и тыхъ вольностей уживаючи з суседы и братьею своею, рицерствомъ и иными станы народу Коруны Польское"[1]). Приведенный текстъ ясно указываетъ, что подъ „суседами" въ немъ понимаются именно поляки.

Слово „суседъ", „суседы" и выраженіе „суседы околичные" хорошо извѣстны языку Статута и употребляются имъ въ томъ же значеніи, какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ. Таково употребленіе этого слова въ тѣхъ артикулахъ, которые говорятъ о сосѣдяхъ по своимъ имѣніямъ, землямъ и домамъ, или о томъ, какъ, „у суседстве" живя, люди имѣютъ „васнь межы собою"[2]), т. е. ссорятся и совершаютъ одни по отношенію къ другимъ преступныя дѣянія, а также въ положеніи сосѣдей даютъ показанія передъ судомъ въ различныхъ дѣлахъ, о которыхъ они могли знать по своему сосѣдству[3]). Но иногда въ текстахъ съ совершенно обычнымъ употребленіемъ слова „суседъ" находится подробность, представляющая существенную цѣнность для уточненія смысла понятія „суседства". Говоря о преслѣдованіи убѣгающаго убійцы, Статутъ установляетъ: „такъ тежъ, естли бы ся кому трафило на дорозе або где инде, полемъ або лесомъ, утекаючого злодея погонити, а онъ бы поймати ся не далъ а въ томъ при лицы былъ забитъ, тогды тотъ, хто гонить въ дорозе за злодеемъ, маеть при собе мети суседовъ або сторонъныхъ людей..."[4]). „Суседы", такимъ образомъ, различаются отъ людей совершенно постороннихъ. Въ понятіи сосѣдства не только смежность и территоріальная близость жительства. Въ немъ имѣется и черта извѣстной близости интересовъ, которая объединяетъ живущихъ въ сосѣдствѣ и создаетъ для нихъ извѣстную общность задачъ и цѣлей, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Перенося это изъ об-

---

1) III, 2.

2) Напр., X, 17.

3) Ср. такое обычное употребленіе слова „суседъ" въ артикулахъ X, 6, 9; XI, 2, 6, 19, 33, 48, 59, 63; XII, 14; XIII, 2; XIV, 20, 21, 26, 30.

4) XIV, 21.

ласти отношенiй отдѣльныхъ лицъ въ область отношенiй Великаго Княжества Литовскаго и Польши, до 1569 года имѣвшихъ общую династiю, а со времени Люблинской Унiи образовавшихъ федерацiю своихъ государствъ, нельзя не признать, что именно „суседами" было всего естественнѣе называть поляковъ въ Литовскомъ Статутѣ. Къ Москвѣ и Пруссiи, также граничившимъ съ государствомъ Литвы, статутовый языкъ не прилагаетъ понятiя „суседства". Наоборотъ, къ Польшѣ и полякамъ оно прилагается. И Третiй Статутъ переноситъ его изъ исправленнаго имъ Статута Второго, въ которомъ поляки именуются „суседы-братьею". Сохраненiе этого обозначенiя въ Третьемъ Статутѣ показываетъ ясно, что договоръ Люблинской Унiи не измѣнилъ пониманiя закономъ государства Литвы отношенiй между его обывателями и поляками и признавалъ ихъ принадлежащими къ двумъ различнымъ государствамъ, хотя бы и заключившимъ одно съ другимъ договоръ о федеративномъ соединенiи.

По Третьему Статуту, какъ мы это уже видѣли выше, лишь „родичи" Великаго Княжества Литовскаго и земель, составляющихъ его государственную территорiю, могутъ признаваться полноправными гражданами этого государства. Рядомъ со словомъ „родичъ" Статутъ употребляетъ и слово „тубылецъ". Такъ, напримѣръ, въ немъ читается: „хто жъ колвекъ неоселый, будь тубылецъ панства нашого Великого Князства Литовского, яко и чужоземецъ"[1]). Понятiе „тубыльства" соотвѣтствуетъ въ современномъ русскомъ языкѣ понятiю туземности. Поляки, какъ „суседы и заграничники", не могли входить въ составъ не только „родичей", но и „тубыльцевъ" государства Литвы, и только что приведенный статутовый текстъ не оговариваетъ ихъ непринадлежности къ „чужоземцамъ". И всѣ „чужоземцы" вообще, и „суседы-заграничники" одинаково были признаны Статутомъ лишенными полноты правъ, которая принадлежала коренному населенiю Великаго Княжества Литовскаго. Мы уже отмѣтили выше[2]), что жаловать имѣнiями господарь имѣлъ право только литовцевъ, русскихъ и жомойтиновъ, „родичовъ старожитныхъ и уроженцовъ" государства Литвы. Они же только имѣютъ и доступъ ко всѣмъ должностямъ

[1]) I, 26.

[2]) Стр. 109-111.

этого государства. Въ Третій Статутъ не только въ общемъ видѣ внесено это постановленіе. Въ его артикулахъ то же повторено и по отношенію къ отдѣльнымъ урядамъ. Урядъ Литовскаго гетмана великаго господарь обязуется „годнымъ и досветчонымъ людемъ народу шляхетъского, родичомъ стародавнымъ тутошнего паньства нашого Великого Князства Литовъского давати и тое местъце засаживати“[1]). Хоружими господарь можетъ назначать „только людий зацныхъ, годныхъ, ростропныхъ, родичовъ властныхъ того панства и оселыхъ въ повете томъ“[2]). Только „родичи“ государства Литвы могутъ быть членами земскихъ судовъ[3]), подстаростами и замковыми судьями и писарями[4]). Создавая новый урядъ генералъ-вознаго, Третій Статутъ не упускаетъ указать, что эта должность можетъ даваться лишь „родичу Великого Князства, писмо руское умеючому“[5]). Даже въ составъ особыхъ господарскихъ коммиссій, высылаемыхъ въ установленныхъ Статутомъ случаяхъ для разбора судебныхъ дѣлъ объ имѣніяхъ, возможно назначать „толко родичовъ и обывателей“ государства Литвы[6]). Въ артикулѣ, опредѣляющемъ требованія, которымъ обязано удовлетворять лицо, получающее опеку надъ малолѣтними наслѣдниками, говорится, что опекунами должны быть „не чужоземцы, але родичы того паньства Великого Князьства Литовского, люди добрые, побожные, неутратъные и добре оселые въ томъ же повете, где опекати се будуть“[7]).

Приходится признать, что обязательность быть „родичемъ“ для полноправности обывателя Великаго Княжества Литовскаго не только не ослаблена въ Третьемъ Статутѣ по сравненію со Вторымъ, но, наоборотъ, выражена въ немъ еще болѣе настойчиво и опредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, относительно опекуновъ Статутъ 1566 года требуетъ, чтобы они были „не чужоземцы, але добре оселые въ томъ же повете“[8]). Третій же Статутъ добавилъ къ этому не только требованіе отъ нихъ со-

---

1) II, 1.
2) II, 5.
3) IV, 1.
4) IV, 37.
5) IV, 104.
6) IV, 83.
7) VI, 3.
8) II Ст., VI, 3.

отвѣтствующихъ нравственныхъ качествъ и хозяйственности, но и обязательной принадлежности къ числу „родичей“ государства Литвы. То же замѣчается и при сравненіи артикуловъ обоихъ Статутовъ, говорящихъ о хоружихъ[1]), составѣ земскаго суда, судьѣ замковомъ и подкоморіи повѣтовомъ[2]). Составители Третьяго Статута, очевидно, стремились въ своей формулировкѣ соотвѣтствующихъ требованій закона особенно подчеркнуть необходимость принадлежности къ „родичамъ“ государства Литвы для того, чтобы пользующіеся имъ и его примѣняющіе могли твердо знать, что постановленіе акта Люблинской Уніи о равноправіи поляковъ съ „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго отвергнуто сводомъ законовъ послѣдняго.

Права шляхетскаго „народа“ Великаго Княжества Литовскаго по Третьему Статуту остаются тѣ же, какъ они были утверждены и конституціею Статута 1566 года[3]). Въ Третьемъ Статутѣ было дано лишь еще большее ихъ развитіе. Такъ, право избирать кандидатовъ на повѣтовые уряды было предоставлено повѣтовой шляхтѣ Вторымъ Статутомъ лишь по отношенію къ членамъ земскихъ судовъ. Третій Статутъ утверждаетъ это право шляхты повѣтовъ и по отношенію къ урядамъ повѣтовыхъ хоружія и подкоморія, и избраніе ею кандидатовъ на эти уряды должно совершаться „за обраньемъ на то певныхъ особъ черезъ обывателей кождое земли и повету тымъ порадъкомъ, яко обиранье врядъниковъ судовыхъ земъскихъ въ семъ же Статуте естъ описано“[4]). Права, признанныя за шляхтою государства Литвы Вторымъ Статутомъ, не только не получили какого-либо сокращенія, но оказались еще болѣе широкими, ибо изъ идеи шляхетскаго „народа“, принятой уже этимъ кодексомъ, Третій Статутъ въ своихъ артикулахъ слѣлалъ дальнѣйшіе выводы, передъ которыми еще останавливался Статутъ 1566 года. Всѣ „станы“ шляхетскаго „народа“ — „люди вольные“[5]). Они вольные „здавна“, а также „зацные и учъсти-

---

1) Во Второмъ Статутѣ стоитъ, что господарь на урядъ хоружія можетъ назначать „толко людей зацныхъ, добрыхъ, ростропныхъ, можныхъ и оселыхъ въ повете томъ“. II Ст., II, 5.

2) II Ст., IV, 1, 21, 70.

3) См. часть первая, стр. 210-212.

4) II, 5. Ср. IX, 1.

5) См., напр., III, 41.

вые“[1]). Это подчеркиваетъ Третій Статутъ. Надо думать, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы указать на полное равенство обывателей Великаго Княжества Литовскаго съ ихъ „суседами“-поляками въ чести и старинномъ происхожденіи своихъ „свободъ“ и „вольностей“.

Итакъ, по основнымъ законамъ Третьяго Статута Великое Княжество Литовское представляетъ собою государство съ особою государственною территоріею и населеніемъ, которое, какъ „тубыльцы“, не смѣшивается съ населеніемъ Польской Короны и въ составѣ котораго шляхетскій „народъ“ занимаетъ господствующее положеніе, но полноправны и въ составѣ этого послѣдняго лишь „родичи“ государства Литвы. Государство, однако, имѣетъ не только территорію и населеніе. Оно должно имѣть и свою государственную власть. И основные законы Третьяго Статута организуютъ эту государственную власть Великаго Княжества Литовскаго въ рядѣ артикуловъ кодекса.

Во главѣ государства Литвы стоитъ монархъ. Этотъ монархъ понимается Третьимъ Статутомъ какъ великій князь Литовскій. Отъ имени монарха Статутъ говоритъ: „мы сами и потомки наши, великие князи Литовъские“[2]). Такимъ образомъ, преемники монарха мыслятся какъ монархи государства Литвы. Но то же самое имѣемъ въ Третьемъ Статутѣ и тогда, когда рѣчь идетъ объ его предшественникахъ: „яко продки наши, великие князи Литовские, такъ и мы.....“[3]). Иногда въ статутовыхъ артикулахъ великій князь Литовскій именуется и королемъ Польскимъ или просто королемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого именованія: „король его милость и великий князь Литовъский Жикгимонтъ Августъ“[4]), „продъковъ нашыхъ, королей ихъ милости и великихъ князей Литовъскихъ“[5]), „потомковъ нашихъ, королей Полскихъ и великихъ князей Литовъскихъ“[6]).

---

[1]) IV, 1. Этихъ словъ нѣтъ въ первомъ артикулѣ четвертаго раздѣла Статута 1566 года. Въ Третьемъ Статутѣ они находятся въ вводной части артикула, въ которой говорится отъ имени короля Стефана объ утвержденіи Второго Статута Сигизмундомъ Августомъ и объ учрежденіи имъ земскихъ повѣтовыхъ судовъ.

[2]) V, 2. Ср. I, 20, 21; III, 1, 2, 12, 17.

[3]) III, 5. Ср. III, 2.

[4]) IV, 1.

[5]) III, 29. Ср. III, 43.

[6]) I, 3.

Но означаетъ ли эта прибавка словъ „король“ или „король Польскій“ то, что достоинство великаго князя Литовскаго стало теперь неотдѣлимымъ отъ достоинства короля Польскаго въ исполненіе договора Люблинской Уніи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, нужно прежде всего отмѣтить, что королями именовали великихъ князей не только акты государства Литвы въ эпоху до Люблинской Уніи, но и Литовскіе Статуты 1529 и 1566 годовъ. Такое именованіе отнюдь не обозначало того, что монархъ въ государствѣ Литвы правитъ какъ король Польши, или того, что престолы обоихъ зтихъ государствъ слиты во-едино. Такъ, въ пятнадцатомъ артикулѣ перваго раздѣла Статута 1529 года стоитъ: „тежъ уставуемъ княжатомъ и паномъ хоруговнымъ, шляхте — хто бы держалъ именье и люди и земли за Казимера короля во-въ покои, а о томъ до короля Олександра будеть нихто ся не привпоминалъ, бы и добре таковы листовъ на то не мелъ, тогды то во-въ покои держати маеть.....“ [1]). Совершенно ясно, что тутъ идетъ рѣчь объ Александрѣ какъ о великомъ князѣ Литовскомъ, а не какъ о Польскомъ королѣ, ибо имѣется въ виду смѣна имъ своего отца на престолѣ государства Литвы. Какъ извѣстно, въ 1492 году, послѣ смерти Казимира его преемникомъ въ Польшѣ сталъ его сынъ Янъ Альбрехтъ, а преемникомъ въ Литвѣ другой его сынъ Александръ, сдѣлавшійся Польскимъ королемъ лишь послѣ смерти брата, послѣдовавшей въ 1501 году. Конечно, приведенное нами постановленіе имѣетъ въ виду наступившую въ 1492 году смѣну монарховъ въ государствѣ Литвы, а не полученіе Александромъ Казимировичемъ короны Польши въ 1501 году. Такимъ образомъ, именованіе Александра королемъ имѣетъ мѣсто лишь потому, что онъ подъ конецъ своей жизни и великокняженія въ государствѣ Литвы получилъ королевскій, т. е. болѣе высокій, титулъ, который и занялъ первое мѣсто въ ряду его остальныхъ титулованій. Такое же употребленіе королевскаго титула имѣемъ во Второмъ Статутѣ [2]). Изъ

---

[1]) Заголовокъ этого артикула: „Хто чого былъ въ держаньи за Казимера короля и за Олександра, а о то нихто не впоминалъ“. Ср. въ томъ же раздѣлѣ артикулъ 19: „Хто бы за Казимера короля которое именье во-въ покою мелъ, а за Александра короля не впоминалъ нихто“.

[2]) „Хочемъ тежъ мети и уставуемъ, абы вси подданые наши, такъ духовные, яко и свецкие, княжата и панове и вси шляхта, которые именья свои отчызные, выслужоные и купленые и якие-колвекъ набытые за прод-

этого послѣдняго оно было перенесено и въ Статутъ Третій, который лишь дополнялъ и исправлялъ Второй, а не перерабатывалъ его заново въ исполненіе требованій Люблинскаго сейма 1569 года. Къ этому нужно добавить, что Статутъ 1588 года обычно не именуетъ монарха только королемъ, безъ обозначенія его и великимъ княземъ Литовскимъ. Если мы примемъ во вниманіе то, что только великимъ княземъ Литовскимъ онъ именуется, а титулъ Польскаго короля лишь въ нѣкоторыхъ текстахъ добавляется, то становится яснымъ, что послѣдній является дополненіемъ къ первому титулу и вовсе не понимается Статутомъ въ значеніи титула основного.

Монархъ Великаго Княжества Литовскаго въ Третьемъ Статутѣ понимается какъ „господарь" именно этого государства. Въ числѣ преступленій противъ „маестату господаръского" этотъ кодексъ знаетъ такія: „кгды бы ся хто бунътовалъ, покой посполитый взрушаючи, противъ насъ, господаря, або ку шкоде речи посполитое мынцу безъ воли нашое билъ, або по зейштью з сего свѣта нашомъ господаръскомъ, такъ же и потомковъ нашихъ королей Полскихъ и великихъ князей Литовъскихъ, хотечи хто осести и опановати тое панство Великое Князство и господаремъ на немъ быти, и войско, людъ служебный, збиралъ, выводилъ"[1]). Выморочныя имѣнія въ государствѣ Литвы, гласитъ Статутъ отъ имени монарха, „спадкомъ на речъ посполитую и на насъ, господаря великого князя, и потомъковъ нашыхъ великихъ князей Литовъскихъ, приходять и приходити будуть"[2]). Отъ имени Стефана Баторія Статутъ говоритъ: „где жъ и мы, Стефанъ, Божъю милостью король Польский, великий князь Литовский, приходечи на пірованье того Великого Князства Литовского подъ тымъ то Статутомъ и въ томъ же помененомъ порядъку судовъ обывателей здешнего панства знашли"[3]). О назначеніи великимъ княземъ долж-

---

ковъ нашихъ, славное памяти короля Казимера або дядка нашого короля Александра, такъ тежъ и за отца нашого короля его милости Жикгимонта и за нашого щастливого панованья, спокойне держали, тые мають таковые именья вечне съ покоемъ держати отъ сихъ часовъ и на потомные часы вжывати, они сами и потомки ихъ, бы добре и листовъ никоторыхъ на то не мели". II Ст., III, 36.

1) I, 3.

2) III, 17.

3) IV, 1.

ностного лица въ силу его верховной власти надъ государствомъ Литвы говорится въ Статутѣ какъ о назначеніи по „зверъхности нашое господаръское“, а не королевской[1]).

Согласно Третьему Статуту, великій князь Литовскій можетъ быть королемъ Польши, а можетъ имъ и не быть. Въ статутовомъ текстѣ стоитъ внесенное въ него отъ имени монарха государства Литвы: „и хотя бы Панъ Богъ, з ласки Своее светое, намъ, господару, узычити рачилъ паньства иного або и королевъства, тогды предъ се сего панства нашого Великого Князства Литовъского князей, пановъ-радъ духовныхъ и светъскихъ и всихъ врядниковъ земъскихъ и дворъныхъ, шляхту и рицерства, и всихъ иныхъ становъ ни въ чомъ не понижати, але отъ всякое легкости и пониженья стеречы и боронити будемъ, съ помочъю Божою стараючи се о примноженье и вывышенье того паньства и всихъ достойностей, оздобъ и пожитъковъ з наболшою пилностью и усилованьемъ нашимъ“[2]). Это обязательство монарха перенесено въ Третій Статутъ изъ Второго[3]). Но въ кодексѣ, составленномъ и утвержденномъ послѣ Люблинской Уніи, оно получаетъ новое значеніе. Основные законы государства Литвы сохранили и послѣ этой Уніи не только прежнее значеніе своего „панства“, но и монарха также въ прежнемъ его значеніи. Онъ можетъ быть королемъ Польши, а можетъ имъ и не быть. Конечно, это совершенно непримиримо съ постановленіями акта Уніи 1569 года, и ниже намъ придется дать толкованіе отношенія Третьяго Статута къ договору Люблинской Уніи вообще, которое способно объяснить это противорѣчіе законовъ Третьяго Статута постановленіямъ Люблинской Уніи. Теперь же отмѣтимъ и другое противорѣчіе имъ въ томъ же статутовомъ артикулѣ. Въ немъ говорится, что господарь гарантируетъ за себя и за своихъ преемниковъ, „великихъ князей Литовскихъ“, „подъ тою жъ присегою“, которую онъ принесъ „всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князьства Литовъского“, что „тое то славное панство Великое Князство“ и всѣ его земли не понизитъ или какъ-нибудь уменьшитъ „въ славе, тытулехъ, столицы, зацности, владзы, можности, росказыванью и въ иншихъ

1) IX, 1.
2) III, 1.
3) II Ст., III, 1.

всякихъ належностяхъ и прислухиванью, и тежъ въ границахъ". Тутъ передъ нами прежде всего особая присяга монарха Великому Княжеству Литовскому, которая отмѣнялась постановленіями Люблинской Уніи. Но этого мало. Перенося этотъ артикулъ изъ Статута 1566 года, Третій Статутъ его дополнилъ рядомъ новыхъ выраженій государственныхъ значенія и правъ государства Литвы, по сравненію съ соотвѣтствующимъ артикуломъ предшествующаго кодекса[1]).

Монархъ государства Литвы является главою его верховной и правительственной власти. О судахъ Великаго Княжества Литовскаго Третій Статутъ такъ говоритъ отъ имени его монарха: „вряды наши судовые, за порученьемъ нашимъ шафуючи справедливостью людскою, местъце нашо господаръское заседаютъ"[2]). Конфискація имущества въ случаяхъ, установленныхъ Статутомъ, совершается „до столу и скарбу нашого (т. е. господарскаго) Великого Князства Литовъского"[3]), имущество свое караемое конфискаціею лицо „на речъ посполитую и на насъ, господара, тратить, до столу нашого того панъства Великого Князства Литовъского"[4]). Но мы уже видѣли выше, что и по законамъ Третьяго Статута, какъ и по законамъ Статута 1566 года, монархъ государства Литвы не имѣлъ права замѣщать всѣ уряды этого государства никѣмъ кромѣ его „родичей". Въ ихъ же пользу было ограничено его право и пожалованіями имѣніями въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго[5]). Артикулы Третьяго Статута опредѣляютъ права и положеніе монарха своего государства совершенно такъ же, какъ это было сдѣлано и въ Статутѣ 1566 года. Люблинская Унія въ статутовыхъ законахъ о монархѣ не измѣнила ничего.

Великій князь Литовскій правитъ своимъ государствомъ на основаніи законовъ. Третій Статутъ гласитъ отъ его име-

---

1) Во Второмъ Статутѣ это выражено такъ: „мы, господаръ, обецуемъ тежъ и шлюбуемъ за себя и за потомки наши великие князи Литовские подъ тою жъ присегою нашою, которую есьмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князства Литовского и всихъ земль, ку нему здавна и теперъ належачыхъ, у славе, титуле, столицы, зацности и владзы и можности, росказованью и въ иншыхъ всихъ належностяхъ и прислухиванью и въ границахъ ни въ чомъ не вменшати и овшемъ примножати". II Ст., III, 1.

2) I, 10. Ср. IV, 53.

3) III, 12.

4) V, 22.

5) См. стр. 109-110.

ни: „а мы, господаръ, такъ же Судъ Головный[1]), воеводове, старостове и врядники наши, судъя, подъсудокъ, и судъ замковый або дворъный, и нихто иный ничого з головы и домыслу своего, такъ же и зъ ведомости своей судити и сказывати не мають и не будуть мочы, толко водлугъ сего Статуту......" [2]). Въ спорахъ и тяжбахъ, возникающихъ между имѣніями господарскими и частновладѣльческими, „маемъ мы и потомки наши великие князи Литовские такъ же однымъ правомъ, яко и подданые наши Великого Князства, судити ся", какъ установляетъ Статутъ[3]). Но верховная власть великаго князя ограничена не только обязанностью постояннаго соблюденія законовъ государства Литвы. Эту власть онъ раздѣляетъ съ радою и сеймомъ, она подлежитъ и ихъ контролю. Опредѣляя компетенцію обоихъ этихъ учрежденій, Третій Статутъ совершенно не считается съ постановленіями Люблинской Уніи. Въ свои артикулы онъ переноситъ соотвѣтствующіе законы Статута 1566 года, дополняя и развивая ихъ, но дѣлая это отнюдь не въ исполненіе и осуществленіе статей акта Уніи 1569 года.

Начнемъ наши наблюденія надъ статутовыми текстами, говорящими о сеймѣ, съ его ими именованія. Коронным ъ, какъ его именовалъ актъ Уніи, Третій Статутъ не называетъ сейма никогда. Только подъ текстомъ акта Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года, внесеннаго въ третій артикулъ третьяго раздѣла, обозначено, что онъ принятъ на съѣздѣ „вальнымъ Коронънымъ". Но этотъ актъ представляетъ собою, какъ мы уже отмѣтили выше[4]), соглашеніе становъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго, и въ Третій Статутъ онъ внесенъ въ переводѣ съ польскаго языка на русскій въ полномъ его видѣ. Передъ нами не выработанный составителями Статута текстъ статутоваго артикула, а особый актъ, составленный на съѣздѣ Польской Короны, къ которому присоединилось государство Литвы. Содержаніе этого акта удовлетворяло шляхетскій „народъ" послѣдняго, и составители Треть-

---

[1]) Т. е. Трибуналъ.

[2]) IV, 54.

[3]) I, 20. Заголовокъ этого артикула: „О речъ земленую межи именьями нашими, князьскими, паньскими и шляхетъскими мы, господаръ, однымъ тымъ правомъ судити ся маемъ".

[4]) Стр. 73-74.

яго Статута воспользовались его готовымъ текстомъ вмѣсто того, чтобы измѣнять его редакцію и передѣлывать его въ статутовый артикулъ обычныхъ вида и формы. Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ артикулѣ передъ нами не обычный сеймъ Польско-Литовской Речи Посполитой, а чрезвычайный съѣздъ времени безкоролевья.

Что касается сеймовъ вообще, то Третій Статутъ по отношенію къ нимъ употребляетъ такія выраженія: „соймъ" или „съемъ", рѣдко „сеймъ", иногда съ прибавленіемъ словъ великій и вальный, значительно рѣже „сполный". Статутовый артикулъ, имѣющій въ кодексѣ основное значеніе для сейма, говоритъ о немъ отъ имени господаря такъ: „уставуемъ для лепъшого порядъку во всихъ речахъ и способовъ ку справедливости и обороне, ижбы з волею всихъ на сойме потребы се земъские становили и отправованы были, абы вечными часы передъ соймомъ великимъ валнымъ, который маемъ мы и потомки нашы завжды, коли того потреба укажеть речы посполитой, за порадою радъ нашихъ того жъ паньства складаны листы нашими были тежъ соймики поветовые...." [1]). Въ этомъ артикулѣ Третьяго Статута соединены въ одинъ два артикула Статута 1566 года, а именно „О соймикохъ поветовыхъ и о выправованью и посланью зъ нихъ пословъ земскихъ на вальный соймъ" и „О сойму вальномъ" [2]), при чемъ къ нимъ были сдѣланы и нѣкоторыя дополненія. Артикулъ „О сойму вальномъ" во Второмъ Статутѣ читается такъ: „при томъ тежъ уставуемъ, съ призволеньемъ радъ нашихъ духовныхъ и свецкихъ и зо всими станы, сойму належачыми, на теперешнемъ сойму великомъ Виленьскомъ, хотечы то все мети вечными часы, ижъ маемъ мы и потомки нашы великие князи Литовские съ потребы речы посполитое, за радою радъ нашихъ того жъ панства або за прозбою рыцерства, складати соймы вальные въ томъ же панстве Великомъ Князстве Литовскомъ завжды, коли-колко того будеть потреба". Сличая эти тексты обоихъ Статутовъ, мы замѣчаемъ, что въ Третьемъ Статутѣ опущено указаніе на по-

---

1) III, 6. Заголовокъ артикула: „О сойме вальномъ, о соймикахъ поветовыхъ и о выправованью ихъ и посланью з нихъ пословъ земъскихъ на валный соймъ, и о вольныхъ возныхъ отъ войны, такъ же о приеждчанью пановъ-радъ, врядниковъ земъскихъ и шляхъты".

2) II Ст., III, 5 и 6.

становленіе Виленскаго сейма, въ замѣнъ котораго внесено начало артикула Статута 1566 года „О соймикохъ поветовыхъ", которое въ немъ таково: „уставуемъ для лепшого порадку во всехъ речахъ и въ способу ку справедливости и обороне, абы за волею всѣхъ на соймикахъ потребы се земские становили и отправованы были, абы вечными часы передъ сеймомъ великимъ вальнымъ, который[1]) маемъ мы и потомки нашы завжды, коли того потреба окажеть речы посполитое Великого Князства, порадою радъ нашихъ того жъ панства, складати листы нашими соймики поветовые....." Выписка изъ Второго Статута въ Третьемъ сдѣлана почти совершенно точно. Въ ней лишь маленькія отличія чисто редакціоннаго характера. Замѣчается, однако, пропускъ двухъ словъ, который на первый взглядъ можетъ показаться имѣющимъ существенное значеніе. Во Второмъ Статутѣ говорится о нуждахъ („потреба") „речы посполитое Великого Князства", а въ Третьемъ послѣднія два слова пропущены, вслѣдствіе чего въ немъ осталось указаніе на нужды просто „речы посполитой". Но, конечно, подъ этою „речью посполитою" рѣшительно невозможно понимать соединенную Польско-Литовскую Речь Посполитую, созданную Уніею 1569 года, ибо, еслибы Статутъ имѣлъ въ своемъ текстѣ въ виду ее, то въ немъ стояло бы „сполное речы посполитое", по крайней мѣрѣ, если не болѣе обычное въ такихъ случаяхъ обозначеніе „потребъ" обоихъ народовъ, „Коруны Польское и Великого Князства Литовского"[2]). Подъ „речью посполитою" въ разбираемомъ текстѣ Третьяго Статута, перенесенномъ изъ Второго, утвержденнаго до Люблинской Уніи, въ виду всего этого, можно разумѣть только государство Литвы.

Итакъ, вальные сеймы и предсеймовые сеймики повѣтовые, по Третьему Статуту, назначаются монархомъ Великаго Княжества Литовскаго для нуждъ этого государства и по соглашенію съ его панами-радами. Объ участіи въ этомъ соглашеніи сенаторовъ Польской Короны нѣтъ никакого упоминанія, какъ нѣтъ указанія и на нужды Польши, которыя могутъ потребовать отъ господаря созыва сейма. Нѣтъ въ Третьемъ

---

[1]) Исправляемъ изъ „которымъ" въ изданіи въ XXIII книгѣ Временника Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.

[2]) См. сеймовые документы — И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 3, 13, 15, 22, 24, 25, 26 и др.

Статутѣ ничего о томъ, что мѣстомъ обычныхъ сеймовъ должна быть Варшава, какъ это было постановлено Люблинскимъ сеймомъ Унiи 1569 года[1]). Третiй Статутъ говоритъ просто о „звыкломъ", т. е. обычномъ, мѣстѣ вальныхъ сеймовъ, но имени этого мѣста въ немъ нѣтъ[2]). Въ одномъ изъ своихъ артикуловъ онъ даже прямо указываетъ на то, что мѣстомъ сеймовъ могутъ быть Вильна и другiе города государства Литвы. Установляя свободу отъ постоя для домовъ шляхты „въ месте" господарскомъ „столечномъ Виленьскомъ и в ынъшихъ местехъ", статутовый артикулъ отъ имени господаря гласитъ: „по тому жъ и становничие наши и маршалъковъ нашихъ Великого Князства Литовского, земского и дворного, подъ соймомъ ани подъ якимъ инымъ часомъ господъ никому въ нихъ назначати и записывати не мають" [3]).

Новые законы могутъ издаваться только на сеймѣ. Артикулъ Второго Статута, постановляющiй это, перенесенъ и въ Статутъ Третiй. Вотъ текстъ обоихъ артикуловъ:

III Ст., III, 15[4]).	II Ст., III, 12[5]).
Тежъ прирекаемъ вси привилья земъские стародавные и ново отъ насъ даные вольности и звычаи добрие стародавные ховати и ни въ чомъ того не нарушати, а нового ничого не вставляти. А ведь же была ль бы потреба што нового прибавити ку доброму речы посполитое, тогды и того не маемъ чинити ани уставъ жадныхъ делати али жъ на вальномъ сойме, з ведомостью и порадою радъ нашихъ и призволеньемъ всихъ становъ, сойму належачыхъ.	Тежъ прирекаемъ вси привелея земские стародавные и ново отъ насъ наданые волности и звычай добрый стародавный тымъ Статутомъ нашимъ ховати и ни въ чомъ не нарушати, а нового ничого не встановляти. А ведь же была ль бы того потреба што нового прибавити ку доброму речы посполитой, тогды того не маемъ чынити ани вставъ жадныхъ делати ажъ на вальномъ сойме того панства нашого и въ здешнемъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ, зъ ведомостью и

1) Vol. Legum, II, p. 94, f. 780.

2) III, 7.

3) III, 49.

4) „О держанью старыхъ уставъ, а новыхъ безъ сойму вального не уставляти".

5) „О держанью старыхъ уставъ, а новыхъ безъ сойму вального не встановляти".

порадою радъ нашихъ и призволеньемъ всихъ земль того панства нашого.

Сравнивая эти два текста и оставляя въ сторонѣ не имѣющія никакого значенія для смысла небольшія различія въ отдѣльныхъ словахъ, получаемъ три существенныхъ отличія текста Третьяго Статута отъ текста Второго: 1) въ немъ опущены слова „тымъ Статутомъ нашимъ“ передъ словомъ „ховати“, 2) въ немъ опущены послѣ словъ „на вальномъ сойме“ слова „того панства нашого и въ здешнемъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ“ и 3) въ немъ слова „призволеньемъ всихъ становъ, сойму належачыхъ“, замѣнили слова „призволеньемъ всихъ земль того панства нашого“, находящіяся въ Статутѣ 1566 года. Первое изъ этихъ различій совершенно естественно и не имѣетъ значенія для вопроса объ отношеніи Третьяго Статута къ постановленіямъ Люблинской Уніи. Указаніе на Статутъ нашло свое мѣсто въ кодексѣ 1566 года потому, что именно этотъ кодексъ призналъ за вальнымъ сеймомъ законодательныя права, которыя раньше принадлежали радѣ, расширенной участіемъ въ ея „соймахъ“ шляхты. Когда новая организація вальнаго сейма государства Литвы вошла въ жизнь и стала обычною, исчезла и надобность въ указаніи на кодексъ, ее вводившій.

Иное значеніе имѣютъ два другихъ измѣненія текста артикула Второго Статута. Опущеніе словъ, говорящихъ о томъ, что вальный сеймъ является сеймомъ одного государства Литвы и собирается непремѣнно въ его предѣлахъ, внѣ всякаго сомнѣнія, связано съ Люблинскою Уніею. Послѣ нея сеймъ государства Литвы вмѣстѣ съ сеймомъ Польской Короны образовалъ „спольный“ сеймъ Польско-Литовской федеративной Речи Посполитой. Этого не могли не принять во вниманіе составители Третьяго Статута. Но они, во-первыхъ, не назвали сейма Коронnымъ, какъ его именовалъ договоръ Уніи 1569 года, а во-вторыхъ, не упомянули о томъ, что онъ является „спольнымъ“ для обоихъ государствъ федераціи. Объ участіи въ немъ сеймовыхъ членовъ отъ Польши въ статутовомъ текстѣ не сказано. Какое же объясненіе этого можетъ быть дано? Думается, что, еслибы составители Третьяго Статута считали саму Люблинскую Унію и ея постановленія имѣющими обязательность для государства Литвы на „вѣчныя“ времена,

они бы не могли умолчать о сліяніи сеймовъ обоихъ государствъ въ единое цѣлое, какъ не могли бы не упомянуть и вообще о Польской Коронѣ въ артикулѣ, говорящемъ о „соймѣ вальномъ“. Люблинская Унія, внѣ всякаго сомнѣнія, преобразовывала сеймъ Великаго Княжества Литовскаго, если уже не признавать полнаго упраздненія его, на чемъ она въ дѣйствительности категорически настаивала. Пусть въ государствѣ Литвы этого упраздненія не хотѣли признать. Но даже въ такомъ случаѣ отрицать преобразованіе вальнаго сейма этого государства Люблинскою Уніею въ сеймъ „спольный“ съ Польшею было абсолютно невозможнымъ, ибо оно представляло собою совершившійся фактъ, который долженъ былъ признать и кодексъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго въ своихъ артикулахъ. Между тѣмъ, онъ этого не сдѣлалъ. Едва ли возможно пріискать въ данномъ случаѣ какое-либо другое объясненіе кромѣ слѣдующаго. Люблинскую Унію составители Третьяго Статута не признавали окончательно и навсегда опредѣлившею судьбы государства Литвы въ его федераціи съ Польскою Короною. Они вырабатывали артикулы составляемаго ими кодекса такъ, чтобы они могли сохранить свои содержаніе и силу какъ при Уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, такъ и въ случаѣ разрушенія этой Уніи, мысль о которомъ существовала въ немъ въ годы составленія Третьяго Статута, какъ мы это видѣли выше[1]). Еслибы государство Литвы дѣйствительно отказалсь отъ договора Люблинской Уніи, заключеннаго съ Польшею, для него открывались бы двѣ возможности устройства своей дальнѣйшей жизни. Первая изъ нихъ — вступить въ федеративное соединеніе уже не съ Польшею, а съ какимъ-либо другимъ государствомъ. Вторая — существовать совершенно отдѣльно, безъ установленія федераціи. Составители Третьяго Статута, считаясь съ этими возможностями, и постарались формулировать законъ о вальномъ сеймѣ такъ, чтобы онъ могъ сохраниться при всѣхъ этихъ возможностяхъ, т. е. и при Уніи съ Польшею, и при Уніи съ другимъ государствомъ, и, наконецъ, безъ Уніи вообще.

Послѣднее изъ отмѣченныхъ нами отличій текста артикула о вальномъ сеймѣ въ Третьемъ и Второмъ Статутахъ со-

[1]) Часть первая, стр. 338-340.

стоитъ въ замѣнѣ словъ „призволеньемъ всихъ земль того панства нашого“ словами „призволеньемъ всихъ становъ, сойму належачыхъ“. Въ этой замѣнѣ также нельзя не видѣть отраженія Люблинской Уніи. При существованіи „спольнаго“ сейма, было невозможнымъ сохраненіе въ статутовомъ артикулѣ старой формулы „призволенья“ всѣхъ земель одного лишь государства Литвы. Составители Третьяго Статута неизбѣжно должны были ее измѣнить. Но они совершили это измѣненіе съ тѣми же осторожностью и предвидѣніемъ возможностей замѣны Уніи съ Польшею другими условіями существованія государства Литвы, о которыхъ мы только что говорили. Объ участіи „становъ“ Короны Польской въ артикулѣ не упомянуто. Ничего не сказано и о „спольномъ“ съ ними „призволеньѣ“. Передъ нами, несомнѣнно, та же тенденція, которую мы видѣли и въ только что разсмотрѣнномъ нами измѣненіи текста артикула въ редакціи Третьяго Статута. Но измѣненіе формулировки „призволенья“ въ статутовомъ текстѣ, кромѣ того, объясняется и другими соображеніями, которыя, вѣроятно, имѣлись у составителей Третьяго Статута. Во-первыхъ, уже въ годъ утвержденія Второго Статута „станы“ Великаго Княжества Литовскаго представляли единыя цѣлыя на протяженіи всей территоріи его, всѣхъ его земель. Въ годы составленія Третьяго Статута это еще болѣе закрѣпилось. Признавать вальный сеймъ хотя бы даже одного только государства Литвы собраніемъ представителей его „земель“ было уже неправильнымъ въ формулировкѣ закона. Къ тому же шляхетскіе послы сеймовые избирались не отъ старыхъ, исторически сложившихся земель Великаго Княжества Литовскаго, а отъ его повѣтовъ. Лишь одна „земля“ Жомойтская сохранила свое старое именованіе землею, а не воеводствомъ или повѣтами. Но, какъ извѣстно, уже послѣ реформы Второго Статута вальный сеймъ государства Литвы сохранялъ еще въ своемъ составѣ нѣкоторыхъ недолжностныхъ князей, а также дворныхъ и земскихъ урядниковъ[1]), которые не попали въ составъ „спольнаго“ сейма послѣ Люблинской Уніи. Однако всѣ они понимались въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ значеніи „становъ,

---

[1]) Ср. И. И. Лаппо, Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго „Литовско-Русскій сеймъ“ — Отчетъ о девятомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова (Москва, 1903), стр. 66-73.

сойму належачихъ“. Введенія въ составъ сената этихъ князей и маршалковъ повѣтовыхъ государство Литвы упорно добивалось въ годы составленія Третьяго Статута. Старая и привычная въ Литвѣ формула „станы, сойму належачые“, не закрывала передъ князьями и земскими и дворными урядниками дверей, ведущихъ въ составъ сейма. Но этого мало. Сохранить формулировку Второго Статута значило поставить вопросъ о земляхъ государства Литвы, оторванныхъ отъ него въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Ихъ представители были во время составленія Третьяго Статута членами Коронной части „спольнаго“ сейма. Оторванія этихъ земель Великое Княжество Литовское не признавало законнымъ и стремилось ихъ вернуть въ составъ своей государственной территоріи. Вопросъ о нихъ пріобрѣталъ новое значеніе, если Унія съ Польшею будетъ разрушена. При такомъ положеніи дѣла, лучшее, что могли сдѣлать составители Третьяго Статута, это было принятіе той формулировки, которую мы и находимъ въ данномъ статутовомъ артикулѣ.

Въ Третьемъ Статутѣ сохранена формула Второго, которою выражаются постановленія вальнаго сейма — „уставуемъ тежъ съ прызволеньемъ радъ нашихъ и всихъ становъ, подданыхъ нашихъ паньства того Великого Князства Литовъского“[1]), или „за прозбою всихъ становъ Великого Князства Литовъского.... мы, господаръ,...... уставуемъ и мети то хочемъ“[2]). Новый законъ о „стравныхъ“ деньгахъ для повѣтовыхъ пословъ на соймъ въ Третьемъ Статутѣ имѣетъ такое начало: „за спольными намовами и згоднымъ призволеньемъ всихъ становъ, обывателей того паньства нашого Великого Князства Литовъского, уставуемъ“[3]). Но встрѣчается въ этомъ кодексѣ и новая формулировка для такихъ постановленій: „за радою и позволеньемъ пановъ-радъ нашыхъ и всихъ становъ, до того Статуту належачыхъ, уставуемъ“[4]). Всѣ эти формулы, какъ въ артикулахъ, перенесенныхъ изъ Статута 1566 года, такъ и въ созданныхъ вновь, чужды малѣйшаго намека на то, что утверждать долженъ законы государства Литвы

---

1) II, 1. Ср. IV, 14.

2) I, 34.

3) III, 7.

4) XI, 14.

„спольный" соймъ Польско-Литовской федераціи. Опять передъ нами та же тенденція, которая была нами отмѣчаема уже у составителей и редакторовъ Третьяго Статута, т. е. стремленіе ихъ такъ формулировать артикулы кодекса, чтобы они могли примѣняться и при Уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею или другимъ государствомъ, и при отсутствіи Уніи.

Артикулы Третьяго Статута, излагающіе компетенцію вальнаго сейма, не даютъ никакихъ указаній на то, что этотъ сеймъ послѣ Люблинской Уніи сталъ общимъ для государствъ Литвы и Польши. Эта Унія какъ-будто не существуетъ совсѣмъ. Вотъ, напримѣръ, артикулъ, гласящій о началѣ войны только по сеймовому постановленію. „Обецуемъ и уставуемъ вечными часы, ижъ, кгды будеть потреба противъ которого неприятеля нашого обороны земъское сему паньству нашому Великому Князству Литовъскому албо вальку вести, тогды мы сами, господаръ, и съ паны-радами нашими не маемъ и не будемъ мочы того учинити ани серебщизны и плату никоторого и ниякого побору установляти такъ на подданыхъ князскихъ, паньскихъ и земяньскихъ, яко тежъ и на местехъ и подданыхъ нашихъ господаръскихъ, алижъ первей съемъ великий вальный зложивъшы, на который съемъ за росказаньемъ и листы нашыми будуть повинни вси станы, сойму належачие, зъехати се, и тамъ на сойме мы, господаръ, и зъ ихъ милостью паны-радами и послы земъскими, съ порадою и зъгоднымъ призволеньемъ ихъ, таковые речы о войне намовляти и становити маемъ, и який способъ сполне, за уѳалою всихъ становъ, на сойме намовленъ и постановленъ будеть, таковымъ порадкомъ отправовати се маеть, а не иначей; а безъ сойму и позволенья всихъ становъ войны въщинати и вести не маемъ"[1]).

Въ этомъ артикулѣ не только не обозначено, что вопросъ о войнѣ будетъ разрѣшать „спольный" Польско-Литовскій сеймъ, но изъ него вытекаетъ и заключеніе, что, во-первыхъ, государство Литвы не обязано участвовать въ веденіи войнъ Польши, а во-вторыхъ, оно можетъ вести отдѣльныя войны отъ послѣдней. Все это самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ договору Люблинской Уніи. Передъ читающимъ этотъ статутовый артикулъ встаетъ такое положеніе, при которомъ ни сеймъ Великаго Княжества Литовскаго не связанъ съ сей-

---

1) II, 2.

момъ Короннымъ, ни само оно не имѣетъ никакихъ связей съ Польскою Короною. Артикулъ этотъ перенесенъ въ Третій Статутъ изъ Второго, и составители и редакторы новаго кодекса не нашли нужнымъ внести въ него какія-либо исправленія въ исполненіе постановленій договора Уніи 1569 года. Но вообще данный артикулъ они не оставили въ неприкосновенномъ видѣ. Они выпустили изъ него его окончаніе въ текстѣ Статута 1566 года, установляющее право монарха, а въ его отсутствіи пановъ-рады, созвать земское войско въ случаѣ внезапнаго начатія военныхъ дѣйствій вторгнувшимся въ предѣлы государства Литвы ея врагомъ[1]). Такимъ образомъ, данный артикулъ Второго Статута былъ внимательно пересмотрѣнъ при составленіи новаго кодекса, и все-таки его составители и редакторы оставили въ немъ приведенный нами выше текстъ, хотя и измѣнили остальное содержаніе артикула.

Третій Статутъ увеличилъ до шести недѣль срокъ, отдѣляющій собраніе повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ отъ созыва вальнаго сейма[2]). Онъ утвердилъ въ законодательномъ порядкѣ и сеймикъ посеймовый, который долженъ былъ возникнуть уже раньше[3]). Утвердилъ онъ существованіе предсеймоваго съѣзда радныхъ пановъ и земскихъ пословъ цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго передъ ихъ отъѣздомъ на вальный сеймъ. Мы видѣли выше возникновеніе предсеймоваго съѣзда[4]). Любопытно, что и въ артикулѣ объ этомъ съѣздѣ, самое происхожденіе котораго было вызвано превращеніемъ стараго сейма государства Литвы въ „спольный“ съ поляками, составители Третьяго Статута не признали возможнымъ упомянуть о Польшѣ и о Коронномъ или, хотя бы, „спольномъ“ сей-

---

[1]) „А ведьже где бы отъ которого неприятеля нашого якое прудкое уторгненье было въ се панство наше Великое Князство, тогды и безъ сойму, толко за листы нашими, а въ небытности нашой за листы пановъ-радъ нашихъ и гетмана нашого великого мають вси князи и панове, подданые нашы, войны повинные, на часъ и местце назначоное ехати яко на кгвалтъ, и то зъ милости речы посполитое, боронечы собе, жоны и детей, маетности, отчызны своее“. II Ст., II, 2.

[2]) III, 6. По Второму Статуту этотъ срокъ былъ назначенъ въ четыре недѣли. II Ст., III, 5.

[3]) III, 9. Объ этомъ сеймикѣ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 480 и сл.

[4]) Часть первая, стр. 363 и сл.

мѣ. Въ этомъ артикулѣ стоитъ: „А догажаючи тому, абы послове земъские усихъ земль Великого Князъства Литовского въ справахъ и потребахъ земскихъ могли згодными намовами и умыслы на сеймъ великий приежъдчати, за чимъ бы се и на сойме потребы речи посполитое безъ великого затрудненья, снадней и спешней отправовали, про то уставуемъ, ижъ передъ кождымъ соймомъ великимъ валнымъ за две недели мають вси станы того паньства Великого Князства, такъ панове-рада ихъ милость, яко и послове земъские, зъездъ свой волный мети у Слониме. И тамъ, знесши въ посродокъ себе инструкцыи всихъ земль и поветовъ, мають межы себе намовы спольные въ милости братерской о всихъ потребахъ земъскихъ чинити, приводечи се до одного слушного зрозуменья и уваженья речей ку доброму речи посполитое, за чимъ бы вжо на великомъ вальномъ сойме порадней и спешней справы и потребы речи посполитое становити и отправовати се могли. А такъ у Слониме тотъ соймикъ трвати маеть водле часу и потребы, яко бы только на сеймъ великий въ часъ прибыти не омешкали"[1]).

Артикулъ этотъ прежде всего отмѣняетъ постановленіе договора Люблинской Уніи о томъ, что Великое Княжество Литовское и Польша „sejmy i rady ten oboj narod ma zawsze mieć spolne koronne pod krolem polskim, panem swym, i zasiadać tak panowie między pany osobami swemi, jako posłowie między posły, i radzić o spolnych potrzebach tak na sejmiech, jako i bez sejmow, w Polsce i w Litwie". Къ этому договоръ Уніи добавляетъ: „sejmow inych żadnych osobnych stanom koronnym i litewskim od tego czasu Krol Jego Mość składać nie będzie, jedno zawżdy spolne sejmy temu obojemu narodowi jako ciału jednemu w Polsce składać będzie, gdzie się Jego Krolewskiej Mości i radam koronnym i litewskim nasłuszniej zdać będzie".

На предсеймовомъ съѣздѣ должны были собираться паны-рады и сеймовые послы повѣтовой шляхты, т. е. весь составъ сеймующихъ отъ Великаго Княжества Литовскаго, его „станы сенаторскій и посельскій", въ полномъ ихъ составѣ. Иными словами, приведенный выше статутовый артикулъ устанавливалъ обязательныя собранія сейма государства Литвы пе-

---

[1]) III, 8. Заголовокъ этого артикула: „О соймику або зъезде головномъ въ Слониме передъ соймомъ великимъ вальнымъ".

редъ каждымъ „соймомъ великимъ вальнымъ". Артикулъ не называетъ этого сейма ни „Корунньмъ", ни „спольнымъ". Только знаніе того, что въ годы составленія онъ былъ „спольнымъ" съ поляками, объясняетъ смыслъ приведеннаго нами артикула. Если мы будемъ исходить при толкованіи этого артикула изъ существованія въ то время „спольнаго" сейма государствъ Литвы и Польши на основаніи договора Уніи 1569 года, то передъ нами окажется отмѣна части послѣдняго Третьимъ Статутомъ. Онъ возстановилъ собранія сейма Великаго Княжества Литовскаго, лишь не добавивъ къ составу „становъ сенаторскаго и посельскаго" монарха, хотя и не оговоривъ невозможности для послѣдняго находиться на такомъ сеймѣ-съѣздѣ. Правда, въ заголовкѣ артикула этотъ сеймъ-съѣздъ названъ „соймикомъ або зъездомъ головнымъ"; „соймикомъ" онъ именуется и въ самомъ текстѣ. Но названіе не измѣняетъ сущности дѣла и можетъ лишь указывать на осторожность составителей и редакторовъ Третьяго Статута въ выборѣ терминовъ при составленіи артикуловъ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями договора Уніи 1569 года. Что касается предметовъ занятій предсеймоваго съѣзда государства Литвы, то они обозначены статутовымъ артикуломъ чрезвычайно широко. Это — согласованіе инструкцій повѣтовыхъ сеймиковъ и „намовы спольные въ милости братерской о всихъ потребахъ земъскихъ". Иными словами, рѣшительно всѣ дѣла и вопросы государственнаго значенія могутъ обсуждаться и приводиться къ разрѣшенію. Все это должно дѣлаться безъ всякаго участія Коронныхъ членовъ сейма, между которыми, согласно договору Люблинской Уніи, обязаны засѣдать паны-рада и повѣтовые послы шляхты государства Литвы на всѣхъ „сеймахъ" и „радахъ".

Такимъ образомъ, при толкованіи артикула о съѣздѣ на основѣ существовавшихъ тогда связей между государствами Литвы и Польши по договору Уніи 1569 года, его постановленія являются отмѣною постановленій этого договора. Но Третій Статутъ о существованіи договора Люблинской Уніи не говоритъ ни въ одномъ изъ своихъ артикуловъ, на всемъ протяженіи своего текста. А если это такъ, то и статутовые артикулы могутъ получать свое толкованіе въ порядкѣ догматическаго изученія ихъ какъ дѣйствовавшаго закона. При такомъ способѣ толкованія артикулъ о съѣздѣ является закономъ,

его учреждающимъ для Великаго Княжества Литовскаго при всѣхъ возможностяхъ его государственнаго бытія, о которыхъ мы уже говорили выше, т.е. при его Уніи съ Польшею, при его уніи съ какимъ-либо другимъ государствомъ и, наконецъ, безъ заключенія имъ уніи вообще. При федеративномъ союзѣ государства Литвы съ другимъ государствомъ и при „спольномъ" сеймѣ съ нимъ, назначеніе предсеймоваго съѣзда совершенно ясно и понятно. А если Великое Княжество Литовское, разорвавъ Унію съ Польшею, не вступитъ въ федерацію ни съ однимъ изъ государствъ? Каково будетъ назначеніе предсеймоваго съѣзда тогда? Въ такомъ случаѣ артикулъ о предсеймовомъ съѣздѣ могъ отпасть за ненадобностью[1]). Но онъ могъ бы сохранить и свое дѣйствующее значеніе, еслибы передъ сеймомъ, во главѣ котораго долженъ былъ стоять монархъ, были бы признаваемы необходимыми или желательными предварительныя обсужденія дѣлъ безъ его участія лишь одними „станами, сойму належачими".

Переходя къ изученію текстовъ Третьяго Статута, говорящихъ о панахъ-радѣ, приходится отмѣтить то же, что мы наблюдали въ статутовыхъ артикулахъ и раньше, т. е. отсутствіе вліянія постановленій Люблинской Уніи. Паны-рада государства Литвы остаются по артикуламъ новаго кодекса въ томъ же ихъ значеніи, какъ и по артикуламъ Статута 1566 года. О томъ, что рада Великаго Княжества Литовскаго должна слиться съ сенатомъ Польши въ единый Коронный сенатъ, нѣтъ и

---

[1]) Статутовый артикулъ о предсеймовомъ съѣздѣ не соблюдался уже въ серединѣ XVII столѣтія. Уже въ инструкцію Берестейскаго сеймика его посламъ на сеймъ 1666 года внесено порученіе стараться на предстоящемъ сеймѣ о томъ, чтобы Слонимскій предсеймовый съѣздъ былъ возстановленъ „lege et usu", такъ какъ онъ бывалъ „non sine fructu" (А., изд. Вил. Арх. Комм., III, стр. 381). Надобность въ регулярныхъ, передъ каждымъ сеймомъ, собраніяхъ предсеймоваго съѣзда исчезала по мѣрѣ развитія особыхъ Литовскихъ сессій во время „спольныхъ" сеймовъ, ибо на этихъ сессіяхъ сенаторы и сеймовые послы государства Литвы, въ своемъ только составѣ, безъ присутствія поляковъ, обсуждали дѣла и подготовляли проведеніе своихъ законопроектовъ и требованій въ общихъ собраніяхъ Польско-Литовскаго сейма. Такимъ образомъ то, что было задачею предсеймоваго съѣзда, разрѣшалось въ Литовскихъ сессіяхъ сейма, безъ надобности заѣзда въ Слонимъ, а стало быть, и безъ проживанія въ этомъ городѣ на пути на сеймъ. Ср. J. Lappo, Iš vyriausiųjų Lietuvos suvažiavimų istorijos XVI amž. (Kaunas, 1932), 13 pusl.

рѣчи. Эта рада, какъ и до Люблинской Уніи, остается радою государства Литвы.

Повѣтовые предсеймовые сеймики, гласитъ статутовый артикулъ отъ имени господаря, „маемъ мы и потомки нашы" всегда созывать „за порадою радъ нашихъ того жъ паньства", т. е. Великаго Княжества Литовскаго[1]). Проступки, наказываемые лишеніемъ чести, господарь судитъ „на сойме съ паны-радами" своими „здешънего паньства", т. е. государства Литвы[2]). Наемныя войска изъ „людей прибылыхъ, такъ объчыхъ, яко и суседнихъ, заграничниковъ", господарь не можетъ принимать и вводить въ государство Литвы иначе, какъ только „з ведомостью и за радами радъ" своихъ „Великого Князства Литовъского"[3]). Перенося изъ Статута 1566 года артикулъ „О неотниманью достоеньствъ и врядовъ на заочное обмовенье"[4]), Третій Статутъ сохраняетъ и слова его — „тогды обоя сторона, яко тотъ, хто ведеть, такъ и на кого менить, мають передъ нами очевисто за мандатомъ стати[5]), а мы, съ паны-радами нашыми Великого Князства Литовъского, выслухавши ихъ и розезнавши тую речъ, винъного подле выступу его маемъ карати...." Въ статутовомъ артикулѣ, гарантирующемъ боярамъ-шляхтѣ невозможность для господаря отдавать ихъ и ихъ имѣнія кому-либо „въ томъ панстве обывателемъ, яко и заграничникомъ, и посторонънымъ и жадному иному", отъ имени господаря говорится: „а где бы што одержано и вышло и якимъ же колвекъ обычаемъ противъ сему Статуту, то съ права и з суду справедливого черезъ насъ и потомки нашы, за радою радъ нашихъ Великого Князства, на сторону отложоно и въ ни во што обернено быти маеть"[6]).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Люблинская Унія требовала хотя бы нѣкоторыхъ измѣненій въ приведенныхъ текстахъ, а если настаивать не только на ея постановленіяхъ,

---

1) III, 6.

2) I, 9, 28. Ср. I, 10.

3) II, 23.

4) III, 14. Во Второмъ Статутѣ — III, 11. Заголовокъ этого артикула во Второмъ Статутѣ: „Достоенствъ и врядовъ на заочное обмовенье не маемъ одыймовати".

5) Слова „за мандатомъ" отсутствуютъ въ артикулѣ Второго Статута по изданію его въ XXIII книгѣ Временника.

6) III, 5. Во Второмъ Статутѣ — III, 4.

но и на ея духѣ, въ которомъ нашло свое выраженіе Польское пониманіе ея, то едва ли бы было возможнымъ признать всѣ эти тексты умѣстными въ кодексѣ, который по мысли Польской части Люблинскаго сейма 1569 года долженъ бы былъ реализовать заключенную тогда Унію въ законахъ Литвы. Если уже судебная дѣятельность господаря при разборѣ дѣлъ, восходящихъ къ нему изъ Великаго Княжества Литовскаго, совмѣстно съ панами-радою его одного, нарушала принципъ сліянія сенатовъ обоихъ государствъ, соединенныхъ Уніею 1569 года, то неучастіе сенаторовъ Польши въ разборѣ дѣлъ по неправильному владѣнію „заграничниками" землями въ предѣлахъ государства Литвы лишало поляковъ-землевладѣльцевъ ихъ защиты и отдавало ихъ всецѣло суду одной Литовской рады. Контроль послѣдней надъ введеніемъ въ предѣлы государства Литвы наемныхъ войскъ изъ „суседовъ-заграничниковъ", т. е. поляковъ, также противорѣчилъ установленному Люблинскою Уніею сліянію сенатовъ. Но особенно ярко выступаетъ признаніе существованія особой рады Великаго Княжества Литовскаго въ требованіи ея „порады" при созывѣ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ, а стало быть, и самаго вальнаго сейма. Все это, приходится признать, находится въ противорѣчіи не только съ Польскимъ пониманіемъ значенія Уніи 1569 года, но и съ самымъ текстомъ ея постановленій.

Въ качествѣ общихъ съ Польшею постановленій въ Третій Статутъ внесены, какъ мы это видѣли выше[1]), лишь актъ Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года и пятнадцатая статья такъ называемыхъ Генриховыхъ артикуловъ, принятыхъ Стефаномъ Баторіемъ 8 февраля 1576 года. Но эти постановленія не являются законами, изданными для всей Польско-Литовской соединенной Речи Посполитой ея общею законодательною властью и въ нормальныхъ условіяхъ ея функціонированія. Актъ Варшавской конфедераціи 1573 года былъ постановленіемъ чрезвычайнаго съѣзда времени бозкоролевья. Третій Статутъ и понимаетъ его не какъ законъ, изданный въ общемъ порядкѣ законодательства, а какъ „конъфедерацыю, часу интерекгни въ той речы межы станы Коруны Польское и Великого Князства Литовъского учиненую"[2]). Что же касается

---

1) Стр. 73-77.

2) III, 3.

Генриховыхъ артикуловъ, то они также были приняты государствами Польши и Литвы во время безкоролевья, при избраніи Генриха Валуа, и такимъ образомъ также представляютъ собою актъ соглашенія этихъ государствъ, а не законъ, принятый вальнымъ сеймомъ Польско-Литовской Речи Посполитой. При этомъ и актъ Варшавской конфедераціи, и Генриховъ артикулъ внесены въ Третій Статутъ въ переводѣ на государственный языкъ Великаго Княжества Литовскаго. При внесеніи въ статутовый артикулъ акта конфедераціи 1573 года этотъ переводъ оговоренъ такъ: „которая конъфедерацыя съ Польское конъстытуцыи водлугъ права, кождому народу належачого, на руский езыкъ преложона и рускимъ же писмомъ въ сесь Статутъ уписана". Актъ Варшавской конфедераціи Великое Княжество Литовское по своей доброй воли, а не въ силу своей обязанности, приняло и обратило въ артикулъ своего Статута. Нельзя забывать и того, что этотъ актъ былъ утвержденъ и „поприсяженьемъ" короля Стефана, въ царствованіе котораго Третій Статутъ вырабатывался и утвержденія котораго этотъ кодексъ ожидалъ.

По своему государственному языку въ то время Великое Княжество Литовское отличалось отъ Польши. Этотъ языкъ былъ русскій той его разновидности, которая выработалась въ государствѣ Литвы. Третій Статутъ бережно охраняетъ свой государственный языкъ отъ вытѣсненія его польскимъ. На государственный языкъ, какъ мы это сейчасъ видѣли, при внесеніи въ статутовые артикулы, переводятся акты, принятые Великимъ Княжествомъ Литовскимъ по соглашенію съ Польшею и написанные въ оригинальномъ текстѣ по-польски. Требованіе знанія русскихъ языка и письма Статутъ выдвигаетъ по отношенію къ должностнымъ лицамъ всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ, составляющихъ территорію государства Литвы. Писарь земскаго повѣтоваго суда „маеть по-руску, литерами и словы рускими, вси листы, выписы и позвы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы"[1]). Воеводы и повѣтовые судовые старосты, организуя гродскій судъ своихъ повѣтовъ, должны „засадити" въ составъ его судебной коллегіи „наместника албо подстаростего, судью замъкового и писара, людей добрихъ, цнотли-

---

[1]) IV, I.

выхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ"[1]). Урядъ генералъ-вознаго долженъ даваться „въ томъ воеводъстве и повете оселому родичу Великого Князства, писмо руское умеючому"[2]). Третій Статутъ, все это постановляя, стремится предупредить возможность распространенія польскаго языка въ судахъ и урядахъ своего государства и объединенія его въ государственномъ языкѣ съ Короною Польскою, какъ государствомъ, съ которымъ въ федеративномъ соединеніи находилось тогда Великое Княжество Литовское. Польскій языкъ былъ разрѣшенъ Статутомъ только въ дѣлопроизводствѣ католической церкви государства Литвы, ибо его Виленскій и Жомойтскій бискупы входили въ составъ митрополичьяго округа Польскаго примаса и находились въ каноническомъ подчиненіи последнему. Говоря о „позвахъ", т. е. судебныхъ повѣсткахъ, выдаваемыхъ бискупами, статутовый артикулъ добавляетъ, что они пишутся „польскимъ писмомъ", оговаривая этимъ исключеніе изъ общаго правила веденія судебныхъ актовъ на государственномъ языкѣ Великаго Княжества Литовскаго[3]).

Перенося изъ Статута 1566 года артикулъ о томъ, „ижъ достоенствъ, врядовъ, въ дедицтво чужоземцомъ давано быти не маеть"[4]), Третій Статутъ опускаетъ имѣвшуюся въ немъ ссылку на „статутъ судейскій Польскій" при обосновані конфискаціи имущества „обчого народу чоловека", т. е. чужестранца, который, несмотря на сдѣланное ему указаніе, не сложилъ бы съ себя духовнаго или свѣтскаго уряда, полученнаго имъ въ государствѣ Литвы[5]). Въ эпоху составленія Статута 1566 года, когда Великое Княжество Литовское готовилось къ заключенію Уніи съ Польшею и въ своемъ кодексѣ закрѣпляло основные законы своего государства, имѣя въ виду отстоять

---

1) IV, 37.

2) IV, 104.

3) III, 32.

4) II Ст., III, 9.

5) „Але на достоенства и всякий врядъ духовный и свецкий не маеть быти обиранъ ани отъ насъ, господаря, ставленъ, толко здавна продковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского, литвинъ и русинъ. А кгды бы одержалъ обчого народу чоловекъ которий-кольвекъ врядъ духовный и свецкий противъ сему Статуту, напомненый того пустити не хотелъ, тогды таковый маетность свою на насъ, великого князя Литовского, тратить, кгды жъ около того и въ статуте судейскомъ Польскомъ естъ описано".

ихъ неприкосновенность въ переговорахъ съ поляками, эта ссылка на Польскій законъ въ отстаиваніи своихъ правъ была совершенно умѣстна и цѣлесообразна. Послѣ заключенія Уніи она становилась по существу уже ненужною. Этимъ объясняется и ея опущеніе въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Третьяго Статута[1]). Но она могла бы быть и сохранена, какъ въ видахъ указанія сходства законодательства обоихъ государствъ, соединенныхъ Уніею, такъ и для обоснованія даннаго закона, который шелъ въ разрѣзъ съ требованіями Люблинской Уніи. Но составители и редакторы Статута не признали нужнымъ сохраненіе этой ссылки. Отсюда приходится сдѣлать выводъ объ ихъ нежеланіи указывать сходство закона государствъ Литвы и Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ объ ихъ увѣренности въ правахъ своего государства и его значеніи, при которой они не признавали ни малѣйшей надобности въ ссылкахъ на какое-либо иностранное законодательство, а стало быль, и на законодательство Польской Короны.

Въ числѣ постановленій договора Люблинской Уніи было постановленіе о томъ, что „moneta, tak w Polsce, iako w Litwie, ma być za spolną radą, uniformis et aequalis in pondere et grano, et numero petiarum, et inscriptione monetae, co ku skutkowi przywieść Jego Krolewska Mość jest powinien i potomkowie Jego Krolewskiej Miłości będą powinni". Такимъ образомъ, литовскіе гроши, обращавшіеся въ Великомъ Княжествѣ раньше, должны быть замѣнены новою монетою, единою для него и для Польши, и актъ Люблинской Уніи категорически обязываетъ Сигизмунда Августа и его преемниковъ привести это постановленіе въ исполненіе. Между тѣмъ Третій Статутъ сохраняетъ въ своихъ артикулахъ счетъ на гроши литовскіе и не дѣлаетъ никакой оговорки въ предвидѣніи ихъ замѣны общею съ Польшею монетою[2]). А между тѣмъ о предстоящемъ измѣненіи существующаго порядка по отношенію къ повинностямъ, лежащимъ на имѣніяхъ шляхты, онъ считаетъ упомянуть возможнымъ. Въ статутовомъ артикулѣ читается: „а што ся дотычеть отъправованья замъковъ и мостовъ старыхъ и зно-

---

[1]) III, 12.

[2]) Напримѣръ — „уставуемъ: кгды судъ земъский кому што на комъ присудить, тогды отъ презыску того, хто зыщеть, мають собе брати за працу свою пересуду отъ копы литовъское по два грошы литовскихъ....." IV, 5.

ву будованья, гдѣ до сего часу подданые шляхетъские направовать и будовать были повинъни, то маеть быти опатрывано з мытъ новоподвышоныхъ, што особливою конъстытуцыею соймовою варовано будеть, яко въ конъстытуцыи на Унии сойму Любельского о земъли Волыньской, Подляшъской и Киевъской естъ описано"[1]). Если составители и редакторы Третьяго Статута нашли возможнымъ сказать въ одномъ изъ артикуловъ кодекса о предстоящемъ изданіи новаго закона, который измѣнитъ содержаніе этого артикула[2]), то тѣмъ болѣе естественною была бы оговорка о предписанномъ договоромъ Уніи 1569 года измѣненіи денежной единицы Великаго Княжества Литовскаго. Но для того, чтобы эта оговорка была сдѣлана, нужно было, чтобы Третій Статутъ дѣйствительно признавалъ постановленія этого договора имѣющими для него и государства Литвы безусловно обязательное значеніе и обязывающую силу. Отмѣтимъ кстати, что упоминаніе о Люблинскомъ сеймѣ Уніи, кромѣ только что приведеннаго нами текста, не встрѣчается ни въ одномъ изъ всѣхъ остальныхъ его артикуловъ.

Подведемъ итогъ нашего изученія статутовыхъ артикуловъ, вскрывающихъ отношеніе Третьяго Статута къ договору Люблинской Уніи. Совершенно естественно, что основнымъ вопросомъ, который необходимо поставить, является: внесли ли составители и редакторы Статута постановленія этого договора въ артикулы закона Великаго Княжества Литовскаго, т. е. признали ли его основою государственной организаціи и жизни послѣдняго? По смыслу договора Уніи 1569 года, онъ долженъ былъ получить значеніе основного закона Великаго Княжества Литовскаго какъ органической части соединенной Речи Посполитой. Мы видѣли выше[3]), что идея „экзекуціи“ Уніи и инкорпораціи государства Литвы въ Польшу, осуществить ко-

---

1) III, 29.

2) Приводимъ постановленіе Люблинскаго сейма 1569 года, на которое ссылается артикулъ: „Także też poślemy Rewizory ku oglądaniu potrzebnych ceł, myt, mostowych etc. do Wołynia, Podlasza y Kijowskiey Ziemie: z ktorych to Ziem obywatelow, iako Kijowskich, Wołyńskich y Podlaskich, iżeśmy brzemię y obowiązek, budowanie zamkow, mostow, y naprawowanie drog złożyli: dla tegoż ci nasi Rewizorowie przypatrzywszy się każdemu, maią Nam na przyszłym Seymie dać sprawę, czymby gdzie cła na poprawę zamkow, mostow, y drog, podwyższone bydź miały“. Vol. Leg., II, str. 98, f. 787.

3) Часть первая, стр. 277 и сл.

торую стремились польскіе экзекуціонисты, въ окончательномъ актѣ Уніи 1569 года, внесенномъ въ договоръ о ней, была разрушена поправками и дополненіями, сдѣланными представителями Великаго Княжества Литовскаго. Въ силу этихъ дополненій и поправокъ, въ окончательно установленномъ текстѣ актовъ Уніи вмѣсто инкорпораціи государства Литвы въ Корону Польскую, какъ государство Польши, оказалась федерація двухъ государствъ, хотя договоръ Уніи и сохранилъ изъ первоначальнаго проекта привилея Уніи рядъ его формулъ. Видѣли мы выше и то, что Великое Княжество Литовское считало себя въ правѣ измѣнить статьи договора Уніи[1]). Но, какъ-бы то ни было, въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута договоръ Люблинской Уніи никакимъ формальнымъ актомъ упраздненъ не былъ и долженъ былъ потому имѣть силу дѣйствующаго для Польско-Литовской федераціи закона. Договоръ Уніи 1569 года былъ заключенъ на „вѣчныя" времена, какъ въ немъ значилось. А если это все было такъ, то, надо думать, что составители и редакторы Статута должны были, по крайней мѣрѣ, упомянуть о Люблинской Уніи, какъ объ органическомъ законѣ федеративнаго соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною. Конечно, нужно бы было ожидать внесенія въ Статутъ договора Уніи или утверждающаго его привилея Сигизмунда Августа. Но въ желаніи Великаго Княжества Литовскаго измѣнить часть постановленій Люблинской Уніи можно найти объясненіе невнесенія акта ея въ полномъ его видѣ въ свой сводъ дѣйствующихъ законовъ. Однако, во всякомъ случаѣ, обозначить федеративныя связи государства Литвы съ Польскою Короною, если онѣ признавались въ томъ или другомъ видѣ существующими на все дальнѣйшее время, думается, въ Статутѣ нужно было обязательно. Кромѣ того, необходимо было бы принять во вниманіе хотя бы часть постановленій акта Люблинской Уніи, если уже онъ и подлежалъ по убѣжденію, господствовавшему въ государствѣ Литвы, измѣненію. Если составители Третьяго Статута признавали актъ Люблинской Уніи, въ видѣ ли договора или привилея ея, обязывающимъ Великое Княжество Литовское актомъ, притомъ „вѣчно" или по крайней мѣрѣ на все время дѣйствія составляемаго ими кодекса, онъ долженъ былъ въ этомъ кодексѣ

---

[1]) Часть первая, стр. 283 и сл.

найти свое выраженіе въ статутовыхъ законахъ. Такъ ли это было въ дѣйствительности? Матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ представленъ нами въ статутовыхъ текстахъ, приведенныхъ нами выше, въ настоящей главѣ нашего изслѣдованія.

Составители Третьяго Статута, если они признавали Унію съ Польшею не подлежащею разрыву ни въ какомъ случаѣ, могли относиться къ тексту ея Люблинскаго договора двояко. Во-первыхъ, они могли считать всѣ его постановленія сохраняющими обязывающую силу полностью, до соглашенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею относительно измѣненія ихъ части. Во-вторыхъ, они могли, настаивая на правѣ государства Литвы измѣнить содержаніе договора Уніи 1569 года, сами закрѣпить въ Третьемъ Статутѣ измѣненія въ отдѣльныхъ статьяхъ Люблинскаго акта. Въ обоихъ этихъ случаяхъ они были, однако, обязаны выразить въ составляемомъ ими кодексѣ то, что Великое Княжество Литовское находится въ Уніи съ Короною Польскою, и, говоря объ органахъ верховной власти и управленія, обозначить ихъ отношенія къ соотвѣтствующимъ органамъ Коронымъ, а также указать и общіе для всей соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой органы власти. Третій Статутъ, какъ кодексъ, составленный послѣ Люблинской Уніи и ее реализующій, долженъ бы былъ сказать о томъ, что со времени ея государство Литвы находится въ соединеніи съ государствомъ Польши, какъ бы онъ ни выдвигалъ государственныя права и значеніе перваго въ его федераціи со вторымъ. Такимъ образомъ, необходимо было въ Третьемъ Статутѣ признать и выразить въ текстѣ соотвѣтствующихъ статутовыхъ артикуловъ, по крайней мѣрѣ, что 1) монархъ Великаго Княжества Литовскаго обязательно является и монархомъ Польши, 2) для обоихъ государствъ Польско-Литовской федераціи существуютъ общіе сеймы и общія рады соединеннаго сената и 3) вся федеративная Речь Посполитая имѣетъ общую оборону противъ внѣшнихъ враговъ. Внесеніе этихъ измѣненій въ Литовскій Статутъ при его „поправѣ" послѣ Уніи 1569 года, думается, должно быть признано не только необходимымъ, но и минимальнымъ выраженіемъ перемѣны въ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго, происшедшей въ силу этой Уніи.

Отмѣченныя сейчасъ измѣненія должны были быть сдѣланы при исправленіи Второго Статута, т. е. при составленіи Стату-

та Третьяго, въ томъ случаѣ, если его составители уже производили отмѣну ряда постановленій договора Люблинской Уніи. Если же они признавали бы этотъ договоръ сохраняющимъ полную свою силу, они были бы обязаны реализовать въ артикулахъ составляемаго ими кодекса и всѣ постановленія этого договора полностью. Въ такомъ случаѣ въ законахъ Третьяго Статута мы должны бы были найти: король Польскій является и великимъ княземъ Литовскимъ, Коронный сеймъ замѣнилъ собою сеймъ Великаго Княжества Литовскаго, отдѣльные сеймы и съѣзды запрещаются въ послѣднемъ, поляки допускаются ко всѣмъ должностямъ Литовскимъ и уравниваются во всѣхъ правахъ съ „родичами" Великаго Княжества Литовскаго, а также еще цѣлый рядъ законовъ, приводящихъ въ исполненіе постановленія договора Люблинской Уніи.

Что же мы имѣемъ въ дѣйствительности въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ? Объ Уніи съ Польшею нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія на всемъ протяженіи кодекса. Великій князь Литовскій можетъ и не быть королемъ Польскимъ. Сеймъ Великаго Княжества Литовскаго отнюдь не понимается какъ сеймъ „спольный" съ поляками. Рада государства Литвы не опредѣляется какъ слитая во-едино съ Коронным сенатомъ. Поляки не только не слиты въ единомъ народѣ съ „родичами" Великаго Княжества Литовскаго, но еще болѣе подчеркнуто различіе въ правахъ для первыхъ и для вторыхъ. Конституція государства Литвы остается тою же, какъ она была выработана и Статутомъ 1566 года. Это государство признается Третьимъ Статутомъ такимъ же независимымъ, какимъ его понимаетъ и Статутъ 1566 года, въ нихъ обоихъ одинаково говорится о „вольномъ панованьѣ"[1]) великаго князя Литовскаго, т. е. объ его полной независимости отъ какого-либо другого государства.

Какой же выводъ долженъ быть сдѣланъ изъ приведенныхъ нами выше текстовъ Третьяго Статута для опредѣленія его отношенія къ Люблинской Уніи и ея договору? Этотъ выводъ можетъ быть только одинъ. Статутъ совершенно не считается съ нею. Онъ ее игнорируетъ. Но эта Унія не была въ дѣйствительности отмѣнена и существовала и въ годы составленія Третьяго Статута, и въ эпоху его примѣненія за

---

1) II Ст., III, 31. III Ст., III, 39.

все послѣдующее время существованія Польско-Литовской Речи Посполитой, вплоть до ея раздѣловъ въ исходѣ XVIII столѣтія. При такомъ положенiи дѣла игнорированiе Унiи 1569 года сводомъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго показываетъ то, что эта Унія не была воспринята послѣднимъ въ значенiи органической части его основныхъ законовъ. Статутъ и актъ Унiи имѣли значенiе совершенно различное, и природа ихъ представлялась не одинаковою. Первый былъ сводомъ законовъ государства Литвы. Второй являлся документомъ международноправнаго характера. Онъ представлялъ собою договоръ государствъ Литвы и Польши. Онъ былъ „вѣчнымъ“, т. е. безсрочнымъ. Онъ подлежалъ измѣненію въ силу права, признаннаго на это измѣненiе за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Но онъ могъ быть и вообще отмѣненъ, какъ заключенный между двумя государствами договоръ, въ общемъ порядкѣ международнаго права.

Вырабатывая Третій Литовскій Статутъ, шляхетскій „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго создавалъ свой сводъ законовъ въ такомъ видѣ, при которомъ его государство могло имъ руководиться и его сохранять въ значенiи дѣйствующаго права, какъ въ федеративномъ союзѣ государства Литвы съ Польшею или другимъ государствомъ, такъ и живя безъ вступленія въ какую бы то ни было федерацію.

Глава III.

Утвержденіе Литовскаго Статута 1588 года.

Польско-Литовскіе сеймы и „поправа“ Литовскаго Статута. Права становъ Великаго Княжества Литовскаго по отношенію къ исправленію Статута. „Спольные“ сеймы и законопроекты Великаго Княжества Литовскаго. Использованія Литвою затрудненій Польши для принужденія ея къ исполненію Литовскихъ требованій. Король Стефанъ и „поправа“ Литовскаго Статута. Взглядъ Великаго Княжества Литовскаго на права монарха при утвержденіи Литовскаго Статута, установившійся въ царствованіе Стефана Баторія. Наступленіе третьяго безкоролевья. Позиція, занятая Великимъ Княжествомъ Литовскимъ по отношенію къ Польшѣ. Литовскій государственный съѣздъ, открывшійся 29 января 1587 года. Конвокаціонный сеймъ соединенной Речи Посполитой въ февралѣ 1587 года. Государства Литвы и Польши на этомъ сеймѣ. Элекціонный сеймъ. Переговоры на немъ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Актъ 4 августа 1587 года. Избраніе Шведскаго королевича Сигизмунда Вазы и Австрійскаго эрцгерцога Максимиліана Габсбурга. Отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ обоимъ избраніямъ. Государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, собравшійся въ Вильнѣ въ октябрѣ 1587 года. Ноябрьскій государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго. Его посольство къ „номинатамъ“ и данная ему инструкція. Отправленіе этимъ посольствомъ своихъ депутатовъ въ Краковъ для веденія переговоровъ съ Сигизмундомъ Вазою. Инструкція, данная этимъ депутатамъ. Положеніе Сигизмунда Вазы и его сторонниковъ въ это время. Переговоры Литовскихъ депутатовъ съ Сигизмундомъ и коронаціоннымъ сеймомъ его сторонниковъ. Битва подъ Бычиною и умѣлое использованіе Литовскими депутатами создавшагося въ Польшѣ положенія. Принятіе Литовскихъ требованій Сигизмундомъ. Привилей 28 января 1588 года, дающій законодательную санкцію Третьему Литовскому Статуту. Конституціи и поборовый универсалъ сейма коронаціи Сигизмунда III-го. Рецессъ того же сейма. Грамота Сигизмунда III-го отъ 1 февраля 1588 года. Протестъ Виленскаго кустоша Бенедикта Войны, именемъ всего католическаго духовенства, противъ внесенія въ Литовскій Статутъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года. Изученіе вопроса объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута въ исторической литературѣ.

Люблинскій сеймъ 1569 года, утверждая коммиссію для „поправы“ Литовскаго Статута и давая ей директивы въ направленіи слиянія права Литвы съ правомъ Польши, предпи-

салъ представленіе исправленнаго кодекса Сигизмунду Августу на ближайшемъ слѣдующемъ вальномъ сеймѣ[1]). Аналогичныя постановленія относительно статутовой „поправы“ были сдѣланы и Варшавскими сеймами 1578 и 1581 годовъ. Конституція „Xięstwa Litewskiego sądy“, утвержденная сеймомъ 1578 года, требуетъ представленія „поправы“ на ближайшій Коронный сеймъ для „конфирмаціи“ ея монархомъ[2]). То же говоритъ и конституція сейма 1581 года „Artykuły do prawa Wielkiego Xięstwa Litewskiego“[3]). Нѣсколько иною является формулировка сеймовой конституціи 1578 года, говорящей о „поправѣ“ устава Короннаго Трибунала. Въ этой конституціи стоитъ: „A Trybunału tego pospolitego Koronnego poprawa zawzdy ma bydź wolna, za zezwoleniem spolnym na Seymie“[4]). При такой формулировкѣ выступаетъ на первый планъ значеніе сейма въ полномъ его составѣ для законодательной санкціи по отношенію къ уставу Короннаго Трибунала, какъ сборнику законовъ, его организующихъ. Наоборотъ, въ формулировкѣ сеймовыхъ конституцій, говорящихъ о представленіи „поправъ“ Литовскаго Статута, въ значеніи дающей законодательную санкцію власти на первый планъ выступаетъ монархъ, который „конфирмуетъ“ этотъ кодексъ на сеймѣ. Но, конечно, разъ монархъ не можетъ дать своей санкціи Статуту иначе, какъ только на сеймѣ, то и всѣ сеймующіе сенаторы и шляхетскіе послы получаютъ возможность протестовать противъ дарованія этой санкціи кодексу и тѣмъ помѣшать ей, или же согласиться съ нею и въ дѣло утвержденія новаго Литовскаго Статута не вмѣшиваться. Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что Польская часть „спольнаго“ сейма могла разсматривать статутовыя „поправы“ Великаго Княжества Литовскаго, но не была обязана это дѣлать. Она могла ограничиваться лишь простымъ оглашеніемъ ихъ на сеймѣ, какъ формальнымъ актомъ, необходимымъ для внесенія въ сеймовыя конституціи.

Различіе формулировки постановленій сеймовыхъ конституцій Польско-Литовскихъ сеймовъ относительно представленія на законодательную санкцію „поправъ“ законовъ Польши и

---

1) См. выше, часть первая, стр. 376-377.

2) Тамъ же, стр. 391.

3) Тамъ же, стр. 395.

4) Vol. Leg., II, p. 185, f. 968 (24—„Poprawa Trybunału“).

Великаго Княжества Литовскаго находитъ свое объясненіе въ техникѣ ихъ выработки. Посольская изба заслушивала и утверждала ихъ проекты. Но вырабатывались они представителями Польши и Литвы для своихъ государствъ порознь[1]). Совершенно естественно, что, вырабатывая свои законопроекты, представители Великаго Княжества Литовскаго сохраняли и привычное имъ пониманіе утвержденія его законовъ на сеймѣ монархомъ. Надо думать, что литовская формулировка не встрѣчала на „спольныхъ" сеймахъ возраженій поляковъ потому, что въ ней указаніе представленія статутовой „поправы" на сеймъ имѣлось, и поляки понимали его согласно своимъ, выработавшимся у нихъ давно, представленіямъ о роли короля въ сеймовыхъ занятіяхъ. Не внесенный своевременно въ сеймовыя конституціи артикулъ статутовой „поправы", утвержденный королемъ Генрихомъ на коронаціонномъ сеймѣ и опубликованный по тексту Литовской государственной канцеляріи, говоритъ о представленіи его королю и имъ его утвержденіи „моцю теперешнего сойму, за дозволенемъ всихъ пановъ-радъ" господарскихъ „и пословъ земскихъ Великого Князьства Литовского"[2]). Участіе представителей Польской Короны въ разсмотрѣніи и одобреніи внесеннаго на сеймъ государствомъ Литвы законопроекта, такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не обозначено. Естественно думать, что Польскіе члены коронаціоннаго сейма 1574 года дѣйствительно не входили въ разсмотрѣніе и обсужденіе Литовскаго законопроекта. Незнакомые съ правомъ государства Литвы и не интересуясь его, какъ въ то время выражались, „поточными справами", т. е. текущими дѣлами, не имѣющими политическаго значенія, они едва ли обращали какое-либо вниманіе на законопроекты, касавшіеся нѣкоторыхъ измѣненій судебнаго процесса. А именно такое содержаніе имѣлъ артикулъ статутовой „поправы", утвержденный королемъ Генрихомъ. Какъ бы то, однако, ни было, Литовское пониманіе утвержденія законовъ Великаго Княжества Литовскаго не послѣ ихъ обсужденія „спольнымъ" сеймомъ въ полномъ его составѣ, а монархомъ по соглашенію съ представителями одного лишь государства Литвы, получило свое закрѣпленіе при утвержденіи перваго изъ представленныхъ на

---

1) См. выше, часть первая, стр. 287-288.

2) См. выше, часть первая, стр. 383.

Польско-Литовскій сеймъ артикуловъ статутовой „поправы“ послѣ Люблинской Уніи 1569 года. Создался прецедентъ, который не могъ не имѣть своего значенія для послѣдующаго времени.

Порядокъ утвержденія „поправы“ Второго Литовскаго Статута, которая и вылилась въ Статутъ Третій, былъ опредѣленъ уже до заключенія договора Люблинской Уніи. Бѣльскій привилей 1564 года сохранялъ статутовую „поправу“ предъ заключеніемъ Уніи съ Польшею въ „моцы“ Великаго Княжества Литовскаго. Отъ имени Сигизмунда Августа этотъ привилей гласилъ: „за волею нашою господаръскою можно и вольно будеть сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ, радою и зволеньемъ всихъ становъ, родичовъ а обывателей оного паньства Великого Князьства, тотъ Статутъ и артыкулы въ немъ поправляти, прибавити, розширити, будь тежъ чого доложити альбо уняти, што бы одно зъ лепъшимъ ку доскональшому захованью и порядку справедливости светое вынайти и постановити ся могло“[1]). Право статутовой „поправы“ этимъ привилеемъ, такимъ образомъ, было признано на сеймахъ „при становеньи“ Уніи цѣликомъ за станами Великаго Княжества Литовскаго, при чемъ даже было подчеркнуто ихъ значеніе какъ его „родичей“. Близость Уніи и возможность незавершенія работъ по исправленію Статута объясняютъ постановленіе объ устраненіи становъ и обывателей Короны Польской отъ всякаго участія въ дѣлѣ статутовой „поправы“. Эта „поправа“ должна цѣликомъ оставаться въ рукахъ становъ государства Литвы, а ея законодательная санкція, послѣ ихъ соглашенія относительно вносимыхъ во Второй Литовскій Статутъ исправленій, принадлежитъ монарху. Такое пониманіе составленія и утвержденія артикуловъ статутовой „поправы“, изъ которой выросталъ Третій Статутъ, сохранялось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и во всѣ последующіе годы кануна Люблинской Уніи.

Военный съѣздъ въ Минскѣ, созванный на 25 ноября 1564 года, согласно листамъ Сигизмунда Августа, долженъ былъ заниматься дѣломъ составленія Статута и результаты своихъ „намовъ“ доставить къ великому князю, который дастъ свое соизволеніе на признаваемое имъ „слушнымъ и годнымъ“[2]).

---

1) См. выше, часть первая, стр. 28-29.

2) Тамъ же, стр. 29-30.

Монархъ, такимъ образомъ, могъ дать свою санкцію артикуламъ Статута даже не на сеймѣ или съѣздѣ становъ Великаго Княжества Литовскаго, а лишь получивъ отъ нихъ принятые ими законопроекты и находясь внѣ мѣста ихъ собранія. Исправленія, внесенныя во Второй Статутъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года, были посланы съ Яномъ Ходкевичемъ Сигизмунду Августу въ Люблинъ, и великій князь далъ имъ законодательную санкцію „моцю сейму Берестейского“[1]). Наконецъ, послѣдній передъ заключеніемъ Люблинской Уніи сеймъ, а именно Городенскій 1568 года, учреждая Статутовую Коммиссію, постановилъ, что она должна будетъ внести изготовленные ею статутовые артикулы на съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, который соберется передъ отъѣздомъ его радныхъ пановъ и пословъ повѣтовой шляхты въ Люблинъ для рѣшенія дѣла Уніи. На этомъ съѣздѣ „поправа“ Статута получитъ санкцію Сигизмунда Августа „моцъю“ Городенскаго сейма[2]).

Итакъ, заключая договоръ съ Польшею объ Уніи, государство Литвы по отношенію къ составленію и утвержденію „поправы“ своего Статута имѣло гарантированнымъ своимъ великимъ княземъ слѣдующее: 1) принятіе ея принадлежитъ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, безъ всякаго участія въ немъ Польши; оно было ихъ правомъ, признаннымъ за ними Сигизмундомъ Августомъ; 2) принятая этими станами статутовая „поправа“ получаетъ санкцію монарха, и онъ можетъ ее давать, даже не присутствуя въ собраніи становъ, а лишь получивъ соотвѣтствующее ихъ представленіе; 3) законодательная санкція дальнѣйшей „поправѣ“ Статута была дана Сигизмундомъ Августомъ до ея окончанія, впередъ и заранѣе, властью Городенскаго сейма 1568 года.

Мы видѣли выше, что сохраненіе въ неприкосновенности всѣхъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго было имъ гарантировано договоромъ Люблинской Уніи. Въ составъ этихъ правъ входило и право исправленія и дополненія Литовскаго Статута. Потому то Люблинскій сеймъ 1569 года не могъ образовать смѣшанной изъ поляковъ и литовцевъ коммиссіи для исправленія Второго Статута, несмотря на то, что участіе въ ней представителей Польши только и могло обез-

---

1) Тамъ же, стр. 169.

2) Тамъ же, стр. 186-187.

печить исключеніе изъ артикуловъ Литовскаго кодекса всего, что противорѣчило постановленіямъ Уніи и противъ чего такъ горячо возставали поляки на Люблинскомъ сеймѣ. Въ конституціи этого сейма утвержденіе личнаго состава Статутовой Коммиссіи внесено „za prożbą wszystkich Stanow W. X. L.“ [1]), т. е. по просьбѣ государства Литвы, безъ обозначенія участія въ этой просьбѣ представителей Польской Короны. Послѣдніе могли лишь выдвинуть директиву объединенія литовскаго права съ правомъ польскимъ для закрѣпленія соединенія обоихъ государствъ въ единой „Речи Посполитой“ [2]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что именно Польская часть сейма выдвинула необходимость переработки Литовскаго Статута въ цѣляхъ реализаціи Польской идеи Уніи. Литва уже вела работу надъ статутовою „поправою“ и имѣла даже особую Коммиссію для нея, а потому ей совсѣмъ не нужно было поднимать этого дѣла на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Но, въ силу гарантированныхъ договоромъ Уніи старыхъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, требованіе „поправы“ Статута представителями Польши не могло получить своего выраженія въ соотвѣтствующей сеймовой конституціи, какъ въ оффиціальномъ документѣ. Съ заключеніемъ Люблинской Уніи получилось такое положеніе въ дѣлѣ „поправы“ Литовскаго Статута: веденіе его и законодательная иниціатива остаются за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, но Польская Корона можетъ высказывать свои пожеланія по отношенію къ содержанію отдѣльныхъ законовъ Литвы и общему ихъ духу, а въ случаѣ неисполненія этихъ пожеланій, воспрепятствовать ихъ утвержденію на „спольномъ“ сеймѣ. Иными словами, Польская часть „спольнаго“ сейма могла контролировать Литовскіе законопроекты, но не имѣла по отношенію къ нимъ права иниціативы. Она могла лишь высказывать по отношенію къ нимъ пожеланія, но эти пожеланія имѣли возможность осуществляться только въ случаѣ принятія ихъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

Для того, чтобы контроль Польской части „спольнаго“ сейма надъ Литовскимъ законодательствомъ могъ проявляться, требовалась наличность двухъ условій въ каждомъ отдѣльномъ

---

1) Vol. Leg., II, p. 100, f. 793 (79).

2) Часть первая, стр. 374-377.

случаѣ представленія Литовскихъ законопроектовъ, а именно 1) ея желанія его осуществить и 2) возможности для нея это сдѣлать. Охоты входить въ Литовскіе законопроекты, касавшіеся судебнаго процесса или отдѣльныхъ вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права, у сеймовыхъ пословъ Коронной шляхты не могло быть никакой. Систематичности и сколько-нибудь правильнаго и расчетливаго распредѣленія занятій на „спольныхъ" сеймахъ обычно не бывало. Наоборотъ, въ эти занятія слишкомъ нерѣдко вторгались и личная или партійная борьба, и увлеченіе тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ дѣломъ изъ общей ихъ массы, ожидавшей сеймоваго разрѣшенія, не говоря уже о томъ, что иногда одно какое-нибудь чрезвычайнаго значенія дѣло брало на себя почти все время того или другого сейма. Подъ конецъ своихъ занятій сеймъ обычно спѣшилъ какъ-нибудь закончить дѣла, и шляхетскіе послы торопились скорѣе вернуться къ своему землевладѣльческому хозяйству. Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ въ своихъ „Pamiętnikach" говоритъ, что споры на сеймахъ иногда затягивались настолько, что уже не хватало времени для оглашенія на нихъ Литовскихъ конституцій[1]). Совершенно ясно, что при такой обстановкѣ сеймованья представители Польши предпочитали не тратить своего времени на разсмотрѣніе законопроектовъ, не затрагивавшихъ интересовъ Короны и не имѣвшихъ принципіальнаго значенія.

Но Польская часть „спольнаго" сейма и не имѣла возможности входить въ детальное обсужденіе большинства законопроектовъ, представляемыхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Въ правѣ Польши и Литвы было много весьма существенныхъ различій. Шляхетская масса Короны въ сущности не знала Литвы. Это незнаніе въ значительной степени объясняетъ и тѣ невыполнимыя для Великаго Княжества Литовскаго требованія, которыя предъявлялись къ нему Польскими экзекуціонистами. Въ Польшѣ ходили росказни о томъ, что въ Литвѣ не пользуются монетой[2]), что въ ней мало горо-

---

[1]) Tom I (Poznań, 1839), str. 150.

[2]) См., напр., Jana Krasińskiego, Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materyały do panowania Henryka Walezyusza, przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stanisława Budzińskiego (Warszawa, 1852), str. 98-99.

довъ[1]) и т. п. Лишь очень небольшое число шляхтичей Короны бывало въ земляхъ государства Литвы и сколько-нибудь съ ними было знакомо[2]). А если все это было такъ, то Польской части „спольныхъ“ сеймовъ не хватало знаній для обсужденія законопроектовъ Великаго Княжества Литовскаго, жизненныя явленія котораго эти законопроекты имѣли своею задачею регулировать.

Само собою разумѣется, что для Польской части „спольныхъ“ сеймовъ изъ представляемыхъ Литвою законопроектовъ имѣли интересъ лишь постановленія, прямо затрогивающія Польшу въ области правъ ея обывателей, установленныхъ договоромъ Люблинской Уніи, и въ области нуждъ Польской Короны, помогать въ которыхъ приняло на себя обязательство Великое Княжество Литовское по тому же договору. Въ такихъ дѣлахъ Польская часть сейма должна была принимать самое живое участіе въ обсужденіи Литовскихъ дѣлъ и законопроектовъ, вносимыхъ на сеймовое утвержденіе. Но это не значитъ, чтобы представители государства Литвы всегда принимали къ исполненію возраженія, сдѣланныя поляками, и отказывались отъ своихъ требованій принятія сеймомъ вносимыхъ ими законопроектовъ и постановленій. Сеймовые дневники сохранили цѣлый рядъ записей горячихъ споровъ между представителями обоихъ государствъ и ихъ борьбы при обсужденіи нѣкоторыхъ представленій Великаго Княжества Литовскаго. Представители Польши оказывались не въ силахъ заставить его отказаться отъ своего требованія, какимъ бы недопустимымъ оно полякамъ ни представлялось. Обстановка момента обсужденія дѣла складывалась иногда для Польши настолько тяжело и опасно, что Литва получала возможность вынуждать отъ нея уступки въ вопросахъ крупнѣйшаго значенія съ точки зрѣнія

---

1) Ibidem, str. 102-103.

2) Такъ, современникъ Николая Рея о немъ писалъ: „a z Polski też iako żyw za żadną graniczę nie wyiechał, chyba w księstwie Litewskim bywał y to barzo mało“. Żywot i sprawy poczciwego Szlachcicza Polskiego Mikołaja Reya z Nagłowic, kthóry był za sławnych krolow Polskich, Zygmunta Wielkiego Pirwszego thym imieniem krola Polskiego. a potym za Zygmunta Augusta syna iego także Wielkiego a sławnego krola Polskiego, ktory napisał Andrzey Trzecieski iego dobry towarzysz, ktory wiedział wszytki sprawy iego. Zbiór Pisarzów Polskich, częśc trzecia, tom IX (Warszawa, 1829), 7-я непагированная страница.

интересовъ Польской Короны и ея принципіальной оцѣнки Люблинской Уніи, съ которою такъ рѣзко расходилось пониманіе значенія послѣдней Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Какъ въ 1569 году Польша принудила Литву къ заключенію Уніи, пользуясь ея затрудненіями, такъ и государство Литвы, уже находясь въ федераціи съ Польшею, пользовалось затрудненіями послѣдней для того, чтобы заставлять ее измѣнять по частямъ отдѣльныя постановленія договора Уніи или Люблинскаго сейма 1569 года. Мы позволимъ себѣ для иллюстраціи этого привести примѣръ, относящійся къ значительно болѣе позднему времени, чѣмъ время составленія и утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, потому что въ немъ особенно отчетливо выясняются какъ принципіальное различіе пониманія Польши и Литвою ихъ Уніи, такъ и умѣлое использованіе Великимъ Княжествомъ Литовскимъ затрудненій Польской Короны для достиженія своихъ цѣлей.

Требованіе того, чтобы сеймы федеративной Речи Посполитой созывались „alternatim" въ Польшѣ и Литвѣ Великое Княжество Литовское оффиціально предъявило къ Польской Коронѣ уже въ 1573 году, въ первое безкоролевье[1]). Оно не отказывалось отъ этого требованія и во все послѣдующее время. Польша, однако, не считала для себя возможнымъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ уступку государству Литвы, вплоть до 1673 года, когда исполнила наконецъ его требованіе. При какой же обстановкѣ это произошло? Варшавскій сеймъ 1673 года собрался въ крайне тяжелое время для федеративной Речи Посполитой, а особенно для Польши, какъ одного изъ ея государствъ. Заключенный съ Турками въ 1672 году трактатъ въ Бучачѣ уступалъ имъ значительную часть Польской территоріи и устанавливалъ въ пользу Турціи ежегодную дань въ 80 тысячъ талеровъ. Война съ Оттоманской Имперіей возобновлялась. На нее требовались средства, которыя долженъ былъ изыскать и постановить сеймъ. Но, когда его Польская часть задумала все вниманіе сейма отдать дѣлу обороны, Литовскіе сеймовые послы 14 марта прервали ея обсужденіе и заявили, что не допустятъ его до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано постановленіе о созывѣ каждаго третьяго „спольнаго" сейма не въ предѣлахъ Польши, а въ предѣлахъ Великаго Княжества Литов-

---

1) См. часть первая, стр. 326.

скаго. 15, 16 и 17 марта продолжался споръ о третьемъ сеймѣ. Обѣ стороны, т. е. представители Польши и Литвы, дошли въ немъ до взаимныхъ оскорбленій. Во время препирательствъ Литовцы цитировали Коронныя сеймовыя конституціи, указывая по нимъ, что сеймы бывали и въ Петрковѣ; а, если это такъ, то что́ имъ мѣшаетъ собираться и въ Литовскомъ городѣ? Правильность своего требованія они доказывали также Литовскимъ Статутомъ. Пререканія продолжались и въ слѣдующіе дни, вплоть до 1-го апрѣля. Во время этихъ споровъ Поляки предлагали составить для войны съ Турціей отъ Польши армію въ 60 тысячъ человѣкъ и настаивали на томъ, чтобы Великое Княжество Литовское со своей стороны выставило армію въ 30 тысячъ, какъ третью часть всѣхъ наемныхъ войскъ соединенной Речи Посполитой для предстоящей войны. Они говорили, что Литва обязана это сдѣлать „ex vi unionis". Въ дополненіе къ наемнымъ войскамъ предполагалось и посполитое рушенье. Для военныхъ надобностей предлагался и соотвѣтствующій податокъ. Серьезность Турецкой опасности для Польши требовала всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ постановленій, притомъ въ достаточно спѣшномъ порядкѣ. Но представители государства Литвы неуклонно стояли на своемъ требованіи предварительнаго разрѣшенія вопроса „alternaty" третьяго сейма и упрекали Поляковъ въ неблагодарности и въ нежеланіи сдѣлать уступку Литвѣ въ „такомъ маломъ дѣлѣ". Еслибы Поляки не противились исполненію требованія Литовцевъ, они, по ихъ словамъ, согласились бы на „adaequata subsidia" съ Польскою Короною для войны съ врагами Креста Святого. Теперь же Великое Княжество Литовское выставитъ войска только 6 тысячъ, притомъ съ тѣмъ, чтобы оно было назначено лишь на оборону его государства отъ его сосѣдей. Когда это рѣшеніе Литвы, въ деклараціи ея представителей, было объявлено Полякамъ, Польскіе сеймовые послы закричали „uno ore": „Милостивые паны Литовскіе! Такъ какъ ваше требованіе исполняется, просимъ васъ дать намъ другую декларацію"[1]. Литовцы исполнили эту просьбу и со-

---

[1]) „Mci Panowie Litewscy, ponieważ satisfit intentiey Waszey, prosimy daycie nam inszą declaratią". A. H. R. G. P. ill., II, p. 1194. Изложеніе этого дѣла въ сеймовомъ дневникѣ — тамъ же, стр. 1191-1194. Ср. тамъ же, стр. 1247 и сл.

гласились повысить цифру выставляемаго ихъ государствомъ войска до 12-ти тысячъ. Но они потребовали, чтобы имъ предварительно была прочитана конституція о третьемъ сеймѣ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. При обсужденіи Литовскаго требованія о созывѣ каждаго третьяго очередного сейма въ Литвѣ и тѣмъ измѣненіи постановленія Люблинскаго сейма Уніи о Варшавѣ, какъ мѣстѣ обычныхъ сеймовъ Речи Посполитой[1]), представители Польши выдвигали то положеніе, что удовлетвореніе этого требованія перенесетъ на Литву „маестатъ" Короны, т. е. будетъ имѣть самое серьезное принципіальное значеніе[2]). И все-таки представителямъ Польши пришлось исполнить требованіе Литвы, какъ ни трудно имъ было это сдѣлать, ибо обстановка момента, выбраннаго для его предъявленія, ихъ къ тому принудила.

Сейчасъ приведенный нами примѣръ относится къ эпохѣ значительно болѣе поздней, чѣмъ время утвержденія Третьяго Литовскаго Статута. Цѣлыхъ восемьдесятъ пять лѣтъ ихъ раздѣляютъ. Но „спольное" сеймованье государствъ Литвы и Польши за это время въ своемъ существѣ не измѣнилось и оставалось тѣмъ же. Уже Нѣмцевичъ признавалъ, что оно въ царствованіе Сигизмунда III-го представляло собою болѣе переговоры, чѣмъ обсужденіе дѣлъ[3]). „Спольный" сеймъ уже во второй половинѣ XVI столѣтія вылился не въ форму парламента въ нашемъ значеніи этого слова, а въ форму конгресса государствъ, образовавшихъ федеративный союзъ. Соединенный Польско-Литовскій сеймъ не былъ собраніемъ представителей Речи Посполитой какъ единаго государства, а являлъ собою съѣздъ представителей Польши и Великаго Княжества Литовскаго, и предсѣдатель его посольской избы, сеймовый маршалокъ или директоръ, дѣйствовалъ „по порученію своей братіи, пословъ" обоихъ этихъ государствъ[4]). Идея представитель-

---

1) Vol. Leg., II, p. 92, f. 777 (3).

2) „Że nie chcą żadną miarą dać przenosić Majestatem Regni do Litwy". A. H. R. G. P. ill., II, p. 1247.

3) Dzieje panowania Zygmunta III, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego, itd. przez J. U. Niemcewicza, tom I (цитируемъ по изданію Казимира Іосифа Туровскаго — w Krakowie, 1860), str. 81 („były to raczej konferencye czyli namowy").

4) Такъ, маршалокъ конвокаціоннаго сейма 1632 года, князь Криштофъ Радивилъ, говорилъ, что онъ дѣйствуетъ „z poruczenia tedy braci mo-

ства цѣлой Речи Посполитой была чужда ея сейму. Утвержденіе въ серединѣ XVII столѣтія „liberum veto“, впервые примѣненнаго послами Литовскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ[1]), правда, не имѣло еще мѣста въ „спольномъ“ сеймованьѣ XVI вѣка. Но появленіе „liberum veto“ нисколько не измѣнило характера отношеній представителей Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго въ ихъ сеймовой работѣ. Они представляли собою и въ XVI-мъ, и въ XVII-мъ столѣтіяхъ два государства федераціи, а не были членами единаго государственнаго парламента.

Такое положеніе ко времени утвержденія Третьяго Литовскаго Статута не только установилось фактически. Оно было закрѣплено въ оффиціальномъ документѣ монархомъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Мы видѣли выше[2]), что король Стефанъ въ своемъ актѣ, выданномъ 29 іюня 1576 года Великому Княжеству Литовскому, разъяснилъ, что „спольные“ сеймы не могутъ постановлять ничего обязательнаго для Литвы и Польши иначе, какъ только въ присутствіи и съ согласія представителей соотвѣтствующаго государства Польско-Литовской федераціи. А если это такъ, то представители Польши не имѣли права внести въ Литовскій Статутъ ни одного закона противъ воли представителей Литвы, не говоря уже о возможности для нихъ утвердить „поправу“ его безъ Литовской части „спольнаго“ сейма. Составленіе Третьяго Статута принадлежало только одному Великому Княжеству Литовскому. Для ут-

---

jéj Imci panów posłów koronnych i W. Ks. Litewskiego“. Księcia Krzysztofa Radziwiłła hetmana polnego Wielkiego Księstwa Litewskiego Sprawy Wojenne i Polityczne 1621—1632 (Paryż, 1859), str. 612.

[1]) На сеймѣ 1643 года, 28 марта, одинъ изъ пословъ Лидскаго повѣта не согласился съ общимъ рѣшеніемъ сейма и, заявивъ свою протестацію, ушелъ изъ засѣданія въ свою квартиру. Однако, убѣжденный своимъ коллегою по повѣту и спеціально къ нему посланнымъ отъ короля Литовскимъ референдаріемъ, онъ еще вернулся къ сеймовой работѣ. Но черезъ девять лѣтъ, другой представитель государства Литвы, посолъ Упитскаго повѣта Сицинскій уговорить себя въ аналогичномъ случаѣ не далъ и 9 марта 1652 года, заявивъ протестацію о недѣйствительности сейма, поспѣшилъ ночью выѣхать изъ Варшавы. Сеймъ, такимъ образомъ, былъ сорванъ голосомъ одного посла Великаго Княжества Литовскаго. Разсказъ участника обоихъ сеймовъ объ этомъ — Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza w. Litewskiego, tom II (Poznań, 1839), str. 100 i 468.

[2]) Часть первая, стр. 342-343.

верждения его необходимо было его желание. Пока оно не признаетъ свой новый кодексъ готовымъ къ утвержденію, свою силу сохранялъ Статутъ 1566 года съ тѣми его частичными „поправами“, которыя были утверждены отдѣльными сеймами, какъ времени до Люблинской Уніи, такъ и послѣ нея. Постановленія договора Уніи 1569 года не были внесены въ этотъ кодексъ. А именно онъ, дополненный этими „поправами“, былъ имѣющимъ обязывающую силу въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ сводомъ законовъ, на основѣ котораго творились судъ и управленіе въ государствѣ Литвы. Никакихъ универсаловъ, которые бы предписывали приведеніе въ исполненіе постановленій Люблинской Уніи, идущихъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми статутовыми артикулами, по Великому Княжеству Литовскому издано не было. Эти постановленія потому и не могли осуществляться. Договоръ Люблинской Уніи не былъ опубликованъ по Великому Княжеству Литовскому, а потому и обращеніе къ нему за руководствомъ въ административной и судебной практикѣ было невозможно. Совершенно понятно поэтому, что Польша должна была желать скорѣйшаго составленія Третьяго Литовскаго Статута, ожидая отъ него внесенія въ законы Литвы постановленій договора Уніи 1569 года, и прежде всего уравненія въ правахъ поляковъ съ „родичами“ и „тубыльцами“ Великаго Княжества Литовскаго. Само собою разумѣется, что, въ случаѣ невнесенія этихъ постановленій въ Литовскій сводъ законовъ, представители Польской Короны не могли допустить его утвержденія на „спольномъ“ Польско-Литовскомъ сеймѣ.

Но мы уже видѣли, что Третій Литовскій Статутъ не только совершенно игнорировалъ договоръ Люблинской Уніи, но даже еще болѣе, чѣмъ это было въ Статутѣ 1566 года, подчеркнулъ самостоятельность своего государства и закрѣпилъ недопустимость полноправія поляковъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ виду этого, Литва рѣшительно не могла расчитывать на то, чтобы Третій Статутъ не вызвалъ протестовъ Польской части сейма, когда она ознакомится съ содержаніемъ его артикуловъ. При такомъ положеніи дѣла, для Великаго Княжества Литовскаго настаивать на правѣ своихъ становъ получить для своего Статута утвержденіе лишь монарха имѣло не только значеніе принципіальное, но и тактически-цѣлесообразное. Именно такой способъ утвержденія Третьяго Стату-

та государство Литвы и подготовляло уже во время его составленія.

Уже тогда былъ созданъ прецедентъ утвержденія свода узаконеній, организующихъ Литовскій Трибуналъ, монархомъ по представленію становъ Великаго Княжества Литовскаго, до внесенія его на разсмотрѣніе и утвержденіе „спольнаго" сейма. На Варшавскомъ сеймѣ 1579-1580 годовъ Литовская часть „спольнаго" сейма представила на утвержденіе уставъ Трибунала, который и былъ подписанъ „рукою" короля Стефана, но не могъ быть на этомъ сеймѣ „выданъ" въ виду того, что на немъ не были составлены сеймовыя конституціи[1]). Можно предположить, что на сеймѣ все-таки успѣли огласить выработанный Литвою проектъ устава Трибунала и что король Стефанъ утвердилъ его своею подписью лишь послѣ его оглашенія и принятія сеймомъ. Въ своемъ универсалѣ, выданномъ съ Виленскаго государственнаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, Стефанъ Баторій объявлялъ, что онъ прикажетъ на ближайшемъ сеймѣ этотъ уставъ „выдати" и вписать въ сеймовую конституцію. Такимъ образомъ, пока въ данномъ универсалѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы естественному порядку проведенія черезъ „спольный" сеймъ законопроектовъ. Но дальше въ немъ находимъ уже нѣчто, противорѣчащее этому порядку. Король Стефанъ далъ обѣщаніе „подъ словомъ" своимъ „королевскимъ" утвердить и „выдать" исправленія, которыя внесутъ въ уставъ Трибунала повѣтовые сеймики государства Литвы, имѣющіе собраться передъ ближайшимъ сеймомъ. Иными словами, Стефанъ Баторій гарантировалъ Великому Княжеству Литовскому законодательную санкцію этимъ исправленіямъ до внесенія ихъ на сеймъ и его ихъ обсужденія. Такая гарантія монарха, несомнѣнно, игнорировала право Польской части сейма помѣшать утвержденію Литовскихъ законопроектовъ, связанныхъ съ Трибуналомъ Литвы.

Уставъ Трибунала былъ тѣсно связанъ съ „поправою" Литовскаго Статута. Создавалась судебная инстанція, которой не знали артикулы Статута 1566 года. Мы видѣли выше[2]), что учрежденіе Трибунала потребовало внесенія измѣненій въ цѣлый рядъ статутовыхъ артикуловъ. Естественно поэтому было

---

[1]) См. часть первая, стр. 392-393.

[2]) Стр. 12-13.

примѣнять и одинаковый порядокъ законодательной санкціи для обоихъ сборниковъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго. А между тѣмъ король Стефанъ призналъ возможнымъ въ оффиціальномъ документѣ гарантировать утвержденіе „поправы" устава Трибунала по своему соглашенію лишь со станами одного государства Литвы. Это не могло не создавать прецедента и для порядка утвержденія Литовскаго Статута.

Въ утвержденной королемъ Стефаномъ на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года редакціи устава Литовскаго Трибунала этотъ прецедентъ получилъ законодательное утвержденіе. Въ заключительной статьѣ устава, озаглавленной „Поправа того Суду и Статуту", стоитъ: „а гдѣ бы тому панству нашому Великому Князству Литовскому чего напередъ въ томъ порядку справедливости або въ Статутѣ оного панства поправити была потреба, або еслибы тежъ, отступивши вси згодне того Суду Головного, суды свои опять на насъ, господаря, вточить хотячи, абы то имъ вольно было завжды учинити; того варуемъ и упевняемъ, ижъ бы, таковые поправы тамъ во ономъ панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ на соймикохъ або на съѣздѣхъ своихъ чинечи, потомъ тое для утверженья чрезъ насъ, господара, на сеймъ приносити будуть"[1]). Еще опредѣленнѣе порядокъ утвержденія „поправы" Статута монархомъ выраженъ въ универсалѣ короля Стефана, выданномъ имъ по Великому Княжеству Литовскому изъ Вильны 25 марта 1584 года. Въ немъ говорится, что Стефанъ Баторій, „за згоднымъ прынесеньемъ" становъ государства Литвы „поправы" Статута на сеймъ, не замедлитъ „тотъ Статутъ прывилемъ" своимъ „вжо утвердити"[2]). Такимъ образомъ, о „спольномъ зезволеньѣ" на сеймѣ, котораго, какъ мы видѣли выше[3]), требовала сеймовая конституція для „поправы" Короннаго Трибунала, ни уставъ Трибунала Литовскаго, ни универсалъ короля Стефана не говорятъ ничего. И „поправа" устава Трибунала Литвы, и „поправа" ея Статута обоими этими документами представляются дѣломъ Великаго Княжества Литовскаго, и ихъ утвержденіе принадлежитъ монарху. Нельзя забывать при этомъ, что такое же

---

1) См. часть первая, стр. 394-395.

2) См. тамъ же, стр. 414.

3) Стр. 146.

представленіе получается и при чтеніи вводной части статутовой „поправы", утвержденной королемъ Генрихомъ[1]).

Итакъ, ко времени, когда Третій Статутъ былъ готовъ къ утвержденію, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ существовало опредѣленное представленіе о томъ, какъ это утвержденіе должно совершиться. Статутовая „поправа" была начата государствомъ Литвы уже въ 1566 году, до Люблинской Уніи. Право этой „поправы" принадлежало станамъ Великаго Княжества Литовскаго и было имъ гарантировано еще Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года. Городенскій сеймъ 1568 года установилъ, что законодательная санкція исправленіямъ, вносимымъ во Второй Статутъ, будетъ дана Сигизмундомъ Августомъ, т. е. монархомъ, „моцъю" того же Городенскаго сейма, въ силу сдѣланнаго на немъ объ этомъ спеціальнаго постановленія. Для того, чтобы статутовая „поправа" могла считаться получившею законодательную санкцію, требуется лишь соглашеніе монарха и становъ Великаго Княжества Литовскаго. Съ такимъ представленіемъ вступало государство Литвы въ Унію съ Польскою Короною. Договоръ Уніи 1569 года призналъ неприкосновенными всѣ старыя права становъ Великаго Княжества Литовскаго, а слѣдовательно, въ ихъ числѣ и право „поправы" своего Статута. Но конституція Люблинскаго сейма Уніи опредѣленно указала, что общій Литвы и Польши монархъ долженъ будетъ дать утвержденіе „поправѣ" Статута на общемъ Польско-Литовскомъ сеймѣ. Это не означало того, что составленіе новаго Литовскаго кодекса было передано одинаково въ руки Польши и Литвы вмѣстѣ и что онъ можетъ быть утвержденъ противъ желанія становъ послѣдней. Но поляки получали возможность опротестовать тѣ или другіе статутовые артикулы и такимъ образомъ вторгнуться въ тѣ права Литовскихъ становъ, которыя были имъ гарантированы ихъ привилеями. Несовер-

---

[1]) См. выше, стр. 147. Вводная часть привилея короля Стефана, опубликовывающаго статутовыя „поправы", въ текстѣ, напечатанномъ въ XXIII-ей книгѣ Временника, искажена настолько, что, не имѣя передъ собою рукописи, невозможно сдѣлать въ немъ коньектуры. Въ изданіи этого привилея Пѣкосинскимъ (Coll. ex Arch. Coll. Jur., t. VII, p. p. 560-565) начало его отсутствуетъ, ибо рукопись, съ которой изданіе сдѣлано, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ дефектна. Въ виду такого состоянія доступнаго изслѣдованію текста привилея съ этими „поправами", намъ не представляется возможнымъ дѣлать изъ него какіе-либо выводы.

шенства договора Люблинской Уніи, какъ акта, сказывались по отношенію къ Статуту въ полной мѣрѣ. Кромѣ того и на самый этотъ договоръ въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ взглядъ былъ различный. Первая смотрѣла на него какъ на основной законъ для Литвы, второе лишь какъ на договоръ двухъ государствъ, который оно можетъ измѣнить въ его отдѣльныхъ постановленіяхъ и даже совсѣмъ отказаться отъ него, если признаетъ сохраненіе его для себя нежелательнымъ. Третій Литовскій Статутъ не ввелъ постановленій Люблинской Уніи въ свои законы и отвергъ ея требованія измѣненія основныхъ законовъ Статута 1566 года. Совершенно естественно, что при всемъ этомъ Великсе Княжество Литовское могло расчитывать на утвержденіе своего новаго Статута на „спольномъ" соймѣ лишь въ томъ случаѣ, если Польская часть его будетъ лишена возможности выступить съ требованіемъ согласованія законовъ кодекса съ постановленіями договора Уніи 1569 года. Достигнуть же этого можно было только двумя способами. Первый изъ нихъ — войти въ соглашеніе съ монархомъ и, основываясь на правахъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, гарантированныхъ ему по отношенію къ „поправѣ" Статута Сигизмундомъ Августомъ и признаваемыхъ входящими въ составъ ихъ старыхъ правъ, сохраняемыхъ за ними договоромъ Люблинской Уніи, устранить Польскую часть „спольнаго" сейма отъ обсужденія проекта Третьяго Статута и получить для него санкцію на сеймѣ непосредственно отъ монарха. Второй — избрать такой моментъ для представленія Статута на утвержденіе, когда Польша будетъ находиться въ исключительно тяжелыхъ затрудненіяхъ, благодаря которымъ она окажется не въ силахъ вмѣшиваться въ дѣло утвержденія Литовскаго кодекса.

Первоначально Великое Княжество Литовское предполагало идти первымъ изъ этихъ путей. Совершенно естественно, что Польская часть сейма не могла согласиться съ такими планами Литвы и должна была противъ нихъ возстать. Свѣдѣнія о томъ, что „поправа" Литовскаго Статута игнорировала постановленія Люблинской Уніи и враждебна ея Польской идеѣ, не могли не проникать въ Корону. Мы видѣли выше[1]), что въ конституціи Варшавскаго сейма 1581 года было внесено

1) Часть первая, стр. 396.

постановленіе о необходимости непротиворѣчія статутовой „поправы“ договору Уніи. Однако это постановленіе нисколько не отразилось на работѣ составителей Третьяго Статута, которые продолжали ее вести, по-прежнему не считаясь съ нимъ. На Варшавскомъ сеймѣ 1582 года Великое Княжество Литовское потребовало утвержденія своего новаго кодекса безъ обсужденія его на сеймѣ, но Польская часть послѣдняго противопоставила свое требованіе обязательности сеймоваго разсмотрѣнія статутовыхъ „поправъ“ въ полномъ ихъ составѣ[1]). Однако это требованіе не заставило Литву сойти съ пути, по которому она шла, подготовляя утвержденіе своего Третьяго Статута, и мы уже видѣли, что король Стефанъ въ 1584 году гарантировалъ Великому Княжеству Литовскому свою санкцію кодексу на сеймѣ, совершенно не считаясь съ возможностью недопущенія ея сеймовыми представителями Польши. Надо думать, что какой-либо планъ для принужденія послѣднихъ устраниться отъ вмѣшательства въ дѣло утвержденія Литовскаго Статута былъ выработанъ государствомъ Литвы и его принялъ король Стефанъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ, такъ высоко ставившій свой авторитетъ монарха, не могъ бы ручаться своимъ королевскимъ словомъ въ дарованіи Третьему Статуту законодательной санкціи. Этой санкціи отъ Стефана Баторія Великое Княжество Литовское уже ожидало и, повидимому, въ полученіи ея было увѣрено. Третій Статутъ въ своихъ артикулахъ называетъ короля Стефана монархомъ, его дающимъ государству Литвы и для него утверждающимъ. Законодательную санкцію этотъ кодексъ долженъ былъ получить отъ Стефана Баторія.

Но 12 декабря 1586 года король Стефанъ скончался. Ранняя смерть его, на пятьдесятъ четвертомъ году жизни, была для Великаго Княжества Литовскаго неожиданною. Она разрушила и всѣ планы государства Литвы, выработанные имъ для утвержденія Третьяго Статута. Наступало безкоролевье. Время безкоролевій въ Польско-Литовской федераціи въ ту эпоху уже признавалось наиболѣе удобнымъ для развитія старыхъ правъ и вольностей и пріобрѣтенія новыхъ. На элекціонномъ сеймѣ одинъ изъ Польскихъ его участниковъ[2]) говорилъ: „jeś-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 412.

[2]) Прокопъ Пенкославскій изъ Сендомирскаго воеводства.

li w interregnum wolności nie naprawimy, tedy nigdy"[1]). Когда соединенная Речь Посполитая не имѣла во главѣ себя монарха, шляхетскій „народъ" ея государствъ бралъ на себя всю верховную власть. Но въ то же время и государства, составлявшія Польско-Литовскую федерацію, уже не имѣли общаго главы, котораго „маестатомъ" дѣйствовали ихъ особыя правительства и который возглавлялъ ихъ соединенные сеймъ и сенатъ. Великое Княжество Литовское и Польская Корона, какъ два государства федеративнаго союза, должны были подготовлять и совершать избраніе новаго монарха соединенной Речи Посполитой. Въ то же время передъ ними стояла задача охраны внутренней и внѣшней безопасности каждаго изъ нихъ. Если у одного изъ государствъ Польско-Литовской федераціи существовало недовольство другимъ, въ безкоролевье это недовольство, не сдерживаемое авторитетомъ общаго монарха, должно было проявляться болѣе интенсивно и открыто. Если Великое Княжество Литовское имѣло къ Польшѣ свои требованія, обстановка безкоролевья открывала возможность болѣе рѣшительнаго ихъ предъявленія. Если государство Литвы признавало свои права нарушаемыми государствомъ Польши, оно должно было именно въ безкоролевье стремиться эти права возстановить и закрѣпить.

Недовольство Польшею въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ существовало съ самаго возникновенія соединенной Речи Посполитой. Договоръ Люблинской Уніи Литву не удовлетворялъ. Съ покушеніями Польской Короны на его государственную самостоятельность Великое Княжество Литовское не мирилось. Не мирилось оно и съ оторваніемъ отъ него его земель на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Мы уже видѣли настроеніе его въ первое и второе безкоролевья[2]). Годы царствованія короля Стефана не только не дали примиренія Литвы съ тѣмъ, что было совершено по отношенію къ ея государству на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, но еще болѣе укрѣпили ея рѣшеніе вернуть утраченное тогда и закрѣпить всѣ права и значеніе своего государства, на которыя покусился договоръ Уніи, вынужденный у Великаго Княжества Литовскаго

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, tomus XI (Continet: Diaria Comitiorum Poloniae anni 1587). Cracoviae, 1887. P. 118.

[2]) Часть первая, стр. 317-348.

Польшею. Третій Литовскій Статутъ является яркимъ выраженіемъ этого настроенія. Его отношеніе къ договору Люблинской Уніи и къ Польской его идеѣ только и можетъ найти свое объясненіе изъ него. Добиться во что бы то ни стало утвержденія этого Статута Великое Княжество Литовское и поставило для себя одною изъ главныхъ задачъ въ наступившее со смертью короля Стефана безкоролевье. Необходимо было воспользоваться обстановкою для того, чтобы заставить Польшу его признать, принудить ее къ тому, какъ она въ свою очередь принудила въ 1569 году государство Литвы къ Люблинской Уніи.

Когда извѣстіе о кончинѣ Стефана Баторія распространилось, Литовскіе сенаторы съѣхались въ Городну, гдѣ находилось тѣло скончавшагося короля[1]). Здѣсь, конечно, паны-рада Великаго Княжества Литовскаго обсудили положеніе дѣлъ, создавшееся для него и соединенной Речи Посполитой, и приняли первыя рѣшенія въ наступившемъ безкоролевьѣ. Къ королевѣ Аннѣ были отправлены Евстафій Воловичъ и Берестейскій каштелянъ Криштофъ Зеновичъ для выраженія соболѣзнованія. Но сохранилось извѣстіе, что эти же представители пановъ-рады Литвы должны были ознакомиться и съ общею обстановкою въ Коронѣ и возможностью ея использованія для увеличенія „свободъ" Великаго Княжества Литовскаго[2]). Анна Ягеллонка уже начала тогда агитацію въ пользу кандидатуры

---

[1]) Joachima Bielskiego Dalszy ciąg Kroniki Polskiéj, zawierającéj dzieje od 1587 do 1598 r., w rękopiśmie odkrył i do druku podał, oraz historyczno bibliograficzny opis żywota i prac Marcina ojca i Joachima syna Bielskich napisał i przyłączył F. M. Sobieszczański (Warszawa, 1851), str. 3. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на продолженіе хроники Бѣльскаго мы будемъ обозначать его Bielski Sob., по примѣру Нэринга — Władysław Nehring, O życiu i pismach Ioachima Bielskiego (Poznań, 1860 — O historykach Polskich szesnastego wieku, część druga), str. 68-76.

[2]) „Jam et Lithuani in omnes rei bene gerendae, et libertatis suae augendae occasiones perintenti, Eustachium Volovicium Vilnensem ac Christophorum Renovicium (тутъ, конечно, или описка рукописи, или недосмотръ издателя; должно быть — Zenovicium) Brzestensem castellanum a regia morte miserant Reginam officiose consolatum, quae de Ioannis Sveciae regis, et Catharinae sororis suae filio in regem Poloniae eligendo jam tum consilia agitabat...." Rerum Polonicarum ab excessu Stephani regis ad Maximiliani Austriaci captivitatem liber singularis in lucem editus cum additamentis ab Sebastiano Ciampi in Italia ab negotiis literariis pro regno Poloniae (Florentiae, MDCCCXXVII), p. p. 2-3.

своего племянника Сигизмунда Вазы на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Сынъ Шведскаго короля Іоанна Вазы и Екатерины Ягеллонки, онъ, какъ потомокъ Гедиминовичей-Ягайловичей по женской линіи, могъ быть признанъ желательнымъ и для государства Литвы. Но послѣднее въ ту пору не имѣло возможности склониться на его сторону опредѣленно. Великому Княжеству Литовскому было нужно обезопасить себя отъ возможности возобновленія войны съ Москвою, которая могла грозить ей самыми серьезными опасностями, памятными съ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Мира съ Москвою заключено еще не было. Имѣлось лишь перемиріе. При такомъ положеніи кандидатура Московскаго царя на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой должна была неизбѣжно обсуждаться въ Литовской радѣ, ибо принятіе ея обезпечило бы внѣшнюю безопасность Великаго Княжества Литовскаго. А кандидатура эта была уже выставлена самою Москвою. Въ январѣ 1588 года „къ обѣимъ радамъ, Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго“, отъ царя Θеодора Ивановича были отправлены „посланники“, дворянинъ и намѣстникъ Можайскій Елизарій Леонтьевичъ Ржевскій и дьякъ Захарій Свіязевъ, съ выраженіемъ сочувствія въ томъ, что „государя“ ихъ „Стефана, короля Польского и великого князя Литовского, не стало“. Въ грамотѣ, которую везли отъ царя эти посланники, между прочимъ говорилось: „и вы бъ, панове-рада свѣтскіе и духовные Коруны Польскіе и Великого Княжства Литовского, смолвившися межь собою, со всею землею о добрѣ христіянскомъ порадѣли и нашего жалованья къ себѣ и государемъ насъ на Коруну Польскую и на Великсе Княжство Литовское похотѣли, чтобъ тѣмъ обѣимъ государствомъ быти подъ нашею царскою рукою во общедательной любви и въ соединенье и въ докончанье на всѣхъ недруговъ за одинъ“[1]. Московскія кандидатуры возникали уже и въ первыя два безкоролевья. Какъ тогда, такъ и въ наступившее третье безко-

---

[1]) Эта грамота царя Θеодора была использована еще въ XVIII столѣтіи княземъ М. М. Щербатовымъ въ его Исторіи Россійской. Текстъ грамоты, извлеченный имъ изъ статейныхъ списковъ Архива Иностранной Коллегіи, въ новѣйшемъ изданіи труда кн. Щербатова — Сочиненія князя М. М. Щербатова. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ шестой. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова (С.-Петербургъ, 1904). Ст. 616-618.

ролевье, государство Литвы видѣло въ осуществленіи этихъ кандидатуръ гарантію своей безопасности отъ Москвы. Такимъ образомъ, съ самаго начала безкоролевья, наступившаго со смертью короля Стефана, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ началось и обсужденіе кандидатуръ на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Но необходимо было государству Литвы прежде всего выработать мѣры для охраны внутренняго порядка и внѣшней безопасности.

Незадолго до своей смерти король Стефанъ назначилъ собраніе „спольнаго" сейма въ Варшавѣ на 2 февраля 1587 года. Предсеймовые повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго были созваны королевскими сеймовыми листами на 2 января 1587 года[1]). Но сеймикамъ пришлось собираться уже послѣ смерти короля Стефана, т. е. во время открывшагося безкоролевья. Избранные повѣтовою шляхтою послы прибыли „до мѣста столечного Виленского", и здѣсь 29 января 1587 года открылся государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, на который собрались „рады духовные и свѣцкіе, княжата, панята, врадники земскіе и дворные и послове земскіе зо всихъ воеводствъ и повѣтовъ, и все рыцерство, обыватели того панства Великого Князства Литовского и земли Жомоитское"[2]). Этотъ съѣздъ принялъ рядъ постановленій, которыя обязались исполнять „вси вобецъ, отъ вышшого ажъ до ни[з]шого стану". Постановленія эти касались четырехъ вопросовъ первостепеннаго значенія для государства Литвы, а именно „разновѣрія", организаціи суда, обороны и скарба. Предупредить возможность столкновеній между принадлежащими къ различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ было необходимо, ибо они могли чрезвычайно осложнить и безъ того достаточно сложную обстановку безкоролевья[3]). Вырабатывать какое-либо новое постановленіе относительно „разновѣрія" съѣзду не было нужно. Въ готовомъ къ утвержденію Третьемъ Литовскомъ

---

1) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 140-143.

2) Постановленія этого съѣзда — А., изд. Вил. Арх. К., III. стр. 310-319. О Виленскихъ съѣздахъ 1587 года см. И. И. Лаппо, Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову (СПБ. 1911), стр. 361-374.

3) О „разновѣріи" въ эпоху третьяго безкоролевья см. Jaroslav Bidlo, Jednota Bratrskà v prvním vyhnanství, část IV (Praha, 1932), str. 1-15.

Статутѣ уже имѣлся артикулъ, въ который былъ внесенъ актъ Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года въ значеніи постояннаго закона Великаго Княжества Литовскаго[1]). Но Статутъ еще не получилъ къ тому времени законодательной санкціи. Поэтому Виленскій съѣздъ и вынесъ постановленіе о сохраненіи въ полной силѣ „конфедераціи, черезъ короли" Генриха и Стефана „поприсежоной". Что касается отправленія правосудія во время наступившаго безкоролевья, когда должны были прекратить свою дѣятельность обычные суды, дѣйствовавшие „маестатомъ" монарха, то январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года, въ замѣну судовъ земскаго, гродскаго и подкоморскаго, учредилъ въ повѣтахъ чрезвычайные суды безкоролевья въ соединенномъ составѣ членовъ земскаго и гродскаго судовъ, а также повѣтоваго подкоморія. Касательно обороны своего государства съѣздъ вынесъ постановленіе о приведеніи въ боевую готовность „украинныхъ" замковъ, т. е. пограничной полосы, на случай возникновенія опасностей со стороны Москвы. Постановлено было и военное рушенье всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго въ случаѣ, если на него будетъ двинуто войско „отъ непріятеля которого жъ кольвекъ заграничного". Съ обезпеченіемъ обороны связаны и заботы съѣзда о правильности поступленій въ государственный скарбъ Литвы его доходовъ, ибо ими должны были оплачиваться расходы по найму „людей служебныхъ", т. е. наемныхъ войскъ, и по приведенію въ боевую готовность пограничныхъ укрѣпленій. Поэтому Виленскій съѣздъ предписалъ всѣмъ „врадникамъ добръ господарскихъ" (господарскихъ имѣній), подъ страхомъ наказанія смертью и конфискаціей имущества, представить Литовскому земскому подскарбію „вси провента и доходы, скарбу земскому належачіе", и сдѣлать это „до середыпостя пришлого". Къ тому же сроку и подъ страхомъ такого же наказанія должны сдать въ скарбъ и повѣтовые поборцы еще не сданныя ими депутатамъ поборовыя деньги. Отчетъ депутатовъ, принимающихъ отъ повѣтовыхъ поборцевъ эти деньги, долженъ быть представленъ на предстоящемъ съѣздѣ Великаго Княжества Литовскаго передъ королевскою элекціею.

Между тѣмъ событія третьяго безкоролевья развивались. Архіепископъ Гнѣзненскій Станиславъ Карнковскій назначилъ

---

[1]) III, 3. Объ этомъ артикулѣ Третьяго Статута см. выше, стр 73-75.

конвокаціонный съѣздъ Польско-Литовской Речи Посполитой на начало февраля 1587 года, на то самое время, на которое созывался „спольный" сеймъ королемъ Стефаномъ передъ своею смертью. Великое Княжество Литовское въ третье безкоролевье сразу заняло совершенно опредѣленную позицію по отношенію къ Польшѣ. Оно вело съ нею пореговоры какъ государство, не соединяя своихъ сеймовыхъ представителей съ Коронными въ единой общей работѣ на сеймахъ-съѣздахъ безкоролевья. Оно черезъ своихъ уполномоченныхъ предъявляло Польшѣ, какъ другому государству, съ которымъ государство Литвы заключило договоръ федераціи, свои требованія. На эти требованія собравшіеся на конвокаціонный или элекціонный сеймы представители Польской Короны, черезъ своихъ уполномоченныхъ, давали отвѣты или дѣлали свои предложенія. Общей работы, даже въ тѣхъ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, въ которыхъ она имѣла мѣсто на „спольныхъ" сеймахъ, собиравшихся при жизни монарха, у представителей государствъ, образовавшихъ федеративную Речь Посполитую, на конвокаціонномъ и элекціонномъ сеймахъ-съѣздахъ 1587 года не было. Великое Княжество Литовское, безъ всякаго участія Польши, само разрѣшало всѣ дѣла своего государства и даже по такимъ крупнымъ вопросамъ государственнаго значенія, какъ организація суда, охрана внутренняго порядка и оборона, дѣлало постановленія на своихъ съѣздахъ, не внося ихъ на общіе съ Польшею сеймы-съѣзды безкоролевья. Всѣ эти дѣла въ нормальное время жизни Польско-Литовской Речи Посполитой оно вносило на „спольные" сеймы. Теперь оно ихъ разрѣшало на своихъ съѣздахъ.

Задержавшись на своемъ январьскомъ Виленскомъ съѣздѣ, представители государства Литвы опоздали пріѣздомъ на конвокацію, созванную примасомъ Карнковскимъ въ Варшаву на 2 февраля 1587 года. Поляки знали, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ уже „sejmują i deliberują" безъ нихъ[1]). Но, чтобы не давать лишняго повода для выраженія Литвою недовольства Польшею, конвокаціонный сеймъ 6 февраля постановилъ ждать прибытія представителей Великаго Княжества Литовскаго, „pamiętając na to, z jaką pracą unia się stała za sławnej pamięci króla Augusta, przeto nie dawać przyczyny do rozer-

[1]) Scriptores Rer. Pol., XI, p. 4.

wania“[1]). Когда представители государства Литвы наконецъ прибыли въ Варшаву на конвокацію, Троцкій воевода Янъ Яновичъ Глѣбовичъ заявилъ отъ имени Великаго Княжества Литовскаго, что оно уже установило для себя чрезвычайные суды на время безкоролевья и не желаетъ принимать постановляемаго Поляками общаго для всей соединенной Речи Посполитой каптура[2]). Дѣла своего государства Литва устраивала сама.

Уже хроники сообщаютъ о требованіяхъ, предъявленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ къ Польшѣ на Варшавской конвокаціи 1587 года. Гейденштейнъ говоритъ, что Литовцы (такъ же, какъ и представители Пруссіи) заявили „sua etiam quaedam postulata seu querelas“[3]). Потребовали представители Литвы и возстановленія того, что было у нихъ отнято на Люблинскомъ сеймѣ Уніи, возвращенія оторванныхъ отъ ихъ государства земель прежде всего[4]). Заявили они также протестъ и противъ изложенія событій времени царствованія короля Стефана Рейнгольдомъ Гейденштейномъ въ его сочиненіи „Commentarii de bello Moscovitico“[5]). Со своими требованіями и выраженіемъ недовольства Польшею представители Великаго Княжества Литовскаго выступили не только на конвокаціонномъ, но и на элекціонномъ сеймѣ 1587 года. Дневники сеймовъ сохранили длинный рядъ записей объ этомъ[6]).

Элекціонный сеймъ былъ назначенъ Варшавскою конвокаціею на 30 іюня того же 1587 года. Партійная борьба въ

---

1) Ibidem, p. 14.

2) Ibidem, p. 33.

3) Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Frankcofurti ad Moenum, MDCLXXII), p. 246 (b).

4) „Hac mora audiendis Lithuanorum postulatis in illo conventu ipso temporis nonnihil est extractum. Postulabant ii more suo multa, et praeter Volhiniae, Podlachiaeque ac Livoniae restitutionem Reinholdi Heidesteini publica totius conventus authoritate volebant, ut falsam, aboleri historiam, cuius nonnulli ipsum Cancellarium (т. е. Замойскаго) opinabantur esse scriptorem; constat quidem certe et a Rege, et a Cancellario diligenter revisam et emendatam extitisse“. Rerum Pol. ab excessu Stephani regis, p. 7-8. Гейденштейнъ былъ сторонникомъ Яна Замойскаго. Ср. Władysław Nehring, O życiu i pismach Reinholda Heidensteina (O historykach Polskich szesnastego wieku. Część pierwsza. Poznań, 1862), str. 6.

5) Первое изданіе вышло въ 1584 году.

6) Дневники сеймовъ 1587 года — Scriptores Rer. Pol., XI.

Польшѣ разгорѣлась въ ту пору до крайнихъ размѣровъ. Гейденштейнъ пишетъ: „itaque et ante diem Electionis ambitione jam tota fere Polonia ardebat et futuri Regis expectatione maxime animi hominum suspensi erant“[1]). Обычная во время безкоролевій борьба между сторонниками претендентовъ на королевскую корону соединенной Речи Посполитой чрезвычайно осложнилась развитіемъ дѣла Зборовскихъ, возникшаго въ концѣ царствованія Стефана Баторія. Казнь Самуила Зборовскаго и осужденіе на изгнаніе его брата Криштофа за измѣну волновали Польшу въ то время, когда открывалось третье безкоролевье. Сильная партія Зборовскихъ стремилась къ возстановленію ихъ въ ихъ правахъ и значеніи и съ ненавистью выступила противъ Короннаго канцлера и гетмана Яна Замойскаго, которому предъявлялось обвиненіе въ его вліяніи на короля Стефана, а стало быть, и въ его винѣ за кары Зборовскимъ. Хроники того времени, а особенно хроника Гейденштейна, въ изложеніи событій третьяго безкоролевья выдвигаютъ борьбу Зборовскихъ и Замойскаго на первый планъ. Самыя кандидатуры на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой, выставлявшіяся тогда, получали въ Польшѣ свое значеніе прежде всего въ связи съ этою борьбою. Совершенно понятно, что Великое Княжество Литовское, какъ государство, находящееся въ федераціи съ Польшею, не могло стать на сторону ни одной изъ боровшихся Польскихъ партій всецѣло. Ихъ партійныя цѣли оно не могло сдѣлать и своими. Но ихъ борьбу оно должно было использовать въ своихъ интересахъ. У Великаго Княжества Литовскаго накопилось достаточно требованій къ Польшѣ, для проведенія которыхъ эта борьба открывала возможности, при умѣломъ использованіи затрудненій Польской Короны. Литовскія требованія, предъявленныя на Варшавской конвокаціи, были отложены до элекціоннаго сейма. Добиться ихъ принятія на элекціонномъ сеймѣ прежде всего и стремилось Великое Княжество Литовское[2]).

---

1) Heidenstein, op. c., p. 248 (b).

2) Гейденштейнъ говоритъ: „...Lithuania et Prussia jam in superiore conventu Warsaviense quaedam detulissent; spes facta iis fuerat, in comitiis utique electionis, prius quam ad nominationem Regis accederetur, certi aliquid de tollendis iis statutum iri“. Op. c., p. 252 (a).

Передъ элекціоннымъ сеймомъ въ немъ вела сильную агитацію королева Анна въ пользу своего племянника, Шведскаго королевича Сигизмунда. На Мстибоговскій съѣздъ она отправила своего посланнаго убѣждать Литовскіе станы въ необходимости возведенія на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой Сигизмунда Вазы, какъ единственнаго отпрыска династіи Ягайловичей[1]). Трудность проведенія Московской кандидатуры была ясна. Кромѣ ряда другихъ причинъ этого, уже невозможность для царя Θеодора перейти въ католичество изъ православія и согласиться на коронованіе себя въ Краковѣ архіепископомъ Гнѣзненскимъ не позволяла серьезно думать объ осуществленіи плановъ избранія Московскаго царя. Для Великаго Княжества Литовскаго важно было прежде всего обезопасить себя отъ возможности возобновленія войны съ Москвою, а эта возможность оказалась устраненною. Въ апрѣлѣ 1587 года Литовскіе послы получили въ Москвѣ подтвержденіе перемирія новою записью до конца 1588 года. Выяснилось, что Москва будетъ склонна продлить его и дальше. При такомъ положеніи дѣла Великое Княжество Литовское получало возможность все свое вниманіе отдать вопросу о своихъ государственныхъ правахъ и интересахъ, которые требовали въ Польско-Литовской федераціи признанія Польши. Новый монархъ, съ согласія ли ея, или своимъ договоромъ съ государствомъ Литвы, не считаясь съ желаніями Польши, долженъ будетъ исполнить требованія Великаго Княжества Литовскаго для своего государства. Оно постарается добиться того, чтобы такъ стало. Потому оно постарается использовать всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства, чтобы монархомъ сдѣлался тотъ изъ претендентовъ, который приметъ къ исполненію требованія государства Литвы.

Дневниковыя записи и извѣстія хроникъ сохранили достаточно яркую картину элекціоннаго сейма 1587 года. Обѣ боровшіяся въ Польшѣ партіи прибыли на него со своими военными силами. Объ объединенной работѣ собравшихся не могло быть и рѣчи. Представители Великаго Княжества Литовскаго не соединялись ни съ одной изъ частей, на которыя рас-

---

[1]) „Regis Sveciae et sororis suae filium unicum Jagelloniae familiae palmitem de meliori nota Ordinibus commendavit". Rerum Pol. ab excessu Stephani regis..., p. 18.

пался Коронный элекціонный сеймъ, и вели свои переговоры съ представителями Польши черезъ своихъ уполномоченныхъ, которыхъ время отъ времени высылали. Но нельзя не признать, что взгляды Литвы и взгляды Польши относительно характера ихъ соединенія по Уніи 1569 года и правъ государства Литвы въ немъ расходились рѣзко. Въ то время, какъ представители Великаго Княжества Литовскаго выступили съ требованіемъ возвращенія ему земель, оторванныхъ отъ него въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, признанія за нимъ Ливоніи, а также согласія на утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута, которымъ закрѣплялось значеніе его полноправнаго государства и отмѣнялась часть постановленій договора Люблинской Уніи, представители Польши на элекціонномъ сеймѣ 1587 года выдвигали требованіе слиянія Короны и Литвы въ единое цѣлое и предлагали для нихъ общіе статуты[1]) и единый Трибуналъ[2]), какъ общее высшее судилище. Все это было внесено Коронымъ сеймомъ, безъ участія Литовскаго, даже въ выработанный имъ проектъ условій, которыя должны быть предъявлены новому монарху для его признанія[3]).

Мы не можемъ на настоящихъ страницахъ сколько-нибудь подробно входить въ исторію элекціоннаго сейма 1587 года. Не можемъ излагать и всего хода переговоровъ, которые велись на этомъ сеймѣ между представителями двухъ государствъ Польско-Литовской федераціи, не соединявшихся въ общей сеймовой работѣ. Все это насъ слишкомъ отвлекло бы отъ основной задачи настоящаго изслѣдованія. Отмѣтимъ лишь, что эти переговоры и сношенія начались со взаимныхъ упрековъ и выраженій недовольства. Въ той же обстановкѣ они продолжались и все дальнѣйшее время. Споры и препирательства представителей Великаго Княжества Литовскаго съ представителями Польской Короны проходятъ длинною нитью и въ дневниковыхъ записяхъ, и въ разсказахъ хроникъ. Четыре вопроса были основными въ переговорахъ, происходившихъ между Литвою и Польшею на элекціонномъ сеймѣ, а именно: 1) о Ливоніи, 2) о мирѣ съ Москвою, 3) объ избраніи Московскаго царя Ѳеодора Ивановича на престолъ соединенной Речи

---

1) Scriptores Rer. Pol., XI, p. 252.

2) Ibidem, p. 251.

3) Ibidem, p. p. 247-259.

Посполитой и 4) о „gravamina“ и „exorbitantiae“, представленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ[1]).

Требованіе закрѣпленія Ливоніи цѣликомъ за государствомъ Литвы было выдвинуто его станами уже наканунѣ Люблинской Уніи на томъ основаніи, что всю тяжесть Московской войны пришлось Великому Княжеству Литовскому возложить на свои плечи именно изъ-за нея, и что Лифляндская земля отъ принятія ея „подъ оборону звирхности господаръское“ защищалась отъ враговъ черезъ „родичовъ и обователей того славного панства Великого Князьства, где немало не одно крови народу ихъ шляхетского выливало ся, але и головъ братьи ихъ полегло, з великою утратою маетностей ихъ“, а также „господаръского скарбу того жъ панства Великого Князьства“[2]). Послѣ Люблинской Уніи на Лифлянты, т. е. Ливонію, предъявила свои притязанія Польша и наложила было на нихъ свою руку. Въ 1587 году Великое Княжество Литовское самымъ рѣшительнымъ образомъ потребовало передачи этой земли ему цѣликомъ. Значеніе для Литвы заключенія прочнаго мира или, по крайней мѣрѣ, обезпеченія болѣе длительнаго перемирія съ Москвою мы старались показать выше. Вопросъ объ избра-

---

[1]) Папскій нунцій Аннибалъ въ своемъ письмѣ къ кардиналу Монтальто отъ 4 іюля 1587 года сообщалъ, что Литовскіе паны заявили, что они не приступятъ къ королевской элекціи прежде, чѣмъ получатъ отъ поляковъ удовлетвореніе во всѣхъ нарушеніяхъ ими обѣщаній, данныхъ при Уніи. Въ изданіи писемъ въ переводѣ на польскій языкъ А. Пржездзѣцкимъ это мѣсто читается такъ: „Oprócz tego wnieśli żądanie, aby nim przystąpią do aktu Elekcyi zadosyć uczyniono Litwie za krzywdy wyrządzone im przez Polaków, wbrew obietnicom podczas Unii Litewskiéj uczynionym“. Listy Annibala z Kapui, arcy-biskupa Neapolitańskiego, nuncyusza w Polsce, o bezkrólewiu po Stefanie Batorym i pierwszych latach panowania Zygmunta III, do wyjścia arcy-xięcia Maxymiliana z niewoli. Z rękopisu biblioteki Brancacciana w Neapolu wybrał, przetłumaczył z języka włoskiego na polski i wydał A l e x a n d e r P r z e z d z i e c k i (Warszawa, 1852). Str. 56. Общее изданіе донесеній нунціевъ о Польшѣ этого времени - Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, tom II (Berlin a Poznań, 1864). См. также Rerum Polon. ab excessu Stephani regis.... ab S e b a s t i a n o C i a m p i, p. 23 („querebantur quidem initio hi de multis et magnis sibi per Polonos factis injuriis, et inter alia, Livoniae gubernationem Lithuanis deditam; cancellariam, et alia officia varie turbari per Polonos; Stephanum denique regem ipsum, non assentientibus Lithuanis, electum et inauguratum ab iis esse regem memorabant“).

[2]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 433 (Городенскій сеймъ 1566-1567 г. г.).

ніи царя Θеодора Ивановича стоялъ въ тѣсной связи съ установленіемъ прочной безопасности Великаго Княжества Литовскаго отъ Московскаго государства. Провести его кандидатуру на элекціонномъ сеймѣ оказалось невозможнымъ, да, какъ мы видѣли выше, съ одной стороны, въ ея успѣхъ не могли вѣрить и сами ея сторонники, а съ другой, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ уже имѣли въ то время увѣренность, что миръ съ Москвою въ ближайшее время не будетъ нарушенъ. При отказѣ Польши серьезно заняться вопросомъ болѣе прочнаго обезпеченія перемирія съ Москвою, государство Литвы взяло его въ свои руки и, какъ увидимъ, сумѣло его добиться.

Вопросъ о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, входилъ въ составъ тѣхъ „gravamina" и „exorbitanciae", которыя были представлены на элекціонный сеймъ 1587 года Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Мы не встрѣчаемъ словъ „Литовскій Статутъ" или его „поправа" въ опубликованныхъ дневникахъ этого сейма, когда они говорятъ о Литовскихъ требованіяхъ. Но характеръ Третьяго Статута, какъ свода законовъ, утверждающаго самостоятельное значеніе государства Литвы, и лишеніе имъ Польши правъ, которыя она считала себя пріобрѣвшею по отношенію къ Великому Княжеству Литовскому въ 1569 году, ясно вскрываются въ словахъ отвѣта генеральнаго Короннаго кола, даннаго представителямъ Литвы 10 августа 1587 года: „takie exorbitancye Wmć podali, które totam Rempublicam afficiunt i wiele przywilejów, wiele wolności naszych, które jak z gruntu wywrócone są, dotykają się"[1]).

Для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ требованіемъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ Лифляндской земли и съ его „gravamina" и „exorbitanciae", на элекціонномъ сеймѣ 1587 года были назначены депутаты отъ обоихъ государствъ Польско-Литовской федераціи. О дѣятельности этихъ депутатовъ знаютъ дневники сейма[2]). Дошелъ до насъ и актъ, выработкою котораго завершилась эта дѣятельность[3]). Онъ датиро-

---

[1]) Scriptores Rer. Pol., XI, p. p. 185-186.

[2]) Ibidem, p. p. 67, 159, 165, 166, 168, 171, 174, 175, 176 (а также и другія страницы).

[3]) „Namowa Ichmosciow Panow Deputatow Koronnych na Seymie Elekcyinym z Ichmosciami Pany Deputatami W. X. L^{0} ratione gravamin y

ванъ 4-мъ августа 1587 года и сеймомъ элекціи. Начинается онъ такъ: „My, Rady Duchowne y Swieckie, także y Rycerstwo Koronne niżey podpisani, ktorzysmy są deputowani od wszystkich Stanow Koronnych, na Seymie Elekcyey będących, na traktaty z Deputaty od Stanow W. X. L^{o} na poprawę tych Grawamin y Exorbitancyi, ktore byli podali Stany W. X. L^{o} na Konwokacyey przeszłey y teraz na Elekcyey, mieniąc miec od Stanow Koronnych ubliżenie y wykroczenie w nich, oznaymuiemy wszem wobec y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy". Передъ нами, такимъ образомъ, объявленіе во всеобщее свѣдѣніе, которое дѣлается депутатами Польской Короны о результатахъ ихъ переговоровъ съ депутатами Великаго Княжества Литовскаго. Коронные депутаты въ пересказываемомъ документѣ излагаютъ главное содержаніе споровъ о Лифлянтахъ. Депутаты Великаго Княжества Литовскаго требовали передачи всей Лифляндской земли ихъ государству. Коронные депутаты доложили дѣло станамъ Польши и именемъ ихъ всѣхъ объявили Литовскимъ депутатамъ слѣдующее: они домогаются отъ Польской Короны того, на что она согласиться не можетъ на основаніи постановленій Люблинской Уніи, однако на выдѣленіе половины Лифлянтъ Великому Княжеству Литовскому и на отправку для этой цѣли коммиссаровъ согласіе все-таки дается[1]). Но депутаты Литов-

---

exorbitancyi, ktore byli podali Stany W. X. L^{0} na Konwokacyi. Datum pod Warszawą, na Seymie Elekcyi, Dnia 4^{0} Augusta A^{0} 1587". Библіотека Главнаго Штаба. Acta Historyczne, IX (Теки Нарушевича).

[1]) „My, wziąwszy to do Stanow Koronnych y dołożywszy się ich w tey mierze, a takową mianowicie maiąc informacyą około tych Punktow, takeśmy się Deputatom W. X. L^{0} imieniem wszystkich Stanow Koronnych deklarowali: Naprzod Braterskieśmy Ichmosciow używali, aby się u Nas takowey Kaucyi z strony prawowania się z Koroną o drugą połowicę Ziemie Inflantskiey, ani Sobie viam jure agendo o nei zachowywali, pokazuiąc te Ichmosciom wywody racyami słusznemi stante statuti Unionis, y w Konstytucyą zawarli, że się Ichmosciowe maią u nas tego domagać, czego się Nam pozwolić nie godzi; Kommissarzow Spolnych do Inflant wysłanie — na to między Koroną y W. X. L. pomiarkowanie y podzielenie pozwoliliśmy, aby z tey części, ktoraby się W. X. L^{u} dostała, ludzie Rycerstwa y Narodu Polskiego, tak starostowie, iako y inni Obywatele Koronne, ktorzyby Dobra stołu Krolewskiego w possessyey od Pana Zmarłego w tey części W. X. L^{0} mieli, z Dzierzaw przeniesieni byli na insze opatrzenie tak, żeby W. X. L^{u} połowica Ziemi Inflantskiey wolna była, nie exkluduiąc też w tey części a beneficiis Reipublicae Zasłużonych ludzi narodu Inflantskiego, iako ich też y z Polowice Koronney nie exkluduiemy. Na czym Panowie Deputaci W. X. L^{0} przestać nie raczyli, deklaruiąc się nakoniec

скіе такимъ заявленіемъ не удовлетворились. Они указали на то, что имѣютъ по этому дѣлу ограниченныя полномочія отъ оставшейся дома братіи, т. е. отъ своихъ повѣтовыхъ сеймиковъ, и требовали для Великаго Княжества Литовскаго всей Лифляндской земли. Какъ дѣло о Лифлянтахъ, такъ и другія „gravamina" и „exorbitancyi" Литовскіе депутаты пожелали отложить до коронаціоннаго сейма и потребовали письменнаго акта отъ Коронныхъ депутатовъ, ведшихъ настоящіе переговоры. Этимъ актомъ и является пересказываемый нами документъ. Онъ оканчивается слѣдующими словами: „Czegosmy Ichmosciom, za dołożeniem się pierwey wszystkich Stanow Korony Polskiey y za Konsensem ich, pozwolili, tak postanowili, iż na przyszłym Seymie Koronacyi trzey Senatorowie Koronni a trzey Litewscy, a z Rycerstwa Koronnego sześć osob, także y z Litewskiego drugie sześć osob obrani y wysadzeni bydz maią, a ci, uczyniwszy przysięgę na ten sam akt, iż, na żadną się rzecz nie oglądaiąc, iedno na Pana Boga a na sprawiedliwość wzgląd maiąc, wedle sumienia swego, każdych Praw, zobustron pokazanych, oglądawszy, maią tę sprawę uspokoić y skonczyć, a gdzieby się zgodzić nie mogli, tedy to wszystko, co będzie przed nimi ukazywano Praw y Listow zobustron, y mowienia wszystkie do tey sprawy zobopolnie na pismie maią przynieść do Krola Koronowanego, a krol, Pan nasz, dali Bog, przyszły, nie odkładaią[c][1]) tey sprawy, onę ex aequo et bono uspokoić y skonczyć na tym Seymie Koronacyi bę-

---

z tym, że Zamierzoną moc maią od Braci swey, ktorzy doma pozostali, aby się wszystkiey całey Zupełney Ziemie Inflantskiey, a nie połowice za tym Prawem swym domawiali y o Nię starali, przywodząc to na pamięć, iż Narod Litewski wszystkiey Ziemi Inflantskiey za tym Prawem swym domawiali y iey przysięgę czynili y sumieniem iest obowiązan, iako też wszystka Ziemia Inflantska, a nie połowica iey Wielkiemu Xu Litu przysięgę czyniła. Poniewaz tedy tego nie mogą otrzymać od Nas, na co Prawo dobre y Sprawiedliwość u Siebie mieć Sami mianuią, aby im zachowane było Prawo o drugą połowicę czynić, że im nie chcą uczynić na ten czas niechęc, iedno tych wszystkich Tractatow, tak z strony Inflant, iako inszych gravamina y exorbitancyi zaniechać Braci to swey odnieść a do Seymu koronacyi przyszłego Pana to odłożyć, chcąc o tym y o inszych gravaminach y exorbitancyach [z] stany Koronnymi na przyszłym Seymie Koronacyey Pana Braterskie się znosić y skończyć, a nie życząc, aby im do iakich protestacyi zgodzić y miłosci braterskiey szkodliwych przychodzić miało, chcieli to mieć, aby tego wszystkiego Traktatu y namow spolnych zeznanie na pismie od Nas mieć mogli".

[1]) Въ оригиналѣ: „dokładaią".

dzie powinien. A ten List nasz za wiadomoscią y pozwoleniem Stanow Koronnych[1]) Stanom Wielkiego Xięstwa Litewskiego dalismy, ktorzy dla lepszey wiary y pewnosci Rękomaśmy swemi podpisali y pieczęciami swymi zapieczętowali"[2]).

Настоящій документъ, выданный Великому Княжеству Литовскому съ вѣдома и согласія Коронныхъ становъ, указалъ путь для разрѣшенія вопроса о „gravamina" и „exorbitantiae" государства Литвы, которыя не могли быть удовлетворены на элекціонномъ сеймѣ 1587 года. Этотъ путь: личное рѣшеніе новаго короля соединенной Речи Посполитой въ случаѣ недостиженія соглашенія между Великимъ Княжествомъ и Польшею на коронаціонномъ сеймѣ, при чемъ новому монарху должны быть представлены соотвѣтствующія документальныя доказательства, на основаніи которыхъ онъ будетъ имѣть возможность вынести свое рѣшеніе. Конечно, актъ 4 августа 1587 года отражаетъ на себѣ то безвыходное положеніе, въ которомъ находился въ то время элекціонный сеймъ. Откладывать дальше опредѣленный отвѣтъ на требованія Великаго Княжества Литовскаго собравшіеся на сеймъ станы Польши уже не могли, такъ какъ было необходимо приступать къ избранію короля. Отвергнуть же эти требованія они не имѣли возможности въ виду необходимости всѣми способами предупредить разрывъ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, особенно опасный въ то время, когда сама Польша была раздѣлена на двѣ враждующія одна съ другою партіи, готовыя къ вооруженной борьбѣ[3]). Въ числѣ эксорбитанцій, внесенныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, было несомнѣнно и требованіе утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, хотя мы и не встрѣчаемъ упоминанія о немъ или о статутовой „поправѣ" въ опубликованныхъ дневникахъ элекціоннаго сейма[4]).

Элекціонный сеймъ 1587 года внесъ новый раздоръ въ соединенную Речь Посполитую одновременнымъ избраніемъ

---

[1]) Въ оригиналѣ: „Stanom Koronnym".

[2]) Дальше слѣдуютъ дата (подъ Варшавой, на сеймѣ элекціи, 4 августа 1587 года) и слова „Locus Sigilli".

[3]) Ср. Dr. J. Caro, Das Interregnum Polens im Jahre 1587 und die Parteikämpfe der Häuser Zborowski und Zamojski (Gotha, 1861), S. S. 70 sq.

[4]) Однако о „prawach" въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, вопросъ о которыхъ былъ поднятъ на элекціонномъ сеймѣ 1587 года, дневники его упоминаютъ. Scriptores Rer. Pol., XI (напримѣръ, стр. 166).

двухъ королей, а именно Сигизмунда Вазы и Максимиліана Габсбурга. Перваго проводила партія Замойскаго, втораго — партія Зборовскихъ. Борьба этихъ партій была внутреннимъ дѣломъ Польши. По существу Великому Княжеству Литовскому до нея дѣла не было. А между тѣмъ она то и стояла на первомъ мѣстѣ во время элекціоннаго сейма для Польши. Въ разсказахъ о немъ современниковъ, особенно Гейденштейна, эта борьба доминируетъ надъ всѣми вопросами и дѣлами элекціоннаго сейма 1587 года. Великое Княжество Литовское, какъ государство Польско-Литовской федераціи, не хотѣло вмѣшиваться въ борьбу партій Польши. Но оно не могло допустить того, чтобы королевская элекція была произведена съ примѣненіемъ насилія одною изъ Польскихъ партій и чтобы его права какъ государства, равноправнаго съ Короною, были этимъ насиліемъ нарушены. Кромѣ того, представители государства Литвы не считали для себя возможнымъ принимать участіе въ элекціи до исполненія Польшею ихъ требованій, предъявленныхъ къ ней на конвокаціонномъ и элекціонномъ сеймахъ 1587 года. Въ виду того, что надежды на благополучное завершеніе занятій элекціоннаго сейма было мало, часть Литовскихъ представителей стала съ него разъѣзжаться[1]). Единаго сейма уже не было. Онъ распался на два: „коло" партіи Замойскаго и „коло" партіи Зборовскихъ. Въ составѣ перваго изъ этихъ „колъ" представителей Великаго Княжества Литовскаго не было совсѣмъ[2]). Они съ нимъ сносились черезъ свои посольства, а дѣла обсуждали въ своихъ особыхъ совѣщаніяхъ. Несмотря, однако, на неучастіе ихъ въ „колѣ" партіи Замойскаго, 19 августа въ немъ архіепископъ Гнѣзненскій Станиславъ Карн-

---

[1]) „Non modo enim ex nobilitate privati, verum e Senatoribus quoque maxime autem Lithuanicis et Prussicis non pauci, nonnulli etiam Polonici, taedio rerum praesentium, ad suas quisque domos dilabebantur..." Heidenstein, op. c., p. 258 (b).

[2]) „Lithuani nihilominus omnes aberant; qui cum ultra Vistulam per aliquot septimanas peculiaribus castris concilium suum habuissent, neque priusquam dissensiones pacatae essent, cum Polonico Senatu congredi voluissent, postquam spes aliqua de postulatis cuicunque cognoscendi oblata fuit, ac de Rege sententiae dici coeptae fuissent, ipsi quoque quemadmodum ostensum est, concilium suum in hanc partem traduxerant. Separatim ab aliis congredientes, de futuro Rege sententias ipsi quoque inter se exquirere coeperant". Heidenstein, op. c, p. 261 (a).

ковскій провозгласилъ Шведскаго королевича Сигизмунда королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Эта элекція была немедленно опротестована представителями государства Литвы съ указаніемъ на нарушеніе постановленій Люблинской Уніи[1]). Что касается „кола" партіи Зборовскихъ, то въ немъ 22 августа провозгласилъ королемъ эрцгерцога Максимиліана Кіевскій бискупъ Яковъ Воронецкій[2]). Въ этомъ „колѣ" принимали участіе и нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ Великаго Княжества Литовскаго. Гейденштейнъ называетъ Виленскаго бискупа, кардинала Юрія Радивила и его брата, каштеляна Троцкаго Николая Криштофа Радивила (Сиротку)[3]). Но, какъ государство федеративной Речи Посполитой, Великое Княжество Литовское участія въ избраніи Максимиліана не принимало. Безъ его голоса Польша произвела элекцію обоихъ избранныхъ ея партіями новыхъ монарховъ.

25-мъ августа 1587 года датированъ универсалъ, выданный въ Варшавѣ не признавшими избранія ни Сигизмунда, ни Максимиліана[4]). Въ немъ отъ имени „рады" и „рыцерства" Польши и Великаго Княжества Литовскаго объявлялось

---

[1]) Іоахимъ Бѣльскій пишетъ: „Zatym od Panow Litewskich przyiechał Kasztelan Wileński, Woiewoda Trocki y Podkanclerzy. Od ktorych Woiewoda Trocki uczynił długą rzecz, o to że obrali bez nich Krolewica Szwedzkiego, ukazuiąc zatym złamanie przywileiu Uniey: ktoremu przy Elekcyey Henrykowey dosyć sie tylko stało: ale Stephana bez nich obrano y koronowano. Obciążali też sobie y to, że Convocatią prędko nie dołożywszy sie ich złożono. Dokładał y tego że mogli sie byli na Krola zgodzić; by ich było poczekano, a pokoy wieczny z Moskwą, o ktory prosili pierwey zawarto. Zatym rzecze: azażmy tu słusznie nie możemy zamieszania uczynić w Rzeczypospolitey? a zaż nie mamy przyczyny iuż radzić o sobie? by nie Krolowa potomek Jagiełłowski, poznalibyście to że sie umie Litwa gniewać? Jeśli o skrzydła idzie (тутъ имѣется въ виду оторваніе въ 1569 году къ Польшѣ земель отъ Великаго Княжества Литовскаго), ktoreście nam odcięli: coż rozumicie ieśli sie nie możemy zdobyć na insze y więtsze? czymże to nam nagrodzicie? czym ten nasz żal uleczycie? Radzę abyście szukali drogi, iakobyście oyczyzny wewnątrz nie zapalili; nad ktorą z iednę stronę Turczyn, a z drugą stronę Moskwicin z dobytą szablą stoi. Niemiec też occasiey ktora mu sie gotuie pewnie nie zaniecha". **Bielski Sob.**, str. 57-58.

[2]) Воронецкій въ это время былъ еще только „номинатомъ" на Кіевское бискупство.

[3]) Heidenstein, op. c., p. 261 (a).

[4]) Этотъ универсалъ былъ внесенъ въ книги Литовской Метрики — „Uniwersał, pod Warszawą po nominatij dwu candidatów na Króliestwo Polskie y W. X. Lith. etc. wydany". Записей Литовскихъ 65, л. л. 236-236 об.

во всеобщее свѣдѣніе[1]), что издающіе этотъ универсалъ, съѣхавшись на элекціонный сеймъ, стремились до избранія новаго короля залечить „vulnera“ Речи Посполитой и разрѣшить „exorbitanciae“ и „gravamina“, на сеймъ представленныя[2]). Однако часть сеймовавшихъ „obrali i mienowali“ Шведскаго королевича Сигизмунда, безъ вѣдома части Речи Посполитой, т. е. всего народа Великаго Княжества Литовскаго и половины „рыцерства“ Польши[3]). Тогда другая часть сеймовавшихъ провозгласила избраннымъ эрцгерцога Максиміліана, хотя и считала наиболѣе желательнымъ избраніе Московскаго великаго князя. „My thedy“, продолжаетъ универсалъ, „więtsza część R. P., widząc gwalth i złamanie praw i wolności i rozumieiąc obie nominatie in periculo R. P., na żadną s tych nie przizwoliwszy, odiachaliśmy s protestatią, napomnąwszy obie stronie posły tych nominatow, aby przedsiewzięcia swego zaniechali“. Универсалъ призываетъ далѣе „bracią doma pozostałą“, которая не даетъ согласія на такое незаконное избраніе, собраться въ обычныхъ мѣстахъ на сеймики 16 сентября и предписываетъ, чтобы затѣмъ „do kupy wszyscy ruszyli a tak szkodliwy ogien w R. P. vgasili, praw i wolności swych postrzegali i s tym tak postąpili, iakoby było nailiepszem R. P.“

Положеніе Великаго Княжества Литовскаго послѣ элекціоннаго сейма 1587 года было таково: оно не признавало избраннымъ ни одного изъ монарховъ[4]), провозглашенныхъ на немъ, считало свои права въ Польско-Литовской федераціи нарушенными Польшею, а затруднительное положеніе послѣдней открывало ему возможность использовать его въ своихъ инте-

---

[1]) „My rady [i] ricerstwo obojga narodu, Corony Polskiey i Wielkiego Xięstwa Litewskiego wszystkim, komu to wiedzieć malieży, oznaimuiemy...“

[2]) „Exorbitanciae“ и „gravamina“ были представлены на элекціонный сеймъ не только Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, но и другими землями, а также отдѣльными лицами.

[3]) „Bez bytności i wiadomości części R. P., to iest wszystkiego narodu Wielkiego X. Litewskiego i połowice stanów ricerstwa Coronnego“.

[4]) Въ исторической литературѣ это было отмѣчено уже въ XVIII столѣтіи. Такъ, еще Ленгнихъ писалъ: „Lituani neutram electionem probantes, ex suo campo domum redibant, nisi quod duo fratres Radzivilii, Episcopus Vilnensis simul Cardinalis, et Castellanus Trocensis, studium in Maximilianum publice profiterentur, a quo et Chodkievici alieni haud erant“. Gotfridi Lengnich, Historia Polona a Lecho ad Avgvsti II mortem (Lipsiae, MDCCXL), p. 91.

ресахъ и добиться осуществленія своихъ требованій, предъявленныхъ на конвокаціонномъ и элекціонномъ сеймахъ. Въ основномъ вопросѣ, который раздѣлилъ Польшу на два готовыхъ къ междуусобной войнѣ лагеря, государство Литвы имѣло совершенно свободныя руки. Оно не связало своего голоса ни съ однимъ изъ „электовъ", хотя и были сдѣланы въ Польшѣ попытки втянуть его въ Польскую партійную борьбу. Папскій нунцій Аннибалъ сообщалъ кардиналу Монтальто отъ 20 августа 1587 года, что партія Зборовскихъ старалась привлечь на свою сторону Великое Княжество Литовское еще на элекціонномъ сеймѣ[1]). Въ достаточно обильной памфлетной литературѣ, сопровождавшей партійную борьбу третьяго безкоролевья[2]), пытались даже объявлять Литву избравшею Максимиліана. Такъ, Бартошъ Папроцкій въ одной изъ своихъ брошюръ, изданныхъ тогда, осуждая избравшихъ Сигизмунда и обращаясь къ нимъ, писалъ: „bracia waszy, by prawa spólne zachowali, społecznie zaraz z Litwą swego mianowali"[3]). Въ дѣйствительности въ избраніи Максимиліана принимали участіе только два Радивила, кардиналъ Юрій и Троцкій каштелянъ Николай Криштофъ[4]), дѣлая это подъ вліяніемъ папскаго нунція Аннибала[5]). Послѣдній, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Монтальто, говоритъ, что кардиналъ Юрій Радивилъ истратилъ на элекціонномъ сеймѣ огромныя деньги на агитацію въ пользу Австрійскаго дома и готовился къ энергичной работѣ въ пользу Максимиліана на сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго[6]). Имя Радивиловъ старалась использовать партія Зборовскихъ для привлеченія на сторону Максимиліана широкихъ круговъ шляхты, внушая, что за Радивилами должна пойти вся Литва[7]). Но въ дѣйствительности Великое Княжество

---

[1]) Listy Annibala z Kapui, str. 76.

[2]) См. Dr Karl Estreicher, Polnische Bibliographie des XV-XVII Jahrhunderts (Krakau, 1883), S. S, 84-87.

[3]) Bartosza Paprockiego, Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wydał Jan Czubek (Kraków, 1900), str. 88 („Pamieć nierządu w Polscze przez dwie fakcye vczinionego w roku 1587. Ktorego skutky co daley to gorsze a ku wielkiei sie skazie rzeczi pospolitey zarzeły. Napisana y wydana Roku 1588 przez Bartosza Paprockiego").

[4]) Heidenstein, op. c., p. 262 (b); Bielski Sob., str. 63.

[5]) Heidenstein, op. c., p. 262 (a).

[6]) Listy Annibala z Kapui, str. 86-88.

[7]) Heidenstein, op. c., p. 266 (b).

Литовское оставалось нейтральнымъ по отношенію къ обоимъ „электамъ“[1]). Подписей представителей отъ цѣлаго государства Литвы не было на актахъ „элекціи“[2]). Не было Литовцевъ и въ составѣ посольствъ, отправленныхъ „колами“ элекціоннаго сейма къ избраннымъ ими Сигизмунду и Максимиліану[3]). Прелатъ Бенедиктъ Война, посланный Виленскою капитулою на элекціонный сеймъ 1587 года, заявилъ протестъ противъ помѣщенія его имени на универсалѣ „элекціи и номинаціи“ Максимиліана, утверждая, что онъ ни въ качествѣ представителя капитулы, ни въ качествѣ простого шляхтича, не только не давалъ своего согласія на эту „элекцію“, но даже при ней и не присутствовалъ[4]). А нельзя забывать, что прелатъ Война находился въ каноническомъ подчиненіи кардиналу Юрію, какъ Виленскому епископу. Если послѣдній не могъ повліять въ пользу признанія Максимиліана даже на подчиненное ему духовенство, то, конечно, это невозможно для него было сдѣлать по отношенію къ шляхетской массѣ Великаго Княжества Литовскаго и къ его панамъ-радѣ.

Кандидатура Московскаго царя Ѳеодора Ивановича, встрѣтившая было большое сочувствіе въ началѣ элекціоннаго сейма, затѣмъ оказалась неосуществимою, особенно изъ-за непріемлемости условій, которыя царю предлагались. Но Великому Княжеству Литовскому удалось получить отъ Москвы заключеніе перемирія на пятнадцать лѣтъ, которое должно было быть утверждено новымъ монархомъ соединенной Речи Посполитой. Такимъ образомъ, Московское правительство не ставило условіемъ для мирныхъ отношеній избраніе царя Ѳеодора на престолъ соединенной Речи Посполитой и тѣмъ открывало для Великаго Княжества Литовскаго полную возможность отказаться отъ защиты царской кандидатуры и считаться лишь съ кан-

---

[1]) „Lithuani duobus fere solis Radivilis Cardinale et fratre ejus, Castellano Trocense exceptis, caeteri ita fere omnes discesserunt, ut neutram electionem ratam se habere ostenderent; ut quarum hanc omnino improbarent, alteri quod non adhibiti ad eam essent indignarentur“. Ibidem, p. 262 (b).

[2]) „Cum enim propter eam, quae supra demonstrata est, causam, Lithuani electioni non adfuissent, ne nomen quidem eorum praescriptum fuit“. Ibidem, p. 263 (a).

[3]) Составъ этихъ посольствъ — ibidem, p. 263 (b).

[4]) X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, część III (Streszczenie aktów Kapituły Wileńskiej), str. 68 (9 października).

дидатурами Максимиліана и Сигизмунда, избранныхъ на элекціонномъ сеймѣ 1587 года партіями Польши.

Не такъ легко было панамъ-радѣ и шляхтѣ государства Литвы сохранить нейтральное отношеніе къ обоимъ Польскимъ „электамъ". Ставшіе на сторону Максимиліана два сына Николая Чернаго Радивила имѣли достаточно сильное вліяніе во всѣхъ слояхъ шляхетскаго „народа" Великаго Княжества Литовскаго. Но за кандидатурою Сигизмунда стояла королева Анна, „regina matertera". Она постаралась сдѣлать все, чтобы склонить на его сторону оба государства Польско-Литовской федераціи. Королева Анна не жалѣла денегъ на свою агитацію. Кромѣ нихъ въ ея распоряженіи были ея авторитетъ сестры послѣдняго Гедиминовича-Ягеллона на престолахъ Литвы и Польши и авторитетъ вдовы короля Стефана, котораго такъ высоко цѣнило Великое Княжество Литовское. Племянникъ ея и Сигизмунда Августа, Сигизмундъ Ваза былъ отпрыскомъ старой Литовской династіи по женской линіи. Іоахимъ Бѣльскій передаетъ слова Льва Сапѣги, сказанныя полякамъ на элекціонномъ сеймѣ послѣ избранія Сигизмунда: „i nam smaczny jest krolewic Szwedzki; ale to nam żałosna, żeście go bez nas mianowali, y nie gniewamy się nań tylko na was"[1]). Но Великое Княжество Литовское, какъ государство, на первое мѣсто должно было въ то время ставить свои государственные интересы и задачи, а не симпатіи къ тому или другому изъ „электовъ" Польши.

Королева Анна это прекрасно понимала. Настаивая на принятіи избранія Сигизмунда, она признавала право государства Литвы добиться исполненія всѣхъ своихъ требованій. Въ инструкціи ея посламъ на повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, которые собирались послѣ элекціоннаго сейма, говорилось: „Nadchodzi koronacya; sejmiki W. M. mają. Darowawszy to tedy ojczyźnie miłéj, w czemeście obrażeni, która takiego króla potrzebuje, jaki jest obran (wiemy co mówiemy, nie uwodzi nas krew): raczcież W. M. taki warunek uczynić sobie, jaki najlepszy być rozumiecie, tak z strony nominacyi bez W. M. uczynionéj, jak z strony wszelakiego W. M. prawa; podajcież J. K. M. a ukojcie W. M. serca swe, na to najwięcéj patrząc, przecz

---

1) Bielski Sob., str. 60. Ср. также выше, стр. 179, прим. 1.

i dla czego tak się postępować musiało“[1]). Королева Анна знаетъ, что государство Литвы не можетъ признать Сигизмунда своимъ монархомъ иначе, какъ только на опредѣленныхъ условіяхъ, которыя оно ему поставитъ.

На 16 сентября, какъ мы это видѣли выше, универсалъ непризнавшихъ обоихъ избраній элекціоннаго сейма 1587 года созывалъ повѣтовые сеймики. 2 октября 1587 года въ Вильнѣ собрался государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, на который съѣхались „рады духовные и светскіе, такъ же и все рыцерство Великого Князства Литовского, со всихъ воеводъствъ и поветовъ“. 11 октября этотъ съѣздъ выдалъ свой универсалъ по своему государству[2]). Въ немъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе, что часть сенаторовъ и шляхты Польской Короны избрала и провозгласила двухъ монарховъ „надъ право, волности и списы Унеи“. Противъ такого избранія сразу протестовали нѣкоторые паны-рада и вся шляхта Великаго Княжества Литовскаго. Самъ Виленскій съѣздъ признаетъ въ совершившемся на элекціонномъ сеймѣ 1) нарушеніе Уніи, 2) опасность для государствъ Польско-Литовской федераціи, 3) опасность для сохраненія правъ Великаго Княжества Литовскаго и 4) опасность великой смуты и междуусобной войны[3]). Серьезность создавшагося положенія требуетъ, чтобы всѣ обыватели государства Литвы вынесли единое и общее для всего него рѣшеніе, не раздѣляясь на группы и партіи, какъ это произошло въ Польшѣ. А между тѣмъ, съ одной стороны, не всѣмъ изъ шляхты оказалось возможнымъ при-

---

[1]) Дальше инструкція продолжаетъ: „Nie jednakim torem rzeczy ludzkie idą. Nie jednakie lata, nie jednakie wiatry. Ale to nasza rzecz jest, wszystko ku dobremu obracać, i więcéj na to mieć oko, co jest w rzeczy dobrze, niżli na to, coby się do tego z trafunku, z przygody i z potrzeby złego przymieszało. Bo inaczéj czyniąc, nie dogryziemy się w żadnéj rzeczy smaku“. Alexander Przezdziecki, Jagiellonki Polskie w XVI wieku, t. IV (Kraków, 1868), str. 312.

[2]) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 144-148.

[3]) „То пакъ, будучи намъ на томъ зъезде Виленскомъ, а сполне и вси згодне зъ собою намовившысе, а въ тые розные и незгодливые номинацыи угленувши, которые суть надъ звязокъ Уніи учиненыи, и обачаючи всякіе небезъпеченства на панства, такъ же на права, свободы и волности нашы, которые бы, чого Боже уховай, за такими поступками на елекцыи отъ брати нашое пановъ Поляковъ до великого розерваня прійти а въ речи посполитой кровопролите принести могли“.

быть въ Вильну, а съ другой — въ Жомойтскомъ староствѣ и въ воеводствѣ Берестейскомъ, безъ общаго согласія государства Литвы, начинают склоняться уже на сторону одного изъ „номинатовъ“ Варшавской элекціи. Послѣднее грозитъ опасностью нарушенія единства рѣшеній Великаго Княжества Литовскаго, которое такъ нужно ему и которое осуществимо, ибо паны, давшіе было свой голосъ на элекціонномъ сеймѣ одному изъ кандидатовъ, отказываются отъ него, считая единство рѣшенія необходимымъ для обезпеченія „правъ, свободъ и волностей“. Виленскій съѣздъ писалъ свои „листы“ въ Жомойтскую землю и Берестейское воеводство, прося ихъ обывателей не отрываться отъ общаго единства и указывая значеніе послѣдняго для утвержденія правъ и вольностей[1]). Писалъ Виленскій съѣздъ и „до пановъ Поляковъ“, напоминая имъ принятый подъ присягою „звязокъ Уніи“ и требуя, чтобы они безъ представителей Великаго Княжества Литовскаго не совершали коронаціи; если они такъ поступятъ, то все это будетъ нарушеніемъ Уніи и правъ государства Литвы, чего оно не допуститъ[2]). Кромѣ того Виленскій съѣздъ писалъ и къ обоимъ

---

[1]) „И для того писали есмо листы наши до тое брати нашое, просечи и напоминаючи ихъ милость, абы, упатруючи добро речы посполитой а своихъ приват постерегаючи, з нами сполне, до одного пана зъгодне и за присеженемъ, примноженемъ правъ и волностей нашихъ, не въ розерванью, але въ згоде зезволивши се, до одного номината приступовали и на одного се пана зъгодили, который бы намъ не кгвалтомъ, але доброволне, за згодою всихъ, для розмноженя тыхъ панствъ и стверженя правъ и вольности нашихъ намъ пановати могъ. Въ которыхъ листехъ и то есмо доложыли, абы ихъ милость не рачили се зъсквапять и намъ, брати своей, упережать до жадного съ тыхъ номинатовъ, але абы ихъ милость з нами се зъехали на часъ, зъезду назначоный, и, где бы ихъ милость того учинити не хотели, тогды быхмо инакъ о ихъ милости не розумели, одно ижъ вся чинять не для доброго речи посполитое, але для своего пожытку и для своихъ приват, зачимъ бысмо ихъ мусили розуметь за немилосными речи посполитое и за ломцы правъ и вольностей нашихъ, противо которымъ, яко противо непріятелемъ отчизны, повстати на ихъ вечьную зъгубу и сказу мусели бысмо“.

[2]) „Якожъ и до пановъ Поляковъ, брати нашое, писали есмо и послали такимъ же способомъ, напоминаючи ихъ милость, абы, помнечи на звязокъ Уніи, который намъ утвердили и приреченемъ хрестіянскимъ, верою, сумненемъ, присегою и почтивостю своею, жадного съ тыхъ номинатовъ безъ насъ не короновали и до короны безъ позволеня и ведомости ихъ милости пановъ сенаторовъ нашихъ, за которыхъ ключами и печатми коро-

„номинатамъ“, настаивая на томъ, чтобы они не въѣзжали въ Польшу и не позволяли себя короновать безъ согласія „всихъ обывателевъ Великого Князьства Литовского“. Признаніе Сигизмунда или Максимиліана должно быть рѣшено государствомъ Литвы единодушно, безъ малѣйшаго раздвоенія. Чтобы достигнуть этого, октябрьскій Виленскій съѣздъ назначаетъ на 8 ноября въ Вильнѣ новый государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго. На него приглашаются всѣ обыватели государства Литвы прибыть „особами своими“, а не посылать лишь своихъ повѣтовыхъ пословъ. Это нужно для предупрежденія возможности всякаго „розерванья“ и уклоненія отъ имѣющихъ быть принятыми рѣшеній. Рѣшенія же эти будутъ касаться не только выбора между Сигизмундомъ и Максимиліаномъ. На ноябрьскомъ съѣздѣ, говорятъ его созывающіе, „хотели бысмо о всихъ а всихъ речахъ, которые доброго речи посполитое належать, мовить и становить, и вси урезы въ речи посполитой и што се кольвекъ зъ волностей нашихъ выступило и въ нихъ нарушило направить и, пану пришлому до присеги подавши, о выконане просить“. Иными словами, ноябрьскій съѣздъ долженъ будетъ выработать условія признанія Великимъ Княжествомъ Литовскимъ новаго монарха. Свобода установленія этихъ условій предстоящимъ съѣздомъ ничѣмъ не ограничена. Общая ихъ программа — закрѣпленіе правъ и вольностей Великаго Княжества Литовскаго. Въ эту программу, конечно, долженъ былъ войти и вопросъ объ утвержденіи статутовой „поправы“, уже принятой повѣтовыми сеймиками и государственными съѣздами Литвы. Но нѣкоторые вопросы октябрьскій универсалъ все-таки считаетъ нужнымъ особенно выдвинуть, надо думать, какъ еще недостаточно обсужденные раньше на сеймикахъ и съѣздахъ. Это — 1) организація государственнаго скарба Великаго Княжества Литовскаго, 2) назначеніе на вакантныя должности ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ и 3) вопросъ объ утвержденіи перемирія съ Москвою. Кромѣ того, по инициативѣ многихъ шляхтичей изъ раз-

---

на ховаеть се и рушона быть не маеть, ажъ за позволенемъ радъ Короныхъ и всихъ становъ, не отвирали и ее не рушали, оповедаючисе имъ въ томъ: где бы тое учинили, тогды бы то все противо звязку Уніи и присежене свое чинили, зачимъ бы ламане правъ и волностей нашихъ было, до чого нижли быхмо мели дочекать, мели бысмо горлъ и маетностей своихъ позбыть“.

ныхъ воеводствъ, на предстоящемъ съѣздѣ будутъ обсуждаться вопросы „около порядку справедливости", т. е. касающіеся суда.

Таковы постановленія октябрьскаго Виленскаго съѣзда, опубликованныя имъ въ универсалахъ отъ 11 октября 1587 года. Задачи, которыя онъ старался разрѣшить, совершенно ясны. Это — установленіе полнаго единства въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ по отношенію къ признанію одного изъ двухъ избранныхъ Польшею монарховъ и къ опредѣленію требованій, исполненіемъ которыхъ это признаніе должно быть оплачено. Сами эти требованія касались исключительно обезпеченія интересовъ государства Литвы, его внѣшней безопасности и его государственныхъ правъ въ федераціи съ Польшею, закрѣпленныхъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ Изучая основные законы послѣдняго, мы видѣли отношеніе ихъ къ постановленіямъ Люблинской Уніи. То же отношеніе замѣчается и въ намѣченномъ для внесенія на созываемый ноябрьскій Виленскій съѣздъ вопросѣ о назначеніи опредѣленныхъ лицъ на вакантныя должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Эти лица должны быть его „обывателями", „тубыльцами" и „заслужоными"[1]), т. е. обывателей Польской Короны въ числѣ ихъ быть не должно. Постановленія Третьяго Статута, такимъ образомъ, подлежатъ приведенію въ исполненіе. Таково одно изъ условій для признанія того или другого изъ „номинатовъ" великимъ княземъ Литовскимъ.

---

[1]) „Къ тому тежъ и о томъ же радить умыслили есмо, яко бы вряды вси дворные и земскіе, которые бы одно ваковали, людемъ зацнымъ и въ речи посполитой заслужонымъ, обывателемъ Великого Князьства Литовского, на томъ зъезде назначоны были, абы есмо вси згодне были поперети причинами своими могли, абы тымъ особамъ, которыхъ мы на тые вряды назначимъ и менуемъ, за причиною насъ всихъ, а не кому иншому, за приватною якою толко причиною, роздаваны были; а то для того, абы панъ, знова людей незнаемый и неведомый заслугъ ихъ, людей зацныхъ, учьтивыхъ а заслужоныхъ въ речи посполитой не занехалъ, а иншимъ якимъ особамъ, або не тубылцомъ, або тежъ новаслужачимъ, за практиками не роздалъ, зачимъ бы собе великую немилость у всихъ зъеднати могъ и далъ бы побудку другимъ, абы практыкъ ужывали, ними урядовъ набывали, а не отчизне служыли, бо, где бы такому иншому дано было, а не тымъ, кому речь посполитая назначить, тогды бы се значило, ижъ тые вси перъвей то собе зеднали, нижъли панъ былъ обранъ, и для того жъ упереженя до тыхъ номинатовъ чинили".

Текстъ „листовъ“, посланныхъ каждому изъ „номинатовъ“, сохранился въ Литовской Метрикѣ[1]). Въ этихъ листахъ указывалось, что Великое Княжество Литовское „iednakie wolne i rowne obiranie pana ma z narcdem Polskim“, въ виду чего „номинатъ“ не долженъ возлагать на себя королевскаго вѣнца безъ его позволенія. Государство Литвы, своими оффиціальными сообщеніями, поставило въ извѣстность Сигизмунда и Максимиліана, а также и Польшу о своемъ непризнаніи ни одного изъ „номинатовъ“ до исполненія предъявляемыхъ имъ требованій.

Когда, 8 ноября 1587 года, собрался въ Вильнѣ новый государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, ему пришлось считаться съ еще болѣе осложнившимся положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ. И Максимиліанъ, и Сигизмундъ уже прибыли въ ея предѣлы, и ни одинъ изъ нихъ не отказывался отъ избранія. Оба они старались склонить на свою сторону Великое Княжество Литовское черезъ свои письменныя обращенія и посольства къ его „станамъ“, и ноябрьскому Виленскому съѣзду въ первую очередь нужно было выработать свой отвѣтъ „номинатамъ“, просившимъ у государства Литвы соизволенія („зезволеня“) на свое „панованье“. Виленскій съѣздъ не призналъ возможнымъ вступать въ дальнѣйшую переписку съ Сигизмундомъ и Максимиліаномъ, которыхъ онъ считалъ лишь „кандыдатами“ на престолъ Польско-Литовской федераціи, не получившими еще законнаго избранія. Онъ просто указалъ имъ на своихъ пословъ, которыхъ собравшіеся на Виленскомъ съѣздѣ „именемъ всее речи посполитое Великого Князьства Литовского до обу-двухъ кандыдатовъ выправили“ и которымъ „поручили, абы ихъ милость именемъ Великого Князьства Литовского з кандыдаты такъ поступили, яко было з наиучстившымъ и напожитечнейшимъ Великого Князьства Литовского“, согласно письменной инструкціи, данной имъ Виленскимъ съѣздомъ. Въ составъ этого посольства были избраны: изъ пановъ-рады — Виленскій епископъ, кардиналъ Юрій Радивилъ, Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ, Троцкій воевода Янъ

[1]) Записей Литовскихъ 65, л. 238 об. На л. 239 той же книги Метрики находится заголовокъ „Respons od Kroliewicza iego m. Szwedzkiego“, а на листѣ 239 об. заголовокъ „Respons od Arc. iego m. Maximiliana“, но самые тексты этихъ отвѣтовъ не вписаны въ книгу (послѣ заголовковъ оставлено по чистой страницѣ).

Глѣбовичъ, каштелянъ Троцкій Николай Криштофъ Радивилъ и Новгородскій воевода Николай Радивилъ; изъ „кола рыцерского“, т. е. изъ шляхты, — Литовскій мечникъ Димитрій Халецкій, воеводичъ Полоцкій Криштофъ Монвидъ Дорогостайскій, воеводичъ Смоленскій Остафій Тишкевичъ, староста Лидскій Янъ Абрамовичъ, пробощъ Троцкій и кустошъ Виленскій Бенедиктъ Война, господарскій писарь Геліяшъ Пелгримовскій, Янъ Тризна, князь Өеодоръ Масальскій (Городенскій маршалокъ), князь Юрій Друцкой Соколинскій (Витебскій подкоморій), господарскій секретарь Фронцъ Градовскій, Городенскій подкоморій Николай Сапѣга, Адамъ Роскій, Василій Зенковичъ Тихинскій, князь Жигимонтъ Гедройть, дворный хоружій Николай Карачонъ, Станиславъ Бѣлозоръ, Григорій Макаровичъ, конюшій Троцкій Петръ Визгердъ, Янъ Волчко, Янъ Длускій. Кромѣ этихъ лицъ въ составъ посольства были назначены еще два шляхтича, для вписанія именъ которыхъ при внесеніи пересказываемаго нами документа въ книгу Литовской Метрики были оставлены два чистыхъ мѣста[1]).

Въ составъ избраннаго ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ посольства къ „кандидатамъ“, такимъ образомъ, вошли пять Литовскихъ сенаторовъ и двадцать два представителя шляхты государства Литвы. Обращаетъ на себя вниманіе обиліе представителей дома Радивиловъ обѣихъ его тогдашнихъ вѣтвей, т. е. Несвижской и Биржанской, въ составѣ этого посольства. Естественно думать, что, избирая ихъ въ него, Виленскій съѣздъ не только считался съ ихъ вліятельностью, но имѣлъ въ виду и разрушеніе утвержденій партіи Зборовскихъ и эрцгерцога Максимиліана, которая объявляла Радивиловъ своими сторонниками и использовала ихъ имя для своей агитаціи. Что касается шляхетскихъ представителей, вошедшихъ въ составъ посольства, то ихъ число, двадцать два, указываетъ на желаніе съѣзда имѣть въ этомъ посольствѣ представителей всѣхъ двадцати двухъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. На ноябрьскомъ Виленскомъ съѣздѣ было достигнуто полное единомысліе „народа“ цѣлаго государства Литвы. Посольство представляло этотъ „народъ“ весь.

Своему посольству къ „номинатамъ“ ноябрьскій Виленскій съѣздъ поручилъ рѣшить дѣло съ „кандыдатами“ отъ имени

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 150.

государства Литвы съ наибольшими для послѣдняго почетомъ и пользою, согласно данной съѣздомъ „отъ всихъ становъ“ письменной инструкціи. Посольству этому Виленскій съѣздъ далъ полномочіе принимать рѣшенія, во время предстоящихъ ему переговоровъ и дѣйствій, именемъ Великаго Княжества Литовскаго[1]). Такимъ образомъ, его рѣшенія не будутъ нуждаться въ утвержденіи „становъ“ государства Литвы. Съ которымъ бы изъ претендентовъ и на какихъ бы условіяхъ это посольство ни договорилось, его рѣшеніе и договоръ уже напередъ имѣютъ санкцію цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго. Но получившіе такія громадныя полномочія послы ноябрьскаго Виленскаго съѣзда могутъ оказаться, при исполненіи даннаго имъ порученія, въ затрудненіи. Предвидѣть обстановку, въ которой имъ придется дѣйствовать, было нельзя. Поэтому было необходимо создать для нихъ возможность совѣщанія съ государственнымъ съѣздомъ Великаго Княжества Литовскаго, который одинъ имѣетъ власть допустить тѣ или другія отступленія отъ инструкціи, выработанной для посольства ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ, если это окажется неизбѣжнымъ. Въ виду этого, ноябрьскій Виленскій съѣздъ на 30 декабря 1587 года созвалъ повѣтовые сеймики въ государствѣ Литвы, которые должны будутъ избрать своихъ пословъ, готовыхъ ѣхать съ неограниченными полномочіями на съѣздъ въ Берестье, если этотъ съѣздъ признаетъ нужнымъ созвать посольство ноябрьскаго съѣзда, отправляющееся къ обоимъ претендентамъ.

Но необходимо было предвидѣть и возможность такого положенія дѣлъ, при которомъ Великому Княжеству Литовскому потребуется защита его безопасности и правъ силою оружія. Поэтому ноябрьскій Виленскій съѣздъ сдѣлалъ распоряженіе о мобилизаціи всего земскаго войска государства Литвы, т. е. о готовности „на потребу военную“ всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, „никого съ того не выймуючи“

---

[1]) „Чого всего поверили есмо цноте [и] вере ихъ милости з моцю зупolною становить то все именемъ Великого Князьства Литовского, певни того будучи за обетницою ихъ милости, ижъ, маючи передъ очима повинность свою ку отчизне милой, будуть се такъ заховати въ томъ всемъ, яко добримъ сторожомъ и милостникомъ речи посъполитое належить“. Тамъ же, стр. 150-151.

изъ обязанныхъ служить земскую военную службу, „водлугъ звыклости своей, конно, збройно". Если посольство, отправляющееся къ претендентамъ, признаетъ въ томъ надобность, оно извѣститъ „станы" государства Литвы. То же сдѣлаетъ и Литовскій гетманъ. Въ такомъ случаѣ всѣ будутъ обязаны двинуться въ боевой готовности и прибыть на мѣсто и въ срокъ, назначенные гетманомъ государства Литвы. Задача, которая будетъ предстоять земскому войску Великаго Княжества Литовскаго — защита его „отчизны" и поддержка одного изъ кандидатовъ на престолъ[1]).

Подтверждая постановленіе январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года о чрезвычайныхъ, каптуровыхъ судахъ времени настоящаго безкоролевья, ноябрьскій съѣздъ отсрочиваетъ разсмотрѣніе этими судами дѣлъ членовъ посольства къ претендентамъ, а также и ихъ слугъ, до возвращенія ихъ изъ возложенной на нихъ поѣздки. Для содержанія посольства во время его путешествія устанавливается податокъ съ господарскихъ имѣній Великаго Княжества Литовскаго, который долженъ быть внесенъ воеводами, старостами, державцами, тіунами и лѣсничими земскому подскарбію государства Литвы до начала 1588 года.

Воеводу Виленскаго Криштофа Радивила, бывшаго одновременно и гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, ноябрьскій Виленскій съѣздъ упросилъ войти въ составъ посольства къ претендентамъ. Но опасности настоящаго времени требуютъ, чтобы въ „столицѣ" находился авторитетный панъ-рада въ качествѣ замѣстителя Виленскаго воеводы. Поэтому ноябрьскій

---

[1]) „зъгодне есмо на семъ зъезде Виленскомъ постановили и то выполнити повинни будемъ, шлюбуемъ и обецуемъ, абы вси обыватели Великого Князьства Литовского поготовю были, яко на потребу военную, никого съ того не выймуючи, которій бы одно службу земскую военную служити былъ повиненъ, водлугъ звыклости своей, конно, збройно — для того, ижъ, еслибы ихъ милость панове послове нашы, обачившы якую небезпечность а бачечи того быть потребу, зъгодне намъ о томъ черезъ листы, такъ же и его милость панъ гетманъ нашъ Великого Князьства Литовского черезъ листы свои ознаймить рачили, тогды за ознайменемъ ихъ милости повинни будуть вси, яко на кгвалтовную потребу речи посполитое, противъ кождому непріятелю отчизны нашое, такъ же и на подпартье которого кандыдата, была бы того потреба, рушити се и тегнути на тотъ часъ и местцо, яко черезъ листъ пана гетмана Великого Князьства Литовского ознаймено будеть". Тамъ же, стр. 151.

съѣздъ, съ согласія Криштофа Радивила, такимъ его временнымъ замѣстителемъ назначилъ земскаго подскарбія Теодора Скумина. Но Криштофъ Радивилъ, если признаетъ это нужнымъ для безопасности столицы, можетъ во всякое время прервать свое участіе въ посольствѣ и вернуться въ Вильну[1]).

Такимъ образомъ, ноябрьскій Виленскій съѣздъ 1587 года возложилъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ для Великаго Княжества Литовскаго съ признаніемъ имъ одного изъ избранныхъ монарховъ, на чрезвычайное посольство, а для поддержки рѣшеній привелъ въ боевую готовность земское войско государства Литвы. Посольство это должно было дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Послѣдней требовали не только исключительная серьезность положенія дѣлъ въ Польшѣ и крайняя отвѣтственность порученія, возложеннаго на своихъ пословъ ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ. Въ составъ посольства входили именно тѣ радные паны, которые представляли собою основное ядро правительства Великаго Княжества Литовскаго въ то время, а именно Виленскіе бискупъ и воевода и Троцкіе воевода и каштелянъ. Если принять въ расчетъ, что урядъ Виленскаго каштеляна былъ въ то время вакантенъ за смертью скончавшагося въ концѣ 1587 года Евстафія Воловича, то оказывается, что всѣ паны-рада „старшіе“, за исключеніемъ старосты Жомойтскаго, находились въ составѣ посольства къ претендентамъ. Кромѣ того, Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ былъ одновременно и великимъ гетманомъ государства Литвы. Такой составъ радныхъ пановъ, находившихся въ посольствѣ, не позволялъ ему рисковать слишкомъ поспѣшнымъ выѣздомъ изъ предѣловъ Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу, въ которой уже происходила междуусобная война за кандидатуры Максимиліана и Сигизмунда. Посольство государства Литвы, оказавшись въ одномъ изъ двухъ военныхъ лагерей Польши, могло быть лишено не только свободы дѣйствій, но и возможности остаться въ непосредственномъ общеніи съ „народомъ“ Великаго Княжества Литовскаго. Это представлялось тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ такомъ случаѣ государство Литвы оказалось бы лишеннымъ и основного ядра своего правительства, и главнокомандующаго своими вооруженными силами.

---

[1]) Весь текстъ универсала Виленскаго съѣзда отъ 17 ноября 1587 года — тамъ же, стр. 149-155.

Въ виду всего этого, полномочное посольство ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года мѣстомъ своего пребыванія до окончательнаго выясненія общей обстановки въ Польшѣ избрало Берестье, находившееся недалеко отъ Польской границы. Мы видѣли выше, что именно въ этомъ городѣ долженъ бы былъ собраться и новый государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, еслибы онъ былъ признанъ необходимымъ. Посольство вступило въ сношенія съ обоими „номинатами" и 24 декабря 1587 года издало въ Берестьѣ универсалъ по Великому Княжеству Литовскому[1]) съ отчетомъ о своей дѣятельности и съ изложеніемъ условій, съ которыми оно отправило часть своего состава въ Краковъ къ Сигизмунду Вазѣ. Во главѣ этихъ депутатовъ посольства былъ поставленъ Троцкій воевода Янъ Глѣбовичъ вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему Литовскимъ подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Послѣдній не былъ избранъ въ составъ посольства ноябрьскаго Виленскаго съѣзда. Но онъ, естественно, представлялся необходимымъ участникомъ переговоровъ съ „номинатомъ". Послѣ смерти Евстафія Воловича урядъ канцлера государства Литвы еще не былъ замѣщенъ, и Левъ Сапѣга оставался единственнымъ „печатаремъ", могущимъ закрѣпить приложеніемъ государственной печати Великаго Княжества Литовскаго тѣ документы, составленіе и выдача которыхъ потребуются при признаніи государствомъ Литвы одного изъ „номинатовъ" своимъ монархомъ. Въ перечнѣ условій, съ которыми были отправлены депутаты посольства ноябрьскаго Виленскаго съѣзда къ Сигизмунду Вазѣ, стоитъ и слѣдующее: „aby rozsądek o ziemie Inflanskei vczynił, exorbitantie s pany Polyaki theraz na thym seymie coronatiey" удовлетворилъ бы, „Statut nowopoprawyony aby był powynien widacz i zmocznicz, Tribunał utwierdzicz"[2]). Если эти и другія предъявляемыя требованія Великаго Княжества Литовскаго Сигизмундъ исполнить откажется, оно порветъ съ нимъ переговоры и перейдетъ на сторону Максимиліана[3]).

[1]) „Uniwersał w Brzesciu postanowiony". Лит. Метрика, Записей Лит. 65, л. л. 257-258.

[2]) Лит. Метрика, тамъ же, л. 257 об.

[3]) „A iesliby wyecz krolyewicz iego m. praw i wolnosci naszich poprzisiącz nie chcział, exorbitantiy naprawicz, pokoy zamerzecz z Moskwą, thedy wsisczi in genere onego za pana prziznacz nye mamy, alye zarasz do Arczixiązęczia iego m. Maximiliana szię vdacz i tham iusz przilącziwszy ssie przestawacz". Тамъ же.

До возвращенія Глѣбовича и Сапѣги съ остальными депутатами универсалъ предписываетъ обывателямъ государства Литвы не устраивать никакихъ съѣздовъ и спокойно ожидать этого возвращенія.

Въ Литовскую Метрику внесенъ и самый текстъ инструкціи, данной Глѣбовичу съ Сапѣгою и другими депутатами посольствомъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда къ „номинатамъ". Въ началѣ этой инструкціи стоитъ: „Naprzod aby prawa y wolnosci, swobody i prziwileia nasze poprzisiągł według przisięgi krolya Hendrika i Stephana, dokładaiącz wsendzie aby biło — et Mag. Duc. Lith.[1]). Druga — aby pokoy, zastanowiony z Moskwą, trzimacz bił powinien do liath piethnascu a interea, gdzieby Moskiewsky od nas chczial bicz wdzieczen abo i sam thego szukał, aby z nym pokoy wyeczny zastanowycz bił powynien. Trzecia — aby rossądek o ziemie Inflanską vczinił i exorbitancie s Polyaky therasz na thim seymie koronatii. Czwarta — aby Statut nowoprawyony aby bił powynien wydacz i on zmocznicz. Piatha — Tribunał stwyerdzicz"[2]). Такимъ образомъ, передъ нами совершенно ясное и неоспоримое указаніе документальнаго источника на то, что требованіе утвержденія Третьяго Литовскаго Статута являлось однимъ изъ условій, предъявленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ Сигизмунду Вазѣ для признанія его своимъ монархомъ.

Когда Глѣбовичъ съ Сапѣгою и другими депутатами посольства ноябрьскаго Виленскаго съѣзда прибыли въ Краковъ, положеніе Сигизмунда Вазы далеко еще не было упроченнымъ. Правда, онъ уже съ 9 декабря находился въ Краковѣ. Но Максиміліанъ и его сторонники отнюдь не отказывались отъ вооруженной борьбы съ нимъ и располагали для нея достаточно сильнымъ войскомъ. Трудность положенія Сигизмунда была настолько велика, что онъ даже думалъ объ отказѣ отъ своего избранія и о возвращеніи въ Швецію. Въ расчетѣ закрѣпить положеніе Сигизмунда на престолѣ, его сторонники выдвинули мысль о возможно скорѣйшемъ короновании. Созна-

[1]) Т. е. требованіе того, чтобы въ общемъ текстѣ утвержденія новымъ монархомъ правъ рядомъ съ упоминаніемъ Польской Короны непремѣнно стояло бы и упоминаніе Великаго Княжества Литовскаго, какъ равноправнаго съ Польшею государства федеративной Речи Посполитой.

[2]) Дальше слѣдуютъ другія требованія. Тамъ же, л.л. 258-259.

валась ясно опасность положенія при непризнаваніи Сигизмунда частью Польши и цѣлою Литвою[1]). Коронованіе должно произвести на непризнававшихъ его свое впечатлѣніе и побудить ихъ перейти на его сторону. 28 декабря 1587 года коронація Сигизмунда совершилась. Но расчеты на ея впечатлѣніе далеко не вполнѣ оправдались. Если дѣйствительно число сторонниковъ Сигизмунда въ Польшѣ нѣсколько и увеличилось, то Великое Княжество Литовское по-прежнему совершенно опредѣленно не признавало новаго монарха, пока не будутъ исполнены его требованія, выработанныя ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года. Совершеніе коронаціи безъ согласія государства Литвы, наоборотъ, еще болѣе усилило его недовольство Польшею, такъ какъ въ немъ оно видѣло новое нарушеніе своихъ правъ въ федераціи съ Польскою Короною. Отъ своихъ требованій, закрѣплявшихъ эти права, Великсе Княжество Литовское не могло отказаться. Исполненіе ихъ оно по-прежнему ставило непремѣннымъ условіемъ своего признанія Сигизмунда.

Іоахимъ Бѣльскій разсказываетъ, что во время коронаціи Сигизмунда въ Краковѣ находились послы Литовскихъ пановъ, хотя они еще и не соглашались признать новаго монарха. Въ качествѣ этихъ пословъ Бѣльскій называетъ Жомойтскаго епископа Мальхера Гедройтя, Жомойтскаго старосту, т. е. Яна Кишку, и Минскаго воеводу Николая Сапѣгу[2]). Возможно думать, что эти три радныхъ пана были отправлены въ Краковъ посольствомъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда для предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ этомъ го-

[1]) „Pericula praesentissima reipublicae commemorare: cum a nostris, quorum imprimis Lithuani, nondum adjuncti essent, praeterea vero per omnes Regni partes, qui ab electione Regia dissentirent, non pauci reliqui adhuc essent: tum a Maximiliano, qui Regni aemulus, ne nunc quidem adhuc, quamvis armis a Cracovia rejectus, Sigismundum Cracoviae esse sciret, ex Regno tamen excessisset, non proculque a Cracovia castra adhuc haberet: periculis hisce, nulla alia ratione, quam matura Regis inauguratione, occurri posse, Archiepiscopus, maxime exemplo Stephani Regis, docere conabatur". Heidenstein, op. c., p. 278 (a).

[2]) Bielski Sob., str. 83. Гейденштейнъ сообщаетъ: „jam ab initio quidem comitiorum Episcopus Samogitiae, et Ioannes Kiska, Eustachius Wolovicius, qui sine simulatione partes Sigismundanas sequebantur, ad Regem venerant, ab initioque comitiis intererant" (Heidenstein, op. c., p. 284). Въ это сообщеніе Гейденштейна, конечно, вкралась неточность, ибо Евстафій Воловичъ въ 1587 году умеръ.

родѣ раньше, чѣмъ туда будутъ имъ посланы полномочные его депутаты, какими и были Глѣбовичъ, Левъ Сапѣга и ихъ сотоварищи. Предполагать отдѣленіе Жомойтскихъ епископа и старосты вмѣстѣ съ воеводою Минскимъ отъ единства Великаго Княжества Литовскаго, достигнутаго ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года въ вопросѣ о „номинатахъ", невозможно. Епископъ Мальхеръ Гедройть являлся настолько опредѣленною и яркою личностью, что одно его участіе въ составѣ пословъ даетъ указаніе на невозможность какихъ-либо сепаратныхъ цѣлей, которыя могло бы преслѣдовать это посольство. Епископъ Гедройть былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Великаго Княжества Литовскаго, неизмѣнно и постоянно стоявшихъ на стражѣ его государственныхъ правъ и значенія[1]). Отдѣлиться отъ ясно выраженной воли цѣлаго государства Литвы ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ.

Уполномоченными посольствомъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года для веденія именемъ Великаго Княжества Литовскаго переговоровъ съ Сигизмундомъ Вазою объ его признаніи государствомъ Литвы были Янъ Глѣбовичъ и Левъ Сапѣга съ находившимися при нихъ представителями шляхты. Бѣльскій говоритъ, что это были ксендзъ Бенедиктъ Война, Литовскій мечникъ Димитрій Халецкій, Гаврила Война и еще нѣсколько человѣкъ[2]). Нѣмцевичъ, пользовавшійся въ своемъ трудѣ „Dzieje panowania Zygmunta III" дневникомъ коронаціоннаго сейма, пишетъ, что въ составѣ Литовскихъ депутатовъ, ведшихъ переговоры о признаніи Сигизмунда, были Троцкій воевода Глѣбовичъ, староста Жомойтскій Кишка, Жомойтскій каштелянъ Тальвошъ, два Сапѣги, а именно Минскій воевода и Литовскій подканцлеръ, и немало представителей шляхты Великаго Княжества Литовскаго[3]). Естественно думать, что уже раньше находившіеся въ Краковѣ нѣсколько радныхъ пановъ

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 446.

[2]) Bielski Sob., str. 85. Гаврилы Войны нѣтъ въ спискѣ посольства ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, который былъ приведенъ нами выше по универсалу этого съѣзда отъ 17 ноября. Но, какъ мы видѣли, въ этомъ универсалѣ не было обозначено именъ двухъ представителей шляхты. Одно изъ этихъ именъ и могло быть именемъ Гаврилы Войны.

[3]) „Chlebowicz wojewoda trocki, Kiszka starosta żmudzki, Talwosz kasztelan żmudzki, dwaj Sapiehowie, wojewoda miński i podkanclerz lit., z

государства Литвы присоединились къ депутатамъ посольства ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, когда послѣдніе прибыли въ этотъ городъ.

Сигизмунда Вазу въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ' внѣ всякаго сомнѣнія, вообще считали болѣе желательнымъ монархомъ, чѣмъ эрцгерцога Максимиліана. Мы уже видѣли, что на элекціонномъ сеймѣ 1587 года это было высказано Литовскимъ подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Но выше симпатій къ личности того или другого изъ „электовъ" Польши для государства Литвы стояло выполненіе требованій, которыя оно предъявило къ нимъ для признанія своимъ монархомъ. Это отчетливо выступаетъ и въ дошедшей до насъ перепискѣ дѣятелей того времени. Такъ, Житомирскій староста Симонъ Дениска Матвѣевскій писалъ отъ 1 января 1588 года Брацлавскому подкоморію Лаврину Пясочинскому: „Милостивый пане подкоморий! Службы мои приятельскии залецаю ласце вашой милости. За тые новины вамъ вельце дякую, яко вижу, же ихъ милость панове Литовские не збудуть его милость королевича Шведского, жебы королемъ не мелъ быть; и нашымъ бы нетреба се въ непотребные речи вдавать, только абы мы при вольностяхъ и правахъ своихъ остали"[1]). Волынь въ ту пору далеко еще не разорвала своихъ связей съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, хотя и была отъ него оторвана къ Польшѣ въ 1569 году. Многіе обыватели Волынской земли владѣли имѣніями въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго и, наоборотъ, обыватели послѣдняго были землевладѣльцами на Волыни. И не только самый вопросъ объ утвержденіи на престолѣ Речи Посполитой того или другого изъ претендентовъ, для разрѣшенія котораго имѣло такое большое значеніе рѣшеніе Великаго Княжества Литовскаго, но и связи

---

stanu też rycerskiego posłów niemało". J. U. Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego, tom I, str. 83. Цитируемъ по Краковскому изданію 1860 года (Казимира Іосифа Туровскаго).

[1]) Zródła do dziejów polskich, wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego, tom II (Wilno, 1844), str. 345. Въ этомъ изданіи письмо Матвѣевскаго напечатано латиницею. Въ нашей цитатѣ въ текстѣ мы возстановили письмо его русскаго оригинала.

съ послѣднимъ Волыни заставляли ея обывателей горячо интересоваться этимъ рѣшеніемъ.

По отношенію къ Сигизмунду Вазѣ, уже коронованному Польшею, Великое Княжество Литовское въ декабрѣ 1587-го и въ январѣ 1588-го годовъ заняло такое положеніе, какъ и въ 1576 году по отношенію къ Стефану Баторію. Оба они были избраны и коронованы одною Польшею, безъ участія государства Литвы. Для признанія своимъ монархомъ короля Стефана Великое Княжество Литовское поставило ему свои условія черезъ свое спеціальное посольство[1]). То же оно сдѣлало и по отношенію къ избранному и коронованному также безъ его участія Сигизмунду Вазѣ. Но въ 1576 году положеніе и государства Польши, и самого новаго короля было неизмѣримо болѣе благопріятнымъ, чѣмъ на рубежѣ 1587-го и 1588-го годовъ. Стефанъ Баторій былъ признанъ королемъ всею Польшею. Только Великое Княжество Литовское и Пруссія ему отказывали въ своемъ признаніи. Сама Польша тогда не была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря, которые вели бы вооруженную борьбу, какъ это было на рубежѣ 1587-го и 1588-го годовъ. Теперь Польскій народъ былъ раздѣленъ на двѣ части. Одна изъ нихъ признавала своимъ королемъ Сигизмунда, другая Максимиліана. Происходила гражданская война, въ которой оружіе должно было рѣшить вопросъ о томъ, кто изъ двухъ претендентовъ станетъ общепризнаннымъ королемъ Польши. Несмотря на то, что Сигизмундъ былъ уже коронованъ, Максимиліанъ не отказывался отъ своихъ правъ на престолъ, данныхъ ему его избраніемъ въ 1587 году. Положеніе Сигизмунда, хотя и коронованнаго, вовсе не было прочнымъ и обезпеченнымъ. Войско его сторонниковъ и войско сторонниковъ Максимиліана вели войну. Только побѣда одного изъ нихъ могла рѣшить дѣло, а шансы на нее были одинаковы у обѣихъ сторонъ. Судьба обоихъ претендентовъ всецѣло зависѣла отъ этой побѣды. А съ судьбою ихъ были связаны и интересы ихъ сторонниковъ, т. е. двухъ борющихся лагерей, на которые раздѣлилась Польша.

Коронаціонный сеймъ, правда, засѣдалъ въ Краковѣ. Но кто на немъ присутствовалъ? Современники его очень далеки отъ того, чтобы считать его составъ достаточно полнымъ. Гей-

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 338 и сл.

денштейнъ писалъ, что коронація Сигизмунда совершена была 28 декабря 1587 года архіепископомъ Станиславомъ Карнковскимъ, „senatorii equestrisque ordinis omnibus, qui aderant, praesentibus“[1]), т. е. въ присутствіи только тѣхъ, кто въ данное время находились въ Краковѣ. О полномъ составѣ сейма въ то время не могло быть и рѣчи, ибо часть сенаторовъ и шляхты Польши стояла за Максимиліана, а многимъ изъ сторонниковъ Сигизмунда нельзя было пріѣхать въ Краковъ потому, что на пути въ него находились войска Максимиліана. Рецессъ коронаціоннаго сейма говоритъ, что на этомъ сеймѣ не были „praesentes“ въ достаточномъ составѣ даже Коронные сенаторы[2]). Коронаціонный сеймъ 1587—1588 годовъ, по его составу, трудно признать правильно собраннымъ сеймомъ федеративной Речи Посполитой. Даже не вся Польша была на немъ представлена. Представителей Пруссіи не было. Но, что особенно важно, въ немъ не принимало участія государство Литвы. Отъ послѣдняго въ Краковѣ находилось только его посольство для веденія переговоровъ съ Сигизмундомъ Вазою. Оно не имѣло полномочій на сеймованье. „Спольнаго“ сейма Польско-Литовской федераціи тогда въ Краковѣ не было, потому что ни находившіеся въ этомъ городѣ въ небольшомъ числѣ сенаторы Великаго Княжества Литовскаго, ни нѣкоторое число его шляхтичей не имѣли права войти въ составъ коронаціоннаго сейма, открывавшаго царствованіе монарха, котораго государство Литвы еще не признало. Нельзя при этомъ забывать, что только такой посолъ повѣтовой шляхты могъ быть членомъ сейма, который былъ избранъ соотвѣтствующимъ сеймикомъ именно въ качествѣ сеймоваго посла и получилъ отъ сеймика „моцъ“, т. е. полномочія, и утвержденную сеймикомъ инструкцію. Для избранія сеймовыхъ пословъ повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго передъ коронаціоннымъ сеймомъ въ 1587 году не собирались и не могли собираться, ибо государство Литвы не признавало законности ни одной изъ Польскихъ

---

[1]) Heidenstein, op. c., p. 278 (b). Бѣльскій пишетъ, что при коронаціи Сигизмунда „było Senatorow dosyć y Posłowie Ziemscy“ (Bielski Sob., str. 83). Но, конечно, въ этихъ словахъ нельзя видѣть указанія на достаточно полный составъ коронаціоннаго сейма. Слово „dosyć“ тутъ указываетъ лишь на то, что сенаторовъ было нѣкоторое число, а о численности земскихъ пословъ не говорится вовсе.

[2]) Vol. Leg., II, p. 269, f. 1244.

„элекцій“ этого года. Кромѣ того, на сеймы отъ каждаго повѣта Великаго Княжества Литовскаго избирались по два посла, и число членовъ посольской избы „спольнаго“ сейма отъ государства Литвы должно было быть сорокъ четыре. Въ Краковъ же явились лишь нѣсколько Литовскихъ шляхтичей, притомъ безъ какихъ-либо полномочій для принятія участія въ сеймованьѣ. Сеймоваго представительства шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ Краковѣ не было, ни по его численному составу, ни по полномочіямъ, которыя были бы даны повѣтовыми сеймиками. Что касается сенаторовъ государства Литвы, то лишь около четверти ихъ полнаго состава оказалось въ Краковѣ на рубежѣ 1587-го и 1588-го годовъ. Но въ составъ коронаціоннаго сейма съ правами членовъ „спольнаго“ сената они войти не имѣли возможности, во-первыхъ, потому, что государство Литвы еще не признавало Сигизмунда Вазу монархомъ, а во-вторыхъ, потому, что они находились въ Краковѣ лишь по возложенному на нихъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ спеціальному порученію, а именно вести переговоры объ условіяхъ признанія Сигизмунда великимъ княземъ Литовскимъ.

Итакъ, въ Краковѣ во время коронаціоннаго сейма 1587—1588 годовъ членовъ его отъ Великаго Княжества Литовскаго не было. Въ этомъ городѣ находилось только посольство послѣдняго, уполномоченное вести отъ имени государства Литвы переговоры о признаніи Сигизмунда Вазы и, въ случаѣ успѣшности переговоровъ, провозгласить его монархомъ и Великаго Княжества Литовскаго, какъ равноправнаго съ Польшею государства Польско-Литовской федераціи. Въ томъ случаѣ, еслибы предъявленныя Сигизмунду Литовскимъ посольствомъ условія не были приняты, оно должно было вступить въ переговоры съ Максимиліаномъ о признаніи его на основѣ тѣхъ же условій, предъявляемыхъ отъ имени Великаго Княжества Литовскаго. Но вопросъ о принятіи условій государства Литвы Сигизмундъ Ваза, естественно, не имѣлъ возможности разрѣшить единолично. Единственною опорою его трона въ то время были сторонники его избранія, т. е. та Польская партія, которая его возвела на престолъ и доставила ему корону. Коронуя Сигизмунда, эта партія образовала и коронаціонный сеймъ въ составѣ тѣхъ Польскихъ сенаторовъ, которые къ ней принадлежали, и шляхетскихъ пословъ изъ тѣхъ частей Поль-

ши, которыя стояли за Сигизмунда. Своихъ рѣшеній по отношенію къ требованіямъ, предъявленнымъ ему отъ имени Великаго Княжества Литовскаго посольствомъ государства Литвы, Сигизмундъ принять не могъ безъ согласія коронаціоннаго сейма. Послѣдній долженъ былъ высказать свое къ нимъ отношеніе и долженъ былъ рекомендовать своему королю или ихъ принять, или отвергнуть, притомъ всѣ или нѣкоторыя изъ нихъ. Иными словами, коронаціонный сеймъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ выступить не въ значеніи органа законодательной власти Польско-Литовской Речи Посполитой, дающей законодательную санкц ю законопроектамъ, вносимымъ въ него каждымъ изъ государствъ федераціи, а въ значеніи авторитетнаго выразителя желаній корсновавшихъ Сигизмунда его сторонниковъ, которыя подлежали принятію къ исполненію ихъ королемъ.

Въ виду всего этого совершенно понятно, что Литовское посольство должно было вступить въ переговоры какъ съ самимъ Сигизмундомъ Вазою, такъ и съ коронаціоннымъ сеймомъ. По разсказу Нѣмцевича, который, какъ мы уже отмѣтили выше, въ своемъ изложеніи пользовался дневникомъ коронаціоннаго сейма, глава Литовскаго посольства, Троцкій воевода Глѣбовичъ, на первомъ пріемѣ у Сигизмунда, заявилъ протестъ противъ избранія и коронованія его безъ участія Великаго Княжества Литовскаго, при чемъ были сорваны печати съ хранилища короны и королевскихъ инсигній, которыя были нужны для совершенія обряда коронованія и которыя хранились не только за Польскими, но и за Литовскими печатями. Послѣ этого Глѣбовичъ сообщилъ Сигизмунду условія, предъявляемыя ему государствомъ Литвы для признанія его своимъ монархомъ[1]). Мы уже видѣли эти условія, сохраненныя Литовскою Метрикою. Видѣли, что въ числѣ ихъ было и утвержденіе Сигизмундомъ Третьяго Литовскаго Статута. Условія эти, внѣ всякаго сомнѣнія, должны быть признаны крайне тяжелыми для Польши. Да и для Сигизмунда лично одно изъ нихъ,

---

[1]) J. U. Niemcewicz, op. c., str. 83 („Na pierwszem posłuchaniu u króla, skarżył się imieniem Litwy Chlebowicz wojewoda, że elekcya i koronacya odprawiły się bez nich, że przy wyjmowaniu insygniów królewskich, w nieprzytomności ich poodrywano pieczęcie litewskie; czytał potem warunki....“).

а именно длительное перемиріе съ Москвою, представлялссь непріемлемымъ, ибо его отецъ, король Шведскій, предполагая воевать съ Московскимъ государствомъ, требовалъ отъ своего сына, чтобы онъ не связывалъ себя въ качествѣ короля Речи Посполитой никакими обязательствами сохраненія мира съ Москвою. Естественно, что переговоры Литовскаго посольства съ Сигизмундомъ и съ коронаціоннымъ сеймомъ затянулись. И новому королю, и его сейму было трудно принять Литовскія условія. Что же касается посольства Великаго Княжества Литовскаго, то оно совершенно сознательно затягивало переговоры. Война сторонниковъ Сигизмунда и Максимиліана еще не закончилась побѣдою той или другой стороны. Увѣренности въ томъ, что Сигизмундъ удержится на престолѣ даже одной Польши, не могло быть до этой побѣды. А если побѣдитъ Максимиліанъ, то всякій смыслъ достиженія соглашенія съ Сигизмундомъ для Великаго Княжества Литовскаго утрачивался, и переговоры ему придется вести съ Максимиліаномъ. Опорою для посольства государства Литвы въ переговорахъ его какъ съ Сигизмундомъ, такъ и съ Максимиліаномъ являлись приведенныя въ боевую готовность военныя силы Великаго Княжества Литовскаго. Онѣ должны будутъ выступить на поддержку того изъ претендентовъ на престолъ Речи Посполитой, котораго признаетъ своимъ монархомъ государство Литвы.

При такомъ положеніи дѣлъ, находившееся въ Краковѣ посольство Великаго Княжества Литовскаго должно было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы безъ всякаго замедленія получать извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, которыя тогда велись между войсками сторонниковъ Сигизмунда и Максимиліана. Особенно важнымъ представлялось беззамедлительное полученіе свѣдѣній объ исходѣ рѣшительной битвы между двумя войсками, которой время уже приближалось. Наконецъ эта битва произошла, у городка Бычины въ предѣлахъ Силезіи, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Кракова. Литовское посольство чрезвычайно умѣло организовало быструю доставку себѣ свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій. На всемъ пути отъ Бычины до Кракова оно поставило смѣны коней, при помощи которыхъ его вѣстникъ результатовъ битвы могъ въ кратчайшій срокъ прискакать въ Краковъ[1]). Это дало ему возможность

1) „Ex instituto autem in exercitu habebant, qui, quam primum praelium

узнать о пораженіи и плѣненіи Максимиліана Замойскимъ на цѣлые полтора дня раньше, чѣмъ вѣсть о томъ достигла до Сигизмунда, коронаціоннаго сейма и вообще поляковъ, находившихся въ Краковѣ[1]). Полученныя свѣдѣнія о битвѣ подъ Бычиной Литовское посольство хранило въ тайнѣ и чрезвычайно умѣло ихъ использовало въ интересахъ своего дѣла. Ничего не знающимъ еще о побѣдѣ Яна Замойскаго Сигизмунду и коронаціонному сейму его сторонниковъ оно пригрозило разрывомъ переговоровъ и „другими вещами", какъ разсказываетъ Гейденштейнъ[2]). Подъ послѣдними, конечно, надо понимать переходъ на сторону Максимиліана и поддержку его приведенными въ боевую готовность вооруженными силами Великаго Княжества Литовскаго. Эти угрозы не могли не возымѣть своего дѣйствія на Сигизмунда и коронаціонный сеймъ. Они должны были уступить и принять къ исполненію требованія, предъявленныя государствомъ Литвы для признанія имъ Сигизмунда. Гейденштейнъ пишетъ: „maxime de duabus rebus Lithuanis agebatur, de Livonia, quam ex aequo cum Regno partiri volebant; et juris sui confirmatione, quod ita sibi constituerant, ut inter alia, quae conditionibus Regni gravia viderentur, maxime Polonos omnes e Lithuania excluderent" [3]). Трудно не узнать Третьяго Литовскаго Статута, съ его основными законами, съ которыми мы ознакомились выше[4]), въ этихъ словахъ Гейденштейна, характеризующихъ „jura", представленныя посольствомъ Великаго Княжества Литовскаго на утвержденіе Сигизмунда Вазы.

Коронаціонный сеймъ оказался вынужденнымъ уступить требованіямъ Литовскаго посольства, предъявленнымъ Сигиз-

---

factum esset, de exitu ejus, per dispositos equos, illis significaret". Heidenstein, op. c., p. 284 (a).

1) J. U. Niemcewicz, op. c., str. 84. О битвѣ подъ Бычиной см. Konstanty Górski, O Koronę (bitwa pod Byczyną dnia 24 stycznia 1588 R.), Studyum wojenno-historyczne. Bibl. Warsz., tom I, styczeń 1888. Str. 1-32.

2) „Jtaque cum de victoria exercitus nostri omnium primi ipsi cognovissent; partim discessu, quem intentabant, partim aliis rebus terrendo, antequam nuntius victoriae vulgaretur, consensum in postulata sua Ordinum Polonicorum exprimunt: ipsique etiam mox, totius Lithuaniae nomine, juramentum Regi praestitere". Heidenstein, op. c., p. 284 (a).

3) Ibidem.

4) См. вторую главу.

мунду въ качествѣ условій признанія его монархомъ государства Литвы. Въ числѣ этихъ условій было и утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута. Въ законодательной санкціи коронаціоннаго сейма для своего кодекса Великое Княжество Литовское не нуждалось и едва ли признавало даже возможнымъ ее принять отъ сейма, созывъ котораго оно не могло считать законнымъ. Уже въ царствованіе короля Стефана въ государствѣ Литвы укрѣпилось пониманіе утвержденія Статута въ томъ смыслѣ, что оно принадлежитъ только монарху по представленію Великаго Княжества Литовскаго. Тотъ же порядокъ утвержденія кодекса закрѣпленъ и въ самыхъ законахъ Третьяго Литовскаго Статута. Что же касается права коронаціоннаго сейма 1587-го и 1588-го годовъ дать свою санкцію Литовскому кодексу, то не могло быть и рѣчи объ его признаніи государствомъ Литвы. Не признавая законности избранія и коронованія Сигизмунда, оно не могло признавать законно собраннымъ и коронаціонный сеймъ. На этомъ сеймѣ, кромѣ того, не было сеймовыхъ представителей Великаго Княжества Литовскаго, ибо его предсеймовые сеймики не были передъ нимъ созваны. Между тѣмъ, съ 1576 года уже дѣйствовало толкованіе акта Люблинской Уніи, въ оффиціальномъ актѣ данное королемъ Стефаномъ, въ томъ смыслѣ, что сеймы федеративной Речи Посполитой не имѣютъ власти дѣлать постановленій, касающихся каждаго изъ государствъ федераціи, безъ общаго согласія законнымъ образомъ созванныхъ ихъ сеймовыхъ представителей[1]).

27 января 1588 года Литовское посольство заявило, что, если Сигизмундъ и Польскій коронаціонный сеймъ не примутъ предъявленныхъ имъ условій Великаго Княжества Литовскаго, члены посольства покинутъ Краковъ, отказавъ въ признаніи Сигизмунда. Ничего еще не зная о побѣдѣ Замойскаго подъ Бычиною и опасаясь перехода государства Литвы на сторону Максимиліана въ тотъ моментъ, когда оружіемъ рѣшалась судьба только что коронованнаго новаго короля и его сторонниковъ, коронаціонный сеймъ, составленный изъ послѣднихъ, долженъ былъ признать себя вынужденнымъ уступить и принудить Сигизмунда сдѣлать то же. Когда соглашеніе было подписано, Литовское посольство именемъ своего государства

---

1) См. выше, часть первая, стр. 342.

принесло присягу Сигизмунду, а последнiй Великому Княжеству Литовскому[1]). Гейденштейнъ вынужденность согласiя коронацiоннаго сейма на условiя, предъявленныя Литовскимъ посольствомъ, выражаетъ такими словами: „cum et inviti ordines Regni ad conditiones eas, imprimis vero potiundae Livoniae, accederent....“[2]). Конечно, требованiе раздѣла Ливонiи не было прiятнымъ Польшѣ, хотя, какъ мы видѣли выше, о немъ уже состоялось соглашенiе 4 августа 1587 года на элекцiонномъ сеймѣ[3]). Но не менѣе тяжелымъ для Польской Короны являлось и требованiе утвержденiя Третьяго Литовскаго Статута. Iоахимъ Бѣльскiй о послѣднемъ пишетъ съ особою враждебностью, говоря о Литовскомъ посольствѣ и Литвѣ: „także wytraktowali na nas połowicę Inflant za to co Krola z nami nie obierali: y statut swoy nowy (ktory nawięcey na Polaki co tu z nimi mieszkaią uczynili) Krolowi do poprzysiężenia wtrącili. Ale że to iuż po Seymie Koronatiynym było, nie wiem iako ma być ważny, więc że go bez nas ukowali, gdyż y namnieyszey Constitucyey my bez nich na Seymie nie czyniemy“[4]).

Привилей, утверждающiй Третiй Литовскiй Статутъ, былъ выданъ Сигизмундомъ Вазою въ Краковѣ 28 января 1588 года.

---

[1]) Нѣмцевичъ объ этомъ пишетъ такъ, ссылаясь на рукопись дневника коронацiоннаго сейма: „Korzystali Litwini z wstrętu na te ich warunki i Polaków i króla, oporem i coraz nowemi żądaniami czas wycieńczając. Raz bowiem domagali się by całe Inflanty należały do Litwy, znów by im ustąpiono połowę tej krainy, działu zaś drugiej połowy, do przyszłego sejmu czekać obiecywali. Gdy się nakłaniano do zgody, nową kwestyą o Kurlandyą wrzucali; ciągnęły się mitrężne spory od 10 aż do 27 stycznia, gdy w dzień ten przyszli Litwini z oświadczeniem, że gdy król i stany na prośby ich względu mieć nie chcą, przymuszeni są wraz ich pożegnać i oddalić się do domów. Zdziwione tem nagłem postanowieniem stany koronne, troskliwe, by niezłożeniem przysięgi przez Litwę, nie osłabiła się prawność obrania Zygmunta, acz z wielką trudnością wymogły na królu, że na przedłużenie przymierza z Moskwą zezwolił, i że Inflanty za wspólną własność dwóch narodów uznane zostały. Po podpisanej ugodzie, jak najskwapliwiej Litwa wykonała przysięgę królowi, i Zygmunt także swobody jej zaprzysiągł. Ledwie się ten skończył obrządek, gdy przyszła wieść o zwycięstwie Zamojskiego i wzięciu Maxymiliana w niewolę. Wtenczas dopiero żałowali Polacy pokwapienia się swego z ugodą litewską; tem bardziej, gdy się dowiedzieli, iż w przebiegłości dali się Litwinom wyprzedzić“. J. U. Niemcewicz, op. c., t. I, str. 84.

[2]) Heidenstein, op. c., p. 284 (a).

[3]) Стр. 174-177.

[4]) Bielski Sob., str. 85-86.

Послѣ полнаго титула Сигизмунда III-го[1]) онъ гласитъ слѣдующее: „Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и кождому зособна, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ панове-рады и врядники наши, послы Великого Князьства Литовъского, на сойме вальномъ щасливое коронацыи нашое будучи, именемъ всихъ становъ обывателевъ Великого Князьства Литовъского подали намъ ку потверъженью Статутъ, то естъ порядокъ отправованья судовъ, черезъ депутаты, отъ становъ Великого Князьства Литовского и на соймикохъ поветовыхъ на то обраныхъ и высажоныхъ, поправленый, на сойме елекъцеи нашое подъ Варшевою прогледаный, просечы, абыхмо тотъ Статутъ, отъ нихъ новопоправленый, при иньшихъ правахъ и вольностяхъ ихъ привильемъ нашимъ потвердили и всимъ становъ Великого Князьства Литовъского выдати и ку ужываныо привести велели, указуючи намъ съ конъстытуций и уѳалъ соймовыхъ, жесмы то учинити повиньни". Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ привилея совершенно ясно обозначено, въ какомъ порядкѣ и кѣмъ былъ представленъ Статутъ Сигизмунду III-му на утвержденіе. Это сдѣлали паны-рада, урядники, послы Великаго Княжества Литовскаго именемъ государства Литвы. Урядники не были составною частью Польско-Литовскаго сейма, знавшаго при королѣ Польскомъ, великомъ князѣ Литовскомъ, лишь пановъ-раду (сенаторовъ) и земскихъ пословъ, какъ членовъ верхней и нижней палатъ его. Такимъ образомъ, въ привилеѣ говорится не о сеймующихъ на коронаціонномъ сеймѣ, а о чрезвычайномъ посольствѣ Великаго Княжества Литовскаго. То, что слово „послы" въ данномъ текстѣ не можетъ быть понимаемо въ значеніи обычныхъ сеймовыхъ пословъ, подтверждаетъ и латинскій текстъ того же привилея, въ которомъ въ данномъ мѣстѣ стоитъ не „nuntii terrestres", какъ обычно обозначались сеймовые послы шляхты,

[1]) „Жикгимонтъ Третий, Божъю милостью король Полский, великий князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитъский, Мазовецъкий, Иѳляньтъский, тою жъ Божъю милостью назначоный король Шведъский, Кготъский, Ванъдальский и великое княже Ѳинълянъдъское и иныхъ". Мы цитируемъ текстъ этого привилея по первому Мамоничскому изданію Третьяго Статута, въ которомъ онъ напечатанъ. При приведеніи отдѣльныхъ словъ и выраженій латинскаго текста привилея мы пользуемся спискомъ его въ Текахъ Нарушевича Библіотеки Главнаго Штаба - Acta Historyczne IX (Ex ms. Arch. Stan. Aug. Regis)

а „legati“. Все это совершенно опредѣленно указываетъ не на внесеніе Третьяго Литовскаго Статута на коронаціонный сеймъ для его законодательной санкціи, а на представленіе его Сигизмунду III-му во время коронаціоннаго сейма для утвержденія его въ чрезвычайномъ порядкѣ при выполненіи условій, предъявленныхъ ему Великимъ Княжествомъ Литовскимъ для признанія его своимъ монархомъ. Статутъ былъ представленъ „при иньшихъ правахъ и вольностяхъ“ становъ государства Литвы, какъ выработанный ими и являющійся составною частью ихъ „правъ и вольностей“, утвердить которыя долженъ новый монархъ при своемъ вступленіи на престолъ.

Приведенныя нами слова привилея констатируютъ и тотъ путь, которымъ шла статутовая „поправа“ и который мы старались возстановить выше[1]). Она была совершена не установленною въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ коммиссіей, а депутатами, избранными станами Великаго Княжества Литовскаго на повѣтовыхъ сеймикахъ и отъ нихъ получившими полномочія и указанія. Слова привилея о томъ, что Третій Статутъ былъ „прогледаный“ на Варшавскомъ элекціонномъ сеймѣ 1587 года, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Какъ мы видѣли выше[2]), Третій Статутъ былъ представленъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ въ составѣ его требованій, предъявленныхъ къ Польшѣ на элекціонномъ сеймѣ. Видѣли мы и то, что для разрѣшенія вопроса объ этихъ требованіяхъ тогда была образована коммиссія изъ депутатовъ обоихъ государствъ Польско-Литовской Федераціи, выработавшая актъ 4 августа 1587 года. Относительно тѣхъ требованій государства Литвы, по которымъ не состоялось соглашенія между этими депутатами, было постановлено, что они на предстоящемъ коронаціонномъ сеймѣ должны быть вновь разсмотрѣны смѣшанной Польско-Литовской коммиссіей въ составѣ по три сенатора и по шести представителей шляхты отъ Великаго Княжества Литовскаго и отъ Польши, которая и должна будетъ разрѣшить дѣло. Въ случаѣ, если эта коммиссія не выработаетъ общаго рѣшенія, оно должно быть предоставлено новому королю, послѣ его коронаціи, съ представленіемъ ему всѣхъ правовыхъ основаній и документовъ, а также письменнаго изложенія доводовъ представителей обоихъ государствъ, не пришедшихъ

[1]) Часть первая, глава VII.

[2]) См. выше, стр. 174 и сл.

къ соглашенію. Слова привилея, утверждающаго Третій Статутъ, и говорятъ о томъ, что Литовское посольство представило Сигизмунду III-му выдвигаемыя имъ основанія для его обязанности утвердить этотъ кодексъ. Въ привилеѣ отъ имени Сигизмунда III-го говорится: Литовское посольство просило короля „выдати и ку ужыванью привести“ Статутъ, „указуючи намъ съ конъстытуций и уфалъ соймовыхъ, жесмы то учинити повиньни“. Надо думать, что тутъ имѣются въ виду всѣ тѣ ссылки правового значенія, которыя мы видѣли выше какъ основанія для утвердившагося въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ взгляда на его право получить законодательную санкцію своему новому кодексу отъ одного монарха, безъ участія „спольнаго“ съ Польшею сейма[1]). Къ этимъ ссылкамъ должна была прибавиться и ссылка на актъ 4 августа 1587 года.

Утверждающій Третій Статутъ привилей, послѣ приведенныхъ нами словъ, говорящихъ о представленіи кодекса на утвержденіе, останавливается на избраніи Сигизмунда обоими „славными народами, Польскимъ и Литовскимъ“, и на его обязанности хранить и увеличивать ихъ права и вольности[2]). Сказавъ о благодарности имъ Сигизмунда за избраніе, привилей отъ его имени продолжаетъ: „хотечы имъ завжды правъ, волностей и свободъ въшелякихъ, прыкладомъ продъковъ нашихъ, прибавляти и примножати, на сесь часъ, съ повиньности нашое господаръское, намовивъши се въ томъ съ паны-радами нашими и зо въсими станы обоего народу, на сойме вальномъ коронацыи нашое будучими, тотъ Статутъ, права Великого Князьства Литовъского, новопоправленый симъ прывильемъ нашимъ стверъжаемъ и всимъ становъ Великого Князьства

---

1) См. выше, стр. 148-150 и 157-160.

2) „Мы, господаръ, знаючы быти повинъность нашу, ижъ есмо тымъ паньствомъ, на которыхъ насъ Панъ Богъ з ласки и воли Своее светое, за добровольнымъ обу-двухъ народовъ, Короны Польское и Великого Князьства Литовъского, обраньемъ посадити рачилъ, повиньни права, вольности и свободы ихъ не толко цело и непорушно деръжати, але што бы наболей примножати, справедливость и оборону чынити, помнечы тежъ и на то, яко тые оба-два славные народы, Польскый и Литовскый, опустивъши много иньшихъ славъныхъ и зацныхъ пановъ, которые се о тые паньства з великими обетницами не одно примноженья правъ, свободъ и вольностей шляхетъскихъ, але розъширенья тыхъ паньствъ и прибавленья имъ многихъ пожитъковъ старали, до насъ хуть и волю свою склонивши, насъ, господара, за пана собе зверхнего на Корону Польскую и на Великое Князьство Литовъское взяти волели, чого мы вдячни отъ нихъ будучы и хотечы имъ....“

Литовъского ку уживанью на вси потомные часы выдаемъ", при чемъ опредѣляется и срокъ введенія этого Статута въ дѣйствіе, а именно день Трехъ Кролей (6 января) 1589 года[1]).

Въ приведенныхъ словахъ привилея имѣемъ, во-первыхъ, отнесеніе Третьяго Статута къ тѣмъ законамъ и постановленіямъ, которые представляли собою развитіе и увеличеніе правъ Великаго Княжества Литовскаго и его „народа". Себя Сигизмундъ признаетъ монархомъ не одного, а двухъ государствъ, его избравшихъ. Немного выше выписанныхъ нами изъ привилея словъ говорится, что народы Польскій и Литовскій взяли его „за пана собе зверхнего на Корону Польскую и на Великое Князьство Литовъское". Сигизмундъ III обязуется сохранять въ силѣ Третій Статутъ „подъ тою жъ присегою" своею, которую онъ принесъ „на вси права и вольности Великого Князьства Литовъского"[2]), какъ говорится въ привилеѣ нѣсколько ниже текста, который мы сейчасъ изучаемъ. Такимъ образомъ, утвержденіе Третьяго Статута не совершалось въ порядкѣ сеймоваго законодательства, а въ порядкѣ подтвержденія новымъ монархомъ правъ и вольностей Великаго Княжества Литовскаго при его вступленіи на престолъ. Но приведенный нами текстъ привилея даетъ и еще одно указаніе, на которомъ мы должны остановиться. Въ немъ говорится, что Сигизмундъ III

---

[1]) „Водле которого вже якосмы сами, господаръ, такъ и вси иные станы, обыватели Великого Князьства Литовъского, заховати се маемъ и подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо на вси права и вольности Великого Князьства Литовъского учинили, шлюбуемъ и обецуемъ, и вжо во всихъ земляхъ и поветехъ, врядехъ и судехъ вшелякихъ, до Великого Князьства Литовъского належачихъ, вси справы судовые порядъкомъ, въ томъ Статуте новопоправленомъ описанымъ, отправовати почати мають въ року пришломъ тисеча пятьсотъ осмъдесятъ девятомъ о Трехъ Кролехъ, святе рымъскомъ, на рокохъ судовыхъ земъскихъ". Приведенная нами въ текстѣ выписка изъ привилея, въ его латинскомъ текстѣ, гласитъ: „cupientesque semper jura, libertates et praerogativas quaslibet exemplo antecessorum nostrorum super addere et adaugere hoc tempore ex munere nostro Regio, facto consilio super hoc cum Dominis Senatoribus Nostris cumque omnibus ordinibus utriusque nationis in comitiis generalibus Coronationis Nostrae praesentibus, dictum Ordinem seu Leges Magni Ducatus Lithuaniae novo emendatas hoc Privilegio nostro confirmamus, extradimusque, quibus cuncti Ordines Magni Ducatus Lithuaniae omni postera aetate utantur".

[2]) См. текстъ привилея, приведенный нами въ предыдущемъ примѣчаніи.

утвердилъ Статутъ, „намовивъши се въ томъ“ съ панами-радами и со всѣми станами обоихъ народовъ, „будучими“ на коронаціонномъ сеймѣ. Совершенно естественно, долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, чтó нужно понимать подъ этою „намовою“ и не равносильна ли она сеймовымъ разсмотрѣнію и санкціи по отношенію къ Третьему Статуту.

Для законовъ Великаго Княжества Литовскаго, проходившихъ черезъ Польско-Литовскіе „спольные“ сеймы послѣ Люблинской Уніи и получавшихъ ихъ утвержденіе, сеймовая санкція обозначалась словами „моцю того сейму“ или „мочью оного сейму“, или „моцю теперешнего сейму“. т. е. властью соотвѣтствующаго сейма, Такъ выражена законодательная санкція и въ „Поправахъ Статутовыхъ“ 1578 года[1]), и въ Трибуналѣ[2]), и въ артикулѣ, утвержденномъ на сеймѣ коронаціи Генриха[3]). Слова привилея Сигизмунда III-го объ утвержденіи имъ Статута, „намовивъши се въ томъ“ съ панами-радою и со станами, бывшими на коронаціонномъ сеймѣ, отнюдь не означаютъ того, что оно состоялось „мочью“ послѣдняго, т. е. „за зволеньемъ“ становъ сейма или за его „уфалою“. „Намова“ — совѣщаніе и ничего больше. Лица, съ которыми совѣщается монархъ, фактически могутъ повлiять на его рѣшеніе, но формально они не могутъ этого рѣшенія измѣнить. Примѣры „намовы“ господаря имѣемъ въ его судебныхъ разбирательствахъ. Въ нихъ онъ постановляетъ свои рѣшенія, „намовивши се“ со своими панами-радами[4]), но иногда соотвѣтствующіе акты и не упоминаютъ о такой „намовѣ“, хотя

---

[1]) Временникъ, XXIII, стр. 200 и 212.

[2]) По изданію проф. Янулайтиса стр. 108. По изданію въ XXV-й книгѣ Временника стр. 4.

[3]) Временникъ, XXIII, стр. 204.

[4]) Такъ, напримѣръ, рѣшеніе Сигизмунда III-го по дѣлу „воеводчанки Троцкое, кнежны Барбары Збаражъское зъ инъстыкгаторомъ его кр. милости о Кобыльники“ въ Варшавѣ 24 октября 1592 года было записано такъ: „а такъ мы, господаръ, намовивши се въ той справе зъ ихъ милостью паны-радами нашими, зрозумевъшы тую справу, листы, привилья, передъ нами, господаремъ, покладаные, видечы, ижъ то идеть о узнанье права слушного....., тую справу о державу Кобыльникъ зъ опекунами панъны воеводянки Троцкое на соймъ пришлый, который напервей, дасть Богъ, по дате сего декрету нашого припадеть, отъкладаемъ“. Лит. Метр., Судн. Дѣлъ Лит., 63, л. л. 300-300 об.

паны-рада, несомнѣнно, присутствовали при разборѣ дѣла[1]). При совѣщаніи съ панами-радою въ судебныхъ дѣлахъ рѣшеніе ихъ и приговоръ по нимъ принадлежали власти господаря, и онъ дѣйствовалъ тутъ „звирхностью“ своего „маестата“. Въ латинскомъ текстѣ привилея Сигизмунда III-го, утверждающаго Статутъ, мѣсто объ его „намовѣ“ читается такъ: „facto consilio super hoc cum dominis senatoribus nostris cumque omnibus ordinibus utriusque nationis, in comitiis generalibus coronationis nostrae praesentibus“. Латинское слово „consilium“ вполнѣ точно передаетъ значеніе русскаго слова „намова“ какъ совѣщанія, а не сеймоваго постановленія. Постановленія сеймовъ дѣлались не „facto consilio“, а „de consensu omnium ordinum“[2]), т. е. съ согласія всѣхъ становъ сейма, за ихъ „зволеньемъ“. Такимъ образомъ, слова привилея, утверждающаго Третій Статутъ, о „намовѣ“ Сигизмунда со станами сейма не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ сеймовой законодательной санкціи для Литовскаго кодекса.

Дальше, сказавъ объ утвержденіи Сигизмундомъ III-мъ Статута, привилей продолжаетъ: „водле которого вже якосмы сами, господаръ, такъ и вси иные станы, обыватели Великого Князьства Литовъского, заховати се маемъ и подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо на вси права и вольности Великого Князьства Литовъского учинили, шлюбуемъ и обецуемъ, и вжо во всихъ земляхъ и поветехъ, врядехъ и судехъ вшелякихъ, до Великого Князьства Литовъского належачихъ, вси

---

[1]) Такъ, приговоръ по дѣлу Андрея Сулистровскаго съ Геліяшемъ Корсакомъ, разсмотрѣнному Стефаномъ Баторіемъ вмѣстѣ съ панами-радою въ Городнѣ 9 мая 1584 года, изложенъ безъ всякаго упоминанія о „намовѣ“ съ ними: „мы, доводовъ правныхъ зъ стороны Анъдрея Сулистровского, передъ нами у суду покладаныхъ, достаточней выслухавъшы и бачечы то, ижъ Сулистровский, на то на все, яко се вышей поменило, доводъ слушный маючы, правне а врадовне того довелъ, про то мы, господаръ, за таковымъ спротивеньемъ и непослушенствомъ того Геліяша Корсака съ панствъ нашыхъ, Великого Князьства Литовского и з земль, къ нему належачыхъ, выволати его розказали....“ Лит. Метр., Судн. Дѣлъ Лит., 61, л. 215.

[2]) Такъ, въ конституціяхъ, утвержденныхъ Варшавскимъ сеймомъ 1570 года для Гданска, стоитъ: „Nos itaque Sigismundus Augustus Rex, praeinsertas constitutiones de consensu omnium Ordinum Regni nostri sic a Nobis, ut superius commemoravimus, confirmatas, inviolate ab omnibus..... observari volumus et praecipimus, sub poenis superius descriptis“. Vol. Leg., II, p. 122, f. 839.

справы судовые порядъкомъ, въ томъ Статуте новопоправленомъ описанымъ, отправовати почати мають въ року пришломъ тисеча пятьсотъ осмъдесятъ девятомъ о Трехъ Кролехъ, святе рымъскомъ, на рокохъ судовыхъ земъскихъ. Але напотомъ завжды, кгды одно того потребовати будеть, вольность поправованья того Статуту вцале имъ заховываемъ". Въ приведенныхъ словахъ привилея имѣемъ назначеніе срока вступленія въ дѣйствіе Третьяго Литовскаго Статута съ 6 января 1589 года. Но приведенный нами текстъ заставляетъ на себѣ остановиться и въ другихъ его частяхъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что въ немъ имѣемъ новое указаніе на способъ представленія Статута на утвержденіе не въ порядкѣ внесенія его на сеймъ, а въ порядкѣ „правъ и вольностей" Великаго Княжества Литовскаго, въ соблюденіи и храненіи которыхъ принесъ присягу новый монархъ при признаніи его государствомъ Литвы. Ни малѣйшаго намека на то, что Статутъ получаетъ законодательную санкцію сейма, нѣтъ. Нѣтъ ни одного слова, которое говорило бы не только о „зволеньѣ" коронаціоннаго сейма, но даже о внесеніи Литовскаго Статута на его разсмотрѣніе. Еслибы Статутъ дѣйствительно былъ внесенъ на разсмотрѣніе сейма и получилъ его законодательную санкцію, привилей безусловно долженъ бы былъ объ этомъ упомянуть, ибо въ оффиціальномъ актѣ, притомъ такого высокаго значенія, не могло быть допущено опущеніе указанія на сеймовую санкцію. Сеймъ ни въ какомъ случаѣ не могъ допустить узурпаціи своихъ правъ монархомъ. Монархъ самъ, тѣмъ болѣе находившійся въ положеніи Сигизмунда Вазы до полученія извѣстія о Бычинской побѣдѣ, не могъ подписать на коронаціонномъ сеймѣ привилея, въ текстѣ котораго можно бы было найти слова, игнорирующія сеймовую законодательную санкцію, еслибы она дѣйствительно имѣла мѣсто. Второе, что обращаетъ на себя вниманіе въ приведенной нами части текста привилея, это — слова о „поправованьѣ" Литовскаго Статута въ будущемъ. Исправленіе Третьяго Статута, когда будетъ въ немъ надобность, привилеемъ отдается всецѣло въ руки становъ Великаго Княжества Литовскаго, безъ всякаго указанія на внесеніе его на „спольные" сеймы. Всѣ эти сеймы, начиная съ Люблинскаго сейма 1569 года, дѣлая постановленія о „поправѣ" Литовскаго Статута, непремѣнно указывали, что она должна вноситься на нихъ. Почему же этого указанія нѣтъ въ привилеѣ, утверждающемъ

Третій Статутъ? — Естественно думать, что его отсутствіе объясняется представленными Сигизмунду Вазѣ Литовскимъ посольствомъ доказательствами его обязанности и права дать санкцію Статуту своею властью, безъ санкціи „спольнаго“ сейма. Исправленіе Литовскаго Статута было признано уже Сигизмундомъ Августомъ правомъ становъ Великаго Княжества и гарантировано имъ еще Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года[1]). Мы видѣли выше[2]), что государство Литвы отъ этого права отказываться не хотѣло. Договоръ Люблинской Уніи, сохраняя неприкосновенность всѣхъ старыхъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, давалъ имъ формальное основаніе признавать и „поправу“ Статута входящей въ составъ этихъ правъ. А доказательства правильности и законности требованій Великаго Княжества Литовскаго, въ числѣ которыхъ было и утвержденіе Третьяго Статута, на основаніи акта 4 августа 1587 года должны были быть представлены имъ новому монарху, каковымъ и былъ Сигизмундъ III. Такое объясненіе умолчанія изучаемаго привилея о роли „спольнаго“ сейма въ утвержденіи дальнѣйшихъ исправленій Литовскаго кодекса намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Заканчивается изучаемый нами привилей такъ: „А ижъ бы тымъ рыхълей всимъ ку ведомости и уживанью прыйти могъ, про то тотъ Статутъ новопоправленый, и съ прывильями земъскими, писмомъ польскимъ и рускимъ друковати и въ поветы розослати велели есмо. Яко жъ для лепшое певности и стверженья того Статуту сесь нашъ привилей, на сойме коронацыи нашое рукою нашою подъписавъши и печать нашу Великого Князьства Литовъского до него прывесити казавши, станомъ Великого Князьства Литовъского дали есмо. Ведьже тотъ Статутъ новопоправленый звязъкомъ и списомъ Унии ни въ чомъ противенъ быти и ничого шкодити и уближати не маеть“. Дальше слѣдуютъ дата (Краковъ, 28 января 1588 года) и подписи короля („рексъ“) Сигизмунда, Литовскаго подканцлера Льва Сапѣги и господарскаго писаря Гаврилы („Кгабриель“) Войны. Оставляя пока въ сторонѣ постановленіе о напечатаніи Статута, о которомъ намъ придется говорить ниже, въ главѣ, посвященной печатанію кодекса, мы должны остановиться

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 29.

[2]) См. выше, стр. 160-162.

теперь на двухъ частяхъ приведеннаго нами текста привилея, а именно на его указаніяхъ на коронаціонный сеймъ и на непротиворѣчіе Третьяго Статута „звязъкомъ и списомъ Унии".

Можно ли видѣть въ словахъ привилея о томъ, что онъ подписанъ Сигизмундомъ Вазою „на сойме коронацыи", обозначеніе того, что кодексъ этимъ сеймомъ разсмотрѣнъ и утвержденъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Мы уже видѣли выше, что текстъ привилея отнимаетъ возможность видѣть въ немъ указаніе на сеймовую санкцію для Третьяго Литовскаго Статута. Видѣли мы и то, что возстановленіе фактической обстановки представленія этого кодекса на утвержденіе Сигизмунда Вазы дѣлаетъ невозможнымъ предположеніе объ этой санкціи. Что же касается указанія привилея на утвержденіе Статута на сеймѣ коронаціи, то оно можетъ обозначать только время и мѣсто выдачи привилея и ничего больше. Акты и привилеи, выданные королями Польскими и великими князьями Литовскими во время сейма, обычно имъ и датировались. Такъ, напримѣръ, привилей Степану Пацкевичу на мостовничество былъ выданъ королемъ Стефаномъ 4 декабря 1576 года „у Торуни, на великомъ вальномъ сойме"[1]), разрѣшеніе Виленскому мѣщанину Богдану Мамоничу на покупку имѣнія Болоши было выдано Сигизмундомъ III-мъ 5 апрѣля 1590 года на вальномъ сеймѣ въ Варшавѣ[2]), привилей Полоцкимъ панцырнымъ и путнымъ боярамъ на ихъ вольности былъ выданъ Сигизмундомъ же III-мъ 15 іюня 1593 года также въ Варшавѣ на вальномъ сеймѣ[3]).

Обратимся теперь къ словамъ привилея о непротиворѣчіи Третьяго Статута „звязъкомъ и списомъ Унии", т. е. Люблинскому договору 1569 года. Но какъ понимать это непротиворѣчіе Статута договору Уніи? Было ли тутъ выражено лишь требованіе сохраненія федераціи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, установленной въ 1569 году, или же въ данныхъ словахъ привилея нужно видѣть требованіе сохраненія

---

1) „Степану Пацкевичу на мостовъництво по дорозе, з Менска до Киева идучой". Лит. Метрика, Записей Лит. 58, л.л. 123 об. — 124 об.

2) „Позволенье мешчанину Виленскому Богъдану Мамоничу на купенье именья Болоши, въ повете Ошъменскомъ лежачого". Лит. Метр., Зап. Лит. 77, л.л. 86 об. — 87 об.

3) „Привилей, бояромъ панцернымъ и путнымъ Полоцкимъ на волности певные ихъ належачый". Лит. Метр., Зап. Лит. 77, л.л. 472 об. — 477.

въ полной неприкосновенности и въ обязывающей силѣ всѣхъ статей договора Уніи этого года? Второе изъ этихъ возможныхъ пониманій даннаго текста привилея принять нельзя. Во-первыхъ, какъ мы это видѣли выше[1]), артикулы Третьяго Статута нарушили рядъ статей договора Люблинской Уніи, и, несмотря на то, кодексъ получилъ утвержденіе Сигизмунда Вазы. Во-вторыхъ, непротиворѣчіе Статута договору Уніи выражено словами: „ведьже тотъ Статутъ новопоправленый звязъкомъ и списомъ Унии ни въ чомъ противенъ быти и ничого шкодити и уближати не маетъ". Но къ этому не прибавлено, что онъ этого не дѣлаетъ „во всихъ члонкахъ и артыкулехъ" этихъ „списовъ" Уніи. Соотвѣтствующаго добавленія нѣтъ и въ латинскомъ текстѣ привилея. Въ немъ читается такъ: „Utque hic eo citius ad notitiam et usum pervenire possit, idcirco dictum codicem legum emendaturum cum Privilegiis Terrestribus charactere Polono et Rutheno impressum omnibus Districtibus mittere mandavimus, prout ad majorem certitudinem et confirmationem illius Statuti hoc nostrum Privilegium in comitiis Coronationis nostrae manu nostra subscriptum, sigillum insuper nostrum Magni Ducatus Lithuaniae appendi mandantes, ordinibus Magni Ducatus Lithuaniae dedimus, utpote conventionibus unionis minime adversum nec quidquam obnoxium aut derogaturum". Такимъ образомъ, въ латинскомъ текстѣ привилея имѣемъ даже признаніе Третьяго Статута не противорѣчащимъ договору Уніи, о чемъ прямо говорятъ послѣднія слова этого текста. Но къ этимъ словамъ не прибавлено, что Статутъ не противорѣчитъ „conventionibus unionis", т. е. договору Уніи, „in omnibus punctis atque clausulis et articulis". И въ русскомъ, и въ латинскомъ текстахъ привилея положеніе о непротиворѣчіи Статута договору Уніи формулировано въ общихъ выраженіяхъ, безъ его уточненія требованіемъ непротиворѣчія кодекса всѣмъ рѣшительно статьямъ этого договора, а въ текстѣ латинскомъ Статутъ даже признается договору Уніи не противорѣчащимъ.

Объяснить это можно двояко. Во-первыхъ, можно предполагать, что въ числѣ „списовъ", т. е. документовъ Люблинской Уніи, понималась и декларація Сигизмунда Августа отъ 29 іюля 1569 года, признавшая за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ право измѣнить условія его Уніи съ Поль-

[1]) См. выше, глава вторая.

шею[1]). А во-вторыхъ, возможно думать, что слова о непротиворѣчіи Третьяго Статута договору Уніи были внесены въ привилей по настоянію представителей Польши, собравшихся на коронаціонномъ сеймѣ, безъ согласія котораго Сигизмундъ Ваза не могъ рѣшиться на исполненіе требованій Литовскаго посольства, въ составѣ которыхъ было и требованіе объ утвержденіи имъ Статута. Литовское посольство могло уступить настояніямъ поляковъ потому, что для него было крайне важно закончить свои переговоры съ Сигизмундомъ III-мъ возможно скорѣе, такъ какъ полученіе поляками въ Краковѣ извѣстія объ исходѣ Бычинской битвы должно было измѣнить всю обстановку веденія этихъ переговоровъ и могло вызвать отказъ Сигизмунда и его совѣтниковъ въ исполненіи требованій Великаго Княжества Литовскаго. Максимиліанъ послѣ пораженія при Бычинѣ терялъ всякую надежду утвердиться на престолѣ федеративной Речи Посполитой, и государству Литвы предстояло бы или поднять въ защиту его оружіе, или разорвать Унію съ Польшею совершенно, или же, признавая своимъ монархомъ Сигизмунда III-го, отказаться по крайней мѣрѣ отъ части своихъ къ нему требованій, ибо ни онъ самъ, ни его Польскіе совѣтники, не сочувствуя имъ, уступали только въ виду чрезвычайно тяжелаго положенія, въ которомъ они находились до побѣды надъ Максимиліаномъ и его сторонниками. Да и само Великое Княжество Литовское въ это время не стремилось къ разрыву своей федераціи съ Польшею. О сохраненіи Уніи, какъ федеративнаго соединенія, въ утверждающемъ Третій Статутъ привилеѣ упомянуть было совершенно умѣстно, ибо самъ этотъ кодексъ о ней не говорилъ ни слова и сконструировалъ государство Литвы такъ, какъ будто бы Уніи совсѣмъ не существовало.

Какъ бы то ни было, формулировка требованія о непротиворѣчіи Статута договору Уніи въ привилеѣ была выработана составителями его, т. е. Литовскимъ подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою и Литовскимъ господарскимъ писаремъ Гаврилою Войною, такъ, что она допускала пониманіе этого договора въ его общемъ значеніи, а не въ значеніи обязательности всѣхъ его отдѣльныхъ статей. Конечно, указаніе на непротиворѣчіе Третьяго Статута договору Люблинской Уніи должно было при-

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 284-285.

бавить къ тѣмъ различіямъ въ пониманіи его, которыя имѣлись въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, еще одно новое. Іоахимъ Бѣльскій писалъ, какъ мы видѣли выше, о Статутѣ и его утвержденіи: „ale że to iuż po Seymie Koronatiynym było, nie wiem iako ma być ważny, więc że go bez nas ukowali.“ Бѣльскій, такимъ образомъ, высказывалъ сомнѣніе въ закономѣрности совершившагося утвержденія Третьяго Литовскаго Статута и ставилъ подъ вопросъ значеніе и силу его законовъ. Надо думать, что такъ же смотрѣли на утвержденіе этого кодекса и очень многіе въ Польшѣ. Но для Великаго Княжества Литовскаго противорѣчія въ оцѣнкѣ Люблинской Уніи и въ пониманіи значенія ея договора, которыя существовали въ немъ и въ Польшѣ съ самаго начала Польско-Литовской федераціи въ 1569 году, давно уже стали привычными. Для государства Литвы существенное значеніе имѣло полученіе его Статутомъ законодательной санкціи въ томъ порядкѣ, который признавался закономѣрнымъ имъ самимъ, а это было утвержденіе кодекса монархомъ по соглашенію со станами Великаго Княжества Литовскаго. Безъ санкціи монарха Литовскій Статутъ не могъ получить обязывающей силы въ государствѣ Литвы. Отношеніе Польши къ этому порядку утвержденія Третьяго Статута не имѣло серьезнаго значенія для Великаго Княжества Литовскаго, ибо оно признавало себя полноправнымъ государствомъ, находящимся съ Польшею въ федераціи согласно договору, заключенному обоими государствами, притомъ безъ опредѣленнаго срока его дѣйствія и съ правомъ измѣненія его условій. Закрѣпленіе самостоятельнаго значенія государства Литвы, которое было поставлено подъ сомнѣніе нѣкоторыми изъ статей договора и привилея Люблинской Уніи, и представляли собою основные законы Третьяго Литовскаго Статута, получившаго законодательную санкцію Сигизмунда III-го въ изучаемомъ нами привилеѣ его отъ 28 января 1588 года.

Подведемъ же итоги нашего изученія этого привилея. Вопервыхъ, въ немъ мы имѣемъ совершенно опредѣленное указаніе на порядокъ, въ которомъ Третій Статутъ былъ представленъ на утвержденіе Сигизмунду Вазѣ. Онъ не былъ внесенъ на коронаціонный сеймъ въ общемъ порядкѣ представленія законопроектовъ на сеймовую санкцію. Онъ былъ представленъ новому монарху чрезвычайнымъ Литовскимъ посоль-

ствомъ и получилъ его санкцію въ чрезвычайномъ порядкѣ утвержденія правъ, вольностей и свободъ Великаго Княжества Литовскаго, которое совершалось вступающимъ на престолъ монархомъ. Во-вторыхъ, привилей признаетъ Третій Статутъ выработаннымъ депутатами становъ Великаго Княжества Литовскаго, избранными на его повѣтовыхъ сеймикахъ, а не коммиссіей, утвержденной въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ. Въ-третьихъ, Статутъ не получилъ сеймовой санкціи и былъ утвержденъ Сигизмундомъ Вазою, послѣ лишь его совѣщанія съ коронаціоннымъ сеймомъ, властью монарха. Въ-четвертыхъ, непротиворѣчіе Третьяго Статута договору Уніи 1569 года понимается въ привилеѣ не въ смыслѣ соблюденія имъ всѣхъ постановленій договора, а въ общемъ смыслѣ сохраненія федеративнаго соединенія государствъ Польши и Литвы. Въ-пятыхъ, въ привилеѣ Сигизмундъ III признается монархомъ не единаго государства, а двухъ — Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, которыхъ народы „взяли" его себѣ „за пана зверхнего".

Главнѣйшія изъ требованій, предъявленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ Сигизмунду Вазѣ въ значеніи условій признанія его своимъ монархомъ, были немедленно закрѣплены особыми привилеями. Въ книгахъ Литовской Метрики мы встрѣтили три такихъ привилея, а именно на утвержденіе Третьяго Статута[1]), на раздѣлъ Лифляндской земли между Короною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ[2]) и на выдѣленіе изъ господарскихъ имѣній государства Литвы нѣкоторыхъ „на подымованье" господаря и „столу" его „господарского", съ оставленіемъ всѣхъ остальныхъ староствъ и державъ въ значеніи государственныхъ имѣній Великаго Княжества Литовскаго и съ отнесеніемъ доходовъ, поступающихъ съ

---

1) „Привилей на потверженье и выданье новопоправъленого Статуту ку ужываныю всимъ станомъ Великого Княз[ства] Лит[о]вского, на сойме коронацыи въ Кракове выданый". Лит. Метр., Зап. Лит., 73, л.л. 211 об. — 212 об. Дата привилея: Краковъ, 1588 года, января 28. Привилей этотъ былъ напечатанъ при Третьемъ Статутѣ въ его изданіи, а также дошелъ до насъ въ рядѣ копій.

2) „Przywilei na Seimie Coronacy w Cracowie przyznawaiąc iednaką władnośc po Vnii Coronie Polskiey z Wielkiem X-em L-ttem w Ziemi Iflantskiey, ktora przez comisarzow napoł rozdzielona y w spokoinem vzywaniu tych obudwu narodow byc ma wiecznie". Лит. Метр., Зап. Лит., 73, л.л. 215-219.

нихъ, въ средства земскаго, т. е. государственнаго, скарба[1]). Всѣ эти привилеи были выданы Сигизмундомъ III-мъ въ самый день принесенія ему присяги отъ имени Великаго Княжества Литовскаго уполномоченными на то представителями послѣдняго и принесенія своей присяги новаго монарха самимъ Сигизмундомъ государству Литвы, которое съ этою присягою признавало его своимъ господаремъ. Привилеи эти имѣли значеніе формальныхъ актовъ, выданныхъ Сигизмундомъ Вазою въ исполненіе принятыхъ имъ требованій Великаго Княжества Литовскаго какъ условій послѣдняго для признанія его своимъ монархомъ.

30-мъ января 1588 года датированы конституціи коронаціоннаго сейма и выданный на немъ поборовый универсалъ. Вступительная статья конституцій гласитъ слѣдующее: „W imię Pańskie, Amen. Zygmunt Trzeci, z Bożey łaski Krol Polski, y przyszły Szwedzki, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie, Kiiowskie, Wołyńskie, Podlaskie, Inflantckie, etc. etc. Oznaymuiemy wszem wobec, y każdemu zosobna, komu to wiedzieć należy: iż gdyśmy za łaską a pomocą Bożą tu na to mieysce do Krakowa, gdzie Krolowie Polscy zwykli bydź koronowani, przyiechali: y za iego świętym błogosławieństwem, a zezwoleniem Stanow, koroną zwykłą iesteśmy koronowani. Tedy upatruiąc potrzeby Rzeczypospolitej, y czyniąc dosyć obowiązkowi Posłow naszych w Warszawie na Elekcyi naszey będących, imieniem naszym uczynionemu, ktorym warowano iest, żeśmy przy Koronacyi naszey, tego czegoby obywatelom Koronnym, y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, ku pomnożeniu wolności ich, potrzeba było przyczynić, przyiąć, y potwierdzić mieli: pewne artykuły niżey opisane, do wolności, porządku, y poprawy prawa naprawienia exorbitancyi należące, z przyzwoleniem Panow Rad oboyga narodu, tak Polskiego, iako y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, y Posłow Ziemskich, postanowiliśmy“[2]).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что при составленіи этой вступительной статьи конституцій коронаціоннаго сейма 1588 года пользовались текстомъ вступленія къ конституціямъ

---

[1]) „Варунокъ о добра столу его кр. милости, на коронацыи сталый“. Лит. Метр., Зап. Лит., 72, л.л. 62 об. — 63 об. Тотъ же документъ — Лит. Метр., Зап. Лит., 65, л.л. 279-281. Изданія его — А. З. Р., IV, № 1 и А., изд. Вил. Арх. К., VII, стр. 95-97.

[2]) Vol. Leg., II, p. 251, f.f. 1206-1207.

коронаціоннаго сейма 1576 года. Вліяніе второго на первую сразу обнаруживается при сопоставленіи обоихъ текстовъ. Но, конечно, имѣются и различія. На одномъ изъ нихъ мы должны непремѣнно остановиться. Въ самомъ концѣ вступительной статьи къ конституціямъ сейма 1588 года говорится о „призволеніи" на постановленія конституцій пановъ-радъ обоихъ народовъ, какъ Польскаго, такъ и Великаго Княжества Литовскаго, а также и земскихъ пословъ, при чемъ не оговорено, что они также были на сеймѣ отъ обоихъ народовъ. Соотвѣтствующее мѣсто во вступленіи къ конституціямъ коронаціоннаго сейма 1576 года читается такъ: „z przyzwoleniem Panow Rad Koronnych, duchownych y świeckich, y Posłow Ziemskich, postanowiliśmy"[1]). Когда заканчивался коронаціонный сеймъ 1576 года, Стефанъ Баторій еще не получилъ признанія монархомъ отъ Великаго Княжества Литовскаго, а потому нельзя было и говорить о постановленіи конституцій панами-радами и земскими послами обоихъ народовъ. Что касается коронаціоннаго сейма 1588 года, то въ самые послѣдніе дни его дѣятельности, т. е. съ 28 января, въ его составъ вошли и паны-рада государства Литвы, послѣ признанія имъ Сигизмунда III-го какъ монарха. Поэтому оказалось возможнымъ указать на „призволенье" пановъ-радъ обоихъ народовъ, какъ бы ни было невелико число сенаторовъ государства Литвы, находившихся тогда въ Краковѣ. Но земскихъ пословъ обозначить послами обоихъ народовъ для сейма 1588 года было невозможно такъ же, какъ и для сейма 1576 года, ибо на нихъ обоихъ были земскіе послы одной Польской Короны, а повѣтовые послы Великаго Княжества Литовскаго не присутствовали. Уже конституціи слѣдующаго за сеймомъ коронаціи Сигизмунда III-го Варшавскаго сейма 1589 года начинаются указаніемъ на то, что въ его составѣ находились представители обоихъ народовъ, и отъ имени монарха во вступительной статьѣ говорится: „złożyliśmy Seym Walny wszem Stanom Koronnym, y Wielkiego X. Litewskiego, na ktorym niżey opisane sprawy y konstytucye z pozwoleniem Rad naszych, y Posłow Ziemskich, postanowiliśmy y uchwalili"[2]). Поборовый универсалъ Варшавскаго сейма 1589 года, отъ имени Сигизмунда III-го, упоминаетъ о „spolnych kon-

---

1) Ibidem, p. 159, f. 1915.

2) Vol. Leg., II, p. 277, f. 1262.

sultacyach Panow Rad naszych, [y] Posłow Ziemskich oboyga narodu“, послѣ которыхъ было принято постановленіе сейма[1]). Сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го не могъ въ своихъ актахъ говорить о земскихъ послахъ обоихъ народовъ, ибо сеймовыхъ пословъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ его составѣ не было.

Поборовый универсалъ отъ 30-го января 1588 года даетъ совершенно опредѣленныя указанія на то, что на сеймѣ коронаціи Сигизмунда III-го не присутствовали сеймовые послы повѣтовой шляхты государства Литвы и что находившіеся въ то время въ Краковѣ малочисленные Литовскіе сенаторы не считали для себя возможнымъ принимать дѣйствительное участіе въ рѣшеніяхъ сейма безъ большинства пановъ-рады Великаго Княжества Литовскаго. Нельзя забывать того, что до 28-го января 1588 года государство Литвы не признавало еще Сигизмунда Вазу своимъ монархомъ, а стало быть, и сейма его коронаціи не могло считать законно собраннымъ. Поборовый универсалъ 1588 года даетъ знать, что на коронаціонномъ сеймѣ не были назначены поборцы, т. е. сборщики установленнаго „побора“, для повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ универсалѣ приведены имена лишь поборцевъ для государства Польши, а для именъ поборцевъ въ повѣтахъ государства Литвы оставлены чистыя мѣста[2]). Такимъ образомъ, сеймъ не имѣлъ возможности ихъ назначить. Причиною этого могло быть только отсутствіе на сеймѣ представителей повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Что касается неучастія пановъ-рады государства Литвы въ установленіи побора на коронаціонномъ сеймѣ, то на него указываютъ слѣдующія слова, введенныя отъ имени Сигизмунда III-го въ поборовый универсалъ 1588 года: „dzierżemy też o Paniech Radach y urzędnikach, y dzierżawcach dobr naszych w Wielkim Xięstwie Litewskim, iż też ratować Nas nie zaniechaią pod tę potrzebę“[3]). Еслибы Литовскіе паны-рада принимали участіе въ установленіи побора, не нужно бы было въ универсалѣ говорить лишь предположительно объ уплатѣ ими поборовыхъ денегъ со своихъ державъ, вмѣсто категорической формы сеймоваго поста-

[1]) Ibidem, p. 296, ff. 1300-1301.

[2]) Ibidem, p. 276, ff. 1258-1259.

[3]) Ibidem, p. 277, f. 1261.

новленія, каковую имѣемъ обычно въ поборовыхъ универсалахъ. Вступительная часть побороваго универсала 1588 года не говоритъ о „спольныхъ консультаціяхъ“ сенаторовъ и земскихъ пословъ обоихъ народовъ, какъ это дѣлаетъ поборовый универсалъ 1589 года, выданный на Варшавскомъ сеймѣ, на которомъ уже присутствовали и избранные въ его составъ повѣтовыми сеймиками государства Литвы представители его шляхты, и его сенаторы, съ вѣдома и согласія которыхъ этотъ сеймъ былъ, согласно закону, созванъ. Во вступленіи къ поборовому универсалу 1588 года сказано лишь въ общемъ видѣ о „spolnych konsultacyach Panow Rad naszych y Posłow Ziemskich“, а нѣсколько ниже обозначено, что постановленіе о „поборѣ“ сдѣлано лишь всѣми Коронными станами, а не ими и станами Великаго Княжества Литовскаго: „iakoż Stany wszystkie Koronne, widząc gwałtowną potrzebę Rzpltey y powinności swe w przywileiu in Iedlna wyrażone, uważaiąc na poparcie tego wszystkiego, pobor obyczaiem niżey opisanym, na rok ieden, przykładem Woiewodztw Wielgopolskich, zgodnie Nam pozwolili, y pozwalaią“[1]). Нѣтъ ни малѣйшей возможности признать въ этомъ установленіи „побора“ участіе представителей Великаго Княжества Литовскаго. Оно вынесено сеймомъ одной Польши, а не „спольнымъ“ сеймомъ обоихъ народовъ, т. е. государствъ Польши и Литвы, какъ равноправныхъ составныхъ частей Польско-Литовской федеративной Речи Посполитой.

Но почему же поборовый универсалъ, утвержденный на сеймѣ коронаціи Сигизмунда III-го, установляетъ „поборъ“ не только въ одной Польской Коронѣ, но и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ. Форма поборовыхъ универсаловъ для Польско-Литовской Речи Посполитой выработалась сразу послѣ Люблинской Уніи и затѣмъ сохранялась, лишь съ очень небольшими отступленіями въ отдѣльныхъ случаяхъ. „Поборы“ съ Великаго Княжества Литовскаго были обозначены во всѣхъ этихъ универсалахъ. Отступить отъ этой формы сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го желать не могъ, а за два дня до его окончанія государство Литвы признало своимъ монархомъ Сигизмунда, и Унія Польской Короны съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ сохранилась. Это давало увѣренность въ томъ, что послѣднее приметъ

---

1) Ibidem, p. 270, f. 1246.

установленный коронаціоннымъ сеймомъ „поборъ“, хотя онъ и былъ постановленъ безъ участія его уполномоченныхъ на сеймованье представителей. Отступать же сколько-нибудь значительно отъ установившихся формъ актовъ, конечно, представлялось нежелательнымъ, и такихъ отступленій избѣгали[1]).

Постановленій, относящихся къ Великому Княжеству Литовскому, нѣтъ въ конституціяхъ сейма коронаціи Сигизмунда III-го. Отсюда слѣдуетъ, что государство Литвы не вносило на сеймъ своихъ законопроектовъ. Мы видѣли выше, что этого не могло и быть, ибо Великое Княжество Литовское до 28 января 1588 года не признавало ни избранія Сигизмунда Вазы, ни законности его коронованія, ни правомочности для себя коронаціоннаго сейма, созваннаго съ нарушеніемъ правъ государства Литвы въ его федераціи съ Польшею. Изъ девяноста четырехъ конституцій сейма коронаціи Сигизмунда III-го лишь одна, на первый взглядъ, можетъ показаться постановленной и для Великаго Княжества Литовскаго, а именно конституція „O monecie drobney“[2]). Вотъ ея текстъ: „Iż wiele się wniosło do Korony nie ważney monety cudzoziemskiey, z wielką szkodą Rzpltey: ustawiamy, aby przerzeczona myńca drobna nieważna, iako Sląska, Brandeburska, Saska, y insza wszelaka, okrom szelągow Węgierskich y popiętnych groszow, ktore do tego czasu biorą, więcey do Korony wnoszona nie była ani brana, pod utraceniem iey do skarbu naszego. A ta co iest w Koronie, aby nadaley do pułroka zbywana była. A Gdańszczanie, Elbiążanie, y inne portowe y pograniczne głowne miasta, na to pilne oko mieć maią, żeby monety postronney nie ważney do Korony nie wpusz-

---

1) Нельзя не отмѣтить, что въ Польшѣ въ установившихся оффиціальныхъ формулахъ и недостаточно иногда считались съ правами Великаго Княжества Литовскаго, упоминая его въ нихъ безъ его вѣдома и согласія. Такъ, въ проектѣ условій, выработанныхъ поляками на элекціонномъ сеймѣ 1587 года (Scriptores Rer. Pol., XI, p.p. 247-259), пытавшемся установить сліяніе государствъ Польши и Литвы даже въ общихъ статутахъ и Трибуналѣ, конечно, противъ воли Великаго Княжества Литовскаго, имѣется такая, начинающая этотъ проектъ формула: „Rady duchowne i świeckie i stany wszelkiego narodu polskiego i Wielkiego Xięstwa Litewskiego“. На томъ же сеймѣ примасъ исполнилъ требованіе Польскаго „кола“ провозгласить Сигизмунда Вазу великимъ княземъ Литовскимъ безъ представителей государства Литвы и противъ ихъ воли (ibidem, p. 129).

2) Vol. Leg., II, p. 259, f. 1223.

czali, pod utraceniem tey monety, et poena arbitrio nostro irrogan: moneta Litewska, iako dobra y ważna, in suo pondere et aestimatione, iako w Wielkim X. L., tak y w Koronie, wszędzie ma bydź brana". Совершенно ясно, что послѣднія слова этой конституціи не представляютъ собою постановленія о сохраненіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ его старой монеты, а говорятъ лишь о такой же свободѣ обращенія литовской монеты въ государствѣ Польши, какою она была и въ государствѣ Литвы. Конституція говоритъ объ обращеніи въ Польской Коронѣ иностранной монеты, а въ числѣ ея и литовской, и опредѣляетъ, какая изъ иностранной монеты допускается къ обращенію въ Польшѣ.

Сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го къ своимъ конституціямъ присоединилъ рецессъ, отлагающій рядъ не разрѣшенныхъ дѣлъ до слѣдующаго сейма[1]). Въ началѣ этого рецесса говорится о великихъ затрудненіяхъ Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго того времени, изъ-за которыхъ не могли быть приведены въ исполненіе всѣ постановленія элекціоннаго сейма и Вислицкаго съѣзда 1587 года[2]). Въ виду этого, откладываются до слѣдующаго сейма еще не выполненныя статьи условій, предъявленныхъ Сигизмунду III-му при его избраніи, а также постановленій съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго времени безкоролевья[3]). Все это будетъ разрѣ-

---

[1]) Ibidem, p.p. 269-270, ff. 1243-1245.

[2]) Вислицкій съѣздъ, собиравшійся въ октябрѣ 1587 года, былъ чисто Польскимъ, безъ участія Великаго Княжества Литовскаго, и онъ подтвердилъ избраніе Сигизмунда Вазы. Его постановленія — Vol. Leg., II, p.p. 243-245, f.f. 1089-1094.

[3]) „Acz za łaską Bożą wszystko się około postanowienia naszego na stolicy Krolewskiey porządnie dokończyło, a nie mało rzeczy uprzedzać Koronacyą naszę, niektore też zaraz effekt swoy wziąć miały: iedno iż zatrudnienia wielkie Koronne, y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, przypadły, za ktoremi nie mogliśmy na tym Seymie Koronacyi naszey wszystkiego podług recessu Elekcyey naszey pod Warszawą, także głownego Wiślickiego Ziazdu, postanowienia y zlecenia Posłom Ziemskim, skończyć y wypełnić, in debitamque exequutionem przywieść: przeto za zezwoleniem wszech Stanow, wszystkie te sprawy, ktore się tu odprawiły y postanowiły, umacniamy y utwierdzamy. A te, ktore się tu odprawić nie mogły, waruiemy ninieyszym recessem, iż się im przewłoką tą derogować nic nie może: owszem...... na przyszłym Seymie Walnym Koronnym, ktory im narychley bydź może, porozumiawszy się z Radami Koronnymi y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, ktorzy tu nie byli praesentes, złożyć będziem w tym roku powinni, dosyć się stać ma".

шено королемъ на ближайшемъ сеймѣ, который будетъ созванъ имъ въ самомъ ближайшемъ времени, еще въ текущемъ году, „porozumiawszy się z Radami Koronnymi y Wielkięgo Xięstwa Litewskiego, ktorzy tu nie byli praesentes". Назначать созывы сеймовъ король Польско-Литовской Речи Посполитой имѣлъ право только съ вѣдома и совѣта сенаторовъ обоихъ государствъ ея. То число ихъ, которое присутствовало на коронаціонномъ сеймѣ, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы можно было признать ихъ голоса выражающими мнѣніе цѣлаго сената. Мы уже отмѣчали выше, что сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го, по своему составу, не только не былъ „спольнымъ" Короны и Великаго Княжества Литовскаго, но даже и одна Польша не была на немъ представлена полно. Совершенно естественно, что на этомъ сеймѣ не только не могли быть разрѣшены дѣла и вопросы особенно крупнаго значенія для Польско-Литовской федераціи, но даже невозможно было установить точно время для созыва слѣдующаго обычнаго сейма. Имѣющіе выдающееся значеніе дѣла были отложены рецессомъ до новаго сейма, а время его созыва король долженъ еще былъ опредѣлить путемъ своихъ переговоровъ и переписки съ панами-радою обоихъ государствъ федераціи.

Какія же дѣла были отложены рецессомъ до слѣдующаго сейма? Во-первыхъ — „de modo Electionis Regis et Interregno", во-вторыхъ — „exequucya pactorum conventorum", въ-третьихъ — актъ Варшавской конфедераціи 1573 года и установленный въ немъ „pokoy inter dissidentes in religionę christiana", въ-четвертыхъ — „artykuły o naprawie exorbitancyi y korrektury praw, ktoreby się na tym Seymie nie skończyły, y potym potrzebnę bydź zdały". Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти дѣла и вопросы имѣли чрезвычайное значеніе для цѣлой Польско-Литовской федераціи. Вопросъ о способахъ избранія монарховъ соединенной Речи Посполитой былъ поднятъ уже въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, и тогда еще Сигизмундъ Августъ указывалъ на его особенное значеніе[1]). Провозглашенная Варшавскою конфедераціею свобода христіанскихъ вѣроученій, сразу встрѣтившая протесты католическихъ круговъ[2]), горячо защи-

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 317, прим. 1.

[2]) См., напримѣръ, „Zdanie o konfederacyi Warszawskiéj w sprawie chrześciańskiéj religii i ocalenia ojczyzny" — Zbiór Pamiętników do dziejów

щалась „разновѣрческою“ шляхтою Польши, а Великое Княжество Литовское внесло актъ этой конфедераціи въ свой Третій Статутъ въ значеніи одного изъ основныхъ своихъ законовъ. Между тѣмъ противъ этого акта поднимались сильные голоса, и не было увѣренности въ окончательномъ принятіи его самимъ Сигизмундомъ III-мъ[1]). Осуществленіе „pactorum conventorum“ и разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ „экзорбитанціями“, также имѣли самое серьезное значеніе. Совершенно понятно, что сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го, при его неполномъ, достаточно случайномъ и односторонне-партійномъ составѣ только признавшихъ избраніе Сигизмунда Вазы, не могъ быть признанъ компетентнымъ въ вынесеніи рѣшеній по всѣмъ этимъ дѣламъ и вопросамъ. Ихъ можно было ставить на разрѣшеніе лишь на новомъ сеймѣ, который соберется уже послѣ признанія новаго монарха всѣми частями Польской Короны и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

Въ рецессѣ коронаціоннаго сейма имѣется и постановленіе о посылкѣ коммиссаровъ для раздѣла Лифляндской земли между Польскою Короною и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Оно изложено такъ: „Za zgodnym oboyga narodu Stanow pozwoleniem, deputowaliśmy Kommissarze pewne na rozdzielęnie rowne y sprawiedliwe Ziemie Inflantskiey, y na dokończenie tey sprawy wedle zastanowienia między niemi dobrowolnie, za konsensem y konfirmacyą naszą uczynionego, ktory dział Koronie, a ktory X. Litewskiemu dostać się ma. Co wszystko do exekucyi przywieść y skończyć wedle tego postanowienia powinni będziemy“. Указанія на то, что раздѣлъ Лифлянтъ между государствами Польши и Литвы производится по постановленію коронаціоннаго сейма, въ только что приведенномъ нами текстѣ рецесса нѣтъ. Его быть и не могло. Коронаціонный сеймъ

Polskich, wydał Włodzimierz Stanisław Hr. de Broel-Plater, tom II (Warszawa, 1858), str. 83-96.

[1]) О положеніи дѣла съ утвержденіемъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года на сеймѣ коронаціи Сигизмунда III-го см. Jaroslav Bidlo, Jednota Bratrská v prvním vyhnanství, část IV, str. 16-29. Ср. также вышедшую въ свѣтъ уже послѣ напечатанія первыхъ двухъ главъ настоящей второй части нашего изслѣдованія статью С. Л. Пташицкаго „Konfederacja Warszawska roku 1573 w trzecim Statucie Litewskim“. Księga Pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego (Wilno, 1935), str. 185-213.

не выносилъ этого постановленія. Конституціи его о немъ ничего не знаютъ. А между тѣмъ сеймовый рецессъ ссылается на „zastanowienie“ и „postanowienie“ становъ обоихъ государствъ Польско-Литовской федераціи, которыя приводятся въ исполненіе утвердившимъ ихъ Сигизмундомъ III-мъ. Совершенно ясно, что въ рецессѣ идетъ рѣчь о какомъ то соглашеніи, состоявшемся между Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ внѣ коронаціоннаго сейма, но получившемъ такую обязывающую силу для обоихъ государствъ, что сейму нужно было передъ нею только склониться и принять состоявшееся соглашеніе къ исполненію. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ рецессъ имѣлъ въ виду актъ 4 августа 1587 года, выработанный депутатами государствъ Польши и Литвы на элекціонномъ сеймѣ, съ которымъ мы познакомились выше[1]) и въ который было внесено соглашеніе о раздѣлѣ Лифляндской земли между Польшею и Литвою. Депутаты Короны соглашались тогда на уступку Великому Княжеству Литовскому половины Лифлянтъ, но депутаты Великаго Княжества Литовскаго требовали ихъ для своего государства полностью. Вмѣстѣ съ вопросомъ о Лифляндской землѣ та же Польско-Литовская коммиссія на элекціонномъ сеймѣ разсматривала и вопросъ о „gravamina“ и „exorbitantiae“, представленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Относительно ихъ также не пришли къ соглашенію депутаты, засѣдавшіе въ этой коммиссіи. Тогда было рѣшено, что всѣ вопросы, бывшіе предметомъ занятій ея, должны будутъ получить окончательное разрѣшеніе на предстоящемъ коронаціонномъ сеймѣ властью новаго монарха. Но, до представленія спорныхъ между государствами Литвы и Польши вопросовъ на разрѣшеніе короля, они должны быть на коронаціонномъ сеймѣ вновь разсмотрѣны Польско-Литовскою коммиссіею, въ которую войдутъ по три сенатора и по шести представителей шляхты отъ каждаго изъ государствъ федеративной Речи Посполитой. Еслибы эта коммиссія не пришла къ соглашенію и если разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ будетъ передано новому королю, обѣ стороны должны будутъ представить ему документальныя основанія своихъ требованій, а также письменное изложеніе своихъ рѣчей въ данной коммиссіи.

---

[1]) Стр. 175-177.

Но сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го былъ созванъ и состоялся въ такой ненормальной обстановкѣ, которая не могла быть предвидѣна во время элекціоннаго сейма Польско-Литовскою коммиссіею, выработавшею актъ 4 августа 1587 года. Избранія Сигизмунда Вазы Великое Княжество Литовское не признавало вплоть до 28 января 1588 года, т. е. до самыхъ послѣднихъ дней коронаціоннаго сейма. Не могло оно признавать и коронаціоннаго сейма собраннымъ законно. Не были въ составѣ его и сеймовые представители государства Литвы. Въ виду всего этого, установленный актомъ 4 августа 1587 года путь для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польшею не могъ быть пройденъ полностью. Но позволительно предполагать, что во время коронаціоннаго сейма Польско-Литовская коммиссія въ составѣ посольства государства Литвы къ Сигизмунду Вазѣ и представителей Польскаго сейма имѣла мѣсто и въ концѣ концовъ представила спорные вопросы на рѣшеніе новаго монарха Польши, еще не признаннаго Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, которому послѣднее представило свои требованія въ значеніи условій его имъ признанія. Послѣ полученія Литовскимъ посольствомъ извѣстія о результатахъ Бычинской битвы, котораго еще не имѣли поляки въ Краковѣ, оно должно было спѣшить соглашеніемъ съ Польшею и новымъ королемъ, а потому и отказалось отъ требованія для своего государства Лифляндской земли полностью, согласившись на ея половину. Это было уплатою за согласіе Польши на утвержденіе Третьяго Статута Сигизмундомъ и на исполненіе другихъ требованій Великаго Княжества Литовскаго, къ нему предъявленныхъ. Такое объясненіе намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ для постановленія рецесса коронаціоннаго сейма о посылкѣ депутатовъ для раздѣла Лифлянтъ, о которомъ не говорятъ ни слова сеймовыя конституціи 1588 года.

Сеймъ, о созывѣ котораго говоритъ рецессъ, собрался въ 1589 году въ Варшавѣ. Его конституціи датированы 18-мъ апрѣля 1589 года. Въ нихъ имѣется цѣлый рядъ постановленій, реализующихъ соглашеніе Великаго Княжества Литовскаго и Польши относительно раздѣла между ними Лифляндской земли. Вступительная къ нимъ статья[1]) отмѣчаетъ, что „między naro-

[1]) Vol. Leg., II, p. 278, f. 1262. Объ окончательномъ разрѣшеніи дѣла о раздѣлѣ Лифлянтъ повѣты Великаго Княжества Литовскаго были опо-

dami Polskim y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, około społeczności Ziemie Inflantckiey, przy uniey w konstytucyi Lubelskiey roku 1569 warowaney, przez długi czas, tak za Krola Stefana Przodka naszego, iako też na Elekcyi y Koronacyi naszey, rożnice były“. Эти разногласія „na tym ninieyszym Seymie finaliter za spolnym zezwoleniem oboyga narodow, uspokoiona iest tym sposobem niżey opisanym“ — дальше слѣдують статьи, организующія Лифляндскую землю послѣ ея раздѣла между Польскою Короною и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Можно ли понимать слова

вѣщены универсалами Сигизмунда III-го, выданными послѣ окончанія этого сейма. Вотъ ихъ полный текстъ: „Жигкимонтъ Третий, Бож[ъ]ю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Иѳлянътъский и королевства Швецкого наблизший дедичъ и пришлый король. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маръшалкомъ, старостамъ, деръжавцамъ, тивуномъ, враднus комъ земъскимъ и дворънымъ, земяномъ и дворяномъ нашымъ и всей шляхте-рицерству, обывателемъ повету Мозырского, всимъ вобецъ и кождому зособна. Ознаймуемъ' ижъ за намовою и позволеньемъ пановъ-радъ и пословъ земъскихъ обоего народу, на сойме будучыхъ, намовленъ былъ на пришлые часы спсообъ обиранья господарей на тые панства, Коруну Польскую и Великое Князство Литовъское, нижли для певныхъ причинъ сконъчити ся не могъ и отложонъ естъ до дальшыхъ намовъ въ поветы, которий (въ оригиналѣ: „которие“) по томъ при иншыхъ справахъ соймовыхъ во вси поветы розосланъ будеть. Къ тому, розделъ земли Иѳлянтское межи Коруною Польскою и Великимъ Князствомъ Литовъскимъ, яко то въ констытуцыи соймовой, которая з друку во вси поветы выдана будеть, достаточне описано естъ. А на оборону земъскую, которая если бы се откуль показала, уѳаленъ и постановленъ естъ поборъ яко з добръ нашихъ господарьскихъ, такъ съ костельныхъ и шляхетъскихъ, таковый же, яко на сойме коронацыи нашой въ Польще постановленъ былъ, такъ же з людей купецкихъ новоподъвышоное мыто и чоповое отъ шинъкаровъ, и часъ отъдаванья того побору и чопового, яко жъ и поборъцы поветовые и шаѳары, до тыхъ поборовъ назначоные, черезъ универъсалы поборовые друкованые въ кождый поветъ немешкане ознаймены будуть. Про то кожды, о томъ ведаючи, абы постановенью соймовому досыть чинити готовъ былъ а поборъ уѳаленый на часъ, въ универсале описаный, до поборъцы своего въ часъ отдавали. Писанъ у Варъшаве, лета отъ Нарожен[ь]я Сына Божого 1589, м[е]с[е]ца априля 25 дня. Кгабрыель Война, подканцлерый Вел. Княз. Литовского“. Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит., 63, л.л. 1 и об. Универсалъ этотъ, конечно, былъ посланъ не въ одинъ Мозырскій повѣтъ, а во всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго, но въ Метрику вписывался, какъ это дѣлалось обычно, въ видѣ образца универсалъ, адресованный въ одинъ изъ повѣтовъ. Заголовокъ этого документа въ книгѣ Литовской Метрики: „Универсалъ з сойму до поветовъ Великого Кн[я]зства Лит[о]вского о постановен[ь]ю побору и разделен[ь]ю земли Лиѳлянтское“.

„za spolnym zezwoleniem oboyga narodow“ въ смыслѣ сеймоваго постановленія 1589 года? Конечно, нѣтъ. Соглашеніе государствъ Польши и Литвы о раздѣлѣ Лифлянтъ уже рецессомъ коронаціоннаго сейма признано состоявшимся. Варшавскій сеймъ 1589 года имѣлъ дѣло не только съ состоявшимся уже принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о раздѣлѣ Лифляндской земли, но и съ техническою подготовкою осуществленія этого рѣшенія, ибо уже въ рецессѣ коронаціоннаго сейма было сказано о назначеніи депутатовъ для производства раздѣла. Варшавскій сеймъ 1589 года утвердилъ лишь статьи, конкретизирующія принципіальное постановленіе, сдѣланное на основѣ акта 4 августа 1587 года представителями государствъ Польши и Литвы во время переговоровъ Литовскаго посольства въ январѣ 1588 года въ Краковѣ о признаніи Сигизмунда Вазы монархомъ. Данное постановленіе состоялось не въ порядкѣ обычнаго сеймованья, а въ порядкѣ чрезвычайныхъ переговоровъ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Это были именно тѣ переговоры, въ которыхъ государство Литвы, кромѣ раздѣла Лифлянтъ, предъявило и другія свои требованія, а въ числѣ ихъ и утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута. Такимъ образомъ, постановленія Варшавскаго сейма 1589 года, касающіяся раздѣла Лифляндской земли, представляютъ собою реализацію одного изъ требованій Великаго Княжества Литовскаго, предъявленныхъ его чрезвычайнымъ посольствомъ въ январѣ 1588 года. Такое же значеніе имѣетъ и конституція того же сейма „Ordinatio o prowentach Krolewskich w Wielkim Xięstwie Litewskim“[1]). Въ ней даны дополнительныя указанія въ развитіе принятаго къ исполненію Сигизмундомъ III-мъ также одного изъ требованій, предъявленныхъ ему Литовскимъ посольствомъ въ числѣ условій его признанія, а именно требованія выдѣленія изъ господарскихъ земель государства Литвы ряда староствъ и державъ „на подымованье“ монарха, т. е. на содержаніе его двора, съ отнесеніемъ доходовъ со всѣхъ остальныхъ въ поступленія земскаго (государственнаго) скарба Великаго Княжества Литовскаго[2]).

---

1) Vol. Leg., II, p. 289, f. 1285-1286.

2) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ первый, стр. 380-381.

Какіе же вытекаютъ выводы изъ изученія постановленій сейма коронаціи Сигизмунда III-го, т. е. его конституцій и побороваго универсала? — Прежде всего необходимо признать, что въ текстѣ этихъ постановленій имѣются совершенно опредѣленныя данныя для непризнанія утвердившаго ихъ сейма нормальнымъ по своему составу. Этотъ составъ былъ далеко не полнымъ и, что особенно важно для выясненія возможности его законодательной санкціи по отношенію къ Литовскому Статуту, въ немъ не было уполномоченныхъ на сеймованье представителей Великаго Княжества Литовскаго. Кромѣ того, коронаціонный сеймъ, какъ признаетъ expressis verbis его рецессъ, работалъ въ обстановкѣ чрезвычайныхъ затрудненій Речи Посполитой. Рецессъ не обозначаетъ конкретно этихъ затрудненій. Но, что онъ тутъ разумѣетъ непризнаніе Сигизмунда III-го частью Короны и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, а также войну съ нимъ другого избраннаго короля, т. е. Максимиліана, въ этомъ сомнѣній никакихъ быть не можетъ. А если сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни по своему составу, ни по обстановкѣ своей дѣятельности, отсюда слѣдуетъ, что научный изслѣдователь не имѣетъ права прилагать къ нему обычныхъ представленій о работѣ „спольныхъ" сеймовъ нормальнаго состава и нормальной обстановки сеймованья. Что касается возможности утвержденія Третьяго Статута въ порядкѣ сеймовой законодательной санкціи, то она отвергается отсутствіемъ ея въ конституціяхъ сейма. Эти конституціи ни однимъ словомъ не обмолвились о Литовскомъ Статутѣ. Могло ли бы такъ быть, еслибы кодексъ дѣйствительно получилъ санкцію сейма? Думается, что на этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута, не говоря уже объ его противорѣчащихъ договору Люблинской Уніи основныхъ законахъ, само по себѣ было дѣломъ такого крупнаго значенія, что допустить мысль о невнесеніи его въ сеймовыя конституціи по простому недосмотру рѣшительно невозможно. Мы видѣли выше[1]), что представители Польской Короны еще на Варшавскомъ сеймѣ 1582 года требовали обязательнаго внесенія „поправы" Литовскаго Статута на сеймовое разсмотрѣніе. Значеніе Третьяго Статута для взаимныхъ

---

[1]) Часть первая, стр. 412.

отношеній Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ соединенной Речи Посполитой сознавалось въ Коронѣ очень ясно, ибо этотъ кодексъ долженъ былъ закрѣпить Польское или Литовское пониманіе Уніи, а оно было совершенно различнымъ въ обоихъ соединенныхъ ею государствахъ. Совершенно ясно, что о возможности невнесенія утвержденія Литовскаго Статута въ конституціи сейма, еслибы послѣдній далъ ему законодательную санкцію, не можетъ быть и рѣчи. Если конституціи сейма коронаціи Сигизмунда III-го объ утвержденіи Третьяго Статута молчатъ, это можетъ значить только то, что утвержденіе Литовскаго кодекса на сеймѣ и не имѣло мѣста. Наконецъ, третье, что вытекаетъ изъ изученія конституцій и рецесса коронаціоннаго сейма, — въ послѣднемъ имѣемъ слѣдъ постановленій, состоявшихся въ январѣ 1588 года внѣ этого сейма. Рецессъ даетъ знать о „добровольномъ" постановленіи становъ обоихъ народовъ относительно раздѣла Лифляндской земли между государствами Польши и Литвы. Въ конституціяхъ коронаціоннаго сейма такого постановленія нѣтъ. Но разрѣшеніе спора Великаго Княжества Литовскаго и Польши о Лифлянтахъ являлось однимъ изъ условій, которыя были предъявлены Литовскимъ посольствомъ Сигизмунду Вазѣ въ январѣ 1588 года, для признанія его монархомъ[1]). Такимъ образомъ, рецессъ коронаціоннаго сейма признаетъ въ своемъ текстѣ постановленіе, состоявшееся не на сеймѣ, а путемъ внѣсеймовыхъ переговоровъ Литовскаго посольства съ Сигизмундомъ Вазою и представителями Польши. Въ числѣ же предметовъ этихъ переговоровъ было и требованіе утвержденія Третьяго Статута. Отсюда слѣдуетъ, что конституція и рецессъ сейма коронаціи Сигизмунда III-го допускаютъ полную возможность для изслѣдователя признать ихъ нисколько не противорѣчащими даннымъ другихъ источниковъ для разрѣшенія вопроса объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года, которыя мы старались представить читателю выше.

Принимая къ исполненію требованія, предъявленныя Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, Сигизмундъ III выдалъ ему 1 февраля 1588 года грамоту, которая имѣетъ характеръ земскаго привилея. Привилеемъ она и именуется въ заголовкѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 194, 203 и сл.

присоединенномъ къ ней въ Литовской Метрикѣ[1]). Послѣ полнаго титула Сигизмунда III-го въ этой грамотѣ стоитъ: „Ознаймуемъ, ижъ рады и рыцерство, послове Великого Князства Литовского, то собе на сойме коронацыи нашое, за позволеньемъ всихъ становъ, варовали, а мы то имъ за вечное право мети хочемъ: напервей, Статутъ правъ Великого Князства Литовъского, теперъ новопоправленый черезъ депутаты, отъ становъ Великого Князства Литовского на то обраныхъ, а на томъ сойме коронацыи нашое для потверженья поданый, змоцняемъ и до уживанья даемъ, якожъ о томъ привилей нашъ, водле права ихъ, рускимъ писмомъ обывателемъ Великого Князства Литовъского выдати росказали есьмо и ку уживанью яко наборздей привести обецуемъ, заховываючи имъ завъжды вольную Статуту поправу, ведьже такъ, абы не противъ списомъ Унии, яко и тотъ Статутъ звязку Унии ничого шкодити не маеть". Далѣе слѣдуетъ изложеніе другихъ требованій, предъявленныхъ Литовскимъ посольствомъ. Заканчивается грамота такъ: „То тежъ варуемъ, ижъ тымъ, которые были розныхъ сенътенций въ обиранью насъ на Королевъство Польское и Великое Князство Литовское, не маемъ жадное неласки показовати, але, въ однакомъ поваженью кожъдого зъ нихъ маючи, ласкою нашою господаръскою водлугъ заслугъ опатровати будемъ. Которые вси артыкулы змоцъняючи, всимъ обывателемъ Великого Князства Литовъского зъ сейму коронацыи нашое ку уживанью за печатью нашою Великого Князьства Литовъского выдати есьмо велели".

Приведенный сейчасъ текстъ грамоты Сигизмунда III-го говоритъ, что утверждаемые ею пункты были представлены на сеймѣ коронаціи Литовскимъ посольствомъ, которое „варовало" ихъ „за позволеньемъ всихъ становъ". Чтó означаетъ слово „варовать"? Н. И. Горбачевскій опредѣлялъ его значеніе какъ

---

[1]) „Привилей — змоцненье новопоправленого Статуту и Суды Трибуналские, што на чотырохъ местцахъ отправованы были, на двухъ местцахъ отправовать назначоно, такъ же стверженье судовъ каптуровыхъ, по смерти кр. его мл. Стеѳана отправованыхъ, и варованье староствъ, до столу его кр. милости отъ речи посполитое упевненыхъ, никому не давать безъ чиненья личъбы". Лит. Метр., Зап. Лит., 73, л.л. 242 об. — 244 об. Изданія этого документа: А.З.Р., IV, № 3; А., изд. Вил. Арх. К., VIII, стр. 262-263; С.А. Бершадскій, Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 107-109.

„обусловливать, поставлять что нибудь въ условіе“[1]). Мы прибавили бы къ этому опредѣленію и слова „закрѣплять“ и „гарантировать“. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія слова „варовать“ въ документальныхъ источникахъ того времени. Въ листѣ Стефана Баторія, выданномъ на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года съ признаніемъ заслугъ и жертвъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго въ Московской войнѣ, между прочимъ, стоитъ: „а то варуемъ словомъ нашимъ королевскимъ, за насъ и за потомки наши, короли Полскіе и великіе князи Литовскіе, обецуючи [и] прирекаючи подъ присегою нашою, имъ даною, ижъ ани теперъ, ани вечистыми часы то имъ за повинность жадную поличано быти не маеть ани можетъ....“[2]). Въ листѣ Сигизмунда III-го, данномъ 22 февраля 1605 года обывателю Кіевской земли Василію Ходыкѣ Креницкому на устройство мѣста, т. е. города въ современномъ значеніи, при городищѣ Быковѣ и заселеніе его, имѣется такая оговорка: „а варуючи и то, ижъ люди мѣста оного на поле ходити не мають и живности, также пороховъ, куль и олову другимъ додавати не будутъ.....“[3]). Слово „варунокъ“ употребляется въ актахъ второй половины XVI столѣтія въ значеніи обязательства или условій обязывающаго акта или договора. Книгамъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго хорошо извѣстны листы „съ певными варунками, подъ печатью своею и подъ печатьми людей зацныхъ и съ подписомъ рукъ ихъ“[4]). Слово „варовать“ замѣнялось часто словомъ „обваровать“ въ томъ же значеніи. Такъ, въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 года имѣется такая фраза: „а тотъ новый Статутъ и артыкулы его не будуть мочы моцью и владностью своею у жадного суда прошлыхъ речей и справъ а справедливости людсксе, водлугъ першого Статуту и бегу права посполитого слушне обвароваеыхъ и опатроныхъ, касовати и казити“[5]). „Симъ привилеемъ обваровываемъ и утвержаемъ“ — достаточно обычная фраза въ господарскихъ привилеяхъ[6]).

---

1) Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго Края и Царства Польскаго, стр. 375.

2) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 131.

3) А. Ю. и З. Р., II, № 18, стр. 33.

4) А., изд. Вил Арх. К., XXXVI, стр. 417. Ср. тамъ же, стр. 399.

5) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 138.

6) См., напр., А. Ю. и З. Р., II, № 146, стр. 163.

Чтó же должно понимать подъ словомъ „воровали“ въ приведенномъ нами текстѣ грамоты Сигизмунда III-го? Оно соотвѣтствуетъ въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ словамъ „выговорили“, „обусловили“, „гарантировали“. Такимъ образомъ въ грамотѣ идетъ рѣчь объ условіяхъ или требованіяхъ, предъявленныхъ Сигизмунду Вазѣ для признанія его Великимъ Княжествомъ Литовскимъ своимъ монархомъ. Эти требованія были приняты Сигизмундомъ и признаны „вечнымъ правомъ“ для государства Литвы. Какъ понимать слова „за позволеньемъ всихъ становъ“ въ изучаемомъ текстѣ? Какіе станы дали это „позволенье“? Къ сожалѣнію, въ текстѣ грамоты отсутствуетъ прямое ихъ обозначеніе. А обозначить ихъ возможно было двояко, а именно — или какъ станы Великаго Княжества Литовскаго, или какъ станы коронаціоннаго сейма. Въ первомъ случаѣ пришлось бы понимать „позволенье“ даннымъ станами государства Литвы на тѣ условія, которыя Литовское посольство предъявило Сигизмунду Вазѣ. Во второмъ — подъ „позволеньемъ“ нужно понимать разрѣшеніе коронаціоннаго сейма Сигизмунду III-му исполнить требованія Великаго Княжества Литовскаго. Но при обоихъ этихъ пониманіяхъ безусловно отпадаетъ возможность видѣть въ словахъ „за позволеньемъ всихъ становъ“ указаніе на сеймовую санкцію, ибо посольство Великаго Княжества Литовскаго „варовало“ свои требованія, а не участвовало въ сеймовомъ постановленіи объ нихъ.

Что касается составленія Третьяго Литовскаго Статута, то грамота Сигизмунда III-го его признаетъ дѣломъ „депутатовъ, отъ становъ Великого Князства Литовского на то обраныхъ“, а не коммиссіи, учрежденной на Люблинскомъ сеймѣ. Въ дальнѣйшемъ за государствомъ Литвы признается „вольная поправа“ Статута, т. е. полная свобода дальнѣйшихъ исправленій кодекса, даже безъ оговорки о необходимости представленія дѣлаемыхъ исправленій на разсмотрѣніе „спольныхъ“ сеймовъ. Добавлено лишь то, чтобы эта „поправа“ не была „противъ спискомъ Унии“. Но при этомъ сказано, что и самъ „тотъ Статутъ звязку Унии ничого шкодити не маеть“. Послѣднія слова заставляютъ особенно на себѣ остановиться. Мы видѣли выше[1]), что основные законы Третьяго Статута были вырабо-

---

1) Стр. 127 и 144.

таны и редактированы съ предвидѣніемъ возможностей для Великаго Княжества Литовскаго какъ оставаться въ федеративномъ соединеніи съ Польшею, такъ и разорвать его. Грамота Сигизмунда потому и оговариваетъ ненарушеніе Статутомъ „звязку Унии", т. е. федераціи съ Польскою Короною. О непротиворѣчіи Литовскаго кодекса всѣмъ статьямъ договора Люблинской Уніи нѣтъ и рѣчи. Часть этихъ статей нарушена Третьимъ Статутомъ, и это нарушеніе санкціонировано Сигизмундомъ III-мъ, его утвердившимъ. О возможнсстм принудить государство Литвы отказаться отъ аннулированія части постановленій договора Уніи 1569 года нельзя было и думать. Поэтому необходимо было спасать существованіе федеративнаго соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, хотя бы и съ отмѣною части статей договора Люблинской Уніи, какъ бы ни дороги были эти статьи для Польской Короны.

Требованія посольства Великаго Княжества Литовскаго Сигизмундъ III, по выраженію грамоты, „змоцняетъ и до уживанья даетъ". Грамота не говоритъ, что онъ это дѣлаетъ „моцю" коронаціоннаго сейма. Сигизмундъ утверждаетъ предъявленныя ему Литовскимъ посольствомъ требованія своею монаршею властью съ вѣдома коронаціоннаго сейма, но не въ силу сеймовой санкціи. Но почему же въ изучаемой нами грамотѣ не упомянуто о раздѣлѣ Лифляндской земли между государствами Литвы и Польши, требованіе котораго также было предъявлено Сигизмунду въ числѣ условій признанія его Великимъ Княжествомъ Литовскимъ своимъ монархомъ? Это было сдѣлано, конечно, потому, что раздѣлъ Лифлянтъ требовалъ соглашенія между обоими государствами федеративной Речи Посполитой. Великое Княжество Литовское не могло разсматривать его какъ дѣло, которое оно можетъ разрѣшить только своимъ соглашеніемъ со своимъ новымъ монархомъ. Литовскій Статутъ и всѣ другія постановленія грамоты 1 февраля 1588 года оно разсматривало какъ внутреннія дѣла своего государства, не подлежащія вмѣшательству въ нихъ Польши, тѣмъ рѣшительно закрѣпляя свой взглядъ на Унію какъ на федеративное соединеніе двухъ равноправныхъ государствъ, независимыхъ одно отъ другого въ своей внутренней жизни. Что же касается Лифляндской земли, то раздѣлъ ея, съ удаленіемъ Польскихъ должностныхъ лицъ изъ отходящей къ государству Литвы части территоріи, требовалъ особаго акта соглашенія Польской Коро-

ны съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Это соглашеніе было уже подготовлено на элекціонномъ сеймѣ Польско-Литовскою коммиссіею, которой дѣятельность закончилась составленіемъ акта 4 августа 1587 года, намѣтившаго разрѣшеніе вопроса о Лифлянтахъ[1]).

Итакъ, согласіе Польши, ея собравшихся на коронаціонный сеймъ „становъ", на принятіе Сигизмундомъ III-мъ требованій Великаго Княжества Литовскаго было вынуждено посольствомъ послѣдняго, крайне умѣло использовавшимъ тогдашнія затрудненія Польской Короны и сумѣвшимъ своевременно получить извѣстіе объ исходѣ Бычинской битвы. Гейденштейнъ такъ писалъ о заключительномъ моментѣ переговоровъ Литовскаго посольства о признаніи Сигизмунда: „Lithuani.... consensum in postulata sua Ordinum Polonicorum exprimunt: ipsique etiam mox, totius Lithuaniae nomine, juramentum Regi praestitere"[2]). Гейденштейна интересуетъ положеніе Сигизмунда III-го, а не дѣла Великаго Княжества Литовскаго. Потому онъ и говоритъ лишь о присягѣ, принесенной Литовскимъ посольствомъ. Но, конечно, присяга была взаимная. Современный событіямъ авторъ, который интересуется прежде всего и главнѣе всего именно государствомъ Литвы, Новгородскій подсудокъ Өеодоръ Евлашевскій, писалъ въ своихъ Запискахъ: „року 1588, стычня 28 дня Жикгмонтъ Третый, король Полскій, на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ"[3]). Во всякомъ случаѣ, признаніе избранія и коронованія Сигизмунда III-го Великимъ Княжествомъ Литовскимъ обезпечивало и ему престолъ Польско-Литовской федеративной Речи Посполитой[4]), и сохраненіе Уніи государствъ Литвы и Польши, хотя бы условія ея Люблинскаго договора и оказались измѣненными въ основныхъ законахъ Третьяго Статута.

---

1) См. выше, стр. 175-177.

2) Heidenstein, Rer. Pol. ab exc. Sig. Aug. libri XII, p. 284 (a).

3) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ II (Кіевъ, 1896), стр. 28.

4) Такъ, Пясецкій въ своей Хроникѣ пишетъ: „Sparsa autem fama de profligato atque capto Maximiliano cum suis assectatoribus, reliqui earum partium, qui adhuc in Polonia latebant, palam Sigismundo adhaerere coeperunt. Venerat statim Sulikouius Archiep. Leopol. Cracouiam, et cum eo multi ex Russia, qui eousque nutabant: et Lithuani nil morati cum obsequio aduolarunt, ac omne commotionis illius murmur mox conquieuit". Chronica Ges-

Въ Великое Княжество Литовское были отправлены универсалы Сигизмунда III-го съ оповѣщеніемъ о коронаціи его и объ утвержденіи имъ Третьяго Статута, съ указаніемъ срока введенія его въ дѣйствіе, датированные 1-мъ февраля 1588 года[1]). Но утвержденіе новаго Литовскаго кодекса не обошлось безъ протеста. Этотъ протестъ былъ заявленъ однимъ изъ членовъ Литовскаго посольства, ведшаго переговоры о признаніи Сигизмунда Вазы, Виленскимъ кустошемъ Бенедиктомъ Войною, именемъ всего католическаго духовенства государства Литвы. Протестъ не былъ направленъ противъ Статута въ цѣломъ. Онъ относился лишь къ внесенію въ кодексъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года, утверждавшаго свободу всѣхъ христіанскихъ вѣроученій въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Вотъ полный текстъ этого протеста —

„Лета Бож[ъ]его Нароженья 15 осмдесятъ осмого, месеца ѳевраля 8 дня. Господаръ Бож[ъ]ю милост[ь]ю Жикгимонтъ Третий, король его милость Полский и великий князь Литовский, рачилъ то росказати до книгъ канъцлярейскихъ записати: Што жъ на сойме коронацыи его королевское милости, кгды при отдаванью черезъ пановъ пословъ отъ всихъ становъ народу Великого Князства Литовского подданьства его королевской милости присегу, при коронацыи учиненую на права и свободы, Великому Князству Литовъскому король его милость повторить, такъ тежъ и Статутъ новопоправленый утвердити рачилъ, ино, будучи тамъ же князь Бенедыктъ Война, кустошъ Виленский, про-

---

torum in Evropa Singularium: A Paulo Piasecio Episkopo Praemisliensi (Cracoviae, 1648), p. 83. Въ польскомъ переводѣ Хроники Пясецкаго (Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyślskiego. Kraków, 1870), стр. 88.

[1]) Заголовки ихъ въ книгахъ Литовской Метрики: „Листъ, до всихъ въобецъ писаный, ознаймуючи о укоронованю короля его мл. и доконченю справъ соймовыхъ, и Статутъ новопоправленый привильемъ утвердивъши, друковать позволивши, и часъ, на который се водле того нового Статуту судити почнуть, назначоно" (Записей Лит., 73, л.л. 241-242 об.), „Универсалъ съ коронацыи въ поветы о Статутъ" (Судныхъ Дѣлъ Лит., 64, л.л. 173-173 об.). Ср. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 222, прим. 1 (начало этого универсала по его списку въ 65-ой книгѣ Лит. Записей Метрики Литовской). 1-го февраля 1588 года были утверждены Сигизмундомъ III-мъ и „Артыкулы земли Жомойтской, отъ кр. его милости на коронацыи позволеные" (Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит., 64, л. 172 об.). Изданіе ихъ — А.З.Р., IV, № 2.

бощъ Троцкий, именемъ всего духовенства обличъне передъ его королевскою милост[ь]ю обмову чинилъ и протестацыю свою на писме подалъ тыми словы, ижъ што межы инъшими артыкулы до присеги короля его милости конъѳедерацыя подана естъ, на которую станы духовные Великого Князства Литовского николи не позволяли, противъ которой я именемъ ихъ и з особы своее и теперъ, протестуючи се, не позволяю; а ижъ и до Статуту новопоправленого вложона естъ мимо позволенье становъ духовныхъ, про то, што бы колвекъ въ томъ Статуте зъ стороны конъѳедерацыи написано было, противко тому всему се осветчаю, протестую и прошу, абы то до книгъ канъцелярыи господарское записано. Писанъ у Кракове"[1]).

Только что приведенный протестъ переноситъ насъ къ тѣмъ трудностямъ, которыя стояли на пути составителей Третьяго Статута во время ихъ работы надъ нимъ. Когда мы эту работу изучали, мы отмѣтили сложность вопроса о равноправіи христіанскихъ исповѣданій, который необходимо было урегулировать при статутовой „поправѣ". Чтобы преодолѣть эти трудности, составители Статута встали на формальную почву дѣйствующей силы присягъ королей Генриха и Стефана, принесенныхъ ими въ соблюденіи постановленій Варшавской конфедераціи 1573 года. Протестъ противъ внесенія акта этой конфедераціи въ Статутъ, заявленный католическимъ духовенствомъ при утвержденіи кодекса, показываетъ ясно, насколько трудно было выработать обычный статутовый артикулъ, гарантирующій „разновѣрцамъ" равноправіе съ католиками. Особенно понятными становятся побужденія для внесенія въ Третій Статутъ именно полнаго текста акта Варшавской конфедераціи, какъ сохраняющихъ свою не отмѣненную силу постановленій, принятыхъ въ 1573 году государствомъ Литвы вмѣстѣ съ государ-

---

[1]) Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит., 64, л.л. 174-174 об. („Протестацыя его милости князя Бенедыкта Войны, именемъ всего духовенства у Великомъ Князстве Литовскомъ, противъко конъѳедерацыи на коронацыи учиненая"). Тотъ же документъ находится въ 65-ой книгѣ Судныхъ Дѣлъ Лит. Метрики, на л.л. 557-557 об. Оба текста были нами сличены и описки перваго исправлены на основаніи второго. Документъ настоящій былъ нами изданъ уже раньше, въ статьѣ „Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія" (Журн. Мин. Нар. Пр., 1914 г., II, стр. 226, прим. 2).

ствомъ Польши[1]). Но при изученіи способа утвержденія Статута 1588 года текстъ протеста Бенедикта Войны также имѣетъ свое несомнѣнное значеніе. Онъ лишній разъ подтверждаетъ то, что Третій Литовскій Статутъ получилъ санкцію Сигизмунда III-го при принесеніи имъ присяги „на права и свободы“ Великаго Княжества Литовскаго передъ посольствомъ послѣдняго, приносящимъ въ свою очередь именемъ своего государства присягу новому монарху.

Іосифъ Шуйскій, разсказывая объ использованіи Литовскимъ посольствомъ неосвѣдомленности короля Сигизмунда и поляковъ въ Краковѣ о результатахъ Бычинской битвы, писалъ: „tak to misternie odrwili Litwini Polaków“[2]). Успѣхъ Литовской дипломатіи, добившейся отъ Сигизмунда Вазы и Польши исполненія требованій Великаго Княжества Литовскаго, признается въ исторической литературѣ[3]). Но въ ней обычно не обращается вниманія на то, что утвержденіе Статута входило въ составъ требованій, предъявленныхъ Литовскимъ посольствомъ въ значеніи условій признанія Сигизмунда монархомъ государства Литвы. Изъ этихъ требованій обыкновенно выдвигаются пятнадцатилѣтнее перемиріе съ Москвою и раздѣлъ Лифляндской земли[4]). Конечно, отмѣчаемыя требованія имѣли весьма серьезное значеніе. Но и утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута, съ его основными законами, конструировавшими государство Литвы въ федераціи съ Польшею, должно быть признано имѣющимъ выдающееся значеніе.

Задача детальнаго изученія исторіи утвержденія Третьяго Литовскаго Статута и характера его законодательной санкціи была поставлена въ спеціальной литературѣ лишь въ болѣе позднее время. Можно думать, что раньше, когда Третій Статутъ сохранялъ значеніе свода дѣйствующихъ законовъ, воп-

---

1) См. выше, стр. 74.

2) Józef Szujski, Dzieje Polski, tom III (Kraków, 1894), str. 146.

3) См., напр., стр. 197-198 труда Альмквиста — Den Politiska Krisen och Konungavalet i Polen år 1587 af Helge Almquist (Göteborg, 1916).

4) Иногда, однако, упоминаніе Третьяго Статута, въ числѣ вынужденныхъ Литовскимъ посольствомъ у Сигизмунда и Польши уступокъ, въ литературѣ и встрѣчается. См., напр., Teodor Morawski, Dzieje narodu polskiego w krótkości zebrane, tom III (Poznań, 1877), str. 126.

росъ о способѣ его утвержденія не занималъ тѣхъ, кто имъ пользовался и его изучалъ для практическихъ цѣлей. Статутъ былъ кодексомъ дѣйствующаго права, и этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы его признавать получившимъ законодательную санкцію. Какого рода была эта санкція, — ставить такой вопросъ представлялось излишнимъ. Но, когда началась научная разработка литовскаго права, совершенно естественнымъ стало стремленіе изслѣдователей опредѣлить и природу законодательной санкціи, полученной Третьимъ Литовскимъ Статутомъ. Тадеушъ Чацкій опредѣлялъ ее такъ: Сигизмундъ III „władzą sejmową ten statut 1588 roku 30. stycznia do wykonania państwu litewskiemu podał“[1]). Трудъ Чацкаго „O Litewskich i Polskich prawach“, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1800-1801 годахъ, пользовался очень большимъ авторитетомъ въ началѣ XIX столѣтія. Совершенно понятно, что имѣвшееся въ немъ утвержденіе о сеймовой санкціи для Третьяго Статута поначалу не возбуждало никакихъ сомнѣній. Это утвержденіе повторилъ Янъ Винцентій Бандтке въ своемъ очеркѣ юридической литературы, напечатанномъ въ 1814 году въ Исторіи Польской Литературы Бентковскаго[2]). Повторилъ слова Чацкаго объ утвержденіи Третьяго Статута сеймомъ и Самуилъ Богумилъ Линде въ своемъ трудѣ „O Statucie Litewskim“, вышедшемъ въ 1816 году[3]), оговоривъ, однако, ошибку Чацкаго въ датированіи утверждающаго кодексъ привилея Сигизмунда III-го 30-мъ, а не 28-мъ января 1588 года[4]).

Но Бандтке, съ годами своей работы надъ польскимъ и литовскимъ правомъ, отказался отъ представленія Чацкаго о сеймовой санкціи для Третьяго Статута и выдвинулъ положеніе объ утвержденіи этого кодекса только привилеемъ Сигизмунда

---

[1]) Мы цитируемъ по изданію сочиненій Чацкаго гр. Рачинскимъ въ 1844-1845 годахъ — Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego, tom I (Poznań, 1844), str. 10.

[2]) „...a w roku na koniec 1588 za Zygmunta III ostateczne onegoż (т. е. Третьяго Литовскаго Статута) do zachowania podanie i zatwierdzenie władzą seymową“. Historya literatury polskiey wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych przez Felixa Bentkowskiego, tom II (w Warszawie i Wilnie, 1814), str. 177.

[3]) Сигизмундъ III „władzą Seymową 1588 roku, dnia 30 Stycznia Statut ten do wykonywania Państwu Litewskiemu podał“. Str. 23.

[4]) „Omylił się Czacki o dwa dni, data albowiem przywileiu Królewskiego iest nie 30, lecz 28 Stycznia“. Ibidem, nota.

III-го, безъ постановленія сейма. Это положеніе Бандтке развивалъ въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Варшавскомъ Александрійскомъ Университетѣ до самаго его закрытія, послѣдовавшаго въ 1830 году. Лекціи Бандтке, конечно, обращались въ записяхъ его университетскихъ слушателей не только среди студентовъ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ интересующихся польскимъ и литовскимъ правомъ[1]). Я. В. Бандтке былъ слишкомъ выдающимся ученымъ своего времени, и его научные взгляды и мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи права не могли не возбуждать интереса, высказывались ли они имъ въ его печатныхъ трудахъ, или въ его университетскихъ лекціяхъ. Читанный Бандтке въ Варшавскомъ Университетѣ курсъ былъ изданъ въ печати только въ 1850 году[2]), т. е. уже черезъ четыре года послѣ смерти автора и черезъ двадцать лѣтъ послѣ прекращенія его университетскаго преподаванія въ Варшавѣ. Въ этомъ печатномъ изданіи курса Бандтке объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута сказано такъ: „Wygotowano na koniec tak długo oczekiwaną i zalecaną poprawę, lecz roku 1588 dnia 30 Stycznia podaną została do zachowania za przywilejem samego tylko Zygmunta III, bez uchwały sejmowej. Stało się to może dla tego, aby nie ściągnąć nowej zwłoki, i nie wystawić pracy na zdanie nieznających się na niej, a mających wszelako o niej stanowić, jak to się zdarza zwykle w rządach rozwolnionych, nienaukowych, i jak dozwalaią tego domysłu wkrótce potem pragnione i warowane, lubo nie uskutecznione poprawy“[3]). Основаніе, по которому Бандтке не могъ признать Третій Статутъ получившимъ законодательную санкцію отъ сейма коронаціи Сигизмунда III-го, совершенно ясно. Превосходный юристъ, прошедшій прекрасную научную школу, Бандтке не могъ допустить возможности утвержденія Статута сеймомъ, разъ въ его конституціяхъ, своевременно составленныхъ, закономѣрно

1) Объ этомъ вліяніи лекцій Бандтке см. Michał Bobrzyński, Szkice i studja historyczne, tom drugi (Kraków, 1922), str. 335 (O dawnem prawie polskiem, jego nauce i umiejętnem badaniu).

2) Historya prawa polskiego, napisana i wykładana przed rokiem 1830 w b. Warszawskim Aleksandryjskim Uniwersytecie przez Jana Wincentego Bandtkie Stężyńskiego. Dzieło pogrobowe. Warszawa, 1850. Прибавку „Стенжинскій“ Бандтке сдѣлалъ къ своей прежней фамиліи послѣ полученія дворянства.

3) Str. 706.

утвержденныхъ и сохранившихся въ полномъ своемъ составѣ, нѣтъ записи о состоявшейся сеймовой законодательной санкціи. Объясненія утвержденія Третьяго Статута не властью сейма, а властью монарха Бандтке искалъ въ недовѣріи къ возможности для перваго съ достаточною компетентностью, не формальною, а по способности этого учрежденія разбираться въ дѣлѣ кодификаціи, разрѣшить вопросъ объ утвержденіи Литовскаго Статута. Недовѣріе къ сейму заставило искать способа утвержденія кодекса безъ законодательной сеймовой санкціи. Этимъ способомъ и явилось утвержденіе его властью монарха. Такимъ, надобно думать, былъ ходъ мысли, которымъ шелъ Бандтке при объясненіи отсутствія записи о законодательной санкціи для Третьяго Статута въ конституціяхъ сейма коронаціи Сигизмунда Вазы.

Я. В. Бандтке долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся и заслуженныхъ историковъ польскаго права. Что касается его университетскаго курса, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, то, обозрѣвая разработку исторіи польскаго права, Александръ Краусгаръ называлъ его „wymowny obraz nieprzebranéj uczoności autora“[1]). Однако, при всемъ научномъ авторитетѣ Бандтке, его признаніе Третьяго Литовскаго Статута получившимъ силу дѣйствующаго свода законовъ безъ законодательной санкціи сейма не могло не возбуждать нѣкоторыхъ недоумѣній. Представленіе о значеніи сейма, безъ санкціи котораго ни одинъ законъ въ Польшѣ не могъ получить силы, было общепризнаннымъ. Оно питалось не только доступными каждому сеймовыми конституціями, изданными въ Volumina Legum, и общими обзорами государственнаго устройства и права Польши, но и живыми воспоминаніями, переданными поколѣніями, пережившими раздѣлы Речи Посполитой и помнившими ея сеймы еще функціонировавшими. Литва по польской традиціи представлялась слитою съ Польшею, органическою частью послѣдней. Дѣйствительныя отношенія Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны послѣ Люблинской Уніи совершенно не были вскрыты научнымъ изслѣдованіемъ. Въ

---

[1]) Uwagi nad historyą prawa. Przez Alexandra Kraushara Mag. pr. Rozprawa Konkursowa, zaszczycona przez Wydział prawa i administracyi Szkoły Głównéj Warszawskiéj drugą nagrodą z zapisu J. X. Adama Jakubowskiego Członka Rady Wychowania. Warszawa, 1868. Str. 143.

виду всего этого, въ польской литературѣ первой половины XIX столѣтія обнаружились два теченія въ обозначеніи способа утвержденія Третьяго Статута. Одно изъ нихъ это утвержденіе признавало дѣломъ Сигизмунда III-го, давшаго Статуту законодательную санкцію своимъ привилеемъ. Другое старалось обойти вопросъ о способѣ утвержденія кодекса и говорило о немъ въ общихъ выраженіяхъ, допускавшихъ различное ихъ пониманіе. Но, во всякомъ случаѣ, категорически выраженное положеніе Чацкаго о сеймовой санкціи для Третьяго Литовскаго Статута воспроизводить уже избѣгали.

Какъ представителей перваго теченія можно назвать К. Л. Рудзѣцъ Рудницкаго, И. Н. Даниловича и В. Дуткевича. Первый изъ нихъ, говоря о „Leges Statutum Lithuanicum dictae, quarum tres Collectiones extant", писалъ, что изъ этихъ „Collectiones" третья „Anno 1588 Ruthenice quoque facta, quae Sigismundi III Privilegio confirmata est"[1]. И. Н. Даниловичъ въ томъ же 1834 году, когда вышла книжка Рудницкаго, такъ обозначалъ способъ утвержденія Третьяго Статута: „Aus diesen Verbesserungen und Ergänzungen entstand das neueste Litthauische Statut, welches am 28 Januar 1588 von Sigismund III bestätigt ist"[2]. Позднѣе, въ 1841 году, Даниловичъ добавилъ еще представленіе Статута на коронаціонный сеймъ, но утвержденіе кодекса по-прежнему признавалъ за Сигизмундомъ III-мъ, не указывая подобно Чацкому, что оно совершилось властью сейма — „Статутъ, изготовленный въ Литвѣ, былъ представленъ" коронаціонному „Сейму 1588 года и удостоился утвержденія со стороны Короля Сигизмунда III, послѣдовавшаго въ привилегіи отъ 28-го Генваря того же года, контрасигнированной Подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою и Писаремъ Великаго Княже-

---

1) De legibus generalibus Regni Polonorum antiquis, novis et novissimis dissertatio inauguralis historico-juridica quam annuente amplissimo in alma universitate litteraria Jagellonica jure consultorum ordine pro summis in utroque jure et scientiis administrandae reipublicae honoribus rite capessendis. Die Novembris 1834 anno. Scripsit Casimirus Leon: Rudziec de Rudnicki. Cracoviae, 1834. P. 27.

2) Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung (Dorpater Jahrbücher. Zweiter Band. 1834), S. 292. Въ польскомъ текстѣ статьи Даниловича это выражено такъ: „Tak powstał najnowszy statut litewski, potwierdzony od Zygmunta III, 28 stycznia r. 1588". Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty (Wilno, 1837). Str. 89.

ства Литовскаго Гавріиломъ Войною"[1]). Въ 1869 году В. Дуткевичъ повторилъ признаніе Третьяго Статута утвержденнымъ Сигизмундомъ III-мъ безъ всякаго указанія на коронаціонный сеймъ. Дуткевичъ писалъ: „Najporządniejsze prawa z układu miała Litwa, tak zwany Statut Litewski, którego były trzy redakcye. Ostatnia jest w r. 1588, d. 28 stycznia zatwierdzona przez Zygmunta III"[2]).

Во всѣхъ приведенныхъ формулировкахъ не отмѣчается того, что Третій Литовскій Статутъ вступилъ въ жизнь безъ законодательной санкціи сейма, какъ это совершенно опредѣленно указывалъ Бандтке. Авторы ихъ не обращали вниманія читателя на отсутствіе этой санкціи. Только знаніе того, что Бандтке ее отвергъ, позволяетъ понять ихъ смыслъ и настоящее содержаніе и признать умолчаніе въ нихъ объ утверждающей власти коронаціоннаго сейма имѣющимъ серьезное значеніе. Но сопоставленіе ихъ съ формулировкою Чацкаго, Линде и самого Бандтке до выработки имъ своего курса, читаннаго въ Варшавскомъ Университетѣ, уясняетъ ихъ расхожденіе съ утвержденіемъ, будто бы Третій Статутъ получилъ законодательную санкцію отъ коронаціоннаго сейма. Однако цѣлый рядъ авторовъ, говоря о вступленіи въ 1588 году Статута въ жизнь, предпочелъ совершенно умолчать о томъ, какого рода законодательная санкція сдѣлала это возможнымъ. Такъ І. Ярошевичъ писалъ: „Tym więc sposobem drugi Statut litewski tyle razy poprawiany, uzupełniany i odmieniany, po ostatecznéj swojéj w ruskim jeszcze języku redakcji, otrzymał nakoniec na nowo sankcję prawodawczą za Zygmunta III, w r. 1588 d. 28 Stycznia"[3]), М. Балинскій — „Litwa po trzeci raz statut swój ruski poprawiła i do druku podała"[4]), С. Голенбёвскій — „otrzymał sank-

---

[1]) Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты (Юрид. Записки, изд. Петромъ Рѣдкинымъ. Томъ первый. Москва, 1841), стр. 29.

[2]) Prawa cywilne jakie w Polsce od roku 1347 do wprowadzenia Kodexu Napoleona obowiązywały. Napisane jako program do egzaminu z historyi tegoż prawa przez Walentego Dutkiewicza (Warszawa, 1869). Str. 10.

[3]) J. Jaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji, część II (Wilno, 1844), str. 145.

[4]) Hystorya Polska przez Michała Balińskiego (Warszawa, 1844), str. 159.

cią prawodawczą za Zygmunta III w 1588 r.“[1]), I. Морачевскій — „1588 roku za Zygmunta III statut trzeci stał się obowięzującym“[2]). Въ такихъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывались о законодательной санкціи Третьяго Литовскаго Статута и другіе авторы[3]). Совершенно естественно изъ этой неопредѣленности сдѣлать выводъ, что они, зная о спорности вопроса относительно характера законодательной санкціи, полученной Третьимъ Литовскимъ Статутомъ, и не имѣя возможности или не желая входить въ его самостоятельное изученіе, предпочитали его обходить и давать такую формулировку, которая бы не шла въ разрѣзъ ни съ однимъ изъ двухъ предложенныхъ его рѣшеній.

Различіе представленій о способѣ утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, существовавшее въ первой половинѣ XIX столѣтія, было совершенно забыто къ тому времени, когда этотъ вопросъ былъ поднятъ вновь, на этотъ разъ уже не въ польской, а въ русской литературѣ въ исходѣ того же XIX вѣка. Ученый споръ, возникшій въ девяностыхъ годахъ этого вѣка потому представился чѣмъ то совершенно новымъ почти всѣмъ, кто такъ или иначе соприкасался съ этимъ вопросомъ въ новѣйшее время.

Ученыя мнѣнія объ утвержденіи Третьяго Статута возникли въ литературѣ девяностыхъ годовъ въ связи съ поднятымъ тогда вопросомъ объ обязательности для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Польско-Литовскихъ сеймовъ времени послѣ Люблинской Уніи[4]). Первымъ, кто, въ связи съ этимъ вопросомъ, высказался и объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года, былъ С. А. Бершадскій. Въ своемъ изслѣдованіи „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву“[5]) онъ, между прочимъ, писалъ: „въ Польшѣ и Литвѣ законодательная власть съ 1569 г. принадлежала не Королю, а

---

1) Seweryn Gołębiowski, Czasy Zygmunta Augusta. Cześć I, (Wilno, 1851), str. 102.

2) Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań, 1851), str. 161.

3) См., напр., Starożytności Polskie, tom II (Poznań, 1852), str. 498, или Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedział (Poznań, 1859), str. 108.

4) См. выше, стр. 65.

5) С.-Петербургъ, 1892.

сейму — изъ представителей польской и литовской шляхты. Не только желанія, но и предписанія Короля, какъ главы исполнительной власти, имѣли силу административныхъ распоряженій, не болѣе; законы же издавались сеймомъ и только сеймомъ"[1]). Бершадскій прекрасно знаетъ, что Статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ III-мъ его привилеемъ на коронаціонномъ сеймѣ, но онъ понимаетъ это утвержденіе именно властью сейма, а не монарха[2]). Это представлялось Бершадскому настолько естественнымъ, что онъ не могъ представлять себѣ возможности иной законодательной санкціи для Литовскаго кодекса, а потому и нисколько не останавливался на болѣе или менѣе детальномъ изученіи его утвержденія[3]).

Работа С. А. Бершадскаго „О наслѣдованіи въ вымороченыхъ имуществахъ" вышла въ 1892 году. Въ слѣдующемъ году онъ опубликовалъ свое изслѣдованіе „Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи", въ которомъ дополнилъ, развилъ и еще глубже обосновалъ цѣлый рядъ своихъ мыслей, высказанныхъ въ предшествующей работѣ. Болѣе детально занялся онъ теперь и вопросомъ объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года. Теперь Бершадскій постарался обрисовать обстановку, при которой совершилось утвержденіе Статута. Для ея возстановленія онъ привелъ въ русскомъ переводѣ разсказъ Гейденштейна о признаніи литовцами Сигизмунда III-го и соотвѣтствующія мѣста изъ труда Нѣмцевича „Dzieje panowania Zygmunta III", а также хроники Іоахима Бѣльскаго, съ которыми мы познакомились уже выше[4]). Изъ фактовъ, которые даютъ Гейденштейнъ и Нѣмцевичъ, Бершадскій сдѣлалъ такіе выводы: „На основаніи этихъ данныхъ мы въ правѣ утверждать, что конституція 1588 г. была обсуждена и принята на сеймѣ безъ Литовскихъ депутатовъ, такъ какъ только 27 января они принесли отъ имени всей Литвы присягу на вѣрность Королю, а 28 января Король — „на соймѣ Коронацыи его Королевское милости, кгды при отдаваньи черезъ пословъ отъ всихъ становъ народу Великаго Княжства Литовскаго подданьства его Коро-

---

1) Стр. 13-14.

2) Стр. 9.

3) С. А. Бершадскій даже писалъ, что „Литовскій Статутъ былъ разсматриваемъ и утвержденъ" въ 1588 году на коронаціонномъ сеймѣ. Тамъ же, стр. 66.

4) Стр. 195-205.

левское милости присегу, при Коронацыи учиненую, на права и свободы Великому Князству Литовскому, Король его милость повторить, такъ тежъ и Статутъ новопоправленый утвердити — рачилъ". До принесенія присяги Литовскіе чины не могли принимать участія въ засѣданіяхъ сейма, а по принесеніи присяги для нихъ было поздно принимать участіе въ обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, которые уже были разсмотрѣны въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, да къ тому же у нихъ оставалось для этого всего одинъ или два дня, т. е. 29 и, можетъ быть, 28 января, такъ какъ 30 января конституція была утверждена Королемъ. Можетъ показаться страннымъ, почему же Литовскіе чины дали такъ легко согласіе на постановленіе этой конституціи? Отвѣтъ на это чрезвычайно простъ: Конституція, напечатанная въ Volumina legum — дефектна. Въ ней напечатаны только законы, касавшіеся Польши, законы же принятые на этомъ коронаціонномъ сеймѣ и касавшіеся Литвы не попали въ Volumina legum, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что монахи Піары, редактировавшіе это изданіе, считали себя въ правѣ включить въ свой сборникъ лишь тѣ юридическіе акты, которые были ранѣе напечатаны, а потому не считали нужнымъ справляться съ рукописными подлинниками законовъ, хранившихся или въ государственныхъ архивахъ Польши и Литвы, или въ архивахъ тѣхъ мѣстныхъ учрежденій, въ которыя вносились тексты конституцій непосредственно, или же путемъ переноса изъ оригинальныхъ книгъ". С. А. Бершадскій полагалъ, что „утвержденіе Литовскаго Статута 1588 г., измѣненіе нѣкоторыхъ артикуловъ трибунала, назначеніе на содержаніе двора г. Бреста, Гродно и проч. составляли интегральную часть конституціи 1588 г., образуя въ ней лишь особый отдѣлъ; что эти постановленія своевременно были обнародованы, слѣдовательно для нихъ существуютъ на лицо всѣ тѣ требованія, которыя могли быть предъявлены къ закону". Дальше онъ приводитъ часть текста разсмотрѣнной нами выше[1]) грамоты Сигизмунда III-го отъ 1 февраля 1588 года (въ переводѣ на новый русскій литературный языкъ), утверждающей требованія Литовскаго посольства, гарантированныя имъ Великому Княжеству Литовскому на коронаціонномъ сеймѣ. Грамота эта признается Бершадскимъ настолько важною, что онъ вновь

———

[1]) Стр. 232-237.

переиздаетъ даже ея полный текстъ по ея записи въ одной изъ книгъ Литовской Метрики, хотя онъ и былъ уже напечатанъ раньше. Ссылаясь на этотъ и другіе документы, выданные 1 февраля 1588 года, Бершадскій дѣлаетъ такой окончательный выводъ изъ своего изученія утвержденія Третьяго Литовскаго Статута: „Изъ только что приведенныхъ документовъ несомнѣнно вытекаетъ, что Статутъ Литовскій былъ не только утвержденъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. съ согласія всѣхъ чиновъ, бывщихъ на сеймѣ, но и внесенъ въ книги королевской канцеляріи, скрѣпленъ королевской печатью и снабженъ подписью Льва Сапѣги, подканцлера великаго княжества Литовскаго, однимъ словомъ утвержденъ такъ, какъ утверждались всѣ остальные законы и, въ частности, конституція 1588 г. На коронаціонномъ сеймѣ король для литовскихъ чиновъ вторично принесъ присягу на ненарушимость „правъ и свободъ великого князьства Литовскаго“, но такъ какъ на основаніи Уніи 1569 г. такія подтвержденія правъ должны были быть изображаемы на письмѣ совмѣстно для Польши и для Литвы, — то вотъ почему эту привилегію литовцевъ мы должны искать въ Volumina legum; здѣсь мы встрѣчаемъ эту привилегію подъ названіемъ „Генеральное подтвержденіе правъ отъ 8-го января 1588 г.“ Естественно, что это подтвержденіе правъ было одною изъ частей конституціи 1588 г. Отсутствіе же приведенныхъ выше текстовъ въ печатныхъ изданіяхъ объясняется съ большею вѣроятностію тѣми обстоятельствами, при которыхъ литовскіе депутаты добились исполненія своихъ требованій, а также и тѣмъ, что текстъ литовскихъ конституцій 1588 г. написанъ по-русски, а законы, т. е. Volumina legum, печатались по-польски“ [1]).

Бершадскій подошелъ близко къ выясненію обстановки утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, привлекши къ возстановленію ея данныя хроникъ Гейденштейна и Іоахима Бѣльскаго, а также изложеніе исторіи начала царствованія Сигизмунда III-го въ трудѣ Нѣмцевича „Dzieje panowania Zygmunta III“. Бершадскій указалъ и на то, что работы коронаціоннаго сейма происходили безъ участія представителей Великаго Княжества Литовскаго. Но правильно представить утвержденіе Статута ему помѣшало незнаніе дѣйствительныхъ отношеній

---

1) Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 36-40.

государствъ Литвы и Польши послѣ Люблинской Уніи, ибо реализація постановленій послѣдней въ десятилѣтія XVI вѣка, наступившія послѣ ея заключенія, еще не была выяснена тогда научнымъ изслѣдованіемъ. Сколько-нибудь серьезныхъ сомнѣній въ томъ, что постановленія договора Уніи 1569 года вошли въ жизнь полностью, тогда еще не было. Потому то возможность утвержденія Литовскаго Статута какою-либо иною властью кромѣ власти сейма Бершадскому представлялась исключенною. Но о сеймовой санкціи для Статута ничего не говорятъ конституціи коронаціоннаго сейма, датированныя 30-мъ января 1588 года. Бершадскому было необходимо найти объясненіе этого, и онъ старался его отыскать въ предположенной имъ неполнотѣ конституцій коронаціоннаго сейма, напечатанныхъ въ Volumina Legum. Конституціи Великаго Княжества Литовскаго, предполагалъ Бершадскій, представляя собою „интегральную часть" конституцій коронаціоннаго сейма, были составлены отдѣльно, притомъ не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ, и были обнародованы особо. Но откуда же взялось время для обсужденія этихъ конституцій на коронаціонномъ сеймѣ? Самъ Бершадскій говоритъ, что онѣ были приняты безъ участія Литовскихъ представителей, которые лишь въ самые послѣдніе дни сейма принесли присягу Сигизмунду III-му именемъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ эти два-три дня едва ли было бы возможно для сейма даже просто ознакомиться съ содержаніемъ Третьяго Статута, а не только его обсудить, особенно при тѣхъ противорѣчіяхъ его основныхъ законовъ договору Люблинской Уніи, которыхъ было такъ много въ его артикулахъ. Что касается самаго текста этихъ Литовскихъ конституцій, то Бершадскій видѣлъ его въ грамотѣ Сигизмунда III-го отъ 1 февраля 1588 года, которую мы разсмотрѣли выше и которая собою представляла не конституціи сейма, а актъ, выданный новымъ королемъ въ исполненіе требованій, предъявленныхъ ему государствомъ Литвы въ значеніи условій для признанія его своимъ монархомъ. А если все это такъ, то становится невозможнымъ признать достаточно обоснованнымъ положеніе, выдвинутое С. А. Бершадскимъ объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута властью коронаціоннаго сейма въ 1588 году.

Аргументація Бершадскаго, а особенно его указаніе на грамоту 1 февраля 1588 года какъ на Литовскія конституціи

коронаціоннаго сейма представились весьма убѣдительными большинству ученыхъ, высказавшихся на рубежѣ XIX-го и XX-го столѣтій по вопросу объ утвержденіи Третьяго Статута. Авторитетъ С. А. Бершадскаго, какъ научнаго изслѣдователя, впервые привлекшаго громадный архивный матеріалъ къ разработкѣ исторіи права Великаго Княжества Литовскаго, былъ достаточно великъ. А его аргументація сеймовой санкціи для Литовскаго Статута 1588 года была принята и развита другимъ выдающимся спеціалистомъ той же научной области, долговременнымъ изслѣдователемъ ея, Ѳ. И. Леонтовичемъ, который объ утвержденіи Третьяго Статута писалъ такъ: „...и самое утвержденіе Статута не было актомъ одного короля; оно состоялось путемъ соглашенія („намовы“) или, что то же, разсмотрѣнія Статута королемъ на сеймѣ сообща съ панами-радами и избой посольской. Съ ихъ „позволенья“ (см. привилей 1-го февраля 1588 г.) король, какъ представитель верховной власти въ государствѣ, утвердилъ Статутъ своимъ привилеемъ.... Сомнѣній въ законодательномъ происхожденіи Статута никогда и никто не заявлялъ, да иначе и не могло быть при томъ ходѣ редакціонныхъ работъ, какой имѣлъ мѣсто при изданіи Статута“[1]). Къ мнѣнію Леонтовича присоединился нѣсколько позднѣе М. К. Любавскій, не входившій, однако, въ самостоятельное изученіе вопроса объ утвержденіи Третьяго Статута, но убѣжденный аргументами Леонтовича[2]). Что касается М. С. Грушевскаго, то онъ не только призналъ совершенно доказаннымъ Бершадскимъ утвержденіе Литовскаго Статута 1588 года коронаціоннымъ сеймомъ, но не сомнѣвался въ томъ, что и грамота Сигизмунда III-го отъ 1 февраля того же года представляетъ собою Литовскія конституціи этого сейма[3]).

Причины признанія Третьяго Статута утвержденнымъ властью коронаціоннаго сейма, выраженнаго авторитетнѣйшими спеціалистами въ области исторіи и права Литвы, имена

---

[1]) Ѳ. И. Леонтовичъ, Спорные вопросы по исторіи Русско-Литовскаго права, стр. 20.

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1902, IV, стр. 495-496.

[3]) „Що до офіцияльного значіння Статуту, проф. Бершадський довів рішучо, що Статут затвержений був всїм соймом, а не тільки королем: литовські конституциї 1588 р., не заведені у Volumina legum, а заховані в Литов. Метрицї (їх видрукував д. Бершадський в додатку до сеї своєї розправи)........“ Записки Наукового Товариства імени Шевченка, том IV, стр. 175.

которыхъ мы только что привели, совершенно понятны. На рубежѣ XIX-го и XX-го столѣтій отношенія Великаго Княжества Литовскаго и Польши послѣ заключенія Люблинской Уніи были еще недостаточно выяснены научнымъ изслѣдованіемъ. Старая традиція, сливавшая Литву съ Польшею въ единомъ государствѣ и далекая отъ признанія образованной Люблинскою Уніею Речи Посполитой лишь федераціей равноправныхъ Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны, держалась еще достаточно крѣпко и не допускала возможности правильно понять характеръ и значеніе требованій Литовскаго посольства, предъявленныхъ Сигизмунду Вазѣ въ январѣ 1588 года. Эти требованія понимались внесенными на коронаціонный сеймъ въ общемъ порядкѣ представленія законопроектовъ на сеймовую санкцію, въ то время какъ они были въ дѣйствительности не законопроектами, а условіями, которыя государство Литвы предъявило Сигизмунду Вазѣ для признанія его монархомъ Великаго Княжества Литовскаго, какъ равноправнаго съ Польшею государства федеративной Польско-Литовской Речи Посполитой, и утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута являлось однимъ изъ этихъ условій. При традиціонномъ взглядѣ, считавшемъ Литву слитою съ Польшею въ одномъ государствѣ, не могло быть и мысли о такомъ положеніи дѣла утвержденія Литовскаго Статута. Составъ коронаціоннаго сейма, которому приписывалась законодательная санкція кодекса, не представлялся достаточно отчетливо, хотя Бершадскій и подходилъ близко къ его уясненію, отмѣтивъ неучастіе въ немъ представителей Литвы до принесенія отъ ея имени присяги Сигизмунду III-му. Но на то, что для участія въ сеймованьѣ Литовскіе представители должны были явиться въ Краковъ въ полномъ составѣ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго и избранныхъ съ соотвѣтствующими полномочіями пословъ шляхты повѣтовъ, вниманія имъ обращено не было. Была упущена изъ виду невозможность для коронаціоннаго сейма, при такихъ условіяхъ, заниматься разсмотрѣніемъ Литовскихъ законопроектовъ вообще, а стало быть, и утверждать Статутъ. На сеймъ коронаціи Сигизмунда III-го смотрѣли какъ на нормальный и правильно собранный сеймъ въ то время, какъ онъ таковымъ не былъ ни по своему составу, ни по обстановкѣ своей дѣятельности. Этого мало. Когда Бершадскій и Леонтовичъ давали свою аргументацію утвержденія

Третьяго Литовскаго Статута коронаціоннымъ сеймомъ, не была возстановлена изслѣдованіемъ исторія ссставленія этого кодекса и не былъ приведенъ въ извѣстность рядъ документовъ эпохи третьяго безкоролевья, которые проливаютъ свѣтъ въ изученіи утвержденія Статута. Все это объясняетъ принятое обоими заслуженными учеными положеніе о законодательной санкціи коронаціоннаго сейма для Третьяго Статута.

Но, когда Бершадскій и Леонтовичъ самымъ категорическимъ образомъ высказывались за утвержденіе Литовскаго Статута 1588 года властью сейма, С. Л. Пташицкій воскресилъ въ литературѣ уже совершенно забытое въ ней тогда ученіе Бандтке объ утвержденіи этого кодекса властью Сигизмунда III-го. Въ 1893 году Пташицкій писалъ: „третій Статутъ былъ утвержденъ не въ законодательномъ порядкѣ, какъ утверждались конституціи (король, сенатъ и сеймъ), а единолично королемъ послѣ переговоровъ его съ чинами обоихъ народовъ"[1]). Главнымъ основаніемъ такъ думать для С. Л. Пташицкаго являлось отсутствіе упоминанія объ утвержденіи Литовскаго Статута не только въ конституціяхъ коронаціоннаго сейма, но и въ его дневникѣ. Положеніе, выдвинутое Пташицкимъ, представилось необычно-новымъ[2]), ибо оно не было поставлено въ связь съ тѣмъ, что училъ объ утвержденіи Литовскаго кодекса 1588 года Бандтке и что высказывалось о немъ въ польской исторической литературѣ среднихъ десятилѣтій XIX вѣка. Между тѣмъ указаніе Пташицкаго на отсутствіе упоминанія объ утвержденіи Статута въ сеймовомъ дневникѣ, несомнѣнно, должно бы было обратить на себя самое серьезное вниманіе. Въ

---

[1]) С. Л. Пташицкій, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута (С.-Петербургъ, 1893), стр. 13.

[2]) Такъ, г. Я. Адамусъ писалъ въ 1926 году: „bezsprzecznie zasługa naukowego odkrycia sposobu potwierdzenia statutu III przypada Ptaszyckiemu". Jan Adamus, Z zagadnień prawa litewskiego (Lwów, 1926. Pamiętnik Historyczno-Prawny, tom II, zeszyt 3), str. 19. Примѣровъ признанія С. Л. Пташицкаго первымъ иниціаторомъ мысли объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута Сигизмундомъ III-мъ, а не властью коронаціоннаго сейма можно привести немало. См. хотя бы С. І. Борисенокъ, Методологічні питання в науці історії литовсько-руського права (Праці комісії для виучування історії західньо-руського та українського права, вип. VI), стр. 482, или В. Д. Дружчыцъ, Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі (Працы Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску, № 6-7. Менск. 1925), стр. 224.

самомъ дѣлѣ, если даже принять объясненіе Бершадскимъ отсутствія упоминанія объ утвержденіи Статута въ сеймовыхъ конституціяхъ (а пріемлемость этого крайне сомнительна, ибо Бершадскій посчиталъ возможнымъ привилей, съ его совершенно установленной формой какъ документа опредѣленной группы актовъ, объявить конституціями, форма которыхъ совсѣмъ иная), то почему и дневникъ сейма, въ который день за днемъ вносило составлявшее его лицо происходившее на сеймѣ, ничего не говоритъ о сеймовомъ утвержденіи Литовскаго кодекса?

Пишущій настоящія строки еще въ 1901 году призналъ Третій Литовскій Статутъ не получившимъ законодательной санкціи коронаціоннаго сейма[1]). Въ 1917 и 1922 годахъ онъ старался болѣе детально возстановить исторію утвержденія Третьяго Литовскаго Статута и, путемъ анализа изданныхъ при немъ документовъ, показать отсутствіе сеймовой законодательной санкціи для него[2]). Но и до настоящаго времени въ литературѣ мы еще не имѣемъ общаго признанія того или другого изъ двухъ, уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія предложенныхъ, рѣшеній вопроса объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута. Часть изслѣдователей признала этотъ кодексъ получившимъ утвержденіе Сигизмунда III-го и вступившимъ въ обязательную силу безъ сеймовой законодательной санкціи. Другіе продолжаютъ настаивать на правильности взгляда С. А. Бершадскаго и Ѳ. И. Леонтовича и считаютъ Статутъ 1588 года утвержденнымъ коронаціоннымъ сеймомъ. Представителей рѣшенія вопроса объ утвержденіи Статута въ смыслѣ отсутствія для него сеймовой законодательной санкціи имѣемъ въ украинской и бѣлорусской научной литературѣ[3]). Наоборотъ, въ польской литературѣ является господствующимъ взглядъ Бершадскаго и Леонтовича[4]).

---

1) И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 218.

2) Къ вопросу объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года. Сборникъ статей въ честь М. К. Любавскаго (Петроградъ, 1917. Стр. 130-171) и Litevský statut a jeho sankce v r. 1588 (Sborník věd právních a státních. Ročník XXII. Seš. I. Str. 23-56.

3) См., напр., Проф. Ростислав Лащенко, Литовський Статут, яко памятник українського права (Прага, 1923), стр. 9-10 и В. Д. Дружчыцъ, op. cit., стр. 224-226.

4) Однако С. Л. Пташицкій въ 1925 году вновь выдвинулъ въ статьѣ, написанной уже на польскомъ языкѣ, свое утвержденіе, что Третій Литов-

Но что́ же выдвигается въ новѣйшей польской литературѣ какъ основаніе для признанія Третьяго Литовскаго Статута получившимъ утвержденіе сейма коронаціи Сигизмунда III-го? Конечно, мы оставимъ въ сторонѣ тѣхъ историковъ польскаго права, которые просто отрицаютъ возможность отсутствія сеймовой законодательной санкціи для Статута, не входя въ детальный разборъ основаній, приведенныхъ въ спеціальной литературѣ, настаивающей на этомъ отсутствіи. Простое отрицаніе не есть опроверженіе[1]). Если же мы обратимся къ основанію, которое и въ настоящее время выдвигается для признанія Статута 1588 года получившимъ утвержденіе коронаціоннаго сейма, то увидимъ, что имъ является упоминаніе утверждающаго Статутъ привилея Сигизмунда III-го о „намовѣ“ съ панами-радами и со всѣми станами[2]), которую такъ рѣшительно выдвигалъ Леонтовичъ. Но привилей отъ 28 января 1588 года, въ которомъ находятся слова объ этой „намовѣ“, при всемъ своемъ значеніи, является не единственнымъ источникомъ для возстановленія исторіи утвержденія Третьяго Литовскаго Статута. Кромѣ него имѣется довольно длинный рядъ источниковъ не только литературныхъ, т. е. хроникъ, но и документальныхъ, т. е. оффиціальныхъ актовъ времени третьяго безкоролевья, которыхъ данныя противорѣчатъ пониманію этой „намовы“ въ смыслѣ сеймовой законодательной санкціи для Статута 1588 года. Кромѣ того, и само слово „намова“, какъ это мы уже отмѣтили выше[3]), далеко не равнозначуще со сло-

---

скій Статутъ не получилъ законодательной санкціи сейма. Stanisław Ptaszycki, Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie — Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera, tom II (Lwów, 1925), str. 298-299.

[1]) Примѣромъ такого отрицанія являются стр. 319 и 339-340 статьи — Stefan Ehrenkreutz, Stan badań nad statutami litewskiemi (Ateneum Wileńskie. Rocznik II. Zeszyt 7-8).

[2]) См., напр., Stanisław Kutrzeba, Historja Źródeł dawnego prawa polskiego (Lwów-Warszawa-Kraków, sine anno), tom II, str. 78: „dnia 28 stycznia 1588 król zatwierdził nowy statut za zgodą sejmu: „namowiwszy sie w tom s pany radami naszimi i zo wsìmi stany obojewo narodu“, z mocą obowiazującą od 6 stycznia 1589“. Ср. слова того же автора о Третьемъ Статутѣ въ другомъ его трудѣ: „przejrzany na sejmie elekcyjnym z r. 1587 uzyskał zatwierdzenie ze strony sejmu koronacyjnego 28 stycznia 1588 roku i został wprowadzony w życie od 6 stycznia 1589 r.“ Stanisław Kutrzeba, Historja ustroju Polski w zarysie, tom II (Lwów i Warszawa, 1920), str. 160.

[3]) Стр. 210-211.

вами „зволенье“ или „уфала“, въ которыхъ обычно выражались согласіе сейма и его постановленіе. А если все это такъ, то долженъ быть поставленъ вопросъ: возможно ли при научномъ изслѣдованіи отбрасывать безъ разсмотрѣнія данныя не только цѣлаго ряда уже приведенныхъ въ извѣстность источниковъ, но даже какого-либо одного изъ нихъ? Думается, что научный изслѣдователь не имѣетъ права отвѣтить на такой вопросъ утвердительно. Положеніе дѣла съ вопросомъ объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута таково: мы не имѣемъ ни одного источника, который бы совершенно ясно и опредѣленно говорилъ о полученіи Статутомъ законодательной санкціи коронаціоннаго сейма; въ утверждающемъ кодексъ привилеѣ упоминаніе о сеймѣ сдѣлано въ такой формѣ, что его законодательная санкція не выражена въ обычной и безспорно имѣющей такое значеніе формулѣ или въ обычно употреблявшемся словѣ-терминѣ. Цѣлый рядъ источниковъ указываетъ на то, что Третій Статутъ не былъ представленъ коронаціонному сейму въ общемъ порядкѣ прохожденія законопроектовъ, но былъ предложенъ на утвержденіе Сигизмунду III-му въ чрезвычайномъ порядкѣ предъявленія ему условій Великаго Княжества Литовскаго для признанія его монархомъ. Отбросить эти данныя научное изслѣдованіе не имѣетъ права и не можетъ. А если это такъ, то и привилей Сигизмунда III-го, утверждающій Статутъ 1588 года, долженъ быть изучаемъ не независимо отъ нихъ, а вмѣстѣ съ ними. При такомъ изученіи и весь его смыслъ, и значеніе слова „намова“ при обозначеніи роли коронаціоннаго сейма въ процессѣ утвержденія Статута только и могутъ получить научно-правильное освѣщеніе.

Глава IV.

Виленская Типографія Мамоничей.

Представленія о Мамоничахъ въ литературѣ. Свѣдѣнія, которыя даютъ о Мамонической типографіи ея первыя изданія, вышедшія въ 1575-мъ (Евангеліе) и 1576-мъ (Псалтырь) годахъ. Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій. Его заботы о созданіи типографіи для печатанія церковныхъ книгъ и подготовка скарбомъ Великаго Княжества Литовскаго напечатанія Литовскаго Статута. Зиновій Семеновичъ Зарѣцкій. Положеніе печатнаго дѣла въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ко второй половинѣ XVI столѣтія. Эмиграція въ государство Литвы московскихъ первопечатниковъ Ивана Өеодорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Привлеченіе Иваномъ Зарѣцкимъ Петра Тимофеева къ дѣлу устройства въ Вильнѣ типографіи. Мамоничи. Лукашъ Мамоничъ. Мамоничская типографія въ значеніи государственной Великаго Княжества Литовскаго. Изданія Мамоничской друкарни. Мамоничская типографія и Левъ Сапѣга. Распространеніе церковныхъ книгъ Мамоничской печати. Шрифты, украшенія текста (рисунки) и вообще внѣшность Мамоничскихъ изданій. Появленіе курсивнаго шрифта въ этихъ изданіяхъ. Вышедшій въ 1585 году сборникъ отдѣльныхъ произведеній патріарха Геннадія, Іоанна Дамаскина и Іоанна Златоустаго. Старая техника печатнаго дѣла. Параллельные наборъ и печатаніе при изданіи книгъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Примѣненіе ихъ въ Мамоничской типографіи. Посвященія изданій. Посвященіе Псалтыри 1591 года пану Теодору Скумину. Возможность для Мамоничской типографіи обезпечить себя бумагой для своихъ изданій. Прекращеніе дѣятельности Мамоничской типографіи въ серединѣ XVII столѣтія.

Третій Литовскій Статутъ былъ первымъ сводомъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, который оказалось возможнымъ опубликовать въ печатномъ видѣ[1]). Его первое, какъ и два послѣдующихъ изданія были напечатаны въ Виленской типографіи Мамоничей.

---

[1]) Существовавшее одно время въ литературѣ представленіе, будто бы былъ напечатанъ и Литовскій Статутъ 1529 года, было съ полною убѣдительностью опровергнуто въ 1895 году М. С. Грушевскимъ — Записки Наукового Товариства Імени Шевченка, томъ VI, кн. 2 (М. Грушевський, „Статут друкований").

Имя Мамоничей[1]), такъ много поработавшихъ для книгопечатнаго дѣла въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ изучающей исторію типографій литературѣ было упомянуто впервые еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ своемъ, посвященномъ изученію „друкаренъ“ Польско-Литовской федеративной Речи Посполитой, вышедшемъ въ 1740 году, трудѣ[2]) Янъ Даніель Гоффманъ упоминаетъ Льва Мамонича, не давая, впрочемъ, никакихъ о немъ свѣдѣній[3]). Но только съ начала XIX-го столѣтія Мамоничская типографія стала привлекать къ себѣ серьезное вниманіе научныхъ изслѣдователей. Дѣйствительному ознакомленію съ ея дѣятельностью было положено начало трудомъ В. С. Сопикова „Опытъ Россійской Библіографіи“, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1813 году[4]). Этотъ, оставившій такой глубокій слѣдъ въ наукѣ, трудъ создалъ основу для изученія всей русской старопечати, а стало быть, и русскаго „друкарскаго“ дѣла въ Вильнѣ. Положивъ громадный трудъ на собираніе своихъ матеріаловъ, Сопиковъ привелъ въ извѣстность вышедшія на русскомъ языкѣ старыя изданія, выпущенныя типографіями, печатавшими въ различныхъ городахъ и мѣстностяхъ[5]). Съ появленіемъ „Опыта“ Сопикова, и Мамоничская типографія прочно заняла свое мѣсто на страницахъ трудовъ соотвѣтствующей научной литературы.

---

1) Настоящая глава представляетъ собою переработку двухъ напечатанныхъ раньше статей автора — „Къ исторіи русской старопечати. Виленская Типографія Мамоничей“ (Сборникъ Русскаго Института въ Прагѣ. I. Прага, 1929) и „Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года“ („Tauta ir Žodis“ kn. V).

2) De typographiis earumque initiis et incrementis in Regno Poloniae et Magno Ducatu Lithuaniae.... Dantisci, 1740. Переиздано въ Collectio nova scriptorum rerum Polonicarum et Prussicarum. Gedani, 1753.

3) Цитируемъ по Лелевелю: Ioachima Lelewela, Bibliograficznych ksiąg dwoie, w których rosebrane i pomnożone zostały dwa dzieła Jerzego Samuela Bandtkie Historja Drukarń Krakowskich — tudzież Historja Biblioteki Uniw. Jagiell. w Krakowie a przydany Katalog inkunabulow polskich. Tom II (Wilno, 1826), str. 260.

4) Василій Сопиковъ, Опытъ Россійской Библіографіи. Часть первая. Санктпетербургъ, 1813. Новое изданіе труда Сопикова — А. С. Суворинымъ, подъ редакціей В. Н. Рогожина, часть I, С.-Петербургъ, 1904.

5) И. П. Сахаровъ такъ писалъ объ „Опытѣ“ Сопикова: „Трудъ Сопикова есть гигантскій подвигъ для его времени. Книгопродавецъ, неизучавшійся никогда систематически наукамъ, съ одною неутомимою рев-

Въ 1816 году о ней уже писалъ Линде въ своей книжкѣ о Литовскомъ Статутѣ [1]), въ 1822 году о Мамоничахъ упоминаетъ Добровскій въ своихъ Институціяхъ [2]), въ 1826 году — Кеппенъ, Бандтке и Лелевель въ своихъ библіографическихъ трудахъ [3]), въ 1818 и 1827 годахъ — митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) [4]). Съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія по настоящее время ни одинъ трудъ по старой русской библіографіи и по исторіи русской письменности, не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, которымъ такъ или иначе приходилось касаться ея изданій, не обходитъ Мамоничской типографіи молчаніемъ. Но мы еще и теперь не имѣемъ ни одной научной работы, которая бы поставила своею задачею ея обстоятельное изученіе въ спеціальной монографіи. Библіографическіе труды

ностію и желаніемъ всеобщаго добра, онъ принялся за дѣло и совершилъ его со славою и честію. Память его незабвенна для Русской библіографіи. Начиная свой трудъ, онъ пересмотрѣлъ казенныя и частныя библіотеки, собралъ рукописные каталоги и большую часть осмотрѣлъ лично — и все это издалъ подъ скромнымъ названіемъ: опыта.... Какъ человѣкъ, принявшійся за трудъ, не имѣвшій руководителей, онъ не избѣжалъ ошибокъ и неисправностей, но всѣ эти недостатки искуплены его добрымъ намѣреніемъ и трудолюбивымъ изысканіемъ". Русскіе Древніе Памятники. Выпускъ первый. Санктпетербургъ, 1842 (II. Библіографическія описанія книгъ отдѣльно изданныя. № 4).

1) O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, przez M. Samuela Bogumiła Linde (Warszawa, 1816). Разборъ труда Сопикова Линде далъ и годомъ раньше, т. е. въ 1815 году, въ № 15 журнала Pamiętnik Warszawski.

2) Iosephi Dobrowsky, Institutiones Linguae Slavicae, dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae, MDCCCXXII, p. L.

3) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ, членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ, № II. Библіографическіе Листы 1825 года. С.-Петербургъ, 1826. Стр. 298, ст. 374-375. Historya Drukarń w Krolestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem iako i w kraiach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły przez Ierzego Samuela Bandtkie. Tom II (W Krakowie, 1826), str. 260-262. Ioachima Lelewela, Bibliograficznych ksiąg dwoie, tom II (Wilno, 1826), str. 62-64, 113 sq. Ср. также томъ I (Wilno, 1823), стр. 55, 189-190, 200-201.

4) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви, томъ I (первое изданіе — С.-Петербургъ, 1818; второе — исправленное и умноженное — С.-Петербургъ, 1827) — „Іоаннъ Ѳеодоровъ".

даютъ лишь перечни и описаніе ея изданій, а научное изслѣдованіе касается Мамоничей и ихъ „друкарни“ все еще только попутно, въ связи съ другими темами, которыми оно занимается.

Что же удивительнаго въ томъ, что исторіи этой типографіи мы все еще не имѣемъ, а объ ея дѣятеляхъ были высказаны самыя противорѣчивыя представленія? К. Ѳ. Калайдовичъ въ 1822 году писалъ: „Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, оставшись въ Вильнѣ, началъ тисненіе Евангелія, на иждивеніи Пана Скарбнаго, Старосты Упицкаго Ивана Семеновича Зарѣцкаго и брата его Зиновія Бурмистра Виленскаго. Оно издано въ 1575 году, въ домѣ Козмы и Лукаша Мамоничей, извѣстныхъ типографщиковъ“[1]). П. М. Строевъ называлъ Мамоничей уже „панами“[2]). Н. Г. Устряловъ, именуя ихъ „Мамонычами“[3]), отмѣчалъ, что „панъ Козьма Ивановичъ Мамонычъ бурмистръ Виленскій и братъ его Лука Ивановичъ староста Дисненскій имѣли весьма хорошую типографію“[4]). И. Н. Божеряновъ же считалъ и Зарѣцкаго, и Мамоничей даже „магнатами“[5]). Не будемъ утруждать читателя приведеніемъ другихъ обозначеній дѣятелей и основателей Мамоничской типографіи, которыя даны въ литературѣ. Лишь отмѣтимъ, что и въ болѣе новыхъ русскихъ трудахъ неточность и даже ошибочность представленій о создателяхъ „друкарни“ Мамоничей остаются по-старому[6]). Нѣсколько больше и яснѣе о нихъ говорятъ работы

---

1) Вѣстникъ Европы, 1822. Стр. 300.

2) Обстоятельное Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ тайнаго совѣтника, сенатора, двора Его Императорскаго Величества Дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера, графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ. Москва, 1829. Стр. VIII.

3) Н. Г. Устряловъ, Русская Исторія, часть вторая (Санктпетербургъ, 1837), стр. 105, прим. 1. Его же, Сказанія князя Курбскаго (изданіе третье, исправленное и дополненное — С.-Петербургъ, 1868), прим. 331, 332, 335.

4) Сказанія князя Курбскаго, прим. 331.

5) И. Н. Божеряновъ, Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла (С.-Петербургъ, 1895), стр. 10.

6) Такъ, С. Г. Вилинскій пишетъ: „Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій, которому адресовано это посланіе, и братъ его Зиновій Семеновичъ были православными Виленскими мѣщанами, много заботившимися о поддержаніи православія въ литовско-русскомъ государствѣ. „Умышленіемъ и попе-

старыхъ польскихъ авторовъ. Но и въ нихъ имѣемъ лишь нѣсколько именъ, Зарѣцкихъ и Мамоничей, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ о нихъ справокъ[1]). Въ концѣ концовъ, объ основателяхъ Мамоничской типографіи въ научной литературѣ до нашихъ дней передается почти только то, что о нихъ сообщается въ нѣкоторыхъ Мамоничскихъ изданіяхъ, преимущественно въ первомъ изъ нихъ, т. е. въ Евангеліи 1575 года. И едва ли не правильнѣе всѣхъ поступали тѣ авторы, которые обозначали Мамоничей просто какъ Виленскихъ типографщиковъ[2]) — не имѣя и не собирая свѣдѣній объ ихъ „друкарнѣ" и объ нихъ самихъ, они въ сущности и не могли говорить ничего больше.

Но уже давно накопился весьма значительный по своимъ размѣрамъ матеріалъ, который позволяетъ сдѣлать попытку возстановить исторію Мамоничской типографіи. Этотъ матеріалъ: 1) ея изданія, 2) акты и документы, уже изданные въ печати, 3) источники литературнаго характера. Къ нимъ присоединяются матеріалы архивные, которые были доступны научному изслѣдованію. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы и постараемся, на основаніи извѣстныхъ намъ источниковъ, пред-

---

ченіемъ" ихъ напечатано въ 1575 году въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, Евангеліе, экземпляръ котораго хранится въ Имп. Публ. Библ. Изъ послѣсловія къ Евангелію видно, что Зиновій Зарѣцкій былъ въ то время бурмистромъ, а Иванъ Зарѣцкій — старостою Упитскимъ. Имена ихъ встрѣчаются потомъ между членами виленскаго братства. Одинъ изъ нихъ служилъ въ Вильнѣ скарбнымъ или казначеемъ при подскарбіи литовскомъ Евстафіи Воловичѣ". Посланія старца Артемія (Одесса, 1906), стр. 129.

[1]) I. Daniłowicz, Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego, rękopiśmiennych i edycyy drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też w polskim i łacińskim języku (Dziennik Wileński, tom II, rok 1823, may—sierpień), str. 170. I. S. Bandtkie, op. cit., II, str. 260-263. I. Lelewel, op. cit., t. I, str. 200. M. Baliński, Historya Miasta Wilna, II (Wilno, 1836), str. 121.

[2]) Напримѣръ — Митрополитъ Евгеній, Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина (изданіе второе), томъ I, стр. 268; М. А. Максимовичъ, Книжная старина южнорусская — Собраніе сочиненій, томъ III (Кіевъ, 1880), стр. 664 (первоначально статья была напечатана во Временникѣ Общ. Ист. и Др. Росс. за 1849 г. и въ Кіевлянинѣ 1850 года); А. С. Петрушевичъ, Иванъ Ѳедоровъ Русскій Первопечатникъ (Львовъ, 1883), стр. 4; О. В. Щербицкій, Опись документовъ Виленскаго центр. архива древнихъ актовыхъ книгъ, выпускъ IX (Вильна, 1912), стр. XV.

ставить очеркъ возникновенія и дѣятельности Виленской друкарни Мамоничей.

Первая печатная книга вышла изъ „дому Мамоничовъ" въ 1575 году. Это было напрестольное Евангеліе, начатое изготовленіемъ 14 мая 1574 года и законченное 30 марта 1575 года. Послѣсловіе къ нему даетъ свѣдѣнія и о началѣ Мамоничской типографіи. Оно начинается такъ[1]): „похвално желаніе подвигнули есте, о благочестивіи въ человѣцехъ[2]), яко же познаваеми отъ преже бывшаго бесѣдованія усты къ устомъ, и о семъ велми благодаримъ Бога, яко и еще обрѣтаются избранніи Божіи, паче же въ нынѣшнее[3]) время лукавое, посредѣ рода строптіва и разъвращенна, но понеже понудили есте насъ недостойныхъ выше нашея мѣры на сіе дѣло. Азъ же есмь человѣкъ[4]) грѣшенъ и немощенъ, бояхся начати таковая. Къ тому же смотряя свое неприлѣжаніе и лѣность и неразуміе, на мнозѣ отлагахъ. Тѣмъ же съуза ради духовныя любве и мы устремляемся неразсуднымъ послушаніемъ ваше заповѣданіе сътворити, поспѣшествующимъ вамъ молитвами и вѣровавше, яко всяко по вѣре вашеи къ Богу буди вамъ". Далѣе авторъ послѣсловія пишетъ: „.....и начяхъ сію святую[5]) книгу...... умышленіемъ и промышленіемъ его милости пана скаръбнаго, старосты Упицъкаго Ивана Семеновичя Зарецъкаго и брата его пана Зенова, бурмистра мѣста Виленскаго". Онъ проситъ всѣхъ, „аще когда прилучітся кому въ сію святую[6]) книгу еуангельскую[7]) внікнути", воздать благодарнсстъ „ихъ милости пану Іоанну и пану Зеновію, таже и Козмѣ и Лукашу Мамони-

---

[1]) При передачѣ текстовъ, приводимыхъ нами изъ старопечатныхъ изданій, титла нами раскрываются, надстрочные знаки не отмѣчаются, взметы вносятся въ строки, „оу" передается одною буквою „у", омега замѣняется буквою „о", буквы „зѣло" и „земля" передаются одною и тою же буквою „з", юсъ малый — „я", юсъ большой — „у", буква „пси" — „пс"; „ъ" на концѣ словъ въ оригиналахъ встрѣчается не только въ видѣ этой буквы, но и въ видѣ паерчика надъ строкою, а иногда слово заканчивается согласною — паерчикъ передавался нами какъ „ъ", та же буква возстановлялась, если она была опущена въ оригиналахъ, и это дѣлалось нами потому, что такія опущенія приходится считать сокращеніями письма и печатнаго набора, а не системою правописанія. Знаки препинанія оригиналовъ нами не воспроизводились, а разставлялись по смыслу фразъ.

[2]) „члцехъ" съ титломъ. [3]) „ннѣшнее" съ титломъ. [4]) „члкъ" съ титломъ. [5]) „стоую" съ титломъ. [6]) „стоую" съ титломъ. [7]) „еульскую" — надъ „е" придыханіе; надъ второю буквою титло, въ которомъ буква „г".

чямъ, съ благоволенiемъ насъ прiемлющимъ, и почихомъ въ дому ихъ, сiе дѣло строихъ, и въ семъ насъ упокоеваху — многолѣтнаго здравiа да проситъ отъ того же богатодавца Бога. Но, молимъ вы, и насъ не забывайте трудившихся, многогрѣшнаго Петра Тимоѳеева сына Мъстисловца, но и тому мещiте уломки дарованiи вашихъ духовныхъ, и здалечя стоящу и алчющу аггельскаго хлѣба и жаждущу духовнаго сего пива, данекли и азъ вашими молитвами получю отъ великодародателя Бога милости и прощенiа бесчисленыхъ своихъ грѣховъ"[1]).

Итакъ, послѣ „бесѣдованiя усты къ устомъ" Петра Тимофеева Мстиславца на дѣло печатанiя „понудили". Книга печаталась „умышленiемъ и промышленiемъ" скарбнаго и Упитскаго старосты Ивана Семеновича Зарѣцкаго и его брата Зиновiя Зарѣцкаго, Виленскаго бурмистра. Необходимо думать, что Петръ Тимофеевъ работалъ не одинъ, а со своими сотрудниками. Это приходится предполагать не только потому, что одинъ онъ едва ли бы могъ справиться со всѣмъ дѣломъ, но и потому, что, называя только себя по имени, о работавшихъ надъ печатанiемъ книги онъ говоритъ не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ. Что же касается Мамоничей, то послѣсловiе къ Евангелiю 1575 года говоритъ, что въ ихъ домѣ печатники живутъ и дѣлаютъ свое дѣло. Такимъ образомъ, инициатива всего дѣла, его организацiя и о немъ забота принадлежатъ Зарѣцкимъ, самое печатанiе Петру Тимофееву, а домъ, въ которомъ помѣстилась возникавшая печатня, и непосредственная забота о живущихъ въ немъ печатникахъ — Мамоничамъ.

Послѣсловiе ко второй книгѣ Мамоничской печати, Псалтыри, законченной печатанiемъ 16 января 1576 года, рисуетъ то же положенiе дѣла. Въ немъ Петръ Тимофеевъ пишетъ: „по всему повинуюся вашему повелѣнiю, но милостиви ми будите, богопочтеннiи, мiлостивый пане скаръбный и пане Зенове Зарецъкiи, молюся, вашимъ заповѣдемъ покорившуся и прiемлющу послушанiа, напечатахъ сiю книгу, глаголемую Псалтырь Давида[2]), пророка и царя, и пѣсни Мойсѣевы съ избранными псалмы, въ лѣто 7083 мѣсеца[3]) генваря 16, а отъ Рождества[4]) Господ-

---

[1]) Листы 1—3 (безъ пагинацiи). [2]) „двда" съ титломъ. [3]) „мца" съ титломъ, въ которомъ буква „с". [4]) „ржтва" съ титломъ, въ которомъ буква „с".

да нашего Іисуса Христа 1576, въ славномъ мѣсте Виленьскомъ, пребываючи въ дому благочестивыхъ мужей Козмы и Лукаша Мамоничовъ, яко и отъ своихъ имъ стежаніи изообілно въ всемъ насъ довольствовати"[1]). Слѣдовательно, и въ началѣ 1576 года распредѣленіе ролей по веденію типографіи остается такимъ же, какъ и въ предшествующемъ году: управленіе ею принадлежитъ Зарѣцкимъ, само печатное дѣло — Петру Мстиславцу, помѣщеніе печатни — Мамоничамъ. Но послѣсловіе къ Псалтыри уже говоритъ о большемъ и развивающемся участіи послѣднихъ. Они не только предоставляютъ друкарнѣ свой домъ, но и „въ всемъ" ее и ея работниковъ „изообилно довольствуютъ" на свои средства. Мамоничи, очевидно, вкладываются въ дѣло все больше и больше.

Кто же были эти пять лицъ, создавшихъ получившую затѣмъ такое выдающееся значеніе Мамоничскую типографію?

Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій, какъ скарбный, т. е. государственный казначей, Великаго Княжества Литовскаго и ключникъ и подключій Виленскій, извѣстенъ документальнымъ источникамъ съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ XVI-го столѣтія[2]). Въ 1571 году онъ, оставаясь скарбнымъ и Виленскимъ ключникомъ, получилъ отъ Сигизмунда Августа Упитское судовое староство[3]), т. е. сталъ главою администраціи и гродскаго суда Упитскаго повѣта[4]). Акты Литовской Метрики и повѣтовыхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго хорошо знаютъ Ивана Зарѣцкаго вплоть до середины восьмидесятыхъ годовъ XVI-го вѣка. Въ нихъ онъ выступаетъ какъ скарбный — „пенези до скарбу короля его милости" вносятся „черезъ руки и до шафунку пана Ивана Зарецкого, скарбного его ко-

---

[1]) Листы 1—2 (безъ пагинаціи).

[2]) А., изд. Вил. Арх. К., IX, № 51 — дозволеніе Сигизмунда Августа „скарбному нашему, ключнику Виленскому Ивану Зарецкому" на двухъ пляцахъ въ Вильнѣ „домы побудовати ку пожитку шпитальному" (отъ 22 января 1561 года).

[3]) „Привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на староство судовое Упитское" (дата: Варшава, 25 мая 1571 года). Лит. Метрика, Судныхъ Дѣлъ Лит. 53, л.л. 295 об. — 298. Тотъ же документъ — Лит. Метр., Зап. Лит. 48, л.л. 405-406 (документъ не оконченъ).

[4]) О старостахъ несудовыхъ и судовыхъ см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 266-300.

ролевское милости"[1]). Они же говорятъ и объ его дѣятельности по уряду Упитскаго старосты, который былъ ему пожалованъ привилеемъ Сигизмунда Августа отъ 25 мая 1571 года. „Дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ", гласитъ привилей отъ имени этого великаго князя Литовскаго, „упродъ менованому скаръбному нашому, пану Ивану Семеновичу Зарецкому староство судовое Упитское и всю волость нашу тамошнюю Упитскую, ку тому староству прислухаючую; маеть панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкий тое староство Упитское держати, князей, пановъ, шляхъты, всихъ обывателей того повету Упитского судити, радити и владности въ томъ уживати водле Статуту земъского, а [съ] подданыхъ нашихъ вси пожит-

---

¹) Такъ, листъ Сигизмунда Августа къ Упитскому державцѣ, князю И. Т. Крошинскому, „абы передъ паномъ подскарбимъ што нарихлей безъ мешкан[ь]я личбу съ пожитковъ Упитскихъ учинилъ и вси платы и доходы сполна отдалъ", говоритъ объ уплатѣ денегъ съ державы „скарбному нашому, ключънику и подключому Виленскому Ивану Зарецкому" (дата: Кнышинъ, 6 октября 1569 года) — Лит. Метр., Публ. Дѣлъ Лит. 10, л.л. 92 и об. Земскій подскарбій Лавринъ Война въ своемъ листѣ, выданномъ въ Вильнѣ 23 ноября 1577 года, удостовѣрялъ, что „его м[и]л[ость] велеможный панъ Янъ Ходкевичъ, кграбя на Шклове и Мыши, панъ Виленский, староста Жомоитский, маршалокъ земъский Великого Князтва Литовъского, староста Ковенский etc.", по сбору податка, установленнаго Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года, „учинилъ личбу до скарбу" по Ковенской волости „черезъ служебника своего, пана Матея Кгротовского". Онъ на этой „личбе своей положилъ, ижъ выбралъ з волости Ковенское" податковыя деньги и ихъ „до скарбу к[о]р[о]ля его милости черезъ руки и до шафунку пана Ивана Зарецкого, скарбного его к[о]р[олевское] милости отдалъ". Виленская Публ. Библіотека, отд. Б., 1 шк. 2 п. 45 (по пагинаціи Сборника, л. 27). Въ такого же содержанія листѣ по сбору того же податка Ходкевичемъ съ лѣсничествъ Ковенскаго, Дорсунишскаго и Берстанскаго стоитъ: „которые вси п[е]н[е]зи отдалъ сполна до скарбу короля его м[и]л[о]сти земъского черезъ руки и до шафунку его милости пана Ивана Зарецкого, скарбного короля его милости, старосты Упитского". Тотъ же Сборникъ, л.л. 3 и об. (дата листа: Вильна, 26 ноября 1577 года). Въ листѣ такого же содержанія по сбору того же податка Ходкевичемъ „з местечокъ и з волости Тельшовское" стоитъ: „на которое справедливое выбран[ь]е служебникъ пана Матея Кгротовского Шиманъ Станиславовичъ и прысягу телесную вчинилъ, яко жъ и п[е]н[е]зи вси до скарбу его к[о]р[олевское] м[и]л[о]сти, въ руки и до шафунку пана Ивана Зарецкого, скарбного его к[о]р[олевское] м[и]л[ос]ти отдалъ". Тотъ же Сборникъ, л. 11 (дата листа: Вильна, 23 ноября 1577 года). Объ урядѣ скарбнаго см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 655-656. Объ урядахъ ключника и подключія Виленскихъ, которые занималъ Зарѣцкій, см. тамъ же, стр. 349-350.

ки и доходы выбирати, а десятый грошъ и иные звыклые пожитки на старостъ нашихъ тамошнихъ брати, прислухаючии на себе вземши, пенези и иные всякие доходы, до скарбу нашого належачие, отдавати и личбу чинити съ нихъ, подданыхъ нашихъ судити, радити, винныхъ винами водле статуту уставы нашое карати и во всемъ слушне и радне, безъ обтежливости подданыхъ нашихъ, пожитки наши намъ причиняти и примножати"[1]).

Конечно, въ своемъ Упитскомъ староствѣ Зарѣцкій не жилъ. Онъ въ него могъ лишь иногда прiѣзжать. Повѣтовыя дѣла старостинскаго уряда и управленiя господарскими землями Упитскаго староства-державы несъ на себѣ его намѣстникъ-подстаростій[2]). Но это было обычнымъ явленiемъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ — старосты обыкновенно бывали нечастыми гостями въ мѣстахъ функцiонированiя ихъ повѣтовыхъ урядовъ, постоянно отвлекаемые исполненiемъ своихъ обязанностей по другимъ, болѣе важнымъ должностямъ, которыя они одновременно занимали. И Иванъ Зарѣцкій, разумѣется, долженъ былъ жить постоянно въ Вильнѣ, неся свою службу скарбнаго, требовавшую его постояннаго нахожденiя при государственномъ скарбѣ Великаго Княжества Литовскаго. Въ „столечномъ мѣстѣ Виленскомъ" онъ имѣлъ свои домъ и хозяйство, свою „осѣлость мѣстскую"[3]) такъ же, какъ обладалъ и „осѣлостями" шляхетскими, „земскими имѣнiями" сво-

---

[1]) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 132-133.

[2]) Листы-распоряженiя великаго князя старостамъ обыкновенно и обращаются къ старостѣ, „а въ небытности" его къ его „подстаростему". Образецъ такого листа къ И. С. Зарѣцкому см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 96, прим. 2. Ср. „листъ до скарбного Зарецкого о дванадцать волокъ въ волости Упитской Даниелю Леньковичу". Лит. Метрика, Записей Лит. 70, л.л. 132 об. — 133 (дата: Городна, 24 мая 1584 года).

[3]) Стефану Баторію жаловался Виленскій мѣщанинъ Андрей Водынскій „о томъ, што жъ дей року прошлого тисеча пятсотъ семдесятъ пятого, м[е]с[е]ца февраля семого дня, будучы ему передъ врадомъ кгродскимъ Виленскимъ въ справе и потребе приятеля своего, то пакъ дей скарбный н[а]шъ Великого Князства Литовского, державца Упитский Иванъ Зарецкий, даючы тую причыну, яко бы онъ, будучы врядникомъ отъ дворенина нашого Войтеха Семпелборского на волости Упитской, многие шкоды подданымъ нашымъ Упитскимъ [и] скарбу нашому господарскому почынити мелъ, тамъ дей на томъ враде кгроцскомъ Виленскомъ его зоставшы, до везен[ь]я замкового, моцне а кгвалтовне взявшы, осадити далъ и тымъ дей везен[ь]емъ кгвалтовнымъ а безправнымъ ку великой шкоде и утрате и обелживос-

ими, т. е. повѣтовымъ землевладѣніемъ, дававшимъ ему всѣ права шляхтича-повѣтника и налагавшимъ на него всѣ его обязанности[1]). И. С. Зарѣцкій принадлежалъ къ разряду шляхты крупной. Его выдвигали и занимаемыя имъ должности, и его матеріальная состоятельность. Акты знаютъ, что онъ имѣлъ возможность ссужать государственный скарбъ Великаго Княжества Литовскаго довольно крупными суммами изъ своихъ личныхъ средствъ. Такъ, въ 1568 году Иванъ Зарѣцкій, „за упевнен[ь]емъ" земскаго подскарбія Нарушевича, „спозычывшы онъ на руки свои до скарбу" Великаго Княжества Литовскаго „въ розныхъ людей и купъцовъ за немалую суму пенезей суконъ и иншыхъ товаровъ на пилные потребы и на люди служебные, з ведомостью пана подскарбего земского выдалъ, которые пенези водле упевнен[ь]я пана подскарбего на день Светого Мартина и на день Бож[ъ]его Нарожен[ь]я въ томъ же року прошломъ" 1568-мъ должны были быть ему возвращены изъ скарба. Но, такъ какъ скарбъ „по тые часы великопилными потребами земскими и речы посполитое объложонъ естъ", въ 1568 году „ему заплата тое сумы пенезей не дошла". Въ виду этого, Сигизмундъ Августъ приказалъ Ивану Зарѣцкому „ужывати" его кредиторовъ, у которыхъ онъ задолжалъ „на потребу скарбу", чтобы они „того на долшый часъ подождали", а ему самому назначилъ двѣ тысячи копъ литовскихъ грошей въ уплату изъ доходовъ тіунства Дирвянъ Большихъ въ 1570 году[2]). Тому же скарбному Ивану Зарѣцкому въ 1571 году скарбъ былъ долженъ шесть тысячъ золотыхъ польскихъ, и съ этой суммы выплачивались ему проценты[3]).

ти его пpыправилъ; за чымъ дей онъ того скарбного нашого з оселости его местское до гайного права Майдемборского передъ врадъ местский Виленский позывалъ..." Лит. Метр., Зап. Лит. 61, л. 19 об.

[1]) Его родовое имѣніе Зарѣчье въ Упитскомъ повѣтѣ (ср. А., изд. Вил. Арх. К., XXVI, № 291).

[2]) „Листъ, писаный до тивуна волости Дирвянъ Болшихъ, пана Кградовъского, абы пану Ивану Семеновичу Зарецкому заплатилъ две тисечи копъ грошей литовъскихъ съ податковъ того тивуньства его Дирванъ Болшихъ" (дата: Кнышинъ, 6 октября 1569 года). Лит. Метр., Публ. Дѣлъ Лит. 10, л.л. 91-92.

[3]) „Листъ пану Ивану Зарецкому, старосте Упитскому, на инътересу зъ скарбу отъ сумы п[е]н[е]зей шести тисечей золотыхъ полскихъ, отъ ста копъ по десети копъ грошей литовскихъ" (дата: Варшава, 3 іюля 1571 года). Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит., л.л. 302-302 об.

Зарѣцкій былъ дѣятельнымъ работникомъ православной вѣры и церкви[1]). Князь Андрей Михайловичъ Курбскій въ своемъ посланіи къ Кузьмѣ Мамоничу писалъ: „а такъ, естьли бы ся здало вашей милости, прочти то посланейцо въ дому пана Зарецкаго и всѣмъ во правовѣріи стоящимъ Виленскимъ мещаномъ“[2]). Съ нимъ по дѣламъ православія находился въ сношеніяхъ и другой московскій выходецъ и православный дѣятель, старецъ Артемій[3]). Въ 1585 году И. С. Зарѣцкій былъ уже „небощикъ“, т. е. умеръ, и его имѣніе Зарѣчье перешло къ его сыну Яну и мачехѣ послѣдняго, пани Ганнѣ Зарѣцкой, урожденной Шишчанкѣ[4]).

Организовать въ Вильнѣ печатаніе православныхъ церковныхъ книгъ не могло не быть желаніемъ Ивана Зарѣцкаго, какъ дѣятеля православія. Но онъ и какъ скарбный Великаго Княжества Литовскаго долженъ былъ думать объ устройствѣ хорошей, владѣющей русскимъ-кирилловскимъ шрифтомъ, печатни. Послѣдняя становилась необходимою въ виду предполагавшагося печатанія Литовскаго Статута. Еще Сигизмундъ Старый, гарантируя изданіе Перваго Литовскаго Статута своимъ привилеемъ, даннымъ 6 декабря 1522 года на Виленскомъ сеймѣ, приказывалъ его напечатаніе[5]). Оно было возможно, ибо тогда въ „столечномъ мѣстѣ Виленскомъ“ существовала съ середины двадцатыхъ годовъ XVI вѣка друкарня, устроенная Франциском Скориною въ домѣ Виленскаго бурмистра Якова Бабича. Но напечатанъ Первый Статутъ не былъ, и можно думать, что главною причиною этого было прекращеніе дѣятель-

---

1) Напр., 22 января 1561 года ему было дано разрѣшеніе „домы побудовати“ на двухъ пляцахъ въ Вильнѣ „ку пожитку шпитальному“. Эти пляцы — „въ мѣстѣ Виленскомъ прислухаючіе ку церкви Святого Спаса, лежачіе на улицѣ Савичъ“. А., изд. Вил. Арх. К., IX, № 51 (стр. 139-140).

2) Р. Ист. Б., XXXI, ст. 426 (первое письмо Курбскаго къ Мамоничу).

3) Р. Ист. Б., IV, ст. 1273—1287. Ср. С. Г. Вилинскій, Посланія старца Артемія, стр. 129-130.

4) А., изд. Вил. Арх. К., XXVI, № 291.

5) „utque ad noticiam singulorum haec ipsa statuta nostra deueniant, iussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis“ (Collectanea ex Arch. Coll. Jur., t. VII, p. 278). С. Г. Борисенокъ въ своей работѣ „Списки Литовського Статуту 1529 р.“ основательно опровергаетъ утвержденіе Пѣкосинскаго, будто бы въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ то время не было типографіи, способной напечатать Статутъ. См. Праці Ком. для виуч. іст. зах.-р. та укр. права, в. VI, стр. 39.

ности типографіи Скорины послѣ 1525 года. Дѣло печатанія Статута задержалось, а на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы выступили съ просьбою о „поправеньѣ Статута". При такомъ положеніи печатаніе кодекса 1529 года уже не имѣло смысла. Нужно было сначала дождаться его исправленія. Но просьба о печатаніи исправленнаго Статута была предъявлена станами сейма на томъ же Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, на которомъ они заявили и о необходимости его „поправы"[1]). Когда на Виленскомъ сеймѣ 1551 года была возобновлена просьба о томъ, чтобы „Статутъ права посполитого земъского былъ поправенъ а выдрукованъ", Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ на нее обѣщаніемъ, что онъ „будеть рачылъ росказати оный Статутъ выдруковати и битымъ писмомъ выбити, абы вси вжо одностайное и неотъменъное право свое посполитое ведали и вунътъпенья никоторого въ нимъ не мели"[2]). Такимъ образомъ, Второй Литовскій Статутъ предполагалось напечатать сразу послѣ его утвержденія. Однако сдѣлать это оказалось невозможнымъ. Какъ мы видѣли выше, Литовскій Статутъ 1566 года былъ утвержденъ „недоправеный до конца"[3]). Его „поправа" началась сразу послѣ его утвержденія, и печатать кодексъ во время совершавшагося его исправленія, конечно, было невозможно. Но послѣ совершенія „поправы" Литовскій Статутъ долженъ быть напечатанъ. Убѣжденіе въ необходимости этого закрѣпилось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ за цѣлые десятки лѣтъ. Совершенно естественно, что соотвѣтствующія учрежденія и должностныя лица должны были заблаговременно подготовлять возможность осуществленія уже укоренившагося въ государствѣ Литвы требованія напечатанія свода его законовъ.

Само собою разумѣется, что пріисканіе или устройство типографіи, въ которой можно будетъ напечатать Литовскій Статутъ, должно было быть предметомъ заботы государственнаго скарба Великаго Княжества Литовскаго, какъ учрежденія, вѣдавшаго всѣ вопросы матеріальнаго и техническаго характера для нуждъ государства Литвы. Если на государственную канцелярію падала задача сводки всѣхъ составныхъ частей „по-

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 3 и сл.

[2]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 184.

[3]) См. выше, часть первая, стр. 159 и сл.

правы“ Статута[1]), то изыскать способы напечатанія кодекса становилось обязанностью государственнаго скарба. Такимъ образомъ, скарбный Великаго Княжества Литовскаго, завѣдуя подъ начальствомъ земскаго подскарбія техническою частью скарба, долженъ былъ самымъ заботливымъ образомъ подыскивать или подготовлять типографію, въ которой можно будетъ напечатать новый Статутъ послѣ его утвержденія. Урядъ же скарбнаго въ это время занималъ Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій, который, совершенно естественно, привлекъ къ дѣлу устройства нужной государству Литвы типографіи и своего брата Зиновія, бурмистра города Вильны.

Шляхтичъ по своей сословной принадлежности, Зиновій Семеновичъ Зарѣцкій былъ сначала радцею[2]), а затѣмъ бурмистромъ Виленскаго мѣста-города. Онъ, подобно своему брату Ивану, имѣлъ свои шляхетскія имѣнія[3]). а послѣ него занималъ его урядъ Виленскаго подключія[4]), Зиновій Зарѣцкій такъ же, какъ и его братъ, ссужалъ скарбъ Великаго Княжества Литовскаго своими деньгами и даже вмѣстѣ съ нимъ получилъ общій „желѣзный листъ“ отъ Сигизмунда Августа въ 1569 году на временное освобожденіе отъ уплаты сдѣланныхъ ими обоими долговъ. Въ этомъ листѣ отъ имени великаго князя говорится такъ: „поведелъ передъ нами скаръбный нашъ Великого Князства Литовского, ключъникъ и подъключы Виленъский Иванъ а братъ его Зиновъ Семеновичи Зарецъкие о томъ, што жъ дей они за росказанъемъ нашымъ, въ недостатъку скаръбу Великого Князства Литовского, немалыми сумами пенезей готовыхъ, такъ же и розными товары скаръбъ нашъ

---

1) См. выше, часть первая, глава VIII.

2) См., напр., „Варунокъ Зенову Зарецкому, райцы Виленьскому, на инътересу отъ п[е]н[е]зей его, въ скарбе ему винныхъ, отъ кождое тисечы по полтораста копъ грошей на каждый рокъ ажъ до отдан[ь]я ему всее сумы винъное“ (дата: Кнышинъ, 9 сентября 1567 года). Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит. 53, л.л. 139 об. — 140 об.

3) См., напр., „Потверженье Лукашу Мамоничу, скарбъному Великого Княз[тва] Лит[о]вского и малжонце его Овъдоти Зарецкой на село Смакгуры, у воеводстве Виленьскомъ лежачое, до животовъ ихъ за спущен[ь]емъ права отъ Зенова Семеновича Зарецъкого“ (дата: Городна, 16 февраля 1589 года). Лит. Метр., Зап. Лит. 73, л.л. 586-586 об.

4) См. „Привилей Зенову Зарецкому на подключое и восковницътво Виленское до живота его“ (дата: Дисна, 8 іюля 1581 года). Лит. Метр., Зап. Лит. 67, л.л. 69 об. — 70 об.

земъский для потребы речы посполитое закладаючы, у великие долъгы пришли, которыхъ долъговъ немалая сума съ скаръбу нашого имъ плачона быти маеть. Нижъли, ижъ для инъшыхъ великихъ потребъ земъскихъ скарбъ нашъ розные налоги на тотъ часъ поносить, тогды для того теперъ Ивану и Зенову Зарецкимъ заплата долъговъ ихъ съ скарбу нашого не доходить, а они тежъ за тымъ вамъ, рознымъ особамъ, долъговъ своихъ, што кому винъни, на тотъ часъ платити[1]) и за нихъ досыть чинити не могуть. И били намъ чоломъ, ижъ быхъмо съ прычынъ вышей менованыхъ отъ плаченья долговъ ихъ, што кому они виньни, на який часъ певный волности узычыли"[2]). Эта вольность имъ и дана была Сигизмундомъ Августомъ на три года настоящимъ желѣзнымъ листомъ-универсаломъ.

По своему оффиціальному положенію Виленскаго бурмистра и по своей состоятельности Зиновій Зарѣцкій былъ для своего брата Ивана очень подходящимъ и цѣннымъ сотрудникомъ въ начатомъ имъ дѣлѣ организаціи типографіи въ Вильнѣ. Совершенно естественно, что онъ былъ привлеченъ къ этому дѣлу.

---

[1]) Въ оригиналѣ: „платьти".

[2]) Далѣе листъ продолжаетъ: „А такъ мы, маючы въ томъ певную ведомость, же они, розными потребами скарбъ нашъ закладаючы, въ немалые долъгы прышли, а ижъ подъ тымъ часомъ заплата съ скарбу нашого ихъ дойти не можеть, чынечы въ томъ ласку нашу господаръскую, отъ плаченья всихъ долговъ, што они кому колвекъ з васъ винъни, и по[во]лоченья о то до права ихъ самыхъ и поручниковъ ихъ вызволаемъ и волными чинимъ, а даемъ имъ на то волности до певъного часу, на тры годы, по собе идучыхъ, то естъ почавъшы отъ свята Великоденъного, которое будеть близко въ року нинешнемъ шестдесятъ девятомъ, до такового[жъ] свята Великоденъного, которое будеть въ року семдесятъ второмъ. Вы бы, о томъ ведаючы, долъговъ своихъ до вышътья тыхъ годовъ вышей мененыхъ на нихъ не правили и гостинъцовъ або лифъ водле описовъ ихъ отъ того, што кому винъно, не правили и на нихъ ся не домагали и ку праву о то не толко якимъ инъшымъ обычаемъ, але и за листы нашыми господаръскими, которые бы противъко сее вольности ихъ были вынесены, ихъ самыхъ и поручниковъ ихъ не поволокали и водле сего листу и росказанъя нашого въ томъ ся ку нимъ заховали конечъно". Дата листа: Люблинъ, 5 апрѣля 1569 года. Обращается листъ къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, княгинямъ, панямъ вдовамъ, наместъникомъ, тивуномъ, земяномъ и двораномъ нашымъ, войтомъ, буръмистромъ и всимъ врадникомъ и подъданымъ нашымъ господаръскимъ, князскимъ, панъскимъ и духовныхъ (въ оригиналѣ: „духовным"). Лит. Метр., Публ. Дѣлъ Пит. 10, л.л. 7-8.

Книгопечатаніе въ „столечномъ мѣстѣ Виленскомъ“ получило свое начало въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія въ друкарнѣ Полоцкаго шляхтича Франциска Скорины[1]). Послѣ гибели этой типографіи во время Виленскаго пожара 1530 года ея вліяніе на возникавшія затѣмъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ друкарни, однако, сохранилось. Шрифтъ, которымъ печаталъ Скорина, употреблялся и послѣ него[2]). Въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка была создана Николаемъ Чернымъ Радивиломъ типографія въ Несвижѣ. Она служила цѣлямъ и задачамъ „разновѣрія“. Въ семидесятыхъ годахъ того же столѣтія эта типографія была передана Николаемъ Криштофомъ Радивиломъ (Сироткою) Виленской Академіи Общества Іисуса[3]). Привлечь ее для задачи, стоявшей передъ Зарѣцкимъ какъ скарбнымъ, а въ то же время и православнымъ дѣятелемъ, было невозможно. Даже еслибы онъ совершенно отказался отъ мысли использовать друкарню для печатанія православныхъ книгъ, онъ не могъ бы чувствовать себя ея хозяиномъ. Но въ среднія десятилѣтія XVI вѣка, съ развитіемъ реформаціоннаго движенія и „разновѣрія“, весьма вѣроятно появленіе въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго кратковременныхъ, такъ сказать, „кочевыхъ“ типографій[4]). Такою приходится признавать и друкарню Полоцкаго шляхтича Василія Тяпинскаго, которую онъ самъ называетъ „убогою“[5]). Ко-

---

1) О Скоринѣ см. П. В. Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (С.-Петербургъ, 1888). Ср. также В. Ластоўскі, Гісторыя Беларускай (Крыўскай) Кнігі (Коўна, 1926), стр. 282-307, а также статьи В. И. Пичеты „Друк на Беларусі у XVI і XVII ст.“ и „Scoriniana“ въ Сборникѣ „400-лецьце Беларускага друку“ (У Менску, 1926).

2) Какъ на примѣры можно указать на литеры „а“, „ч“ и другія въ Новомъ Завѣтѣ изданія Тяпинскаго, которыя тѣ же, какъ и въ изданіяхъ Скорины.

3) И. И. Лаппо, Виленская Академія, іезуитскія коллегіи — Виленскія Св. Игнатія и Св. Рафаила и Гродненская — и ихъ документы, хранящіеся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Описаніе Дѣлъ Арх. М. Н. Пр., томъ I (Петроградъ, 1917), стр. XII-XIII.

4) П. М. Строевъ, Обстоятельное Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хринящихся въ библіотекѣ Θ. А. Толстова, стр. X-XI. Ср. архим. Леонидъ, рецензія „Описанія славяно-русскихъ книгъ“ И. П. Каратаева (Журн. Мин. Нар. Пр., 1884; въ отдѣльномъ оттискѣ — стр. 6).

5) Въ своей „предмовѣ“ къ изданію „Первая Часть Нового Завета“.

нечно, эти случайныя печатни должны были имѣть весьма неудовлетворительное оборудованіе. Кое-чѣмъ изъ ихъ запасовъ, быть можетъ, устраиваемая Зарѣцкимъ типографія и могла воспользоваться[1]). Но основными ея фондами во всякомъ случаѣ эти запасы служить не могли.

Такимъ образомъ, нужно было создавать новую друкарню. А для нея прежде всего былъ небходимъ талантливый и опытный, „хитрый мастеръ печатному дѣлу". Тяпинскій былъ слишкомъ слабъ какъ „друкаръ", какъ спеціалистъ и техникъ книгопечатнаго искусства. Къ тому же онъ былъ „разновѣрецъ"[2]). Но по счастью въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находился тогда и выдающійся дѣятель книгопечатанія того времени. Это былъ сотрудникъ, „клевретъ" московскаго первопечатника Ивана Ѳеодорова, Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Родомъ изъ Мстиславскаго воеводства Великаго Княжества Литовскаго, онъ, надо думать, и былъ тою посредствующею силою, черезъ которую создалась несомнѣнно существовавшая связь печатни, возникшей при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ Москвѣ, съ болѣе старымъ книгопечатаніемъ Великаго Княжества Литовскаго[3]). Эмигрировавъ въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія изъ Московскаго государства вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳеодоровымъ и вмѣстѣ съ нимъ же „учинивши варъстатъ друкарскій" въ Заблудовѣ по повелѣнію пана Григорія Александровича Ходкевича[4]), Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ былъ въ семидесятыхъ годахъ свободенъ отъ этой работы[5]). Да и ти-

---

[1]) Шрифтъ Тяпинскаго сходенъ со шрифтомъ Скорины, а заставочки въ текстѣ сходны съ заставочками Мамоничскихъ изданій. Экземпляръ „Первой Части Нового Завета" — въ бывшей Имп. Публичной Библіотекѣ (I. 1. 29).

[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій признаетъ его социніаниномъ. См. его работу „В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе", стр. 1041-1045 третьей книги IV-го тома Извѣстій Отд. р. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, за 1899 годъ. Ср. В. Ластоўскі, op. cit., стр. 410.

[3]) См., напр., И. Н. Божеряновъ, Ист. очеркъ р. книгопечатанія, стр. 15, или Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ — Историческая справка (Москва, 1903), стр. 11.

[4]) См. предисловіе къ Евангелію Учительному, напечатанному въ Заблудовѣ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Москвитиномъ и Петромъ Тимофеевичемъ Мстиславцемъ (начато печатаніемъ 8 іюля 1568 года, окончено 17 марта 1569 года).

[5]) Книга Псалтирь съ Часословцемъ (начата 26 сентября 1569 года, окончена 23 марта 1570 года) была напечатана уже однимъ Иваномъ Ѳео-

пографія Заблудовская уже закрылась, ибо Ходкевичъ, придя „въ глубоку старость“, приказалъ „работанія сего престати“[1]). Петръ Тимофеевъ и былъ привлеченъ Зарѣцкимъ къ задуманному имъ дѣлу. Онъ и взялъ въ свои умѣлыя руки возникавшую въ Вильнѣ новую друкарню.

Что касается помѣщенія для нея, то оно было найдено въ Виленскомъ домѣ Мамоничей. Уже Юрій Самуилъ Бандтке собралъ рядъ указаній актовъ на то, что эта фамилія была шляхетской и имѣла свою осѣлость въ Могилевскомъ староствѣ[2]). Но въ то же время Мамоничи извѣстны нашимъ источникамъ и какъ мѣщане Виленскіе[3]). Примирить это противорѣчіе нетрудно, ибо шляхтичъ, переходившій къ занятію ремесломъ и торговлею, утрачивалъ права шляхетства, но онъ ихъ возстановлялъ, когда вновь, переставая „мѣрить локтемъ“, возвращался только къ своему шляхетскому землевладѣнію-хо-

---

доровымъ, который говоритъ въ ней такъ: „а трудивыйся многогрѣшъный и непотребный рабъ, на имя Иванъ Ѳедоровичъ Москвитинъ, молю убо всякого благочестиваго православнаго христіянина...“

[1]) Послѣсловіе къ Апостолу, напечатанному Иваномъ Ѳеодоровымъ во Львовѣ (начатъ 25 февраля 1573 года, оконченъ 15 февраля 1574 года) говоритъ: „егда же пріити ему въ глубоку старость и начастѣ главѣ его болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣ намъ работанія сего престати и художьство рукъ нашихъ ни во что же положити, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати“.

[2]) Historya Drukarń, tom II, str. 262. Cp. J. Lelewel, Bibl. ks. dwoje, tom I, str. 62-63.

[3]) Напр., „Прывилей Богдану Мамоничу, волность на домъ въ месте Виленьскомъ отъ стоян[ь]я гостей“ (Лит. Метр., Зап. Лит. 69, стр. 205-206; дата: Берестье, 10 ноября 1583 года), „Прывилей мещанину Виленьскому Богдану Ивановичу Мамоничу, вызволенье отъ стоян[ь]я гостей въ дому его въ месте Виленьскомъ на вечность“ (Лит. Метр., Зап. Лит. 73, л.л. 298 об. — 299; дата: Краковъ, 10 марта 1588 года), „Позволенье мешчанину Виленскому Богъдану Мамоничу на купенье именья Болоши, въ повете Ошъменскомъ лежачого“ (Лит. Метр., Зап. Лит. 77, л.л. 86 об. — 87 об.; дата: Варшава, 5 апрѣля 1590 года). Богданъ Мамоничъ обозначенъ въ числѣ опекуновъ въ завѣщаніи Ганны Рагозянки (князя) Свирскаго, маршалковой господарской, державчиной Мойшогольской (А., изд. Вил. Арх. К., IX, стр. 460; дата: 14 января 1588 года). Онъ былъ и „арендаромъ“ податка — Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит. 73, л.л. 449-449 об., 450 об. — 451 об. Хотя онъ мѣщанинъ, но онъ же и земянинъ господарскій Ошменскаго повѣта (А., изд. Вил. Арх. К., XX, стр. 147).

зяйству и „рыцарской" службѣ государству[1]). Мамоничи же были купцами, какъ совершенно опредѣленно именуетъ Лукаша Мамонича Стефанъ Баторій въ привилеѣ, выданномъ ему въ Варшавѣ 4 декабря 1582 года. Въ привилеѣ этомъ стоитъ: „билъ намъ чоломъ купецъ нашъ места Виленьского Лукашъ Мамоничъ и поведилъ передъ нами, ижъ продокъ [нашъ], славное памети король его милость Жикгимонтъ Августъ, з ведомостью пановъ-радъ Великого Князства Литовского, въ року шестдесятъ семомъ, для потребы речы посполитое и чинячы заплату людемъ служебнымъ, взялъ и позычилъ въ скарбъ земский [Великого] Князства Литовского две тисечы и осмъ сотъ копъ грошей монеты и личбы литовское, личечы по десети пенезей белыхъ въ грошъ, а на личбу Коруны Польское по полтретя золотого полского у копу литовъскую, у скарбъного нашого Ивана Зарецкого, а въ той суме заставилъ и въ держан[ь]е ему подалъ два войтовства волости Упитское", а именно Помуши и Перволыское. Эти войтовства Зарѣцкій „заставилъ", т. е. отдалъ въ залогъ, Лукашу Мамоничу („купъцу нашому", по обозначенію привилея) и „право свое" ему „пустилъ", что и было утверждено Стефаномъ Баторіемъ[2]).

О томъ, что Лукашъ Мамоничъ былъ „урожонымъ" шляхтичемъ, притомъ достаточно крупнымъ, наши источники говорятъ совершенно опредѣленно. Его заслуги выдвигаетъ и за него хлопочетъ государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, собравшійся въ Вильнѣ въ 1593 году[3]). Онъ былъ Дисненскимъ старостою[4]). Въ Виленскомъ воеводствѣ ему принадлежали Свираны[5]), извѣстны и другія его имѣнія, а так-

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 239 и сл. и Лит.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 283-284. Артикулъ Статута „о шляхте, которая бы у месте оселость принела", — II Ст., разд. III, арт. 20; III Ст., разд. III, арт. 25.

[2]) „Привилей купъцу места Виленского Лукашу Мамоничу на два (въ оригиналѣ: „две") войтовства на Упите, Помуши а Перволыское, въ суме пенезей, отъ Зарецкого окупленой, и правомъ доживотнымъ". Лит. Метр., Зап. Лит. 67, л.л. 240 об. — 242.

[3]) А., изд. Вил. Арх. К., VIII, № 156 (стр. 329).

[4]) А., изд. Вил. Арх. К., XX, стр. 137, 138, 147, 148, 170, 201.

[5]) Лукашъ Мамоничъ — „dziedzic dóbr Swiran cum attinentiis, w województwie Wileńskim leżących". А., изд. Вил. Арх. К., IX, № 125 (стр. 340).

же державы[1]). Во второмъ бракѣ Лукашъ Мамоничъ былъ женатъ на дочери Мстиславскаго каштеляна Семена Войны, Барбарѣ[2]). Объ его гербѣ мы не только знаемъ по упоминанію его[3]), но до насъ дошло и его изображеніе[4]). Мамоничамъ въ Виленскомъ мѣстѣ принадлежалъ цѣлый рядъ каменныхъ домовъ. Ихъ „каменицы" хорошо извѣстны актамъ[5]). Предоставить помѣщеніе возникавшей типографіи Мамоничи имѣли полную возможность. Они могли и расширять его, когда этого стало требовать ея развитіе[6]).

Какъ мы уже видѣли выше, во главѣ создавшейся „въ дому Мамоничовъ" друкарни всталъ скарбный, государственный казначей Великаго Княжества Литовскаго, Иванъ Семеновичъ Зарѣцкій. Скарбный былъ ея главою и въ дальнѣйшее время. Управленіе типографіей Мамоничей стало неотдѣлимымъ отъ уряда скарбнаго, такъ сказать, вошло въ составъ этого уряда, сдѣлалось одною изъ его функцій. Послѣ Ивана Зарѣцкаго, умершаго въ 1585 году[7]), урядъ скарбнаго занялъ Лукашъ Мамоничъ[8]), управлявшій и Мамоничскою типографіей. Этого ма-

---

[1]) См. А., изд. Вил. Арх. К., VIII, № 183 (стр. 489-492), XXXII, № 79 (стр. 217).

[2]) А., изд. Вил. Арх. К., VIII, №№ 187 (стр. 497), 189 (стр. 499-500).

[3]) Въ числѣ расходовъ при его погребеніи обозначенъ одинъ грошъ за „szpilki do przyszpilania herbów". А., изд. Вил. Арх. К., VIII, стр. 494 (№ 185).

[4]) Въ посвященномъ ему Мамоничскомъ изданіи Псалтыри 1593 года. Надъ изображеніемъ герба (знакъ „лисъ" въ гербовомъ щитѣ; надъ гербомъ слѣва — буква „л", а справа — „м") стоитъ: „На гербъ зацного дому. | Его м[и]л[о]сти пана Лукаша Ивановича | Мамонича. Старосты дисненьского. И скарбного | Великого Князства Литовъского. і проча". | Подъ гербомъ — вирши въ 16 строкъ.

[5]) См., напр., А., изд. Вил. Арх. К., XX, стр. 112, 146, 147, 148-149, 151-152, 201.

[6]) Балинскій предполагалъ домъ Мамоничей на мѣстѣ стоявшаго въ его время дома Следзинскаго. Historya Miasta Wilna przez Michała Balińskiego, II, str. 122.

[7]) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 350, прим. 5.

[8]) Какъ скарбный онъ извѣстенъ актамъ уже въ 1586 году. См., напр., Лит. Метр., Судн. Дѣлъ Лит. 65, л.л. 460-460 об. (дата: Городна, 8 сентября 1586 года). Другія упоминанія о немъ, какъ о скарбномъ, въ Литовской Метрикѣ: Зап. Лит. 67 — л.л. 240 об. - 242 об., 73 — л.л. 586-585 об., 76 — стр. 177, Судн. Дѣлъ Лит. 63 — л. л. 115 об. - 116 об., 454 об. - 455 об., 591 об. - 594, 594-594 об., 67 — л.л. 216-217. См. также „Привилей

ло. И урядъ скарбнаго, и завѣдываніе друкарней оказались какъ бы въ наслѣдственной передачѣ въ домѣ Зарѣцкихъ и Мамоничей. Лукашъ Мамоничъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія былъ женатъ на Авдотьѣ Зарѣцкой[1]). Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1606 году[2]), завѣдываніе типографіей и урядъ скарбнаго раздѣлились, но остались въ одной и той же семьѣ — скарбнымъ былъ назначенъ зять Лукаша Мамонича Буховскій[3]), а друкарня перешла въ управленіе Лукашова сына, Льва (Леона) Мамонича[4]).

Уже одно то, что вплоть до 1606 года во главѣ Мамоничской типографіи стоялъ скарбный, заставляетъ предполагать, что она имѣла тогда значеніе государственной типографіи Великаго Княжества Литовскаго. Но намъ удалось разыскать въ Литовской Метрикѣ документъ, который подтверждаетъ такое предположеніе. Это привилей, данный Стефаномъ Баторіемъ въ Городнѣ 13 марта 1586 года. Вотъ полный текстъ его:

Stephanus Dei gratia etc.

Significamus etc.

Cum subditi quarundam prouinciarum regni[5]) nostri, potissimum vero Magni Ducatus Lithuaniae incolae in qualibet facultate, imo plerique et in rebus religionis, idioma ruthenicum[6]) siue sclauonicum vsitatum et vulgare habeant et quasi religioni et iuribus suis proximum sequi et tenere fas indicvnt, proinde[7]) nos, con-

---

Лукашу Мамоничу на двесте копъ грошей юркгельту на кождый годъ на врадъ его скарбство" (Лит. Метр., Зап. Лит. 73, л.л. 178-178 об.; дата: Городна, 10 сентября 1586 года), „Листъ арендаромъ побору чопового, шосового и отъ солодовниковъ урожонымъ Лукашу Мамоничу скарбному и Яну Исайковскому до всихъ становъ з стороны тое аренды ихъ" (Лит. Метр., Судн. Дѣлъ Лит. 72, л.л. 11 об. - 12; дата: Варшава, 18 мая 1596 года), „Листъ урожоному Лукашу Мамоничу скарбному до всихъ становъ о цло сплаву водного, ему арендованое" (тамъ же, л.л. 14-14 об.; дата: Варшава, 20 мая 1596 года).

1) Лит. Метр., Зап. Лит. 73. л.л. 586-586 об. См. выше — о Зиновіи Зарѣцкомъ.

2) А., изд. Вил. Арх. К., VIII, №№ 185, 187, 189.

3) Тѣ же Акты, XX, стр. 283.

4) Леонъ Мамоничъ самъ называетъ Лукаша своимъ отцомъ. Въ посвященіи Льву Сапѣгѣ изданія Литовскаго Статута въ 1614 году онъ писалъ: „one Ruskie, za roskazaniem W. M. mego mościwego pana od oyca mego roku 1588 Statutow W. X. Lith. drukowane exemplarze dawno iuż są między ludzie rozebrane"...

5) Въ оригиналѣ: Regni. 6) Ruthenicum. 7) Proinde.

suetudini subditorum nostrorum et commoditati consulere cupientes, sequuti serenissimorum praedecessorum nostrorum exemplum, officinam imprimendorum librorum ruthenicorum[1]) et sclauonicorum in urbe nostra Vilnensi annis elapsis instituimus, curam vero et munus officinae illius viris idoneis, ciuibus et incolis Vilnensibus, famatis Cosmo et Luca Iwanowicz Mamoniczom cum facultate eosdem libros excudendi et per dominia nostra diuendendi ad gratiam et beneplacitum nostrum demandauimus. Et cum praefati ciues et incolae Vilnenses[2]), ut in aliis rebus fidelem semper nauarunt operam, ita et in hoc munere industriam peritiamque non vulgarem hominum ritus illius indicio comprobassent, vt in posterum eadem diligentia ad munus illud accurate obeundum et perficiendum nobis et Reipublicae sese praebeant, — hoc munus imprimendorum librorum illis ipsis in quacunque facultate scientiarum, quamdiu quilibet illorum vsura lucis huius perfruetur, concedendum et demandandum esse statuimus concedimusque ac demandamus hisce litteris nostris, dantes et concedentes illis potestatem et facultatem libros quosuis licitos et necessarios graece[3]), ruthenice[4]) et sclauonice[5]) in vrbe nostra Wilna excudendi imprimendi excusosque omnibus in Regno nostro et Magno Ducatu Lithuaniae hominibus, subditis nostris, vendendi et absque ullo teloneo infra et extra limites dominiorum nostrorum cudendi, diuendendi, distrahendi in vsusque reipublicae[6]) utriusque conuertendi libere et absque cuiusuis impedimento et contradictione. Quod omnibus Regni nostri et Magni Ducatus Lithuaniae tam spiritualis quam secularis ordinis praefectis[7]), palatinis[8]), castellanis[9]), capitaneis[10]), dignitariis, officialibus, burgimastris[11]), Ruthenicamque religionem profitentibus ac quibusuis aliis in Magno Ducatu Lithuaniae magistratibus notum esse volumus mandamusque[12]), ut praedictos Cosmum et Lucam Iwanowicz Mamonicz libere officinam suam impressoriam habere eamque ad ultima vitae ipsorum tempora excudere librosque tam graecos[13]), ruthenicos[14]), quam sclauonicos[15]) cudere et vendere permittant ab aliisque, quorum interest, permitti faciant, in eosque, qui ab ipsis libros impressos temere recudere et excusos diuendere ausi fuerint, requisiti a praedictis Cosmo et Luca Iwanowicz Mamonicz, serio animaduertant paenamque quingentorum[16]) aureorum irremissibiliter persoluendam et fisco nostro applicandam irrogent et exigant pro gratia nostra. In quorum fidem hasce manu nostra subscripsimus et sigillo[17]) nostro Magni Ducatus Lithuaniae obsignari mandauimus.

---

[1]) Ruthenicor (со знакомъ сокращенія надъ концомъ слова). [2]) vilnen (также). [3]) Graece. [4]) Ruthenice. [5]) Sclauonice. [6]) Reip. [7]) Praefectis. [8]) Palatinis. [9]) Castellanis. [10]) Capteis (со знакомъ сокращенія надъ словомъ). [11]) Burgimastris. [12]) Mandamusque. [13]) Graecos. [14]) Ruthenicos. [15]) Sclauonicos. [16]) Quingentor (со знакомъ сокращенія надъ концомъ слова). [17]) Sigillo.

Datum Grodnae, die XIII Martii, Anno MDLXXXVI, Regni nostri Decimo.

Stephanus Rex.

Leo Sapieha, Magni Ducatus Lithuaniae Vicecancellarius[1]).

Приведенный сейчасъ полностью привилей короля Стефана, закрѣпляя и утверждая права Мамоничской типографіи, такимъ образомъ, ссылается на сдѣланное тѣмъ же монархомъ уже раньше относительно нея постановленіе, которымъ великимъ княземъ Литовскимъ учреждалась въ Вильнѣ типографія съ назначеніемъ къ ней Кузьмы и Луки Мамоничей, а не разрѣшалось лишь послѣднимъ открыть свою собственную друкарню. Заключающія въ себѣ акты царствованія Баторія книги Литовскаго отдѣла Метрики Литовской[2]), хранившіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, были нами просмотрѣны всѣ безъ исключенія. Перваго привилея, выданнаго этимъ монархомъ Мамоничской типографіи, въ нихъ не оказалось. Возможно, что онъ найдется въ книгахъ Метрики, не попавшихъ въ Архивъ Министерства Юстиціи, или внесеннымъ въ актовыя книги областныхъ урядовъ, или въ видѣ выписи изъ нихъ, или наконецъ, что не невозможно, и въ подлинномъ видѣ. Но данъ онъ былъ Мамоничской типографіи, внѣ всякаго сомнѣнія, въ самомъ началѣ царствованія короля Стефана, ибо уже во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія на ея изданіяхъ обозначалось: „за привильемъ ег[о] к[о]р[олевское] милости, которымъ то есть варовано, абы кождый якого жъ колвекъ стану чоловекъ не важилъ ся тыхъ книгъ въ панствахъ ег[о] к[о]р[олевское] милости друковать або где индей друкованыхъ до панствъ ег[о] к[о]р[олевское] милости, будь явне, або потаемне привозить и продавать подъ виною, въ прывилею менованою, до скаръбу ег[о] к[о]р[олевское] милости и подъ утраченьемъ всихъ книгъ“[3]). Въ девяностыхъ годахъ

---

[1]) Литовская Метрика, Записей Литовскихъ, книга 71, листы 72 об. — 73 об. Заголовокъ къ этому документу, вписанный въ книгу въ позднѣйшее время, слѣдующій: „Przywiley na Drukarnią xiąg tak Ruskich, iako Słowackich, w Wilnie“.

[2]) Т. е. рубрика I.

[3]) Впервые это указаніе на привилей встрѣчается въ изданіи Апостола, извѣстные экземпляры котораго сохранились безъ выходного листа, а слѣдовательно и безъ обозначенія года и типографіи. На основаніи изуче-

XVI вѣка Мамоничи именуютъ себя уже типографами его королевской милости[1]).

Имѣется и еще одно указаніе на то, что Мамоничская друкарня получила значеніе государственной типографіи Великаго Княжества Литовскаго. Это — ея отношенія къ канцлеру государства Литвы. Евстафія Воловича, въ бытность его канцлеромъ, Кузьма и Лукашъ Мамоничи именуютъ своимъ „милостивымъ оборонцою“[2]), а его преемникъ на этомъ министерскомъ урядѣ, Левъ Сапѣга, былъ „звирхнимъ паномъ друкарни“, и она работала „подъ дозоромъ“ его[3]).

Мамоничская типографія развивалась быстро. Но первый ея „друкаръ“, Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, во главѣ ея печатнаго дѣла оставался недолго. Уже въ 1577 году между нимъ и Кузьмою Мамоничемъ велась судебная тяжба о раздѣлѣ друкарни, которую они создали „спольнымъ своимъ накладомъ“[4]). П. Т. Мстиславецъ былъ удаленъ изъ типографіи Мамоничей, и послѣдніе повели ее сами, уже овладѣвъ техникою руководства печатнымъ дѣломъ и пріискавъ себѣ другихъ его работниковъ.

нія шрифта и заставокъ мы считаемъ его внѣ всякаго сомнѣнія Мамоничскимъ изданіемъ (о сомнѣніяхъ въ этомъ см. И. Каратаевъ, Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, томъ перрый, С.-Петербургъ, 1883, стр. 194). Время выхода книги, надо думать, около 1576—1577 годовъ.

1) Въ Псалтыри изданія 1593 года стоитъ: „В дому тгыпокграфовъ его кр. мл. Мамоничовъ“.

2) Посвященіе Сборника 1585 года, котораго описаніе будетъ дано нами ниже.

3) Въ Псалтыри 1592 года, на оборотѣ 180 листа написано: „Сия книга глаголемая Псалтырь выдрукована въ Великомъ Князстве Литовскомъ, въ столечномъ граде Вилни, за щесливаго панован[ь]я господаря короля его милости Полского Жикгимонта Третего, а за архиепископа митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси киръ Михаила Рагозы, подъ дозоромъ и звирхнимъ паномъ друкарни ясневелможного пана, пана Лва Сапеги, канцлеря Великого Кн[я]зства Литовского, Ясвонского, Марковского и Мядельского и далей старосты, а промысломъ, проторы, труды и тщаниемъ скарбного короля его милости, пана Лукаша Ивановича Мамонича и брата его Космы, бурмистра Виленского. Року отъ създания мира 7099, а отъ Воплощения Слова Бож[ъ]его Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1592 генваря 8 дня. Въ дому Мамоничъ“.

4) Судный актъ по этому дѣлу, впервые напечатанный въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1883 годъ, см. въ книгѣ П. В. Владимірова, Докторъ Францискъ Скорина, стр. 205-206, прим. 3.

„Накладъ“ на друкарню былъ теперь всецѣло ихъ. Являясь государственною типографіей Великаго Княжества Литовскаго, друкарня жила на свои средства, а не содержалась государствомъ. Такой порядокъ былъ обычнымъ явленіемъ того времени, и ея оборудованіе было собственностью Мамоничей. Оно было достаточно полнымъ въ условіяхъ тогдашней техники печатнаго дѣла.

Къ настоящему времени приведено въ извѣстность довольно большое количество изданій, вышедшихъ изъ Мамоничской типографіи съ 1575 года по среднія десятилѣтія XVII вѣка. Громадное большинство ихъ было напечатано на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Но нѣкоторое количество книгъ и на польскомъ языкѣ также вышло изъ этой друкарни. Какъ мы уже видѣли выше, первыми книгами, выпущенными Мамоничскою типографіей, были напрестольное Евангеліе и Псалтырь, вышедшія въ 1575 и 1576 годахъ. За ними послѣдовалъ рядъ другихъ книгъ, предназначавшихся главнымъ образомъ для церковно-богослужебныхъ цѣлей — Евангелія, Апостолы, Псалтыри, Часословы, Тріоди, Служебники, Требники, Молитвословы[1]). Образцомъ книжки религіозно-нравственнаго содержанія, напечатанной друкарней Мамоничей, можетъ служить вышедшій въ 1585 году сборникъ, въ которомъ изданы отдѣльныя произведенія патріарха Геннадія, Іоанна Дамаскина и Іоанна Златоуста[2]). Книгами свѣтскаго содержанія на русскомъ языкѣ Мамоничской печати были Трибуналъ, Третій Литовскій Статутъ и нѣкоторыя другія. Что касается книгъ, напечатанныхъ Мамоничами на польскомъ языкѣ, то въ числѣ ихъ были два послѣдующихъ изданія Третьяго Литовскаго Статута и нѣсколько другихъ книгъ, какъ напримѣръ, „X. Jakuba Hasiusza Kazanie na exequie J. W. P. Mikołaja Bogusława Bratoszyna Zenowicza z domu Deszpotów, Kasztelana Połockiego, mia-

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ изданіяхъ даны были Каратаевымъ въ его Описаніи Слав.-Русскихъ книгъ, стр. 189 и сл. См. также Памятники Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ, VI, стр. 171-193 („Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковнославянскаго шрифта“, составленный П. А. Гильтебрандтомъ) и А. И. Миловидовъ, Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI-XVIII вв. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Университетѣ, 1908, 1).

[2]) Описаніе этой книги см. у Каратаева, стр. 228-232.

ne w Smorgońskim Kościele“ (1622 г.) или „Żałobna sowita albo Palas z utraty wizerunku dobrey gospodyni żałosna etc. na dzień pogrzebu stadła zacnie urodzonego J. P. Olbrychta Rakowskiego Kasztel. Oekonoma Wiskiego i Małżonki iego J. P. Sophiey Pacowny Rakowskiey“ (1617 г.)[1]).

Большинство книгъ, напечатанныхъ въ Мамоничской типографіи, форматомъ въ листъ обычнаго размѣра. Таковы богослужебныя книги, а также Литовскій Статутъ и Трибуналъ. Но выпускались типографіей и книги меньшаго формата. Такъ, „кграматыка словеньска языка“, напечатанная „въ друкарни дому Мамоничовъ“ въ 1586 году, „за прозбою жителей столицы Великаго Князства Литовъскаго града Вильни“, имѣетъ форматъ въ четвертую долю листа[2]), а вышедшій въ 1585 году сборникъ отдѣльныхъ произведеній патріарха Геннадія, Іоанна Дамаскина и Іоанна Златоуста изданъ въ форматѣ двѣнадцатой доли листа[3]). Печатались въ Мамоничской друкарнѣ не только книги, но и отдѣльные листы. Примѣромъ такого изданія можетъ служить универсалъ Сигизмунда III-го отъ 15 іюля 1589 года, изданный по случаю пріѣзда Константинопольскаго патріарха Іереміи и предписывающій не чинить ему никакихъ препятствій во время объѣзда имъ земель Великаго Княжества Литовскаго для нуждъ своего каноническаго управленія и суда. Универсалъ этотъ напечатанъ на листѣ большого, почти

---

1) Цитируемъ по Ю. С. Бандтке (Historya Drukarń, t. II. str. 261). Ср. J. Lelewel, Bibl. ks. dwoie, t. II, str. 161, 165. Изъ напечатанныхъ въ типографіи Мамоничей книгъ на польскомъ языкѣ въ нашихъ рукахъ были только изданія Литовскаго Статута въ 1614 и 1619 годахъ и Трибунала въ 1623 году. Лелевель (op. cit., t. II, Kronika bibliograficzna, str. 113-365) даетъ длинный списокъ старопечатныхъ книгъ, а въ ихъ числѣ и Мамоничскихъ изданій. Но не всегда можно поручиться за то, что обозначенное въ этомъ спискѣ изданіе напечатано латино-польскими, а не кирилловскими, буквами. По отношенію къ спискамъ Эстрейхера это замѣчаніе имѣетъ еще бóльшую силу. Такъ, на стр. 84 его труда (K. Estreicher, Bibliografia Polska XV—XVI stólecia. Kraków, 1875) подъ 1595 годомъ читается: „Unia albo wykład przedniejszych artykułów ku zjednoczeniu Greków s kościołem. Wilno, Mamonicz“. На самомъ дѣлѣ заглавіе этой книги, напечатанной кирилловскими литерами, такое: „Унія, альбо выкладъ преднѣйшихъ артыкуловъ ку зъодноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ“. См. А. И. Миловидовъ, op. cit., стр. 5.

2) Описаніе книги см. у Каратаева — Описаніе Слав.-Русскихъ книгъ, стр. 232-233.

3) См. тамъ же, стр. 228.

двойного по сравненію съ обычнымъ[1]) размѣра и закрѣпленъ притиснутою печатью. Напечатаны подъ его текстомъ и подписи Сигизмунда III-го и писаря Матея Войны[2]).

Издательство церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, которое такъ широко было организовано Мамоничскою типографіей, съ теченіемъ времени оказалось связаннымъ съ именемъ Льва Сапѣги, который выпускалъ у Мамоничей и изданія Литовскаго Статута. Уже въ послѣсловіи къ изданію Евангелія въ 1600 году читается: „При деръжаве господаря нашего наяснейшого Жикгимонта Третего, Бож[ъ]ю милостью короля Полского и великого князя Литовъского, Руского, Пруского, Жомоитского, Мазовецкого, Иѳлянтского, и дедичного короля Шведъского, и при нареченномъ архіепископе Ипатію, митрополите Киевскомъ и Галицкомъ, епископе Володимерскомъ и Берестейскомъ, архиманд[р]ите Печерскомъ, за волею и позволен[ь]емъ ясневелможного пана его милости, пана Лва Сапеги, канъцлера Великого Князства Литовъского, Слонимского, Пернавъского, Могилевъского старосты и прочая, старанъемъ и накладомъ его милости пана Лукаша Мамонича, скарбного Великого Князства Литовского, старосты Дисненьского, и пана Козмы Мамоніча, бурмістра Віленского, выдрукована бысть сія книга въ месте столечномъ Виленъскомъ въ лѣто отъ создания миру 7108, а отъ Воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа 1600, месеца[3]) июля 17 дня“. Такимъ образомъ, если „накладъ“, т. е. расходы, по изданію Евангелія въ 1600 году были еще Мамоничей, то разрѣшеніе напечатать книгу было дано Львомъ Сапѣгою. Но затѣмъ послѣдній взялъ на себя цѣликомъ все дѣло издательства церковно-славянскихъ книгъ въ Мамоничской типографіи.

„Книга Служебникъ“ съ чиномъ литургій Іоанна Златоуста и Василія Великаго, а также „преждеосвященъной“ литургіи Григорія Двоеслова была „выдана“ въ 1617 году „коштомъ и накладомъ ясневельможъного пана его милости, пана Леона Сапеги, канъцлѣра Великого Князъства Литовъского, Моги-

---

[1]) Размѣръ этого листа — 38 съ третью на 25 сантиметровъ.

[2]) Подпись Сигизмунда III-го воспроизведена такъ: „Сиисмунъдусъ рексъ“. При этомъ буква „у“ въ обоихъ случаяхъ ея употребленія передана буквою „укъ“, а „кс“ передано черезъ букву „кси“.

[3]) Въ оригиналѣ: „мца“ съ титломъ, внутри котораго буква „с“.

левъского, Шерешовъского старосты і прочая, за ласкою и привилеемъ ег[о] к[о]р[олевское] милости, въ друкарни Леона Мамонича". Посвящено это изданіе „ясне вельможному пану его милости, пану Леонови Сапезе, канцлѣрови наивышшому Великого Князства Литовъского, Могилевъскому, Шерешовъскому и прочыхъ старосте, великому цнотъ і наукъ милоснико-ви и патронови". Слѣдующее дальше обширное поясненіе значенія и содержанія издаваемой книги заканчивается такъ: „такъ и в. мл. нашому милостивому пану тотъ же Господь Богъ мысль такую на пожитокъ великого множества душъ людъскихъ подать рачилъ, же о друкованью книгъ церковныхъ помышлять почалъ а потомъ, возвавъши мене, наименъшого слугу своего, друковать росказатись рачилъ наиперъвей служебники, а потомъ инъшіе книги, до отправованья хвалы Божое и порядного шафованья таинъ церковъныхъ потребъные, наживъши на то съ побожъности своее а зъ щодробливости паньское кошту своего власного такъ много, иле потреба была, за чымъ тотъ светобливый замыслъ в. мл. до скутъку прыходитъ. Вышли служебники на сесь часъ на отправованье безъкровное жеръртвы тѣла и кръви Христовое. Заразъ друкованье требниковъ на отправован[ь]е седми сакраменътовъ начинаю. А ижъ воля в. мл. моего милостивого пана была, жебы при томъ и наука священъникомъ положона была, и въ томъ учинилося што ся на тотъ часъ учинити могло и учиниться еще, дасть Богъ, досконалей можеть, кгды требники на свѣтъ выходити будуть". Дальше въ этомъ посвященіи Леонъ Мамоничъ воздаетъ Сапѣгѣ хвалу въ самыхъ почтительныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ[1]).

---

[1]) „Што все, яко естъ отъ в. мл. нашого милостивого пана оферовано въ славу Богу въ Троицы Единому, на пожитокъ стану священическаго а за тымъ всего хр[ес]тіянъства закону нашего Греческаго, ихъ бо вѣмъ добро — наше добро, такъ нѣхай будетъ за то заплата в. мл. вѣчная въ небѣ у Бога и тутъ на земли у людей слава несмерътельная, што в. мл. собѣ еднаешъ яко инъшими добрыми дѣлы своими, такъ и тымъ святобливымъ дѣломъ, помагаючы хрестіянъству нашому церкви восточъное, яко бы въ обърадъкахъ своихъ по уставу светыхъ и богоносныхъ отецъ хвалу Божую порядъне отправовало. Богъ Вседръжитель нехай умножитъ лѣта в. мл., дасть доброе здоровъе и силу мужественъную въ тыхъ подъвигахъ и трудахъ в. мл., которые для хвалы Божое и добра речи посполитое подыймовати рачишъ, чого вси милующіе хвалу Божую и добро речи посполи-

Такимъ образомъ, Львомъ Сапѣгою было задумано издательство церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Какъ хорошо извѣстно, Левъ Сапѣга въ началѣ царствованія Сигизмунда III-го перешелъ въ католичество и сталъ искреннимъ и вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Естественно, поэтому, встаетъ вопросъ о томъ, почему онъ считалъ для себя возможнымъ предпринять это издательство богослужебныхъ книгъ для „всего хрестіянъства закону Греческаго". Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть прежде всего широта его воззрѣній какъ государственнаго дѣятеля, прекрасно понимавшаго права и потребности православнаго населенія Великаго Княжества Литовскаго. Но кромѣ того издательство церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ представляло собою и дѣло въ высшей степени выгодное для издателя съ точки зрѣнія матеріальной. Церковно-славянскія богослужебныя книги находили свой сбытъ и продавались въ очень большомъ количествѣ не только въ предѣлахъ государства Литвы, но и за его границами. Ихъ покупало православное населеніе русскихъ земель Польши. Онѣ распространялись въ Московскомъ государствѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, среди его православнаго населенія. Мы имѣемъ на это прямыя указанія въ припискахъ и замѣткахъ, сдѣланныхъ на сохранившихся экземплярахъ книгъ Мамоничской печати. Такъ, въ Пловдивской Народной Библіотекѣ находится экземпляръ Четвероевангелія Мамоничскаго изданія 1575 года, на которомъ „даскалъ Недѣлко" сдѣлалъ въ 1687 году помѣтку, связывающую этотъ экземпляръ съ именемъ Пловдивскаго владыки Нектарія[1]). Въ той же библіотекѣ хранится и экземпляръ Псалтыри 1576 года, на которомъ сдѣланъ рядъ записей, го-

---

тое зычать в. мл., межы инъшими и я, хотя жъ наименъшій, але упріиме зычливый слуга в. мл. моего милостивого пана, зычу и Пана Бога прошу. Писанъ у Вильни. Року отъ Нароженья Сына Божого 1617, генвара 1. В. мл. моего милостивого пана поволный и наименъшый слуга Леонъ Козмичъ Мамоничъ".

[1]) Славянски рукописи и старопечатни книги на Народната Библиотека въ Пловдивъ. Разгледа и описа проф. Б. Цоневъ (София, 1920). Стр. 248, № 145(8). О значеніи Мамоничскихъ изданій для южныхъ славянъ, для Молдаво-Валахіи и сѣверо-восточной Руси ср. П. В. Владиміровъ, op. cit., примѣчаніе на стр. 206.

ворящихъ объ его обращеніи среди балканскихъ славянъ[1]. Что же касается Московскаго государства, то книги „литовской печати“ не только имѣлись въ Государевомъ Печатномъ Дворѣ въ Москвѣ[2], но и получили достаточно широкое распространеніе въ этомъ государствѣ вообще[3]. Сношенія Мамоничей съ Москвою сохранены источниками даже въ ихъ былевыхъ указаніяхъ. Такъ, Оршанскій староста Филонъ Кмита, на обязанности котораго лежало пропускать за Литовскій рубежъ путниковъ въ Московское государство и принимать ихъ оттуда, зорко слѣдя за всѣмъ, что тамъ дѣлается, не разъ упоминаетъ въ своихъ донесеніяхъ „слугу“ Лукаша Мамонича, по имени Алексѣя. Этотъ Алексѣй ѣздилъ въ Москву и въ Александровскую Слободу въ 1574 году[4], т. е. какъ разъ тогда, когда почти одновременно создавались Мамоничская друкарня въ Вильнѣ и типографія въ Слободѣ[5]. Если мы развернемъ московскія изданія Псалтыри въ 1568 году и Тріоди Постной въ 1589 году, увидимъ въ нихъ тотъ же шрифтъ, что и въ нѣкоторыхъ Мамоничскихъ изданіяхъ[6].

Само собою разумѣется, что, ставя своею задачею обслуживаніе церковно-религіозныхъ нуждъ „христіанства Греческаго закону“ не только въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и въ другихъ странахъ, Мамоничская типографія должна была

---

1) Проф. Б. Цоневъ, op. cit., стр. 245-247. При воспроизведеніи послѣсловія къ Псалтыри въ описаніе проф. Цонева вкралась ошибка: „Козмы и Лоука Шамамоничовъ“ (стр. 246). Конечно, надо читать: „Козмы и Лоукаша Мамоничовъ“.

2) Ср. П. Безсоновъ, Типографская библіотека въ Москвѣ (Москва, 1859), стр. 24.

3) Указаній много. См., напр., перечни книгъ Московскаго Успенскаго Собора въ началѣ XVII вѣка и келейной казны патріарха Филарета — Русск. Истор. Библіотека, III, ст. 340, 343, 475, 476, 900-904.

4) Zródła do dziejów polskich, wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego, tom drugi (Wilno, 1844), str. 257-259, 261-263. Говоритъ Кмита и о пріѣздѣ въ Оршу Богдана Мамонича (ibidem, стр. 301). О донесеніяхъ Филона Кмиты см. выше, часть первая, стр. 333-334, прим. 1.

5) Псалтырь, вышедшая въ „Новомъ градѣ Слободѣ“, была начата печатаніемъ 20 іюня 1576 года и окончена 31 января 1577 года „труды и тщаніемъ мастера Андроника Тимофѣева сына Невѣжы“. О печатномъ дворѣ въ ту пору въ Москвѣ см. Генрих Штаден, О Москве Ивана Грозного, записки немца опричника (изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 1925), стр. 104.

6) Напр., въ Псалтыри 1592 года.

стремиться къ тому, чтобы печатаемыя ею богослужебныя книги были пріемлемы во всѣхъ нихъ. Поэтому служебники Мамоничскаго изданія вносили въ свои святцы-мѣсяцесловы имена всѣхъ святыхъ русскихъ, безъ различія мѣста ихъ жизни, какъ имена и святыхъ юго-славянскихъ. Они нашли въ нихъ свое мѣсто рядомъ съ Виленскими мучениками Антоніемъ, Іоанномъ и Евстафіемъ. Въ этихъ святцахъ-мѣсяцесловахъ встрѣтимъ и „святыхъ великомученикъ Россійскихъ Михаила, князя Кіевскаго[1]), и Ѳеодора воеводы его“ (19 сентября), и „преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, чудотворца новаго“ (25 сентября), и „преподобнаго отца нашего Варлаама Хутынскаго“ (5 ноября), и „иже во святыхъ отца нашего Петра, новаго чудотворца, митрополита святѣйшія митрополія Рускія“ (21 декабря), и „святыхъ новыхъ мученикъ Антонія, Іоанна и Евстафія“ (15 апрѣля), и „пренесеніе мощей святыхъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба“ (2 мая), и „преподобнаго отца Ѳеодосія, перваго началника общему житію, иже въ Руской Земли, игумена честныя обители Печерскія“ (3 мая), и „обрѣтеніе мощей иже во святыхъ отца Алексея, новаго чудотворца, архіепископа Кіевскаго и всея Россіи“ (20 мая), и „обрѣтеніе телеси святаго Леонтія, епископа Ростовскаго“ (23 мая), и „преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, первоначалника Печерскаго монастыря, иже въ Кіевѣ“ (10 іюля), и „преподобныя Олги, матере[2]) святаго Владимера“ (12 іюля), и „успеніе святаго и равно апостоломъ великаго князя Владимера, нареченнаго въ святомъ крещеніи Василія, просвѣтившаго Землю Рускую святымъ крещеніемъ“ (15 іюля), и „святыхъ праведныхъ страстотерпецъ, боголюбивыхъ князей Рускихъ, обою брату по плоти, Бориса и Глѣба, нареченныхъ въ святомъ крещеніи Романа и Давида“ (24 іюля), и „преподобнаго отца Авраамія Смоленскаго“ (21 августа), и „преподобнаго отца нашего Іоанна Рылскаго“ (19 октября), и „память иже въ святыхъ отца нашего Савы, перваго архіепископа и учителя Сербскаго“ (14 января)[3]). Въ чинѣ проскомидіи, при вынутіи частицъ изъ

---

[1]) Т. е. князя Михаила Черниговскаго.

[2]) Конечно, ошибка, ибо Ольга была матерью Владимирова отца, Святослава.

[3]) См. архимандритъ Леонидъ, Библіографическая замѣтка о служебникахъ Виленской печати XVI вѣка (Памятники Древней Письменности, 1879, вып. IV), стр. 9-10.

четвертой просфоры, въ Служебникѣ Мамоничскаго изданія читалось: „и о православныхъ царехъ и о благовѣрномъ цари великомъ имярекъ, и о всѣхъ благовѣрныхъ князехъ и болярехъ, и воехъ ихъ, иже Рускою Землею пекущихся, и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ“[1]). Такимъ образомъ, церковная православная книга, въ такомъ большомъ для своего времени количествѣ вышедшая изъ типографіи Мамоничей, печаталась въ ней не для одного Великаго Княжества Литовскаго, но и для Московскаго государства, и для болгаръ и сербовъ, и для Молдавіи и Валахіи, т. е. для всѣхъ странъ, въ которыхъ православное богослуженіе отправлялось на церковно-славянскомъ языкѣ.

Шрифтомъ, съ которымъ начала работать Мамоничская типографія, были кирилловскія литеры полууставнаго письма[2]). Размѣръ строчныхъ буквъ достаточно крупный — половина сантиметра въ вышину, безъ взметовъ, титлъ и надстрочныхъ знаковъ. Что касается буквъ прописныхъ, то онѣ обычно въ два раза выше, т. е. въ сантиметръ высотою. Но для обозначенія абзатцовъ употребляются буквы и значительно болѣе длинныя, высота которыхъ достигаетъ восьми съ половиною сантиметровъ, такъ что ихъ нижняя часть спускаться можетъ на полѣ страницы на семь даже строкъ текста. Высота буквъ вязи, начинающей большіе отдѣлы книги (напримѣръ, въ заглавіяхъ каждаго изъ четырехъ Евангелій), три сантиметра. Разстояніе между строками обычнаго набора — сантиметръ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ появляется кирилловскій шрифтъ, также полууставнаго письма, менѣе крупный. Появляются и другого типа прописныя буквы, болѣе широкія и разукрашенныя внутри. Ихъ высота — три сантиметра, а ширина нѣкоторыхъ (напримѣръ буквъ „Н“ и „И“) — два съ половиною сантиметра. Рано появляются и рисунки, вырѣзанные на деревѣ и съ него воспроизведенные въ книгахъ. Такими рисунками были изображенія евангелистовъ и псалмопѣвца Давида, а также гербы лицъ, съ посвященіемъ которымъ выходила та или другая книга. Заглавные листы Трибунала и Литовскаго Статута украшены государственными гербами. На заглавномъ листѣ Трибунала въ изданіи 1586 года имѣется рама размѣрами въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 12.

[2]) Западно-русскаго типа.

10 на 9 сантиметровъ, внутри которой помѣщены государственные гербы Польши и Литвы, надъ которыми общая корона. На заглавномъ листѣ Статута 1588 года въ первомъ его изданіи — государственный гербъ Великаго Княжества Литовскаго, на заглавномъ листѣ Статута во второмъ его изданіи въ 1614 году — тотъ же гербъ, но болѣе крупныхъ размѣровъ, окруженный гербами воеводствъ. Встрѣчаются въ книгахъ, напечатанныхъ въ Мамоничской типографіи, и другіе рисунки[1]). Отмѣтимъ изъ нихъ хотя бы изящно сдѣланное стилизованное изображеніе Голгоѳы (крестъ, стоящій передъ крѣпостною стѣною; по его сторонамъ копіе и губа на трости; надъ крестомъ слова подъ титлами — „іс", „хс", „црь", „слвы", т. е. Ісусъ Христосъ Царь Славы), находящееся на правомъ полѣ 334-го листа Евангелія, напечатаннаго типографіей Мамоничей въ 1575 году. Попадаются на поляхъ въ книгахъ и другіе рисунки, а также обозначеніе „началъ" церковныхъ чтеній. Эти рисунки и обозначенія, конечно, имѣли своею задачею облегчить нахожденіе соотвѣтствующихъ мѣстъ книги, которыя подлежали чтенію въ опредѣленные дни церковнаго года и во время богослуженій.

Заглавные листы книгъ Мамоничской печати сохранились далеко не во всѣхъ дошедшихъ до насъ экземплярахъ. Но это обычно по отношенію къ старопечатнымъ книгамъ. Съ одной стороны, именно начальныя и послѣднія страницы книгъ чаще всего погибали отъ небрежнаго съ ними обращенія и отрывались въ послѣдующее время, а съ другой — заглавные листы, напечатанные болѣе крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, нерѣдко отрывались какъ своего рода рисунки, которые собирали въ своихъ примитивныхъ коллекціяхъ мало просвѣщенные люди, особенно въ болѣе новое время, когда въ широкихъ кругахъ общества значительно уменьшилось бережное и уважительное

---

[1]) Экземпляры изданій Мамоничской типографіи нами изучались въ собраніяхъ старопечатныхъ книгъ, хранившихся въ бывшей Импер. Публичной Библіотекѣ, въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ Московской Типографской Библіотекѣ, въ Библіотекѣ Хлудова въ Никольскомъ Единовѣрческомъ Монастырѣ на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ древлехранилищахъ, которыя могли дополнять перечисленныя. Описаніе внѣшности перваго изданія Литовскаго Статута 1588 года, его шрифтовъ и имѣющихся въ немъ рисунковъ нами будетъ дано въ слѣдующей главѣ настоящаго изслѣдованія.

отношеніе къ книгѣ, обычное прежде. Но во всякомъ случаѣ въ различныхъ древлехранилищахъ хранится достаточное количество экземпляровъ книгъ Мамоничской печати, въ которыхъ имѣются и заглавные листы. На нихъ, кромѣ текста заглавія, часто бываетъ заставка-виньетка, а иногда и изображеніе герба, какъ то имѣемъ въ изданіи Трибунала и Статута. Иногда на заглавномъ листѣ бываетъ, кромѣ заглавія, и поясненіе значенія книги. Такъ, напримѣръ, на заглавномъ листѣ Псаломницы изданія 1593 года стоитъ: „Псалъмы[1]) Давида[2]) пророка[3]) и царя[4]). Извѣстуется[5]) путь къ благословенію[6]) вѣчному. Всяка[7]) радость, яже не иматъ отъ добродѣтелей віну, таковая абіе подвизаніе желаніе въ обретшимъ ту воздвизаетъ. Блаженно[8]) бо воистіну тожъ и добро къ немужъ вся взіраютъ, егожъ вся желають. Въ[9]) Вилни. З[10]) друкарни дому Мамоничовъ[11]). Року[12]) 1593[13])“. Это длинное заглавіе помѣщено въ двойной четыреугольной рамѣ-виньеткѣ мелкаго рисунка. Иногда на заглавномъ листѣ часть его содержанія бываетъ напечатана краскою черною, а часть киноварью, т. е. красною краскою.

Число строкъ на страницѣ и разстоянія между ними, конечно, не одни и тѣ же въ различныхъ книгахъ. Они зависятъ отъ размѣровъ шрифта и отъ формата книги. Такъ, въ Евангеліи изданія 1575 года полный наборъ страницы въ семнадцать строкъ, въ Служебникѣ изданія 1583 года — одиннадцать строкъ, въ Трибуналѣ изданія 1586 года — двадцать восемь строкъ. Нумерація страницъ (пагинація) встрѣчается внизу или наверху страницы, притомъ только справа или же поочередно, въ лѣвомъ и правомъ углахъ страницъ. Внизу страницъ обычно имѣются такъ называемыя кустодіи, т. е. печатается слово, съ котораго начинается текстъ слѣдующей страницы. Кустодіи старопечатная книга усвоила отъ обычнаго порядка, принятаго въ рукописномъ дѣлѣ. Кустодія помогала переписчику не ошибиться въ своей работѣ при переходѣ писанья со страницы на слѣдующую. Окончивъ писанье

---

[1]) Слово начинается прописною буквою „пси“. [2]) „два“ со взметомъ буквы „д“. [3]) „пррка“ съ титломъ, внутри котораго буква „о“. [4]) „царя“ съ титломъ. [5]) „И“ прописное. [6]) „блгословенію“ съ титломъ. [7]) „В“ прописное. [8]) „Б“ прописное. [9]) „В“ прописное. [10]) „З“ прописное. [11]) „М“ прописное. [12]) „Р“ прописное. [13]) Славянскими числовыми знаками-буквами.

страницы, онъ долженъ былъ ожидать, пока чернила высохнутъ. Это ожиданіе прерывало работу и нарушало сосредоточенность на ней мысли. Переходя на слѣдующую страницу, переписчикъ могъ легко опустить нѣсколько словъ своего оригинала. Кустодія помогала ему избѣгать этого. Она же предупреждала и для читателя возможность пропуска страницъ при чтеніи, что особенно было желательно, если рукопись не была переплетена и ея листы могли оказаться сложенными въ безпорядкѣ. Какъ очень многое, такъ и кустодія, ставши привычною, перешла изъ рукописнаго въ старопечатное дѣло. Кромѣ кустодій въ книгахъ Мамоничскаго изданія, какъ и вообще въ старопечатныхъ книгахъ, выставлялись сигнатуры листовъ по тетрадямъ, изъ которыхъ составлялась книга. Сигнатуры ставились внизу страницы, подъ послѣднею строкою текста, обыкновенно въ серединѣ нижняго поля страницы. Но ими помѣчались не всѣ страницы тетради, а только начальныя, притомъ на первыхъ страницахъ листовъ, а не на ихъ оборотахъ. Въ тетради обыкновенно бывало по восьми или шести листовъ. Сигнатуры славянскими цифровыми знаками-буквами обычно выставлялись на первыхъ страницахъ нѣсколькихъ начальныхъ листовъ тетради. Случаются, конечно, и пропуски сигнатуръ. При окончаніи текста главы или отдѣла книги, а также и при ихъ началѣ, сплошь и рядомъ встрѣчаются въ книгахъ заставки и концовки различнаго рисунка и размѣра. Нѣкоторыя изъ нихъ достаточно велики. Самая крупная, которую намъ пришлось встрѣтить, имѣетъ девять съ половиною сантиметровъ въ длину и пять съ половиною въ высоту. Бывали заставки и концовки въ шесть и три четверти сантиметра въ длину и въ два и три четверти въ высоту, въ пять съ половиною и полтора, въ три и полтора и т. д. Встрѣчаются заставки и значительно меньшихъ размѣровъ, вплоть до сантиметра въ длину и три четверти сантиметра въ высоту. Всѣ онѣ гравированы на деревѣ. Рисунки ихъ различны. Одни изъ этихъ рисунковъ, надо думать, были изготовлены въ Вильнѣ и, вѣроятно, даже мастерами Мамоничской друкарни. Но образцы другихъ, внѣ всякаго сомнѣнія, были заимствованы изъ заграничныхъ изданій[1]).

---

[1]) Каратаевъ въ числѣ заставокъ, употреблявшихся въ Мамоничской типографіи, отмѣчаетъ Венеціанскую заставку. Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, стр. 221.

Какъ мы уже отмѣчали выше, первоначальнымъ шрифтомъ, который употреблялся въ Мамоничской типографіи, были кирилловскія литеры полууставнаго типа письма. Но въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ ней появляется и шрифтъ, воспроизводящій такъ называемую старшую западно-русскую скоропись[1]), т. е. уже письмо не унціальное, а курсивное. Это та самая четкая скоропись, которою писали превосходные писцы государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и которая такъ далеко превосходитъ своими качествами письмо актовыхъ книгъ областныхъ судовъ государства Литвы. Надобно думать, что ея появленіе въ типографіи связано съ предполагавшимся, а затѣмъ и начинавшимся печатаніемъ въ ней законовъ и государственныхъ актовъ Великаго Княжества Литовскаго. Первою книгою такого содержанія, вышедшею изъ Мамоничской типографіи, былъ напечатанный въ 1586 году „Трибуналъ, обователемъ Великого Князства Литовского на соиме Варшавскомъ даный року 1581“. Но за годъ до выхода этой книги, т. е. въ 1585 году, типографія, поскольку намъ удалось выяснить, впервые выпустила книжку, въ которой примѣнила къ набору текста курсивныя литеры. Это былъ сборникъ, котораго полное заглавіе слѣдующее: „Генадия патриярха Конъстантинопольскаго, по наречению Сколяриса, диалогъ или самодруга розмова. Ку тому съ книги Иоанна Дамаскина, прение второе християнина з сарацыниномъ или з магметаномъ. И третее — слово иже во светыхъ[2]) отца нашего Иоанна Златоустаго, патриарха Конъстантинаграда, въ немъ же о терпѣнии и благохвалении, да не плачемся злѣ о умершихъ“. Первыя девять буквъ этого заглавія (ГЕНАДИЯ ПА) набраны крупными литерами, а все остальное курсивомъ. На оборотѣ заглавнаго листа находится гравированный на деревѣ гербъ Евстафія Воловича, у котораго сверху — налѣво буква „O“ и направо буква „W“, а снизу — налѣво буква „P“ и направо буква „W“, т. е. начальныя буквы словъ Ostafi Wołowicz Pan Wileński. Надъ этимъ гербомъ напечатано: „На гербъ ясневельможного пана пана Остафея Воловича, пана Виленского и прочихъ“. Съ трехъ сторонъ (верхней, нижней и лѣвой) эта

---

[1]) Е. Θ. Карскій эту скоропись опредѣляетъ какъ „курсивъ къ полууставу“ — Бѣлоруссы, томъ II (Варшава, 1908), стр. 67.

[2]) „стых“ съ титломъ, буква „х“ взметомъ.

страница обведена рамою узорнаго рисунка. На слѣдующей страницѣ (т. е. первой второго листа) напечатано: „Што двѣ стрѣлы, што врубы, што лелеи значать, то вси люди мудрые вельми гораздъ бачать. Которыхь зацныи тотъ домъ за гербъ уживаетъ. Вѣръ мнѣ, ижъ тамъ господу цнота свою маеть". Первыя три слова набраны крупными литерами уставнаго типа, все остальное курсивомъ. Подъ этимъ поясненіемъ рисунка герба Воловича стоятъ двѣ прописныя буквы курсивнаго типа — „А" и „Р", т. е. иниціалы извѣстнаго виршеслагателя того времени Андрея Рымши. Вся эта страница обведена четыреугольною рамою узорнаго рисунка.

На слѣдующей страницѣ, т. е. уже четвертой страницѣ книги, начинается текстъ посвященія Воловичу, занимающій пять слѣдующихъ страницъ. Приводимъ это посвященіе полностью: „Ясневелможному пану, пану Остаѳею Воловичу, пану Виленъскому, канцлеру найвышъшому Великого Князъства Литовъского, Берестеискому, Кобринскому и прочая старосте, пану пану нашему милостивому. Звыклость наша, ясневелможный[1]) а милостивый пане, того по насъ, поволныхъ а наменшихъ слугъ вашее панское милости пана нашего милостивого, хочеть, абы мы завъжды съ працою нашею и убогимъ упоминкомъ, которыи друкарня мети можеть, передъ вашу панъскую милость пана нашего милостивого ставилися и хуть нашу, съ которою есмо привыкли непрестанно служить вашой[2]) панской милости, по собѣ показывали. Про то, иже сихъ недавно прошлыхъ часовъ до маломожное друкарни досталися книжки, хотяже коротко але звязне писаные а людемъ християнъскимъ потребные и до прочитания и ко поучению и вѣри поправлению годные, то есть диалогь патриарха Новоримского Генадия, што ся розумѣеть поодинковая при беседе розмова, другая, которая въ собе розмову християнина з магметчикомъ замыкаетъ, а третее — слово иж[е] во святыхъ[3]) отца нашего Иоанна Златоустаго патриарха Константина града или Новаго Рыма, въ которомъ естъ словѣ описано о терпении и благохвалении и иншие науки похвалы годные. Тое трое писание мы, наменшие слуги вашое панское милости, водлугъ убогого преможеня нашего, подъ ясневелможнымъ именемъ вашое панское милости, пана

---

[1]) Въ оригиналѣ: ясневелможныи. [2]) „вшои" съ титломъ. [3]) „стых" съ титломъ, буква „х" взметомъ.

и оборонцы нашего милостивого, выдруковавшы, на свѣтъ людемъ ку читаню подаемъ, просечи унижене а покорне вашое панское милости пана нашего милостивого, абы тая наша якая жъ такая праца отъ насъ, наименшихъ слугъ вашое панъское милости, была милостиве принята. Ижъ тое писане подъ ясневелможнымъ именемъ вашей[1]) панской милости выпущоно, смелшое и вдячнейшое[2]) месцо межи людми мудрыми, зацными и у вѣре християнской кохающимся мѣти будеть, съ которыми ся и мы, наменшие а малогодные слуги вашой панской милости, пана нашего милостивого до милостивое ласки и обороны подаемо, зычечи того отъ Господа Бога все держителя, абы Онъ вашу пан.[3]) мл.[4]) на много лѣтъ въ ласце Своей и въ ѳортунномъ панованю ку подъпоре рѣчи посполитой а намъ, наменшымъ слугамъ вашой пан. мл.[5]), потѣше ховати а рукою Своею Боскою отъ всякого врага беззаконного закривати рачилъ. Писано у Вил[ни], року Божя Нарож. 1585, месеца[6]) мар[ца] 11 дня[7]). Наменшие и верне зычливые слуги вашое панское милости Козма и Лукашъ Мамоничы унижонно ся покланяють". За послѣднимъ словомъ стоитъ маленькая заставка размѣровъ въ сантиметръ длиною и три четверти сантиметра высотою.

За этимъ посвященіемъ слѣдуетъ занимающее семь страницъ „Предословіе на книжку сію, въ ней же сказаніе кратко о патриаръху Генадію", а за нимъ на пятидесяти двухъ страницахъ „Генадия, патриарха Конъстанътинопольскаго, по нареченію Скулариса, диалогъ или бесѣдование". Затѣмъ на двадцати восьми страницахъ находится „Прение второе, выписано съ книги Дамаскиновы, въ немъ же описуется гаданіе християнина съ сарацыниномъ или з магметаномъ". Наконецъ, на тридцати страницахъ напечатано „Иже во светыхъ отца нашего Иоанна Златоустаго, патриярха Костянътинаграда, слово о теръпѣніи и благохваленіи и да не плачемъ ся злѣ о умеръшихъ". Весь текстъ, кромѣ послѣднихъ тридцати страницъ (т. е. слова Іоанна Златоуста), напечатанъ курсивными лите-

---

1) „вшеи" съ титломъ. 2) „вдячнеишое", буква „ч" въ титлѣ. 3) „пан", буква „н" въ титлѣ. 4) „мл", буква „л" въ титлѣ. 5) Эти два слова напечатаны такъ же, какъ и оговоренныя нами въ двухъ предшествующихъ примѣчаніяхъ. 6) „мца" съ титломъ, внутри котораго буква „с". 7) „дн" съ титломъ, въ которомъ буква „н".

рами. Слово же Іоанна Златоуста — полууставнымъ кирилловскимъ шрифтомъ[1]).

Мы считали нужнымъ дать подробное описаніе этого сборника Мамоничской печати 1585 года потому, что онъ мало извѣстенъ въ специальной литературѣ[2]), въ которой до недавняго времени, какъ увидимъ ниже, господствовало представленіе, будто бы курсивный шрифтъ былъ изготовленъ въ типографіи Мамоничей спеціально для изданія Третьяго Литовскаго Статута. При этомъ представленіи упускалось изъ виду и то, что тѣмъ же курсивнымъ шрифтомъ, которымъ былъ напечатанъ у Мамоничей Статутъ, ими же былъ печатанъ и Трибуналъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1586 году. А между тѣмъ на послѣднее обратилъ вниманіе еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія П. И. Кеппенъ въ своихъ Библіографическихъ Листахъ[3]).

Кромѣ основныхъ шрифтовъ Мамоничская типографія обладала и рядомъ дополнительныхъ, а какъ мы отмѣтили уже выше, и большимъ количествомъ заставокъ и концовокъ, повторяющихся въ различныхъ ея изданіяхъ, и рисунковъ, изготовлявшихся для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Всѣмъ этимъ она была очень богата. Печатая не только русскія и церковно-славянскія, или, какъ тогда ихъ также называли „словацкія“[4]), книги, но и польскія, Мамоничская друкарня была обильно снабжена и шрифтомъ латино-польскимъ.

---

1) Форматъ книги четырнадцать съ четвертью на девять сантиметровъ. Для своего описанія мы пользовались экземпляромъ бывшей Имп. Публичной Библіотеки. Сигнатура книги по каталогу Библіотеки — I. 5. № 41.

2) Ср. Stanisław Ptaszycki, Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki (Księga Pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1935), str. 161 (3).

3) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ, № II. Библіографическіе листы 1825 года. Стр. 374.

4) Такъ, Стрыйковскій говоритъ „o Sławakach i Sławieńskich ziemiach narodu Ruskiego albo Sarmackiego...“ (стр. 95). Заглавіе главы, въ которой у него идетъ рѣчь о славянахъ — „Macieja Osostewicyusza Stryjkowskiego O Wywodzie Sławnego Narodu Ruskiego, Sławanskiego, Sarmatskiego, a dla czego są nazwani Sławakami“ (та же страница). На стр. 103 стоитъ: „tak tedy, Czytelniku miły, Sławacy są nazwani i rzeczeni od sławy i sławnych spraw swoich...“ (Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Tom I. Warszawa, 1846). Въ подтвердительномъ привилеѣ Сигизмунда III (отъ 21 іюля 1589 года) Свято-Троицкому братству въ Вильнѣ читается: „и книги всякіе Старого и Нового Закону,

Если мы теперь обратимся къ старой техникѣ печатнаго дѣла, то должны будемъ прежде всего отвлечься отъ тѣхъ привычныхъ намъ представленій, которыя у насъ существуютъ подъ вліяніемъ современнаго оборудованія большихъ типографій нашего времени и современной технической обстановки книгопечатанія. Уже давно было замѣчено, что старопечатная книга была прямою дочерью книги рукописной и занимаетъ какъ бы переходное мѣсто между нею и нашею современною печатною книгою. Давно было выяснено, что раннія произведенія книгопечатнаго искусства, такъ называемыя инкунабулы (книги, напечатанныя въ XV столѣтіи и даже въ началѣ XVI-го), тѣсно связаны съ рукописью не только своими шрифтомъ, сокращеніями словъ и даже характеромъ предисловій и послѣсловій, но и присоединеніемъ къ труду наборщика и печатника работы искуснаго писца и рисовальщика для отдѣльныхъ буквъ и украшеній текста[1]). Различіе стоимости книгъ старопечатныхъ и современныхъ имъ рукописей, неизбѣжно понизившихся въ цѣнѣ съ появленіемъ печатныхъ книгъ, вовсе не было такъ разительно велико, какъ въ настоящее время, и рукописная книга долго еще конкурировала на рынкѣ съ печатною, иногда даже смѣшиваемая съ нею. Старые печатники, выпуская изготовленную ими книгу, думали не только о тѣхъ, кто будетъ ее читать, но и о тѣхъ, кто будетъ ее списывать. Такъ, Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, выпуская въ 1569 году напечатанную ими въ Заблудовѣ, на средства Литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича, книгу „Евангеліе Учительное“, писали: „хотящіи же прочитати и преписовати сію книгу — милостиви и незазорливи, молимся мы

такъ въ науцѣ школьной, яко и церкви потребные, по грецку, по словацку, по руску и по польску друковати“ (А., изд. Вил. Арх. К., IX, № 52, стр. 143). „Słowaki“ — см. также въ хроникѣ Мартина Бѣльскаго (Zbiór pisarzow polskich, część czwarta, tom XI, str. 31. Warszawa, 1829). Слово „славацкій“ въ значеніи „славянскій“ употреблялось еще въ началѣ XIX столѣтія. „Wszyscy Sławacy“, „sławackie słowo“ и т. п. — см. Podróż po Słowiańskich krajach Aleksandra księcia Sapiehy (w latach 1802-gim i 1803-cim), wydanie K. I. Turowskiego (Sanok, 1856), str. 24, 27. Но — „друкарню письма Словенского и Греческого“, читаемъ въ грамотѣ патріарха Іоакима отъ 15 января 1586 года (А. З. Р., III, № 157). Употребленіе слова „словенскій“ было также обычно, и примѣровъ его можно привести очень много.

[1]) Ср., напр., хотя бы А. И. Кирпичниковъ, Очеркъ исторіи книги (С.-Петербургъ, 1889), стр. 46-47.

трудившiися недостойнiи и худые, будите нашего ума немощи и недостатку, понеже и вы сами человѣцы и человѣческимъ подлежаще, яко требуете милости отъ Бога и прощенія отъ человѣкъ, прощенію вашему и насъ сподобляйте"[1]).

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы печатни XVI столѣтія могли выпускать книгу въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, что является совершенно обычнымъ въ нашихъ современныхъ типографіяхъ. Не можетъ быть никакого сравненія въ скорости набора книги и ея печатанія въ старое и новѣйшее время[2]). Старопечатная книга не могла быстро набираться и печататься уже потому, что старое печатное дѣло было не механическимъ фабричнымъ производствомъ, какимъ оно стало въ новѣйшихъ большихъ типографіяхъ, въ громадномъ числѣ случаевъ даже перешедшихъ отъ ручного набора къ машинному. Старопечатное дѣло было искусствомъ и индивидуальнымъ интеллигентнымъ трудомъ, и это ставило его ближе къ рукописному дѣлу, чѣмъ къ типографскому нашей современности. Личность и индивидуальное творчество работника доминировали въ старопечатномъ дѣлѣ надъ техническимъ оборудованіемъ[3]); наоборотъ, машина и техническое оборудованіе обычно поглощаютъ личность печатнаго работника въ новѣйшей типографіи. Работа стараго печатника (друкаръ, тередор-

---

[1]) Выпуская въ 1570 году въ Заблудовѣ же, уже одинъ, книгу „Псалтирь съ Часословцемъ", тотъ же Иванъ Өеодоровъ писалъ: „а трудивыйся многогрѣшъный и непотребный рабъ, на имя Иванъ Өеодоровичъ Москвитинъ, молю убо всякого благочестиваго православнаго христіянина, прочитающихъ или преписующихъ книгу сію Псалтырь, аще гдѣ что погрѣшено будетъ моего ради небреженія, Бога ради исправляйте, благословите, а не клените, понеже не писа Духъ Святый ни Аггелъ, но рука грѣшна и берна, да и сами то же благословеніе обрящете отъ Всемогущаго Бога нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь".

[2]) О медленности набора въ старыхъ типографіяхъ см. брошюру П. В. Владимирова, Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV-XVI вѣкахъ (Кіевъ, 1894). Какъ образецъ этой медленности можетъ быть приведенъ указанный имъ въ этой брошюрѣ наборъ въ типографіи, въ теченіе цѣлаго 1493 года, восемью человѣками, 269 листовъ книги.

[3]) Идеалистическое отношеніе къ своему дѣлу стараго печатника ярко выражено Иваномъ Өеодоровымъ въ его послѣсловіи къ его изданію Апостола во Львовѣ въ 1574 году. Сказавъ о прекращеніи гетманомъ Г. А. Ходкевичемъ печатанія книгъ въ Заблудовѣ и предоставленіи имъ средствъ для жизни работавшимъ тамъ печатникамъ, Иванъ Өеодоровъ продолжаетъ: „неудобно ми бѣ раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съ-

щикъ) и батырщика (набойщикъ или накладчикъ краски на литеры) не могла быть слишкомъ быстрою уже по ея не фабрично-механическому, а творчески-художественному характеру и идеалистическому отношенію къ ней работника. Самый внѣшній видъ оборудованія старыхъ печатень былъ далекъ отъ фабричной обстановки современныхъ типографій. Такъ, въ новыхъ палатахъ Печатнаго Двора въ Москвѣ, законченныхъ постройкою въ 1645 году, печатные станы были расписаны красками съ серебромъ и золотомъ и украшены рѣзьбою[1]). Начало набора и печатанія новой книги представлялось работникамъ старой друкарни своего рода событіемъ. За годъ печатня выпускала лишь нѣсколько книгъ, иногда одну или двѣ, а не многіе десятки и даже иногда сотни, какъ это бываетъ въ новѣйшее время. Съ началомъ печатанія новой книги работники старой друкарни приступали къ длительной работѣ, въ которой отъ нихъ потребуются не только трудъ, вниманіе и тщательность, но часто и творчество художника, какъ въ выборѣ шрифтовъ, заставокъ и рисунковъ съ ихъ окраскою, такъ даже и въ подрисовкѣ. Въ Московскомъ Печатномъ Дворѣ передъ началомъ работы по набору и печатанію каждой новой книги служился молебенъ и мастерамъ выдавались деньги на калачи[2]).

Не допускали быстроты въ старомъ печатномъ дѣлѣ и техническія средства оборудованія типографій. Самый наборъ, конечно, не только не могъ быть быстрѣе современнаго ручного набора, но, наоборотъ, долженъ былъ быть значительно его медленнѣе. Не всегда легко дававшееся закрѣпленіе набран-

---

кращати, но имамъ убо въ мѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, въ мѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣи разсѣвати и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно въпіюща къ мнѣ: лукавый рабе и ленивe! по что не вда сребра моего торжникомъ, и Азъ, пришедъ, взялъ быхъ свое съ лихвою. И когда убо на уединеніи въ себе прихождахъ, и множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, дабыхъ не съкрылъ въ земли таланта, отъ Бога дарованнаго ми". Иванъ Ѳеодоровъ, все это передумавъ и перечувствовавъ, рѣшилъ отказаться отъ обезпеченной жизни, устроенной для него Ходкевичемъ, и идти на нужду и трудности жизни во Львовѣ лишь для того, чтобы продолжать свое дѣло печатника.

[1]) Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ, стр. 23.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

ныхъ страницъ въ рамы, „набиваніе“ литеръ краскою при помощи „мацы“ (кожаный, набитый шерстью мѣшочекъ, прикрѣпленный къ рукояткѣ) сопровождались частымъ выпаденіемъ литеръ или ихъ сдвигами въ сдѣланномъ наборѣ. Все это нужно было поправлять, просматривая каждый отпечатанный листъ, и все это брало немало времени. Приходилось не только выправлять наборъ до его окончательнаго отпечатанія. Нужно было держать корректуру каждаго экземпляра уже отпечатаннаго листа, ибо въ самомъ процессѣ печатанія происходили сдвиги литеръ и ихъ выпаденіе, и дефекты всѣхъ экземпляровъ одного и того же отпечатаннаго листа не были одни и тѣ же. Изобрѣтеніе пресса, помощью котораго открывалась возможность печатать на обѣихъ страницахъ листа бумаги, справедливо признается величайшимъ успѣхомъ въ исторіи изобрѣтенія искусства книгопечатанія[1]). Но ручной прессъ, которымъ въ старыхъ друкарняхъ только и пользовались, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе по быстротѣ работы съ современными типографскими машинами. Само собою, однако, разумѣется, что, несмотря на все это, печатня изготовляла сотни экземпляровъ одной и той же книги неизмѣримо скорѣе, чѣмъ переписчикъ, и уже въ XV столѣтіи друзья и поклонники искусства книгопечатанія говорили: „imprimit ille die quantum non scribitur anno“. Но, конечно, съ однимъ только наборомъ текста и съ однимъ только печатнымъ прессомъ изданіе книги въ большомъ, даже по тогдашнимъ представленіямъ, количествѣ экземпляровъ было невозможно. Чтобы увеличить это количество необходимо было прибѣгнуть къ одновременному параллельному набору одной и той же книги и къ одновременному печатанію ея на нѣсколькихъ прессахъ, по числу наборовъ.

Старая техника рукописнаго дѣла знала уже съ древности одновременное изготовленіе ряда экземпляровъ одного и того же произведенія путемъ работы ряда писцовъ, писавшихъ одновременно подъ диктовку читавшаго для нихъ всѣхъ чтеца. Этотъ пріемъ могъ быть использованъ и въ старыхъ печатняхъ, примѣнительно къ ихъ потребностямъ. Могъ произво-

---

[1]) О значеніи типографскаго пресса въ исторіи книгопечатанія см. Professor Karl Faulmann, Die Erfindung der Buchdruckerkunst nach den neuesten Forschungen (Wien. Pest. Leipzig. 1891), S.S. 1-14 (Die Buchdruckerpresse).

диться одновременный наборъ нѣсколькими наборщиками и съ особаго рукописнаго экземпляра одной и той же книги, который находился въ рукахъ каждаго изъ нихъ. Какъ бы то ни было, изученіе различныхъ экземпляровъ книгъ, напечатанныхъ въ старыхъ типографіяхъ, приводитъ къ установленію ихъ различій, несмотря на то, что они принадлежатъ къ одному и тому же изданію. Что касается наличности не одного, а двухъ и болѣе прессовъ въ сколько-нибудь значительныхъ старыхъ печатняхъ, то она хорошо извѣстна въ тѣхъ старыхъ типографіяхъ, исторію которыхъ оказалось возможнымъ возстановить. Какъ на примѣръ можно указать хотя бы на не такъ ужъ далекую отъ Вильны Ригу, притомъ вошедшую въ составъ Великаго Княжества Литовскаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Весною 1588 года въ Ригу изъ Германіи прибылъ типографщикъ Николай Моллинъ (Nicolaus Mollinus, Niclas Mollyn). Его затѣмъ Рижскій городской совѣтъ сдѣлалъ своимъ типографщикомъ, съ возложеніемъ на него ряда обязательствъ, а въ числѣ ихъ и обязательства имѣть въ типографіи не менѣе двухъ прессовъ со всѣмъ, что для печатанія необходимо[1]). Въ Московскомъ Печатномъ Дворѣ въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка было семь „печатнаго дѣла становъ", изъ которыхъ при каждомъ, кромѣ главнаго мастера, работали два наборщика, одинъ разборщикъ, четыре тередорщика и четыре батырщика[2]). Въ 1634 году тотъ же Печатный Дворъ имѣлъ уже двѣнадцать становъ[3]).

---

[1]) „Wir Bürgermeistere vnd Rathmanne der Könn. Stadt Riga thuen kundt, zeugen vnd bekennen hiermit vor menniglichen, sonderlich aber denen hieran gelegen, das wir aus wolerwogenen vrsachen vnd reiffen bedencken zu beforderunge Gottes Ehren vnd pflantzung seines heiligen Wordts, wie dan auch zu erhaltung Kirchen vnd Schulen vnd sonsten zu vorsetzung des algemeinen nutzes, den Ersamen vnd Kunstreichen Niclas Mollyn vor vnsern Buchtrücker angenommen vnd bestalt, immassen er dan in krafft dieses ordentlich vnd legitime bestalt vnd angenommen sein soll, dieser gestalt vnd also, das er die Druckereie sich soll lassen befohlen sein, dieselbe in guter ordnung, auffsicht, fertigung vnd richtigkeit halten vnd mit gebürlicher vnd zu solchem Wercke gehörender retschafft an gebreuchlichen vnd vnstraffbaren Littern, zum weinigsten auch mit zween Pressen vnd was sonsten dazu allerseits nötigk nach notturfft soll versehen vnd gefasset sein" (дата: Рига, 1 января 1591 года). Arend Buchholtz, Geschichte der Buchdruckerkunst in Riga 1588—1888 (Riga, 1890), S. 313.

[2]) Государевъ Печ. Дворъ и Син. Типографія въ Москвѣ, стр. 20.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

Наличіемъ одновременнаго параллельнаго набора въ старыхъ печатняхъ объясняется и отсутствіе полнаго тожества всѣхъ экземпляровъ въ одномъ и томъ же изданіи, уже давно возбуждавшее вопросы и недоумѣнія, въ числѣ „mystères de l'imprimerie"[1]). Изученіе стараго печатнаго дѣла довольно давно привело къ признанію необходимою практики нѣсколькихъ одновременныхъ параллельныхъ наборовъ и печатанія одной и той же книги для одного и того же изданія, если ее требовалось выпустить въ большомъ количествѣ экземпляровъ[2]). Все это вполнѣ объясняетъ и не полное тожество экземпляровъ такихъ изданій, вышедшихъ изъ различныхъ старыхъ типографій. Приведемъ хотя бы одинъ примѣръ изъ исторіи дѣятельности упомянутой нами Рижской типографіи Моллина.

Въ числѣ четырехъ изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи въ 1598 году, была небольшая книжка, извѣстное произведеніе Циглера — De incertitvdine rervm humanarvm Discvrsvs Theologicus, Ethicus, Historicus Georgii Ciegleri (Rigae Livonum. Ex officina typographica Nicolai Mollini. MDXCIIX).

---

[1]) Cp. Ambroise Firmin-Didot, Histoire de la typographie (Paris, 1882), p. 610.

[2]) „Eine merkwürdige Eigenthümlichkeit der 42 zeiligen Bibel ist der Umstand, dass von ihr zwei Ausgaben existiren, von denen die eine durchwegs 42 Zeilen und geschriebene Rubriken, die andere auf den ersten 8 Seiten 40 Zeilen, auf der 9 Seite 41 Zeilen und gedruckte Rubriken hat. Einige Bibliographen nehmen an, dass die Bibel mit 40 Zeilen nachgedruckt sei, Madden, der die Entdeckung gemacht hat, dass in jener Zeit mehrere Setzer dasselbe Manuscript setzen, welches ihnen ein Vorleser dictirte, und der seine Entdeckung in übertriebener Weise ausgebeutet hat, meint, zwei Setzer hätten denselben Text gesetzt, der eine habe mehr abbreviirt und in 40 Zeilen dasselbe gesetzt, was der andere in 42 Zeilen setzte. Wenn das der Fall wäre, so hätte es sich öfter wiederholen müssen, es kommt aber nur einmal, und nur am Anfange der Bibel vor. Ueber den Zweck des Doppelsatzes dürfte sich Madden im Irrthum befinden, derselbe war nicht gewöhnlich, sondern konnte naturgemäss nur vorgenommen werden, wenn es galt, dringende Drucksachen schnell zu liefern. Da mussten zu der Zeit, wo man die Stereotypie noch nicht kannte, zwei Sätze für zwei Pressen oder mehr hergestellt werden, bei unserer Bibel ist eine solche Druckbeschleunigung kaum denkbar". Karl Faulmann, Illustrirte Geschichte der Buchdruckerkunst, ihrer Erfindund durch Johann Gutenberg und ihrer technischen Entwicklung bis zur Gegenwart (Wien. Pest. Leipzig. 1882), S.S. 140-142 (страница 141 цѣликомъ занята снимкомъ).

Въ 1599 году она была переиздана вновь[1]). Но приведенные въ извѣстность экземпляры изданія 1598 года обнаруживаютъ два различныхъ набора, хотя по числу страницъ они и тождественны. Совершенно ясно, что предполагать три самостоятельныя изданія одной и той же книжки, въ одной и той же типографіи, въ концѣ XVI столѣтія, въ теченіе двухъ только лѣтъ, едва ли возможно. Инымъ представляется дѣло, если въ 1598 году Моллиномъ были сдѣланы лишь два параллельныхъ набора одного и того же изданія, съ параллельнымъ ихъ печатаніемъ помощію двухъ прессовъ. При этихъ двухъ параллельныхъ наборахъ, совершенно естественно, появились и отличія въ заглавныхъ листахъ въ экземплярахъ книжки, и нѣкоторыя различія въ посвященіи изданія, и, наконецъ, различія въ наборѣ отдѣльныхъ страницъ, при тожествѣ ихъ числа[2]).

Но и сама Виленская друкарня Мамоничей очень хорошо знала въ своей дѣятельности аналогичные примѣры. Остановимся хотя бы на двухъ, а именно на Псалтыри 1576 года и Апостолѣ 1591 года. Тожество шрифта и тожество страницъ наблюдаются во всѣхъ экземплярахъ каждаго изъ этихъ изданій, но ихъ внимательное сличеніе обнаруживаетъ сразу и различіе наборовъ въ отдѣльныхъ изъ нихъ. Начнемъ иллюстрацію этихъ различій, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ экземпляровъ Псалтыри 1576 года[3]).

На 5-ой строкѣ (снизу) 7-го листа однихъ экземпляровъ: „что („ч“ напечатано красною краскою) есть человѣкь („чвкь“ съ титломъ) яко помниши и“; въ другихъ же: „что („ч“ напечатано черною краскою) ест (надъ буквою „т“ поставленъ паерчикъ) человѣкъ („члвкъ“ съ титломъ) яко помниши и“, причемъ послѣ „и“ стоитъ запятая, которой нѣтъ въ экземплярахъ другого набора. Или 5—7 строки (сверху) второго листа 16-ой каѳисмы — „вѣрны вся заповѣди его, оутвержены въ вѣкъ вѣка, сътворены въ истинѣ и правотѣ. и“ имѣютъ такія различія въ тѣхъ же экземплярахъ: первое „в“ въ однихъ напечатано красною, въ другихъ черною краскою; „з“ (въ словѣ

---

[1]) De incertitvdine rervm hvmanarvm Discvrsvs Theologicus, Ethicus, Historicus. Georgii Ciegleri. Psal. 25. Integritas et rectum custodient me. Rigae Livonum. Ex officina typographica Nicolai Mollini. MDXCIX.

[2]) Arend Buchholtz, op. cit., S.S. 267-268.

[3]) Надбуквенныхъ знаковъ стараго кирилловскаго письма, въ видѣ удареній и придыханій, мы не отмѣчаемъ и не оговариваемъ.

„заповѣди“) въ однихъ является буквою „зѣло“, а въ другихъ буквою „земля“; „его“ въ однихъ напечатано въ строку полностью, въ другихъ „е“ съ титломъ (въ титлѣ буква „г“); первое „е“ въ словѣ „оутвержены“ въ однихъ напечатано въ строку, въ другихъ взметомъ надъ „в“; передъ послѣднимъ „и“ точка въ однихъ напечатана красною краскою, въ другихъ черною. Не будемъ приводить другихъ отличій набора и печати экземпляровъ Псалтыри 1576 года и обратимся къ экземплярамъ Апостола 1591 года. На 3-ей ненумерованной страницѣ[1]) въ однихъ его экземплярахъ (первое слово первой строки сверху) стоитъ: „Іоаннъ“; въ другихъ: „Іоанъ“. На 19-ой ненумерованной страницѣ (третья строка сверху): „въ філіпписеохъ“; въ другихъ: „въ фіпписеохъ“. На 27-ой ненумерованной страницѣ (седьмая строка снизу) стоитъ: „Сказаніе извѣстно“ совершенно одинаково, но въ однихъ экземплярахъ оба „з“ напечатаны буквою „земля“, а въ другихъ буквою „зѣло“. Заставки въ первой и второй группахъ экземпляровъ этого изданія различныя, хотя онѣ и поставлены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ текста[2]); а иногда въ одномъ изъ экземпляровъ заставка имѣется, но она отсутствуетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ другого[3]). Однако для послѣдняго возможно объясненіе и выпаденіемъ заставки при печатаніи.

Нетожество наборовъ въ экземплярахъ Мамоничскихъ изданій Псалтыри 1576 года и Апостола 1591 года выступаетъ совершенно ясно даже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя мы сейчасъ привели. Думать не о параллельныхъ наборахъ, а о послѣдовательныхъ изданіяхъ этихъ книгъ безусловно невозможно. Книги такихъ размѣровъ, какъ Псалтырь и Апостолъ, набирались и печатались не недѣлями, а длиннымъ рядомъ мѣ-

---

1) Не считая виршей „на гербы“ пана Теодора Скумина и посвященія ему изданія, занимающихъ четыре страницы.

2) См., напр., листы 81, 83, 146 об., 165 об., 166 об., 178 об., 206 об., 207. Ср. наблюденія И. П. Каратаева надъ экземплярами Четвероевангелія Мамоничскаго изданія 1600 года (Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, стр. 293).

3) Л. 157. Ср. листъ 172 (мѣсто заставки въ экземплярѣ заклеено, но, повидимому, ея и не было въ немъ). При сравненіи экземпляровъ Псалтыри 1576 года мы пользовались экземплярами бывшей Имп. Публ. Библіотеки сигнатуры I. 1. № 24 (а) и XVI. 1. № 8 (а), при сравненіи экземпляровъ Апостола 1591 года экземплярами той же Библіотеки сигнатуры I. 2. № 13 (а) и I. 2. № 14.

сяцевъ, что исключало возможность повторенія ихъ изданій въ одномъ и томъ же году. Такъ, напримѣръ, Апостолъ печати Ивана Θеодорова и Петра Тимофеева Мстиславца въ Москвѣ былъ начатъ работою 19 апрѣля 1563 года и оконченъ 1 марта 1564 года, Евангеліе Учительное ихъ же печати въ Заблудовѣ начато 8 іюля 1568 года и окончено 17 марта 1569 года, Апостолъ печати Ивана Θеодорова во Львовѣ начатъ 25 февраля 1573 года и оконченъ 25 февраля 1574 года, Евангеліе (напрестольное) печати Петра Тимофеева въ Вильнѣ начато 14 мая 1574 года и окончено 30 марта 1575 года, Апостолъ печати Андроника Тимофеева Невѣжи въ Москвѣ начатъ 21 мая 1596 года и оконченъ 4 іюля 1597 года, Тріодь Постная его же печати въ Москвѣ начата 20 декабря 1587 года и окончена 8 ноября 1589 года[1]).

Рядъ изданій Мамоничской типографіи вышелъ съ посвященіями. Это было въ обычаяхъ того, да и послѣдующаго времени. Такъ, богословскій Сборникъ 1585 года посвященъ Виленскому каштеляну, канцлеру Великаго Княжества Литовскаго, пану Евстафію Воловичу; Псалтырь 1591 года — Новгородскому воеводѣ, пану Теодору Скумину; Псалтырь 1593 года — Дисненскому старостѣ, скарбному Великаго Княжества Литовскаго, пану Лукашу Мамоничу; Евангеліе Толковое 1595 года — каштеляну Мстиславскому, пану Семену Войнѣ; Апостолъ 1599 года — воеводѣ Новгородскому, пану Теодору Скумину; Служебникъ 1617 года — канцлеру Великаго Княжества Литовскаго, пану Льву Сапѣгѣ и т. д. Мамоничскія изданія Третьяго Литовскаго Статута посвящены: изданіе 1588 года — Сигизмунду III-му, изданія 1614 и 1619 годовъ — Льву Сапѣгѣ.

Текстъ этихъ посвященій всегда многословенъ и витіеватъ. Мы уже видѣли выше посвященіе богословскаго Сборника 1585 года Евстафію Воловичу. Для большей полноты

---

[1]) См. П. М. Строевъ, Обстоятельное Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ графа Θ. А. Толстова, №№ 16—19, 37; его же, Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ Московскаго первой гильдіи купца и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ благотворителя Ивана Никитича Царскаго (Москва, 1836), №№ 15, 17, 19, 20, 27. См. также другіе библіографическіе труды. Дефекты заглавныхъ листовъ и выходныхъ лѣтописей въ очень большомъ числѣ сохранившихся экземпляровъ старопечатныхъ книгъ, конечно, осложняютъ дѣло разбора ихъ по изданіямъ.

представленія объ этомъ видѣ литературныхъ произведеній того времени, сопровождавшихъ и рядъ книгъ Мамоничской печати, приведемъ еще хотя бы посвященіе Псалтыри 1591 года Скумину (Тышкевичу). Вотъ его полный текстъ:

„Ясне велможному пану его милости, пану Теодору Скумину, воеводе Новогородскому, старосте Городенскому, Браславскому, Олитскому и прочихъ, пану нашому милостивому.

Въ тую книгу душеспасителную апостолскую вгленувши, лацно ваша панъска милость познати будешь рачилъ зычьливость нашу, которую яко верные слуги и яко могучи з наиболшою пилностью друковати есмо дали, а ваша милость, предъ очима маючи ее во своемь сердцы, светило[1]) ногамъ и стежкамь своимъ улюбивши, и съ пророкомъ возопилъ: благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ паче тысущь злата и сребра, далей — коль сладка гортани моему словеса Твоя паче меда и сота. Рачь же, ваша панъская милость въ тую книгу пилно и часто а сердечне углядовати, а углядываючи, усмотрываи, и у паметь роду и родомъ зоставишь псаломъское[2]) пеніе — не сотвори тако всякому языку, бо не каждому Господь Богъ, яко вашей милости далъ познати судбы своя. Внимли, воспряни — для чого, ижъ не для чого иншого, одно абы еси, господарю, не мелъ иншое вымовки а пилне вникнулъ въ тую книгу и въ иншіе богословные книги отеческіе, ведучіе въ животъ вечныи, пры которыхъ держащихся писаній[3]) и всякое благословеньство з долго добрымъ здоровъемь отъ Христа Бога придано будеть, што, ясне велможныи а милостивыи нашъ пане, сіе короткое писанье наше показуеть, што въ тои книзе замыкаеть, которую до рукъ вашои панскои милости подъ зацне славнымъ именемь а за волею и благословеньемъ преосвещеного архиепископа митрополита[4]) Киевъскаго, Галицьскаго и всея Руси, кирь Михайла Рагозы выдруковавьши, поподаемо. Рачь же отъ насъ, найменьшихь слугъ своихъ, милостиве, ласкаве, вдячне приняти и читати и въ ней се поучати день и нощь[5]), а читаючи,

---

[1]) На лѣвомъ полѣ противъ этой строки стоитъ: „псал“ (буква „пси“, за нею „а“, а „л“ въ титлѣ) „118“ (буквенными цифровыми знаками).

[2]) На лѣвомъ полѣ противъ этой строки стоитъ: „147“ (буквенными цифровыми знаками), т. е. обозначеніе псалма.

[3]) писасаній. [4]) миртополита.

[4]) На лѣвомъ полѣ противъ этой строки стоитъ: „псал“ (буква „пси“, за нею „а“, а „л“ въ титлѣ) „118“ (буквенными цифровыми знаками).

просветить Христосъ Богъ очи серьдечныя, и зърозумети возможешь псаломъская — сего ради къ всѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляхся всъкъ путь неправъды возъненавидѣхъ, дивна свидентя Твоя, сего ради испытаеть я душа моя. За тымъ Господь Богъ единыи, славимыи въ трехъ ипостасехъ, вашу панску милость и зъ ей милость панею малжонкою вш. мл. и отъ Христа Бога данымъ потомствомъ, сыномъ, его милостью паномъ Иоанъномъ, старостою Браславъскимъ, во многіе лѣта въ добромъ здоровъю и фортунномъ панованью, ку славе и помноженью речи посполитои Великого Князьства Литовъскаго, щирыти и во обороне Своеи ховати и держити рачилъ. Того вш. пан. милости, яко слуги найменшіе вернымъ и упреимымъ серцемъ зычимо и сами себе до милостивой ласки и подъ оборону покорне и унижосне отдаемо. Писанъ у столечномъ месте Великого Князства Литовского въ Вилни. Лета по Воплощеніи Слова Божія 1591, месеца[1]) июня 12 дня, а отъ Сотворенія мира 7099. Наповолнеишіе и вечные слуги, Лукашъ Ивановичъ Мамоничъ, скарбныи Великого Кн. Литовъскаго, и з братьею Мамоничми“[2]).

Приведенное нами посвященіе Мамоничскаго изданія Апостола 1591 года представляетъ интересъ не только по своему содержанію, но и для иллюстраціи различія двухъ наборовъ одного и того же изданія. Въ одномъ изъ обслѣдованныхъ нами экземпляровъ этой книги[3]) посвященіе Скумину датировано 12-мъ іюня 1591 года отъ Рождества Христова и 7099 года отъ сотворенія міра, а въ другомъ — тѣмъ же 12-мъ іюня, но не 1591-го, а 1599 года[4]). При этомъ годъ отъ сотворенія міра въ обоихъ экземплярахъ обозначенъ одинъ и тотъ же, т. е. 7099. Само собою разумѣется, что во второмъ случаѣ имѣемъ простую опечатку, ибо обозначенный въ немъ годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ именно 1591-му, а не 1599-му году эры отъ Рождества Христова. Но, еслибы оба экземпляра Апостола изданія 1591 года представляли собою одинъ и

---

1) „мца“, буква „с“ въ титлѣ.

2) Это посвященіе напечатано на двухъ страницахъ книги.

3) Хранился въ бывшей Имп. Публ. Библіотекѣ, сигнатура I. 2. № 13 а.

4) Экземпляръ, принадлежавшій библіотекѣ Хлудова, № 27. На ярлыкѣ, наклеенномъ на корешокъ переплета этого экземпляра, онъ датированъ 1599-мъ или 1591-мъ годами вмѣстѣ.

тотъ же наборъ, то, конечно, приведеннаго нами различія въ датировки въ нихъ быть не могло бы[1]).

Долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, откуда Мамоничская типографія получала бумагу, нужную для печатаемыхъ въ ней книгъ. Запасы бумаги ей требовались весьма крупныхъ размѣровъ. По счастью Вильна въ этомъ отношеніи находилась въ благопріятныхъ условіяхъ уже съ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія. Уже 16 ноября 1524 года Сигизмундомъ Старымъ былъ выданъ привилей Карулюсу Вернарту на устройство „млына папернаго" на купленной имъ у одного Виленскаго мѣщанина землѣ на рѣкѣ Вилейкѣ[2]). Возникновеніе этой бумажной фабрики связываютъ съ началомъ печатанія въ Вильнѣ книгъ Скориною[3]). Но изготовленія большого количества бумаги требовало и развитіе въ XVI столѣтіи дѣлопроизводства учрежденій и судовъ Великаго Княжества Литовскаго, а также составленія различныхъ актовъ его обывателями. Потребность въ бумагѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, была въ XVI вѣкѣ въ государствѣ Литвы достаточно велика. Бумажная фабрика могла находить хорошій сбытъ своихъ издѣлій. Въ средніе десятилѣтія XVI столѣтія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ дѣйствовалъ цѣлый рядъ типографій — въ Берестьѣ и Несвижѣ Радивила, въ Заблудовѣ Ходкевича, а также другія. Едва ли можно предполагать, что для нихъ всѣхъ устраивались особыя бумажныя фабрики. Совершенно естественно, что эти типографіи обслуживались бумагою главнымъ образомъ Виленскаго производ-

---

[1]) Посвященія, а также предисловія и послѣсловія старопечатныхъ книгъ Мамоничской печати имѣютъ несомнѣнный историческій и историко-литературный интересъ. Поэтому было бы желательно ихъ изданіе всѣхъ. Кромѣ напечатанныхъ въ настоящей главѣ нашего изслѣдованія посвященій нами былъ приведенъ полный текстъ посвященія Псалтыри 1593 года пану Лукашу Мамоничу на стр. 179-180 указанной выше статьи „Къ исторіи русской старопечати. Виленская типографія Мамоничей".

[2]) Привилей этотъ напечатанъ г. Ловмянскимъ на стр. 422 его статьи „Papiernie Wileńskie XVI wieku" (Ateneum Wileńskie. Rocznik II. Zeszyt 7-8). Къ сожалѣнію оригиналомъ для этого изданія привилея послужила его копія польско-латинскимъ письмомъ, а не русскій оригиналъ подлинныхъ книгъ Литовской Метрики. Это письмо исказило имена, которыя называетъ документъ, а возможно, что и несоотвѣтствіе въ немъ года съ индиктомъ также объясняется этою перепискою.

[3]) См., напр., Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum, volumen I, edidit Joannes Ptaśnik (Leopoli, MCMXXII), p. 122 (I).

ства. Отъ 1558 года сохранилось упоминаніе документальнаго источника о „млынѣ паперномъ“ въ Вильнѣ[1]). Но имѣли свою бумажную фабрику и сами Мамоничи. Извѣстіе о ней дошло до насъ отъ исхода XVI столѣтія. Однако весьма вѣроятно предположеніе о томъ, что она могла возникнуть съ самаго начала дѣятельности Мамоничской типографіи[2]). Въ 1583 году Стефаномъ Баторіемъ былъ выданъ привилей на устройство двухъ бумажныхъ фабрикъ въ Лифлянтахъ, около Пернова и Вендена[3]). Если принять предположеніе о существованіи собственной бумажной фабрики Мамоничей съ самаго начала дѣятельности ихъ типографіи, то, конечно, главные запасы бумаги для послѣдней были обезпечены ею. Но, въ случаѣ ихъ недостатка, Мамоничская друкарня имѣла полную возможность купить нужную ей бумагу и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и въ другихъ государствахъ, начиная съ сосѣдней съ нимъ Польши[4]). Проникновеніе въ государство Литвы бумаги иноземнаго происхожденія доказывается не только записями его таможень, но и наличностью ея въ сохранившихся рукописяхъ и книгахъ. Въ книгахъ Литовской Метрики, напримѣръ, отдѣльные случаи употребленія заграничной бумаги отмѣчаемы быть могутъ. Но, конечно, свое производство писчей бумаги, которая употреблялась одинаково, какъ для письма, такъ и для печатанія, было настолько развито въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, что основная масса потребной бумаги доставлялась имъ.

Существовала Мамоничская типографія до середины XVII столѣтія. Для книгъ кирилловскаго письма уже работали къ тому времени въ Вильнѣ друкарни при Свято-Троицкомъ и Свято-Духовскомъ монастыряхъ, развитіе которыхъ неизбѣжно отразилось на Мамоничской печатнѣ сокращеніемъ ея дѣятельности[5]). Но особенно неблагопріятнымъ для нея долженъ былъ

---

1) Henryk Łowmiański, op. cit., str. 416.

2) Ibidem, str. 419-420.

3) Monumenta, P. Typ., p. 122.

4) H. Łowmiański, op. cit., str. 411, n. 2.

5) Перечень славяно-русскихъ изданій, вышедшихъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Вильнѣ, Евьѣ, Могилевѣ, Кутейнѣ, Буйничахъ, Полоцкѣ, Супрасли, Гроднѣ и другихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго см. въ цитированной выше работѣ А. И. Миловидова „Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI-XVIII вв.“

стать съ начала XVII вѣка ростъ Виленской Академической типографіи Общества Іисуса. Ея владѣльцы сумѣли заручиться поддержкою и шляхты, и правительственныхъ лицъ Великаго Княжества Литовскаго. Латино-польскія книги стали печататься въ ней. Къ ней съ конца XVII столѣтія перешло и печатаніе новыхъ изданій Литовскаго Статута. Балинскій дѣлаетъ предположеніе, что Мамоничская типографія перешла въ руки Виленскихъ базиліанъ[1]).

Въ исторіи просвѣщенія Великаго Княжества Литовскаго Мамоничской типографіи принадлежитъ выдающееся мѣсто. Но она свою просвѣтительную службу, какъ мы это видѣли выше, сослужила и для южныхъ славянъ съ Молдавіей и Валахіей, и для Руси Московской.

---

[1]) Historya Miasta Wilna przez Michała Balińskiego, tom II, str. 122, n. 66.

Глава V.

Первое изданіе Литовскаго Статута 1588 года.

Привилей 11 февраля 1588 года, выданный Льву Сапѣгѣ на право изданія Третьяго Статута въ печати. Несуществованіе польскаго текста Статута ко времени утвержденія кодекса Сигизмундомъ III-мъ. Отношеніе Сапѣги къ указаніямъ привилея 11 февраля 1588 года. Составъ тома перваго изданія Статута 1588 года: заглавный листъ, портретъ Сигизмунда III-го, привилеи отъ 11 февраля и 28 января 1588 года, посвященіе изданія Сигизмунду III-му, гербъ Льва Сапѣги и поясняющіе его вирши, обращеніе Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, реестръ и самый текстъ Третьяго Статута, „омылъки". Происхожденіе посвященія Статута Сигизмунду III-му. Текстъ этого посвященія въ переводѣ на русскій литературный языкъ. Текстъ обращенія Сапѣги къ станамъ въ такомъ же переводѣ. Значеніе этихъ посвященія и обращенія и идеи, въ нихъ вложенныя. Языкъ тома перваго изданія Статута 1588 года. Представленія объ единствѣ русскаго народа, господствовавшія въ тогдашней литературѣ. Русскій языкъ Статута. Языкъ литературный и государственный. Русскій языкъ государствъ Московскаго и Литовскаго и его образованіе. Различныя именованія, предложенныя въ литературѣ для русскаго языка письменности Великаго Княжества Литовскаго и разборъ основаній для нихъ. Вліяніе другихъ языковъ на литовско-русскій. Вырожденіе литовско-русскаго языка, благодаря росту вліянія на него языка польскаго. Полное забвеніе перваго изданія Статута 1588 года къ исходу XVIII столѣтія. Возрожденіе свѣдѣній о немъ, благодаря В. С. Сопикову. Возникновеніе вопроса о числѣ изданій оригинальнаго русскаго текста Статута, выпущенныхъ Мамоничской типографіею. Работы И. Н. Даниловича и ошибочныя представленія о первомъ изданіи Статута, ими внесенныя. Утвержденіе этихъ представленій въ послѣдующей литературѣ. Недоразумѣніе въ предположеніи о существованіи изданія Третьяго Статута въ 1586 году. Различія въ экземплярахъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута. Ихъ бумага. Шрифты. Заставки и концовки. Рисунки. Различіе заглавныхъ листовъ въ экземплярахъ перваго изданія Статута 1588 года. Различія въ наборѣ текста Статута. Погрѣшности печати въ его экземплярахъ. Объясненіе различій экземпляровъ перваго изданія Статута 1588 года техникою старопечатнаго дѣла. Необходимость признать только одно изданіе русскаго текста Третьяго Статута при параллельности набора и печатанія его въ Мамоничской типографіи. Время выполненія этого изданія типографіей Мамоничей. Отношеніе въ новѣйшей литературѣ къ разрѣшенію вопроса о первомъ изданіи Статута 1588 года.

11 февраля 1588 года, т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, былъ выданъ Сигиз-

мундомъ III-мъ привилей объ его напечатанiи. Въ этомъ привилеѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ, говорится, что во время коронацiоннаго сейма королю отъ имени減 становъ Великаго Княжества Литовскаго, послѣ принесенiя новому монарху присяги, въ числѣ другихъ просьбъ была представлена просьба и о томъ, чтобы Сигизмундъ III озаботился напечатанiемъ только что утвержденнаго Литовскаго Статута польскимъ и русскимъ шрифтомъ, такъ какъ въ рукописяхъ съ законами трудно знакомиться, да въ ихъ спискахъ часто оказываются и пагубныя различiя[1]). Исполняя эту просьбу, Сигизмундъ поручаетъ изданiе Статута польскимъ и русскимъ шрифтомъ въ печати Литовскому подканцлеру Льву Сапѣгѣ, въ виду его заслугъ и личныхъ высокихъ качествъ, а особенно въ виду того, что государство Литвы ввѣрило ему охрану всѣхъ своихъ законовъ и свободъ[2]). Въ послѣднихъ словахъ привилея, конечно, заключается указанiе на должность Литовскаго подканцлера, которую занималъ Сапѣга, притомъ при незамѣщенности уряда канцлера Литвы, т. е. когда Левъ Сапѣга былъ единствен-

---

[1]) „Significamvs praesentibus literis nostris quibus interest, vniuersis et singulis, quod cum in comitiis hisce faelicissimae coronationis nostrae nomine ordinum Magni Ducatus Lithuaniae, fidelitatis prius et subiectionis iuramento nobis sancte praestito, supplicatum inter caetera esset, vt leges siue statuta Magni Ducatus Lithuaniae ex praedecessorum nostrorum, serenissimorum regum Poloniae mandato atque commissione quamplurimorum doctissimorum virorum iurisperitorum cura, studio, labore atque diligentia ad vnanimem consensum omnium statuum, ordinum tam spiritualium, quam secularium, principum, baronum atque nobilium Ducatus illius conscripta habentur, idiomate Polonico et Ruthenico imprimendum et excudendum curaremus, cum ex manu scriptis legibus iuris cognoscendi quaedam difficultas et perniciosa varietas saepenumero exoriretur“.

[2]) „Quandoquidem magnifici Leonis Sapiehae, Magni Ducatus Lithuaniae procancelarii, eximia in rebus virtus, dexteritas, vigilantia perspecta et comprobata nobis sit et maxime quod respub. ad custodiam legum libertatumque omnium suarum eundem locauerit, ideo prae caeteris eidem magnifico Leoni Sapieha legum siue statutorum Magni Ducatus Lithuaniae idiomatibus Polonico et Ruthenico typis excudendi et in lucem edendi curam committendám esse duximus. Quemadmodum et praesentibus committimus, ita vt ne quispiam alius praeter eundem magnificum Leonem Sapieha aut cui ipse commiserit statuta Magni Ducatus imprimendi cudendi licentiam sibi praesumere audeat, idque sub poena 5000 milia florenorum Hungaricalium et omnium librorum impressorum amissione, cuius mulctae medietas fisco nostro, medietas vero magnifico Leoni Sapieha cedere debebit“.

нымъ „печатаремъ“ своего государства, на обязанности котораго по его должности лежала постоянная охрана „правъ и вольностей“ Великаго Княжества Литовскаго[1]). Согласно пересказываемому привилею, никто другой кромѣ Льва Сапѣги не имѣетъ права издавать Литовскій Статутъ въ печати. Это можетъ дѣлать только Сапѣга или лицо, которому онъ поручитъ печатаніе кодекса. Тотъ, кто осмѣлится, въ нарушеніе этого права Льва Сапѣги, выпустить печатное изданіе Статута, подлежитъ наказанію весьма крупнымъ денежнымъ штрафомъ и отобраніемъ отъ него всѣхъ, напечатанныхъ имъ, экземпляровъ Статута. О дальнѣйшей судьбѣ этихъ экземпляровъ привилей не говоритъ. Что же касается штрафныхъ денегъ, то половина ихъ поступаетъ въ казну, а половина передается Льву Сапѣгѣ.

Если мы присмотримся поближе къ привилею, выданному 11 февраля 1588 года Сапѣгѣ по дѣлу о печатаніи Третьяго Литовскаго Статута, то должны будемъ признать его не столько повелѣніемъ Сигизмунда III-го, сколько предоставленіемъ Сапѣгѣ лично опредѣленныхъ правъ по изданію кодекса, которое онъ принимаетъ на свои средства. Передъ нами не столько постановленіе верховной власти о печатаніи Статута, сколько своего рода договоръ или контрактъ между этою властью и предпринимателемъ, берущимъ на себя организацію изданія кодекса въ печати и влагающимъ въ это дѣло свой капиталъ, но за то и получающимъ весь доходъ отъ изданія. Нарушитель этой привилегіи, данной Льву Сапѣгѣ, подвергается крупному денежному штрафу и конфискаціи всего изданія, при чемъ Сапѣга получаетъ половину этого штрафа въ возмѣщеніе матеріальнаго ущерба, который можетъ быть ему причиненъ нарушеніемъ его исключительнаго права на изданіе Статута. По смыслу привилея отъ 11 февраля 1588 года Левъ Сапѣга сталъ полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ печатанія Третьяго Литовскаго Статута. Онъ могъ выпустить столько изданій его, сколько самъ признаетъ нужнымъ, и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, которое будетъ представляться ему желательнымъ. Никто, включая самого монарха, не имѣлъ права предписать Льву Сапѣгѣ выпустить новое изданіе въ то или другое время, какъ не имѣлъ права и отсрочить выпускъ изданія Статута, рѣшен-

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 440 и 467-468.

ный Сапѣгою. Изданіе Литовскаго Статута 1588 года было отдано цѣликомъ въ руки Льва Сапѣги, притомъ безъ ограниченія его правъ ни опредѣленнымъ числомъ изданій и экземпляровъ, ни опредѣленнымъ временемъ. Сапѣга становился полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ изданія Статута въ печати на всю дальнѣйшую жизнь, вплоть до отмѣны выданнаго ему привилея. Отмѣны же этой не послѣдовало до смерти Льва Сапѣги, да и не могло послѣдовать при тогдашнемъ взглядѣ на силу привилеевъ, которая отмѣнялась или добровольнымъ отказомъ отъ привилея получившаго его лица, или лишеніемъ его дарованнаго права въ наказаніе. Самъ Левъ Сапѣга отъ предоставленнаго ему права на изданіе Статута не отказался въ дальнѣйшіе годы своей жизни, а его заслуги и возвышеніе на урядахъ Великаго Княжества Литовскаго устраняли всякую возможность отобранія отъ него права, полученнаго имъ 11 февраля 1588 года.

Но пойдемъ дальше въ изученіи этого привилея. Въ немъ стоитъ, что Сапѣгѣ предоставляется право изданія Статута въ печати „idiomatibus Polonico et Ruthenico". Въ русскомъ текстѣ привилея 28 января 1588 года, утверждающаго Третій Статутъ, отъ имени Сигизмунда III-го говорится: „тотъ Статутъ новопоправленый и съ прывильями земъскими писмомъ польскимъ и рускимъ друковати и въ поветы розослати велели есмо". Тутъ мы имѣемъ совершенно ясное указаніе не на языкъ, а на литеры, которыми Статутъ можно будетъ печатать. Церковно-славянскій шрифтъ исключается. Допускаются для изданія лишь шрифты польскій и русскій. Изъ привилея, утверждающаго Третій Статутъ, такимъ образомъ, не видно, что онъ долженъ быть напечатанъ въ своемъ русскомъ оригинальномъ текстѣ и въ переводѣ его на польскій языкъ. Написанные на русскомъ языкѣ документы иногда писали и тогда уже въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ польскими буквами. Можно думать, что вставалъ и вопросъ о техническихъ возможностяхъ изготовленія очень большихъ запасовъ русскаго шрифта для набора обширнаго текста Статута, и запасти въ достаточномъ количествѣ польскій шрифтъ представлялось болѣе легкимъ. Какъ бы то ни было, по отношенію къ пониманію указанія о печатаніи Статута, которое находится въ привилеѣ 11 февраля, если его понимать въ точномъ смыслѣ указанія на языки, возникаетъ противорѣчіе съ привилеемъ 28 января 1588 года.

То, что привилей 11 февраля 1588 года заключаетъ въ себѣ не приказанія, данныя Сапѣгѣ относительно изданія Статута въ печати, а дарованіе ему исключительныхъ правъ на это изданіе, подтверждается и отношеніемъ Льва Сапѣги къ указаніямъ привилеевъ 28 января и 11 февраля 1588 года, касающимся нѣкоторыхъ деталей рѣшеннаго изданія Литовскаго кодекса. Привилей 28 января предполагаетъ напечатаніе при Статутѣ и земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго, оба привилея имѣютъ въ виду напечатаніе текста Статута шрифтами польскимъ и русскимъ. Еслибы Левъ Сапѣга являлся лишь исполнителемъ даннаго ему Сигизмундомъ III-мъ приказанія относительно напечатанія Статута, онъ былъ бы долженъ эти указанія привилеевъ принять къ исполненію. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности?

Въ своемъ письмѣ къ Криштофу Радивилу, отъ 13 іюля 1588 года изъ Межирѣчья, Левъ Сапѣга между прочимъ писалъ: „Mciwy panie, statut nowy rozkazałem już drukować po rusku, chciałbym go i po polsku wydać, ale kiedy bym miał de verbo ad verbum go przełożyć wedle ruskich słów i sentencyj, barzo by było nie grzecznie, a inaczej nie śmiem, to jest, żebych słów ani sentencyj nie obserwował, jeno sensu, bo i oprócz przyczyny ludzie najdują strofować, atoż boję się aby i to komu nie chciało wadzić, zwłaszcza odemnie; radbym w tém radę i zdanie WMci więdział, proszę racz mi ją WMć dać. Przywileje radbym też wydał przy tymże statucie, ale iż nie wszystkie są nam na rękę, w drugim początek dobry, środek zły, w drugim środek dobry a początek abo koniec zły, a toż niewiem jeśli się godzi opuszczać to co szkodliwego, abo nie“[1]).

Свѣдѣнія, которыя даетъ приведенная нами сейчасъ цитата изъ письма Льва Сапѣги, имѣютъ первостепенное значеніе какъ для исторіи перваго изданія Литовскаго Статута 1588 года въ печати, такъ и для разрѣшенія вопроса о томъ, существовалъ ли польскій текстъ Статута въ моментъ его утвержденія Сигизмундомъ III-мъ. Какъ мы только что видѣли, Сапѣга говоритъ, что польскаго текста Статута не существовало въ то время, когда онъ писалъ свое письмо отъ 13 іюля 1588 года къ Криштофу Радивилу. Еслибы этотъ текстъ уже имѣлся, Сапѣгѣ не нужно бы было думать о переводѣ Статута на поль-

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, t. VIII, p. 195.

скій языкъ при его первоначальной, но оставленной затѣмъ мысли объ изданіи кодекса не только на русскомъ, но и на польскомъ языкахъ. Еще Чацкій считалъ самого Льва Сапѣгу переводчикомъ Третьяго Литовскаго Статута съ русскаго на польскій языкъ и даже ставилъ подъ сомнѣніе изданіе этого кодекса на русскомъ языкѣ въ печати[1]). Пѣкосинскій, черезъ сто лѣтъ послѣ выхода труда Чацкаго „O Litewskich i Polskich prawach", опровергалъ утвержденіе польскихъ библіографовъ о печатномъ изданіи Третьяго Статута на польскомъ языкѣ въ 1588 году[2]). Наконецъ, совсѣмъ недавно, въ 1925 году С. Л. Пташицкій утверждалъ, что „Statut był złożony królowi do potwierdzenia w rękopisach polskim (primo loco) i ruskim, i król zalecił wydrukować w obydwóch językach"[3]). Но Сапѣга даетъ знать совершенно опредѣленно, что польскаго текста Литовскаго Статута 1588 года не существовало еще почти черезъ полгода послѣ утвержденія кодекса Сигизмундомъ III-мъ, а стало быть, не можетъ быть никакой возможности и предположенія о представленіи несуществовавшаго польскаго текста Статута вмѣстѣ съ русскимъ на монаршую санкцію 28 января 1588 года.

Что касается лично Льву Сапѣгѣ предоставленныхъ привилеемъ 11 февраля правъ по отношенію къ изданію Статута въ печати, то приведенная нами выписка изъ письма къ Криштофу Радивилу прекрасно иллюстрируетъ значеніе этого привилея какъ дарованія исключительныхъ полномочій и правъ, а не какъ изложеніе подлежащихъ неукоснительному исполненію приказаній монарха. Сапѣга колеблется — печатать ли Статутъ только на русскомъ или выпустить его изданіе и на языкѣ польскомъ. Несмотря на категорически выраженное въ привилеѣ 28 января постановленіе о напечатаніи при Статутѣ

---

1) Чацкій писалъ: „Drugi statut podobno był pisany po polsku. Trzeci przez Lwa Sapiehę na polski język przetłómaczony". Въ примѣчаніи къ послѣдней фразѣ стоитъ: „Patrz przedmowę Lwa Sapiehy do drukowanego statutu. Jeden tylko exemplarz ruski w rękopiśmie widziałem w bibliotece Załuskiego". Dzieła Tadeusza Czackiego, t. I (Poznań, 1844), str. 67.

2) „Polskie wydanie tego Statutu z r. 1588, o którym niektórzy bibliografowie wspominają, nie istniało wcale". Statut Litewski, cz. I (Rozprawy Ak. Um., w. hist.-filoz., serya II, t. XIV), str. 124.

3) Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie (Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera, tom II), str. 299.

и земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго, онъ считаетъ для себя возможнымъ разсуждать о цѣлесообразности исполненія этого постановленія. Сапѣга выдвигаетъ несоотвѣтствіе части текста этихъ привилеевъ съ интересами государства Литвы времени начала царствованія Сигизмунда Вазы, и можно догадываться о томъ, въ чемъ онъ видѣлъ главную причину этого несоотвѣтствія. Часть земскихъ привилеевъ упоминаетъ объ Уніи съ Польшею, въ то время какъ Третій Литовскій Статутъ не говоритъ о ней ни слова и конструируетъ государство Литвы такъ, какъ будто бы никакихъ связей его съ Польшею не существуетъ. Нельзя забывать при этомъ, что вальные сеймы Великаго Княжества Литовскаго еще въ эпоху до Люблинской Уніи настойчиво требовали внесенія земскихъ привилеевъ въ Статутъ. Требованіе это было представлено въ 1588 году и Сигизмунду Вазѣ. И все таки Левъ Сапѣга считаетъ для себя возможнымъ думать объ его неисполненіи. Въ концѣ концовъ онъ не выполнилъ его, какъ отвергъ и изданіе статутоваго текста польскимъ шрифтомъ. Третій Литовскій Статутъ былъ напечатанъ по распоряженію Льва Сапѣги только на русскомъ языкѣ и безъ присоединенія къ нему земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго.

Печатаніе Статута Сапѣга поручилъ Мамоничской типографіи въ Вильнѣ, которая, какъ мы это видѣли, не только вполнѣ располагала техническими средствами для выполненія этой задачи, но въ то время имѣла значеніе и государственной типографіи Великаго Княжества Литовскаго. Но, конечно, не типографія, а Левъ Сапѣга опредѣлилъ составъ содержанія того тома, который вышелъ изъ типографіи Мамоничей какъ „Статутъ Великого Князтва Литовского, отъ наяснейшего господара короля его милости Жикгимонта Третего на коронацыи въ Кракове выданый року 1588“. Этотъ заглавный листъ украшенъ государственнымъ гербомъ Великаго Княжества Литовскаго. Какъ увидимъ ниже, онъ не тождественъ во всѣхъ экземплярахъ перваго изданія Статута. Но гербъ государства Литвы украшалъ заглавный листъ въ нихъ во всѣхъ. На оборотѣ заглавнаго листа воспроизведенъ литографскимъ способомъ портретъ Сигизмунда III-го, надъ которымъ курсивными буквами напечатанъ полный титулъ этого монарха: „Жикгимонтъ Третий, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Иѳ-

лянтский, тою жъ Божю милостью назначоный король Шведский, Кготъский, Ванъдальский и великое княже Ѳиньлянъдъское и иныхъ“[1]). На слѣдующемъ за заглавнымъ листѣ напечатанъ латинскій текстъ привилея отъ 11 февраля 1588 года, который предоставляетъ Льву Сапѣгѣ право изданія Статута въ печати. Оборотная страница этого листа оставлена чистою. Слѣдующій, т. е. уже третій листъ, съ его оборотною страницею и первая страница четвертаго листа заняты привилеемъ Сигизмунда III-го, дающимъ 28 января 1588 года утвержденіе Третьему Статуту. На оборотной страницѣ четвертаго листа, обѣихъ страницахъ пятаго и первой страницѣ шестого напечатано посвященіе издаваемаго Сапѣгою Статута Сигизмунду III-му. Оборотная страница шестого листа занята литографіей герба Льва Сапѣги[2]), надъ и подъ которымъ находятся по четыре строки печатнаго текста. Первый изъ этихъ текстовъ: „На преславные а старовечные клейноты или гербы ясне велможного пана, пана Лва Сапеги, подканцлерего Великого Князства Литовского, Слонимского, Мяделского, Марковского и прочихъ старосты епикграмма“. Что касается второго, то онъ представляетъ собою первыя четыре строки виршей Андрея Рымши съ толкованіемъ герба Сапѣги, которые занимаютъ и первую страницу слѣдующаго, т. е. седьмого листа. Оборотъ седьмого листа и обѣ страницы восьмого заняты текстомъ обращенія Сапѣги ко „всимъ вобецъ становъ Великого Князства Литовъского“. Далѣе слѣдуютъ реестръ содержанія Статута и самый текстъ кодекса. Послѣ окончанія послѣдняго въ нѣкоторыхъ изъ сохранившихся экземпляровъ перваго изданія Литовскаго Статута 1588 года находимъ приложеннымъ списокъ опечатокъ — „Омылъки, которыи траѳили ся въ друку“. Надо думать, что такой списокъ опечатокъ былъ присоединенъ ко всѣмъ экземплярамъ перваго изданія Статута и что онъ былъ утраченъ въ большинствѣ ихъ лишь въ послѣдующее время. Весь томъ, т. е. и текстъ Статута съ его реес-

---

[1]) Приводимые нами тексты воспроизводимъ съ тѣми же пріемами, которые нами примѣнялись при воспроизведеніи текстовъ Мамоничскихъ изданій въ предшествующей главѣ настоящаго изслѣдованія. См. выше, стр. 262, прим. 1.

[2]) Снимокъ съ герба Льва Сапѣги воспроизведенъ на страницѣ VIII-ой изданія Статута въ XIX книгѣ Временника Моск. Общества Ист. и Др. Россійскихъ.

тромъ, и всѣ помѣщенные передъ началомъ его документы напечатаны на русскомъ языкѣ кромѣ одного, а именно привилея отъ 11 февраля 1588 года, который изданъ на латинскомъ языкѣ.

Порядокъ, въ которомъ расположены напечатанныя передъ текстомъ Статута приложенія, долженъ быть признанъ основательно продуманнымъ. На первомъ мѣстѣ напечатанъ привилей, предоставляющій Льву Сапѣгѣ право изданія Статута. Именно этотъ привилей, а не привилей 28 января 1588 года, которымъ было дано утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута, открываетъ томъ изданія этого кодекса. Издаетъ Статутъ Сапѣга, а не государственная власть Великаго Княжества Литовскаго. Изданіе его, а не государственное. Поэтому и необходимо было именно съ привилея 11 февраля 1588 года и начать весь томъ изданія Статута. Еслибы оно было государственнымъ, то, конечно, томъ начинался бы съ привилея, дающаго кодексу законодательную санкцію, а не съ привилея, предоставляющаго право изданія кодекса опредѣленному лицу. Открывая томъ печатнаго изданія Статута, каждый, державшій его въ своихъ рукахъ, видѣлъ — кто былъ хозяиномъ изданія и кто, поэтому, отвѣчалъ за правильность статутоваго текста и за все вообще изданіе кодекса и приложенныхъ къ нему документовъ. Исключительное право изданія Третьяго Статута въ печати принадлежало Льву Сапѣгѣ, но на немъ же лежала и отвѣтственность за выпускаемое имъ изданіе.

За привилеемъ, предоставляющимъ Сапѣгѣ право изданія Статута, въ печатномъ томѣ его слѣдуютъ привилей 28 января 1588 года, утверждающій Статутъ, а за нимъ посвященіе Сапѣгою изданія кодекса Сигизмунду III-му. Привилей, дающій кодексу законодательную санкцію, конечно, долженъ былъ быть напечатаннымъ при немъ. Что же касается посвященія Сигизмунду III-му, то оно представляло собою не только выраженіе со стороны Льва Сапѣги благодарности за дарованное ему право изданія Статута въ печати. Когда Сигизмундъ I утвердилъ и „выдалъ“ Великому Княжеству Литовскому въ 1529 году Первый Литовскій Статутъ, тогдашній канцлеръ государства Литвы, Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштолтъ, принесъ ему выраженіе благодарности за дарованіе писаныхъ законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прославлялъ и его дѣянія вообще. Это прославленіе Сигизмунда Стараго извѣстно въ латинскомъ его тек-

стѣ[1]). Когда Сигизмундъ Августъ утвердилъ Второй Литовскій Статутъ въ „недоправеномъ до конца“ видѣ, нужно думать, прославленіе даровавшаго кодексъ монарха должно было ожидать приведенія новаго Статута въ окончательный еще видъ, т. е. его дальнѣйшей „поправы“, которою и явился Третій Литовскій Статутъ. Его утвержденіе, согласно прецеденту со Статутомъ 1529 года, должно было вызвать необходимость выраженія благодарности „выдавшему“ новый кодексъ монарху. Подобно тому, какъ въ 1529 году, эту благодарность долженъ бы былъ принести канцлеръ, на обязанности котораго лежало храненіе законовъ Великаго Княжества Литовскаго и наблюденіе за ихъ ненарушимостью. Но урядъ канцлера государства Литвы былъ въ 1588 году вакантенъ послѣ смерти Евстафія Воловича, и его обязанности долженъ былъ исполнять занимавшій урядъ Литовскаго подканцлера Левъ Сапѣга, бывшій такимъ образомъ единственнымъ государственнымъ „печатаремъ“ Великаго Княжества въ то время. Совершенно естественно, что именно Сапѣга и выступилъ съ прославленіемъ Сигизмунда III-го за утвержденіе новаго Статута. Но Сигизмундъ Ваза только что начиналъ свое царствованіе въ 1588 году. Никакихъ другихъ дѣяній, кромѣ утвержденія Статута, за которыя Великое Княжество Литовское имѣло бы основанія его прославлять, за нимъ еще не числилось. Поэтому и Сапѣга въ своемъ посвященіи ему печатнаго изданія новаго кодекса благодаритъ его лишь за утвержденіе послѣдняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Левъ Сапѣга постарался въ своемъ посвященіи Статута дать новому монарху рядъ указаній на отношеніе къ правамъ государства Литвы его предшественниковъ и обрисовать ему образъ истиннаго монарха, а не „тирана“, каковымъ не долженъ быть „господарь“ Великаго Княжества Литовскаго. Въ

---

[1]) Zbior praw litewskich (Poznań, 1841), str. 92-95. Заканчивается это прославленіе такъ: „ipse nunc augustissimus princeps noster, magnus Sigismundus rex et magnus dux, qui nobis jura dedit, per quae dirigamur et proficiamus in operibus justiciae, non minorem meretur laudem et gloriam a nobis et successoribus nostris in perpetuum, quapropter ego Albertus Gastolth heres de muratha Gieranoini, palatinus Vilnensis, cancellariusque Magni Ducatus Lituaniae, dignum existimandum, ut in initio operis hujus, ejus a quo donum hoc proficiscitur laudum aliqua praelibaretur commemoracio, volui haec pauca recensere, ex gestis ejus quae in annalibus, et ab historiographis connotantur copiosius“.

виду несомнѣннаго интереса мыслей, закрѣпляемыхъ Сапѣгою въ своемъ посвященіи не только для Сигизмунда III-го, но и для „обывателей“ Великаго Княжества Литовскаго, которые будутъ постоянно обращаться къ Статуту, а стало быть, и читать его посвященіе, мы приведемъ его въ полномъ видѣ въ переводѣ на современный намъ литературный русскій языкъ.

„Наияснѣйшему государю, государю[1]) Сигизмунду Третьему, Божіею милостью королю Польскому, великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жомойтскому, Мазовецкому, Лифляндскому и иныхъ, тою же Божіею милостью государю[2]) и королю наслѣдственному Шведскому, Готскому, Вандальскому и великому князю Финляндскому, государю и государю, государю моему милостивому[3]).

Были такія времена, наияснѣйшій милостивый государь[4]) король, когда въ томъ соединеніи и общежитіи человѣческомъ, которое мы именуемъ государствомъ, государи[5]) и короли этого міра правленіе свое надъ людьми отправляли не по какимъ-либо писанымъ законамъ или статуту, но только по своимъ мыслямъ и произволу. Но, такъ какъ они часто отступали отъ надлежащихъ своихъ обязанностей и, стремясь лишь къ своей выгодѣ, мало заботились объ общемъ благѣ всѣхъ, то оттуда произошло, что люди, ненавидя ихъ правленіе и верховную власть, называя ихъ не государями[6]), а тиранами, полагали въ основу всей безопасности и блага государства только статутъ и писаные законы. Потому великій и досточтимый философъ Греческій Аристотель сказалъ, что „бельлуа“, а по нашему дикій звѣрь, господствуетъ тамъ, гдѣ человѣкъ по произволу своему властвуетъ, и, наоборотъ, гдѣ законъ или статутъ имѣетъ верхъ, тамъ всѣмъ правитъ самъ Богъ. Причина этого въ томъ, что законъ, какъ провозгласилъ другой досточтимый мудрецъ, представляетъ собою истинный разумъ и мудрое разсужденіе человѣческаго разсудка, которыми Господь[7]) Богъ одарилъ человѣческую натуру для того, чтобы согласно съ этимъ надлежащимъ и мудрымъ разсужденіемъ человѣкъ такъ направлялъ свою жизнь, чтобы къ почтенному всегда стремился, а непочтеннаго остерегался. Но, такъ какъ рожденіе не всѣхъ сдѣлало такими, чтобы они слѣдовали больше разуму,

---

[1]) пану, пану. [2]) господарю. [3]) пану а пану пану моему милостивому. [4]) господару. [5]) господары. [6]) господарми. [7]) панъ.

чѣмъ корысти и животнымъ дурнымъ желаніямъ, Господь[1]) Богъ и Его святой законъ положили узду или мундштукъ на своевольниковъ, чтобы они получали правильное наказаніе за свои недостойныя дѣла, а добродѣтельные надлежащую награду. И въ этомъ цѣль и назначеніе всѣхъ законовъ на свѣтѣ, этимъ держатся всѣ государства и королевства и сохраняются въ цѣлости, когда дурные возмездіе, а хорошіе вознагражденіе получаютъ. Страшась всего этого, тѣ, которымъ мило своеволіе и для которыхъ разумъ является врагомъ, хотѣли бы эту узду съ себя сбросить и въ ни во что обратить власть надъ собою законовъ. Это обнаружилось въ свое время въ тѣхъ королевичахъ и юношахъ Римскихъ, которые при замыслѣ сенаторовъ, чтобы тяжелую тяжесть королевскаго или тиранскаго властвованія съ себя сложили и руководились писанымъ закономъ, всѣми способами старались не признавать надъ собою такого закона, ибо по ихъ словамъ законъ глухъ и не поддается просьбамъ — если человѣкъ въ чемъ-нибудь сдѣлаетъ проступокъ, то не можетъ быть различія между бѣднымъ и богатымъ, у государя[2]) же есть мѣсто для расположенія и покровительства, есть взглядъ на лица, а потому лучше жить подъ однимъ королевскимъ верховенствомъ, чѣмъ подвергать себя такой опасности, чтобы человѣкъ могъ основывать свое счастье только на одной безпорочности своей жизни и на соблюденіи закона. Такова, скажу, есть и всегда будетъ мысль людей своевольныхъ и невыдержанныхъ, которымъ угроза закона непріятна и всегда противна ихъ безнравственному своеволію. Все это принимая во вниманіе, мы, наияснѣйшій милостивый государь[3]), почитаемъ себя счастливымъ народомъ, которому Господь[4]) Богъ благоволилъ дать такихъ государей[5]) и предшественниковъ вашей королевской милости, которые не только не простирали бы на насъ свое монаршее верховенство по своимъ волѣ и произволу[6]), но [наоборотъ] сами побуждали насъ къ тому, чтобы мы создавали для себя законы какъ наибольшіе стражи общей свободы и не допускали бы надъ собою большей власти монаршаго верховенства[7]), чѣмъ поскольку

---

[1]) панъ. [2]) пана. [3]) господару. [4]) панъ. [5]) господары. [6]) не толко абы водлугъ воли и уподобанья своего надъ нами звирхность свою господаръскую ростегати мели. [7]) болшей владности звирхности господаръской надъ собою не попущали.

опредѣлили предѣлы властвованія надъ нами законы. Какъ они этимъ оставили для себя безсмертную славу въ нашей памяти, такъ точно и ваша королевская милость, нашъ милостивый государь[1]), благоволили сдѣлать свое имя весьма славнымъ между нами тѣмъ, что новый Статутъ, исправленный на многихъ мѣстахъ людьми мудрыми и знающими законы, выбранными для этого изъ нашего народа, благоволили намъ утвердить при первомъ вступленіи своемъ въ правленіе и благоволили намъ, по своей монаршей милости[2]) соизволить, чтобы всѣ суды такъ отправлялись въ этомъ государствѣ вашей королевской милости, славномъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[3]). Потому я, именемъ всего государства, покорно благодарю за такую милостивую ласку вашу королевскую милость, своего государя милостиваго[4]). А такъ какъ я принялъ на себя трудъ изданія этого Статута въ печати, то я его приношу вашей королевской милости, какъ наивысшему стражу всѣхъ правъ и свободъ нашихъ, прося Господа[5]) Бога, чтобы Онъ благоволилъ одарить вашу королевскую милость духомъ мудрости и всякою доблестью, дабы ваша королевская милость такъ счастливо и долго нами правилъ, чтобы и хвала Господа[6]) Бога Всемогущаго была возвеличена черезъ вашу королевскую милость, и все государство сохранено въ цѣлости и мирѣ, и чтобы столь священное правленіе вашей королевской милости надъ нами было вознаграждено здѣсь на этомъ свѣтѣ съ безсмертною славою, а послѣ смерти наградою вѣчной жизни. Съ этимъ усердно завѣряю ласкѣ вашей королевской милости мои наинизшія службы съ вѣрнымъ подданствомъ. Писанъ въ Берестьѣ, 1 декабря 1588 года отъ Рождества Сына Божьяго. Вашей королевской милости государя, государя моего милостиваго[7]), наинизшій слуга и вѣрный подданный Левъ Сапѣга, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго".

Уже въ этомъ посвященіи Сигизмунду III-му Левъ Сапѣга выступаетъ въ двоякомъ значеніи. Какъ государственный „печатарь" Великаго Княжества Литовскаго и по этому уряду оффиціальный хранитель законовъ и правъ своего государства,

---

[1]) панъ. [2]) з ласки своее господаръское. [3]) въ томъ панъстве вашое королевъское милости славномъ Великомъ Князьстве Литовъскомъ. [4]) своему милостивому пану. [5]) пана. [6]) пана. [7]) пана, пана моего милостивого.

онъ приноситъ монарху благодарность за утвержденіе Статута, однако въ то же время даетъ ему указанія на назначеніе и предѣлы его власти надъ Великимъ Княжествомъ, установившіеся уже при его предшественникахъ. Но рядомъ съ этимъ Сапѣга посвящаетъ Сигизмунду III-му свое изданіе Третьяго Литовскаго Статута. Это онъ дѣлаетъ уже не въ значеніи должностного лица государства Литвы, а въ значеніи полноправнаго хозяина изданія, которое предоставлено ему привилеемъ 11 февраля, напечатаннымъ на первыхъ страницахъ выпускаемаго имъ тома съ изданіемъ текста Статута въ печати. Значеніе Сапѣги какъ издателя Статута и полноправнаго хозяина изданія выражено полностью на слѣдующей страницѣ тома. На ней стоитъ личный гербъ Льва Сапѣги, съ его обширнымъ толкованіемъ, занимающимъ эту и слѣдующую страницы. Еслибы изданіе Статута было государственнымъ, въ которомъ Сапѣга былъ бы простымъ исполнителемъ приказанія, даннаго ему монархомъ, для личнаго герба его, притомъ въ такомъ пышномъ видѣ, не должно было быть мѣста въ этомъ изданіи. Наоборотъ, если Сапѣга издавалъ Статутъ не въ исполненіе полученнаго отъ монарха повелѣнія, а какъ лицо, получившее на основѣ привилея право на изданіе кодекса, помѣщеніе его герба послѣ окончанія текста трехъ, имѣющихъ высоко оффиціальное значеніе, документовъ имѣетъ полный смыслъ и совершенно опредѣленное значеніе. Изданіе выпускается Сапѣгою, онъ его хозяинъ. Личный гербъ Льва Сапѣги, стоящій въ издаваемомъ томѣ и его скрѣпляющій, не является простымъ украшеніемъ изданія, а указываетъ на того, кто это изданіе выпускаетъ и кто его полноправный хозяинъ. За Сапѣжинскимъ гербомъ и его толкованіемъ въ томѣ изданія слѣдуетъ обращеніе Льва Сапѣги къ „станамъ" Великаго Княжества Литовскаго. Онъ издатель Статута. Въ этомъ значеніи Сапѣга къ нимъ обращается. Полный текстъ обращенія Льва Сапѣги приводимъ въ переводѣ на современный намъ русскій литературный языкъ.

„Всѣмъ вообще станамъ Великаго Княжества Литовскаго — Левъ Сапѣга, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Слонимскій, Марковскій и Мядельскій, послушныя и благорасположенныя службы мои приношу.

Замѣчали то всѣхъ вѣковъ мудрые люди, что въ каждомъ государствѣ для честнаго человѣка ничего не можетъ быть до-

роже свободы, а несвобода для него такъ отвратительна, что ее онъ долженъ отъ себя отгонять не только цѣною своего имущества, но и смерти[1]). Потому люди честные не жалѣютъ для противодѣйствія каждому врагу не только своего имущества, но и жизни для того, чтобы не придти подъ ихъ лютое завоеваніе и не быть принужденными жить по ихъ желанію и произволу, лишенными своей свободы, какъ рабы. Но было бы мало того, чтобы человѣкъ былъ свободенъ отъ неволи чужеземнаго врага, еслибы онъ долженъ былъ терпѣть надъ собою врага внутренняго. Вотъ почему былъ найденъ мундштукъ или узда для обузданія каждаго насильника, чтобы онъ, боясь закона, удерживался отъ всякаго насилія и своевольства, не неистовствовалъ надъ болѣе слабымъ и бѣднымъ и не могъ его притѣснять, потому что законы для того установлены, чтобы сильному и могучему не все было можно дѣлать, какъ сказалъ Цицеронъ, что мы для того являемся невольниками закона, дабы могли пользоваться свободою. А если для человѣка честнаго нѣтъ ничего болѣе дорогого, чѣмъ, живя безопасно въ своемъ отечествѣ, не бояться того, чтобы кто-нибудь могъ его доброе имя запачкать или учинить вредъ его тѣлу и здоровью, или принести ущербъ его собственному имуществу, то этого ничему другому нельзя приписать кромѣ закона, подъ охраною котораго[2]) онъ живетъ спокойно и никакого насилія, вреда и ущерба на себѣ не несетъ, ибо назначеніе и слѣдствіе всѣхъ законовъ на свѣтѣ состоятъ и должны быть въ томъ, чтобы каждый имѣлъ въ неприкосновенности[3]) свои доброе имя, здоровье и имущество и во всемъ этомъ не терпѣлъ никакого ущерба. И въ томъ наша свобода, которою мы славимся среди другихъ христіанскихъ народовъ, что не имѣемъ государя[4]), который бы властвовалъ надъ нами по своей волѣ, а не по нашимъ законамъ, и свободно владѣемъ какъ добрымъ именемъ, такъ и жизнью и имуществомъ[5]); а потому, еслибы кто-либо изъ этихъ трехъ вещей въ чемъ-нибудь причинилъ намъ ущербъ и сталъ бы надъ нами неистово властвовать[6]) не согласно съ нашими законами, а по своему произволу, тотъ былъ бы уже не государемъ[7]) нашимъ, а нарушителемъ законовъ и сво-

[1]) не только скарбами, але и смертью ее одъ себе отганяти есть повиненъ. [2]) за которымъ. [3]) абы кождый добрую славу свою, здоровье и маетность въ целости мелъ. [4]) пана. [5]) яко славы учстивое, такъ живота и маетности волно уживаемъ. [6]) надъ нами паствити се мелъ. [7]) паномъ.

бодъ нашихъ и мы бы должны были быть его рабами. И дѣйствительно правильно у насъ есть за что благодарить Господа Бога[1]) — подъ правленіемъ королей ихъ милости и великихъ князей, государей[2]) нашихъ, эту власть и свободу имѣемъ въ своихъ рукахъ и, сами творя себѣ законы, какъ только возможно болѣе охраняемъ во всемъ свою свободу, ибо не только сосѣдъ и сообыватель въ отечествѣ, но и самъ государь, монархъ нашъ[3]), не можетъ пользоваться надъ нами верховенствомъ, какъ лишь сколько ему позволяетъ законъ. Потому то, такъ какъ мы имѣемъ въ своихъ рукахъ такое сокровище, за которое нельзя заплатить никакими деньгами[4]), слѣдуетъ каждому почтенному[5]) человѣку его знать и, хорошо его зная, какъ самому сдерживать себя и свои дурныя желанія[6]), поступать согласно писаному закону и никого не обижать, такъ и, будучи обиженнымъ, знать, гдѣ можно искать защиты и помощи[7]) въ своей обидѣ, ибо, какъ одинъ Римскій сенаторъ упрекалъ другого, что тотъ не зналъ законовъ своего отечества, такъ достоинъ порицанія и каждый обыватель, который хвалится свободою, а не хочетъ знать и разумѣть своихъ законовъ, обезпечивающихъ ему всю его свободу. И если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то именно намъ, которые имѣемъ законы, написанные не на какомъ-либо иностранномъ языкѣ, но на своемъ собственномъ, и можемъ всегда знать нужное намъ для защиты ото всякой обиды[8]). А такъ какъ раньше то вызывала немало та трудность, что не каждый могъ имѣть Статутъ изъ-за затруднительнаго и длительнаго его списыванія, то я, идя на встрѣчу[9]) этой потребности каждаго обывателя и служа государственной пользѣ, рѣшился взять на себя трудъ, не жалѣя своихъ средствъ и расходовъ[10]), отдать Статутъ въ печать и открыть каждому болѣе легкій и удобный путь для познанія законовъ, такъ какъ ихъ уже можетъ имѣть въ своихъ рукахъ всякій, кто пожелаетъ. Прошу, благоволите же, ваши милости, этотъ трудъ принять

---

[1]) Пану Богу дяковати. [2]) пановъ. [3]) господаръ панъ нашъ. [4]) жадною сумою. [5]) почтивому. [6]) попудливости свои. [7]) лекаръства. [8]) А если которому народу встыдъ правъ своихъ не умети, поготовю намъ, которые не обчымъ якымъ языкомъ, але своимъ власнымъ права списаные маемъ и кождого часу чого намъ потреба ку отпору всякое кривды ведати можемъ. [9]) ѳолькгуючы. [10]) кошту и накладу своего не жалуючы.

отъ меня благосклонно[1]) и, имѣя свои свободы хорошо обезпеченными закономъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы въ суды и трибуналы избирались люди не только хорошіе и хорошо знающіе эти наши законы, но и боящіеся Господа[2]) Бога и добродѣтельные, которые бы не обходили закона[3]) ради своей выгоды и во вредъ ближняго, изъ-за своей алчности[4]) и ради подарковъ, но, идя прямымъ путемъ, охраняли бы святую правду и справедливость и сохранили бы намъ въ цѣлости ту свободу, на которую мы радуемся[5]). Съ этимъ поручаю себя расположенію и милости[6]) вашихъ милостей братской".

При чтеніи только что приведеннаго произведенія Льва Сапѣги невольно вспоминается написанное въ свое время Цицерономъ — „ad res publicas firmandas et ad stabiliendas urbes sanandosque populos omnis nostra pergit oratio"[7]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Сапѣга хотѣлъ въ своемъ обращеніи къ согражданамъ, напечатанномъ при издаваемомъ имъ Статутѣ, служить уясненію и закрѣпленію идеи правового государства въ средѣ „обывателей" Великаго Княжества Литовскаго, т. е. той идеи, которой онъ былъ вѣренъ въ теченіе всей своей жизни. И посвященіе Статута Сигизмунду III-му, и обращеніе къ „станамъ" дополняютъ одно другое. Въ первомъ Сапѣга внушалъ новому монарху, только что признанному государствомъ Литвы съ рѣшительнымъ и обязывающимъ его указаніемъ на права этого государства, его обязанность по охранѣ и соблюденію этихъ правъ, пріобрѣтенныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ задолго до начала его царствованія. Подчиненіе закону, выработанному „народомъ" Великаго Княжества Литовскаго для монарха обязательно. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ этимъ „народомъ" не государемъ, а „тираномъ", со всѣми послѣдствіями для него лично отъ ненависти къ нему „народа", которая неминуема, если онъ будетъ стараться поставить свой произволъ на мѣсто закона въ свободномъ и правовомъ государствѣ Литвы. Сознаніе значенія закона стремится внѣдрить Сапѣга и въ среду становъ, т. е. шляхетскаго „народа" своего родного государства. Этотъ законъ охраняетъ честь, жизнь и имущество гражданъ-обыва-

---

[1]) вдячне. [2]) Пана. [3]) права выкручали. [4]) для лакомъства своего. [5]) которою се тешимо. [6]) ласце и милости.

[7]) De legibus, I, 13.

телей. Обезпечивая ихъ свободу, онъ ставитъ власти монарха предѣлы, переступать которые она не можетъ. Можно сказать, что оба произведенія Льва Сапѣги, напечатанныя имъ при Статутѣ, преслѣдовали своего рода воспитательныя цѣли, одно для новаго монарха, другое для „народа" Великаго Княжества Литовскаго.

Естественно, встаетъ вопросъ о происхожденіи идей, которыя развивалъ Сапѣга въ своихъ посвященіи изданія Статута Сигизмунду III-му и обращеніи къ станамъ государства Литвы. Пройдя превосходную классическую школу въ Лейпцигскомъ Университетѣ, онъ основу для нихъ нашелъ въ политическихъ ученіяхъ античной древности, главнымъ образомъ Аристотеля и Цицерона, которыхъ и цитируетъ въ своихъ произведеніяхъ. На эту основу ложилась прежде всего работа его собственной мысли подъ вліяніемъ жизненныхъ опыта и переживаній. Переписка Сапѣги даетъ ясныя указанія на его вдумчивость и глубину раздумья надъ идейными запросами, которые выдвигало его время. Вопросы свободной государственности и предѣловъ власти монарха еще въ его юные годы, бывшіе и годами попытки Польши разрушить государство Литвы Люблинскою Уніею, а также измѣны Сигизмунда Августа своимъ обязательствамъ передъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, давно уже должны были привлекать къ себѣ интересъ и вниманіе Льва Сапѣги. Конечно, онъ былъ знакомъ не только съ античною политическою литературою, но и съ новою, своего времени. Но нужно сомнѣваться въ томъ, чтобы изъ послѣдней онъ получилъ и свои основныя идеи. Такое вліяніе она могла имѣть на человѣка безъ серьезной научной школы и самостоятельности работы мысли, которыми обладалъ Левъ Сапѣга. Мысль Сапѣги новые авторы могли углублять, могли обращать его вниманіе на отдѣльные вопросы, но онъ представляетъ собою политическаго мыслителя, жившаго своимъ умомъ. Въ своихъ построеніяхъ политической мысли онъ, конечно, исходилъ изъ готовой основы положеній Аристотеля и Цицерона, которыя признавались абсолютно правильными, непререкаемыми и безспорными. Но, вѣдь, изъ той же основы исходила и вся современная Сапѣгѣ новая политическая литература, примѣняя ее къ разрѣшенію задачъ и вопросовъ, властно ставившихся ходомъ жизни Европы XVI столѣтія, съ ея религіознымъ реформаціоннымъ движеніемъ и назрѣвшею необходимостью по-

становки предѣловъ власти монарха предписывать своимъ подданнымъ ту религію, которой держался онъ самъ. Эти теченія мысли, имѣвшія свои корни въ идеяхъ реформаціоннаго движенія, переплетались съ политическою мыслью европейской сословной монархіи, а во все это начинала уже вторгаться и религіозно-соціальная мысль сектантства съ его крайними проявленіями. Сапѣга не могъ не быть знакомымъ съ представителями политической мысли въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Польшѣ, какъ и съ политическими писателями уже достаточно широкаго круга въ различныхъ странахъ Западной Европы. Несомнѣнно, Сапѣга зналъ и трактатъ Волана „De libertate politica sive civili", и другія политическія сочиненія, выходившія тогда въ государствахъ Литвы и Польши, какъ былъ знакомъ и съ произведеніями политическихъ мыслителей другихъ странъ. То, что писали о законѣ, свободѣ, истинномъ монархѣ и тиранѣ Аристотель и Цицеронъ и что изъ ихъ произведеній заимствовалъ Левъ Сапѣга какъ теоретическую основу для своего политическаго міросозерцанія, найдемъ и у Волана[1]) и польскихъ политическихъ писателей[2]), какъ встрѣтимъ и у Эразма, и у Бодэна, у Макіавелли, у Бьюканана и такъ называемыхъ „монархомаховъ"[3]). Латинскій языкъ трудовъ этихъ авторовъ, въ ихъ оригиналахъ или современныхъ пере-

---

[1]) Ср., напримѣръ, его мысль о свободѣ: „vana et praepostera quorundam ostenditur opinio, qui rerum malarum licentiam libertatem esse putant". Цитируемъ по Лукашевичу — Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie, t. II (Poznań, 1843), str. 275.

[2]) Основной трудъ о политической мысли въ Польшѣ того времени — St. Tarnowski, Studia do historyi literatury polskiej. Pisarze polityczni XVI wieku. T. t. I-II (Kraków, 1886).

[3]) Приводимъ нѣкоторые изъ текстовъ, напрашивающихся на сопоставленіе съ написаннымъ Сапѣгою въ его посвященіи Статута Сигизмунду III-му и въ обращеніи къ станамъ: „vbi summa est legum auctoritas, ibi est minimum tyrannidis" (Appendix sententiarvm ex probatissimis quibusque auctoribus selectarum, praecipue vero ex libris Apophthegmatum D. Eras. Roterod. — M. Tvllii Ciceronis Insigniores Sententiae, opera Petri Lagnerii Compendiensis concinnatae, inque Locos communes digestae. Coloniae, MDLXXIII. P. 362); „tyrannis est, in qua vnus homo diuinis ac naturae legibus sublatis, rebus alienis vt suis, et liberis hominibus quasi mancipiis ad libidinem abutitur" (цитируемъ не во французскомъ, а въ латинскомъ текстѣ, какъ въ болѣе распространенномъ за предѣлами Франціи — Io. Bodini Andegavensis, De repvblica libri sex, latine ab avtore redditi mvlto qvam antea locvpletiores. Parisiis, MDLXXXVI. P. 199); „qvam sit omni laude dig-

водахъ на него же какъ на общенаучный языкъ того времени, дѣлалъ ихъ всѣ доступными Сапѣгѣ. Мысли же о значеніи закона и объ опасности вырожденія монархіи въ тиранію носились тогда въ воздухѣ и волновали въ ту пору всѣхъ, думавшихъ о государствѣ, его нормальной организаціи и его судьбахъ. Левъ Сапѣга какъ политическій мыслитель заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Его произведенія, напечатанныя при Литовскомъ Статутѣ, его сеймовыя рѣчи и письма, въ весьма значительномъ количествѣ уже изданныя къ настоящему времени, даютъ достаточно полный матеріалъ для текстуальнаго изученія ихъ сравнительно съ произведеніями современныхъ ему политическихъ мыслителей. Эту задачу, конечно, мы не можемъ брать на себя на настоящихъ страницахъ.

Языкъ всего тома перваго изданія Литовскаго Статута 1588 года, за исключеніемъ только латинскаго привилея Сапѣгѣ на право печатанія кодекса, русскій. Такъ его называетъ самъ Статутъ[1]). Для обозначенія того русскаго языка, на которомъ тогда писали въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, не существовало въ XVI столѣтіи особаго именованія, которое бы различало его отъ языка русскихъ земель, не входившихъ въ составъ государства Литвы. Это вполнѣ соотвѣтствовало и господствовавшему тогда представленію объ единствѣ русскаго народа, раздѣленнаго въ то время между тремя государствами, а именно Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, Польшею и Москвою. Это представленіе совершенно отчетливо выражено въ тогдашней литературѣ Литвы и Польши. Стрыйковскій, указавъ на различіе мнѣній историковъ о „словакахъ и Славенскихъ земляхъ народа русскаго или сармацкаго“, писалъ: „но откуда бы руссаки и иные русскіе народы ни имѣли имя

---

num in principe pactam fidem seruare, atque vitae integritatem sine vllo dolo malo retinere, nemo est qui non intelligat“ (цитируемъ также по латинскому переводу — Nicolai Machiavelli, Princeps. Ex Sylvestri Telii Fulginatis traductione diligenter emendata. MDXXCIX, sine loco. P. 92); „Rex volentibus, tyrannus inuitis imperat. Regnum, liberi inter liberos est principatus; tyrannis, domini in seruos. Regi ciues excubant ad salutem eius tuendam, tyranno peregrini ad ciues opprimendos, alter enim ciuibus, alter sibi gerit imperium“ (De ivre regni apvd Scotos dialogvs, Auctore Georgio Bvchanano Scoto. Editio secunda, MDLXXX. P. 48).

1) См. выше, стр. 137-138.

и прозваніе, они всѣ говорятъ славянскимъ языкомъ". Говоря объ Ольгердѣ, онъ отмѣчалъ, что этотъ великій князь Литовскій имѣлъ одну за другою двухъ женъ, „и обѣихъ русскихъ". А этими женами были княжна Витебская и княжна Тверская[1]). Такимъ образомъ, по представленію Стрыйковскаго, и въ Витебскѣ, и въ Твери одни и тѣ же русскіе люди. Такое же пониманіе единства русскаго народа найдемъ и въ другой, очень распространенной, хроникѣ въ XVI столѣтіи, а именно въ хроникѣ Мартина Бѣльскаго. О происхожденіи русскаго народа Бѣльскій говоритъ такъ: „Откуда Русь имѣетъ имя, объ этомъ существуютъ различныя людскія мнѣнія. Хотя наши старшіе хронисты, какъ Длугошъ и Мѣховита, и думаютъ, будто они названы такъ отъ Руса, брата или внука Леха, но этого не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ Русь много старше, какъ я это достаточно показалъ, когда писалъ о началѣ нашего народа, чѣмъ нашъ предокъ Лехъ туда пришелъ. То можетъ быть, что этотъ Русъ, внукъ Леховъ, о которомъ они разсказываютъ, могъ господствовать надъ Русіей, но Русь уже давно такъ Русіей называлась. Другіе хотятъ вести ея названіе отъ мѣстечка Руссы, которое находится недалеко отъ Новгорода въ Москвѣ, а иные отъ русыхъ волосъ, съ какими теперь болѣе всего видишь руснаковъ. Другіе ее также отъ Фетъ Русыма, потомка Хама, выводятъ, какъ Северинъ Доминиканецъ въ Генеалогіи Христа Господа, которая недавно вышла въ Римѣ. А иные отъ князя Росъ, котораго встрѣчаемъ у Езекіила въ Священномъ Писаніи. Но самое вѣрное, что они отъ разсѣянія, какъ я писалъ раньше, имѣютъ имя, ибо этотъ народъ такъ сильно распространился по свѣту, что наполнилъ собою великую часть Европы и Азіи". Передавая дальше преданія, записанныя въ русской лѣтописи, Бѣльскій разсказываетъ о Щекѣ, Кіи, Хоривѣ и Лыбеди. Они, по его словамъ, раздавали пустые края своимъ князьямъ для постройки въ нихъ замковъ. Такими князьями были Радимъ, Вятко и Дулебъ. Отъ перваго пошли радимичи, надъ Саномъ, отъ второго — вятчане, надъ Волгой, отъ третьяго — дулебане, надъ Бугомъ. Потомками Кія были Аскольдъ и Диръ, которые расширяли государство на сѣверъ. Князей затѣмъ надъ собою рус-

---

[1]) Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego (Warszawa, 1846), t. I, str. 95-111, t. II, str. 58.

скіе поставили изъ другого народа, чтобы они не были пристрастны къ своимъ родственникамъ или свойственникамъ. Этихъ князей было трое, а именно, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, которые происходили изъ народа варяжскаго. Народъ этотъ, по представленію Бѣльскаго, безъ сомнѣнія былъ славянскимъ и долженъ былъ жить гдѣ-либо по близости отъ моря, еще и теперь называемаго Москвою Варяжскимъ. Выраженія „русинъ“ и „русакъ“ Бѣльскій употребляетъ въ совершенно равнозначущемъ значеніи. Люди, обозначаемые этими именованіями, живутъ и на югѣ, и на сѣверѣ Русской Земли. Оба эти слова означаютъ — русскій. Когда позднѣе князь Литвы Рынгольтъ началъ писаться великимъ княземъ Литовскимъ, Жмудскимъ и Русскимъ, другіе князья, а особенно князь Кіевскій, по словамъ Бѣльскаго, стали ему возражать на это, ибо Кіевскій князь приписывалъ себѣ власть надъ всею Русью, какъ то дѣлаетъ теперь князь Московскій[1]). Можно бы было очень значительно увеличить количество цитатъ изъ хроникъ Стрыйковскаго и Мартина Бѣльскаго для иллюстраціи ихъ пониманія русскаго народа какъ единаго этнографическаго цѣлаго, живущаго на всемъ протяженіи Русской Земли. Но, думается, что и приведеннаго нами достаточно для этой цѣли.

Вармійскій епископъ и одинъ изъ наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ польскихъ историковъ XVI столѣтія, Мартинъ Кромеръ въ своемъ трудѣ „De origine et rebus gestis Poloncrum libri XXX“, говоря о населеніи Европейской и Азіятской Сарматій и приведя различныя толкованія имени „Моски“, писалъ: „но одинъ изъ многихъ народовъ такъ сталъ называться отъ рѣки и крѣпости Москвы, приблизительно съ того времени, когда, послѣ раздѣленія руссовъ на многія княжества, князь Іоаннъ, сынъ Даніила, сдѣлался главою этой территоріи и, возстановивъ крѣпость, которая раньше была незначительной и неизвѣстной, тамъ устроилъ свою резиденцію. Его потомки подчинили себѣ всѣхъ князей того же языка и той же народности; остальные также народы русскихъ, много крупнѣйшіе, древнѣйшіе и важнѣйшіе, чѣмъ Мосхи въ то время, а именно владимирцы, новгородцы, ярославцы, тверичи, можайцы,

---

[1]) Kronika Polska Marcina Bielskiego. Zbiór pisarzów polskich, t. XI (Warszawa, 1829), str. 125-127, 129, 138, 144; t. XII (Warszawa, 1830), str. 108-109.

суздальцы, псковичи, рязанцы, сѣверцы и другіе, будучи всѣ завоеванными, вошли въ московское имя, притомъ, однако, такъ, что даже и теперь еще одинаково охотно признаютъ имя русскихъ. Такъ, нѣкогда Кіевскій, а теперь Московскій митрополитъ еще именуется митрополитомъ Россіи, какъ другими, такъ и Константинопольскимъ патріархомъ, и самъ этотъ титулъ, какъ болѣе значительный и почетный, чѣмъ Московіи, употребляетъ. И сами также Московскіе князья не столько Московъ, сколько всей Россіи господство въ своихъ написаніяхъ, хотя и ложно, себѣ присваиваютъ. Оттуда ясно, что имя Московъ не древнее и что они составляютъ часть Русскихъ и нѣкій единый народъ, не такъ давно измѣнившій свое названіе отъ крѣпости-города, который на громадныя пространства земель отстоитъ отъ древней страны этихъ мосховъ или мосхиновъ"[1]). Въ другомъ своемъ трудѣ „Polonia", въ главѣ „De situ Poloniae et gente Polona", Кромеръ, говоря о входившей въ составъ Польши Красной, т. е. Червоной Руси, отмѣчаетъ: „нѣкогда Подолія и Русь, какъ та, которая нынѣ является частью Польши, такъ и та, которая находится подъ властью литовцевъ и московъ, имѣла своихъ князей, какъ мы это болѣе обстоятельно показали въ исторіи"[2]).

Не менѣе отчетливо мысль объ единствѣ русскаго народа выразилъ Александръ Гванини въ своей книжкѣ „Sarmatiae Europeae Descriptio", написанной въ семидесятыхъ годахъ XVI вѣка. Вся Русь въ его пониманіи едина, но раздѣлена между тремя государствами — Москвою, Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Гванини писалъ[3]): „надъ землями Россіи господствуютъ главнымъ образомъ два государя, а именно, великій князь Московскій, именующій себя повелителемъ цѣлой Руссіи, ибо онъ обладаетъ многими ея княжествами, второй (т. е. государь) — король Польши, который стоитъ также и во главѣ Великаго Княжества Литовскаго, владѣетъ Русскими княжествами, присоединенными къ Литвѣ, а именно Витебскимъ, Кіевскимъ, Мстиславскимъ и т. д."[4]).

---

1) Polonicae Historiae Corporis tomvs II (Basileae, MDXXCII), p. 412.

2) Polonicae Historiae Corpvs, tomvs primvs (Basileae, MDXXCII), p. 79.

3) Ibidem, p. 33.

4) Cp. ibidem, p. 43. Какъ извѣстно, Стрыйковскій обвинялъ Гванини въ изданіи имъ подъ своимъ именемъ похищенной имъ у Стрыйковскаго руко-

Упомянемъ еще литовца по происхожденію своему[1]), Михалона Литвина, признающаго также весь русскій народъ единымъ по своему происхожденію. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ написаннаго на латинскомъ языкѣ сочиненія Михалона Литвина. „Кіевъ“, говоритъ онъ, „былъ прежде столицею Русскихъ и Московскихъ князей. Здѣсь они приняли христіанство. И теперь еще въ Кіевѣ есть церкви, построенныя съ большими издержками изъ мрамора и другихъ иностранныхъ матеріаловъ, съ кровлями свинцовыми, мѣдными, а мѣстами и золочеными. Есть и монастыри очень богатые, особенно монастырь Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ тайникахъ и подземныхъ ходахъ его находятся многія гробницы, въ коихъ лежатъ сухія и неповрежденныя тѣла, пользующіяся, какъ тѣла святыхъ, большимъ уваженіемъ у русскихъ. Кто

писи „Описанія Европейской Сарматіи“ (ср. выше, стр. 20, прим. 2). Но въ этомъ „Описаніи“ можно наблюдать другую манеру изложенія, чѣмъ у Стрыйковскаго, а также въ немъ имѣются личныя замѣчанія и разсказы автора о томъ, что совершалось въ его присутствіи („me praesente“). Въ виду этого намъ представляется возможнымъ говорить лишь о частичныхъ заимствованіяхъ Гванини у Стрыйковскаго, но не о принадлежности перу послѣдняго „Описанія Европейской Сарматіи“ въ полномъ ея текстѣ.

[1]) Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ М. К. Любавскаго, будто бы Михалонъ былъ не кѣмъ-либо другимъ, какъ Михаиломъ Тишкевичемъ, высказаннымъ этимъ заслуженнымъ ученымъ въ его статьѣ, вышедшей въ Москвѣ въ 1929 году „Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI в. трактат „О Нравах татар, литовцев и москвитян“ (Российская Ассоциация Научно-исследовательских Институтов Общественных Наук. Институт Истории. Ученые Записки. Том четвертый. Ранион—1929—Москва. Стр. 49-54). Тишкевичи или Тышковичи были русскимъ и въ то время православнымъ родомъ съ Волыни. Между тѣмъ авторомъ трактата „О нравахъ“ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, затронутый реформаціоннымъ движеніемъ католикъ. Кромѣ того, авторъ трактата, говоря о своемъ народѣ, выдвигаетъ извѣстную легенду объ итальянскомъ происхожденіи литовцевъ. Человѣкъ русскаго происхожденія не могъ говорить объ итальянскомъ происхожденіи своихъ предковъ. Оставляя въ сторонѣ другія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ авторства Михаила Тишкевича, замѣтимъ лишь, что самая не совсѣмъ обычная латинская транскрипція имени, „Michalo“ вмѣсто „Michael“, можетъ указывать не только на русскую форму его „Михайло“, но и на литовскую „Mykolas“. Мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, на которомъ слогѣ въ словѣ „Michalo“ надо ставить удареніе, т. е. на звукѣ „i“ или на звукѣ „a“. Если сдѣлаемъ удареніе на первомъ, имя „Michalo“ окажется ближе къ литовской формѣ; наоборотъ, если сдѣлаемъ удареніе на „a“ получится близость къ русской формѣ „Михайло“.

здѣсь погребается, душа того почитается спасенной, и потому лучшее дворянство, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, ищетъ себѣ здѣсь могилъ за большія деньги. Московскій князь ежегодно собираетъ большую сумму денегъ съ помѣстій этого монастыря, взятыхъ имъ въ свое владѣніе. Но онъ медлитъ возвратить ихъ монастырю, потому что самъ желаетъ этого мѣста, которое ему нравится, и говоритъ, что онъ происходитъ отъ князя Кіевскаго Владимира; не менѣе скорбятъ и подданные его о томъ, что не владѣютъ этой древней столицей своихъ царей и святыни". Разсказывая о Таврической землѣ, Михалонъ пишетъ: „и теперь даже нѣкоторые города, хотя и пришедшіе въ упадокъ, обширностью объема и развалинъ напоминаютъ прежнее величіе, особенно же такъ называвшійся у насъ Сольготъ, у москвитянъ — Крымъ, у грековъ — Θеодосія, да еще древняя столица Корсунь, которая народу русскому дала крещеніе и христіанское имя, а послѣ, разрушенная нашими племенами, доставила имъ богатую добычу". Но, можетъ быть, особенно ясно выступаетъ у Михалона Литвина отождествленіе имъ московскаго и русскаго, какъ единороднаго, въ слѣдующихъ его словахъ о буквахъ-письменахъ. Онъ пишетъ: „мы учимся московскимъ письменамъ, не древнимъ, не имѣющимъ въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русскій языкъ чуждъ намъ, литовцамъ, т. е. итальянцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови"[1]). Конечно, не спеціально-московской письменности учили тогда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Тамъ изучались тогда обще-русскія письмо и письменность, и это то письмо и называетъ Михалонъ Литвинъ московскимъ, сливая и совершенно отождествляя его съ нимъ. Понятія „московскій" и „русскій", въ значеніи обозначенія народности, а не государства, для него совершенно тождественны.

---

1) Michalo Lituanus, De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum, fragmina X. Изданій „Отрывковъ" Михалона было нѣсколько. Мы цитируемъ по изданію въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачовымъ, Книги второй половина вторая (Москва, 1854. Стр. 69, 6 и 42). Въ этомъ изданіи, кромѣ латинскаго текста Михалона, данъ и переводъ его на русскій языкъ, сдѣланный С. Шестаковымъ. Другой русскій переводъ былъ сдѣланъ К. Мельникъ, подъ редакціей В. Б. Антоновича. Онъ напечатанъ въ первомъ выпускѣ Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Руси (Кіевъ, 1890).

Представленіе объ единствѣ всего народа русскаго, во всѣхъ его племенахъ и частяхъ, раздѣленныхъ между тремя различными государствами, не было создано только что отмѣченными нами авторами. Оно перешло къ нимъ отъ Длугоша и Мѣховиты, изъ XV-го и самаго начала XVI-го столѣтій. Это представленіе было передано и въ XVII-е столѣтіе. Такъ, Симонъ Старовольскій, написавшій въ царствованіе Сигизмунда III-го и его сына Владислава IV-го свой трудъ „Polonia", писалъ въ немъ о „Руссіи", что она „раздѣляется на Руссію Бѣлую, которая входитъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, и на Руссію Красную, ближайшимъ образомъ называемую Роксоланіей и принадлежащую Польшѣ. Третья же часть ея, лежащая за Дономъ и истоками Днѣпра, называется древними Руссіей Черной, въ новѣйшее же время она стала называться обыкновенно Московіей, потому что все это государство, какъ оно ни пространно, отъ города и рѣки Москвы именуется Московіей"[1]). И Старовольскій, такимъ образомъ, Русскую Землю считаетъ внутренне и по существу единымъ цѣлымъ; только, раздѣленная на три части между тремя государствами, она лишилась своего объединенія.

Что касается политиковъ, то такимъ именованіемъ въ Речи Посполитой обозначали „авторовъ, которые законы и конституціи польскаго народа скомбиновали и написали книги о государственномъ устройствѣ Речи Посполитой"[2]). Изъ числа этихъ „политиковъ" обратимся къ тому, котораго трудъ еще въ серединѣ XVIII-го столѣтія былъ признанъ не только хорошимъ, но даже превосходнымъ, написаннымъ авторомъ съ превосходною подготовкой, съ критическою мыслью, безъ всякой предвзятости. Мы разумѣемъ Христофора Гарткноха и его

---

1) Simonis Starovolsci Polonia. Nunc denuo recognita et aucta (Wolferbyti, MDCLVI), p. 35.

2) „Politycy albo Autorowie ci, ktorzy statut i konstytucye Narodu Polskiego zkombinowali i księgi napisali o Rządzie Rzeczypospolitey". Такое опредѣленіе даетъ на своей 12-й страницѣ польская рукопись (O. II. № 1), хранившаяся въ бывшей Имп. Публ. Библіотекѣ, озаглавленная: „Prawa i zwyczaie Koronne i W. X. Litewskiego albo terminy prawne i polityczne w historyi, statucie i constitucyach mianowane przy seymach, seymikach, sądach i dyskusach zwyczayne z fundamentu dla łatwości wytłumaczone i dla snadnieyszego zażywania statystow, sędziow i politykow porządkiem liter abiecadła rozłożone. Roku P. 1696".

трудъ „Respublica Polonica, duobus libris illustrata", вышедшій въ 1678 году. Онъ представляетъ собою результатъ изученія его авторомъ почти всей предшествующей литературы по вопросамъ, которыхъ онъ касался. Въ составѣ территоріи соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой Гарткнохъ называетъ двѣ „Руссіи", а именно — Бѣлую и Красную. Къ первой онъ относитъ воеводства Новгородское, Мстиславское, Витебское, Полоцкое, Смоленское, Черниговское, Кіевское; входящими же въ составъ второй считаетъ воеводства Русское (главный городъ — Львовъ), Подольское, Волынское, Белзское и Брацлавское. Изъ этихъ воеводствъ, прибавляетъ Гарткнохъ, воеводства „Брацлавское, Кіевское и Черниговское называются Украиною"[1]). Такимъ образомъ, Гарткнохъ, во-первыхъ, чуждъ какого-либо этнографическаго признака въ опредѣленіи понятія Бѣлой и Красной Руси, ибо воеводства Черниговское и Кіевское онъ относитъ въ составъ Бѣлой Руси, а во-вторыхъ, онъ даетъ опредѣленіе и той территоріи, которая въ его время носила имя „Украины". Этою послѣднею именовалась тогда только область юго-восточнаго пограничья, что совершенно просто и естественно объясняетъ и значеніе этого термина, тогда обычнаго. Въ самомъ дѣлѣ, слово „украинный" означало на русскомъ языкѣ того времени то же, что значитъ въ современномъ русскомъ языкѣ слово „пограничный". Такое значеніе слово „украиный" имѣло и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. „Украиными" замками его назывались одинаково въ XVI столѣтіи и Витебскъ, и Полоцкъ, и Дрисса, и Лепель, и другіе города, находившіеся недалеко отъ границы государства, а въ ихъ числѣ также и Кіевъ съ городами юго-восточной окраины Великаго Княжества Литовскаго, оторванными отъ него въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ[2]). Въ языкѣ Руси Московской слово „украинный"

---

[1]) „VII. Russia Alba, quae Magno Moscoviae Ducatui adjacet habetque Novogrodcensem, Mscislaviensem, Vitepscensem, Polocensem, Smolenscensem, Czernichoviensem, Kioviensem Palatinatus, ex quibus Palatinatibus multa adhuc possidet Magnus Dux Moscoviae durantibus induciis. VIII. Russia Rubra, quo pertinent Russiae, Podoliae, Volhiniae, Belzensis et Braclaviensis Palatinatus. Ex his Braclaviensem, Kioviensem et Czernichoviensem Palatinatus vocant Ukrainam". Respublica Polonica, duobus libris illustrata.... Opera et studio M. Christophori Hartknoch Passenheimensis Prussi (Francofurti et Lipsiae, 1678), p. 147.

[2]) См., напр., Р. Ист. Б., XXX, ст. 10, 641, 748-749.

имѣло то же самое значеніе, и украинами, т. е. окраинами, въ Московскомъ государствѣ назывался цѣлый рядъ его пограничныхъ территорій, гдѣ бы онѣ ни лежали, на западѣ, востокѣ, или югѣ. Еще И. Д. Бѣляевъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія установилъ, что „польскою (отъ слова „поле“) украиною Московскаго государства“ именовались „въ старинныхъ оффиціальныхъ бумагахъ границы Сѣверо-Восточной Руси, сосѣднія при-Волжскимъ, при-Донскимъ, и даже при-Днѣпровскимъ степямъ“[1]).

Итакъ, въ то время, когда писались Литовскіе Статуты, а въ ихъ числѣ и Третій, надо думать, совершенно не задумывались надъ тѣмъ, что представлялъ собою ихъ русскій языкъ въ своихъ языковыхъ особенностяхъ. Это былъ языкъ, употреблявшійся русскимъ населеніемъ Великаго Княжества Литовскаго и уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ принятый въ государствѣ Литвы въ значеніи языка государственнаго. Онъ же былъ и языкомъ письменности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, съ самаго ранняго дошедшаго до насъ ея выявленія въ лицѣ литовскихъ лѣтописей. Лишь въ XVI столѣтіи появляются въ предѣлахъ государства Литвы авторы, писавшие на латинскомъ и польскомъ языкахъ, а съ развитіемъ реформаціоннаго движенія и на литовскомъ, въ произведеніяхъ религіознаго содержанія. Что касается оффиціальнаго дѣлопроизводства, то съ самаго начала его правильной организаціи при Витовтѣ тотъ же русскій языкъ сталъ языкомъ и его. Лишь акты международнаго характера и земскіе привилеи со времени Ягайла, съ ихъ установившеюся формою какъ документовъ, писались на языкѣ латинскомъ. При такомъ значеніи русскаго языка, онъ долженъ былъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ получить свое особое развитіе.

Филологи обычно, выдвигая значеніе языка литературнаго, меньше обращаютъ вниманія на государственное его значеніе. Между тѣмъ послѣднее чрезвычайно важно для развитія языка и для вбиранія имъ въ себя элементовъ различныхъ говоровъ и нарѣчій, существующихъ на территоріи государства. Общій языкъ Франціи, Германіи, Англіи, Россіи и другихъ государствъ

---

[1]) И. Д. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской украйнѣ Московскаго Государства, до царя Алексѣя Михайловича (стр. 5). Чтенія въ Имп. О-вѣ Ист. и Др. Росс., 1846, IV.

вырабатывался не только ихъ писателями, но и ихъ государственными учрежденіями, судьями и самыми различными должностными лицами, осуществлявшими различныя функціи общегосударственной власти въ законодательствѣ, судахъ, канцеляріяхъ, войскѣ, на всемъ протяженіи территоріи государства. Государственное значеніе языка должно быть ставимо рядомъ съ литературнымъ его значеніемъ въ его выработкѣ и превращеніи изъ живого народнаго говора, разномѣстнаго и часто очень несходнаго, въ сильный и развитой государственно-литературный языкъ, постоянно развивающійся и совершенствующійся, питающійся притокомъ различныхъ народныхъ элементовъ, вырабатывающій новые слова и термины теоретической и отвлеченной мысли, душевныхъ эмоцій, права и администраціи, искусства, ремесла и техники, промысла и торговли, и дѣлающій это путемъ переноски или осмысленія соотвѣтствующихъ словъ и выраженій изъ другихъ языковъ или выработки своихъ собственныхъ. То, что обыкновенно называется литературнымъ языкомъ, создается далеко не одною литературною дѣятельностью писателей. Въ его созданіи участвуетъ все, что дается государствомъ въ его значеніи объединенія территоріей и властью всего его населенія, со всѣмъ разнообразіемъ жизненныхъ интересовъ послѣдняго, которые отражаютъ на себѣ государственное единство территоріи, какъ бы ни была она обширна. Государственною властью и государственнымъ языкомъ объединяется населеніе различныхъ нарѣчій и говоровъ, а иногда и различныхъ племенъ. Это нужно помнить, когда мы стараемся уяснить себѣ происхожденіе и характеръ того русскаго языка, на которомъ писались литературныя произведенія, законы и акты Великаго Княжества Литовскаго.

Въ Москвѣ этотъ языкъ въ эпоху Третьяго Литовскаго Статута называли литовскимъ. И для читателя нашего времени такое обозначеніе его можетъ показаться на первый взглядъ достаточно страннымъ, а иногда, въ отдѣльныхъ случаяхъ употребленія такого обозначенія, вызвать улыбку. Такъ, напримѣръ, когда въ 1627 году въ Москвѣ происходилъ разговоръ Лаврентія Зизанія съ княземъ Черкасскимъ по поводу составленнаго Зизаніемъ катихизиса, Черкасскій спросилъ: „по литовскому де языку какъ вы говорите — собра?“ Зизаній на это отвѣтилъ: „тожъ и по литовскому языку — собра“. Черкасскій дальше спросилъ: „а изведе — какъ?“ Отвѣтомъ Зи-

занія было: „и и з в е д е — по нашему“[1]). Такимъ образомъ, слова того языка, который въ Москвѣ называли литовскимъ, въ очень большомъ количествѣ оказывались тѣми же, какъ и въ томъ языкѣ, на которомъ писали и говорили москвичи. Совершенно ясно, что оба языка были русскими. Но они употреблялись въ двухъ различныхъ государствахъ. Развитіе ихъ не въ одномъ, а въ двухъ государствахъ внесло въ нихъ весьма замѣтныя различія. Эти различія создались не только различіемъ развитія жизни въ государствахъ, въ которыхъ выросшій изъ общихъ корней языкъ употреблялся, но и вліяніями на него другихъ языковъ, вторгавшихся въ его естественное обогащеніе новыми словами и выраженіями, создаваемыми для вновь вырабатывавшихся понятій, а также появлявшимися подъ вліяніемъ становившихся все болѣе интенсивными сношеній и упрочивавшихся связей съ народами другихъ языковъ. Вліяніе другихъ языковъ, особенно польскаго, все сильнѣе и сильнѣе съ теченіемъ времени начинало чувствоваться въ томъ русскомъ литературно-государственномъ языкѣ, которымъ писали въ государствѣ Литвы. И въ той же Москвѣ, въ которой называли этотъ языкъ литовскимъ, именовать стали его и польско-русскимъ, и славено-польскимъ[2]).

Итакъ, въ составѣ русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, такъ и въ Москвѣ, еще не выдѣляли особыхъ частей его на основѣ этнографическихъ ихъ различій, и русскій языкъ различался не на основѣ языковыхъ особенностей, а на основѣ употребленія его въ двухъ различныхъ государствахъ, т. е. государствахъ Литвы и Москвы. Начало литературнаго языка въ обоихъ этихъ государствахъ было одно и то же. Старый церковно-славянскій языкъ перевода Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ положилъ начало письменности на Руси. Черезъ посредство русскаго извода этого языка онъ сталъ основою и древняго русскаго литературнаго языка, изъ котораго затѣмъ выработались языки письменности какъ Москвы, такъ и Великаго Кня-

---

[1]) См. статью князя П. П. В я з е м с к а г о въ Отчетѣ о дѣятельности Общества Любителей Древней Письменности за 1877 годъ (стр. I). Самая рукопись, сохранившая этотъ разговоръ, воспроизведена въ XVII-мъ томѣ нумерныхъ изданій того же Общества (Засѣданіе въ Книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу исправленія Катихизиса Лаврентія Зизанія).

[2]) Тамъ же.

жества Литовскаго. Конечно, въ нихъ получились весьма значительныя различія. Эти различія были результатомъ проникновенія въ языкъ письменности особенностей живого народнаго русскаго языка, которымъ говорили въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ государствъ Литвы и Москвы. Но еще больше причиною ихъ было различіе исторической жизни обоихъ государствъ, особенности ихъ культурнаго развитія и связи съ другими народами, различныя для Московскаго государства и для Великаго Княжества Литовскаго.

Московское государство сразу подчиняло собираемыя имъ земли сильной центральной власти и выработало рядъ центральныхъ учрежденій, ихъ вѣдавшихъ (московскіе приказы). Оно слагалось на вотчинной основѣ, которую сѣверо-восточный князь положилъ въ основаніе своего государственнаго строительства, и на основѣ незыблемаго религіознаго единства его самого и народа его вотчины-государства. Эти основы восприняли въ себя наслѣдіе того единства верховной власти, которое создалось для Руси, подпавшей Монгольскому игу, размѣрами мощи ея верховнаго властителя „царя“-хана, и впитали въ себя преданія Византіи и власти ея „царя“-„кесаря“-императора. Великое Княжество Литовское не имѣло ни фундамента слитыхъ въ немъ народныхъ массъ, ни вотчиннаго характера власти монарха и вотчинно-государственной централизаціи, ни религіознаго единства всего населенія, ни тѣхъ внѣшнихъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ выработалась идея Московскаго царства и сложилась власть его царя. Великое Княжество Литовское выработало свой строй изъ той основы, которая была заложена и способомъ его образованія, и строемъ составившихъ его земель, сохранившихъ свои старыя традиціи и устройство послѣ своего присоединенія къ государству Литвы. Ни этнографическаго, ни религіознаго единства Великое Княжество Литовское не имѣло. Вся масса земель его дѣлилась на двѣ части: значительно большую — земли русскія съ православнымъ населеніемъ, и значительно меньшую — земли этнографически литовскія съ населеніемъ католическимъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вкрапленіе въ составъ этого основного населенія государства Литвы татаръ (они были и въ Московскомъ государствѣ) и евреевъ (въ Московскомъ государствѣ ихъ не было). Наличіе вполнѣ опредѣленныхъ и достаточно сильныхъ военнаго класса въ литовскихъ и русскихъ земляхъ,

а въ послѣднихъ и класса торговаго, выработавшагося давно въ торговыхъ центрахъ Руси, естественно создавало почву, при договорномъ способѣ сложенія Великаго Княжества Литовскаго и при соотвѣтствующемъ ходѣ его жизни, для выработки сословій съ ихъ привилегіями, т. е. обычной основы для старыхъ конституціонныхъ монархій. Въ то же время сохраненіе великими князьями Литовскими за отдѣльными землями ихъ старыхъ земскихъ правъ вносило элементъ привилегіи и въ положеніе отдѣльныхъ частей государства въ ихъ государственномъ союзѣ. Такимъ образомъ, привилегія оказалась между верховною властью и государствомъ, и въ его продольномъ, и въ его поперечномъ разрѣзѣ. Выростало государство конституціоннаго типа. Писаный законъ ложился въ основу отношеній и монарха къ „народу", и гражданъ государства другъ къ другу, конечно, послѣднее въ средѣ шляхетскаго „народа" и мѣщанъ Магдебургскаго права главнымъ образомъ. Все это создавало иное политическое и общественное міросозерцаніе, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ, отражаясь выработкою соотвѣтствующихъ понятій, а стало быть, и словъ и оборотовъ для ихъ выраженія. Большее развитіе культуры дѣлало то же. Но понятія и ихъ выраженіе въ словѣ вырабатывались русскимъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго не только изъ его собственной основы. Они весьма нерѣдко заимствовались изъ языковъ народовъ, жившихъ вмѣстѣ съ русскимъ въ государствѣ Литвы или сосѣдившихъ съ нимъ, но находившихся съ нимъ въ болѣе или менѣе частыхъ или даже постоянныхъ сношеніяхъ. Разумѣется тотъ же процессъ усвоенія русскимъ языкомъ словъ другихъ языковъ имѣлъ мѣсто и по отношенію къ русскому языку Московской Руси, но тамъ и общее направленіе развитія жизни, и народы, вносившіе свое вліяніе въ дальнѣйшее формированіе языка, были иными. Такъ развитіе русскаго языка въ обоихъ государствахъ, въ которыхъ онъ получилъ государственно-литературное значеніе, пошло по разнымъ путямъ, и естественнымъ слѣдствіемъ этого оказалось накопленіе въ нихъ все большихъ и большихъ различій, несмотря на то, что основа, изъ которой развивался ихъ государственно-литературный языкъ, была одна и та же.

Если въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ называли его русскій языкъ просто русскимъ, то уже задолго до начала научно-филологическаго изученія его въ новѣйшее время, въ Мо-

сквѣ, какъ мы это видѣли выше, стали именовать его и польско-русскимъ, и славено-польскимъ. Въ обоихъ этихъ именованіяхъ отмѣчается вліяніе польскаго языка на лексическій составъ, морфологію и синтаксисъ русскаго языка государства Литвы. Но во второмъ изъ нихъ, т. е. въ именованіи славено-польскимъ, какъ будто, возможно подмѣчать и сознаніе старой церковно-славянской основы для русскаго литературнаго языка, общей для обоихъ его послѣдующихъ развѣтвленій, а именно московско-русскаго и литовско-русскаго, называя ихъ по государствамъ, въ которыхъ они вылились въ свои окончательныя формы XVI-го и XVII-го столѣтій. Русскій литературный языкъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и въ Москвѣ, развиваясь и обогащаясь новыми словами въ соотвѣтствіи съ ростомъ новыхъ понятій, не разрывалъ со своею старою основою, церковно-славянскимъ языкомъ. Въ немъ уживались и соединялись два языка — мертвый, церковно-славянскій, на которомъ народъ не говорилъ и который застылъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, и живой, русскій, который жилъ въ рѣчи народа и рождалъ непрерывно новые слова и обороты рѣчи для выраженія вновь возникавшихъ понятій или для совершенствованія перестававшихъ уже по тѣмъ или другимъ причинамъ удовлетворять старыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи. Какія бы вліянія на развитіе государственно-литературнаго языка Великаго Княжества Литовскаго ни были, шедшія изъ рѣчи и говоровъ народнаго живого языка русскаго или воздѣйствіемъ на него другихъ языковъ, онъ не разрывалъ со своею старою основою, данною ему церковно-славянскимъ языкомъ. Эта основа оставалась въ обоихъ русскихъ литературныхъ языкахъ, какъ государства Москвы, такъ и государства Литвы. То же было и въ романскихъ языкахъ Западной Европы. Они вылились въ сліяніе мертваго латинскаго языка съ живымъ языкомъ новыхъ народовъ, образовавшихъ свои государства и выработавшихъ свои государственно-литературные языки.

Но судьбы московско-русскаго и литовско-русскаго языковъ оказались различными. Первый, переработавъ всѣ вліянія иностранныхъ языковъ, имѣвшія свое мѣсто въ его развитіи, сталъ языкомъ Россіи, выросшей изъ Московскаго царства, и, не разрывая со своею старою основою, послѣ реформы Ломоносова, Карамзина и Пушкина, вылился въ „могучій“ и „свободный“ языкъ, какъ его характеризовалъ Тургеневъ.

Наоборотъ, литовско-русскій языкъ оказался не въ силахъ, благодаря особенностямъ хода исторіи Великаго Княжества Литовскаго, перемолоть вліяніе другихъ языковъ, которые на него воздѣйствовали, и все болѣе и болѣе утрачивалъ черезъ то свободу своего развитія. Въ концѣ концовъ онъ пересталъ существовать, передавъ значительную часть имъ выработаннаго въ литературно-государственный языкъ Россіи, смѣнившей Московское государство въ ходѣ исторіи русскаго народа. Вмѣсто двухъ русскихъ литературныхъ языковъ, такимъ образомъ, оказался одинъ, вобравшій въ себя и наслѣдіе существовавшаго раньше другого.

Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, какъ мы уже отмѣтили выше, свой государственно-литературный русскій языкъ называли просто русскимъ. Левъ Сапѣга въ своемъ обращеніи къ станамъ, напечатанномъ въ его изданіи Литовскаго Статута, называетъ его для становъ государства Литвы „своимъ власнымъ", т. е. собственнымъ. Но въ литературѣ новѣйшаго времени были предложены различныя обозначенія его, которыя бы ясно указывали на его особый характеръ. Едва ли не первымъ такимъ обозначеніемъ было именованіе его бѣлорусскимъ, которое было предложено уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. Въ 1813 году В. С. Сопиковъ въ своемъ „Опытѣ Россійской Библіографіи" употребилъ названіе бѣлорусскій по отношенію къ нѣкоторымъ книгамъ, напечатаннымъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ на русскомъ языкѣ. Въ 1816 году Линде, подъ вліяніемъ Сопикова, совершенно опредѣленно высказался за это именованіе для языка Третьяго Литовскаго Статута[1]). Въ 1822 году Н. И. Гречъ такъ писалъ о русскомъ языкѣ: „такимъ образомъ существовали у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ три языка: богослужебный, или собственно Славянскій, въ священныхъ книгахъ и сочиненіяхъ Духовенства, Рускій въ употребленіи народа и въ гражданскихъ дѣлахъ и книгахъ, и наконецъ Руській или Бѣлорускій (коимъ понынѣ говоритъ народъ въ Литвѣ и на Волыни), въ сочине-

---

[1]) „Gdy zaś język, którym pisany i drukowany iest Statut Litewski, niczém się nie różni od języka w dziele Zyzaniego pod napisem: Kazanie St. Cyryla O Antychryście, P. Sopikow zaś ten ostatni (obacz Pamięt: Warsz: Ner Majowy na kar: 13) nazywa Biało-Ruskim, ja wsparty takową powagą, nazywam także i język Statutu Litewskiego Biało-Ruskim". O Statucie Litewskim, str. 12-13.

ніяхъ, печатавшихся въ подвластныхъ Польшѣ провинціяхъ, также въ твореніяхъ духовныхъ особъ, образовавшихся въ Кіевѣ, Вильнѣ, Прагѣ и пр. Но различные сіи языки, или лучше сказать нарѣчія, не имѣли опредѣленныхъ между собою предѣловъ, и часто смѣшивались одинъ съ другимъ“[1]). Гречъ, такимъ образомъ, бѣлорусскимъ языкомъ, для котораго онъ употреблялъ и именованіе „руській“, называлъ тотъ литературный языкъ, на которомъ были написаны произведенія писателей, жившихъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Польшѣ, смѣшивая оба эти государства. Онъ полагалъ, кромѣ того, что на этомъ языкѣ говорятъ и въ XIX столѣтіи жители Литвы и Волыни, не раздѣляя живого народнаго языка бѣлоруссовъ и малороссовъ или, какъ стали называть послѣднихъ въ новѣйшее время, украинцевъ. Бѣлорусскимъ языкъ письменности Великаго Княжества Литовскаго именовалъ затѣмъ длинный рядъ авторовъ и русскихъ, и польскихъ. Но для этого языка предлагалось и имя нарѣчія кривичскаго[2]), производимое отъ слова кривичи, названія одного изъ племенъ восточныхъ или русскихъ славянъ, жившаго издавна въ верховьяхъ Волги, Днѣпра и Западной Двины, и вмѣстѣ съ племенами Дреговичей и Радимичей, создавшаго этнографическую стихію позднѣйшихъ бѣлоруссовъ. Имена авторовъ, принимающихъ названіе бѣлорусскаго для языка письменности Великаго Княжества Литовскаго собралъ Е. Ѳ. Карскій въ своихъ трудахъ по изученію бѣлоруссовъ[3]). Самъ Карскій настаиваетъ на правильности именованія этого языка бѣлорусскимъ, хотя одновременно употребляетъ для него и обозначеніе западно-русскимъ. Въ бѣлорусской литературѣ новѣйшаго времени русская письменность Великаго Княжества Литовскаго признана всецѣло бѣлорусской, и все, написанное и напечатанное въ предѣлахъ

---

[1]) Опытъ краткой исторіи руской литературы (Санктпетербургъ, 1822), стр. 50.

[2]) Какъ на примѣръ, можно указать хотя бы на Морачевскаго, который писалъ: „wszystkie trzech statutów oryginały były pisane w języku ruskim a narzeczu krywiczeńskiem“. Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań, 1851), str. 161. Cp. J. Jaroszewicz, Obraz Litwy, cz. II, str. 133.

[3]) Е. Ѳ. Карскій, Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія (Вильна, 1893), стр. 13. Его же, Бѣлоруссы, томъ I (Варшава, 1903), стр. 406 и сл.

этого государства, считается входящимъ въ исторію „беларускай (крыўскай) кнігі“[1]).

Но противъ признанія языка письменности Великаго Княжества Литовскаго бѣлорусскимъ еще въ 1865 году представилъ возраженія Я. Ѳ. Головацкій, которыя мы не считаемъ опровергнутыми до настоящаго времени. Головацкій писалъ: „былъ то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искуственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ, языкъ образовавшійся подъ рѣшительнымъ вліяніемъ польскаго въ судебничествѣ, въ канцелярской письменности и межь учеными тогдашнего времени“. Въ частности, характеризуя языкъ переводовъ Франциска Скорины, Головацкій утверждалъ: „не можно языкъ Скоринина перевода назвати бѣлорусскимъ, ибо розобравъ составъ его съ лексической и грамматической сторонъ, мы находимъ, что основаніемъ его есть церковно-славянскій языкъ съ сильною примѣсью русскою (бѣлорусскихъ и малорусскихъ слсвъ), но сверхъ того есть въ немъ много чешскихъ и польскихъ словъ и оборотовъ“[2]).

Если мы сравнимъ русскій языкъ письменности Великаго Княжества Литовскаго съ современнымъ намъ бѣлорусскимъ, то уже съ перваго взгляда, сразу замѣтимъ, что передъ нами два языка, связь между которыми не поддается установленію. Этого мало. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ къ русскому языку, которымъ писали въ государствѣ Литвы, едва ли не ближе окажется нашъ современный русскій литературный языкъ, чѣмъ языкъ бѣлорусскій. Возьмемъ для примѣра хотя бы одинъ изъ документовъ, изданныхъ Д. И. Довгялломъ въ 1928 году. Вотъ текстъ этого документа: „Пришодъши передъ насъ мещанинъ господаръский Полоцъкий Васко Овъсяникъ и поведилъ намъ: штожъ который онъ листъ господаръский на все место Полоцъкое выправилъ былъ своимъ накладомъ, ижъ тотъ листъ взявши въ него отець Бутаковъ весполокъ з Бутакомъ, и Бутакъ его нетъ ведома где поделъ. А мещане дей присуди-

---

1) В. Ластоўскі, Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926. Ср. также Сборникъ „400-лецьце Беларускага друку“ (У Менску, 1926).

2) Яковъ Ѳ. Головацкій, Нѣсколько словъ о Библіи Скорины и о рукописной русской библіи изъ XVI столѣтія, обрѣтающейся въ библіотецѣ Св. Онуфрія во Львовѣ (Тая статья читана была въ общемъ собраніи литературнаго общества Галицко-русской Матицы). Оттискъ изъ Наук. Сборника за 1865 годъ, в. IV. Стр. 27.

ли ему на немъ такий же листъ за шесть недель выправивши отдати, або ему накладъ его семъ копъ грошей, што онъ былъ выправляючы тотъ листъ наложилъ, заплатити, который же рокъ вжо давно минулъ. — Якожъ онъ и выписъ съ книгъ местъскихъ передъ нами на то указывалъ. И мы, водле суда местъского, Бутаку рокъ ку заплате Васку Овсянику тыхъ семи копъ грошей положили отъ сего дня чотыры недели, то есть по Крещеньи въ перъвую неделю. Писанъ у Полоцку, декабря 13 день“[1]).

Датируетъ Д. И. Довгялло этотъ документъ такъ: „1534 г., сьнежня 13. Полацак“; содержанiе же его передаетъ слѣдующими словами: „Вырак з замацаваньнем пастановы менскага суду і прызначэньне тэрміну на выплату Бутаком сямёх коп грош. Васку Аўсяніку, якія ён выдаў за выпраўленьне ліста гаспадарскага на ўсё места Полацкае“[2]). Если мы переведемъ это обозначенiе содержанiя документа на современный намъ русскiй литературный языкъ, исправляя слово „менскаго“ словомъ „мѣстскiй“, ибо документъ говоритъ именно о мѣстскомъ судѣ, то получимъ слѣдующее: „Постановленiе, съ утвержденiемъ постановленiя мѣстскаго суда, о назначенiи срока на выплату Бутакомъ семи копъ грошей Васку Овсянику, которые онъ заплатилъ за выправленiе господарскаго листа для всего Полоцкаго мѣста“. Думается, что этотъ переводъ по своему языку долженъ быть признанъ не дальше отъ языка подлиннаго документа, чѣмъ бѣлорусская передача его содержанiя, съ которой онъ сдѣланъ. Быть можетъ, читатель даже въ данномъ примѣрѣ признаетъ современный намъ русскiй литературный языкъ и ближе къ языку документа.

Въ числѣ главныхъ особенностей бѣлорусскаго языка, какъ извѣстно, признаются аканье и дзеканье, т. е. превращенiе неударяемаго „о“ въ „а“ и употребленiе мягкаго „дз“ вмѣ-

---

1) Беларускі Архіў, том другі (Менск, 1928), стр. 257 (№ 361). При передачѣ этого текста мы не воспроизводимъ старыхъ славянскихъ буквъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ Д. И. Довгялло въ своемъ изданiи, а также опускаемъ прямыя скобки, обозначающiя въ этомъ изданiи раскрытiе титлъ и возстановленiе аббревiатуръ. Ставимъ мы на концѣ нѣсколькихъ словъ букву „ъ“, опущенную въ нихъ издателемъ, хотя въ другихъ случаяхъ онъ эту букву приставлялъ. Разстановка знаковъ препинанiя нами сохранена такъ, какъ она дана Д. И. Довгялломъ.

2) См. тамъ же, стр. XXXIII.

сто „д“ — напримѣръ, „вада“ вмѣсто „вода“, „дзет“ вмѣсто „дѣдъ“. Этихъ особенностей мы не встрѣтили въ нашемъ документѣ. Въ немъ стоитъ „Овсяникъ“, „отдати“, а не „Авсяникъ“ или „атдати“, „дей“, а не „дзей“, „господарский“, а не „гаспадарский“. Поэтому приходится признать передачу этихъ словъ въ бѣлорусской транскрипціи искажающей не только ихъ графику, но и фонетику („Аўсяніку“, „гаспадарскага“). То же самое выступаетъ въ данномъ примѣрѣ и въ области морфологической. Такъ, родительный падежъ отъ слова „семъ“ (семь) въ оригиналѣ — „семи“; въ бѣлорусскомъ же текстѣ онъ — „сямёх“. То, что мы сейчасъ подмѣтили въ одномъ документѣ какъ говорящее ясно о коренныхъ отличіяхъ русскаго языка письменности Великаго Княжества Литовскаго отъ бѣлорусскаго языка, мы встрѣтимъ рѣшительно въ каждомъ актѣ, въ каждомъ литературномъ произведеніи, въ каждой книгѣ, написанныхъ на этомъ языкѣ.

Но не подобныя ли различія отмѣчаются и при сравненіи живого народнаго великорусскаго языка, въ обѣихъ его группахъ — сѣверно-великорусской и южно-великорусской, съ тѣмъ литературнымъ русскимъ языкомъ, который изъ московскаго государственно-литературнаго языка преобразовался въ современный намъ языкъ литературный русскій? Уже В. И. Даль въ серединѣ прошлаго столѣтія привелъ образцы народныхъ великорусскихъ говоровъ, которые могутъ быть признаны совершенно непонятными человѣку, прекрасно владѣющему литературнымъ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ образцовъ, приведенныхъ въ 1852 году Далемъ. Въ Кириловѣ Новгородской губерніи онъ записалъ: „Шурка, постановь селезнякъ на бабурку, а сама полѣзай на верёхъ (т. е. Сашка, поставь горшокъ на загнетку, а сама полѣзай на чердакъ)“. Въ Калужской губерніи — „Тама-та есть стёжка божоненька, въ лазникѣ-та, а туда не пустять та' ѣ такъ-та, а перёдъ та' ѣ глаза накрыеть, да и паведеть старый дѣдъ.... тамъ, слышь-ты, зляка такая, щё ну!“ и т. д.[1]). Въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка вышелъ уже „Толковый Словарь живого великорусскаго язы-

[1]) В. И. Даль, О нарѣчіяхъ русскаго языка (пятая книжка Вѣстника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1852 годъ). Образцы различныхъ великорусскихъ говоровъ см. подъ заголовками губерній и отдѣльныхъ мѣстностей.

ка“ Даля, и полное нетожество русскаго литературнаго языка съ живымъ народнымъ великорусскимъ выявилось вполнѣ. И въ настоящее время лишь по недоразумѣнію могутъ высказываться сужденія о русскомъ литературномъ языкѣ, какъ о великорусскомъ и выработанномъ одними великороссами изъ своего языка живого. Въ его выработку внесли свою долю участія всѣ части восточныхъ славянъ, какъ славянъ русскихъ. Онъ явился сліяніемъ языка церковно-славянскаго, какъ мы уже отмѣтили выше, т. е. мертваго, съ живымъ народнымъ. Свою лепту въ его выработку внесъ и русскій языкъ письменности Великаго Княжества Литовскаго.

Все это мы считали нужнымъ выяснить, чтобы установить, что русскій языкъ письменности государства Литвы, а стало быть, и языкъ Литовскаго Статута нельзя называть бѣлорусскимъ языкомъ по основаніямъ филологическимъ. Но можетъ быть выдвинуто не филологическое, а исторически-политическое основаніе для такого именованія. Этимъ основаніемъ является то, что Бѣлорусскія земли вмѣстѣ съ землями Литовскими образовали территорію Великаго Княжества Литовскаго, которому въ новѣйшей бѣлорусской литературѣ дается названіе „Літоўска-Беларускага княства“ или „Літоўска-Беларускай дзяржавы“. Однако, при вдумчивомъ отношеніи къ этому основанію его трудно признать достаточно сильнымъ. Въ составъ Великаго Княжества Литовскаго до 1569 года, кромѣ этнографически-литовскихъ, входили не только бѣлорусскія земли, но и малорусскія или украинскія, по новѣйшему ихъ обозначенію. Когда на Люблинскомъ сеймѣ южныя воеводства, вмѣстѣ съ Подляшскимъ, были оторваны къ Польшѣ и вошли въ составъ территоріи Польской Короны, Бѣлоруссія дѣйствительно осталась въ составѣ территоріи государства Литвы[1]). Но создавалось это государство, вырабатывались его общая культура и его государственный языкъ уже до Люблинской Уніи. Сверхъ того, часть Кіевскаго воеводства и послѣ 1569 года осталась при государствѣ Литвы, да и вообще въ южной части этого государства времени послѣ Люблинской Уніи къ населенію бѣлорусскому присоединялось населеніе малорусско-украинское. Самое имя Бѣлоруссіи, внѣ всякаго сомнѣнія, сравнительно поздняго происхожденія. Мы не можемъ признать удач-

---

1) Ср. выше, часть первая, стр. 136.

ною сдѣланную въ недавнее время попытку объясненія названія Бѣлоруссія свободою земель, ее составлявшихъ, отъ податей, наложенныхъ татарами на завоеванныя ими земли Руси. Историкъ, сдѣлавшій такую попытку пишетъ: „въ этотъ періодъ сложенія Литовскаго и Бѣлорусскаго княжествъ для всѣхъ означенныхъ земель[1]) становится извѣстнымъ и именованіе Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ, что означало Русь свободную, неподлежащую платежу податей въ пользу завоевателей („бѣлый“ — означаетъ человѣка свободнаго отъ податей) въ отличіе отъ другихъ частей обширнаго Русскаго племени, обложеннаго татарскими податями“[2]). Но термины „бѣлый“ и „обѣлить“, въ значеніи освобожденія отъ повинностей, неупотребительны въ русскомъ языкѣ письменности Великаго Княжества Литовскаго. Они имѣли примѣненіе въ Московскомъ государствѣ и земляхъ, его образовавшихъ. Поэтому едва ли возможно объяснять происхожденіе слова Бѣлоруссія отъ слова „бѣлый“ въ этомъ значеніи. Мы не имѣемъ возможности на настоящихъ страницахъ входить въ изученіе вопроса о происхожденіи названія Бѣлоруссія. Но мы не можемъ не отмѣтить того производства его, которое дѣлалось въ литературѣ, изъ которой почерпали свои свѣдѣнія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Приведемъ хотя бы объясненіе происхожденія слова Бѣлоруссія, даваемое Старовольскимъ. Онъ утверждаетъ что это названіе произошло отъ бѣлаго цвѣта, наиболѣе распространеннаго въ странѣ. Его предпочитаютъ другимъ цвѣтамъ жители ея. Очень значительную часть года страна покрыта снѣгомъ, бѣла отъ него. Животныя, какъ домашнія, такъ и дикія, по большей части бываютъ бѣлыя, а не другихъ цвѣтовъ[3]). Производство именованія Бѣлоруссія отъ бѣлаго цвѣта было весьма распространено. Это названіе передаютъ раз-

---

[1]) Княженій Смоленскаго, Полоцко-Витебскаго и Турово-Пинскаго.

[2]) Профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій, Основы Государственности Бѣлоруссіи (Гродна, 1919), стр. 3-4.

[3]) „Quae Magno Ducatui Lituaniae adjacet subjacetque, Russia vulgo dicitur Alba; partim quod incolae eum colorem praeferant; partim quod nivibus campi cooperti diutius quam alibi durent, et inspectantibus omnia alba repraesentent, ut etiam in naturam animalium color iste transeat; siquidem ibi et lupos et ursos, lepores, vulpes aliaque tam domestica, quam sylvestria animalia passim alba videre est, quae nihilominus in aliis locis nata alium colorem habere solent“. Polonia, p. 48.

личные путешественники, черезъ нее проѣзжавшіе. Оно употребляется и въ болѣе позднихъ оффиціальныхъ актахъ[1]). Примѣняютъ его и въ Москвѣ, но, какъ пояснялъ I. I. Первольфъ, оно представляетъ собою „названіе чисто географическое", ибо „ближайшая часть Литовской Руси по верхнему Днѣпру и по Березинѣ со второй половины XVI вѣка носила названіе „Бѣлой Руси"[2]).

Однако, каково бы ни было происхожденіе обозначеній „Бѣлоруссія" и „бѣлоруссы", научное изученіе къ настоящему времени уже выяснило и установило особенности ихъ языка, быта, повѣрій и народнаго творчества. Но языкъ бѣлорусскій никогда не былъ языкомъ русской письменности Великаго Княжества Литовскаго. Та литература, которая развивается въ настоящее время въ Бѣлоруссіи, совершенно разорвала съ этимъ языкомъ, поставивъ на его мѣсто языкъ живой народный, который она стремится поднять и развить до степени языка литературнаго, способнаго выражать всѣ сложныя понятія и оттѣнки мысли, во всѣхъ отдѣлахъ литературы и науки, со всею сложностью философской и политической мысли, историческаго и филологическаго изслѣдованія, наукъ натуралистическихъ и техники. То же самое нужно сказать и о попыткахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей украинскихъ называть языкъ Литовскихъ Статутовъ „мовою руською (українською)" и печатное изданіе Третьяго Литовскаго Статута признавать изданіемъ „українськимъ"[3]). Стоитъ внимательно прочесть любую цитату изъ памятниковъ русской письменности Великаго Княжества Литовскаго и стоящій рядомъ съ нею украинскій текстъ, чтобы придти къ заключенію, что языкъ этого памятника гораздо

---

[1]) См., напримѣръ, обращеніе универсала Литовскаго подскарбія Юрія Денгофа отъ 7 января 1747 года: „wszem wobec y każdemu zosóbna komu o tém wiedzieć należy, a mianowicie wszystkim zagranicznym, domowym, intra limites W. X. Lit. handluiącym, tudzież miasta Szkłowa, Mohilewa y innych miast pogranicznych białoruskich kupcom wiadomo czynię". А., изд. Вил. Арх. К., VII, стр. 167.

[2]) Іосифъ Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ III. Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка. Часть II. Славяне западные и восточные въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ (Варшава, 1893). Стр. 161.

[3]) Проф. Ростислав Лащенко, Литовський Статут, яко памятник українського права (Прага, 1923), стр. 8 и 10. Ср. стр. 7, 10, 13 и сл.

ближе къ нашему современному русскому литературному языку, чѣмъ къ украинскому. Вотъ хотя бы одинъ примѣръ. Говоря о Симонѣ Будномъ, авторъ пишетъ: „в 1562 р. він випускає з новозаложеної несвижської друкарні книжечку „О оправданіи грѣшнаго человѣка передъ Богомъ“, письмом дуже подібним до Скорининого, за яким іде він і в своїх передмовах.....“ [1]).

Кромѣ именованія бѣлорусскимъ (съ первыхъ десятилѣтій прошлаго столѣтія) и украинскимъ (въ самое послѣднее время) для русскаго языка письменности Великаго Княжества Литовскаго предлагались и другія названія, а именно польско-русскій, руській, западно-русскій, малорусскій, древне-русскій, древне-западно-русскій, просто русскій и литовско-русскій [2]). Основаніемъ для перваго изъ этихъ именованій было, конечно, прежде всего обиліе полонизмовъ въ болѣе позднее время развитія этого языка. Но въ появленіи именованія его польско-русскимъ отразилось и обычное обозначеніе въ первой половинѣ XIX столѣтія земель Великаго Княжества Литовскаго, присоединенныхъ къ Россійской Имперіи по раздѣламъ Речи Посполитой, „губерніями, отъ Польши присоединенными“. Именованія „польско-русскій“ держался даже такой выдающійся ученый, какимъ былъ А. Х. Востоковъ. Такъ, описывая одну изъ рукописей Евангелія XVI столѣтія, Востоковъ отмѣчалъ: „послѣ предисловія къ Ев. отъ Марка оставлено было пять страницъ бѣлыхъ, на которыхъ вписалъ позднѣйшій хозяинъ рукописи [3]), Іерей Симеонъ Ивановичь, Бѣлорусскимъ скорописнымъ почеркомъ и діалектомъ Бѣлорусскимъ или Польскорусскимъ свои разныя замѣчанія“ [4]). Вліяніе на Востокова общераспростра-

---

[1]) Мих. Грушевський, Культурно-національний рух на Украіні в XVI-XVII віці (Київ-Львів, 1912), стр. 54-56. Общее впечатлѣніе даннаго мѣста книжки М. С. Грушевскаго останется тѣмъ же, если даже примемъ въ расчетъ нѣкоторую неточность передачи имъ текста заглавія книжки Буднаго. Въ описаніи этой книжки В. Ластовскимъ оно передано такъ: „О оправдании грѣшного человѣка предъ Богомъ“ (Гісторыя Бел. кнігі, стр. 387).

[2]) Указанія на ученыхъ, этихъ именованій державшихся, — Е. Ѳ. Карскій, Бѣлоруссы, т. I, стр. 406-422 и Р. Лащенко, Відповідь на зауваження рецензентів на нарис про Литовський Статут (Праці Ком. для виуч. іст. зах.-р. та вкр. права, вип. III), стр. 413.

[3]) У Востокова сокращеніе: „рпси“.

[4]) Описаніе Русскихъ и Словенскихъ Рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное Александромъ Востоковымъ (Санктпетербургъ, 1842), стр. 193 (№ CXXXVI).

неннаго въ его время обозначенія старыхъ земель Великаго Княжества Литовскаго, только что отмѣченнаго нами, иногда очень ясно сказывается. При описаніи сокращеннаго перевода Церковныхъ Лѣтописей Баронія, напримѣръ, Востоковъ говоритъ: „судя по языку, переводчикъ долженъ быть Бѣлорусинъ, или другихъ какихъ либо Польскихъ областей уроженецъ"[1]). Быть можетъ, въ этомъ выраженіи „польско-русскій" отразились и тѣ представленія о близости языка бѣлоруссовъ къ польскому, которыя тогда высказывались въ польской литературѣ[2]).

Что касается обозначенія „руській", то его, какъ мы видѣли уже, еще въ началѣ прошлаго столѣтія предлагалъ Гречъ. Въ новѣйшее время его пытаются понимать въ значеніи украинскаго, неосновательность чего мы старались показать выше. Переходя къ именованію языка русской письменности Великаго Княжества Литовскаго просто русскимъ, то, единственно употреблявшееся въ этомъ государствѣ во время его существованія, оно было принято и въ польской литературѣ, съ самаго начала изученія ею Литовскихъ Статутовъ. Чацкій на рубежѣ XVIII-го и XIX-го столѣтій, называлъ языкъ Статутовъ русскимъ варварскаго діалекта[3]). Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка Францишекъ Сярчинскій, говоря объ обозначеніи этого языка учеными какъ бѣлорусскаго, спрашивалъ: „не довольно ли его называть просто русскимъ?... Небольшія различія въ рѣчи, которыя имѣютъ русскіе въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не мѣняютъ сущности рѣчи; вездѣ она, какъ говоритъ Шлецеръ, русская. Языкъ польскій, какъ на немъ го-

---

[1]) Тамъ же, стр. 19 (№ XVI). Случаи употребленія Востоковымъ выраженія „польско-русскій" въ его Описаніи отмѣчены въ указателѣ къ нему подъ словами „Польскорусскій языкъ".

[2]) Ср. А. Н. Пыпинъ, Исторія Русской Этнографіи, томъ IV (С.-Петербургъ, 1892), стр. 42-43 и др. Въ новѣйшее время это представленіе повторилъ г. Якубовскій — Jan Jakubowski, Studya nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed Unią Lubelską (Warszawa, 1912). Онъ считаетъ возможнымъ литовско-русскій языкъ называть „polsko-białoruskim" (str. 14).

[3]) „W jakim języku były statuta litewskie pisane, dla czego język ruski barbarzyńskiego dyalektu ma w tym statucie nazwisko, i dowód, że w takim stanie, jakim był wówczas język ruski, niemógł się w Litwie utrzymać". Цитируемъ по изданію гр. Рачинскаго — Dzieła Tadeusza Czackiego, tom I, str. 64-75.

ворятъ въ Великой и Малой Польшѣ, въ Мазовіи, Подгужѣ и Пруссіи, имѣетъ различія; несмотря на это, никто не установляетъ въ письменности особыхъ языковъ великопольскаго, малопольскаго, мазовецкаго и т. д."[1]). Адамъ Повстанскій въ 1829 году языкъ Литовскаго Статута опредѣлялъ какъ русскій въ томъ его видѣ, въ которомъ на немъ говорили въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[2]).

Изученіе Литовскаго Статута въ польской литературѣ было начато раньше, чѣмъ въ литературѣ русской. Когда русскіе ученые обратились къ изученію его, опредѣленіе языка этого кодекса какъ русскаго уже имѣлось въ польской литературѣ, а Сярчинскій даже выдвигалъ единство русскаго языка во всѣхъ частяхъ русскихъ славянъ, жили ли они раньше въ предѣлахъ государствъ Москвы, Литвы, или Польши. Но, конечно, русскіе ученые не могли не отмѣчать и языковыя отличія русской письменности Великаго Княжества Литовскаго вообще и Ста-

---

[1]) „Ten język P. Sopików językiem białoruskim nazywa, a jednego z nim zdania P. Linde, ten język, którym pisany był Statut lit. białoruskim być mniema. Dla czego? Niezaprzeczam bynajmniej, aby język ruski, którego Ruś polska i litewska w pismach i mowach swoich używała i dotąd używa, nie był różny wcale od rossyjskiego i grecko-cerkiewnego. Lecz czyliż nie dosyć, aby ruskim tylko był zwany? Czyli Ruś niegdyś Polska naddnieprska, Ruś czerwona, Wołyń, Ruś dolna czyli Podole, Ukraina itd., a któréj Ruś biała małą tylko jest częścią, inny od niéj język miała? Małe odmiany w mowie, jakie Rusini w czerwonej, białej, czarnej, małej i wielkiej Rusi używają, nie odmieniają własności mowy; jest ona, jak mówi Schlözer, wszędzie Ruską. Język polski, jak w wielkiej i małéj Polsce, w Mazowszu, Podgórzu i Prusach jest mówiony, odmianom podlega, przecież nikt w piśmie języka wielkopolskiego, małopolskiego, mazowieckiego itd. różnicy nie czyni". Цитируемъ по второму изданію — Obraz wieku panowania Zygmunta III, Króla polskiego i szwedzkiego, czyli obraz stanu, narodu i kraju wystawiający: Religią, obyczaje, nauki, prawa i prawodawstwo, swobody szlachty, obieralność królów, swawolę możnowładców, czyny duchowieństwa, stan wojska, handlu, rolnictwa, rzemiosł; pobory, monetę; ludzi znamienitych w obywatelstwie i rycerstwie, w naukach i sztukach, związki z państwami obcemi; przymioty i dzieje osobiste króla i jego rodziny, zgoła wszystko, co do dokładnego obrazu wieku tego należy. Przez X. Franciszka Siarczyńskiego. Tom I (Poznań, 1843). Str. 198-199 (nota).

[2]) „Język jego w układzie trzecim ruski, jest tenże, jakim mówili po rusku Litwini i w jakim były ułożone Statuta, drugi za Zygmunta Augusta i pierwszy za Zygmunta Starego". Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego (Wilno, 1829), str. 5.

тута въ частности. Когда И. Д. Бѣляевъ въ 1854 году издавалъ Третій Литовскій Статутъ въ XIX-й книгѣ Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, онъ въ предисловіи къ этому изданію писалъ: „Редакція Временника, принимая во вниманіе историческое и филологическое значеніе статута Литовскаго, какъ памятника того языка, на которомъ писали въ Западной Руси въ XVI столѣтіи, при настоящемъ изданіи старалась передать его по возможности со всею точностію, нисколько не отступая отъ Мамоничевскаго изданія"[1]). Именованіе языка русской письменности Великаго Княжества Литовскаго и его Статутовъ русскимъ утверждалось въ русской литературѣ[2]). Въ 1867 году въ русской литературѣ появилось опредѣленіе языка русской письменности Великаго Княжества Литовскаго, которое въ сущности очень близко подходитъ къ тому, что писалъ объ этомъ языкѣ сорока годами раньше Сярчинскій. Чарнецкій писалъ, что, несмотря на именованіе его различными авторами кривичанскимъ нарѣчіемъ русскаго языка, бѣлорусскимъ языкомъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ русскаго языка, простонароднымъ литовско-русскимъ нарѣчіемъ и литовско-русскимъ народнымъ нарѣчіемъ, „всѣ, однако, сходятся въ общемъ названіи этого языка языкомъ русскимъ и только различно называютъ нарѣчіе его, говоръ". Указавъ, что „со времени Гедимина русскій языкъ и русская письменность становятся господствующими въ Литвѣ", Чарнецкій говоритъ, что въ ней „этотъ языкъ называется естественнымъ его названіемъ, т. е. языкомъ русскимъ, не придумывая для него никакого другого названія, въ чемъ не представлялось тогда никакой надобности. Съ того времени, около четырехъ столѣтій этотъ языкъ считался роднымъ языкомъ не только въ чисто русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ вел. кн. Литовскаго, но и во всемъ литовскомъ государствѣ". Приведя рядъ указаній источниковъ на это значеніе русскаго языка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, Чарнецкій писалъ: „На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы сохраняемъ прежнее названіе языка Статута и называемъ этотъ языкъ

---

1) Предисловіе, стр. 1-2.

2) Изъ ряда авторовъ отмѣтимъ хотя бы Н. Г. Устрялова. См. вторую часть его Русской Исторіи (цитируемъ по изданію 1837 года), стр. 106-107.

языкомъ р у с с к и м ъ, не прибавляя къ сему названію никакого другого эпитета. Для отличія же отъ нынѣшняго русскаго языка, съ которымъ онъ во многомъ различается, можно, пожалуй, назвать языкъ Статута д р е в н е-р у с с к и м ъ и даже д р е в н е-з а п а д н о-р у с с к и м ъ; но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что до XVI стол. древне-западно-русскій языкъ въ оффиціальныхъ актахъ имѣетъ большое сходство съ современнымъ ему древне-восточно-русскимъ языкомъ, и только съ XVI стол. русскій языкъ въ литовскомъ государствѣ начинаетъ заимствовать изъ польскаго и другихъ языковъ нѣкоторыя слова и грамматическія формы, хотя всегда сохранялъ болѣе сходства съ восточно-русскимъ, нежели съ какимъ бы то ни было другимъ славянскимъ языкомъ"[1]).

Русскій языкъ письменности Великаго Княжества Литовскаго, а стало быть, и Литовскаго Статута, однако, имѣетъ совершенно ясныя отличія отъ языка письменности Московскаго государства. Отсюда возникаетъ необходимость такъ или иначе это отмѣтить и въ его обозначеніи. Называть его западнорусскимъ намъ не представляется удобнымъ, ибо имъ пользовалась не только Западная Русь, но и Южная, и Литва. Въ виду этого, мы считали бы всего естественнѣе обозначать его какъ русскій языкъ того государства, въ которомъ онъ выработался, т. е. литовско-русскимъ. Это именованіе вводилъ уже въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія ученый и вдумчивый П. И. Кеппенъ[2]). Его примѣру слѣдовалъ и рядъ другихъ ученыхъ[3]). Е. Ѳ. Карскій, думаемъ мы, напрасно вооружался противъ такого именованія и писалъ: „такое названіе, конечно, не можетъ считаться удовлетворительнымъ, такъ какъ съ понятіемъ литовскаго языка у насъ соединяется совершенно другое пред-

---

[1]) Исторія Литовскаго Статута, съ объясненіемъ особенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ обозрѣніемъ законодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ западной Россіи до изданія Статута. Сочиненіе студента Ч а р н е ц к а г о, написанное на заданную юридическимъ факультетомъ тему и удостоенное золотой медали. Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1867 годъ, № 1, стр. 14-17.

[2]) Матеріалы для ист. просв. въ Россіи. № II (С.-Петербургъ, 1826), стр. 298.

[3]) См. Е. Ѳ. К а р с к і й, Бѣлоруссы, т. I, стр. 406 и сл. И. Н. Даниловичъ называлъ языкъ Третьяго Литовскаго Статута „испорченнымъ Русско-Литовскимъ нарѣчіемъ" (Юридическія Записки, изд. П. Рѣдкинымъ, т. I, стр. 30).

ставленіе: можно бы подумать, что бѣлорусскій языкъ воспринялъ элементы литовскаго языка, чего съ нимъ въ дѣйствительности не произошло"[1]). Въ этихъ словахъ передъ нами то пониманіе филологомъ языка письменности какъ языка исключительно литературнаго съ упущеніемъ его значенія какъ государственнаго, о которомъ мы говорили выше. Но, настаивая на значеніи для выработки языка его дѣйствія какъ государственнаго, мы не можемъ въ данномъ случаѣ согласиться съ доводами Е. Ѳ. Карскаго. Мы полагаемъ, что именно названіе литовско-русскимъ является наиболѣе подходящимъ для именованія языка русской письменности Великаго Княжества Литовскаго. При такомъ именованіи этотъ языкъ не смѣшивается съ бѣлорусскимъ, основы котораго совсѣмъ иныя, ибо онъ представляетъ собою живой народный языкъ, а не литературно-государственный, развивавшійся изъ языка старой обще-русской письменности. При такомъ именованіи въ его обозначеніи не будетъ заслоняться одною только Бѣлоруссіей его значеніе языка письменности и для Малороссіи-Украины, ибо на немъ писали въ ней также. Этотъ языкъ выработался въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ времени до оторванія отъ него Кіевщины, Волыни и Подолья къ Польшѣ въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ сохранялся въ нихъ и послѣ ихъ перехода въ составъ Польши. Онъ былъ языкомъ русской письменности Великаго Княжества Литовскаго въ полномъ составѣ его государственной территоріи до ея расчлененія въ 1569 году. Онъ имъ и остался для всѣхъ его старыхъ земель, несмотря на совершившееся расчлененіе. Въ виду всего этого, мы признаемъ именованіе его литовско-русскимъ языкомъ наиболѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ его дѣйствительному происхожденію и распространенію.

Чацкому этотъ языкъ представлялся варварскимъ, не имѣющимъ никакихъ правилъ и грамматики. „W ruskim języku", писалъ онъ, „do naszego wieku, nie było gramatyki, nie było zatem prawideł języka"[2]). Но Чацкій не зналъ, что уже въ XVI столѣтіи эти грамматики существовали въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, напечатанныя въ его столицѣ. Въ 1586 го-

---

[1]) Цитируемъ по работѣ Карскаго „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія" (Вильна, 1893), стр. 12.

[2]) Dzieła Tadeusza Czackiego, t. I, str. 66.

ду, „за прозбою жителей столицы Великаго Князства Литовъскаго, града Вильни", была напечатана въ Мамоничской типографіи „Кграматыка словеньска языка"[1]). Въ 1596 году, въ Вильнѣ же, но уже „въ друкарни Братской" были напечатаны составленныя Лаврентіемъ Зизаніемъ „Наука ку читаню и розумѣню писма словенского" и „Грамматіка Словенска съверъшенънаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ". Имъ же тогда же былъ выпущенъ и „Лексисъ", т. е. словарь славянскихъ словъ, „на простый рускій діялектъ истолкованый"[2]). Конечно, грамматики, изданныя въ Вильнѣ въ 1586 и 1596 годахъ, были грамматиками церковно-славянскаго языка, но къ нимъ не могли не обращаться за руководствомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и тѣ, кто, по выраженію Тяпинскаго, писали своимъ „власнымъ езыкомъ рускимъ"[3]), ибо въ основу его, какъ языка письменности, легъ именно этотъ языкъ во всѣхъ частяхъ Руси.

Нельзя согласиться съ тѣми, кто утверждалъ, будто языкомъ русской письменности Великаго Княжества Литовскаго „никто никогда не говорилъ"[4]). То, что это не такъ, доказывается частными письмами, которыя въ достаточномъ количествѣ дошли до насъ отъ времени употребленія этого языка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Правы, безъ сомнѣнія, тѣ изслѣдователи, которые признаютъ этотъ языкъ языкомъ интеллигенціи Великаго Княжества Литовскаго, на которомъ она и говорила, и писала[5]). Совершенно естественно, что этотъ языкъ не былъ тождественнымъ съ языкомъ народныхъ массъ, какъ то бываетъ обычно. Конечно, онъ имѣлъ свои недостатки. Но онъ былъ дорогъ тѣмъ, кто его считали своимъ „власнымъ" и отъ него еще не отошли, замѣняя его польскимъ, какъ то становилось все болѣе и болѣе частымъ съ XVII-го, а можетъ быть, и съ конца XVI-го столѣтія. Надобно думать, что, еслибы литовско-русскій языкъ существовалъ въ жизни

---

[1]) И. Каратаевъ, Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, томъ первый, стр. 232-233.

[2]) Цитируемъ по экземплярамъ б. И. Публ. Библіотеки — I. 7. №№ 12 и 11а.

[3]) Ср. В. Ластоўскї, op. cit., стр. 411.

[4]) Я. Ѳ. Головацкій, Нѣсколько словъ о Библіи Скорины, стр. 27.

[5]) Ср., напр., В. Ластоўскї, op. cit., стр. 416.

еще и въ настоящее время, у него нашлись бы также и свои достаточно горячіе защитники его качествъ.

Кромѣ вліянія на литовско-русскій языкъ польскаго, которое было признано уже очень давно, притомъ настолько, что этотъ языкъ даже нѣкоторые именовали польско-русскимъ, въ болѣе новое время было установлено изслѣдованіемъ вліяніе и нѣкоторыхъ другихъ языковъ. Въ чешской литературѣ Гермегилдъ Иречекъ въ 1880 году, издавая Первый Литовскій Статутъ, утверждалъ, что этотъ кодексъ былъ писанъ или жившимъ въ Литвѣ чехомъ, или литовцемъ, владѣющимъ чешскимъ языкомъ. Иречекъ писалъ, что для всякаго, знакомаго съ чешскимъ языкомъ памятниковъ права XV столѣтія, не можетъ быть сомнѣнія въ написаніи Статута человѣкомъ, владѣющимъ чешскимъ юридическимъ языкомъ[1]). Въ 1888 году Я. Ѳ. Головацкій считалъ возможнымъ предполагать, „что первые документы XIV столѣтія Червоной и Литовской Руси, какъ и позднѣйшіе польскіе, писаны по образцу (арингѣ) чешскихъ грамотъ, такъ какъ въ Чехіи уже съ XIV столѣтія писались грамоты на родномъ языкѣ. Достаточно сравнить нѣсколько чешскихъ грамотъ съ XIV стол. съ современными грамотами юго-западной Руси, чтобы вполнѣ убѣдиться въ возможности такого предположенія“[2]). Въ томъ же 1888 году, когда это писалъ Я. Ѳ. Головацкій, вышло изслѣдованіе П. В. Владимірова „Докторъ Франціскъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ“. Установивъ „два крупныхъ литературныхъ вліянія на труды Скорины: церковно-славянское и чешское“, авторъ по отношенію къ языку Скорины указывалъ, что вліяніе чешское на языкъ его трудовъ выразилось „преимущественно со стороны лексической и синтаксической“[3]). Отмѣтилъ Вла-

---

[1]) „Čechům Litevský Statut nad jiné jest zajímavý, jelikož jest nad pochybnost zjevno, že psán jest od Čecha na Litvě bydlivšího, anebo od Litvana v češtině toho času vyučeného. Mělo se posud za to, že Statut psán jest nářečím maloruským, ale kdo zná právnickou řeč českou XV. století, ani za okamžení nebude na rozpacích, že Statut psán od muže v českém právním slohu vycvičeného“. Svod Zákonův Slovanských, spořádal Dr Hermenegild Jireček (Praha, 1880), str. XII.

[2]) Яковъ Головацкій, Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія (Вильна, 1888), стр. 41-42.

[3]) Стр. 247-248.

димiровъ чехизмы въ звукахъ и формахъ языка Скорины, какъ указалъ и на рядъ чешскихъ выраженiй, въ немъ встрѣчающихся[1]). Наблюденiя, сдѣланныя П. В. Владимiровымъ надъ языкомъ Скорины по отношенiю къ чешскому на него влiянiю, тѣмъ естественнѣе, что Скорина жилъ въ Прагѣ, въ ней началъ печатать и, переводя Библiю на литовско-русскiй языкъ, пользовался чешскою Библiею 1506 года. Наблюденiя Владимiрова надъ языкомъ Скорины и его выводы изъ нихъ не могутъ быть игнорированы. Прибавимъ, что такой строгiй рецензентъ, какимъ былъ А. И. Соболевскiй, въ своей рецензiи его изслѣдованiя не нашелъ возраженiй противъ его утвержденiй о влiянiи чешскаго языка на литовско-русскiй языкъ Скорины[2]). Наоборотъ, Соболевскiй самъ въ ней говорилъ о „многочисленныхъ чехизмахъ“ въ этомъ языкѣ[3]).

А между тѣмъ изданiя Франциска Скорины имѣли достаточно широкое распространенiе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Ихъ читатели воспринимали и влiянiе ихъ языка, а стало быть, и то, что внесъ въ него языкъ чешскiй. Что же касается мыслей Головацкаго о проникновенiи влiянiя чешскаго языка въ актовый литовско-русскiй языкъ, то и ихъ игнорировать едва ли возможно. Чеховъ, переселившихся въ государство Литвы было немало. Источники знаютъ не только драбовъ, но и господарскихъ дворянъ изъ чеховъ[4]). Встрѣчаются указанiя и на службу чеховъ у влiятельныхъ по своему положенiю лицъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Такъ, литовско-русскiе акты 1516 года знаютъ, напримѣръ, „чеха, на имя Ярослава, который мешкалъ при владыце его милости для некоторыхъ справъ“[5]). Рѣчь въ документѣ идетъ о владыкѣ Владимiрскомъ и Берестейскомъ Пафнутiи, при которомъ на службѣ находился этотъ чехъ, вѣроятнѣе всего, для исполненiя обязанностей канцелярскихъ и дѣлопроизводительскихъ. Какъ бы то ни было, но не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что знакомство съ чешскимъ языкомъ очень много облегчаетъ выяс-

---

[1]) Стр. 296-298.

[2]) Журналъ Мин. Нар. Пр., 1888, X, стр. 321-332.

[3]) Стр. 328.

[4]) Напримѣръ, чехъ Ведславъ — драбъ 1516 г., дворянинъ господарскiй чехъ Стрѣла 1514 г. Русск. Ист. Б., XX, ст. 260 и 114. Ср. выше, часть первая, стр. 110-111.

[5]) Р. Ист. Б., XX, ст. 298.

неніе значенія ряда словъ и выраженій литовско-русскихъ актовъ и Литовскихъ Статутовъ, которыя бываетъ нерѣдко нелегко понять сразу. Въ виду всего этого, мы не считали бы возможнымъ согласиться съ тѣми учеными, которые самымъ категорическимъ образомъ отрицаютъ вліяніе языка чешскаго на литовско-русскій[1]).

Отмѣчено было въ литературѣ вліяніе на лексическій составъ литовско-русскаго языка и языковъ нѣмецкаго[2]) и латышскаго[3]). П. В. Владиміровъ, изучая литовско-русскій языкъ Скорины и отмѣтивъ въ немъ наличность нѣмецкихъ словъ, писалъ, что „еще болѣе замѣчательны въ отношеніи" къ этому языку „слова литовскія, встрѣчающіяся въ переводѣ библейскихъ книгъ Скорины"[4]). Е. Ѳ. Карскій, основываясь на изслѣдованіяхъ Э. А. Вольтера, призналъ наличность литовскихъ словъ „въ западно-русскихъ юридическихъ памятникахъ", объясняя появленіе ихъ и словъ латышскихъ „добрососѣдскою жизнью". Если такое объясненіе можетъ быть принято по отношенію къ языку бѣлорусскому, то по отношенію къ литовско-русскому языку его необходимо дополнить указаніемъ на то, что нѣкоторыя литовскія слова должны были утвердиться въ немъ въ силу принадлежности представителей центральной власти въ старомъ государствѣ Литвы къ литовской національности. Такія, напримѣръ, слова, какъ дякло или мезлева, которыя только и могутъ быть выведены изъ литовскаго языка и которыя обозначаютъ виды натуральныхъ податей, налагавшихся на земледѣльческое населеніе великокняжескихъ доменовъ, появились въ литовско-русскомъ языкѣ не въ силу „добрососѣдской жизни", а потому, что обозначаемыя ими подати были введены властью великаго князя Литовскаго.

Болѣе пристальное изученіе лексическаго состава литовско-русскаго языка обнаруживаетъ и вліяніе языковъ нѣмецкакого и латинскаго. Но въ XVI столѣтіи, особенно со второй половины этого вѣка, внѣ всякаго сомнѣнія, изъ иноязычныхъ

---

1) Ср. І. І. Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. III, ч. II, стр. 160-161 (прим. 1) и стр. 189 (прим. 1).

2) П. В. Владиміровъ, op. cit., стр. 299.

3) Е. Ѳ. Карскій, op. cit., стр. 125.

4) Op. cit., стр. 300. Перечень литовскихъ словъ въ литовско-русскомъ языкѣ см. у Карскаго, op. cit., стр. 125-126.

вліяній на литовско-русскій языкъ наиболѣе сильнымъ становится вліяніе языка польскаго. Говоря о вліяніи польскаго языка на „литературную рѣчь стараго западнорусскаго языка“, Е. Ѳ. Карскій писалъ: „тутъ полонизмовъ во всѣхъ областяхъ масса, особенно много ихъ въ словарѣ. Дѣло иногда доходитъ до того, что польская рѣчь только переписывается русскими буквами; и такая русская рѣчь легко можетъ быть переложена на польскую. Даже въ такихъ переводахъ, какъ псалтыри, текстъ которыхъ былъ болѣе или менѣе извѣстенъ народу по-церковнославянски, встрѣчается порядочно полонизмовъ...... Впрочемъ массы полонизмовъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ неудачныхъ переводахъ; въ сочиненіяхъ самостоятельныхъ и особенно въ грамотахъ, актахъ, судныхъ книгахъ число полонизмовъ не особенно велико“[1]). Сколько мы могли подмѣтить, вліяніе польскаго языка на литовско-русскій актовъ, писемъ и произведеній, писавшихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, становится очень сильнымъ послѣ Люблинской Уніи. Постоянныя сношенія обывателей государства Литвы съ обывателями Польской Короны развились именно послѣ установленія Польско-Литовской федераціи. Знакомство съ польскимъ языкомъ оффиціальныхъ актовъ развилось у обывателей Великаго Княжества Литовскаго особенно со времени возникшихъ, благодаря Уніи, „спольныхъ“ сеймовъ, языкомъ дѣлопроизводства и сеймовыхъ преній которыхъ былъ языкъ польскій. Длительныя пребыванія Литовскихъ должностныхъ лицъ въ Польшѣ при монархѣ, — а съ ними всегда бывалъ длинный рядъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ и слугъ-шляхтичей, — также способствовали усвоенію ими польскаго языка. Магнаты Великаго Княжества Литовскаго даже строили для себя „палацы“ въ Варшавѣ, чтобы съ удобствомъ въ ней жить во время своихъ въ нее поѣздокъ. Брачныя связи представителей панскихъ фамилій государства Литвы съ соотвѣтствующими польскими родами дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Польскій языкъ становился привычнымъ и для массъ служившей Литовскимъ панамъ шляхты, толпившейся на ихъ дворахъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и въ Варшавѣ. Можно бы еще достаточно много прибавить ко всему этому установленію путей, которыми распространялся польскій языкъ среди обывателей

---

[1]) Е. Ѳ. Карскій, op. cit., стр. 168.

Великаго Княжества Литовскаго. Но какъ бы онъ ни распространялся, онъ внѣдрялся и въ литовско-русскій языкъ, который государство Литвы признавало своимъ государственнымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ немъ появлялось полонизмовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ сближался съ польскимъ. Постепенная смѣна его польскимъ въ актахъ и дѣлопроизводствѣ судовъ и урядовъ Великаго Княжества Литовскаго на протяженіи XVII столѣтія является фактомъ неоспоримымъ. Конечно, этотъ польскій языкъ далеко не былъ чистымъ. Получалась смѣсь изъ литовско-русскаго и польскаго языковъ, но во всякомъ случаѣ первый изъ нихъ очень замѣтно вырождался и утрачивалъ свой прежній характеръ. Начало такого вырожденія очень замѣтно уже въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Если мы сравнимъ настоящій литовско-русскій языкъ писемъ Филона Кмиты, не разъ нами цитированныхъ выше и относящихся къ семидесятымъ годамъ этого столѣтія[1]), съ языкомъ Льва Сапѣги въ его произведеніяхъ, напечатанныхъ при первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года, то очень легко замѣтимъ ихъ значительное различіе. Произведенія Сапѣги, о которыхъ мы говоримъ, написаны на такомъ литовско-русскомъ языкѣ, который уже очень сближается съ польскимъ. Но онъ далеко не тотъ, которымъ написанъ самъ Статутъ. Въ новѣйшей литературѣ имѣется представленіе, будто для перевода Третьяго Литовскаго Статута съ литовско-русскаго на польскій языкъ было достаточно лишь нѣсколько измѣнить звукъ отдѣльныхъ словъ и ихъ окончанія, настолько языкъ Статута былъ уже проникнутъ вліяніемъ польскаго языка[2]). Наоборотъ, Левъ Сапѣга выдвигалъ трудность перевода этого кодекса съ литовско-русскаго языка на польскій[3]). О той же трудности говоритъ въ своемъ обращеніи къ читателю и переводчикъ

---

[1]) См. выше, часть первая, стр. 333 и 384-385.

[2]) Такъ, проф. Ст. Кутшеба о переводѣ Статута въ 1614 году на польскій языкъ пишетъ: „tłumaczenie jest bardzo dokładne, przekłada słowo za słowem tekst, co było rzeczą możliwą, wobec tego, że ruszczyzna statutu przesiąknięta była już wtedy polszczyzną, tak, że wystarczyło omal przy przekładzie zmieniać końcówki i dźwięki“. Stanisław Kutrzeba, Historja Źródeł dawnego prawa Polskiego, t. II, str. 78.

[3]) См. выше, стр. 314.

Третьяго Статута для его изданія на польскомъ языкѣ въ 1614 году[1]).

Постаравшись разобраться въ вопросѣ объ языкѣ, на которомъ былъ написанъ Третій Литовскій Статутъ, и высказавъ наше мнѣніе, что его было бы всего правильнѣе называть литовско-русскимъ, мы должны перейти къ описанію внѣшности перваго изданія текста этого кодекса. Но предварительно намъ предстоитъ еще разрѣшить вопросъ о числѣ изданій оригинальнаго литовско-русскаго текста Статута 1588 года, ибо до самаго послѣдняго времени въ спеціальной литературѣ господствовало и не возбуждало никакихъ сомнѣній утвержденіе, что этихъ изданій было нѣсколько.

Мамоничское изданіе литовско-русскаго текста Третьяго Литовскаго Статута было совершенно забыто въ административной и судебной практикѣ Великаго Княжества Литовскаго къ исходу XVIII столѣтія[2]). Не могли его экземпляровъ найти даже такіе энергичные собиратели книгъ, какъ бискупъ Залускій и Виленскій коадъюторъ Іосифъ Станиславъ Сапѣга[3]). Начало возрожденію свѣдѣній объ этомъ первомъ изданіи Статута и его библіографическому изученію положилъ В. С. Сопиковъ въ своемъ не разъ уже упомянутомъ нами „Опытѣ Россійской Библіографіи", вышедшемъ въ 1813 году. О Статутѣ Сопиковъ въ этомъ трудѣ написалъ слѣдующее: „Статутъ великаго Кня-

---

[1]) „Podobno czytaiąc ten Statut, łaskawy Czytelniku, na niektorych mieyscach to przełożenie z Ruskiego albo raczey s słowieńskiego iezyka na rzecz Polską niewszytko podoba a, iako mniemam, na wielu mieyscach Polszczyzna niegładka iako smakować tak y podobać nie będzie: indziey też y trudne słowa mniey Polskie: y wątpliwy sens zdać ci się będzie, lecz niech cię to nieobrusza, gdyż w tym przekładaniu tego Statutu nie tak skąpość słow Polskich nam zagradzała, iako raczey tym się to działo, że z Ruskiego na polskie chcąc słowo do słowa przełożyć, nic się tu na słowa nowe wydworney y gorney polszczyzny nie zbieraiąc, prostym a pospolitym vżywaniem mowy polskiey, folguiąc wykładowi szczeremu y przetłumaczeniu prawdziwemu do vżywania ludzkiego podało" (Przedmowa do łaskawego Czytelnika).

[2]) Дальнѣйшее наше изложеніе является переработкою нашей статьи „Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года", напечатанной въ „Tauta ir Žodis" (книга V; Kaunas, 1928).

[3]) И. Н. Даниловичъ замѣчаетъ, что Сапѣга, видимо, искалъ не очень старательно, ибо даже не сумѣлъ получить свѣдѣній о трехъ экземплярахъ этого изданія, хранившихся въ Виленскихъ монастыряхъ. Dziennik Wileński, tom II, rok 1823, str. 169.

жества Литовскаго, содержащій въ себѣ 14 раздѣловъ, и при немъ учрежденіе Трибунала, подъ заглавіемъ: Трибуналъ обывателямъ великаго Княжества Литовскаго, на соймѣ[1]) Варшавскомъ даный, року (года) 1581 — напечатанъ въ Вильнѣ, въ Друкарнѣ Мамоничевъ, 1586 — въ м. листъ, на 554 стр. Очень рѣдка"[2]). При этомъ Сопиковъ отмѣтилъ: „при сей книгѣ замѣчательно то, что она напечатана особенными косыми, на рукописныя похожими, тонкими буквами".

Открытіе для ученаго міра перваго изданія Литовскаго Статута 1588 года, сдѣланное Сопиковымъ, привлекло къ себѣ сразу большое вниманіе. Такой выдающійся польскій ученый, какъ Самуилъ Богумилъ Линде, въ одной изъ своихъ статей, сдѣлалъ разборъ труда Сопикова и уже въ ней выдвинулъ значеніе открытія имъ Мамоничскаго изданія Статута на русскомъ языкѣ[3]). Профессоръ Бентковскій, заинтересовавшись Статутомъ, открылъ его экземпляръ въ библіотекѣ графа Суходольскаго и предложилъ Самуилу Линде дать его описаніе для журнала Pamiętnik Warszawski. Линде принялъ это предложеніе, но его работа разрослась настолько, что изъ нея вышла цѣлая книга въ 224 страницы, которой только часть онъ рѣшился отдать въ журналъ Бентковскаго. Эта книга Линде „O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym" была напечатана въ Варшавѣ въ 1816 году, и ею было положено начало изученія Литовскаго Статута 1588 года въ его первомъ изданіи и томъ русскомъ текстѣ, который былъ утвержденъ въ значеніи кодекса Великаго Княжества Литовскаго. О значеніи этого труда Линде въ исторіи научнаго изслѣдованія Статута намъ придется подробно говорить ниже. Теперь же мы должны лишь отмѣтить, что Линде въ своемъ трудѣ изучилъ только одинъ экземпляръ перваго Мамоничскаго изданія Статута 1588 года. Правда, онъ уже зналъ о томъ, что сохранились еще по-

---

[1]) У Сопикова стоитъ ошибочно: „сонмѣ" (изданіе 1813 года, стр. 239). Ошибка эта не исправлена и не оговорена и въ новѣйшемъ изданіи „Опыта" Сопикова А. С. Суворинымъ подъ редакціею В. Н. Рогожина въ 1904 году (стр. 72).

[2]) № 1425, по общему списку занесенныхъ Сопиковымъ въ его „Опытъ" изданій.

[3]) Pamiętnik Warszawski, № 15.

крайней мѣрѣ четыре экземпляра этого изданія[1]), но онъ не сличалъ ихъ съ экземпляромъ графа Суходольскаго, надъ которымъ работалъ. Линде еще былъ далекъ отъ мысли о самой возможности постановки того вопроса, который такъ осложнилъ работу надъ Статутомъ его изслѣдователей и библіографовъ въ послѣдующее время, а именно вопроса о томъ, сколько въ дѣйствительности было выпущено Мамоничскою типографіей изданій русскаго текста Третьяго Статута, съ одною и тою же ихъ датировкою лишь годомъ утвержденія его въ 1588 году. Но этотъ вопросъ долженъ былъ возникнуть очень скоро. Лишь только началось приведеніе въ извѣстность все большаго числа экземпляровъ (а самъ Линде своею книгою возбудилъ къ нимъ интересъ) и сличеніе ихъ со снимками, данными Линде въ двухъ таблицахъ при его книгѣ, и съ другими старопечатными экземплярами, отличія ихъ одного отъ другого, при бросающимся въ глаза и сходствѣ, должны были очень скоро обратить на себя вниманіе.

Интересъ къ Литовскому Статуту, поднявшійся послѣ выхода въ свѣтъ книги Линде, побуждалъ искать случаевъ пріобрѣтенія его старопечатныхъ экземпляровъ и коллекціонеровъ, и владѣльцевъ большихъ библіотекъ, а такихъ собирателей было немало въ рядахъ представителей старыхъ литовскихъ панскихъ фамилій и болѣе новой знати. Въ виду всего этого, дѣйствительно открываются новые, еще неизвѣстные въ литературѣ экземпляры перваго Мамоничскаго изданія Статута. Уже къ началу двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ Вильнѣ были приведены въ извѣстность четыре экземпляра этого изданія. Въ 1820 году кс. Антоній Сосновскій нашелъ экземпляръ перваго изданія Третьяго Статута и передалъ его графу Александру Ходкевичу[2]). Въ примѣчаніи къ статьѣ Сосновскаго, напечатанной въ 1822 году въ журналѣ Dziennik Wileński, редакція этого журнала указала на четыре Виленскихъ экземпляра и отмѣтила, что сличеніемъ ихъ можно установить двукратность

---

[1]) Два, указанные Сопиковымъ, одинъ въ библіотекѣ Гродненскихъ доминиканцевъ и одинъ въ библіотекѣ Виленскаго Университета (раньше принадлежалъ Виленскимъ кармелитамъ). Свѣдѣнія о двухъ послѣднихъ Линде получилъ отъ графа Іосифа Сѣраковскаго. O Stat. Lit., str. 166-167.

[2]) Wiadomość o statucie Litewskim, drugim powszechnie zwanym, przez X. Antoniego Sosnowskiego K. K. D. D. E. T. (Dziennik Wileński. Tom II. Rok 1822. May-Sierpien. Str. 200-212), str. 200.

Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута 1588 года съ однимъ и тѣмъ же обозначеніемъ его года, съ тожествомъ страницъ и строкъ, но съ небольшими различіями въ „титулѣ“, сокращеніяхъ и орѳографіи[1]). Два изданія Третьяго Статута были признаны въ 1823 году и Іоахимомъ Лелевелемъ въ его извѣстномъ трудѣ, посвященномъ библіографіи въ широкомъ пониманіи значенія этого слова[2]).

Въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія Мамоничское изданіе русскаго текста Литовскаго Статута дѣлается предметомъ вниманія и въ русской литературѣ. Оно привлекаетъ къ себѣ русскихъ библіографовъ и изслѣдователей русской старины въ ея письменности и памятникахъ быта. Его пріобрѣтаютъ коллекціонеры. Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) въ своемъ жизнеописаніи московскаго первопечатника, діакона Ивана Ѳеодорова, разсказавъ о дѣятельности его и его сотрудника Петра Тимофеева Мстиславца послѣ оставленія ими предѣловъ Московскаго государства, отмѣчалъ: „послѣ того въ Вильнѣ 1588 г. у Типографщика Мамонича напечатанъ Литовскій Статутъ скорописными буквами“[3]). Въ 1826 году П. И. Кеппенъ въ своемъ перечнѣ русскихъ старопечатныхъ книгъ[4]) помѣщаетъ Третій Литовскій Статутъ Мамоничскаго изданія, указывая, что онъ былъ изданъ дважды, но совершенно невѣрно обозначая первое изъ этихъ изданій 1586-мъ годомъ[5]). Въ 1829 году П. М. Строевъ описалъ экземпляръ Статута въ составѣ библіотеки графа Ѳ. А. Толстого[6]), а за этимъ экземпляромъ, Строевымъ же и другими знатоками русской книжной старины, уже въ первой половинѣ XIX столѣтія были приведены въ извѣст-

---

1) „Ze czterech exemplarzy w Wilnie będących... można dostatecznie się przekonać, że to wydanie po dwa kroć było powtórzone z zachowaniem kart, wierszy, roku wydania, z małemi tylko na tytule, w znakach skróceń i ortografii odmianami (R)“. Str. 200, nota (a).

2) Bibljograficznych ksiąg dwoje, t. I, str. 55.

3) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви. Томъ I (по „изданію второму, исправленному и умноженному“, вышедшему въ Петербургѣ въ 1827 году, стр. 268). Первое изданіе „Словаря“ м. Евгенія (СПБ., 1818) еще не имѣетъ приведеннаго нами въ текстѣ указанія на изданіе Статута (см. часть I, стр. 281).

4) Матеріалы для ист. просв. въ Россіи. № II. Библіогр. Листы 1825 года (С.-Петербургъ, 1826).

5) На стр. 298-ой Статутъ изданія 1586 года указанъ подъ № 269, а Статутъ изданія 1588 года — подъ № 271.

6) Описаніе староп. книгъ библіотеки графа Толстого, стр. 63.

ность и другіе экземпляры Мамоничскаго изданія русскаго текста Литовскаго Статута 1588 года[1]).

Но рядомъ съ приведеніемъ въ извѣстность новыхъ старопечатныхъ экземпляровъ Статута развивалось и ихъ библіографическое изученіе. Особенное значеніе въ этомъ направленіи имѣютъ труды И. Н. Даниловича. Они стали появляться въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія[2]), и уже въ это время Даниловичъ выдвигалъ положеніе о существованіи двухъ изданій русскаго текста Статута въ Мамоничской типографіи[3]). Въ 1834 году онъ опубликовалъ свою статью „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung"[4]), занимающую вообще очень видное мѣсто въ исторіи изученія Литовскихъ Статутовъ. О ней намъ придется говорить болѣе подробно ниже. Статья эта въ томъ же 1834 году была реферирована въ журналѣ Tygodnik Petersburski[5]), а въ 1837 году Даниловичъ повторилъ ее на польскомъ языкѣ въ Виленскомъ изданіи Wizerunki i roztrząsania naukowe[6]).

Не касаясь пока другихъ частей этой чрезвычайно цѣнной статьи Даниловича, мы остановимся теперь лишь на томъ, что

---

[1]) Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библіотекъ графа Ѳ. А. Толстова и купца И. Н. Царскаго, издалъ Павелъ Строевъ. Съ двумя рисунками. Москва, 1841. Стр. 24-25. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1845 (имени Строева нѣтъ на заглавной страницѣ, но имъ подписано предисловіе). Стр. 271. Обозрѣніе Славяно-Русской библіографіи. Томъ первый. Книга вторая. СПБ., 1849 (И. П. Сахарова). Стр. 24-25. П. М. Строевъ въ своемъ Описаніи старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ И. Н. Царскаго, не указываетъ Литовскаго Статута. Но именно экземпляръ его изъ библіотеки Царскаго описанъ Строевымъ въ его Описаніи стар. книгъ слав., служ. доп. къ оп. библ. гр. Толстова и купца Царскаго.

[2]) Соревнователь Просвѣщенія № VI и Dziennik Wileński, t. II, 1823 г.

[3]) „Dziś 14 exemplarzów znanych liczymy, a pilnieysze, ledwie nie wszystkich, rozebranie przekonało o dwókrotném pod r. 1588 przedrukowaniu..." Str. 169. Заглавіе этой статьи — „Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego, rękopiśmiennych i edycyy drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też w polskim i łacińskim języku". Dz. Wil., t. II, 1823 r. (May, Czerwiec, Lipiec, Sierpień).

[4]) Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Zweiter Band. Riga und Dorpat, 1834.

[5]) Redakcije, rękopisy, przekłady i wydania w druku Statutu Litewskiego. Podług rozprawy P. Ign. Daniłowicza. Tygodnik Petersburski. 1834. Str. 289-290.

[6]) Poczet nowy. Tomik trzynasty (Wilno, 1837). Str. 81-134 (Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego).

она даетъ по вопросу о Мамоничскомъ изданіи оригинальнаго русскаго текста Литовскаго Статута 1588 года. Въ пятомъ параграфѣ ея Даниловичъ пишетъ: „вскорѣ послѣ утвержденія Статута Литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, въ силу королевскаго привилея отъ 11 февраля 1588 года, было передано дѣло печатанія Статута на русскомъ и польскомъ языкахъ, и онъ поручилъ его типографіи Мамоничей въ Вильнѣ. Первое изданіе, на русскомъ языкѣ, изготовленнымъ спеціально для него, отличнымъ отъ церковнаго, шрифтомъ дѣйствительно вышло у Мамоничей въ томъ же 1588 году[1]). За нимъ послѣдовало нѣсколько (три?) новыхъ изданій, съ сохраненіемъ 1588 года и счета страницъ перваго изданія. Эти изданія въ такомъ видѣ, вѣроятно, были выпущены Мамоничами въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы этою перепечаткою безъ вѣдома канцлера Сапѣги извлечь изъ изданія свои выгоды[2]). Обычно присоединенною къ Статуту бываетъ Организація Литовскаго Трибунала, отдѣльно напечатанная еще въ 1586 году и дающая поводъ къ невѣрному предположенію, что и Статутъ былъ напечатанъ уже въ этомъ году. При нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія Статута находится списокъ важнѣйшихъ опечатокъ"[3]).

---

[1]) Въ польскомъ текстѣ статьи опущены слова, отмѣчающія отличіе шрифта отъ церковнаго: „wkrótce potém, na mocy przywileju d. 11 lutego r. 1588, kanclerz litewski Lew Sapieha otrzymał zlecenie drukowania statutu w języku ruskim i polskim, w skutek czego wydanie piérwsze statutu ruskie wyszło w Wilnie u Mamoniczów w tymże 1588 r., drukiem umyślnie na to odanym". Wizerunki...., str. 89.

[2]) Въ польскомъ текстѣ такъ: „Mamoniczowie kilkakrotnie (razy trzy?) wydanie to odbijali z zachowaniem daty i liczby stronic odbicia piérwszego, zapewne na zysk własny, mimo wiedzy i upoważnienia kanclerza Sapiehy". Ibidem, str. 89-90.

[3]) „Bald nach der Bestätigung wurde dem Litthauischen Kanzler Leo Sapieha mittelst Königlichen Privilegiums vom 11. Februar 1588 die Besorgung des Druckes des Statuts in Russischer und Polnischer Sprache übertragen, und er übergab dasselbe zu diesem Zweck der Buchdruckerei der Mamonicz in Wilna. Die erste Ausgabe in Russischer Sprache mit eigens dazu erfundenen, von der Kirchenschrift verschiedenen Typen erschien auch wirklich bei den Mamonicz in demselben Jahre 1588. Es folgten mehrere (drei?) neue Auflagen mit Beibehaltung der Jahrzahl 1588, so wie der Seitenzahlen des ersten Druckes. Diese Auflagen sind wahrscheinlich von Mamonicz in der Art gemacht worden, um aus diesem Nachdruck hinter dem Rücken des Kanzlers Sapieha Vortheil zu ziehen. Gewöhnlich findet sich mit dem Statut die Organisation des Litthauischen Tribunals verbunden, welche bereits im Jahre 1586

Необходимо признать, что приведенная нами сейчасъ часть пятаго параграфа статьи Даниловича заключаетъ въ себѣ и погрѣшности, которыя затѣмъ надолго утвердились въ литературѣ Третьяго Литовскаго Статута. Авторъ статьи былъ слишкомъ авторитетенъ въ вопросахъ, касающихся литовскаго права вообще и Статутовъ въ особенности, и на его слова вполнѣ полагались. А между тѣмъ, не говоря уже о недосмотрѣ, выразившемся въ обозначеніи Льва Сапѣги канцлеромъ въ то время, когда онъ занималъ еще только младшій изъ „печатарскихъ" урядовъ Великаго Княжества Литовскаго, т. е. былъ подканцлеромъ[1]), мы имѣемъ въ статьѣ утвержденія: 1) о томъ, что для напечатанія Статута былъ изготовленъ особый, спеціальный шрифтъ, и 2) о томъ, что Мамоничи безъ вѣдома Сапѣги нѣсколько разъ его переиздавали, т. е. совершили проступокъ, за который они подлежали весьма серьезной отвѣтственности, обозначенной въ привилеѣ Сигизмунда III-го, выданномъ Сапѣгѣ и напечатанномъ при Статутѣ самими Мамоничами[2]).

Первое изъ этихъ утвержденій невѣрно потому, что русскій шрифтъ текста Статута тотъ же, какъ и въ Трибуналѣ, напечатанномъ въ той же типографіи Мамоничей въ 1586 году. Мы уже видѣли выше, что этотъ курсивный шрифтъ наблюдается въ одномъ изъ изданій Мамоничской друкарни и годомъ раньше, т. е. въ 1585 году[3]). Что же касается второго утвержденія, то его небходимо признать слишкомъ смѣлой гипотезой, къ которой Даниловичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть, чтобы быть въ состояніи объяснить наличность различныхъ типографскихъ наборовъ въ дошедшихъ до насъ старопечатныхъ экземплярахъ русскаго текста Статута 1588 года. Еслибы Даниловичъ постарался представить себѣ старую технику печатнаго дѣла и зналъ о параллельныхъ наборахъ одной и той же книги при одномъ и томъ же ея изданіи въ старыхъ типографіяхъ, онъ, конечно, обошелся бы и безъ предположенія о преступности почтенныхъ Виленскихъ „друкаровъ", такъ много

---

besonders gedruckt war, und zu der unrichtigen Vermuthung veranlasst hat, dass das Statut schon in jenem Jahre gedruckt sei. Bei einigen Exemplaren jener Ausgabe des Statuts findet sich ein Verzeichniss der wichtigsten Druckfehler". S. 293.

[1]) Канцлеромъ Левъ Сапѣга былъ назначенъ лишь въ 1589 году.

[2]) См. выше, стр. 311-312.

[3]) См. выше, стр. 292-295.

потрудившихся для распространенія печатной книги въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Добавимъ, что, кромѣ этихъ утвержденій Даниловича, въ послѣдующей литературѣ выступаетъ уже въ категорической формѣ и утвержденіе о не менѣе, чѣмъ трехъ изданіяхъ русскаго текста Статута Мамоничами, хотя самъ онъ не давалъ точнаго числа ихъ, а три, какъ число перепечатокъ, поставилъ подъ знакомъ вопроса.

Въ 1838 году въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія была напечатана статья „О Литовскомъ Статутѣ", подписанная не полнымъ именемъ автора, а только буквою „Д" и снабженная рядомъ примѣчаній и „Прибавленіемъ", сдѣланными Редакціей Журнала. Авторъ этой статьи знаетъ нетожество экземпляровъ перваго изданія Статута 1588 года. Такъ же, какъ и Даниловичъ, онъ полагаетъ, что Мамоничи нѣсколько разъ переиздали Статутъ, только онъ даетъ другое объясненіе повторенія изданій, которое, однако, нужно признать такимъ же неудачнымъ, какъ и объясненіе Даниловича. Онъ пишетъ: „нигдѣ не видно, чтобы послѣ 1588 года Польскимъ Правительствомъ давалось дозволеніе на печатаніе Статута по Русски; но нѣкоторыя разности, какъ въ бумагѣ, такъ и въ самыхъ буквахъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подъ симъ годомъ онъ нѣсколько разъ перепечатывался; время же изданія каждаго изъ нихъ нѐ выставлялось, вѣроятно, по трудности получить привилегію, или же и совершенно по недозволенію на то Правительства, имѣвшаго цѣлію сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ повсемѣстнымъ". Редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія сдѣлала къ послѣднимъ словамъ автора такое примѣчаніе: „изъ сличенія разныхъ экземпляровъ Русскаго Статута 1588 года открывается, что ихъ было всего т р и тисненія, безъ сомнѣнія разныхъ лѣтъ, хотя на всѣхъ выставленъ одинъ 1588 годъ[1]) и печатаніе произведено съ такою тщательностію, что не скоро можно открыть разность тисненій"[2]). Такимъ образомъ, въ примѣчаніи Редакціи имѣемъ категорическое утвержденіе о томъ, что тисненій изданія русскаго текста Третьяго Статута было ровно три. Что же касается высказаннаго самимъ авторомъ статьи, то въ немъ встрѣчаемъ, во-первыхъ,

---

[1]) Слово „годъ" вставлено нами. Оно опущено въ текстѣ статьи.

[2]) Стр. 383.

сообщеніе, будто бы эти изданія отличаются одно отъ другого бумагою и литерами, а во-вторыхъ, предположеніе о запретительныхъ мѣрахъ Польскаго правительства по отношенію къ повторенію изданій оригинальнаго текста Статута. И то, и другое, конечно, совершенно невѣрно. Польское правительство не имѣло никакой возможности вмѣшиваться въ дѣло изданій Литовскаго Статута, ибо оно было внутреннимъ дѣломъ государства Литвы, а стало быть, подлежало вѣдѣнію и ея, а не Польскаго, правительства. Литеры же и бумага одинаковы во всѣхъ дошедшихъ до насъ экземплярахъ Мамоничскаго изданія оригинальнаго текста Третьяго Статута. Послѣдняя, конечно, имѣетъ не одни и тѣ же филиграни во всѣхъ экземплярахъ. Но, съ одной стороны, нѣтъ ни одного экземпляра, въ которомъ бы на всей его бумагѣ находился только одинъ водяной знакъ, а съ другой, всѣ различныя филиграни ея, какъ увидимъ ниже, не говорятъ о разновременности происхожденія экземпляровъ Статута, а, наоборотъ, указываютъ на одно и то же время изготовленія ихъ бумаги.

Въ 1841 году Даниловичъ напечаталъ новую статью, въ которой коснулся и вопроса объ изданіи русскаго текста Статута 1588 года. Эта статья, озаглавленная „Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты“[1]), являясь переработкою его болѣе раннихъ работъ на ту же тему, по своему содержанію несомнѣнно богаче ихъ, и сравненіе ея съ ними обнаруживаетъ слѣды значительнаго углубленія знаній Даниловича за истекшіе послѣ выхода ихъ годы. О Мамоничскомъ изданіи русскаго текста Статута въ этой статьѣ имѣемъ слѣдующее. Послѣ утвержденія „изготовленнаго въ Литвѣ“ Третьяго Статута, пишетъ Даниловичъ, „привиллегіею отъ 11-го Февраля 1588 года, изданною въ Краковѣ, Король повелѣлъ напечатать Статутъ Литовскій на Р у с с к о м ъ и П о л ь с к о м ъ языкахъ, подъ наблюденіемъ Подканцлера Литовскаго Льва Сапѣги, запрещая всякое его перепечатываніе безъ своего соизволенія, подъ опасеніемъ взысканія 5000 червонцевъ, изъ которыхъ одну половину отдавать въ казну, а другую Сапѣгѣ“. Останавливаясь на содержаніи привилея отъ 11 февраля 1588 года, Да-

---

[1]) Юридическія Записки, издаваемыя П е т р о м ъ Р ѣ д к и н ы м ъ, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета. Томъ первый. Москва, 1841.

ниловичъ дальше говоритъ: „въ этой привиллегіи Король объявляетъ, что Статутъ Литовскій составленъ при его предкахъ, „quam plurimorum doctissimorum virorum J u r i s p e r i t o r u m cura, studio, labore atque diligentia, ad unanimem consensum omnium statuum, ordinum, tam spiritualium, quam secularium..... et c o n s c r i p t u m habetur idiomate P o l o n i c o et R u t h e n i c o" и проч." Даниловичъ сообщаетъ, что „дѣйствительно" ему „случилось видѣть двѣ превосходныя Польскія рукописи этого Статута, съ печатными политипажными полями, одну въ Публичной Императорской Библіотекѣ, другую же въ библіотекѣ бывшаго Виленскаго Университета, хотя обѣ неполныя", но очень „красивыя"[1]). Что касается Льва Сапѣги, то онъ, продолжаетъ Даниловичъ, „поручилъ печатаніе Статута Литовскаго на Русскомъ языкѣ зажиточнымъ обывателямъ и чиновникамъ города Вильны — Мамоничамъ, которые особымъ, нарочно для того вылитымъ шрифтомъ, поддѣлывавшимся подъ почеркъ старинныхъ рукописей, напечатали Статутъ въ Вильнѣ въ 1588 году, съ прибавленіемъ подъ конецъ опечатокъ перваго изданія. Никакъ не менѣе двухъ разъ, а можетъ быть и болѣе, этотъ Статутъ былъ напечатанъ Мамоничами, съ удержаніемъ того же 1588 года и числа страницъ, но съ различными заглавными листами и другимъ наборомъ шрифта, въ чемъ удостовѣряетъ различіе буквъ и сокращенія, находимыя во многихъ экземплярахъ. Вѣроятно, печатаніе Русскихъ экземпляровъ окончено Мамоничами не прежде Ноября 1588 года, потому что Подканцлеръ Сапѣга, поднося Королю отпечатанный Статутъ, въ письмѣ своемъ изъ Бреста-Литовскаго отъ 1-го Декабря 1588 года къ Королю, распространяется о необходимости писанныхъ законовъ въ благоустроенномъ государствѣ и о достоинствѣ хорошихъ узаконеній; а въ отзывѣ своемъ въ то же самое время къ Литовскому Дворянству, объявляя имъ объ окончаніи труда, много говоритъ о благодѣяніи Короля, который имъ даровалъ и утвердилъ ихъ собственные законы"[2]).

Въ своей статьѣ, часть которой, относящуюся къ первому изданію Литовскаго Статута 1588 года, мы сейчасъ приве-

---

[1]) Объ этихъ польскихъ рукописяхъ Даниловичъ писалъ: „этотъ переводъ гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе всѣхъ Русскихъ подлинниковъ, на испорченномъ Русско-Литовскомъ нарѣчіи составленныхъ".

[2]) Стр. 29-31.

ли, И. Н. Даниловичъ допустилъ рядъ неправильностей, которыя затѣмъ закрѣпились въ литературѣ, а отчасти держатся въ не и до настоящаго времени. Прежде всего нужно отмѣтить его пониманіе привилея 11 февраля 1588 года, выданнаго Льву Сапѣгѣ. Называя его теперь уже правильно подканцлеромъ, вмѣсто ошибочнаго именованія канцлеромъ, какъ то онъ дѣлалъ раньше, Даниловичъ считалъ выданный ему привилей приказаніемъ Сигизмунда III-го. Мы уже видѣли выше, что въ привилеѣ этомъ имѣемъ не приказаніе монарха, а лишь дарованіе имъ Сапѣгѣ права на изданіе Статута въ печати. Далѣе Даниловичъ говоритъ, что Сигизмундъ III запрещаетъ перепечатку Статута безъ „своего соизволенія". Это невѣрно, ибо какъ мы также видѣли выше, Сигизмундомъ III-мъ воспрещалась перепечатка кому-либо другому кромѣ Льва Сапѣги, т. е. не „соизволеніе" монарха, а желаніе самого Сапѣги должно было рѣшать возможность новыхъ изданій Статута. Самый Статутъ 1588 года Даниловичъ считалъ написаннымъ какъ на русскомъ, такъ и на польскомъ языкахъ въ его рукописныхъ экземплярахъ, представленныхъ на утвержденіе Сигизмунда III-го. Но мы уже опять видѣли, что польскаго экземпляра кодекса не существовало не только въ моментъ утвержденія его 28 января 1588 года, но и въ ближайшее послѣдующее время. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Левъ Сапѣга. Соотвѣтствующее мѣсто привилея отъ 11 февраля 1588 года Даниловичъ понялъ неправильно, что и вызвало его ошибку въ данномъ случаѣ. Въ привилеѣ стоитъ, что „leges siue statuta Magni Ducatus Lithuaniae . . . . . conscripta habentur"[1]), т. е. что они имѣются написанными, но совсѣмъ не сказано, будто бы законы или Статутъ Великаго Княжества Литовскаго были написаны на польскомъ и на русскомъ языкахъ. Слова привилея „idiomate Polonico et Ruthenico" относятся къ словамъ „imprimendum et excudendum", а не къ слову „conscripta", какъ хотѣлъ понимать Даниловичъ, т. е, рѣчь въ привилеѣ тутъ идетъ о правѣ Сапѣги печатать Статутъ по-польски и по-русски, а совсѣмъ не о томъ, будто бы Статутъ былъ написанъ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Въ оригиналѣ привилея 11 февраля 1588 года знаки препинанія разставлены далеко не полно, и мѣсто, введ-

---

[1]) Даниловичъ не совсѣмъ правильно передаетъ слова привилея, замѣняя множественное число соотвѣтствующихъ словъ единственнымъ.

шее Даниловича въ заблужденіе, въ немъ имѣетъ такой видъ: „conscripta habentur idiomate Polonico et Ruthenico imprimendum et excudendum curaremus“[1]). Отсутствіе знаковъ препинанія въ данномъ мѣстѣ привилея и открывало Даниловичу возможность понять его такъ, какъ онъ его и понялъ. Еслибы онъ зналъ письмо Сапѣги къ Криштофу Радивилу, устанавливающее совершенно ясно несуществованіе польскаго перевода Статута 1588 года въ моментъ утвержденія кодекса[2]), онъ, конечно, призналъ бы невозможнымъ то пониманіе данныхъ словъ привилея отъ 11 февраля 1588 года, которое высказалъ.

Какъ въ предыдущихъ своихъ трудахъ, такъ и въ этой статьѣ, Даниловичъ утверждаетъ, что Мамоничи изготовили особый шрифтъ для изданія русскаго текста Статута и что это изданіе затѣмъ было ими нѣсколько разъ повторено, безъ указаній на перепечатку. Такимъ образомъ, Даниловичъ по прежнему твердо стоитъ на принятомъ имъ еще въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія положеніи, что Мамоничскихъ изданій оригинальнаго русскаго текста Третьяго Статута было не одно. Онъ только, повидимому, склоненъ нѣсколько уменьшить ихъ число, говоря, что ихъ было не менѣе двухъ, „а можетъ быть и болѣе“, въ то время какъ въ 1834 году готовъ былъ считать три перепечатки перваго изданія. Но онъ воздержался теперь и отъ приведенія своего прежняго предположенія о побужденіяхъ, которыми руководились Мамоничи, выпуская тайно отъ Сапѣги новыя изданія Статута. О признаніи нѣсколькихъ изданій оригинальнаго русскаго текста Третьяго Литовскаго Статута Мамоничами мы уже сказали нѣсколько словъ выше. Ниже мы постараемся объяснить иначе тѣ различія, которыя имѣются въ экземплярахъ этого изданія. Что же касается утвержденія объ изготовленіи особаго спеціальнаго шрифта для набора русскаго текста Статута, то повтореніе его Даниловичемъ трудно объяснить иначе, какъ недосмотромъ. Въ той же статьѣ самъ онъ пишетъ: „тѣ же Мамоничи напечатали въ 1586 году отдѣльно, на Русскомъ же языкѣ, Литовскій Трибуналъ съ 1581 года. Переплетчики часто соединяютъ его со Статутомъ, что ввело въ заблужденіе г. Сопикова, утверждавшаго, будто бы

---

[1]) Полный текстъ даннаго мѣста привилея см. выше, стр. 311, прим. 1.

[2]) Выписку изъ этого письма см. выше, стр. 314.

Статутъ былъ уже напечатанъ въ 1586 году, т. е. прежде времени его утвержденія"[1]). Невозможно думать, чтобы Даниловичъ не видалъ никогда ни одного экземпляра Мамоничскаго изданія Трибунала, вышедшаго въ 1586 году. А если онъ его видѣлъ, то онъ не могъ не замѣтить, что въ этомъ изданіи былъ примѣненъ тотъ же самый шрифтъ, которымъ напечатанъ и Статутъ 1588 года въ изданіи его оригинальнаго русскаго текста Мамоничами.

Интересъ къ Литовскому Статуту, и именно къ Мамоничскому изданію его оригинальнаго русскаго текста, на всемъ протяженіи XIX столѣтія оставался неизмѣннымъ у русскихъ библіографовъ. За трудами Сопикова и Строева въ области русской библіографіи послѣдовалъ рядъ другихъ трудовъ, и во всѣхъ нихъ это изданіе Виленскихъ „друкаровъ" находило свое мѣсто въ спискахъ старопечатныхъ изданій кирилловскаго шрифта. Перечислялись приведенные въ извѣстность его экземпляры, давалось ихъ библіографическое описаніе. Въ опредѣленіи числа изданій русскаго текста Статута 1588 года библіографы, конечно, не вносили ничего новаго и лишь указывали, что „изслѣдователи открыли, что Статута было три изданія съ 1588-мъ годомъ, и такъ точно, что съ трудомъ можно замѣтить разность изданій"[2]). Но само библіографическое описаніе Мамоничскаго изданія Статута въ трудахъ русскихъ библіографовъ все болѣе и болѣе развивалось и дополнялось, достигнувъ наибольшей полноты въ послѣднемъ по времени трудѣ И. П. Каратаева, вышедшемъ въ 1883 году[3]).

---

1) Стр. 31.

2) Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова (Москва, 1871), № 103. Тамъ же и въ обозначенныхъ въ слѣдующемъ примѣчаніи работахъ Каратаева см. указанія и на другіе труды по библіографіи.

3) И. П. Каратаевъ, Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, томъ первый, съ 1491 по 1652 г. (СПБ., 1883), № 117. Ср. его же, Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, 1491—1730 (СПБ., 1861), № 95 и Описаніе Славяно-Русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. 1491—1730, выпускъ первый, съ 1491 по 1600 г. (СПБ., 1878), № 103. Мамоничское изданіе русскаго текста Статута 1588 года, конечно, встрѣчается и въ спискахъ старопечатныхъ книгъ (безъ ихъ описанія) — см., напр., А. А. Титовъ, Старопечатныя книги по каталогу А. И. Кастерина съ обозначеніемъ ихъ цѣнъ (Ростовъ, 1905), № 36, или А. И. Миловидовъ, Старо-

Польскіе библіографы также интересовались старопечатнымъ изданіемъ Литовскаго Статута 1588 года. Но, когда было окончательно установлено, что первое Мамоничское изданіе этого кодекса было изданіемъ только его русскаго текста, ихъ интересъ къ нему, совершенно естественно, долженъ былъ исчезнуть и сосредоточиться лишь на изданіяхъ текста польскаго, начиная съ 1614 года[1]). Въ томъ, что Мамоничи выпустили нѣсколько изданій русскаго текста Третьяго Статута, вообще никакихъ сомнѣній не возникало. С. А. Бершадскій въ 1892 году писалъ: „существуютъ три русскихъ изданія Третьяго Статута, помѣченныя всѣ одною и тою-же датою, но отличающіяся другъ отъ друга бумагою, болѣе или менѣе четкимъ шрифтомъ, а также количествомъ корректурныхъ ошибокъ, которыя въ позднѣйшихъ изданіяхъ часто искажаютъ смыслъ распоряженій Статута"[2]).

Еще въ самое недавнее время имѣемъ вновь повтореніе этого утвержденія, ведущаго свое начало отъ Даниловича и прошедшаго черезъ длинный рядъ касавшихся Литовскаго Статута трудовъ XIX столѣтія. Въ 1923 году его повторилъ профессоръ Ростиславъ Лащенко, заимствовавъ это утвержденіе Даниловича отъ усвоившаго его въ серединѣ XIX вѣка А. Ѳ. Кистяковскаго[3]). Въ 1925 году „kilka odbić tego wydania" упоминалъ С. Л. Пташицкій въ своей статьѣ о Третьемъ Статутѣ[4]), повторяя въ то же время и ошибку Даниловича, будто Статутъ былъ напечатанъ литерами, которыя до его изданія не употреб-

---

печатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв., №№ 15 и 17. Ср. Памятники Русской Старины въ Западныхъ губерніяхъ, VI, стр. 172.

[1]) Ср. Władysław Pobóg Górski, Dodatek do biblijografii Statutu Litewskiego (Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny, rok I, №№ 18 i 19. Warszawa, 1881), Włodzimierz ks. Czetwertyński, Jeszcze jedno słowo o Statucie Litewskim (Przegląd Bibl.-Archeol., №№ 22 i 23. Warszawa, 1881).

[2]) О наслѣдованіи въ вымор. имуществахъ по лит. праву. Стр. 9.

[3]) „Впрочім це українське видання Литовського Статуту редакції 1588 р. — як гадає проф. Кістяковський — було передруковано потім не менш трьох разів, хоча з захованням 1588 р.". Проф. Ростислав Лащенко, Литовський Статут, яко памятник українського права, стр. 10.

[4]) Stanisław Ptaszycki, Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie. Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera, tom II (we Lwowie, 1925), str. 297.

лялись въ типографіи Мамоничей[1]). Такимъ образомъ, пересмотра вопроса о Мамоничскомъ изданіи русскаго текста Литовскаго Статута 1588 года въ научной литературѣ не было сдѣлано вплоть до самаго недавняго времени. Съ тридцатыхъ, или даже двадцатыхъ, годовъ XIX столѣтія утвердилось положеніе о нѣсколькихъ разновременныхъ изданіяхъ Мамоничами этого кодекса, и оно повторялось до нашихъ дней безъ провѣрки основаній, на которыхъ оно построено. Ни доступные уже очень давно матеріалы, какими являются изданія польскаго перевода Статута въ XVII столѣтіи, ни прибавленіе къ нимъ нѣкоторыхъ новыхъ, какъ, напримѣръ, переписка Льва Сапѣги, опубликованная въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, не были использованы изслѣдованіемъ для пересмотра этого вопроса. Почему? — Потому что разрѣшеніе его совершенно игнорировало обстановку стараго печатнаго дѣла и его старую технику. Тожество всѣхъ экземпляровъ одного и того же изданія въ условіяхъ типографской техники XIX и XX столѣтій переносилось, какъ обязательно существующее, и въ обстановку старопечатнаго дѣла XVI вѣка. Мысль о совершенно иной его технической обстановкѣ была чужда авторамъ, писавшимъ о Мамоничскихъ „изданіяхъ“ русскаго текста Третьяго Литовскаго Статута.

Обращаясь къ экземплярамъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута 1588 года, мы должны прежде всего остановиться на существующемъ въ части литературы недоразумѣніи, заключающемся въ указаніи на изданія его въ два различные годы — 1586-й и 1588-й. Впервые обратившій въ литературѣ XIX столѣтія вниманіе на первое изданіе Статута, В. С. Сопиковъ неудачною редакціею своего краткаго его описанія далъ поводъ къ этому недоразумѣнію, такъ написавъ объ этомъ изданіи: „Статутъ великаго Княжества Литовскаго, содержащій въ себѣ 14 раздѣловъ, и при немъ учрежденіе Трибунала, подъ заглавіемъ: Трибуналъ обывателямъ великаго Княжества Литовскаго на сонмѣ Варшавскомъ даный, року (года)

[1]) „Tak zwany drukowany Statut został wydany pismem, naśladującem pismo kancelaryi litewskiej a nie czcionkami używanymi w drukarni ówczesnej Mamonicza w Wilnie. Znamy kilka odbić tego wydania, różniących się przeważnie pisownią, układem liter. Trzy wzory, różniące się pod tym względem, podaliśmy w naszych wydawnictwach rosyjskich...“. Стр. 297.

1581 — напечатанъ въ Вильнѣ, въ Друкарнѣ Мамоничевъ, 1586 — въ м. листъ, на 554 стр."[1]). При этой редакціи дату изданія Трибунала (1586 годъ) было очень легко отнести къ изданію Статута, особенно если читатель самъ не видѣлъ его въ оригиналѣ. Сопиковъ въ своемъ „Опытѣ Россійской Библіографіи" указалъ на два извѣстныхъ ему экземпляра Статута: одинъ — „въ Правительствующемъ Сенатѣ", туда „доставленный въ 1808 году Губернскимъ Прокуроромъ Г. Руссовымъ", другой — „въ Библіотекѣ Московскаго общества Исторіи и древностей Россійскихъ". Оба эти экземпляра были нами обслѣдованы. Первый изъ нихъ дефектенъ и не имѣетъ заглавнаго, выходного листа[2]). Что же касается второго, то онъ полный и имѣетъ заглавный листъ съ обычнымъ обозначеніемъ, что Статутъ „выданъ" въ 1588 году „на коронацыи" Сигизмунда III въ Краковѣ. Надобно думать, что въ то время, когда Сопиковъ знакомился съ первымъ изъ этихъ экземпляровъ, при немъ находился и экземпляръ Трибунала изданія 1586 года, котораго въ настоящее время при немъ уже не имѣется[3]). Какъ бы то ни было, но Статута Мамоничскаго изданія 1586 года Сопиковъ не видѣлъ и не могъ видѣть, прибавимъ мы, ибо такого изданія въ дѣйствительности не существовало.

---

1) См. выше, стр. 363-364.

2) Дефектенъ экземпляръ до начала Реестра. Часть этого дефекта возстановлена новою рукописью, новымъ русскимъ языкомъ XIX вѣка. Въ самомъ текстѣ также имѣются дефекты, возстановленные тѣмъ же способомъ. Переплетъ кожаный. Въ экземпляръ вложенъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ сообщены свѣдѣнія о происхожденіи экземпляра, т. е. о представленіи его Руссовымъ и о Высочайшемъ повелѣніи хранить его въ Сенатѣ (26 мая 1808 года).

3) Въ Сенатскій экземпляръ Статута, кромѣ отмѣченнаго въ предыдущемъ нашемъ примѣчаніи листа, вложенъ еще другой листъ (синей бумаги), на которомъ написано: „№ 4-й. 8 Генваря 1812 г. Высокородному и почтенному Г-ну Оберъ Секретарю Правительствующаго Сената Общаго первыхъ трехъ департаментовъ Собранія Ушакову. Доставленный ко мнѣ при предписаніи Господина Министра Юстиціи экземпляръ Литовскаго Статута съ Россійскимъ переводомъ для общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ — препровождаю къ вашему высокородію. Алексѣй Хитрово. № 11-й. Января 8 дня 1812 года". На основаніи этого указанія не лишено возможности предположеніе, что въ Сенатѣ съ 1812 года было два экземпляра Статута. Если его принять, то возможенъ вопросъ: тотъ ли экземпляръ, который зналъ Сопиковъ, хранился въ новѣйшее время въ Сенатскомъ Архивѣ?

Неправильно понятыя слова Сопикова отразились въ послѣдующей библіографической литературѣ, и въ ней появились указанія на два датированныя изданія русскаго текста Третьяго Статута въ Мамоничской типографіи, безъ всякой провѣрки и безъ собственнаго ознакомленія съ экземплярами, на которые указалъ Сопиковъ. Эти два изданія обозначилъ П. И. Кеппенъ въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“[1]), къ 1586 году отнесъ въ 1829 году П. М. Строевъ не имѣющій выходного листа экземпляръ Статута, принадлежавшій графу Θ. А. Толстому[2]), и, хотя Даниловичъ въ серединѣ XIX столѣтія далъ уже правильное толкованіе неудачной фразѣ Сопикова[3]), вызванное ею недоразумѣніе повторялось въ нѣкоторыхъ трудахъ вплоть до XX вѣка включительно[4]). Въ дѣйствительности, однако, ни одного экземпляра Статута, на которомъ бы при провѣркѣ оказалось обозначеніе его выхода изъ Мамоничской типографіи въ 1586 году, библіографами указано не было[5]). Этого изданія, повторяемъ, и быть не могло, ибо печа-

---

1) Библіографическіе Листы 1825 г., стр. 298.

2) Обстоят. Описаніе стар. кн. слав. и росс., хран. въ библ. гр. Θ. А. Толстова, стр. 63 (№ 25).

3) См. выше, стр. 374-375. Статутъ изданія 1586 года уже не обозначенъ у И. П. Сахарова (Обозрѣніе Сл.-Р. библ., стр. 24-25), въ Очеркѣ Сл.-р. библ. В. М. Ундольскаго съ дополненіями А. Θ. Бычкова и А. Викторова (стр. 16-17), а также въ Описаніи Сл.-Р. книгъ И. П. Каратаева (стр. 232 и сл.).

4) См., напр., Dr Karl Estreicher, Polnische Bibliographie des XV-XVII Jahrhunderts, S. 83 (1586 — Statut W. Kniaż. Litow. Wilno, Mamonicz); Хронологическій Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 по 1821 г. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (С.-Петербургъ, 1879), стр. 8 (№ 8); П. А. Гильтебрандтъ, Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковно-славянскаго шрифта (VI выпускъ Памятниковъ Русской Старины въ Западныхъ губерніяхъ), стр. 172; А. И. Миловидовъ, Старопечатныя славяно-русскія изданія, вышедшія изъ западно-русскихъ типографій XVI-XVIII вв., стр. 4; С. Ф. Либровичъ, Исторія книги въ Россіи (Петроградъ и Москва, 1914), стр. 96.

5) Однимъ изъ защитниковъ стараго утвержденія о существованіи изданія 1586 года былъ извѣстный археографъ П. А. Гильтебрандтъ, говорившій мнѣ, что это изданіе имѣется въ Рукописномъ Отдѣленіи тогдашней Императорской Публичной Библіотеки. Знавши всѣ экземпляры старопечатнаго изданія Статута 1588 года, хранившіеся въ этой Библіотекѣ, я въ 1902 году просилъ П. А. Гильтебрандта отправиться вмѣстѣ со мною въ нее и показать мнѣ изданіе 1586 года. Просьба была исполнена. Мы пере-

тать Статутъ до его утвержденія, послѣдовавшаго только 28 января 1588 года, и до выдачи соотвѣтствующаго привилея на право этого печатанія, конечно, было невозможно ни въ одной типографіи, тѣмъ болѣе въ „друкарнѣ Мамоничовъ", стоявшей особенно близко къ правительственной власти Великаго Княжества Литовскаго и имѣвшей во главѣ себя его скарбнаго, государственнаго казначея.

Итакъ, Третій Литовскій Статутъ не былъ напечатанъ ранѣе 1588 года. Но первое его изданіе не имѣетъ обозначенія года его выхода изъ „друкарни". Заглавные листы его имѣютъ только годъ утвержденія Статута „господаремъ". Между тѣмъ, напечатанный у тѣхъ же Мамоничей Трибуналъ на заглавномъ листѣ имѣетъ и годъ своего утвержденія, и годъ своего выхода изъ типографіи — „Трибуналъ обывателемъ великого Князства Литовского на соиме варшавскомъ даный. Року 1581. в вилни В друкарни Мамоничовъ. Року 1586". Послѣднимъ словамъ на заглавномъ листѣ Статута соотвѣтствуетъ: „В вилни. друковано в дому мамоничовъ" — въ однихъ экземплярахъ[1]), или „въ друкарни дому мамоничовъ" — въ другихъ, но безъ обозначенія года самаго „друка". Оба года, т. е. годъ утвержденія Статута и годъ даннаго его печатнаго изданія, имѣются на всѣхъ послѣдующихъ его изданіяхъ въ переводѣ на польскій языкъ, вышедшихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ какъ изъ Мамоничской типографіи, такъ и изъ другихъ. Года выхода нѣтъ только на экземплярахъ перваго изданія, и отсутствіе его на заглавномъ листѣ Статута безусловно должно обращать на себя вниманіе. Различія сохранившихся до нашего времени экземпляровъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Третьяго Статута также привлекли къ себѣ вниманіе библіографовъ и изслѣдователей и уже давно, какъ мы это видѣли выше, внушили мысль о рядѣ различныхъ изданій его. Присмотримся къ этимъ различіямъ нѣсколько поближе и постараемся извлечь изъ нихъ указанія на разновременность или, наоборотъ, одновременность происхожденія и самихъ этихъ экземпляровъ.

смотрѣли вмѣстѣ всѣ семь экземпляровъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута, принадлежавшіе Библіотекѣ, и, конечно, экземпляра съ выходнымъ листомъ 1586 года въ ихъ числѣ не оказалось.

[1]) На заглавномъ листѣ одного изъ наборовъ опечатка: „маничовъ" (вмѣсто „мамоничовъ").

Время и опустошенія огнемъ, кровавыми войнами и наѣздами, а также небрежность владѣльцевъ, уничтожили громадное большинство экземпляровъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута. Но уцѣлѣвшіе изъ нихъ до настоящаго времени все-таки надобно считать не единицами, а рядомъ десятковъ. Нами были обслѣдованы три съ половиною десятка экземпляровъ, и мы не нашли въ нихъ указаній на разновременность ихъ происхожденія, которыя даются матеріаломъ, послужившимъ для изготовленія книги. Совершенно ясно, что только бумага могла бы дать въ этомъ отношеніи цѣнныя указанія, ибо типографская краска во всѣхъ одного и того же времени, въ различной степени выцвѣтшая или вполнѣ сохранившаяся, а переплеты сдѣланы въ различное время, и даже самые старые изъ нихъ едва ли возможно навѣрняка признать связанными съ выходомъ экземпляровъ Статута изъ „друкарни“. И бумага всѣхъ обслѣдованныхъ нами экземпляровъ отнюдь не указываетъ на разновременность ея изготовленія. Ея водяные знаки (Лисъ, Глаубичъ, Гоздава, Остойя, Елита, Полкозицъ, Побугъ, Любичъ, Ястржембецъ и др.) всѣ одинаково указываютъ на бумагу, бывшую въ обращеніи въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка, да и вообще на основаніи филиграней возможно устанавливать, притомъ со значительными оговорками, лишь періоды въ десятки лѣтъ, а не отдѣльные годы для изготовленія рукописи, тѣмъ болѣе большой печатной книги, для которой заготовляли потребное количество бумаги, пріобрѣтая ее отъ различныхъ поставщиковъ, всѣми доступными способами.

Основной шрифтъ текста Статута воспроизводитъ такъ называемую старшую западно-русскую скоропись, о которой мы уже говорили выше[1]). Государственное значеніе Литовска-

---

[1]) См. стр.292 и сл. Отдѣльные снимки частей текста перваго изданія Статута 1588 года уже довольно много разъ были въ новѣйшее время даны въ различныхъ трудахъ и изданіяхъ — Linde, O Statucie Litewskim; П. М. Строевъ, Палеографическіе снимки почерковъ съ XV вѣка по XVIII (Москва, 1829. Приложеніе къ Описанію стар. книгъ ...... въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстова); Витебская Старина, I (Витебскъ, 1883); составленный А. И. Соболевскимъ и С. Л. Пташицкимъ Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ печатныхъ изданій, часть II (С.-Петербургъ, 1895); Е. Ѳ. Карскій, Бѣлоруссы, т. II (Варшава, 1908), стр. 66; С. Ф. Либровичъ, Исторія книги въ Россіи (Петроградъ и Москва, 1914), стр. 98; В. Ластоўскі, Гісторыя бел. кнігі, стр. 435; Stanisław Ptaszycki, Pierwsze wydanie trz. St. Lit. i jego przeróbki (Księga Pam. ku uczcz...... Statutu Lit.).

го Статута, надо думать, заставило избрать именно ее, какъ примѣнявшуюся въ центральныхъ и областныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Литовскаго, для шрифта его печатнаго кодекса. Такой шрифтъ не допускалъ упрека и въ подражаніи письму церковныхъ книгъ одной православной части населенія государства, и былъ знакомъ обывателямъ его всего, какъ привычное письмо документовъ и актовъ, выходившихъ изъ государственной канцеляріи и областныхъ судовъ и учрежденій государства Литвы. Напрасно предполагалъ И. Н. Даниловичъ, а за нимъ и другіе, что этотъ шрифтъ былъ изготовленъ въ Мамоничской типографіи спеціально для изданія Статута. Мы уже видѣли, что этотъ шрифтъ употреблялся въ ней и раньше, во всякомъ случаѣ не позднѣе 1585-го и 1586-го годовъ[1]).

Кромѣ этого основного шрифта Мамоничское изданіе русскаго текста Статута пользуется и другими шрифтами: 1) крупною вязью, 2) крупными разукрашенными литерами, введенными въ отдѣльныхъ случаяхъ въ наборъ въ присоединенныхъ къ Статуту посвященіи изданія Сигизмунду III-му Сапѣгою и обращеніи послѣдняго къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, 3) шрифтомъ типа западно-русскаго полуустава, въ заголовкахъ раздѣловъ (т. е. главъ) Статута (кромѣ перваго, заголовокъ котораго набранъ крупною вязью), въ колоннъ-титулахъ, въ нумераціи страницъ, въ заголовкахъ артикуловъ (т. е. статей) Статута[2]) и кое-гдѣ, въ видѣ отдѣльныхъ буквъ, внутри самаго текста. Всѣ эти шрифты можно встрѣтить и въ другихъ изданіяхъ Мамоничской типографіи, до Статута и послѣ него. Для нашей задачи особенно существенно выяснить обладаніе типографіей Мамоничей статутовыми шрифтами до набора и печатанія Статута 1588 года, а потому приведемъ по одному примѣру употребленія ихъ въ Мамоничской печати до этого года. Такъ, крупную вязь можно найти хотя бы въ Псалтыри 1576 года, разукрашенныя крупныя литеры хотя бы въ Псалтыри 1586 года, наконецъ, полууставный шрифтъ хотя бы въ Евангеліи 1575 года. Мы рѣшаемся утверждать, что для набора Статута въ Мамоничской типографіи не было примѣнено

---

[1]) См. выше, стр. 292.

[2]) Въ обозначеніи номера артикула „Артыкулъ“ или „Арътыкулъ“ съ обозначеніемъ его буквеннымъ числовымъ знакомъ, соотвѣтствующимъ цифрѣ, т. е. „а“ — 1, „в“ — 2, и т.д.

никакого специально для него созданнаго шрифта, ни для одной изъ частей изданія его русскаго текста. Количество основного шрифта (мелкаго курсивнаго), конечно, потребовалось значительно большее, чѣмъ для предшествующихъ изданій, въ которыхъ онъ употреблялся. Возможно, что и шрифтъ вязи нужно было умножить, чтобы имѣть возможность набрать имъ соотвѣтствующія строки Статута. Но всѣ шрифты изданія русскаго текста Третьяго Статута были къ началу его печатанія уже употреблявшимися въ Мамоничской типографіи, и для него не было изобрѣтено ничего особаго въ этой области.

Что касается заставокъ и концовокъ, имѣющихся въ различныхъ экземплярахъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута, то онѣ всѣ приблизительно одновременны по своему употребленію, и значительное число ихъ встрѣчается и въ другихъ изданіяхъ той же друкарни — въ Апостолѣ 1576 года, Псалтыри 1586 года, Апостолѣ 1591 года, Псалтыряхъ 1592 и 1593 годовъ, Евангеліяхъ 1595 и 1600 годовъ и въ другихъ книгахъ. При этомъ онѣ встрѣчаются въ экземплярахъ разнаго набора текста Статута, и нельзя подмѣтить, чтобы въ однихъ были лишь соотвѣтствующія вообще болѣе раннимъ изданіямъ, а въ другихъ соотвѣтствующія болѣе позднимъ. Всѣ онѣ достаточно долго употреблялись въ друкарнѣ, и ими пользовались то для однихъ, то для другихъ изданій, въ теченіе ряда десятилѣтій. Для Статута спеціально были вырѣзаны лишь два герба и портретъ Сигизмунда Вазы. Первый изъ этихъ гербовъ — государственный гербъ Великаго Княжества Литовскаго (погоня), помѣщенный на заглавномъ листѣ книги. Форма его рисунка не вполнѣ совпадаетъ во всѣхъ подробностяхъ на заглавныхъ листахъ всѣхъ экземпляровъ, хотя общій характеръ его, конечно, одинъ и тотъ же на всѣхъ нихъ[1]). Другой гербъ — большой гербъ Льва Сапѣги. Объ обоихъ этихъ гер-

---

[1]) Этотъ характеръ рисунка Погони совсѣмъ иной, чѣмъ на заглавныхъ листахъ Мамоничскихъ изданій Трибунала въ 1586 и 1623 годахъ и Статута въ 1614 и 1619 годахъ. Снимки съ заглавнаго листа изданія Статута въ 1588 году — Linde, O Statucie Litewskim; Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. XIX (къ сожалѣнію, въ большомъ числѣ экземпляровъ книги снимка этого не имѣется, хотя И. Д. Бѣляевъ, въ своемъ предисловіи къ изданію Статута, и говоритъ, что къ нему „прилагается точный снимокъ съ заглавнаго листа Мамоничскаго изданія“), В. Ластоўскі, op. cit., стр. 433.

бахъ мы уже упомянули выше, говоря о составѣ тома перваго изданія Третьяго Статута.

Уже на заглавномъ листѣ Статута встрѣчаемся съ различіями его экземпляровъ. Къ сожалѣнію, этотъ листъ сохранился въ небольшомъ числѣ ихъ. Не такъ рѣдко можно встрѣтиться и съ возмѣщеніемъ его утраты вставкою копіи, сдѣланной въ новѣйшее время литографскимъ способомъ, или даже вырѣзаннымъ изъ книги Линде снимкомъ. Различія заглавныхъ листовъ въ отдѣльныхъ экземплярахъ бросаются рѣзко въ глаза, даже безъ болѣе тщательнаго ихъ сличенія: они и въ смѣнѣ красокъ печати (черной и красной), и въ формѣ герба (погони), и даже въ самомъ текстѣ, находящемся на нижней половинѣ заглавнаго листа. Самымъ существеннымъ различіемъ является то, что на одномъ изъ нихъ, ниже герба, напечатаны слѣдующія изрѣченія, заимствованныя изъ Священнаго Писанія: 1) — „Смотрите што маете чинити. бо не справуете суду человечего[1]) але судъ божий. А што кольвекъ осудите все на васъ се обвалить. нехай будет во васъ страхъ господень завъжды. А справуйте все щирѣ. нетъ бо пред господомъ богом вашимъ неправости. ани бракованья особъ. ани пожеданья даровъ" (на правомъ полѣ, противъ начала этой цитаты стоитъ: „Книги 2 паралип[2]) Глав[3]) 19"), 2) — „Милуйте справедливост, которые судите землю". (на правомъ полѣ: „мудрос[4]) саломон[5]) глав[6]) 1"), 3) — „хто любит неправду, тотъ ненавидить души своее" (на правомъ полѣ: „псалом[7]) 10"), 4) — „правая судите сынове человечестии" (на правомъ полѣ: „псалом[8]) 57").

Если мы отъ заглавныхъ листовъ обратимся къ самому тексту Статута и станемъ считывать его въ различныхъ экземплярахъ параллельно, то также неизбѣжно придемъ къ заключенію, что передъ нами различные наборы книги. Но рядомъ съ этимъ мы также неизбѣжно замѣтимъ, что при изготовленіи этихъ наборовъ, внѣ всякаго сомнѣнія, работали такъ, что они не могли и не должны были расходиться въ текстѣ каждой соотвѣтствующей страницы (обязательно) и въ текстѣ каждой строки (сколько только это было возможно). Конечно, на настоящихъ страницахъ мы не можемъ привести всѣхъ, или даже

---

1) „члвчего" съ титломъ. 2) „п" въ титлѣ. 3) „в" въ титлѣ. 4) „с" въ титлѣ. 5) „н" въ титлѣ. 6) „в" въ титлѣ. 7) „м" въ титлѣ. 8) Также.

лишь самыхъ существенныхъ, изъ громаднаго количества различій въ наборѣ текста въ различныхъ экземплярахъ Статута, побуквенно сличивъ нѣкоторые цѣликомъ и обслѣдовавъ другіе изъ бывшихъ въ нашихъ рукахъ экземпляровъ этого Мамоничскаго изданія. Они будутъ приведены въ критическомъ изданіи оригинальнаго текста Третьяго Литовскаго Статута во второмъ томѣ настоящаго нашего труда. Теперь, для простой иллюстраціи отличій экземпляровъ, на основаніи которыхъ устанавливается нетожество ихъ набора, мы можемъ ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами. Вотъ хотя бы слѣдующіе: на страницѣ 59 въ однихъ экземплярахъ имѣемъ слово „тамъ", въ другихъ „такъ" (8 строка сверху), или на страницѣ 175 (7 строка сверху) — „выступъ" и „выступокъ", или на страницѣ 249 (14 строка сверху) — „четыри" и „чотыри", или на странице 260 (7 строка сверху) — „дванадъцать" и „двадъцать", или на страницѣ 396 (1 строка сверху) — „мають" и „не мають", или на страницѣ 440 (8 строка сверху) — „не передъ врядомъ" и „не подъ урядомъ", или на страницѣ 524 (6 строка снизу въ однихъ экземплярахъ, 7-ая въ другихъ) — „што на торгу" и „на торъгу што". При этомъ нельзя забывать, что въ старомъ письмѣ, а стало быть, и въ текстѣ старопечатныхъ книгъ кирилловскаго письма, одинъ и тотъ же звукъ передавался часто различными буквами („о" и омега, „у" и юсъ большой, „зѣло" и „земля" и т. д.), и употребленіе всѣхъ этихъ буквъ, а также различныя сокращенія словъ не совпадаютъ въ экземплярахъ Статута на однѣхъ и тѣхъ же строкахъ и страницахъ. По справедливому замѣчанію С. Л. Пташицкаго, различія въ текстѣ и написаніи отдѣльныхъ словъ въ различныхъ экземплярахъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута создаютъ большія затрудненія и для юриста, и для изслѣдователя языка[1]). При наличности длиннаго ряда этихъ различій, трудно признать правильнымъ представленіе тѣхъ, кто полагаетъ, будто дѣло изданія текста Третьяго Литовскаго Статута не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій[2]).

---

[1]) Stanisław Ptaszycki, Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki. Księga Pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego (Wilno, 1935), str. 165.

[2]) „Wydanie trzeciego statutu nie nastręcza żadnych poważniejszych trudności, a to z powodu, że posiadamy i oryginalne wydanie drukowa-

Изучивъ бывшіе въ нашихъ рукахъ экземпляры Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута 1588 года, мы рѣшаемся говорить о наличности не менѣе трехъ различныхъ его наборовъ. Но отдѣльные листы этихъ наборовъ могли иногда смѣшиваться и, попадая въ тетради листовъ другихъ паралельныхъ наборовъ, составлять съ ними одинъ экземпляръ книги. Это совершенно естественно. Но нужно думать, что такіе смѣшанные экземпляры являлись исключеніями, а не общимъ правиломъ. Во всякомъ случаѣ, возможность смѣшанныхъ экземпляровъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, ибо каждая страница старопечатнаго Статута и даже громадное большинство строкъ его совершенно совпадаютъ содержаніемъ своего текста во всѣхъ рѣшительно его наборахъ.

Само собою разумѣется, что, кромѣ указанныхъ выше отличій, отдѣльныя страницы различныхъ наборовъ и даже экземпляровъ одного и того же набора имѣютъ другія, уже не существенныя и, такъ сказать, основныя, а болѣе или менѣе случайныя (особенно въ экземплярахъ одного и того же набора) отличія. Выпаденіе буквъ и словъ въ такъ называемыхъ колоннъ-титулахъ (наверху страницы, надъ текстомъ), обозначеній страницъ на верхнемъ ихъ краю (буквенными числовыми знаками), сигнатуръ листовъ по тетрадямъ (внизу страницъ) и такъ называемыхъ „кустодій", т. е. перваго слова слѣдующей страницы (внизу конца страницы, въ углу), совершенно естественны въ обстановкѣ старой техники печатнаго дѣла. Все это легко могло выпадать (цѣлымъ словомъ или отдѣльными буквами) во время „набивки" краскою или самаго печатанія (особенно при смѣнѣ накладываемыхъ на наборъ чистыхъ листовъ). Дефекты эти должны были исправляться послѣ выхода листа изъ-подъ пресса, а иногда оставались и не исправленными, или вставленными неправильно, по недосмотру или за спѣшностью работы. То въ колоннъ-титулѣ попадется обозначеніе раздѣла (главы) Статута „осмый" вмѣсто „семый", или „девятый" вмѣсто „десятый", или „дванадъцатый" вмѣсто „одинадъцатый" и

---

ne z r. 1588 i następne wydania ruskie i polskie. Wydanie to mogłoby się poprostu ograniczyć do powtórzenia wydania tekstu ruskiego „Wremiennika" moskiewskiego lub też do wydania tłomaczenia polskiego...." Jan Adamus, Z zagadnień prawa litewskiego (Lwów, 1926. Pamiętnik Historyczno-Prawny. Tom II, zeszyt 3), str. 6.

т. д.[1]), то исчезнетъ кустодія[2]), или окажется неправильно поставленнымъ обозначеніе страницы[3]) и т. п.

Если мы подведемъ итогъ подъ приведеннымъ выше въ характеристику различій печатныхъ экземпляровъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Третьяго Статута и если посмотримъ на эти различія въ обстановкѣ техники старопечатнаго дѣла, то, думается, должны будемъ неизбѣжно придти къ выводу объ одновременныхъ параллельныхъ наборахъ и ихъ печатаніи, а не о рядѣ послѣдовательныхъ изданій, какъ это понималось раньше въ литературѣ. Самыя различія и характеръ ихъ указываютъ не на перепечатку одной серіи экземпляровъ съ экземпляра другой, а на наборъ съ голоса (подъ диктовку) или съ рукописи, ибо при наборѣ съ печатнаго экземпляра, конечно, эти различія должны бы были явиться лишь своего рода случайными опечатками, притомъ не частыми, а не постояннымъ явленіемъ — сызнова подбирать слова въ строки и выгадывать мѣсто для укладки словъ по строкамъ было задачею, лишенною смысла, если вся эта работа уже продѣлана въ печатномъ экземплярѣ, который воспроизводился новымъ наборомъ. При перепечаткѣ Статута съ напечатаннаго уже раньше его экземпляра необходимо было бы ожидать почти точнаго повторенія набора предшествующаго изданія, а не его постояннаго измѣненія въ отдѣльныхъ буквахъ, сокращеніяхъ и даже иногда въ размѣщеніи словъ по строкамъ. Если Статутъ набирался подъ диктовку, это могло дѣлаться при наличности въ распоряженіи Мамоничской типографіи одного рукописнаго экземпляра его. Если же наборъ производился съ рукописи,

---

1) См., напр., стр. 334, 386, 390, 484 (ср. стр. 294, 490, 511) въ экземплярахъ одного изъ наборовъ.

2) См., напр., стр. 111, 112, 152, 166, 180, 190, 205, 511, 531 экземпляровъ того же и другихъ наборовъ.

3) Такъ, въ экземплярахъ одного набора за страницею 41 слѣдуетъ 43, за 271-ою — опять 271-ая, за 276-ою — 278-ая, за нею — 277-ая и опять 278-ая, за 296-ою — 299-ая, за нею — опять 279-ая и 299-я, за 352-ою — 341-ая, за нею — 354, за 361-ою — 308-ая, за нею — 363-я, за 398-ою — 390-ая, за нею — 400-ая, за 411-ою — 406-ая, за нею — 407, за нею — 414-ая, за 425-ой — опять 425, за нею — 427, за 459-ой — 480-ая и слѣдующія, за 498-ой — опять 498-ая. Этотъ списокъ можно было бы значительно увеличить, а также присоединить къ нему подобные же списки и по экземплярамъ другихъ наборовъ, но, думается, что и его вполнѣ достаточно для иллюстраціи отмѣченнаго нами въ текстѣ.

то необходимо предполагать, что типографія располагала не однимъ рукописнымъ экземпляромъ, а нѣсколькими. Могла ли она ихъ имѣть? У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько рукописныхъ экземпляровъ Третьяго Статута имѣлось въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго къ моменту утвержденія кодекса. Намъ извѣстно, что Статутъ былъ „прогледаный“ на элекціонномъ сеймѣ 1587 года, какъ совершенно опредѣленно говоритъ привилей Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, дающій Третьему Статуту законодательную санкцію[1]). Но этотъ привилей ничего не говоритъ о разсмотрѣніи кодекса на сеймѣ коронаціи. Конечно, надо предполагать, что рукопись Статута была привезена въ Краковъ представителями Великаго Княжества Литовскаго, ведшими переговоры о признаніи новаго монарха. А если принять это, то надобно думать, что въ канцеляріи государства Литвы долженъ былъ оставаться по крайней мѣрѣ еще другой экземпляръ Статута, ибо экземпляръ, переданный Литовскому посольству къ „номинатамъ“-„электамъ“, могъ погибнуть при тѣхъ случайностяхъ и даже опасностяхъ, которымъ могло подвергнуться это посольство при исполненіи даннаго ему Виленскимъ съѣздомъ порученія. Рискъ былъ слишкомъ великъ. Поэтому, если только Литовское посольство везло съ собою рукопись Статута въ Краковъ, необходимо думать, что въ государственной канцеляріи Литвы оставался другой экземпляръ ея. Возможно думать, что вообще въ Литовской государственной канцеляріи были изготовлены копіи рукописнаго Статута. Если эти копіи существовали въ дѣйствительности, онѣ могли быть переданы въ Мамоничскую типографію для набора Статута. Стоя во главѣ государственной канцеляріи, Левъ Сапѣга могъ это сдѣлать. Но все это — только предположенія. Для возможности нѣсколькихъ одновременныхъ наборовъ Статута могла бы, казалось, и сама типографія Мамоничей изготовить нѣсколько рукописныхъ копій кодекса и затѣмъ дать ихъ наборщикамъ. Однако такое предположеніе встрѣчается съ затрудняющею его необходимостью закончить печатаніе Статута въ возможно кратчайшій срокъ. При этой необходимости, терять время на изготовленіе рукописныхъ копій Статута до на-

---

[1]) См. выше, стр. 206.

чала набора его въ „друкарнѣ“ — такое предположеніе теряетъ много въ вѣроятности.

Такимъ образомъ, Третій Литовскій Статутъ былъ печатанъ въ Мамоничской типографіи нѣсколькими параллельными наборами, или съ одного рукописнаго экземпляра его подъ диктовку, или съ соотвѣтствующаго числу наборовъ числа рукописныхъ оригиналовъ. Можетъ возникать вопросъ: почему при такомъ способѣ набора въ экземплярахъ перваго изданія Статута, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, окончанія строкъ и страницъ одно и то же? Этотъ вопросъ уже поставленъ въ литературѣ. С. Л. Пташицкій въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ, размышляя надъ нимъ, писалъ: „Gdyby składanie odbywało się pod dyktatem, to dyktowanie musiałoby się odbywać z druku a dyktator musiałby wskazywać zecerowi koniec wiersza i strony. Kopista z rękopisu musiałby stale zaglądać do druku, by wskazać początek i koniec strony i wiersza“[1]). Чтобы иллюстрировать хотя бы на одномъ примѣрѣ изъ текста Статута то, что окончанія строкъ на отдѣльныхъ страницахъ иногда совсѣмъ не совпадаютъ, мы приведемъ хотя бы артикулъ тридцать второй девятаго раздѣла по двумъ экземплярамъ[2]) рядомъ, отдѣляя вертикальными чертами конецъ строки.

Артыкулъ 32 | о дорогахъ старовечныхъ. |	Арътыкулъ 32 | о дорогахъ ста | ровечныхъ. |
уставуемъ, ижъ дороги великие гостинцы мають быти водъ | ле стародавного обычаю такъ широкие абы на полътора прута | быти могли а воз порожнии маеть уступовати возу наложоному | пешии езному езныи возу а то если бы тесная дорога была яко | на мостехъ	уставуем, иж дороги великие гостинцы мают быти водле стародав | ного обычаю такъ широкие абы на полтора прута быти могли | а воз порожний мает уступовати возу наложоному пеший езному езный во | зу а то если бы тесная

---

1) Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Lit. i jego przeróbki, str. 165.

2) Первый изъ приводимыхъ нами наборовъ находится въ экземплярѣ, принадлежавшемъ бывшей Имп. Академіи Наукъ и имѣвшемъ сигнатуру 36. 14. 12. Второй въ экземплярахъ, принадлежавшихъ Соловецкому монастырю, Московскому Обществу Исторіи и Др. Росс., и въ другихъ того же набора. При изданіи текста Статута во второмъ томѣ настоящаго труда, мы обозначимъ по группамъ различныхъ наборовъ экземпляры, обслѣдованные нами для изданія.

и в ынъшыхъ злыхъ разехъ, а часу зимнего кгды снегъ | бываеть великии мають потъкавшыся | дорогу по половицы делити | а один другого спихати | не маеть. |	дорога была яко на мостех и в ыншых злых | разех, а часу зимнего кгды снегъ бывает великий мають | поткавшися дорогу по половицы делити | а одинъ другого спихати | не маеть. |

Въ настоящемъ примѣрѣ текстъ артикула, какъ послѣдняго въ раздѣлѣ, набранъ такъ, что его окончанiе представляетъ собою болѣе короткiя строки, чѣмъ начало и середина. Послѣдняя строка въ обоихъ экземплярахъ занята только двумя словами — „не маеть". Но число строкъ въ обоихъ наборахъ оказалось различнымъ. Въ первомъ заголовокъ (кромѣ обозначенiя артикула) занимаетъ одну строку, во второмъ — двѣ. Что касается самаго текста артикула, то онъ въ одномъ экземплярѣ занимаетъ девять строкъ, а въ другомъ — восемь. Кромѣ того, въ одномъ изъ нихъ обычнаго размѣра строкъ текста имѣется пять, въ другомъ же — четыре. Начало строкъ совпадаетъ въ текстѣ артикула въ этихъ экземплярахъ лишь на трехъ строкахъ, а именно на первой „уставуемъ" или „уставуем", и на двухъ послѣднихъ „а один" или „а одинъ" и „не". Думается, что при такихъ результатахъ сравненiя одного и того же текста въ двухъ различныхъ экземплярахъ перваго изданiя Статута 1588 года отдѣльныхъ частей его не можетъ быть и рѣчи о наборѣ ихъ съ печатнаго оригинала. Конечно, въ большинствѣ случаевъ имѣемъ совпаденiе содержанiя строкъ во всѣхъ экземплярахъ. Но наличность въ нихъ такихъ несовпаденiй, какъ только что приведенный нами образецъ (а ихъ привести можно немало), разрушаетъ увѣренность въ тожествѣ содержанiя всѣхъ строкъ во всѣхъ экземплярахъ, которое обычно признавалось изслѣдователями и библiографами. Обычное совпаденiе содержанiя строкъ въ первомъ изданiи Статута, во всѣхъ экземплярахъ, при наличiи и его несовпаденiя въ рядѣ случаевъ, отнюдь не можетъ быть объясняемо наборомъ съ печатнаго оригинала, ибо достаточно значительное количество этихъ несовпаденiй разрушаетъ такое объясненiе. Наоборотъ, при принятiи предположенiя о параллельномъ наборѣ всѣхъ экземпляровъ съ рукописи или подъ диктовку, и совпаденiе и несовпаденiе содержанiя строкъ получаютъ свое объясненiе. Если при такомъ наборѣ и неизвѣстно впередъ, сколько словъ

уляжется на строкѣ въ наборѣ, то совершенно, однако, естественно, что въ каждой строкѣ всѣхъ экземпляровъ оказывалось приблизительно одно и то же число буквъ, ибо буквы во всѣхъ наборахъ были одного и того же шрифта, а стало быть, и размѣра. Если же число буквъ на строкахъ оказывалось однимъ и тѣмъ же, то количество словъ, этими буквами составляемыхъ, обычно не должно было различаться. Кромѣ того нельзя упускать изъ виду и обстановки производства параллельныхъ наборовъ. Наборщики работали въ одной и той же „друкарнѣ", находясь близко одинъ отъ другого, надо думать, въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Они, естественно, обмѣнивались другъ съ другомъ соображеніями о томъ, какъ лучше вести свою работу, и по общему соглашенію набирали текстъ, особенно тѣ его части, которыя набирались не совсѣмъ ординарно. Отсюда получалось сходство ихъ работы при наличности и различій въ ней.

Перепечатка Статута Мамоничами тайкомъ отъ государственной власти, какъ предполагали раньше изслѣдователи, въ дѣйствительности была безусловно невозможна. Левъ Сапѣга получилъ 11 февраля 1588 года отъ Сигизмунда III-го пожизненное право на изданіе Литовскаго Статута, не на одно первое его изданіе, а на столько ихъ, сколько онъ сдѣлать признаетъ нужнымъ и пожелаетъ. Кромѣ него, при его жизни, никто другой не имѣлъ права на издательство Третьяго Литовскаго Статута. Его права не могутъ идти въ сравненіе съ правами издателей этого кодекса послѣ его смерти. Имъ разрѣшалось только одно изданіе спеціальнымъ ad hoc привилеемъ. Петру Элерту привилеемъ Владислава IV-го отъ 6 іюля 1647 года (въ Варшавѣ) было разрѣшено только одно изданіе Статута, съ охраною его издательскихъ интересовъ лишь до распродажи имъ экземпляровъ именно этого изданія; Янъ III Собѣсскій 2 мая 1691 года (въ Виłановѣ) выдалъ подобное же разрѣшеніе типографіи Виленской (іезуитской) Академіи; 18 сентября 1744 года (въ Варшавѣ) Августъ III выдалъ той же Академіи привилей на изданіе Статута, на основаніи котораго она и выпустила свои изданія этого кодекса въ 1744 и 1786 годахъ[1]).

---

[1]) Всѣ эти привилеи напечатаны при соотвѣтствующихъ изданіяхъ Третьяго Статута. Описаніе привилеевъ, выданныхъ на изданіе Статута Ви-

Издать Статутъ безъ вѣдома Сапѣги значило бы обмануть именно его, а на это рѣшиться Мамоничи безусловно не могли какъ потому, что были теснѣйшимъ образомъ съ нимъ связаны въ своей издательской дѣятельности въ то время вообще[1]), такъ и потому, что онъ имѣлъ слишкомъ высокое положеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ по занимаемымъ имъ должностямъ[2]), да и самъ „великій Левъ" былъ не такимъ человѣкомъ, который бы могъ не замѣтить грубаго обмана и его допустить. Не рядъ изданій русскаго текста Литовскаго Статута 1588 года былъ выпущенъ Мамоничами, какъ было принято въ литературѣ съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но только одно. Мы не знаемъ, въ какомъ количествѣ экземпляровъ было выпущено Мамоничскою типографіей это изданіе. Вообще наибольшее количество экземпляровъ одного изданія старыхъ печатень опредѣляютъ числомъ не болѣе тысячи[3]). Нужно думать, что Литовскій Статутъ былъ напечатанъ въ 1588 году въ такомъ большомъ количествѣ экземпляровъ, которое было вообще въ средствахъ Мамоничской „друкарни", при полномъ ихъ напряженіи. А для этого, въ условіяхъ техники старопечатнаго дѣла, она должна была неизбѣжно прибѣгнуть къ одновременнымъ параллельнымъ набору и печатанію[4]).

ленской Академіи см. подъ номерами 102 и 104 въ первомъ томѣ Описанія Дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія (Петроградъ, 1917).

[1]) См. выше, стр. 283-285.

[2]) Левъ Сапѣга съ 1589 года былъ канцлеромъ Великаго Княжества Литовскаго, а съ 1623 года и Виленскимъ воеводою. Въ 1625 году онъ, оставаясь Виленскимъ воеводою, былъ назначенъ великимъ Литовскимъ гетманомъ.

[3]) Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ, стр. 15.

[4]) Необходимость параллельныхъ набора и печатанія въ старыхъ типографіяхъ нужно имѣть постоянно въ виду и при изученіи другихъ старопечатныхъ изданій, выходившихъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Именно этимъ путемъ, напримѣръ, совершенно просто объясняется и различіе въ экземплярахъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, напечатаннаго въ Москвѣ „въ третье лѣто" его царствованія (вышло 29 января 7157 года). Не о „двухъ изданіяхъ" его нужно говорить, а о двухъ параллельныхъ наборахъ одного и того же изданія. Описаніе отличій экземпляровъ Уложенія и библіографическую литературу о немъ см. у И. П. Каратаева (Описаніе Слав.-Р. книгъ, напеч. кирилл. буквами, томъ первый, № 649, стр. 595).

Въ письмѣ къ Криштофу Радивилу отъ 13 іюля 1588 года изъ Межирѣчья Левъ Сапѣга сообщаетъ, что отдалъ распоряженіе печатать русскій текстъ Статута[1]). Надо думать, что это онъ сдѣлалъ не въ самый день своего письма, но раньше его, возможно предполагать, и довольно значительно раньше. Но и на предварительную подготовку типографскихъ работъ также, конечно, потребовалось немалое время: надобно было заготовить, по крайней мѣрѣ заказать, громадное, по масштабамъ книжнаго издательства того времени, количество бумаги, типографскую краску, а также увеличить запасы основного шрифта. Вотъ почему едва ли возможно предполагать начало набора и печатанія Третьяго Литовскаго Статута ранѣе наступленія лѣта или конца весны 1588 года.

Между тѣмъ закончить печатаніе Статута было необходимо къ исходу 1588 года непремѣнно, ибо съ 6 января 1589 года онъ долженъ былъ уже вступить въ дѣйствіе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Это было постановлено при самомъ утвержденіи Статута Сигизмундомъ III-мъ и внесено въ его привилей 28 января 1588 года. Въ февралѣ того же 1588 года были разосланы объ этомъ господарскіе универсалы по всѣмъ повѣтамъ Великаго Княжества Литовскаго[2]), и акты судовъ знаютъ, что въ началѣ 1589 года Третій Статутъ „до уживанья у Великомъ Князстве Литовскомъ пришолъ“[3]).

Къ декабрю 1588 года работа по печатанію Статута въ Мамоничской типографіи, надо думать, была закончена совершенно, ибо посвященіе изданія Львомъ Сапѣгою Сигизмунду III-му датировано первымъ декабря 1588 года, а это посвященіе, вмѣстѣ съ обращеніемъ Сапѣги ко „всимъ вобецъ станомъ Великого Князства Литовъского“, замѣняетъ тѣ послѣсловія или предисловія, которыми обычно снабжались старопечатныя изданія и въ которыхъ обыкновенно говорилось и о времени окончанія работъ „друкаровъ“ и выхода книги изъ „друкарни“.

Такимъ образомъ, первое изданіе Статута 1588 года должно было набираться и печататься въ теченіе пяти, самое большое шести мѣсяцевъ. Мы видѣли выше, что книги такого размѣра, какъ Литовскій Статутъ, обыкновенно печатались въ

---

[1]) Цитату изъ этого письма см. выше, стр. 314.

[2]) См. выше, стр. 238.

[3]) А., изд. Вил. Арх. К., VI, стр. 40.

старыхъ „друкарняхъ“ около года. Совершенно ясно, что Мамоничской типографіи необходимо было работать надъ этимъ изданіемъ съ величайшею спѣшностью, притомъ съ такимъ количествомъ параллельныхъ наборовъ, которое ей было только доступно. Работа велась настолько спѣшно, что отпечатанные листы Статута не могли быть подвергнуты болѣе или менѣе тщательнымъ просмотру и корректурѣ послѣ ихъ выхода изъ-подъ прессовъ, какъ это дѣлалось въ старыхъ печатняхъ обыкновенно. Пришлось присоединить къ экземплярамъ Статута „Омылъки, которыи траѳили ся въ друку“, т. е. списокъ опечатокъ. А погрѣшности въ пагинаціи даже совсѣмъ не были исправлены, и десятки страницъ были пропущены въ общемъ ихъ счетѣ. Но, несмотря на все это, первое изданіе Литовскаго Статута 1588 года, вышедшее въ Вильнѣ изъ типографіи Мамоничей, внѣ всякаго сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ наиболѣе выдающихся произведеній русской старопечати Великаго Княжества Литовскаго[1]).

---

[1]) Признавая серьезность значенія разночтеній отдѣльныхъ экземпляровъ изданія русскаго текста Статута для практической дѣятельности, особенно въ судахъ, С. Л. Пташицкій полагалъ, что послѣ изданія польскаго перевода кодекса въ 1614 году текстъ его былъ уже идентиченъ во всѣхъ своихъ экземплярахъ. Онъ писалъ: „Nie ma więc, o czem się kłopotać co do tekstu dla celów praktycznych, od r. 1614 już nie kierują się w życiu prawnem tekstem ruskim a tylko polskim....“ (op. cit., str. 166). Но — 1) къ экземплярамъ Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута былъ типографіей присоединенъ списокъ опечатокъ, по которому каждый судья имѣлъ возможность провѣрить правильность текста въ нужныхъ єму случаяхъ; 2) экземпляры изданій польскаго перевода не обслѣдованы, а потому нельзя въ настоящее время утверждать, что они всѣ идентичны; 3) списка опечатокъ въ извѣстныхъ намъ ихъ экземплярахъ не имѣется; 4) нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что со времени выхода въ свѣтъ польскаго перевода Статута въ 1614 году совершенно исчезли изъ практики экземпляры изданія оригинальнаго русскаго текста Статута. Конечно, они вытѣснялись новыми изданіями лишь постепенно на протяженіи достаточно длительнаго времени. Какъ русскій языкъ вытѣснялся польскимъ изъ дѣлопроизводства урядовъ и судовъ на протяженіи XVII столѣтія лишь постепенно, такъ точно и русскій текстъ Статута вытѣснялся польскимъ переводомъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ, а не сразу съ 1614 года исчезъ изъ употребленія. Это все совершенно естественно. Чтобы имѣть право говорить о немедленной замѣнѣ русскаго текста польскимъ съ 1614 года, т. е. о нарушеніи такого естественнаго порядка смѣнъ одного изданія книги другимъ, необходимо по актамъ судовъ и урядовъ установить эту внезапную смѣну изданій Статута. Только такимъ путемъ можно ее доказать съ достаточною убѣдительностью.

Наше утвержденіе, что не существовало послѣдовательныхъ изданій русскаго текста Третьяго Литовскаго Статута въ Мамоничской типографіи и что различія экземпляровъ единственнаго его изданія объясняются параллельностью набора и печатанія его въ типографіи, было высказано нами впервые въ 1928 году въ статьѣ „Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года“[1]), въ которой мы постарались и обосновать это утвержденіе данными, полученными отъ изученія экземпляровъ перваго изданія Статута въ связи съ техникою старопечатнаго дѣла, а также данными источниковъ, въ которыхъ имѣются указанія для правильнаго разрѣшенія этого вопроса. Детальнаго разбора, тѣмъ болѣе опроверженія ихъ, намъ не пришлось встрѣтить въ замѣткахъ объ этой статьѣ, появившихся въ печати. Но возможность выдти изъ тѣхъ противорѣчій, которыя создавались старымъ представленіемъ о существованіи нѣсколькихъ изданій русскаго текста Статута, была привѣтствована наиболѣе авторитетными въ области его изученія изслѣдователями. Глубокій знатокъ исторіи славянскаго и въ частности обще-русскаго и литовскаго права, Ѳ. В. Тарановскій писалъ въ своей замѣткѣ объ этой нашей статьѣ: „такимъ образомъ падаетъ легенда о „тайныхъ“ изданіяхъ Статута Мамоничами безъ вѣдома канцлера Сапѣги“[2]). Длинный рядъ лѣтъ работавшій надъ вопросами Литовскаго Статута, недавно скончавшійся С. Л. Пташицкій привѣтствовалъ основную нашу мысль, высказанную въ статьѣ[3]). Но послѣднему не такъ легко было порвать съ прежнимъ представленіемъ о рядѣ изданій русскаго текста Третьяго Статута, которое утвердилось въ литературѣ со времени еще И. Н. Даниловича. Трудно назвать попыткою опровергнуть наше утвержденіе объ единственномъ изданіи этого текста то, что высказано С. Л. Пташицкимъ въ одной изъ послѣднихъ его статей, появившихся въ печати уже послѣ кончины ихъ автора. Это скорѣе вопросы, которые онъ намъ поставилъ. На нихъ отвѣтъ былъ нами данъ выше. Но С. Л. Пташицкій провѣркою одной изъ главныхъ частей нашей аргументаціи способствовалъ и ея признанію. Ознакомившись

---

1) Напечатана была въ пятой книгѣ журнала „Tauta ir Žodis“.

2) Газета „Россія и Славянство“, 23 марта 1929 года.

3) „Opinja taka znakomitego badacza Statutu bardzo jest ponętna“ (op. cit., str. 165).

съ нашею статьею, онъ обратился къ не знавшему ея директору Скарбоваго Архива въ Варшавѣ, г. Вацлаву Граничному, какъ знатоку старинной бумаги, съ просьбою дать заключеніе о времени бумаги шести экземпляровъ Мамоничскаго изданія русскаго текста, которые ему указалъ С. Л. Пташицкій. Изслѣдовавъ бумагу этихъ экземпляровъ, г. Граничный установилъ, что всѣ они напечатаны на бумагѣ одного и того же времени, употреблявшейся какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ[1]). Сдѣланная въ интересахъ науки, провѣрка нашихъ наблюденій надъ бумагою Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута 1588 года должна быть встрѣчена съ большою признательностью. Результаты ея показываютъ неправильность стараго представленія о разновременности изданій оригинальнаго текста Третьяго Статута, а стало быть говорятъ о томъ, что изданіе его было только одно.

---

[1]) „z całą pewnością utrzymywać można, że zbadane sześć egzemplarzy Statutu (дальше они перечислены) wydrukowane są na papierze jednego rodzaju z dodatkiem nielicznych tylko arkuszy o znakach innych.... Papier z takiemi znakami, jak wykazały badania, przeprowadzone w Archiwum Skarbowem w Warszawie, był używany w końcu w. XVI jako aktowy w obydwóch kancelarjach podskarbińskich, jak w Koronie tak na Litwie". Op. cit., str. 164-165.

Глава VI.

Литовскій Статутъ 1588 года послѣ его перваго изданія.

Оцѣнка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ значенія Статута 1588 года. Примѣненіе Второго Статута рядомъ съ Третьимъ въ первое время послѣ введенія послѣдняго въ дѣйствіе. Именованіе Третьяго Статута и ссылки на его артикулы въ актахъ судовъ. Цитаты изъ статутовыхъ артикуловъ. Обращеніе рукописныхъ копій Третьяго Статута и извлеченій изъ него. Начало „поправы" Третьяго Статута съ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія. Неудача первой Коммиссіи для исправленія этого кодекса. Статутовая Коммиссія 1609 года и ея неудача. Происхожденіе перваго изданія польскаго перевода Литовскаго Статута. Выходъ этого изданія изъ Мамоничской типографіи въ 1614 году. Его неоффиціальный характеръ. Данныя, извлекаемыя изъ посвященія изданія Сапѣгѣ Леономъ Мамоничемъ. Указанія другихъ приложеній къ тому изданія 1614 года. Мамоничское изданіе Статута въ 1619 году. Посвященіе изданія Гавловицкимъ Льву Сапѣгѣ. Происхожденіе этого изданія. Постановленіе сейма коронаціи Владислава IV-го объ исправленіи Литовскаго Статута. Неудача Статутовой Коммиссіи, установленной этимъ сеймомъ. Постановленіе Варшавскаго сейма 1635 года о новой Статутовой Коммиссіи. Дѣятельность этой Коммиссіи, собравшейся въ 1636 году въ Вильнѣ. Ея неудача. Происхожденіе изданія Статута, вышедшаго въ Варшавѣ въ 1648 году. Составъ тома этого изданія и его характеристика. Изданіе 1693 года. Изданіе 1744 года. Изданіе 1786 года. Практическое изученіе Литовскаго Статута какъ свода дѣйствующихъ законовъ и вирши для облегченія усвоенія его содержанія. Рукописи и переводы Литовскаго Статута 1588 года. Изданія Статута въ 1811 и 1819 годахъ. „Комитетъ для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литовскаго Статута" при Виленскомъ Университетѣ. Утрата Литовскимъ Статутомъ съ 1840 года значенія свода дѣйствующихъ законовъ.

Третій Литовскій Статутъ получилъ высокую оцѣнку въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, т. е. государствѣ, сводомъ законовъ котораго онъ былъ. Его значеніе было опредѣлено сразу. Выпуская въ свѣтъ печатное изданіе Статута и тѣмъ давая его въ руки „обывателей", „народа" Великаго Княжества Литовскаго, Левъ Сапѣга указывалъ на то, что этотъ кодексъ представляетъ собою народное сокровище, которому нѣтъ цѣны. Онъ выдвигалъ, въ своихъ посвященіи изданія Статута

Сигизмунду III-му и обращеніи къ станамъ, его значеніе для охраны правъ какъ государства Литвы, такъ и его гражданъ. Но онъ подчеркивалъ въ своемъ обращеніи къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго то, что и „суседъ“, т. е. поляки и Польша, не имѣетъ надъ ними власти больше, чѣмъ допускаетъ Статутъ. Третій Литовскій Статутъ, такимъ образомъ, охраняетъ права Великаго Княжества Литовскаго какъ государства. Однако не только въ этомъ его значеніе. Его артикулы являются уздою, долженствующею сдерживать преступныхъ людей, покушающихся на права и интересы обывателей государства Литвы. Въ нихъ защита отъ насилій, въ нихъ охрана слабыхъ и бѣдныхъ отъ сильныхъ и богатыхъ. Написанное Сапѣгою въ напечатанныхъ имъ при Статутѣ посвященіи и обращеніи проникнуто вѣрою въ силу права и закона, въ ихъ необходимость для существованія государства и человѣческаго общежитія. Сапѣга вѣрилъ въ то, что и самъ Третій Статутъ, и изданныя при немъ его произведенія будутъ воспитывать „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго. По его мысли каждый обыватель изъ этого „народа“ долженъ имѣть свой экземпляръ изданнаго въ печати Статута, который долженъ стать его настольною книгою[1]).

Сознаніе значенія Третьяго Литовскаго Статута, какъ хранилища государственныхъ правъ Великаго Княжества Литовскаго и какъ гарантіи ихъ незыблемости, утвердилось въ „народѣ“ этого государства на все послѣдующее время. Его артикулы выдвигались противъ предпринимавшихся въ Польшѣ попытокъ нарушить права государства Литвы во время существованія Польско-Литовской федераціи[2]). Третій Литовскій Статутъ еще въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVIII вѣка признавался „кардинальнымъ правомъ“ Великаго Княжества Литовскаго, гарантированнымъ ему въ его Уніи съ Польшею[3]). Что

---

[1]) Содержаніе посвященія изданія Статута Сигизмунду III-му и обращенія Сапѣги къ станамъ см. выше, стр. 320-326.

[2]) См. И. И. Лаппо, Люблинская Унія и Третій Литовскій Статутъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1917, V). Та же статья на литовскомъ языкѣ — Bandymas pavesti lenkui Vilniaus vyskupo katedrą XVI amž. pabaigoje (Praeitis, I tomas; Kaunas, 1930).

[3]) „. . . y gdy tenże statut Litewski za prawo kardynalne traktatem unii W. X. Lit. iest uznany (изъ инструкціи Городенскаго сеймика своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ 1780 года, съ требованіемъ противодѣйствія извѣстному проекту кодификаціи Замойскаго). А., изд. Вил. Арх. К., VII, стр. 386.

касается законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, внесенныхъ въ этотъ кодексъ, то они признавались болѣе совершенными, чѣмъ законы предшествующаго свода законовъ, т. е. Литовскаго Статута 1566 года. Такъ, при разборѣ одного дѣла въ Вилькомирскомъ гродскомъ судѣ 11 марта 1596 года, одна изъ стоявшихъ на судѣ сторонъ, „подавая" артикулъ Третьяго Статута въ обоснованіе своего требованія, говорила: „кгды жъ для того въ томъ Новымъ Статуте на безправъе врядовое лекарство людемъ укривжонымъ право описало" [1]).

Послѣ вступленія Статута 1588 года въ дѣйствіе по отношенію къ дѣламъ, возникшимъ раньше, сохранилось значеніе Второго Литовскаго Статута. Судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ былъ входить въ вопросъ о томъ, при дѣйствіи котораго изъ этихъ кодексовъ возникло находящееся передъ нимъ дѣло, чтобы именно имъ руководиться. И въ отдѣльныхъ случаяхъ иногда не такъ было легко разрѣшать этотъ вопросъ при запутываніи его стоявшими на судѣ сторонами. Такъ, напримѣръ, Мстиславскій земскій судъ 28 января 1599 года, разсматривая земельную тяжбу господарскихъ земянъ Микуличей и Суходольскихъ съ князьями и княжною Корибутовичами-Збаражскими, записалъ въ актѣ своего разбора этого дѣла: „для чого мы, врядъ, не ведаючи, которымъ бы Статутомъ тую справу отъсужывать мели есмо для тое теды причыны — въ недоложеню въ позве, за которого Статуту панове Микуличове заставу именя Бабичъ менують" [2]). На основаніи этого судъ призналъ „позовъ" Микуличей въ данномъ дѣлѣ „збитымъ" и освободилъ отъ него князей и княжну Збараж-

---

1) Тѣ же Акты, XXXII, стр. 59.

2) Дальше документъ продолжаетъ: „тою причыною помененый позовъ жалобы пановъ Микуличовъ въ речы вышей помененой за збитый узнавшы, ихъ милость кнежатъ Збаражскихъ и ее милость панну воеводянку Троцкую отъ позву и року волныхъ чынимъ а, прыхиляючы се до науки артыкулу тринадцатого въ розделе семомъ, наказали есмо, ижъ бы панъ Остаѳей, панъ Сымонъ и панъ Янъ Микуличы, докладаючы въ позве, за которого Статуту тая менуючая застава именья Бабичъ стала, похочуть ли его милость князя Януша Збаражского воеводу Браславского, его милость князя Петра Збаражского и ее милость кнежну Барбару Збаражскую воеводянку Троцкую о тую речъ знову позывали". Документъ находится на л.л. 40-48 об. сборника подъ сигнатурою Б. 86, хранившагося въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

скихъ. Иногда случалось и такъ, что одна изъ сторонъ отводила дѣйствіе Третьяго Статута въ своемъ дѣлѣ и заявляла, что оно должно разбираться на основаніи Второго. Такое заявленіе, напримѣръ, сдѣлалъ служившій у Минскаго земскаго судьи Мартина Володковича Герасимъ Илвовичъ, котораго Володковичъ обвинялъ въ томъ, что онъ отъ него „утекъ", не только не расчитавшись, но еще и „немало зашкодивши". На разборѣ этого дѣла въ 1590 году въ Минскомъ гродскомъ судѣ Герасимъ сказалъ, что онъ ушелъ отъ Володковича, не только расчитавшись, но и учтиво простившись со своимъ бывшимъ хозяиномъ[1]). Однако послѣдній все-таки требовалъ выдачи себѣ Герасима какъ „збега", на основаніи двадцать четвертаго артикула XII-го раздѣла „Статуту теперешнего". На это Герасимъ отвѣтилъ: „збегомъ ме, ваша милость, меновать не можешъ, кгды дей я учстиве отъ в. млсти отсталъ; а где быхъ я отъ в. м. утекъ, ваша бы милость на враде жаловалъ альбо суседомъ оповедалъ; и тотъ артыкулъ, которого в. м. собе на помочъ зъ Статуту теперешнего брать рачишъ, мочонъ вашъ мости быть не може, кды жемъ [за][2]) старого Статуту отъ вашъ мости отсталъ"[3]). Ушелъ Герасимъ отъ Володковича 5 декабря 1588 года, т. е. уже послѣ утвержденія Третьяго Статута привилеемъ Сигизмунда отъ 28 января этого года. Но, такъ какъ этотъ кодексъ долженъ былъ вступить въ дѣйствіе лишь съ 6 января 1589 года, онъ признавался не имѣющимъ силы для поступка, совершеннаго за мѣсяцъ до этого срока.

Вступившій въ дѣйствіе съ трикрольскихъ роковъ, т. е. съ 7 января, 1589 года, Третій Литовскій Статутъ являлся новымъ кодексомъ по сравненію со Статутомъ 1566 года, который, какъ мы только что видѣли, сталъ называться „старымъ". Но Третій Статутъ именовался въ отличіе отъ Второго и „теперешнимъ", какъ дѣйствующій въ настоящее время. Какъ текущій годъ обозначался „рокомъ" или „годомъ теперешнимъ"[4]), такъ и кодексъ, дѣйствовавшій въ данное текущее время, обо-

---

[1]) „яко личбу в. м. зо всего учинилъши, такъ же и учъстиве вшу милость, пна своего, пожекгънавши, одсталъ".

[2]) Слова „за" въ изданіи документа нѣтъ. Вмѣсто него поставлены точки.

[3]) А., изд. Вил. Арх. К., XXXVI, стр. 359-360.

[4]) Напр., „въ году теперешнимъ" — А., изд. Вил. Арх. К., XXXVI, стр. 364 (№ 432).

значался „теперешнимъ" также[1]). Иногда Второй Литовскій Статутъ, послѣ введенія въ дѣйствіе Третьяго, назывался и „першимъ Статутомъ"[2]). Это обозначеніе, такимъ образомъ, въ документахъ и судебныхъ актахъ съ начала 1589 года отнюдь не указываетъ на Первый Литовскій Статутъ, т. е. кодексъ 1529 года, а относится именно къ Статуту 1566 года. Что касается самого Третьяго Статута, то онъ именуется въ актахъ и документахъ не только Статутомъ, но и „правомъ посполитымъ". Стороны, стоящія передъ судомъ, не только „подаютъ" тѣ или другіе артикулы „з Статуту"[3]), но и указываютъ на то, что „право посполитое, артыкулъ" такой-то, установляетъ то или другое, цитируя затѣмъ выдвигаемый ими статутовый артикулъ[4]). Равнымъ образомъ и самъ судъ, формулируя свои постановленія, не только просто ссылается на артикулы Статута, но иногда пишетъ: „яко право посполитое, артыкулъ" такой-то „учыть". Встрѣчается и „Статутъ правъ земскихъ" какъ именованіе кодекса[5]).

Ссылки на Статутъ въ актахъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго представляютъ собою самое обычное явленіе. Артикулы кодекса цитируются постоянно и судомъ, и стоящими передъ нимъ сторонами. Вотъ, напримѣръ, мотивировка одного изъ рѣшеній Вилькомирскаго гродскаго суда отъ 7 декабря 1596 года: „ино мы, врадъ, вгленувъшы въ листъ-записъ пана Адама Владыки, пану Станиславу Буйвиду даный, и у вьписъ съ книгъ кгродъскихъ тутошъныхъ, на доводъ неучиненя досыть отъ пана Адама Владыки листу-запису его отъ стороны жалобливое покладаны, которы за слушъны доводъ прынявшы,

---

1) См., напр., тамъ же, стр. 363 (№ 429) — „водлугъ теперешнего Статуту и права посполитого".

2) См., напр., тамъ же, стр. 410 (№ 475) — „въ першымъ Статуте".

3) См., напр., А., изд. Вил. Арх. К., XXXII, стр. 60, 62 и др.

4) См., напр., тамъ же, стр. 31 — „а ижъ право посполитое, артыкулъ сорокъ первы розделу четвертого, въ таковыхъ речахъ, хто бы на комъ якимъ фортелемъ або омылною якою справою заочне за нестанемъ стороны позваное право перевелъ, будь рокъ який не правдивы змышлены утворывшы, албо за записами якими не правдивыми змышлеными презыскъ одержалъ, таковогo о злы переводъ права до того жъ суду, у которого права переведено, позывати указуеть". Ср. тамъ же, стр. 111, 117 и др.

5) Напр., тамъ же, стр. 80 — „Статутъ правъ земскихъ правомъ чынити указуеть".

а заховуючы ся въ томъ водле артыкулу сорокъ четвертого, параграфъ писаны о волномъ позываню за листомъ доброволнымъ записомъ съ повету и суду належного въ иншы не належны судъ и поветъ, и тежъ водле артыкулу сорокъ второго того жъ розделу четвертого, писаного о рокохъ завитыхъ, тотъ листъ-записъ пана Адама Владыки[1]), яко правны и слушны, водле артыкулу семого розделу семого во всемъ пры зуполной моцы заховавшы, сказали и присудили есмо на пану Адаме Владыце водле листу-запису его ......"[2]). Передъ тѣмъ же судомъ представитель жалобной стороны 8 октября 1596 года говорилъ: „ино, ижъ дей ясная наука въ праве посполитомъ Статуте земъскомъ, а меновите въ артыкуле чотырнадцатомъ з розделу семого о откладаню сумы пенезей за заставу описана естъ, ..."[3]). Выраженія „водле науки статутовое"[4]), „водле науки, въ томъ артыкуле описаное"[5]), „а бачечы ясную науку, въ праве посполитомъ артыкуле деветдесятъ второмъ въ розделе четвертомъ описаную"[6]), и имъ подобныя постоянно встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго. Иногда во время судебныхъ преній дѣлалось такое заявленіе: „не можеть дей того сторона позваная съ права посполитого не однымъ артыкуломъ показати, абы то ясне выражано быти мело"[7]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и члены судовъ, и тяжущіеся, особенно ихъ „умоцованые" и адвокаты, знали относящіеся къ ихъ дѣламъ артикулы Третьяго Литовскаго Статута прекрасно.

Не такъ рѣдки въ актахъ судовъ, вмѣсто простыхъ ссылокъ на соотвѣтствующіе артикулы Статута или указаній содержанія послѣднихъ, и цѣлыя цитаты текста кодекса. Такъ, напримѣръ, 4 апрѣля 1596 года во время разсмотрѣнія одного дѣла Вилькомирскимъ гродскимъ судомъ, представитель одной изъ сторонъ, читая по запискѣ свое заявленіе, ссылался въ немъ на девятый артикулъ четвертаго раздѣла Статута. Нужный ему текстъ этого артикула онъ приводилъ, указывая, что

---

1) Въ изданіи: „Владыка".
2) А., изд. Вил. Арх. К., XXXII, стр. 130.
3) Тамъ же, стр. 106.
4) Напр., тамъ же, стр. 131.
5) Напр., тамъ же, стр. 132.
6) Напр., тамъ же, стр. 115.
7) Напр., тамъ же, стр. 114.

въ немъ написано „меновите тыми словы: если бы возны што колвекъ такового не прыстойне справовалъ або ижъ бы не справедливе созъналъ а врадомъ своимъ ку шкоде которой стороне шафовалъ за якою жъ колвекъ прычыною, тогды за доводомъ слушнымъ каранъ быти маеть водле властности выступъку, а меновите за неправдивое созънане горломъ“[1]). Если мы сравнимъ статутовый текстъ въ этой цитатѣ, которая читалась „съ цедулы“, т. е. была написана заранѣе, съ соотвѣтствующимъ текстомъ Третьяго Статута въ его Мамоничскомъ изданіи, то замѣтимъ, что они не вполнѣ совпадаютъ. Въ Статутѣ соотвѣтствующее мѣсто даннаго артикула читается такъ: „А гдѣ бы возный што кольвекъ таковогo не пристойного справовалъ, або ижъ бы не справедливе созналъ а врядомъ своимъ ку шкоде которой стороне шафовалъ за якою жъ кольвекъ причиною, або же бы на чию справу и потребу кому кгволи або про страхъ и пожитокъ свой заразомъ ехать, листовъ нашихъ албо врядовыхъ и позвовъ водле потребы сторонъ носити и подавати не хотелъ и роковъ судовыхъ кому съ позваньемъ омешкалъ, — тогды за доводомъ слушнымъ, яснымъ и достаточнымъ, который бы се зъ шкрутыний показалъ каранъ быти маеть водле важности выступу своего, а меновите: за неправдивое сознанье горломъ, а за инъшие меншие выступки маеть седеть у везенью на замку або въ дворе нашомъ дванадъцать недель и шкоду стороне поводовой нагородити за доводомъ“. Такимъ образомъ, передъ нами, во-первыхъ, весьма значительное сокращеніе статутоваго артикула съ опущеніемъ части его текста, а во-вторыхъ – не точная выписка хотя бы только сохраненной въ цитатѣ части статутоваго текста, а рядомъ съ выписанными изъ Статута однѣми изъ его фразъ, перефразировка и передача своими словами по отношенію къ другимъ.

Объяснить несовпаденіе цитаты съ оригинальнымъ текстомъ Статута можно двояко. Вина за него падаетъ или на цитировавшее лицо, или на тотъ статутовый текстъ, съ котораго была сдѣлана цитата. Въ первомъ случаѣ передъ нами — желаніе цитировавшаго сократить текстъ, приводя изъ артикула возможно короче лишь то, что было ему нужно для обоснованія своего заявленія въ засѣданіи суда. Во второмъ —

[1]) Тамъ же, стр. 78.

пользованіе имъ не печатнымъ изданіемъ Третьяго Литовскаго Статута, а его рукописною копіею, въ которой могли оказаться возникшія при перепискѣ отклоненія отъ оригинала.

Необходимо признать, что вообще требованіе дословной точности цитатъ далеко не было общепризнаннымъ въ старое время. Это очень хорошо иллюстрируется наблюденіями надъ цитатами изъ Священнаго Писанія, встрѣчающимися въ документахъ. Такъ, Полоцкій земянинъ Иванъ Юрьевскій въ своемъ духовномъ завѣщаніи, подписанномъ 3 августа 1622 года, между прочимъ писалъ: „лечъ паметаючы на слово Евангилия Светого, где намъ усимъ готовымъ быти кажеть, не ухваючы омыльности сего света, кгдыжъ на томъ свете не только хорому, але и здоровому ничого не естъ певнейшого, одно смерть, которая кождого чоловека грешного и справедливого минути не можеть“[1]). Передъ нами въ данномъ примѣрѣ, конечно, лишь пересказъ, а не точное приведеніе евангельскаго „слова“, на которое ссылался Юрьевскій. Въ другомъ документѣ той же группы актовъ, т. е. „тестаментовъ“, подписанномъ 27 мая 1640 года, читается: „Я, Марына Пышничанка Даниелевая Бирулиная, земянка господарская воеводства Витебского, чыню явно и ознаймую симъ тестаментомъ остатнее воли моее, ижъ, будучы отъ Пана Бога Всемогущого хоробою навежона, однакъ же еще пры доброй памети и въ неусталыхъ смыслахъ моихъ, помнечы оные слова Панские „чуйте и молитисе, не ведаете часу ани годины“, а уважаючы тежъ и то.....“[2]). Даже во второмъ изъ этихъ примѣровъ нельзя признать цитату сдѣланною достаточно полно, а потому и правильно. Что же касается перваго примѣра, то въ немъ простое воспроизведеніе по памяти лишь основной мысли евангельскаго текста.

Само собою разумѣется, что при цитированіи артикуловъ Статута вообще, а въ судебныхъ процессахъ въ особенности, необходима была гораздо бо́льшая точность, чѣмъ въ завѣщаніяхъ или письмахъ. Но и на судѣ дословная точность цитатъ, конечно, требоваться въ то время не могла. Совершенно достаточнымъ должно было признаваться правильное указаніе на содержаніе закона, хотя бы и безъ приведенія точной его фор-

---

[1]) Историко-Юрид. Матеріалы, извл. изъ акт. книгъ губерній Витебской и Могилевской, вып. XXIII, стр. 345.

[2]) Тѣ же Матеріалы, XXVI, стр. 107.

мулировки. И такія приведенія содержанія того или другого статутоваго артикула лишь въ общемъ его видѣ совершенно обычны въ актахъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго. Но мы видѣли, что въ примѣрѣ цитированія Статута во время засѣданія Вилькомирскаго гродскаго суда, о которомъ мы говорили выше, сказано: „въ которомъ пишеть меновите тыми словы“. Это указываетъ на желаніе дать точную выписку изъ Статута. А между тѣмъ ея текстъ рознится съ оффиціальнымъ печатнымъ текстомъ Третьяго Статута. Поэтому, естественно, въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь не только объ искаженіи статутоваго текста цитирующимъ, но и объ его неточной передачѣ въ томъ экземплярѣ кодекса, которымъ цитирующій пользовался. Быть же это могло только въ рукописной копіи Третьяго Статута.

Передъ нами, такимъ образомъ вопросъ о томъ, обращались ли въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ рукописные экземпляры Третьяго Статута послѣ выхода въ свѣтъ его печатнаго изданія. Мы видѣли выше[1]), что книгопечатаніе въ XVI столѣтіи еще не упразднило и обращенія въ рукописяхъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыя издавались въ печати. Печатныя книги переписывались еще такъ же, какъ и рукописныя, хотя, надо думать, и въ меньшемъ числѣ списковъ, чѣмъ книги, не попадавшія въ печать. По отношенію къ первому изданію Литовскаго Статута 1588 года это также должно было имѣть свое мѣсто. Мы не знаемъ цѣны, по которой были пущены въ продажу его экземпляры. Но она не могла быть слишкомъ дешевой, а потому и общедоступной. Въ описи имущества Виленскаго бурмистра Степана Лебедича, составленной въ серединѣ XVII столѣтія, обозначена цѣна книгъ, въ нее внесенныхъ. Острожская Библія оцѣнена въ 10 золотыхъ, Дѣянія Апостольскія и Учительное Евангеліе — по 4 золотыхъ[2]). Надо думать, что стоимость печатнаго экземпляра Статута была нѣсколько ниже первой и выше двухъ вторыхъ. А между тѣмъ за четверть года службы наемнаго пѣхотинца въ ротѣ „людей служебныхъ“ обычною платою были шесть золотыхъ польскихъ[3]). Переводя золотые на литовскіе гроши и считая въ

---

[1]) Стр. 296-297.

[2]) А., изд. Вил. Арх. К., IX, стр. 483.

[3]) См. выше, часть первая, стр. 331-332, примѣчаніе.

двухъ съ половиною золотыхъ по копѣ грошей литовскихъ[1]) получаемъ стоимость печатнаго экземпляра Статута не менѣе двухъ копъ грошей, а вѣроятно, даже и выше. Между тѣмъ, лошадь въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ можно было купить за 3—4 копы грошей, вола — за 3 копы и дешевле, саблю — за 40 грошей[2]). Совершенно ясно, что не только „убогій" шляхтичъ, самъ пахавшій свою землю, но и люди не слишкомъ большого достатка вообще не могли считать для себя по средствамъ покупку печатнаго экземпляра Статута. Если имъ хотѣлось его имѣть, они должны были искать случая списать для себя текстъ кодекса съ экземпляра его Мамоничскаго изданія. Побужденіемъ къ изготовленію рукописныхъ копій Третьяго Статута должна была явиться и достаточно быстрая распродажа всѣхъ экземпляровъ изданія утвержденнаго въ 1588 году текста кодекса. Левъ Мамоничъ, въ своемъ посвященіи Льву Сапѣгѣ изданія, вышедшаго въ 1614 году, писалъ: „one Ruskie, za roskazaniem W. M. mego Mościwego pana, od oyca mego roku 1588 Statutow W. X. Lith. drukowane exemplarze dawno iuż są między ludzie rozebrane"[3]). Потребность въ экземплярахъ Статута росла съ каждымъ годомъ, а весь запасъ печатныхъ его экземпляровъ былъ уже исчерпанъ. Совершенно естественно, что ихъ недостатокъ долженъ былъ восполняться изготовленіемъ рукописныхъ копій. Нѣкоторое число ихъ извѣстно уже и въ настоящее время[4]). Со временемъ, конечно, ихъ будетъ

---

[1]) См. Н. И. Горбачевскій, Археографическій Календарь (Вильна, 1869), стр. 110. См. также выше, стр. 275.

[2]) См., напр., А., изд. Вил. Арх. К., XXXVI, стр. 80, 228.

[3]) Это посвященіе напечатано въ томѣ изданія послѣ привилея Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, посвященія Сапѣгою изданія Статута тому же монарху, обращенія Льва Сапѣги къ станамъ и его герба со стихами Рымши.

[4]) И. Н. Даниловичъ еще указалъ на рукописныя копіи русскаго текста Третьяго Статута, имѣвшіяся у него, а также на изготовленную въ 1589 году въ Годутишкахъ и хранящуюся въ Королевской Берлинской Библіотекѣ (Historischer Blick, S. 293. Historyczny rzut oka, str. 90). Извѣстны онѣ были и другимъ изслѣдователямъ (см., напр., А. Ѳ. Кистяковскій, Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ. Кіевъ, 1879. Стр. 50-51). О рукописяхъ Статута, относящихся къ болѣе позднему времени, намъ придется говорить ниже. Теперь же отмѣтимъ еще рукописный экземпляръ Статута, хранившійся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ

приведено въ извѣстность значительно больше. Но, кромѣ рукописныхъ копій полнаго текста Третьяго Статута, должны были обращаться и извлеченія изъ кодекса, въ томъ или другомъ составѣ его артикуловъ. Такія извлеченія, т. е. рукописныя копіи частей текста Статута, должны были изготовляться для нуждъ судебныхъ ходатаевъ по дѣламъ[1]) и любителей судебныхъ процессовъ, но не исключена возможность и пользованія ими даже самими судьями. Дѣло въ томъ, что число статутовыхъ артикуловъ, съ которыми должны были имѣть болѣе постоянное обращеніе судьи повѣтовыхъ судовъ и стороны, стоявшія передъ ними, было относительно не такъ велико. Просматривая актовыя книги судовъ, мы легко замѣтимъ, что въ нихъ не такъ велико разнообразіе дѣлъ по ихъ существу. Для главной массы ихъ приходилось суду и сторонамъ основываться на опредѣленной группѣ наиболѣе часто цитируемыхъ артикуловъ. Конечно, рядъ дѣлъ требовалъ привлеченія не только этихъ, такъ сказать, особенно ходячихъ статей закона, но и обращенія къ другимъ. Отсюда возможность появленія рукописныхъ подручниковъ различнаго состава, т. е. болѣе полнаго и болѣе сокращеннаго. Но при веденіи дѣлъ въ судахъ приходилось считаться и съ тѣми дополненіями законодательства Великаго Княжества Литовскаго, которыя имѣлись въ уставѣ Трибунала и въ тѣхъ изъ конституцій „спольныхъ" сеймовъ, которыя получали значеніе въ государствѣ Литвы. Въ силу всего этого, должны были появляться рукописные сборники выписокъ изъ Статута съ дополненіемъ ихъ различными справками изъ другого законодательнаго матеріала[2]). Намъ не приходилось встрѣтиться съ такими рукописными сборниками, являющимися своего рода подручниками въ юридической практикѣ. Но ихъ большой вѣроятности отрицать мы отнюдь не

Дѣлъ, по каталогу рукописей Архивской Библіотеки № 153. 225. Образцы сокращеній Статута см. на стр. 148-189 въ трудѣ Н. П. Василенка, Матеріяли до історії українського права, т. I (Кіевъ, 1929).

[1]) О возникновеніи адвокатуры въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. С. Г. Борисенокъ, Утворення професійної адвокатури в Литовсько-руській державі (Праці Ком. для виуч. іст. зах.-р. та вкр. права, вип. III).

[2]) Образцомъ такого сборника для южныхъ земель государства Литвы, оторванныхъ въ 1569 году къ Польшѣ, можетъ служить изданный Пѣкосинскимъ Волынскій Статутъ по рукописи Чаплицкаго (Collectanea ex Archivo Coll. Jur., t. VII, p.p,305 sq.).

рѣшились бы. Однако рукописныя копіи отдѣльныхъ частей Статута намъ встрѣтить пришлось. Укажемъ хотя бы на одну рукопись, въ которой находится списокъ съ XIV раздѣла Третьяго Статута, въ составѣ его тридцати семи артикуловъ. Передъ началомъ этого раздѣла въ рукописи переписанъ и латинскій привилей Сигизмунда III-го отъ 11 февраля 1588 года, выданный Льву Сапѣгѣ на право изданія Статута въ печати[1]).

Итакъ, мы рѣшаемся признать, что рядомъ съ печатными экземплярами Третьяго Статута въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ должны были обращаться и его рукописные экземпляры, а также и рукописныя извлеченія изъ него въ различномъ составѣ его артикуловъ. Мы думаемъ, что въ источникахъ возможно встрѣтить обозначеніе „Статутъ писаный"[2]) и по отношенію къ Статуту 1588 года такъ же, какъ оно встрѣчается по отношенію къ Статуту 1566 года.

Уже около сорока лѣтъ тому назадъ въ литературѣ было замѣчено, что Третій Литовскій Статутъ вскорѣ послѣ его утвержденія оказался въ „поправѣ"[3]). Дѣйствительно, о ней имѣемъ извѣстія съ начала девяностыхъ годовъ XVI столѣтія. Левъ Сапѣга въ своемъ письмѣ къ Николаю Криштсфу Радивилу изъ Вильны отъ 9 февраля 1592 года писалъ: „poprawę statutową łatamy, mamy trudności, dosyć jest upartych a nierozsądnych kilka, że na tém wszystko zasadzili aby jeno przeczyli i najlepszej rzeczy, a czasem i sami nie rozumieją czego chcą, i kiedy ich pytam, jak to chcesz mieć, to powiada i sam tego nie mogę wymówić jako rozumiem: a wiesz cię zły duch jako ja to mam pojąć twoję fantazyą, kiedy ty sam nie umiesz o niej powiedzieć; owa tak mi się uprzykrzyło za ten krótki czas, że i sam o sobie wątpię, abych im dotrwał"[4]).

Совершенно естественно встаетъ вопросъ о томъ, на основаніи какого постановленія производилась „поправа" Третьяго Статута въ 1592 году и кто были лица, работавшія надъ нею и возбудившія такое недовольство своею работою у Льва Сапѣги, тогда уже канцлера Великаго Княжества Литовскаго.

---

1) Рук. Отдѣленіе б. И. Публ. Библіотеки, F. II. № 60.

2) См., напр., А., изд. Вил. Арх. К., XXXVI, стр. 58.

3) С. Л. Пташицкій, Къ исторіи литовскаго права послѣ Третьяго Статута (Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, X), стр. 490.

4) Scriptores Rer. Pol., t. VIII, str. 212-213.

Отвѣтъ на вторую часть этого вопрсса даетъ неизвѣстный раньше изслѣдованію документъ, внесенный въ Литовскую Метрику. Это — „Наука и злецене поселства отъ короля его милости послу и подчашому его королевское милости Великого Князства Литовского, старосте Волковыскому, державцы Шерешовскому и Велюнскому, пану Крыштофу Монвиду Дорогостайскому, на зъездъ головный, передъ соймомъ валнымъ въ року теперешнемъ 92 на день 23 месеца августа у Слониме зложоный“ [1]). Въ этой обширной инструкціи господарскому послу на Слонимскій предсеймовый съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, въ числѣ другого, подлежащаго на этомъ съѣздѣ прочтенію, находится и слѣдующее: „А Статутъ Великого Князства Литовъского, который тыми часы черезъ депутаты, на то высажоные, поправенъ быти мелъ, зычыть его королевская милость, абы за достаточною во всякихъ речахъ и справахъ, въ которыхъ бы одно поправы было, яко наближей до светое справедливости стосуючы, поправленъ и на соймъ для утверженя принесенъ былъ, зачымъ бы справедливость светая тымъ снадней кождому доходити могла и отправована была“. Дальше та же инструкція говоритъ и объ исправленіи устава Литовскаго Трибунала: „Такъ же и стороны отправованья Судовъ Головныхъ Трибуналскихъ, што бы се в. милости видело до прыбавы потребного, радъ то за прынесеньемъ и поданемъ его королевская милость учинить“ [2]).

Такимъ образомъ, „поправа“ Третьяго Статута производилась депутатами Великаго Княжества Литовскаго, „высажоными“ для ея выполненія. Эти депутаты могли быть только отъ воеводствъ государства Литвы. Иного состава новая Статутовая Коммиссія не могла быть. Принципъ повѣтоваго представительства въ ней шляхты уже утвердился прочно за длинные годы выработки Статута 1588 года, т. е. „поправы“ Статута Второго. Надо думать, однако, что въ составъ этой Коммиссіи вошелъ и кто-либо изъ Литовскихъ пановъ радныхъ. Одинъ изъ нихъ, а именно канцлеръ, входилъ въ ея составъ несомнѣнно. Объ этомъ говоритъ самъ Левъ Сапѣга въ приведенной нами выдержкѣ изъ его письма къ Радивилу. Но возможно предполагать, что кромѣ него въ Коммиссіи находился и

---

1) Лит. Метр., Судныхъ Дѣлъ Лит., 68, л.л. 196 об.-209 об.

2) Л. 208 об.

еще кто-нибудь изъ сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго. Конечно, на содержаніе, „на страву“, членамъ Статутовой Коммиссіи былъ установленъ и особый податокъ въ государствѣ Литвы. Такой способъ ассигнованія средствъ на содержаніе статутовыхъ депутатовъ также былъ вполнѣ установившимся.

Однако работы Коммиссіи, которой была поручена „поправа“ Третьяго Статута, пошли сразу неудачно. Мы видѣли, что на это жаловался Сапѣга. Въ исходѣ 1594 года о томъ же заявляла повѣтовая шляхта. Въ инструкціи Виленскаго сеймика, созваннаго на 29 декабря этого года, его посламъ на сеймъ, въ числѣ данныхъ имъ отъ избравшей ихъ шляхты порученій, стоитъ и такое: „poprawa Statutu iż nie dochodzi, upominać się, aby dokończona była, gdy że wszystko Xięstwo Litewskie niemały nakład na to uczyniło“[1]). Жалуясь на то, что статутовая „поправа“ не доходитъ до своего окончанія, Виленскій сеймикъ указывалъ на затраты, понесенныя на нее Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Тутъ, конечно, надо видѣть указаніе на податокъ, который собирался „на страву“ депутатамъ. Но эти жалобы оказались безрезультатными. Коммиссія такъ и не выполнила своей задачи. Когда она прекратила свое существованіе, свѣдѣній мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

Но когда и кѣмъ было сдѣлано постановленіе о созданіи этой Коммиссіи для „поправы“ Третьяго Статута? Въ февралѣ 1592 года она уже работала, какъ совершенно опредѣленно узнаемъ изъ цитированнаго нами выше письма Сапѣги къ Радивилу. А между тѣмъ въ конституціяхъ „спольныхъ“ сеймовъ 1589, 1590 и 1591 годовъ нѣтъ ничего объ ея учрежденіи[2]). При такомъ положеніи дѣла, приходится думать о возможности учрежденія этой Статутовой Коммиссіи самимъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, безъ соотвѣтствующаго постановленія о ней соединеннаго Польско-Литовскаго сейма. Приходится предполагать, что государство Литвы учредило свою Коммиссію совершенно самостоятельно, основываясь на привилеѣ Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, утвердившемъ Статутъ

---

[1]) А., изд. Вил. Арх. К., VIII, стр. 336. Сеймовыми послами своими Виленскій сеймикъ избралъ Яна Глѣбовича и Александра Ходкевича.

[2]) Vol. Legum, II, p.p. 277-292 (f.f. 1262-1292), 304-319 (f.f. 1318-1347), 326-333 (f.f. 1364-1378).

съ гарантированіемъ Великому Княжеству Литовскому „вольности поправованья“ его всегда, „кгды одно того потребовати будеть“.

Итакъ, первая Коммиссія для „поправы“ Третьяго Статута оказалась неудачною и не выполнила возложенной на нее задачи. Мы не знаемъ, что́ вызвало ея учрежденіе. Трудно думать, чтобы практика примѣненія новаго кодекса въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ успѣла вскрыть такіе крупные пробѣлы въ законахъ новаго кодекса, чтобы можно было ими обосновать требованіе его исправленія и дополненія. Мы склонны думать, что причина недовольства части шляхты государства Литвы Третьимъ Статутомъ была та же, которая вызвала протестъ католическаго духовенства при самомъ его утвержденіи въ 1588 году, а именно внесенный въ кодексъ актъ Варшавской конфедераціи 1573 года въ значеніи одного изъ основныхъ законовъ. Какъ увидимъ ниже, этотъ статутовый артикулъ оказался камнемъ преткновенія въ дальнѣйшихъ попыткахъ исправленія Статута 1588 года. Естественно думать, что и въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія именно объ его упраздненіи думала католическая шляхта, прикрывая эту свою мысль необходимостью общаго пересмотра артикуловъ съ такою тщательностью выработаннаго кодекса, утвержденнаго по требованію цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, всего его шляхетскаго „народа“, притомъ такъ недавно.

Въ 1609 году была образована новая коммиссія для „корректуры правъ и Трибунала Великаго Княжества Литовскаго“. На этотъ разъ учрежденіе ея состоялось постановленіемъ Варшавскаго „спольнаго“ сейма, внесеннымъ въ его конституціи[1]). Въ составъ этой Коммиссіи вошли: изъ пановъ радныхъ — Виленскій епископъ (Бенедиктъ Война), Троцкій каштелянъ (Юрій Радивилъ), Витебскій воевода (Янъ Завиша) и канцлеръ (Левъ Сапѣга) или подканцлеръ (Гаврила Война); отъ шляхты воеводствъ — Виленскаго Рощичъ, Троцкаго Адамъ Талвошъ (староста Динабургскій), земли Жомойтской Себастіанъ Гештортъ (судья Жомойтскій), Полоцкаго Криштофъ Соколинскій (староста Озерищенскій), Новгородскаго Василій Тихинскій Зенковичъ (судья земскій Новгородскій), Витебскаго Богданъ Огинскій (подкоморій Троцкій), Берестейскаго Андрей Пекар-

---

1) Ibidem, p. 473, f. 1684 („Korrektura praw W X. L.“).

скій. Воеводства Минское и Мстиславское должны были избрать своихъ депутатовъ въ Статутовую Коммиссію уже послѣ сейма, ибо ихъ сеймовые представители отложили это дѣло „do braci". Ихъ избраніе, очевидно, должно было совершиться на посеймовыхъ (реляційныхъ) повѣтовыхъ сеймикахъ этихъ воеводствъ. Мѣстомъ занятій Статутовой Коммиссіи была назначена Вильна. Начаться ея занятія должны были со дня Святого Мартина (11 ноября) того же 1609 года. Порученіе, данное сеймомъ этой Статутовой Коммиссіи, состояло въ пересмотрѣ и исправленіи не только законовъ Статута, но и устава Трибунала[1]). Отсутствіе кого-либо изъ членовъ Коммиссіи не должно, согласно сеймовой конституціи, препятствовать ея работамъ[2]).

Но и эта Статутовая Коммиссія оказалась не въ силахъ выполнить возложенное на нее порученіе. Варшавскіе сеймы 1611 и 1613 годовъ вновь дѣлаютъ постановленія объ исправленіи законовъ государства Литвы. Однако результатовъ работъ Коммиссіи „спольные" сеймы такъ и не дождались. На ихъ утвержденіе артикулы „поправы" не поступили. Естественно предполагать, что работамъ Статутовой Коммиссіи 1609 года помѣшала начавшаяся въ сентябрѣ этого года война Сигизмунда III-го съ Москвою.

Итакъ, Третій Литовскій Статутъ съ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія былъ оффиціальнымъ образомъ признанъ подлежащимъ „поправѣ". Въ 1609, 1611 и 1613 годахъ „спольные" Польско-Литовскіе сеймы выносятъ о ней свои новыя постановленія[3]). При такомъ положеніи, конечно, становилось невозможнымъ повтореніе изданій кодекса въ печати на государственномъ языкѣ Великаго Княжества Литовскаго. Русскій текстъ Статута имѣлъ значеніе текста оффиціальнаго. Именно онъ получилъ законодательную санкцію 28 января 1588 года. И разъ Статутъ, на основаніи постановленій верховной власти, находился въ „поправѣ", переизданія его оффиціальнаго текста не могъ предпринимать канцлеръ Великаго Княжества Литов-

---

[1]) „Ktorzy Deputaci ziachawszy się na czas y mieysce wyżey mianowane, prawa y Trybunał W. X. L. przeyrzeć y skorygować maią, przychylaiąc się iako nayblizey do prędszey y łatwieyszey sprawiedliwości".

[2]) „non obstante unius vel duorum, triumve absentia".

[3]) Vol. Leg., II, p. 473 (f. 1684); III, p.p. 22-23 (f. 39), p. 100 (f. 206).

скаго Левъ Сапѣга, который въ то время одинъ, въ силу полученнаго имъ специальнаго привилея, имѣлъ право издавать Литовскій Статутъ въ печати. Въ числѣ главныхъ обязанностей канцлера была охрана „правъ и вольностей посполитыхъ“ государства Литвы. Слѣдовательно онъ долженъ былъ охранять и право становъ Великаго Княжества Литовскаго исправлять Статутъ въ данное время. Желаніе это дѣлать ими было заявлено и принято къ исполненію въ сеймовыхъ постановленіяхъ. Левъ Сапѣга былъ такимъ образомъ лишенъ возможности повторять изданія оффиціальнаго текста Третьяго Статута. А между тѣмъ первое изданіе кодекса уже совершенно разошлось, и чувствовалась самая настоятельная потребность въ новыхъ экземплярахъ Статута. Прекраснымъ выходомъ изъ создавшихся затрудненій должно было представиться изданіе кодекса въ переводѣ на польскій языкъ. Въ силу полученнаго имъ привилея, Сапѣга имѣлъ право на изданіе Третьяго Статута въ печати какъ на русскомъ, такъ и на польскомъ языкахъ. Этимъ правомъ своимъ онъ и рѣшился воспользоваться, когда „поправа“ Статута затянулась и не предвидѣлось ея скораго окончанія.

Изданіе Статута въ переводѣ на польскій языкъ представляло въ это время свои удобства для Великаго Княжества Литовскаго. Благодаря „спольному“ съ поляками сеймованью, польскій языкъ начиналъ проникать все больше и больше въ оффиціальное дѣлопроизводство государства Литвы. Инструкціи посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ на вальные сеймы соединенной Речи Посполитой уже въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія писались по-польски[1]). Польскій языкъ „спольныхъ“ сеймовъ пріучалъ къ себѣ шляхту Великаго Княжества Литовскаго. На протяженіи XVII столѣтія происходитъ постепенное вытѣсненіе имъ литовско-русскаго языка изъ дѣлопроизводства повѣтовыхъ судовъ. Рядомъ со старымъ оффиціальнымъ русскимъ текстомъ Статута становилось желательнымъ дать и его переводъ на польскій языкъ для тѣхъ, кто уже привыкъ къ пользованію этимъ языкомъ. Въ то же время было желательно предоставить и полякамъ возможность знакомиться съ дѣйствую-

---

1) О языкѣ сеймиковыхъ инструкцій и „пявдумовъ“ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 477-478 и 496-497.

щимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ правомъ. При „спольномъ" сеймованьѣ цитаты артикуловъ своего кодекса представителями государства Литвы на вальныхъ сеймахъ должны были становиться все нужнѣе и все чаще примѣняемыми въ ихъ доказательствахъ своихъ требованій на этихъ сеймахъ. Основные законы Третьяго Статута, конструировавшіе Великое Княжество Литовское какъ самостоятельное и полноправное государство, также было весьма желательно дать въ руки полякамъ на вполнѣ понятномъ языкѣ, чтобы предупредить возможность толкованія ими договора и привилея Люблинской Уніи на основѣ ея Польской идеи, категорически отвергнутой Литовскимъ Статутомъ, получившимъ утвержденіе отъ Сигизмунда III-го, не опротестованное Польшею.

Такимъ образомъ, изданіе Литовскаго Статута въ переводѣ на польскій языкъ было достаточно своевременнымъ и помимо того, что оно давало выходъ изъ положенія, создавшагося благодаря невозможности переиздавать оффиціальный текстъ кодекса изъ-за его „поправы" и въ то же время крайней нуждѣ въ новыхъ экземплярахъ Статута послѣ распродажи всѣхъ экземпляровъ его перваго изданія. Въ виду всего этого, Левъ Сапѣга отдалъ распоряженіе въ типографію Мамоничей напечатать польскій переводъ Третьяго Литовскаго Статута.

Второе изданіе Статута 1588 года, бывшее первымъ его изданіемъ въ польскомъ переводѣ, вышло въ 1614 году. На заглавномъ листѣ его стоитъ[1]): Statut | Wielkiego Księstwa. | Litewskiego, | Od Naiaśnieyszego Hospodara Krola Jego Mości | Zygmunta III. Na Koronacyey | W Krakowie, Roku 1588 wydany. | Изъ этихъ шести строкъ первая, четвертая и шестая напечатаны черною краскою, а вторая, третья и пятая — красною. Первая буква въ словѣ „Statut" разукрашенная и очень крупная. Ея вышина — семь сантиметровъ и ширина — шесть съ половиною сантиметровъ. Остальныя буквы слова также достаточно велики: „t" — четыре сантиметра, „a" и „u" — три съ половиною сантиметра. Литеры остальныхъ строкъ имѣютъ

[1]) Воспроизводя текстъ, мы отдѣляемъ вертикальными чертами концы строкъ. Въ виду того, что въ отдѣльныхъ экземплярахъ изданія могутъ оказаться несходства заглавныхъ листовъ, считаемъ нужнымъ указать экземпляръ, которымъ мы пользовались. Онъ хранился въ б. И. Публ. Библіотекѣ, въ Отдѣленіи „Rossica".

различные размѣры — наиболѣе крупные во второй строкѣ, наиболѣе мелкіе — въ четвертой и шестой строкахъ. Заглавіе это занимаетъ верхнюю половину страницы. Подъ нимъ находится большой гербъ въ четыреугольной рамѣ, надъ которою помѣщена небольшая корона. Внутри рамы въ кругѣ большой государственный гербъ Великаго Княжества Литовскаго, Погоня, надъ которымъ два ангела держатъ великокняжескую шапку-корону. Кругъ, въ которомъ помѣщенъ этотъ гербъ, обведенъ большимъ кольцомъ, внутри двухъ круговъ котораго находятся гербы воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ верхней части этого кольца, т. е. надъ великокняжескою шапкою и подъ короною, стоящею надъ рамой, помѣщенъ орелъ, такого же размѣра, какъ и гербы воеводствъ. По угламъ рамы — геральдическія лиліи. Все это напечатано черною краскою. Подъ рамою, въ самомъ низу страницы, стоитъ: W Wilnie, V Leona Mamonicza Typographa Krola J. M. Roku 1614. Первыя два слова напечатаны красною краскою, слѣдующія три — черною, слѣдующія четыре — красною, „Roku 1614“ — черною.

Составъ тома, который представляетъ собою это изданіе, слѣдующій: 1) привилей Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, дающій законодательную санкцію Статуту, 2) посвященіе изданія Статута Сапѣгою Сигизмунду отъ 1 декабря 1588 года, 3) обращеніе Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, впервые напечатанное въ первомъ изданіи Статута, 4) гербъ Сапѣги со стихами, его разъясняющими, 5) посвященіе настоящаго изданія кодекса Льву Сапѣгѣ Леономъ Мамоничемъ, 6) привилей Сигизмунда III-го отъ 11 февраля 1588 года, предоставляющій Сапѣгѣ право изданія Статута въ печати, 7) текстъ Третьяго Статута, 8) „Przedmowa do łaskawego Czytelnika“, 9) реестръ Статута, 10) вирши „Do Czczącego“. Оба привилея, т. е. отъ 28 января и отъ 11 февраля 1588 года, напечатанные въ изданіи Статута 1614 года, намъ уже извѣстны такъ же, какъ и посвященіе Сапѣгою перваго изданія Сигизмунду III-му и обращеніе Сапѣги къ станамъ. Говорили мы выше и о гербѣ Льва Сапѣги съ толкующими его виршами Андрея Рымши, которые имѣлись уже въ изданіи русскаго текста Статута. Что же касается посвященія Леономъ Мамоничемъ новаго изданія Статута Сапѣгѣ и двухъ обращеній къ читателямъ, напечатанныхъ при этомъ изданіи кодекса, то мы долж-

ны на нихъ остановиться, ибо они даютъ существенныя черты для выясненія характера изданія польскаго текста Третьяго Статута, впервые вышедшаго въ 1614 году.

Въ оффиціальномъ изданіи Статута эти три добавленія къ нему не должны были бы имѣть мѣста. Посвящать изданіе оффиціальнаго текста свода законовъ отдѣльному лицу, хотя бы оно и занимало постъ государственнаго канцлера, трудно признать соотвѣтствующимъ значенію этого свода законовъ въ государствѣ. Монарху посвящать изданіе его было умѣстнымъ, ибо монархъ былъ главою государственной власти и какъ таковой далъ Статуту законодательную санкцію. Но посвящать изданіе оффиціальнаго текста его государственному канцлеру возможнымъ признать трудно. Къ тому же изданіе оффиціальнаго текста кодекса уже было посвящено монарху. Новое изданіе, если только его текстъ польскій признавался бы оффиціальнымъ, не могло имѣть иного посвященія, ибо это значило бы отнимать посвященіе кодекса монарху для того, чтобы отдать его канцлеру. То, что изданіе 1614 года посвящено Сапѣгѣ, указываетъ совершенно опредѣленно на такой его характеръ, который нельзя признать оффиціальнымъ въ строгомъ значеніи этого слова. То же приходится сказать и о двухъ обращеніяхъ къ читателю, которыя типографія Мамоничей помѣстила въ изданіи Статута. Имъ также не мѣсто въ изданіи оффиціальнаго текста свода законовъ государства. Надо думать, что Левъ Сапѣга уже не входилъ самъ въ 1614 году въ дѣло изданія Статута. Онъ просто отдалъ распоряженіе типографіи Мамоничей выпустить это изданіе. Наоборотъ, издавая кодексъ въ 1588 году, онъ самъ входилъ въ дѣло изданія и сопроводилъ его своими посвященіемъ Сигизмунду III-му и обращеніемъ къ станамъ, которыя имѣли значеніе такъ называемыхъ „выходныхъ" приложеній въ старопечатныхъ книгахъ.

Познакомимся поближе съ посвященіемъ Леона Мамонича изданія 1614 года и обращеніями къ читателю, при немъ напечатанными. Посвященіе изданія Сапѣгѣ начинается обширнымъ разсужденіемъ о значеніи законовъ для государства[1]). Выяснивъ это значеніе, Мамоничъ переходитъ къ указанію на заслуги Льва Сапѣги передъ Великимъ Княжествомъ Литов-

---

[1]) Въ немъ говорится о происхожденіи закона, о посылкѣ изъ Рима сенаторовъ въ Грецію для ознакомленія съ законодательствомъ Солона и т д.

скимъ, получившимъ отъ него печатное изданіе своего Статута, а затѣмъ говоритъ и о происхожденіи настоящаго изданія кодекса. Вотъ текстъ этой второй половины посвященія Сапѣгѣ изданія Мамоничемъ: „Co gdyż tak iest, co tu o twoiey Jasnie Wielmożny M. P. pracey y staraniu rzekę, kiedyś ieszcze na początkach radosnego a wszystkim dobrym pożądanego J. K. M. Pana naszego panowania W. X. Lit. Podkanclerzym iuż będąc, na święte Bogu miłe y porządne odprawowanie sądow z wielką pochwałą a tego Wielkiego Xięstwa vżytkiem poprawione y dobrze przeyźrzane Statuta W. X. Lit. Ruskim ięzykiem do druku podacieś kazął. Wielceś się zaiste W. M. moy Młościwy pan pod ten czas tym swoim chwalebnym a od wszystkiego W. X. L. dawno pożądanym aktem y Xięstwu y wszystkim w sprawiedliwości się świętey kochaiącym stanom przysłużył y w miłość a pochwałę długowieczną wiekom potomnym podał. Iż bowiem przedtym drukowanych statutow to W. X. Lit. nie miało, rozmaitość szkodliwa, ktora się barzo często w księgach ręką pisanych nayduie, stron w Controwersiach a sędziego w sądach niewymownie zatrudniać musiała, ktora drukowanymi y dobrze pracą y staraniem W. M. mego M. pana sporządzonymi odięta iest, a zatym się wszystkim stanom droga do świętey sprawiedliwości vłacniła. Na ktorey pracy y staraniu przerzeczonym W. M. nie maiąc dosyć, ale chcąc więcey ieszcze wszystkich oyczyznę y dobry rząd w niey miłuiących sobie zniewolić, widząc, iż za napsowanym a ludzkimi nowo wymyślonymi nieprawościami skrzywionym czasem do tego przyszło, że na nowe złości y na nowe wykręty nowe też artykuły miały być przypisane albo dawne obiaśnione, nic nie odkładaiąc, ludzi w prawie y w sądach dobrze biegłych na toś W. M. dobroczynnością swą pańską vżył, aby oni, nad prawami wszystkimi zasiadszy, pilno w to weyźrzeli, żeby tam w nich y namnieyszego omylenia nie było, za ktorymby ieden na drugiego fałszem mogł zachodzić. Co iuż oni do pożądanego skutku przywiedli, iednoż do wiadomości Stanow to przyść nie mogło na ten czas, że zabawy woienne przypadły: bo iż pospolicie inter arma silent leges, y vzbroioney Bellonie rada nie rada zwykła więc na czas Themis iako nie zbroyna vstępować, nie mogłeś W. M. spokoynym swoim zamysłom dosyć vczynić, przedsię vczynicieś raczył to, co się mogło pod te czasy vczynić, gdy bowiem one Ruskie, za roskazaniem W. M. mego Mościwego pana od oyca mego roku 1588 Statutow W. X. Lith. drukowane exemplarze dawno iuż są między ludzie ro-

zebrane a tych nowo sporządzonych długoby było czekać, a to y w tym potrzebie pospolitey y żądzy obywatelow W. X. Lith. W. M. moy M. pan chętnie dogodzicieś raczył iako ten, ktory Rzeczpospolitą y domowniki swe miłuiesz, żeś z nowu dla tych, ktorzy albo Ruskiego ięzyka czytać nievmieią albo Polskim częściey narabiaią, też Statuta, przedtym po Rusku drukowane, teraz po Polsku mnie, vniżonemu y dawnemu słudze swemu drukować raczyłeś roskazać, co ia, ochotnie przedsię wziąwszy, za Bożą pomocą do skutku tych dni przywiodłem. Ktorą tę pracą moię drukarską komużbym inszemu ofiarować miał, iedno W. M. memu M. panu, ktory iuż to lat trzydzieści iako prawodawca W. X. Lith. będąc y na wysokim Senatorskim sądowym vrzędzie siedząc, sprawiedliwości swiętey y zachowania praw pospolitych pilnie przestrzegać raczysz y tego wszystkiey Rzeczyposp. dobra, to iest sporządzenia praw W. X. Lith. pierwszym iesteś autorem y promotorem, zatym y tych, ktorzy w takim dziele iakokolwiek pracuią, Miłościwym panem. Przy tych publicznych są y insze priwatne motiwa, żem ia osobliwą zawżdy do siebie y do vbogiego domu mego, acz nierownego y niwczym nie zasłużonego, łaskę W. M. mego Mościwego pana doznał przy inszych y w tym, że do przywileiu swego, ktory od Je° K. M. pana naszego Miłościwego W. M. zdawna mieć raczysz, aby za vznaniem y pozwoleniem W. M. iednego prawa W. X. Li. w druk wychodziły, do tego, mowię, przywileiu oyca mego y mnie miłościwie raczyłeś przypuścić. Za te y za wiele inszych ku mnie y domowi memu od W. M. mego M. pana dobrodzieystw aczkolwiek wiem, że w nagrodzie vstane, w chęci iednak ku wszelakiemu vsługowaniu z każdym zrownać zawsze będę vsiłował. Za tym się łasce W. M. mego M. pana iako napilniey oddaię“. Далѣе слѣдуютъ дата и подпись: „Data w Wilnie, dnia 30 Septembra Roku 1614. W. M. mego Mościwego pana na wszem powolny sługa. Leon Mamonicz, Rayca y Typograph K. J. M.“

Приведенный нами текстъ второй половины посвященія Мамоничемъ Сапѣгѣ изданія Статута, вышедшаго въ 1614 году, имѣетъ крупное значеніе для разрѣшенія ряда вопросовъ, связанныхъ не только съ этимъ изданіемъ, но и съ предшествующимъ, т. е. съ изданіемъ 1588 года. Оставивъ въ сторонѣ всѣ похвалы, такъ обильно расточаемыя Мамоничемъ Льву Сапѣгѣ, мы получаемъ слѣдующія фактическія указанія. Отдавая въ 1588 году въ печать русскій текстъ Третьяго Статута,

Сапѣга самъ подготовилъ его изданіе. Оно было „pracą у staraniem“ его самого „sporządzonym“. Далѣе — „поправа“ Статута 1588 года была организована и руководима также Львсмъ Сапѣгою. Она уже производилась, но ея завершенію помѣшала начавшаяся война съ Москвою. При такомъ положеніи дѣла Сапѣга, въ виду распродажи всѣхъ экземпляровъ перваго изданія Статута, сдѣлалъ то, что для него сдѣлать было тогда возможно. Переиздавать оффиціальный русскій текстъ Статута онъ не могъ, ибо кодексъ находился въ „поправѣ“. Не имѣя возможности печатать оффиціальный текстъ кодекса до окончанія работъ по его исправленію, Сапѣга отдалъ распоряженіе Мамоничской типографіи выпустить изданіе его въ польскомъ переводѣ. Это изданіе должно было, такимъ образомъ, явиться своего рода суррогатомъ оффиціальнаго текста Статута.

Но изданіе кодекса въ переводѣ на польскій языкъ имѣетъ и свое значеніе. Оно представляетъ удобство для тѣхъ, кто не умѣетъ „читать“ по-русски и кто чаще вообще пользуется польскимъ языкомъ, чѣмъ русскимъ. О томъ, чтобы въ началѣ XVII столѣтія обыватели Великаго Княжества Литовскаго не знали уже государственнаго русскаго языка, не можетъ быть и рѣчи. Дѣлопроизводство судовъ и урядовъ въ то время велось еще на этомъ языкѣ, и въ судовыхъ книгахъ того времени мы не встрѣчаемъ переводовъ его на польскій языкъ или заявленій о непониманіи языка русскаго. Но русское письмо, кирилловскія буквы, дѣйствительно уже тогда должно было вытѣсняться латино-польскимъ въ достаточно широкихъ кругахъ обывателей государства Литвы. Одною изъ причинъ этого были успѣхи католичества въ борьбѣ съ „разновѣріемъ“ и „схизмою“, т. е. съ реформаціонными религіозными ученіями и православіемъ. Эти успѣхи старую церковно-славянскую и русскую книгу замѣняли церковною книгою латинскою и латино-польскою книгою религіознаго содержанія. То, что русскій языкъ оставался языкомъ государственнымъ для Великаго Княжества Литовскаго, было закрѣплено и въ изданіи Третьяго Статута въ переводѣ на польскій. Всѣ постановленія этого кодекса, требующія русскаго языка въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ[1]), остались неизмѣнными и въ изданіи 1614 года. Приведемъ хотя бы одно изъ нихъ по тексту этого изданія: „А Pi-

---

1) См. выше, стр. 137-138.

sarz Ziemski, ma po Rusku literami y słowy Ruskiemi wszytkie listy, wypisy y pozwy pisać, a nie inszym ięzykiem y słowy"[1]). Но на то, что кирилловское письмо постепенно вытѣснялось латино-польскимъ въ широкихъ кругахъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго, мы имѣемъ совершенно опредѣленныя указанія нашихъ источниковъ. Подписи „письмомъ польскимъ" все чаще и чаще начинаютъ въ XVII столѣтіи встрѣчаться въ документахъ, вносившихся въ актовыя книги повѣтовыхъ судовъ государства Литвы. Что же касается указанія посвященія Мамонича на людей, которые вообще болѣе привыкли обходиться языкомъ польскимъ, чѣмъ русскимъ, то оно можетъ относиться къ обывателямъ не только Великаго Княжества Литовскаго, но и Польши. Дать въ руки послѣднихъ Литовскій Статутъ 1588 года въ польскомъ переводѣ черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его утвержденія было вполнѣ своевременнымъ. Этотъ кодексъ рѣзко измѣнилъ условія договора Уніи 1569 года, на которыхъ такъ энергично настаивали поляки на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ въ самой категорической формѣ установилъ самостоятельное значеніе государства Литвы въ его федеративномъ союзѣ съ Польшею и объявилъ „народъ" Польскій лишеннымъ равноправія съ его „родичами" и „тубыльцами". Въ ближайшіе годы послѣ утвержденія Статута 1588 года издавать его польскій переводъ не было вполнѣ удобно, ибо онъ, распространяясь въ Польшѣ, могъ поднять много шума въ ея шляхетской массѣ своими артикулами, отмѣняющими для Великаго Княжества Литовскаго именно тѣ статьи договора Люблинской Уніи, которыхъ особенно добивались поляки какъ наканунѣ Люблинскаго сейма, такъ и на немъ самомъ. Государственные дѣятели Великаго Княжества Литовскаго необходимо должны были считаться съ приподнятымъ настроеніемъ Польской шляхты, которое ею овладѣло послѣ побѣды Яна Замойскаго подъ Бычиной и торжества Сигизмунда Вазы надъ Максимиліаномъ Габсбургомъ и его сторонниками[2]), а Льву Сапѣгѣ, бывшему полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ выпуска печат-

---

[1]) Первый артикулъ IV-го раздѣла. Въ изданіи 1614 года, стр. 91.

[2]) Левъ Сапѣга писалъ Криштофу Радивилу изъ Кракова 31 января 588 года: „barzo takiem zwycięstwem podnieśli się panowie Polacy, zwłaszcza narodowi litewskiemu chcą być hardzi ...." Scriptores Rer. Pol., VIII, p. 189. Ср. ibidem, p. 187.

ныхъ изданій Статута, были одинаково свойственны какъ рѣшительность, такъ и осторожность. Совершенно инымъ стало положеніе, когда острота вражды шляхты Польши къ Великому Княжеству Литовскому послѣ умѣлаго проведенія имъ въ 1588 году утвержденія своего Статута нѣсколько уменьшилась. Страсти улеглись, а завоевательная война съ ослабѣвшею отъ Смуты Москвою, задачи внѣшней политики и внутреннее положеніе Польши того времени заставляли ее не обострять своихъ отношеній къ государству Литвы. Теперь дать въ руки полякамъ польскій переводъ Третьяго Литовскаго Статута было вполнѣ цѣлесообразнымъ и своевременнымъ, чтобы они получили возможность ознакомиться съ дѣйствующимъ кодексомъ Великаго Княжества Литовскаго, а стало быть, и съ его основными законами, конструирующими государство Литвы какъ самостоятельное и полноправное.

Переходя къ остальнымъ указаніямъ посвященія Мамонича изданія Статута Сапѣгѣ, мы должны еще остановиться на двухъ изъ нихъ. Первое относится къ организаціи изданія польскаго перевода Статута въ 1614 году, второе говоритъ о значеніи привилея отъ 11 февраля 1588 года, полученнаго Львомъ Сапѣгою на право изданія кодекса въ печати. Въ то время, какъ изданіе оригинальнаго русскаго текста Третьяго Статута Левъ Мамоничъ признаетъ сдѣланнымъ „pracą“ Сапѣги, объ изданіи польскаго его перевода онъ считаетъ возможнымъ сказать: „pracą moię drukarską“. Это даетъ основаніе полагать, что Левъ Сапѣга поручилъ типографіи Мамоничей это изданіе такъ же, какъ онъ поручалъ или заказывалъ ей другія свои изданія, „Книгу Служебникъ“ и богослужебныя книги[1]), не входя самъ непосредственно въ организацію ихъ печатанія Иными словами, первое изданіе, какъ изданіе оффиціальнаго текста Статута, онъ признавалъ дѣломъ государственнаго значенія и наблюдалъ надъ нимъ не только потому, что былъ хозяиномъ въ дѣлѣ изданія кодекса въ печати, но и потому, что стоялъ во главѣ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Второе же, т. е. въ польскомъ переводѣ, изданіе Статута онъ просто распорядился напечатать въ Мамоничской типографіи такъ же, какъ онъ заказывалъ ей и другія изданія различныхъ книгъ, государственнаго значенія не имѣв-

[1]) См. выше, стр. 283 и сл.

шихъ. Утвержденнымъ 28 января 1588 года былъ, какъ мы это видѣли выше, только русскій текстъ Третьяго Статута[1]). Только онъ являлся текстомъ оффиціальнымъ, какъ справедливо утверждалъ С. А. Бершадскій, котораго утвержденіе было затѣмъ принято и профессоромъ С. Кутшебою[2]). Изданіе оффиціальнаго текста кодекса и было проведено Львомъ Сапѣгою при его личномъ участіи. Что же касается изданія сдѣланнаго съ этого оффиціальнаго текста польскаго перевода, то его можно было просто заказать типографіи. По своему положенію главы государственной канцеляріи Сапѣга уже не долженъ былъ брать на себя трудъ личнаго участія въ дѣлѣ.

Намъ остается еще остановиться только на одномъ изъ разсматриваемыхъ нами указаній посвященія Льва Мамонича изданія Статута въ 1614 году. Это указаніе на значеніе привилея, выданнаго Сигизмундомъ III-мъ Льву Сапѣгѣ на право изданія Статута въ печати. Ни о какомъ приказаніи, якобы данномъ королемъ Сапѣгѣ въ привилеѣ на изданіе кодекса въ печати, Мамоничъ ничего не знаетъ. Онъ знаетъ лишь то, что этотъ привилей далъ Сапѣгѣ исключительное право на изданіе Статута въ печати. Къ участію въ этомъ правѣ онъ „припустилъ“ Мамоничей, давая имъ свои порученія по печатанію Статута.

Таковы указанія напечатаннаго при изданіи Третьяго Статута въ 1614 году посвященія Льву Сапѣгѣ. Эти указанія подтверждаютъ высказанныя нами раньше соображенія какъ о происхожденіи изданія 1614 года, такъ и о смыслѣ и значеніи выданнаго Сигизмундомъ III-мъ Льву Сапѣгѣ 11 февраля 1588 года привилея.

Кромѣ посвященія изданія Статута въ 1614 году Сапѣгѣ, какъ мы уже отмѣтили выше, новыми въ томѣ этого изданія являются „Przedmowa do łaskawego Czytelnika“ и вирши „Do

---

[1]) Стр. 314-315.

[2]) Ср. С. А. Бершадскій — „единственнымъ, оффиціально признаннымъ текстомъ, оригиналомъ всѣхъ позднѣйшихъ изданій Статута, сама государственная власть Польско-Литовскаго Королевства считала русскій текстъ, напечатанный въ 1588 г. у Мамоничей“ (О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, стр. 15); Stanisław Kutrzeba — „W druku tłumaczenie polskie ukazało się w r. 1614 . . . .; po rusku już więcej statutu nie drukowano, choć to był tekst urzędowy (Historja Ustroju Polski w zarysie. Tom II. Litwa. Wydanie drugie. Str. 160).

Czczącego". Вотъ полный текстъ „Przedmowy": „Podobno czytaiąc ten Statut, łaskawy Czytelniku, na niektorych mieyscach to przełożenie z Ruskiego albo raczey s słowieńskiego iezyka na rzecz Polską niewszytko podoba a, iako mniemam, na wielu mieyscach Polszczyzna niegładka iako smakować, tak y podobać nie będzie: indziey też y trudne słowa mniey Polskie: y wątpliwy sens zdaćci się będzie, lecz niech cię to nieobrusza, gdyż w tym przekładaniu tego Statutu nie tak skąpość słow Polskich nam zagradzała, iako raczey tym się to działo, że z Ruskiego na polskie chcąc słowo do słowa przełożyć, nic się tu na słowa nowe wydworney y gorney polszczyzny nie zbieraiąc, prostym a pospolitym vżywaniem mowy polskiey folguiąc wykładowi szczeremu y przetłumaczeniu prawdziwemu do vżywania ludzkiego podało. A komu się to przełożenie nie podoba, wolny rekursz do Ruszczyzny starey zostaie. Wszakże proszę, aby tę moie vprzeymą y życzliwą pracę każdy przyiąć wdziecznie na ten czas raczył, obiecuiąc się napotym chcieć wydaiąc czasu swego poprawić. A za tym bądź łaskaw".

Приведенный сейчасъ текстъ „Przedmowy" позволяетъ сдѣлать рядъ выводовъ, которые могутъ служить для характеристики изданія Статута въ 1614 году. Прежде всего нужно отмѣтить указаніе на то, что въ распоряженіи Мамоничской типографіи не было готоваго перевода Третьяго Статута на польскій языкъ. Надо, поэтому, думать, что такого перевода не было и въ распоряженіи Льва Сапѣги, а слѣдовательно, и въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Еслибы эта канцелярія обладала польскимъ текстомъ Статута, Сапѣга, какъ канцлеръ, имѣлъ бы полную возможность передать его для напечатанія въ типографію Мамоничей. Переводъ Статута на польскій языкъ былъ сдѣланъ въ самой типографіи. Это лишній разъ подтверждаетъ невозможность представленія въ январѣ 1588 года на утвержденіе Сигизмунду Вазѣ рядомъ съ русскимъ текстомъ кодекса и польскаго его текста. Далѣе, изъ „Przedmowy" узнаемъ, что въ то время отнюдь не замѣчали очень большого сходства между литовско-русскимъ и польскимъ языками. Не съ польскимъ, а съ церковно-славянскимъ, который переводчикъ, конечно, понимаетъ подъ употребляемымъ имъ словомъ „słowieński", тогда сближали литовско-русскій языкъ, какъ изъ него выросшій и, несмотря на всѣ образовавшіяся въ немъ отличія, заставлявшій чувствовать свое съ

нимъ родство. На переводъ Статута съ литовско-русскаго языка на польскій переводчику пришлось затратить большой трудъ. Это была работа достаточно упорная, а не лишь нѣкоторое измѣненіе окончаній да отдѣльныхъ звуковъ, какъ полагали нѣкоторые ученые въ новѣйшее время[1]). „Przedmowa" подъ конецъ говоритъ, что для тѣхъ, кто не хочетъ пользоваться польскимъ переводомъ Статута, остается свободнымъ „rekursz" къ старому статутовому тексту русскому. Въ оффиціальномъ изданіи кодекса едва ли можетъ быть признано умѣстнымъ такое замѣчаніе. Оффиціальное изданіе даетъ сводъ законовъ, не считаясь со вкусами лицъ, въ рукахъ которыхъ онъ будетъ находиться. Самое большое, что можно бы было въ немъ сказать по поводу возможности пользованія какъ русскимъ текстомъ Статута, такъ и его польскимъ переводомъ, это лишь то, что оба текста можно примѣнять въ оффиціальной практикѣ одинаково. Но говорить о томъ, что можетъ нравиться или не нравиться кому либо польскій переводъ, оффиціальное изданіе кодекса не могло. Однако получается и противорѣчіе въ данномъ случаѣ „Przedmowy" съ посвященіемъ изданія Сапѣгѣ Мамоничемъ. Послѣднее мотивируетъ изданіе польскаго перевода Статута тѣмъ, что экземпляры изданія его оффиціальнаго текста уже разошлись и ихъ доставать стало невозможнымъ. „Przedmowa" же рекомендуетъ пользованіе русскимъ текстомъ кодекса тѣмъ, кому не нравится переводъ его на польскій языкъ. Быть можетъ тутъ возможно видѣть указаніе и на то, что оффиціальный русскій текстъ Статута обращался не только въ печатныхъ экземплярахъ его перваго изданія, но и въ рукописныхъ копіяхъ. Во всякомъ случаѣ, „Przedmowa" даетъ знать, что русскій текстъ Третьяго Статута, послѣ изданія его польскаго перевода, не былъ вытѣсненъ изъ практики послѣднимъ. Онъ оставался примѣняемымъ въ ней одинаково съ польскимъ. Тутъ передъ нами тѣ представленія стараго времени о текстахъ закона, которыя совершенно не свойственны времени новому, когда въ оффиціальной практикѣ допустимо пользованіе лишь изданіями оффиціальными, а не частными. Въ старой жизни не было такого строгаго отношенія къ тексту, и это было воспитано практикою пользованія не печатнымъ изданіемъ законовъ, а ихъ рукописями,

---

[1]) См. выше, стр. 362.

объ оффиціальномъ изготовленіи которыхъ для всѣхъ учрежденій и лицъ, въ нихъ нуждавшихся, не могло быть и рѣчи.

Итакъ, и посвященіе изданія Статута въ 1614 году Сапѣгѣ, и „Przedmowa" къ его польскому переводу заставляютъ насъ признать это изданіе не имѣющимъ характера оффиціальнаго. Такимъ оставалось лишь одно изданіе оффиціальнаго русскаго текста кодекса, вышедшее въ 1588 году. На тотъ же неоффиціальный характеръ изданія польскаго перевода Статута указываетъ и помѣщеніе въ его томѣ виршей „Do Czczącego"[1]). Вотъ текстъ этихъ виршей:

„Masz Statut praw z Reiestrem powtore wydany
Cney Rzeczypospolitey tey zdawna spisany.
Mniemam że sie ta praca podoba mądremu
Jesli nie dowcipowi przebaczay miałkiemu.
Mądrszym daię na powab; prosząc w tym każdego
Jeslim zbłądził poprawcie Reiestru moiego.
Zwawych zaś Zoilusow namniey sie nie boię
Gdyż o mądrych rozsądek nie opacznych stoię.
Ty co chcesz mieć ten Statut zapłać Drukarzowi
A w przydatku za Reiestr dziękuy Autorowi.
Anagramma.
Stan, Sława, Głaskai."

Приведенные сейчасъ вирши являются новымъ указаніемъ на неоффиціальный характеръ изданія польскаго перевода Статута въ 1614 году. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе указаніе ихъ на автора составленнаго для Статута въ этомъ изданіи Реестра (Станиславъ Глазка). Въ изданіи оффиціальнаго текста кодекса въ 1588 году подобное указаніе было невозможно, ибо весь текстъ Третьяго Статута, вмѣстѣ съ его Реестромъ, вышелъ изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и былъ переданъ Сапѣгою Мамоничу въ готовомъ видѣ. Все, что было сдано въ Мамоничскую типографію для напечатанія въ томѣ, который представлялъ собою первое изданіе Статута, вышло отъ подканцлера государства Литвы. Имя составителя Реестра къ оффиціальному тексту Треть-

---

[1]) Вирши эти напечатаны на оборотѣ послѣдней страницы Реестра. При воспроизведеніи ихъ текста сохраняемъ не только ихъ правописаніе, но и разстановку знаковъ препинанія.

яго Статута не могло быть обозначено при немъ потому, что онъ долженъ былъ составляться въ государственной канцеляріи ея чиновниками. Если въ томѣ изданія польскаго перевода Статута было признано возможнымъ составленіе Реестра объявить дѣломъ частнаго лица и даже дозволить этому лицу присоединить къ Реестру особые вирши, то отсюда слѣдуетъ, что и само это изданіе Статута не было оффиціальнымъ. Да и по своему содержанію вирши „Do Czczącego", конечно, не могли найти своего мѣста въ оффиціальномъ изданіи свода законовъ государства. Говорить о Зоилахъ, предлагать платить за экземпляръ Статута друкару, благодарить составителя Реестра и т. п. вещи, которыя находимъ въ этихъ виршахъ, не только неприличны, но и недопустимы въ оффиціальномъ изданіи кодекса.

Итакъ, изученіе изданія польскаго перевода Статута въ 1614 году приводитъ насъ къ необходимости признать его изданіемъ Мамоничской типографіи, безъ всякаго личнаго участія въ немъ самого Льва Сапѣги и государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Это изданіе не имѣетъ характера оффиціальнаго. Оффиціальнымъ оставалось первое изданіе Статута 1588 года, въ его оффиціальномъ текстѣ, выработанномъ въ государственной канцеляріи и получившемъ законодательную санкцію отъ Сигизмунда III-го. Изданія Статута въ 1588 и 1614 годахъ не были равноцѣнными по существу. Но это нисколько не мѣшало имъ и обоимъ текстамъ кодекса, т. е. оригинальному русскому и переводному польскому, въ практикѣ примѣненія Статута оказаться равнозначущими.

Число экземпляровъ, въ которомъ было выпущено изданіе Третьяго Статута въ 1614 году, не должно быть велико. Это можно заключать изъ того, что черезъ пять лѣтъ въ Мамоничской типографіи Статутъ на польскомъ языкѣ былъ напечатанъ вновь, строка въ строку сходно съ изданіемъ 1614 года. Кромѣ того, и экземпляровъ изданія 1614 года, сохранившихся до нашего времени, повидимому, значительно меньше, чѣмъ экземпляровъ изданія 1588 года. Можно думать, что первое изданіе польскаго перевода оригинальнаго текста Статута являлось, если можно такъ выразиться, своего рода пробнымъ шаромъ. Не было увѣренности въ успѣхѣ изданія польскаго перевода и въ успѣшномъ распространеніи его экземпляровъ. Еслибы эта увѣренность была, то, конечно, въ 1614 году было

бы выпущено ихъ настолько достаточно, что не потребовалось бы черезъ пять лѣтъ изданіе повторять.

Вышедшее въ 1619 году изданіе польскаго перевода Третьяго Статута представляетъ собою томъ слѣдующаго содержанія: 1) привилей отъ 28 января 1588 года, дающій Статуту утвержденіе, 2) посвященіе Львомъ Сапѣгою перваго изданія кодекса Сигизмунду III-му, 3) обращеніе Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, 4) гербъ Сапѣги съ виршами, его поясняющими, 5) посвященіе изданія Льву Сапѣгѣ, написанное Гавловицкимъ, 6) обращеніе Гавловицкаго „Do Czytelnika łaskawego“, 7) привилей отъ 11 февраля 1588 года, предоставляющій Льву Сапѣгѣ право изданія Третьяго Статута въ печати, 8) Реестръ Статута, 9) „Porządek“ мѣстъ въ сенатѣ, 10) „Krotka Deklaracya“ о компетенціи сенаторскихъ урядовъ, 11) самый текстъ Статута. Рисунковъ въ этомъ изданіи больше, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ. Въ числѣ этихъ рисунковъ изображеніе сеймоваго засѣданія. Приводимъ полный текстъ заглавнаго листа тома, обозначая концы строкъ вертикальными чертами: Statut | Wielkiego Xiestvva | Litewskiego | Od Naiasnieyszego Hospodara Krola J. M. | Zygmvnta III. | Na Koronacyey w Krakowie Roku 1588. | wydany. | A teraz | Po drugi raz Polskim iezykiem do Druku podany | z pokazaniem w czym Statuta Korony Polskiey z Statutem | W. X. L. są zgodne w czym zaś są rozne: | Textv Samego Statvtv, Ni W Czym | Nie Odmieniaiac. | Przy Artykułach tego Statutu na Brzegach | iest położono. | Cum Gratia et Priuilegio S. R. M. | W Wilnie, | W Drukarni Leona Mamonicza Krola J. M. Typographa | Roku Pańskiego 1619. |

Размѣры литеръ набора этого заглавнаго листа весьма различны. Ихъ вышина отъ семи сантиметровъ до трехъ и даже двухъ милиметровъ. Семи сантиметровъ въ вышину достигаетъ разукрашенная литера „S“ въ словѣ „Statut“, начинающемъ весь заглавный листъ. Вышину въ два и три милиметра имѣютъ мелкія литеры близкихъ къ концу заглавнаго листа строкъ. Слово „Statut“, съ котораго начинается текстъ заглавнаго листа, совершенно точно воспроизводитъ печать того же слова на заглавномъ листѣ изданія 1614 года. Совершенно очевидно, что для изданія 1619 года Мамоничская типографія воспользовалась вырѣзкою на деревѣ этого слова, сдѣланною для изданія 1614 года. Весь заглавный листъ напеча-

танъ одною черною краскою, безъ смѣны ея краскою красною, какъ это имѣло мѣсто въ заглавныхъ листахъ изданій Статута въ 1588 и 1614 годахъ. Страница заглавнаго листа обведена по четыремъ сторонамъ ея рамою такой же черной краски, какъ и вообще въ печати страницы. Между четвертою и пятою (снизу) строками текста заглавнаго листа оставлено разстояніе въ два сантиметра, середина котораго занята небольшою заставкою, одною изъ обычныхъ въ книгахъ Мамоничской печати. Наборъ заглавнаго листа сдѣланъ различными шрифтами. Часть ихъ шрифты готическіе, часть — обыкновенный, такъ называемый „корпусъ". Шрифты эти различнаго формата. Четвертая строка снизу („Cum Gratia et Priuilegio S. R. M.") набрана курсивнымъ латинскимъ шрифтомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ шрифтовъ, видимо, не оказалось спеціально польскихъ буквъ. Такъ, вмѣсто „Xięstvva" напечатано „Xiestvva", вмѣсто „Odmieniaiąc" — „Odmieniaiac".

Къ описанію заглавнаго листа, только что представленному нами, нужно еще добавить, что тотъ сложнаго состава гербъ Великаго Княжества Литовскаго, который украшаетъ заглавный листъ изданія Статута въ 1614 году, въ изданіи 1619 года помѣщенъ на оборотной его сторонѣ. Обширный текстъ заглавнаго листа въ изданіи 1619 года занялъ цѣлую страницу. Для герба уже не осталось мѣста, и Мамоничская типографія рѣшила помѣстить его на оборотной страницѣ.

Посвященіе этого изданія Льву Сапѣгѣ Гавловицкимъ такъ говоритъ объ его происхожденіи: „Teraz że mi sie podała wiadomość od Typographa K. J. M. Szlachetnego P. Leona Mamonicza a sługi W. M. m. M. P., iż Statut W. X. L. po wtorykroć po Polsku dla niedostatku exemplarzow w druk miał być dany, ktory dobrze przedtym za wielką pracą W. M. m. M. P. y z inszemi na to naznaczonemi roku 1588 Krol J. M. szczęśliwie nam panuiący na koronacyey swey za prawo W. X. L. potwierdziwszy, na odprawowanie sądow y czynienie sprawiedliwości podać raczył, ktore W. M. m. M. P. staranie w Rzeczypospolitey wielki pożytek a sobie nieśmiertelną sławę i pamiątkę sprawiło........ Przy wydaniu tedy wtorym tego Statutu Polskim ięzykiem wziąłem to przedsię, abym na kształt concordanciy krotko w czym Koronne Prawo y Statuta z Prawami y Statutami W. X. L. są zgodne a w czym zaś są rozne a potym co po wydaniu tego Statutu W. X. L. od roku 1588 aż do tych czasow Constitucyami Seymowemi za

prawo na W. X. L. iest vchwalono (samego textu tego Statutu niwczym nieodmieniaiąc ani naruszaiąc) pokazał, chcąc w tym vżyteczną wielom ludzi posługę wyrządzić, zwłaszcza tym, ktorzy ani Statutow ani Praw Koronnych ani Constituciy zobopolnych, gdy potrzeba wyciąga, na rękę mieć nie mogą, aby przy iednostaynym prawie swym na wszytkie insze iakoby w źwierciedle razem patrzyli.....“

Свѣдѣнія о происхожденіи изданія Статута въ 1619 году имѣются и въ обращеніи къ читателю, озаглавленномъ такъ: „Do Czytelnika łaskawego Bartlomiey Gawłowicki“. Въ немъ, между прочимъ, читаемъ: „Ktorego Statutu iż iuż exemplarzow na potrzebę Obywatelow tego W. X. Lith. nie stawało, znowu Drukarz z nakładem swym niemałym drukować zamyślał, z ktorey okazyey przykładem inszych ludzi w prawie vczonych, ktorzy nauką swoią Prawa Crześcianskie obiaśniaią y do wyrozumienia łatwo podaią, y ia, niemal z dzieciństwa mego na roznych sądach bawiący sie y drugim sie przypatruiący, teyże zabawy mey oświadczenie vczynić vmyśliłem. A naprzod po wydaniu tego Statutu od roku 1588 aż do tego czasu z zgodney Vchwały Seymowey obudwu narodow ktore Constitucye za prawo na to W. X. Lit. są vchwalone.....“

Приведенныхъ нами выписокъ изъ посвященія изданія и изъ обращенія къ читателю, написанныхъ Гавловицкимъ, думается, совершенно достаточно для того, чтобы опредѣлить происхожденіе и характеръ изданія Статута въ 1619 году. Изданіе это предпринимаетъ „типографъ“ Левъ Мамоничъ. Само собою разумѣется, что этого онъ не могъ сдѣлать, не получивши на то разрѣшенія отъ Льва Сапѣги, которому только одному привилеемъ 11 февраля 1588 года было даровано право на изданіе Третьяго Литовскаго Статута въ печати. Въ организаціи изданія 1619 года самъ Сапѣга не принимаетъ никакого участія. Онъ лишь далъ на него свое разрѣшеніе Мамоничской типографіи. Но само это изданіе является предпріятіемъ ея. Его „zamyślał“ Левъ Мамоничъ. Свое частное изданіе Статута онъ захотѣлъ сдѣлать болѣе удобнымъ для пользованія. Онъ привлекъ къ его подготовкѣ Бартоломея Гавловицкаго, который на манеръ конкорданцій подвелъ подъ статутовые артикулы различія права государствъ Литвы и Польши, а также дополненія статутовыхъ законовъ новыми, изданными послѣ утвержденія въ 1588 году Третьяго Статута. Свои замѣтки, которыя копились у Гавловицкаго, по всей вѣроятности,

во время его адвокатской практики, онъ отдалъ въ распоряженіе Мамоничской типографіи, которая и напечатала ихъ въ своемъ новомъ изданіи Статута. Не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо оффиціальномъ значеніи этихъ „конкорданцій", составленныхъ Гавловицкимъ. Ни канцлеръ Сапѣга, ни государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго никакой отвѣтственности за нихъ на себя не принимали. Изучая изданіе Статута, вышедшее въ 1619 году, и привлекая къ своему изученію все написанное для него Гавловицкимъ, С.А. Бершадскій отмѣчалъ и серьезные недостатки его работы по существу, вызванные спѣшностью ея подготовки для изданія. Бершадскій думалъ, что главною цѣлью напечатанія въ 1619 году при Статутѣ работы Гавловицкаго было „приданіе большей цѣны новому изданію" его и желаніе „этимъ облегчить его сбытъ". Бершадскій пояснялъ это такъ: „Для тѣхъ изъ Литовскихъ землевладѣльцевъ, которые владѣли имѣніями не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ, необходимо было прибѣгать по своимъ дѣламъ не только къ Литовскимъ, но и къ Польскимъ законамъ; но для того, чтобы ссылаться на опредѣленія Польскаго права, необходимо было имѣть у себя или Статутъ Ласкаго, книгу уже и въ XVII вѣкѣ довольно рѣдкую, или Статуты Гербурта-де-Фульштинъ, различные печатные сборники конституцій отъ временъ Сигизмунда Августа и т. д. Въ виду того, что обладаніе всѣми этими сборниками не всегда было возможно или не по средствамъ данному лицу, Гавловицкій и привелъ подъ различными артикулами Статута выдержки изъ Польскихъ конституцій, для того, чтобы заинтересованныя лица могли знать, какія права принадлежатъ имъ въ Польшѣ и какія въ Литвѣ. Такимъ образомъ, второе изданіе Польскаго перевода Статута 1588 г. заключало въ себѣ не только переводъ текста, но и выдержки изъ дѣйствующихъ законовъ Королевства Польскаго. Владѣльцу такого экземпляра не было уже надобности добывать рѣдкія книги и не было нужды возить всѣ эти книги съ собою. Все, что нужно, находится уже въ Статутѣ". Но это подведеніе Польскихъ законовъ подъ статутовые артикулы исполнено, по наблюденіямъ С. А. Бершадскаго, Гавловицкимъ весьма неудовлетворительно: „обѣщая указать, что изъ сеймовыхъ конституцій послѣ 1588 г. составляетъ законъ, дѣйствующій въ Литвѣ, а равно, въ чемъ законы Литовскіе сходны и въ чемъ различны съ Польскими, Гавло-

вицкій не даетъ однако никакого намека на то, по какимъ признакамъ читатель долженъ заключить, что выдержка изъ той или другой конституціи, приводимая подъ артикуломъ, составляетъ законъ для Литвы, и откуда можно заключить, что эта выдержка согласна съ Литовскимъ правомъ или же находится съ нимъ въ противорѣчіи". Рядомъ цитатъ изъ „конкорданцій" Гавловицкаго С. А. Бершадскій иллюстрируетъ эти ихъ недостатки [1]).

Мы не будемъ входить въ детальное изученіе „конкорданцій" Гавловицкаго. Ихъ характеристику и оцѣнку далъ уже С. А. Бершадскій. Для насъ въ настоящемъ нашемъ изложеніи важны данныя, которыя можно извлечь изъ произведеній Гавловицкаго, напечатанныхъ въ 1619 году при Статутѣ, для характеристики самого этого изданія, т. е. ихъ указанія на то, было ли оно изданіемъ оффиціальнаго значенія или нѣтъ. Думается, что на основаніи этихъ данныхъ признать это изданіе имѣющимъ значеніе оффиціальнаго нельзя.

Итакъ, оффиціальный текстъ Третьяго Литовскаго Статута съ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія признавался находящимся въ „поправѣ", и эта „поправа" никакъ не могла получить своего благополучнаго завершенія. Въ 1632 году умеръ утвердившій Статутъ Сигизмундъ III. На элекціонномъ сеймѣ, собравшемся для избранія его преемника, вопросъ о „корректурѣ" правъ какъ Польши, такъ и Великаго Княжества Литовскаго былъ поднятъ [2]). Но изъ этого ничего не вышло, и участникъ сейма записалъ о ней: „nieszczęśliwa była korrektura praw, bo ani w Koronie, ani w W. Ks. Lit. nic nie postanowiono na sejmie elekcyjnym" [3]). Сеймъ коронаціи Владислава IV-го вынесъ постановленіе объ исправленіи Третьяго Литовскаго Статута, вошедшее въ составъ его конституцій подъ заголовкомъ „Korrektura praw w W. X. Litew." [4]). Въ составъ образованной для „корректуры" Статута коммиссіи были назначены королемъ „vi-

[1]) С. А. Бершадскій, Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 73-77.

[2]) Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza w. Litewskiego, t. I (Poznań, 1839), str. 73. Ср. стр. 119.

[3]) Ibidem, str. 85. „Pamiętniki" свои Радивилъ писалъ по-латыни. На польскій языкъ они были переведены въ XVIII столѣтіи. Этотъ переводъ и былъ напечатанъ Э. Рачинскимъ въ 1839 году въ Познани.

[4]) Vol. Leg., III, p. 379, f. 799.

gore Conventus" Виленскій епископъ Абрагамъ Война, Мстиславскій воевода Николай Кишка (Техановецкій), Перновскій воевода Константинъ Полубенскій и референдарій и писарь господарскій Мартіанъ Тризна. На реляційныхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, которые соберутся послѣ коронаціоннаго сейма, къ нимъ должны быть присоединены избранные повѣтовою шляхтою ея депутаты, по одному отъ каждаго повѣта государства Литвы. Мѣстомъ засѣданій этой коммиссіи была назначена Вильна, днемъ съѣзда членовъ ея — 26 іюня 1633 года. Отсутствіе кого-либо изъ состава учрежденной коммиссіи не должно препятствовать ея занятіямъ. Послѣ принесенія присяги по образцу присяги членовъ Трибунала, коммиссія должна приступить къ статутовой „поправѣ" и вести ее „pluralitate suffragiorum concludente". Но, если составъ депутатовъ шляхты былъ ограниченъ числомъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, то составъ его сенаторовъ въ Статутовой Коммиссіи могъ быть значительно больше поименованныхъ въ сеймовой конституціи, ибо она не только упоминаетъ объ участіи въ Коммиссіи „печатарей", т. е. канцлера и подканцлера, но даетъ возможность участія въ ней и другихъ пановъ-рады Литовскихъ. Выработанную Коммиссіей статутовую „поправу" Владиславу IV-му, согласно конституціи коронаціоннаго сейма, представятъ на будущій сеймъ сеймовые послы повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, и король будетъ обязанъ утвердить ее властью сейма — „authoritate Conventus konfirmować powinni będziemy", гласитъ отъ имени Владислава IV-го конституція коронаціоннаго сейма 1633 года. Такимъ образомъ, „поправа" Третьяго Статута послѣ ея выработки Коммиссіей должна была еще пройти черезъ повѣтовые сеймики государства, ибо внести ее на утвержденіе монарха должны были бы ихъ сеймовые послы, которыхъ они выберутъ и которымъ дадутъ свои инструкціи и полномочія для ихъ дѣятельности на предстоящемъ сеймѣ. Что касается самаго утвержденія „поправы", то оно должно совершиться монархомъ, хотя и „моцъю" сейма. О „зволеньѣ" послѣдняго и эта конституція не говоритъ ничего. Представленіе о порядкѣ исправленій Литовскаго Статута, выработавшееся въ государствѣ Литвы уже во вторую половину XVI столѣтія[1]), сохраняется въ полной своей силѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 146 и сл.

Статутовая Коммиссія, учрежденная коронаціоннымъ сеймомъ 1633 года, дѣйствительно собралась въ Вильнѣ въ двадцатыхъ числахъ іюня того же года. Это было время первой послѣ коронаціи поѣздки въ Великое Княжество Литовское новаго короля соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой, Владислава IV-го, въ избраніи и короновании котораго оба ея государства были вполнѣ единодушны. На Литовской границѣ 17 мая, именемъ цѣлаго государства Литвы, новаго монарха привѣтствовалъ Янъ Станиславъ Сапѣга, земскій или великій маршалокъ Великаго Княжества Литовскаго. Разсказывая объ этой встрѣчѣ Владислава IV-го государствомъ Литвы, современникъ отмѣчаетъ: „odmienili się urzędnicy wszyscy, gdy na miejsce Polaków litewscy nastąpili“[1]). 24 іюня Владиславъ IV торжественно въѣхалъ въ Вильну. Само собою разумѣется, что во время его пребыванія въ столицѣ Великаго Княжества Литовскаго входившіе въ составъ Статутовой Коммиссіи Литовскіе паны-рада должны были свое главное вниманіе отдавать тѣмъ дѣламъ и совѣщаніямъ, къ которымъ ихъ привлекалъ монархъ, а также и тѣмъ торжествамъ, которыя въ его честь тогда въ Вильнѣ устраивались. Это не могло не отвлекать ихъ отъ работы въ Коммиссіи. Но во всякомъ случаѣ, занятія послѣдней начались 27 іюня. Въ этотъ день она собралась впервые подъ предсѣдательствомъ Литовскаго канцлера Альбрехта Станислава Радивила, согласно значенію его уряда. Сговорились о мѣстѣ и времени засѣданій, а также о самомъ веденіи дѣла[2]). Однако занятія Статутовой Коммиссіи не оказались удачными. 4 іюля канцлеръ Радивилъ записалъ въ своихъ замѣткахъ: „w sprawie korrektury darmo się tylko czas trawił“[3]). Въ засѣданіи 12 іюля Коммиссія, не закончивъ обсужденія перваго раздѣла Статута, стала заниматься вопросомъ о судебныхъ правахъ города Вильны, которыя уменьшить стремилась шляхта. 13 іюля занятія Статутовой Коммиссіи закончились принятіемъ рѣшенія отложить порученное ей дѣло до сейма[4]). Левъ Сапѣга уже не принималъ участія въ этой „поправѣ“ Статута, которой онъ такъ много отдавалъ

---

1) Pamiętniki Radz., t. I, str. 159.

2) Ibidem, str. 163.

3) Ibidem, str. 164.

4) Ibidem, str. 168-169.

своихъ заботъ съ девяностыхъ годовъ XVI столѣтія. 7 іюля 1633 года онъ внезапно скончался[1]).

Извѣстія, которыми мы располагаемъ для изученія хода „поправы“ Третьяго Статута, позволяютъ до извѣстной степени опредѣлить причины неудачъ коммиссій, которыя для нея создавались сразу послѣ утвержденія этого кодекса. Недовольство католическаго духовенства и стоявшей за нимъ католической части шляхты внесеніемъ въ Статутъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года, какъ мы это видѣли выше, совершенно ясно проявилось уже при самомъ утвержденіи Третьяго Статута въ 1588 году. Но за сохраненіе силы этого акта горячо стояла шляхта „разновѣрческая“, видѣвшая въ инкорпорировавшемъ его статутовомъ артикулѣ основной законъ государства, охраняющій ея религіозную свободу и права. Примиреніе требованій католиковъ и „разновѣрцевъ“ было невозможно, и эта невозможность, осложнявшаяся страстностью ихъ отношенія къ данному вопросу, обрекала на неудачу статутовую „поправу“. Кромѣ того, обнаружилось стремленіе шляхты къ сокращенію правъ городскихъ самоуправленія и суда, выросшее въ годы примѣненія Литовскаго Статута 1588 года. Это стремленіе грозило опасностью упадка благосостоянія мѣстъ-городовъ, котораго не могли допустить люди, стоявшіе на стражѣ интересовъ государства Литвы въ его цѣломъ и не могущіе ими жертвовать. Но какъ будто бы обнаруживается въ дѣятельности Статутовыхъ Коммиссій, какъ у сенаторовъ, такъ и у шляхтичей, въ составѣ ихъ входившихъ, и недостатокъ желанія въ должной мѣрѣ отдавать свои силы и время дѣлу статутовой „поправы“. Когда Левъ Сапѣга состарился, этому дѣлу уже не хватало его испытанныхъ энергіи и опыта. А когда онъ въ 1633 году скончался, исчезъ и его громадный авторитетъ въ вопросахъ законодательства Великаго Княжества Литовскаго. Все это было дурными указаніями для дальнѣйшихъ попытокъ довести наконецъ до благополучнаго завершенія уже свыше сорока лѣтъ тянувшееся дѣло исправленія Третьяго Литовскаго Статута.

Когда на Варшавскомъ сеймѣ 1635 года было доложено о неудачѣ Статутовой Коммиссіи 1633 года, представители Великаго Княжества Литовскаго внесли въ его конституціи по-

---

[1]) Описаніе кончины Льва Сапѣги — ibidem, str. 164-165.

становленіе, которое, казалось бы, должно обезпечить выработку такъ долго жданной „поправы" Статута. Былъ намѣченъ надзоръ за работами новой Статутовой Коммиссіи самого монарха. Вотъ текстъ конституціи этого сейма, озаглавленной „Korrektura praw W. X. Litewskiego": „Korrektura praw W. X. L. że według konstytucyi Seymu Krakowskiego, z przyczyn pomienionych w manifestacyi w Wilnie, przez Deputatow do tey korrektury naznaczonych, skutku swego nie wzięła: tedy chcąc w tym affektacyi obywatelow W. X. L. dogodzić, obiecuiemy o szczęśliwym da Pan Bog przyieździe naszym do W. X. L. uniwersały naszemi, w Powiatach wszystkich obwieścić, przed czasem przyiazdu naszego niedziel sześciu: że za przybyciem naszym do Wilna, abo do Grodna, Deputaci na to z Powiatow obrani (ktorych na Seymikach teraźnieyszych Relacyinych naznaczyć w swych Powiatach maią) do Nas ziadą. A My Senatorow, na ten czas przy boku naszym mieszkaiących, y Pieczętarza ktoregokolwiek, do tych Deputatow przydać, y tę korrekturę do effektu przywieść, będziemy chcieli" [1]).

Такимъ образомъ, новая Статутовая Коммиссія должна будетъ работать при королѣ. Онъ ее созоветъ самъ своими универсалами по прибытіи въ Великое Княжество Литовское. Выбранные въ ея составъ повѣтовыми сеймиками шляхетскіе депутаты будутъ ожидать этихъ универсаловъ, чтобы явиться въ Статутовую Коммиссію ко дню, назначенному Владиславомъ IV-мъ, и въ городъ, имъ указанный. Что касается Литовскихъ сенаторовъ, то король назначитъ въ составъ Коммиссіи тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ при немъ находиться [2]), и одного изъ „печатарей", т. е. канцлера или подканцлера. Самъ Владиславъ IV, конечно, не будетъ принимать личнаго участія въ засѣданіяхъ Статутовой Коммиссіи. Но онъ будетъ слѣдить за ея работами, получая о нихъ доклады, и, когда это потребуется,

---

[1]) Vol. Leg., III, p. 416, f. 877.

[2]) Слова конституціи „Senatorow, na ten czas przy boku naszym mieszkaiących", конечно, не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ указанія на сенаторовъ такъ называемой „прибочной рады", т. е. сенаторовъ-резидентовъ. Варшавскій сеймъ 1635 года назначилъ въ ихъ составъ на ближайшіе два года не тѣхъ лицъ (см. Vol. Leg., III, p. 425, f. 895), которыя были поименованы въ универсалахъ Владислава IV-го. А кромѣ того, въ составъ коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута не могли входить сенаторы Польской Короны, которые обязательно находились въ прибочной радѣ.

долженъ будетъ выступить въ качествѣ суперарбитра въ возникающихъ въ Коммиссіи разногласіяхъ. Трудности, обнаружившіяся въ ходѣ статутовой „поправы“, и опытъ предшествующихъ коммиссій, для нея создававшихся, видимо, ясно сознавались въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Потому то оно и прибѣгло къ мѣрѣ чрезвычайной, къ привлеченію авторитета монарха какъ силы, единственно способной сдержать разгоравшіяся при „поправѣ“ Статута страсти и столкновенія различныхъ интересовъ въ средѣ ее обсуждавшихъ.

Въ составъ новой Статутовой Коммиссіи были оглашены универсалами Владислава IV-го по Великому Княжеству Литовскому слѣдующіе ея члены, назначенные королемъ сенаторы и избранные повѣтовыми сеймиками депутаты: Виленскій и Жомойтскій бискупы, воевода Мстиславскій, канцлеръ и подканцлеръ государства Литвы, его подскарбій земскій и духовный референдарій, а также по одному представителю шляхты отъ каждаго повѣта Великаго Княжества Литовскаго. Этими представителями шляхты повѣтовъ были: Виленскаго — земскій Виленскій судья Зеновичъ, Ошменскаго — Ошменскій староста Волчекъ, Лидскаго — Лидскій войскій Лимонтъ, Вилкомирскаго — земскій Вилкомирскій судья Суморокъ, Браславскаго — земскій Браславскій подсудокъ Туръ, Троцкаго — земскій Троцкій писарь Нарбутъ, Городенскаго — подстолій Городенскій Кирдей, Ковенскаго — подкоморій Ковенскій Шукшта, Упитскаго — подкоморій Упитскій Бѣлозоръ, староства Жомойтскаго — Гружевскій, Смоленскаго — Войшко, Стародубскаго — подстолій Новгорода Сѣверскаго Тешевскій, Полоцкаго — земскій Полоцкій писарь Подбипента, Новгородскаго — земскій Новгородскій судья Обрынскій, Слонимскаго — староста Вилкомирскій Тризна, Волковыйскаго — земскій Волковыйскій судья Олонскій, Витебскаго — земскій Витебскій судья Старосельскій, Оршанскаго — депутатъ Трибунала Подберезскій, Берестейскаго — хоружій Великаго Княжества Литовскаго Сапѣга, Пинскаго — Протасовичъ, Мстиславскаго — Копецъ, Минскаго — земскій Минскій подсудокъ Немста, Мозырскаго — Вольскій, Рѣчицкаго — маршалокъ Рѣчицкій Юдицкій[1]).

Въ концѣ февраля 1636 года стало извѣстнымъ, что Владиславъ IV прибудетъ въ скоромъ времени изъ Кенигсберга

[1]) Списокъ этотъ даетъ А. Ст. Радивилъ — Pamiętniki, t. I, str. 299-300.

въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго. Находившійся тогда въ Ковнѣ канцлеръ Радивилъ поспѣшилъ въ Вильну, чтобы подготовить начало работъ по „поправѣ“ Статута къ пріѣзду короля. 29 февраля онъ повидался съ Виленскимъ бискупомъ, и, переговоривъ, они оба рѣшили открыть засѣданія Статутовой Коммиссіи на слѣдующій день, т. е. 1 марта. Когда первое засѣданіе было открыто въ Виленскомъ замкѣ, предсѣдателемъ Коммиссіи былъ избранъ канцлеръ. Принявъ избраніе, канцлеръ Радивилъ, проведя обсужденіе вопросовъ о формулѣ присяги членовъ Коммиссіи, о времени засѣданій и о другихъ обстоятельствахъ предстоящихъ занятій, выѣхалъ изъ Вильны въ Ковну для встрѣчи короля. 5 марта Владиславъ IV прибылъ въ Вильну, а 7 марта состоялось засѣданіе Статутовой Коммиссіи, во время котораго пришли къ окончательному соглашенію относительно формулы присяги ея членовъ. Но выполненіе ея пришлось отложить изъ-за болѣзни Виленскаго бискупа. На этомъ засѣданіе закончилось. Паны-рада, въ немъ присутствовавшіе, отправились къ королю, а остальные члены Коммиссіи разошлись. 8 марта состоялось слѣдующее засѣданіе, во время котораго была принесена присяга на Евангеліи. Въ этомъ засѣданіи начались и первыя тренія въ Коммиссіи. По просьбѣ Виленской капитулы канцлеръ Радивилъ предложилъ принять въ составъ Коммиссіи одного изъ канониковъ, указывая, что и король того желаетъ. Но статутовые депутаты не дали на это своего согласія. Канцлеръ доложилъ Коммиссіи о королевской волѣ, чтобы сталъ членомъ ея Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ. Статутовые депутаты не согласились и на это, выдвигая необходимость строго держаться опредѣленія личнаго состава Коммиссіи, установленнаго коронаціоннымъ сеймомъ и королевскими универсалами. Послѣ всего этого приступили къ разсмотрѣнію текста Третьяго Литовскаго Статута и въ полномъ согласіи закончили два или три его артикула. Тутъ весь личный составъ Коммиссіи былъ приглашенъ къ королю. Во время этой аудіенціи канцлеръ Радивилъ, какъ предсѣдатель ея, держалъ къ королю рѣчь. Отвѣчалъ ему отъ королевскаго имени подканцлеръ. Послѣ этого всѣ были допущены къ цѣлованію руки короля.

Въ слѣдующіе дни Статутовая Коммиссія продолжала свою работу. 13 марта было закончено разсмотрѣніе перваго раздѣла Статута, 14-го пересмотрѣли второй раздѣлъ. 15 марта при-

ступили къ разсмотрѣнію третьяго раздѣла Статута. Именно этотъ раздѣлъ и представлялъ собою, благодаря внесенному въ третій артикулъ его акту Варшавской конфедераціи 1573 года, наибольшія опасности для сохраненія согласія и единомыслія членовъ Коммиссіи. Въ ея составъ входили не одни католики, но и „разновѣрцы", а, повидимому, и православные. Какъ мы отмѣтили выше, присяга ея членовъ при началѣ занятій приносилась на Евангеліи, а не на Распятіи (Круцификсѣ). Это было очевидной уступкой „разновѣрцамъ" и указываетъ на то, что съ ними приходилось серьезно считаться. Поэтому совершенно естественно, что на нѣкоторое время было отложено разсмотрѣніе статутоваго артикула съ закономъ о равноправіи всѣхъ христіанскихъ религій, противъ котораго уже давно вооружались католическія духовенство и шляхта. Въ разногласіяхъ и раздорахъ по поводу этого артикула легко могло погибнуть все начатое Статутовой Коммиссіею дѣло „поправы". Понятнымъ является поэтому желаніе сначала попытаться продѣлать почти всю работу по пересмотру Статута прежде, чѣмъ обратиться къ этому крайне опасному для ея продолженія артикулу. Но, какъ сейчасъ увидимъ, такая предосторожность не спасла Коммиссіи. Разногласія между католическою и „разновѣрческою" частями личнаго ея состава вспыхнули по другому поводу.

17 марта прибылъ въ Вильну Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ. На другой день, т. е. 18 марта, онъ, сдѣлавъ визитъ канцлеру, явился въ засѣданіе Статутовой Коммиссіи и занялъ въ ней мѣсто, заявивъ, что онъ назначенъ въ ея составъ королемъ, которому конституція сейма 1635 года предоставила назначеніе въ нее сенаторовъ по его волѣ. Тѣ статутовые депутаты, которые раньше не соглашались на допущеніе Криштофа Радивила къ участію въ Коммиссіи, теперь привѣтствовали его самымъ почтительнымъ образомъ. Вступленіе Криштофа Радивила въ составъ Статутовой Коммиссіи имѣло рѣшительное вліяніе на все направленіе ея дальнѣйшей дѣятельности. Убѣжденный кальвинистъ, горячо преданный своей религіи и идеѣ религіозной свободы, онъ при этомъ былъ не только человѣкомъ властнымъ и обладалъ сильною волею, но выдавался и своимъ авторитетомъ. Долголѣтній польный гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, нелюбимый Сигизмундомъ III-мъ за преданность кальвинизму, Криштофъ Радивилъ,

какъ выдающійся военачальникъ, пользовался большимъ уваженіемъ. Владиславъ IV назначилъ его Виленскимъ воеводою послѣ смерти Льва Сапѣги, а въ 1635 году передалъ ему и великое гетманство Великаго Княжества Литовскаго, остававшееся не замѣщеннымъ со смертью того же Сапѣги. Въ положеніи Виленскаго воеводы и великаго гетмана государства Литвы Криштофъ Радивилъ занималъ первое мѣсто въ ряду свѣтскихъ сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго. Его личный авторитетъ былъ великъ и въ признаніи Владислава IV-го, и въ признаніи шляхты, а также наемныхъ войскъ. Въ Статутовой Коммиссіи теперь оказались два Радивила, разныхъ вѣтвей этого дома и разныхъ религій. Криштофъ Радивилъ былъ княземъ на Биржахъ, Альбрехтъ Станиславъ — княземъ на Олыкѣ. Первый стоялъ на стражѣ правъ „разновѣрія" и свободы религіозныхъ вѣрованій, второй былъ ревностнымъ католикомъ, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ стремившимся къ подавленію „разновѣрія". Но, конечно, по личнымъ авторитету и вліянію Криштофъ былъ много сильнѣе и авторитетнѣе Альбрехта Станислава.

Прерванныя въ виду близости Пасхи, которая въ 1636 году падала на 23 марта, засѣданія Статутовой Коммиссіи возобновились 26 марта. Составъ ея въ началѣ апрѣля пополнился бискупами Виленскимъ и Жомойтскимъ, которые раньше, первый по болѣзни, а второй по отсутствію изъ Вильны, не являлись въ засѣданія. Заболѣвшій Криштофъ Радивилъ не могъ въ началѣ апрѣля бывать въ Статутовой Коммиссіи, и столкновеній въ ней между „разновѣрцами" и католиками, видимо, не происходило. Но 10 апрѣля, въ тотъ самый день, когда прибылъ бискупъ Жомойтскій, къ Владиславу IV-му явился опатъ Копривницкій Гнѣвошъ, представившій королю два пункта по поводу работъ Статутовой Коммиссіи, а именно, чтобы она благопріятно относилась къ дѣламъ церковнымъ, которыхъ протекторомъ является король, и чтобы въ составъ Коммиссіи былъ принятъ капитульный представитель. Голоса статутовыхъ депутатовъ по этому вопросу раздѣлились: одни соглашались принять въ свой составъ представителя капитулы, другіе считали нужнымъ отложить рѣшеніе вопроса до болѣе полнаго по числу присутствующихъ членовъ Коммиссіи засѣданія, третьи же, „еретики", по выраженію канцлера Радивила, отказывали въ согласіи наотрѣзъ. Тогда канцлеръ, основываясь на кон-

ституціи 1633 года, устанавливавшей большинство голосовъ для рѣшеній Коммиссіи, далъ отвѣтъ господарскому секретарю, что каноникъ Виленской капитулы допускается въ засѣданія Статутовой Коммиссіи съ правомъ голоса только въ дѣлахъ духовныхъ. Но послѣ этого пришелъ сынъ Виленскаго воеводы, Литовскій подкоморій Янушъ Радивилъ, который, попросивши себѣ слова, передалъ просьбу своего отца не допускать новое духовное лицо къ участію въ статутовой „поправѣ". Тогда рѣшеніе по этому дѣлу было отложено до 14 апрѣля, когда сможетъ лично присутствовать въ засѣданіи болѣвшій въ это время Виленскій воевода.

11 апрѣля Коммиссія разсматривала четвертый раздѣлъ Статута и произвела въ немъ нѣкоторыя измѣненія. На слѣдующій день она продолжала свою работу. Наступило 14 апрѣля. Виленскій воевода, отправляясь къ королю, прислалъ къ канцлеру Радивилу слугу съ просьбою повидаться съ нимъ. Канцлеръ поспѣшилъ къ нему. Произошла бесѣда, въ которой въ спокойныхъ тонахъ оба Радивила обсудили вопросы о привилеяхъ и правахъ духовенства и мѣщанъ. Затѣмъ одинъ изъ нихъ отправился къ королю, а другой въ костелъ, на мессу. Когда наступило время засѣданія Статутовой Коммиссіи, она собралась въ очень большомъ составѣ, при чемъ кромѣ членовъ ея было и много простыхъ „аудиторовъ". Лишь только канцлеръ открылъ засѣданіе, какъ прибылъ и Виленскій воевода со своею многочисленною „ассистенціею". Личныя отношенія обоихъ Радивиловъ въ началѣ засѣданія казались наилучшими. Но когда канцлеръ поднялъ вопросъ о допущеніи, въ силу королевскаго желанія, къ участію въ Коммиссіи одного представителя Виленской капитулы съ правомъ голоса въ духовныхъ дѣлахъ, а именно кустоша Исайковскаго[1]), Криштофъ Радивилъ сразу пришелъ въ раздраженіе и немедленно попросилъ для себя слова. Онъ заявилъ, что духовное лицо можно бы было допустить къ участію въ Коммиссіи лишь „nemine contradicente", а между тѣмъ не всѣ ея члены въ данномъ случаѣ

---

[1]) Виленская капитула въ дѣйствительности желала имѣть въ составѣ Статутовой Коммиссіи не одного представителя. 28 іюня 1633 года она делегировала „do korektury Statutu" трехъ своихъ представителей, а 19 февраля 1636 года даже четырехъ, въ числѣ которыхъ былъ и каноникъ Исайковскій. X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, cz. III, str. 120 i 129.

согласны. Продолжая свою рѣчь, Виленскій воевода громилъ духовенство, объявлялъ недопустимымъ разрѣшеніе Виленскому канонику войти въ составъ Статутовой Коммиссіи и грозилъ поднять шляхту, если это будетъ сдѣлано. Виленскій бискупъ Абрагамъ Война сталъ возражать. Въ возбужденныхъ преніяхъ приняли участіе другіе члены Коммиссіи. Страсти разгорались. Канцлеръ сказалъ, что существуютъ три выхода изъ создавшагося затрудненія: или передать вопросъ на рѣшеніе короля, или отложить дѣло до завтра, или пропѣть „поправѣ“ Статута „Requiem“. Приводимъ отвѣтъ на это Виленскаго воеводы по записи Альбрехта Станислава Радивила въ изданномъ ея польскомъ переводѣ: „Na decyzyą królewską, jeśli przeciwna będzie, nie pozwolę; jeśli za mną będzie, nie będę się wstydził przyjąć. Na jutrzejszy dzień odkładać, co za potrzeba; nic nowego jutrzejszy dzień nie przyniesie. Co do Requiem należy, lubo moja religia nie zażywa takiéj ceremonii na pogrzebach, jeżeli kto jednak zacznie, pomogę tę piosnkę śpiewać“. На это оба бискупа сейчасъ же отвѣтили: „Nie mają Requiem i na wieki mieć nie będą dyssydenci, a tymczasem gwałt od nich cierpi kościół, któremu na obronę praw swoich nie pozwalają protektora“ [1]).

Мы не можемъ входить въ дальнѣйшее изложеніе того, что происходило въ засѣданіи Статутовой Коммиссіи 14 апрѣля 1636 года. Его подробности сохранены въ записяхъ канцлера Радивила, хотя и съ замѣтною окраскою ихъ католическою тенденціею автора. „Поправа“ Статута въ 1636 году окончилась неудачею и вновь была отложена въ долгій ящикъ [2]). Католическіе члены Коммиссіи приготовили было протестацію для внесенія ея въ книги Трибунала, котораго очередная сессія какъ разъ въ то время отправлялась въ Вильнѣ. Объ этой протестаціи велись переговоры между членами Коммиссіи, о ней говорили съ королемъ, ее носили къ маршалку Трибунала. Но и съ протестаціей этой вышла неудача. Пришлось удовольствоваться лишь ея сокращеннымъ „экстрактомъ“ [3]). Исторія работы Статутовой Коммиссіи въ 1636 году показы-

---

1) Pamiętniki Radz., t. I, str. 308.

2) Разсказъ канцлера Радивила о дѣятельности этой Коммиссіи — ibidem, str. 297-310.

3) Ходъ дѣла съ этой протестаціей см. ibidem, str. 311-316.

ваетъ ясно, насколько трудно было провести статутовую „поправу“. На пути ея стояли слишкомъ серьезныя препятствія, которыя мы уже отмѣчали выше. Это были прежде всего борьба католиковъ и „разновѣрцевъ“ въ вопросѣ свободы христіанскихъ религій, разрѣшенномъ Третьимъ Статутомъ, и стремленіе шляхты къ ограниченію правъ, гарантированныхъ тѣмъ же кодексомъ другимъ сословіямъ государства.

А между тѣмъ напечатанные въ Мамоничской типографіи три изданія Статута 1588 года давно разошлись. Ждать, когда совершится статутовая „поправа“, становилось все труднѣе. Пока былъ живъ Левъ Сапѣга, онъ, въ силу принадлежавшаго ему пожизненнаго права изданія Третьяго Статута, могъ разрѣшить новое изданіе его. Со смертью Сапѣги положеніе осложнилось. Потребовалось внесеніе Великимъ Княжествомъ Литовскимъ на „спольный“ сеймъ ходатайства о разрѣшеніи новаго изданія Статута, хотя его „поправа“ и не была еще закончена. Это было сдѣлано въ 1647 году, и въ конституціи Варшавскаго сейма этого года внесено разрѣшеніе вновь напечатать Литовскій Статутъ[1]). Новое изданіе польскаго перевода Третьяго Статута вышло въ 1648 году изъ типографіи Петра Элерта въ Варшавѣ. Содержаніе заглавнаго листа этого изданія[2]) таково: Statvt | Wielkiego Xięstwa | Litewskiego | Od Naiaśnieyszego Hospodara | Krola Jego Mosci | Zygmvnta Trzeciego | Na Koronacyey w Krakowie naprzod | w Roku 1588. | A potym drugi raz także Polskim ięzykiem | w Roku 1619. | z pokazaniem w czym Statuta Korony Polskiey z Statutem | W. X. L. są zgodne, w czym zaś są rożne. | Teraz zaś | Trzeci raz z przyłożeniem Constituciy tak Koronie | iako y W. X. L. służących, zaraz pod Arty- | kułami położonych, | Textv Samego Statvtv | Niwczym Nieodmieniaiąc, | Do Drvkv Podany, | Roku Pańskiego 1648. | . Текстъ этотъ обведенъ довольно широкою четыреугольною рамою мелкаго рисунка. Шрифты набора заглавнаго листа различнаго размѣра и различнаго характера. Самыя крупныя ли-

[1]) „Dla potrzeby y wygody obywatelow W. X. Lit. statut tegoż W. X. L. iako potrzebne tamtym obywatelom prawo, podać do druku pozwalamy“ (Vol. Leg., IV, p. p. 54-55, f. 108). Заголовокъ этой конституціи: „Statut W. X. Litewskiego“.

[2]) Воспроизводя текстъ заглавнаго листа, мы концы строкъ обозначаемъ вертикальными чертами, какъ это дѣлали выше, а также будемъ дѣлать и ниже.

теры въ вышину около сантиметра и три четверти. Шрифты обычные — латинскій, готическій и латинскій курсивный. На оборотной страницѣ заглавнаго листа — „Tytuły" четырнадцати раздѣловъ Статута, съ обозначеніемъ числа артикуловъ въ каждомъ изъ нихъ, а также съ указаніемъ страницъ начала раздѣловъ.

Если мы поближе присмотримся къ содержанію заглавнаго листа въ изданіи 1648 года, то должны будемъ отмѣтить, во-первыхъ, отсутствіе указанія на мѣсто изданія и на печатавшую типографію, а во-вторыхъ, большую небрежность типографіи Элерта въ исполненіи принятаго ею на себя заказа по напечатанію Статута. Объяснять отсутствіе обозначенія Варшавы, какъ города, въ которомъ былъ напечатанъ Литовскій Статутъ, приходится тѣмъ отношеніемъ, которое существовало въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ къ Польшѣ въ то время. Опасенія Польскихъ покушеній на Литовскую государственность сдѣлали бы непопулярнымъ изданіе Статута, на заглавномъ листѣ котораго стояло бы указаніе на Варшаву, какъ на мѣсто его выхода. Это могло бы отразиться на матеріальномъ успѣхѣ изданія и отразилось бы на интересахъ выпустившей изданіе типографіи Элерта. Потому то, приходится думать, издатель и предпочелъ не обозначать своей типографіи на заглавномъ листѣ.

Что касается небрежности изданія, обнаруживающейся уже на его заглавномъ листѣ, то она состоитъ въ слѣдующемъ. Статутовый текстъ типографія Элерта переиздавала съ Мамоничскаго изданія Статута, выпущеннаго въ 1619 году. На его заглавномъ листѣ стояло, что Статутъ былъ тогда „Po drugi raz Polskim iezykiem do Druku podany", но что онъ былъ „выданъ" въ 1588 году въ Краковѣ „Na Koronacyey". Не разобравшись въ смыслѣ этого обозначенія и не зная исторіи утвержденія Статута и его первыхъ изданій, типографія Элерта на заглавномъ листѣ своего изданія о Третьемъ Статутѣ напечатала, что онъ былъ „Na Koronacyey w Krakowie naprzod w Roku 1588. A potym drugi raz także Polskim ięzykiem w Roku 1619..... Teraz zaś Trzeci raz.... do drvkv podany". Такимъ образомъ, оказывалось, что Статутъ былъ напечатанъ всего трижды, а именно въ Краковѣ въ 1588 году, затѣмъ гдѣ то въ 1619 году и, наконецъ, въ настоящемъ изданіи 1648 года. Всѣ эти изданія притомъ объявлялись вышедшими на польскомъ

языкѣ. Невѣжественно составленный текстъ заглавнаго листа изданія 1648 года, къ сожалѣнію, отразился во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ переводнаго польскаго текста Третьяго Литовскаго Статута. Этимъ заглавнымъ листомъ на смѣну изданія оригинальнаго русскаго текста, вышедшаго въ 1588 году, ставилось не существовавшее въ дѣйствительности, будто бы выпущенное въ этомъ году изданіе текста польскаго, и опускалось первое изданіе польскаго перевода Статута, вышедшее въ 1614 году. Разрушать неправильныя представленія о первыхъ изданіяхъ Литовскаго Статута 1588 года, затѣмъ утвердившіяся крѣпко, благодаря невѣжеству типографіи Элерта, пришлось уже въ XIX столѣтіи кропотливымъ трудомъ научному изслѣдованію.

Составъ тома изданія Статута въ 1648 году слѣдующій: 1) посвященіе изданія Владиславу IV-му Іосифомъ Петровичемъ, 2) посвященіе перваго изданія Статута Сапѣгою Сигизмунду III-му, 3) обращеніе Петра Элерта къ канцлеру и подканцлеру Великаго Княжества Литовскаго, Альбрехту Станиславу Радивилу и Казимиру Льву Сапѣгѣ, 4) „Porządek" мѣстъ въ сенатѣ, 5) „Krotka deklaracia" о компетенціи сенаторскихъ урядовъ, 6) привилей Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, утверждающій Третій Литовскій Статутъ, 7) привилей Владислава IV-го отъ 6 іюля 1647 года, выданный Петру Элерту на право издать Статутъ, 8) текстъ Статута, 9) обращеніе „Do Czytelnika łaskawego", 10) Реестръ Статута, 11) обращеніе „Do Czytelnika", перенесенное изъ изданія 1614 года. Въ экземплярѣ изданія, которымъ мы пользовались[1]), дальше слѣдуетъ Трибуналъ, напечатанный также въ типографіи Элерта.

Въ посвященіи изданія Владиславу IV-му имѣются указанія на существовавшее тогда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ представленіе о возникновеніи его законовъ, а также и на происхожденіе настоящаго изданія Статута въ связи съ неудачею его „поправы". Эти указанія даетъ вторая часть посвященія, которую и приводимъ: „Szczęśliwe iednak w tey mierze W. X. Lit., ktorego prawo w Statucie opisane, z samym niemal Narodem Litewskim początek swoy wziąwszy, za czasem y pomnożenie swoie odbiera, aby tym lepiey Obywatele w powinnościach

[1]) Мы пользовались экземпляромъ, хранившимся въ Отдѣленіи „Rossica" б. Имп. Публ. Библіотеки.

swoich zatrzymywani byli. Nie prawo bowiem przyczyną było występkow, ale występki co raz popełnione nowe tworzą prawa. Sicut ante morbos necesse est cognitos esse, quam remedia eorum, sic cupiditates prius natae sunt quam leges quae iis modum facerent. A za dopomnożenia y obiaśnienia prawa Statutowego nie pospolite desiderium wszytkich Obywatelow W. X. L. na Seymie sczęśliwey W. K. M. Coronatiey wniesione było, a za y W. K. M. Pan moy Młciwy do tego nie raczył być powodem, gdy communi Laudo Correctura tego Statutu na tymże Coronaciynym Seymie vchwalona była, y pewnie do skutku przywiedziona, gdyby diuersitas sententiarum in medio iam opere dalszemu nie przeszkodziła progressowi. Z żalemci to wielkim nie iednemu przychodziło słyszeć, ale coż czynić, lepiey rady owey się trzymać, Ferenda sunt quae mutari non possunt, lepiey prawa starego statecznie się trzymać, a niżeli do odnowionego dopiero się przyuczać. Melius agitur cum Republica quae malis legibus constanter vtitur, quam cum ea quae bonis vtitur, quia nempe non tantum proderit qui corrigere perget quantum nocebit assuefactio Superioribus non parendi. Jakoż nie mysląc snać o dalszey correcturze, Obywatele W. X. L. na przeszłym Seymie Walnym vchwalili, aby tenże stary Statut znowu w druk podany był, iakoby potrzebie pospolitey wygodziło się względem Exemplarzow, ktorych liczbę niemałą, częścią sam czas, częścią vstawiczne vżywanie wytrawiło, tak dalece, że ledwie iuż v dziesiątego Ziemianina Statut W. X. Lit. w domu widzieć się daie. Więc iż tak wiele Constituciy po wydaniu starych Exemplarzow wyszło, ktore abo declarationem, abo extensionem, abo też limitationem iuris, a nawet y contrarietatem przynieśli, z roskazania W. K. M. Pana mego Młciwego chętnie przyiąłem tę pracą, ktorą Szlachetny niegdy Bartłomiey Gawłowicki za Swiętey pamięci Krola Zygmvnta III Rodzica W. K. M. w conferowaniu Statutu W. X. L. z Constituciami y Statutami Koronnemi zaczął continuować. Przydaiąc do niey świeżo następuiące Constitucie W. X. L. służące, ktore częścią naprawę, częścią też pomnożenie tego Prawa Statutowego w sobie zawieraią. Niewiem iako się ta praca moia wszytkim będzie podobała, kiedym do niey przystąpił, non otiosus ale inter strepitum forensium causarum promowuiąc one częścią przed Maiestatem W. K. M. częścią też w Sądzie Assessorskim, iuż też y Miasta Wileńskiego zabawiony będąc Pisarstwem, atoli to mi otuchę daie, że gdym podał sub trutinam et verificationem Jch. M.M. P.P. Commissarzom od W. K. M. depu-

towanym, nie odniosłem nagany. Racz że tedy W. K. M. Pan moy Młciwy iako nawyższy stroż y Obrońca praw y wolności W. X. L. od Przodkow swoich nadanych, tę podłą pracą moię przyiąć, onę y mnie samego iako naniższego poddanego w protectiey Pańskiey chowaiąc". За этимъ слѣдуютъ дата и подпись: „Dat. w Wilnie d. 1 Maij. R. P. 1648. W. K. Mci Pana mego Młciwego naniższy poddany Jozeph Piotrowicz Pisarz Miasta Wileńsk.".

Приведенный сейчасъ нами текстъ даетъ цѣлый рядъ указаній, какъ болѣе общаго характера, такъ и спеціально для возстановленія происхожденія изданія Статута, вышедшаго въ 1648 году. Къ первымъ относится прежде всего представленіе о національномъ характерѣ литовскаго права и его возникновеніи. Право это, какъ поясняетъ написавшій свое посвященіе изданія Статута Владиславу IV-му Петровичъ, представляетъ собою продуктъ творчества самого народа Великаго Княжества Литовскаго, а не законы, дарованные Литвѣ Польскими королями, какъ это утверждалось иногда въ новѣйшей литературѣ[1]). Право Великаго Княжества Литовскаго, говоритъ Петровичъ, возникло изъ развивавшихся потребностей жизни этого государства и его народа. Его законы создавались по мѣрѣ роста потребностей регулированія жизненныхъ явленій. Отсюда слѣдуетъ, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ признавали свое право національнымъ, а отнюдь не правомъ Польскимъ, какимъ оно считается и до настоящаго времени въ части научной литературы[2]). Другое указаніе общаго характера, извлекаемое изъ приведеннаго нами текста, относится къ порядку внесенія и утвержденія Литовскихъ законопроектовъ на „спольныхъ" сеймахъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Петровичъ пишетъ, что „обыватели Великаго Княжества Литовскаго на прошломъ вальномъ сеймѣ постановили, чтобы тотъ же старый Статутъ былъ снова отданъ въ печать". Такимъ образомъ, Польская часть сейма не участвовала въ этомъ постановленіи. Оно было вынесено одною Литовскою его частью. Это сообщеніе Петровича вполнѣ соотвѣтствуетъ тому порядку разсмотрѣнія и утвержденія „спольными" сеймами Литовскихъ законопроектовъ, который выработался еще въ пер-

---

1) См. ниже, въ седьмой главѣ.

2) Также.

вые десятилѣтія послѣ заключенія Люблинской Уніи и который мы старались выяснить выше[1]).

Переходя къ указаніямъ приведеннаго текста посвященія Петровича, относящимся къ происхожденію даннаго изданія Статута, въ нихъ имѣемъ констатированіе уже извѣстной намъ неудачи Статутовой Коммиссіи 1636 года съ ея послѣдствіями для дѣла статутовой „поправы". Надежда на совершеніе послѣдней исчезла. Между тѣмъ острота положенія, создавшагося невозможностью пріобрѣтенія экземпляровъ кодекса лицами, въ немъ нуждающимися, была велика. При изданіи Статута Сапѣгою въ 1588 году предполагалось, что каждый шляхтичъ будетъ имѣть собственный экземпляръ кодекса. Теперь оказывается, что имъ обладаетъ лишь одинъ изъ десяти. Новое изданіе Третьяго Статута необходимо хотя бы въ томъ его содержаніи, въ какомъ онъ дѣйствовалъ и до того времени. Этимъ и объясняется постановленіе, вынесенное на Варшавскомъ сеймѣ 1647 года о переизданіи Статута, не дожидаясь его „поправы". Но со времени утвержденія его наросло дополняющее его законодательство въ видѣ тѣхъ сеймовыхъ конституцій, которыя получили силу закона въ государствѣ Литвы. Кодифицировать эти новеллы было невозможно. Это можно было сдѣлать только въ процессѣ статутовой „поправы", которая отложена на неопредѣленное время. До ея совершенія и утвержденія старый текстъ Третьяго Статута былъ неприкосновененъ. Лишь въ артикулы новаго, уже Четвертаго Статута, могли быть внесены исправленія, а этого новаго Статута Великое Княжество Литовское такъ и не дождалось, сохраняя Третій какъ сводъ своихъ дѣйствующихъ законовъ до конца XVIII столѣтія. При такомъ положеніи дѣла новеллы, получавшія утвержденіе на „спольныхъ" сеймахъ, не могли подвергаться оффиціальной кодификаціи. Ихъ можно было печатать при новыхъ изданіяхъ Статута 1588 года лишь въ видѣ частной работы, безъ всякой увѣренности въ томъ, что при новой оффиціальной кодификаціи онѣ въ Статутъ будутъ инкорпорированы. Мы видѣли выше[2]), что кодификаторы Великаго Княжества Литовскаго при составленіи Третьяго Статута относились достаточно свободно къ сеймовымъ конституціямъ и вовсе не считали ихъ вообще обя-

---

1) Стр. 146 и сл.

2) Стр. 49 и сл.

зательно подлежащими принятію въ вырабатываемый ими сводъ законовъ государства Литвы. А если это такъ, то, во-первыхъ, значеніе статутоваго текста и новыхъ конституцій было не одно и то же, а во-вторыхъ, какъ частная работа, подведеніе ихъ подъ артикулы Третьяго Статута не имѣло никакой гарантіи ни въ смыслѣ правильности ихъ выбора, ни въ смыслѣ точности ихъ передачи, ни въ смыслѣ обезпеченнаго воспріятія ихъ „поправою", которой все еще ожидалъ, хотя и достаточно безнадежно, сводъ дѣйствующихъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго.

Такую частную работу для изданія Третьяго Статута въ 1619 году сдѣлалъ Гавловицкій. Для изданія 1648 года ее выполнилъ Петровичъ. Свою работу послѣдній выполнялъ между другими своими дѣлами. Отсюда нужно уже заранѣе ожидать ея недостатковъ[1]). Но Петровичъ упоминаетъ о „росказаньѣ" Владислава IV-го, данномъ ему для предпринятія его работы по собранію дополняющихъ Статутъ конституцій. Какъ понимать это „росказанье", т. е. приказаніе Владислава, полученное Петровичемъ? Нужно ли понимать подъ нимъ оффиціально отданный приказъ, или въ неоффиціальномъ порядкѣ выраженное монархомъ пожеланіе? Еслибы имѣлъ мѣсто первый, то, надо думать, Петровичъ былъ бы освобожденъ отъ своихъ обычныхъ обязанностей для выполненія такого важнаго порученія, даннаго ему Владиславомъ IV-мъ. Да кромѣ того, такое порученіе не могло быть даваемо безъ соотвѣтствующаго постановленія становъ Великаго Княжества Литовскаго, а вѣроятно, и безъ указанія сейма. Между тѣмъ о немъ ничего нѣтъ въ конституціи Варшавскаго сейма 1647 года, а самъ Петровичъ не сообщаетъ ни о таковомъ, ни вообще объ участіи становъ государства Литвы въ рѣшеніи Владислава IV-го дать это приказаніе. Въ виду всего этого, естественнѣе предполагать въ данномъ случаѣ выраженіе Владиславомъ лишь своего пожеланія, высказаннаго не въ оффиціальномъ, а только въ частномъ порядкѣ.

---

[1]) С. А. Бершадскій писалъ: „Каковъ былъ Гавловицкій, таковы были и его преемники; поэтому, съ увеличеніемъ числа конституцій увеличилось въ послѣдующихъ изданіяхъ Статута число выдержекъ изъ конституцій, и путаница возросла до невѣроятныхъ размѣровъ". Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи, стр. 77.

Петровичъ упоминаетъ далѣе о коммиссарахъ, „депутованыхъ“ Владиславомъ IV-мъ, которымъ Петровичъ давалъ на разсмотрѣніе свою работу. Конституціи сейма 1647 года не упоминаютъ объ этихъ коммиссарахъ. Отсюда слѣдуетъ, что они не были назначены имъ и что ихъ назначеніе совершилось не въ порядкѣ сеймоваго постановленія, а въ порядкѣ распоряженія монарха. Надо думать, что коммиссары для наблюденія за изготовленіемъ новаго изданія потребовались потому, что оно печаталось не въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а въ Польшѣ, т. е. въ другомъ государствѣ, хотя и находившемся съ нимъ въ федеративномъ соединеніи. Мамоничская типографія въ это время, видимо, уже не существовала, а съ прекращеніемъ ея дѣятельности въ Вильнѣ не было друкарни, въ которую могъ бы быть сданъ заказъ на печатаніе Статута. О передачѣ его въ одну изъ большихъ Виленскихъ типографій, способныхъ въ то время принять на себя выполненіе этого заказа, т. е. въ Академическую или Свято-Духовскую, не могло быть и рѣчи потому, что обѣ онѣ имѣли ярко выраженный конфессіональный, католическій или православный, характеръ, а стало быть, были и непріемлемы для шляхты некатолической или неправославной. Въ виду этого, оказалось болѣе удобнымъ обращеніе къ Варшавской типографіи Элерта. Но такъ какъ она находилась въ другомъ государствѣ, то Владиславомъ IV-мъ, какъ великимъ княземъ Литовскимъ, и долженъ былъ быть организованъ соотвѣтствующій контроль представителей государства Литвы надъ выполненіемъ ею заказа по новому изданію Литовскаго Статута. По всей вѣроятности въ составъ назначенныхъ для этого контроля коммиссаровъ входилъ и одинъ изъ „печатарей“ Великаго Княжества Литовскаго, т. е. его канцлеръ или подканцлеръ, вѣроятнѣе послѣдній, ибо канцлеръ Радивилъ въ своихъ „Pamiętnikach“ не упоминаетъ о своемъ участіи въ этой коммиссіи.

Варшавское изданіе Статута, выпущенное въ 1648 году, подготовлялось въ Вильнѣ. Петръ Элертъ переиздавалъ Литовскій Статутъ по его экземпляру изданія 1619 года. Но кое-что изъ состава тома этого послѣдняго онъ устранилъ, а кое-что добавилъ. Такъ, устранено было все связанное въ немъ съ именемъ Льва Сапѣги, кромѣ его посвященія перваго изданія Статута Сигизмунду III-му. Изъ того, что было въ изданіи 1648 года добавлено, конечно, кромѣ работы Петровича

по подведенію сеймовыхъ конституцій подъ статутовые артикулы, нужно особенно отмѣтить написанное имъ же посвященіе изданія Владиславу IV-му, обращеніе Элерта къ Литовскимъ канцлеру и подканцлеру, перенесенное изъ изданія Статута въ 1614 году обращеніе „Do Czczącego“ (въ изданіи 1648 года оно имѣетъ заголовокъ „Do Czytelnika“) и привилей, выданный Владиславомъ IV-мъ Элерту на право изданія Статута. Опущеніе изображенія и толкованія герба Льва Сапѣги, а также обращенія послѣдняго къ станамъ находитъ свое объясненіе въ томъ, что новое изданіе кодекса выпускается уже послѣ смерти Льва Сапѣги и не на основаніи дѣлавшаго его хозяиномъ въ дѣлѣ изданія Статута въ печати привилея отъ 11 февраля 1588 года. Что же касается отмѣченныхъ только что добавленій, внесенныхъ въ томъ изданія 1648 года, то на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо они не только возбуждаютъ рядъ вопросовъ, но и даютъ указанія на характеръ и на подготовку Варшавскаго изданія Статута.

Прежде всего, встаетъ вопросъ, почему томъ этого изданія Литовскаго Статута начинается именно обращеніемъ къ монарху Петровича? Это обращеніе является посвященіемъ изданія, и признать его простымъ обращеніемъ къ Владиславу IV-му трудно. А между тѣмъ общественное и служебное положеніе Петровича едва ли можетъ быть признано соотвѣтствующимъ мѣсту, которое заняло его имя въ томѣ изданія свода законовъ государства Литвы. Самъ Іосифъ Петровичъ именуетъ себя лишь писаремъ Виленскаго мѣста-города. Признать же простого мѣстскаго писаря могущимъ посвящать кому либо, а тѣмъ болѣе монарху, изданіе Литовскаго Статута нельзя даже въ томъ случаѣ, если оно не имѣло значенія оффиціальнаго. Совершенно естественнымъ являлось посвященіе изданія Статута въ 1588 году Львомъ Сапѣгою Сигизмунду III-му. Сапѣга былъ тогда не только подканцлеромъ государства Литвы, но исполнялъ и обязанности его канцлера. Кромѣ того онъ имѣлъ исключительное право на изданіе кодекса въ печати. Подканцлеръ, а фактически единственный государственный „печатарь“ Великаго Княжества Литовскаго, и мѣстскій писарь Вильны — особы несоизмѣримаго значенія въ государствѣ и въ ихъ отношеніи къ своду его законовъ. Петровичъ могъ посвящать монарху лишь свою работу по подведенію конституцій подъ статутовые артикулы, какъ ея авторъ.

Посвященія авторами своихъ произведеній монархамъ были достаточно обычными въ ту эпоху. При такихъ посвященіяхъ общественное положеніе автора не должно было играть никакой роли. Но посвящать монарху изданіе свода законовъ для мѣстскаго писаря трудно признать не только умѣстнымъ, но и допустимымъ. Изданія Статута, выпущенныя Мамоничской типографіею въ 1614 и 1619 годахъ, посвящены Льву Сапѣгѣ. Къ первому изъ нихъ посвященіе было написано владѣльцемъ типографіи Львомъ Мамоничемъ, ко второму — составителемъ „конкорданцій“ изъ сеймовыхъ конституцій къ статутовымъ артикуламъ, Бартломеемъ Гавловицкимъ. Но все это были изданія не оффиціально утвержденнаго русскаго текста Статута, а его перевода на польскій языкъ, не представлявшагося на законодательную санкцію. Невольно приходитъ мысль о томъ, что въ 1648 году считалось нужнымъ возглавить выпускаемое новое изданіе Статута именемъ Владислава IV-го. Въ его царствованіе кодексъ печатался впервые. Его отцу было посвящено первое изданіе Статута въ 1588 году, вышедшее въ его царствованіе. Выходящее въ 1648 году было бы естественно посвятить королю Владиславу. Но оба эти изданія не равноцѣнны. Статутовый текстъ, напечатанный въ 1588 году, во-первыхъ получилъ законодательную санкцію, а во-вторыхъ былъ признаваемъ вполнѣ установленнымъ. Въ 1648 году положеніе было совершенно инымъ. Печатался переводъ оффиціальнаго текста на польскій языкъ, сдѣланный въ частномъ порядкѣ, а самъ Статутъ уже полвѣка находился оффиціально въ „поправѣ“, а стало быть, подлежалъ измѣненіямъ. Совершенно ясно, что при всемъ этомъ посвящать изданіе 1648 года монарху было неудобно. Выходомъ изъ создавшагося положенія и было напечатаніе при Статутѣ обращенія-посвященія, написаннаго авторомъ труда, подводящаго подъ статутовые артикулы сеймовыя конституціи, напечатаннаго въ томѣ этого изданія.

Самый томъ этотъ составлялся главнымъ образомъ въ Вильнѣ. Къ доставленному оттуда матеріалу Варшавская типографія Элерта добавила лишь выданный ей Владиславомъ IV-мъ привилей, разрѣшающій данное изданіе, да обращеніе къ Литовскимъ канцлеру и подканцлеру, Альбрехту Станиславу Радивилу и Казимиру Льву Сапѣгѣ. Вильною датировано обращеніе Петровича къ Владиславу IV-му. Надо думать, что въ Вильнѣ же Петровичъ писалъ и свою работу, присоединенную

къ Статуту въ его изданіи 1648 года. Изъ Вильны, конечно, было доставлено въ типографію Элерта и обращеніе „Do Czytelnika“, заимствованное изъ изданія Статута въ 1614 году. Элертъ объ этомъ изданіи не имѣлъ понятія, его существованіе ему было неизвѣстно, на что опредѣленно указываетъ заглавіе, данное имъ напечатанному въ его типографіи тому Статута, съ его неправильностью, отмѣченною нами выше. Но если Варшавское изданіе Статута и подготовлялось въ Вильнѣ, у насъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этой подготовкѣ принимала участіе государственная типографія Великаго Княжества Литовскаго. Еслибы она такое участіе принимала, то, надо думать, не Виленскій мѣстскій писарь трудился бы надъ подготовкою изданія къ печати, а кто либо изъ писарей господарскихъ, притомъ, по всей вѣроятности, и подъ руководствомъ канцлера или подканцлера. Все это говоритъ противъ возможности признанія оффиціальнымъ изданія Статута, вышедшаго въ 1648 году.

Но обратимся къ обращенію къ Литовскимъ „печатарямъ“ и къ привилею, напечатаннымъ Элертомъ въ его изданіи Третьяго Статута. Въ обращеніи Элерта къ А. Ст. Радивилу и К. Л. Сапѣгѣ имѣемъ прежде всего длинное разсужденіе о значеніи закона. Но за нимъ слѣдующій текстъ даетъ и нѣкоторыя фактическія данныя. „Bacząc ia“, пишетъ Элертъ, „że nie tak pamięć wielkiego sławney pamięci Senatora J. M. P. Lwa Sapiehy Woiewody Wileńskiego, Hetmana Wielkiego W. X. Lit. iako copia Exemplarzow continuo temporis vsu, ktory edax rerum zawsze bywał defecit; widząc y to że W. X. Mć iako vigil praw W. X. Lit. custos wszelkiego przykładasz starania, aby to Legum Xięstwa Lit. corpus abo per neglectum, abo per diuersum prawa sensum in dubium vokowane nie było, ale in suo esse zostawało. Tak pospolitey Xięstwa Lit. obsecundando prośbie, iako y Wmciom moim Mciwym Panom Wielkim Pieczętarzom (ktorych pro basi et fundamento wolności swych pospolite kładzie acroama) debitum officiorum meorum przynieść chcąc cultum posthumum Wielkiego Lwa prowadzę in lucem regeneratum praelo partum........ na świat rediuiuam z druku wyprowadzam“. И Элертъ, такимъ образомъ, какъ и Петровичъ, указываетъ на недостатокъ экземпляровъ Статута и нужду въ нихъ. Это замѣчаетъ и канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго. Изданіе свое предпринимаетъ Элертъ, по его словамъ, отзываясь на общую просьбу го-

сударства Литвы и желая принести его „печатарямъ“ свое почитаніе Льва Сапѣги. Трудно представить себѣ, чтобы къ типографщику обращалось цѣлое государство съ „просьбою“ о принятіи заказа на печатаніе книги, хотя бы она была и его сводомъ законовъ. Элертъ въ слишкомъ высокопарныхъ выраженіяхъ говоритъ о заказѣ издать Статутъ, полученномъ имъ, и едва ли возможно въ данныхъ его словахъ видѣть что либо кромѣ простыхъ переговоровъ о заказѣ, которые велись съ нимъ кѣмъ-нибудь изъ сеймовыхъ представителей Великаго Княжества Литовскаго и его должностныхъ лицъ, чтобы привести въ исполненіе постановленіе Варшавскаго сейма 1647 года о переизданіи Статута. Что же касается сказаннаго Элертомъ о „печатаряхъ“, то въ немъ рѣшительно нельзя усмотрѣть никакого ихъ участія въ его изданіи или ихъ распоряженія, даннаго его типографіи. Элертъ просто хочетъ выразить имъ свое почтеніе. Оно и не безкорыстно, ибо онъ дальше проситъ ихъ о покровительствѣ и говоритъ о своей готовности исполнять заказы по печатанію и впредь.

Намъ остается еще разсмотрѣть привилей, выданный Владиславомъ IV-мъ на право издать Статутъ. Онъ датированъ Варшавою и 6-мъ іюля 1647 года и имѣетъ подпись короля Владислава („Vladislavs Rex“) и скрѣпу референдарія и писаря Великаго Княжества Литовскаго, Нарушевича („Stanisław Naruszewicz Referendarz y Pisarz“). Озаглавленъ привилей этотъ какъ „Przywiley Szlachetnemu Piotrowi Elertowi na przedrukowanie Statutu W. X. L.“ Послѣ титула Владислава IV-го въ немъ стоитъ: „Oznaymuiemy tym Listem Naszym komu to wiedzieć należy. Iżeśmy proszeni będąc od niektorych Panow Rad y Vrzędnikow Naszych za Szlachetnym Piotrem Elertem Typographem Naszym, abyśmy mu Statut W. X. L. przedrukować pozwolili y onemu na to Przywiley Nasz osobliwy dali: Przeto My do prośby się pomienionych Panow Rad Naszych y Constitutiey w Roku teraźnieyszym Tysiąc Szesćset Czterdziestym Siodmym ferowaney, przychylaiąc; tym ninieyszym listem Naszym Przywileiem pozwalamy Szlachetnemu Piotrowi Elertowi Typographowi Naszemu Statut W. X. L. drukować przedawać, bez wszelakiey od osob iakiegokolwiek stanu przeszkody. A że tenże pomieniony Elert koszt swoy własny na Drukowanie y wydanie Statutu W. X. L. waży. Tedy serio zabraniamy y Roskazuiemy aby się żaden z Typographow tak w Koronie iako y w Wielkim Xięstwie Litewskim,

y inszych Państwach Naszych przerzeczonego Statutu przedrukować y na świat wydawać nie ważył, dotąd aż pomieniony Elert Typograph Nasz Statut ten v niego przedrukowany rozprzeda y zpienięży“. Дальше привилей устанавливаетъ штрафъ въ тысячу червонныхъ золотыхъ и конфискацію всѣхъ экземпляровъ Статута, напечатанныхъ въ нарушеніе интересовъ Элерта и права, ему дарованнаго, а также требуетъ охраны этого права всѣми, а особенно городскими магистратами.

Такимъ образомъ, выданный Элерту привилей даетъ знать, что за этого Варшавскаго типографщика просили Владислава IV-го нѣкоторые сенаторы и должностныя лица и что, по ихъ просьбѣ, король разрѣшилъ ему перепечатать Литовскій Статутъ въ исполненіе сеймовой конституціи 1647 года о новомъ его изданіи. Никакихъ указаній относительно того, какъ должно быть подготовлено это изданіе, привилей не даетъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ оффиціальномъ порядкѣ они и вообще Элерту даны не были. Само новое изданіе Статута и сдѣлано будетъ Элертомъ, и ему будетъ принадлежать. Всѣ напечатанные имъ экземпляры кодекса составляютъ его собственность, ибо на ихъ изготовленіе онъ затратилъ свои деньги. Изданіе Статута выпускается Элертомъ какъ обыкновеннымъ издателемъ книги, вкладывающимъ въ изданіе свой капиталъ и ожидающимъ отъ него прибыли. Матеріальные интересы издателя охраняются полученнымъ имъ привилеемъ Владислава IV-го. Таково основное содержаніе привилея отъ 6 іюля 1647 года. Оно не даетъ никакихъ основаній для признанія выпущеннаго Элертомъ изданія Статута имѣющимъ опредѣленно оффиціальный характеръ.

Мы принуждены были довольно долго остановиться на Варшавскомъ изданіи Третьяго Статута, вышедшемъ въ 1648 году. Причинъ этого двѣ: изданіе 1648 года было первымъ послѣ смерти Льва Сапѣги и это изданіе было первымъ и единственнымъ, которое было выпущено на основаніи постановленія сейма. Со смертью Льва Сапѣги прекратилось дѣйствіе привилея отъ 11 февраля 1588 года, которымъ давалось ему исключительное право на изданіе Третьяго Литовскаго Статута въ печати. Но этотъ же привилей и обезпечивалъ выпускъ новыхъ изданій кодекса, когда въ нихъ назрѣвала потребность. Когда умеръ Левъ Сапѣга, Великое Княжество Литовское уже не имѣло возможности получать новыя изданія Статута въ

простомъ порядкѣ его о нихъ распоряженій. Положеніе осложнялось еще тѣмъ, что кодексъ оффиціально считался въ процессѣ „поправы". Послѣ неудачи Статутовой Коммиссіи 1636 года надежды на благополучное совершеніе этой „поправы" почти исчезли. Мы уже видѣли, что одною изъ главныхъ причинъ неудачи попытокъ ея было различное отношеніе католическихъ и „разновѣрческихъ" круговъ къ третьему артикулу третьяго раздѣла Статута, инкорпорировавшему актъ Варшавской конфедераціи 1573 года въ составъ основныхъ законовъ государства Литвы. На самомъ Варшавскомъ сеймѣ 1647 года рѣчь о нёмъ поднималась, и одинъ изъ виднѣйшихъ представителей католической партіи, Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ, въ засѣданіи сената при чтеніи сеймовыхъ конституцій, „не позволялъ" на составленную въ интересахъ диссидентовъ конституцію и утверждалъ, что актъ конфедераціи 1573 года не законъ, „ale tylko kaptur", т. е. имѣющее лишь временное значеніе постановленіе эпохи безкоролевья, притомъ такое, противъ котораго протестовало много бискуповъ и „добрыхъ католиковъ"[1]). При всемъ этомъ вопросъ о переизданіи Третьяго Статута получалъ значительную остроту, и понятно, что для сохраненія текста кодекса въ полной неприкосновенности при его перепечаткѣ потребовалось постановленіе сейма въ его значеніи органа законодательной власти. Получилось, такимъ образомъ, положеніе достаточно своеобразное. Третій Статутъ законодательной санкціи „спольнаго" сейма не получалъ и былъ утвержденъ властью монарха, а его переизданіе въ 1648 году оказалось постановленнымъ властью сейма.

Это постановленіе Варшавскаго сейма 1647 года, конечно, придаетъ данному изданію Статута особое значеніе въ ряду всѣхъ изданій кодекса въ польскомъ переводѣ его оригинальнаго русскаго текста. Этотъ переводъ получилъ сеймовую санкцію, хотя она и не была выражена expressis verbis. Польскіе переводы Третьяго Статута, изданные въ 1614 и 1619 годахъ, являлись частнымъ дѣломъ издателя. Конституція Варшавскаго сейма 1647 года, хотя она и не говоритъ этого прямо, постановляя переизданіе Статута, признала его польскій текстъ оффиціальнымъ. Не совсѣмъ ясное для насъ участіе „депутатовъ" въ подготовкѣ изданія 1648 года, о которомъ упоминаетъ Пе-

---

1) Pamiętniki A. St. Radziwiłła, t. II, str. 269.

тровичъ, также можетъ быть принято какъ указаніе на признаніе этого текста имѣющимъ оффиціальное значеніе. Такимъ образомъ, если само изданіе и внесенныя въ него выборки изъ сеймовыхъ конституцій не могутъ быть признаны дѣломъ государственной власти Великаго Княжества Литовскаго, то польскій текстъ кодекса оказался съ изданіемъ его въ 1648 году признаннымъ оффиціально. И это придаетъ изданію Третьяго Статута, выпущенному Варшавскимъ типографщикомъ Элертомъ, свое значеніе въ исторіи кодекса.

За дальнѣйшее время существованія Великаго Княжества Литовскаго какъ государства въ федеративномъ соединеніи съ Польшею были выпущены еще три изданія Статута 1588 года, всѣ въ Вильнѣ, въ 1693, 1744 и 1786 годахъ[1]). Печатались они всѣ въ Виленской Академической типографіи Общества Іисуса. Но не слѣдуетъ думать, чтобы требованія „поправы“ или, какъ теперь уже выражались обычно, „корректуры“ Третьяго Статута въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не возобновлялись. До насъ дошелъ цѣлый рядъ такихъ требованій въ постановленіяхъ повѣтовыхъ сеймиковъ государства Литвы во второй половинѣ XVII-го и въ XVIII-мъ столѣтіи. Такъ, Берестейскій сеймикъ въ инструкцію своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ 1670 года внесъ: „Poprawa Statutu W. X. Lit.. przez którą by prędszy doyścia sprawiedliwości mógł być wynaydziony sposób, bardzo iest potrzebna; zaczym urgebunt ichm. panowie posłowie, aby lege cauta y do swego skutku przywiedziona tak była....“[2]). Виленскій сеймикъ въ 1733 и 1735 годахъ въ инструкціяхъ своимъ сеймовымъ посламъ говорилъ о корректурѣ jurium[3]). Въ 1764 году въ сеймовую инструкцію посламъ Городенскаго повѣта внесено порученіе говорить на сеймѣ о „proiecta przez naznaczonych seymem convocationis do korrektury iurium kommisarzów“[4]). Но эта „поправа“-„корректура“ такъ и не совершилась до са-

1) Число изданій польскаго перевода Третьяго Статута еще въ сравнительно недавнее время опредѣлялось невѣрно. Такъ, напримѣръ, М. С. Грушевскій о нихъ писалъ: „звістні видання 1614, 1619, 1648, 1693, 1698, 1744, 1786 р.р. а мабуть було їх і більше“. Історія України-Руси, т. V (У Львові, 1905), стр. 620.

2) А., изд. Вил. Арх. К., IV, стр. 78.

3) Тѣ же Акты, XIII, стр. 156 и 181-182.

4) Тѣ же Акты, VII, стр. 346.

мыхъ раздѣловъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка. Въ новыхъ изданіяхъ Третьяго Литовскаго Статута воспроизводился тотъ самый его польскій переводный текстъ, который былъ уже напечатанъ въ первой половинѣ XVII столѣтія. Добавлялись лишь новыя выборки изъ сеймовыхъ конституцій, копившихся ко времени выхода новыхъ изданій Статута.

Изданіе 1693 года имѣетъ заглавный листъ слѣдующаго содержанія: Statvt | Wielkiego Xięstwa | Litewskiego, | Naprzod, za Naiaśnieyszego Hospodara | Krola Jego Mosci | Zygmvnta III. | w Krakowie w Roku 1588, | Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619, z pokazaniem zgody | y rożnice Statutow. Koronnych y W. X. L. | Trzeci raz, za Naiaśnieyszego K. J. M. | Władysława IV, | w Warszawie, w Roku 1648, Z przydaniem Consti- | tucyi od Roku 1550, do 1647. | Teraz zaś, Czwarty raz, za Szczęsliwie | Panuiącego, Naiaśnieyszego | Krola Jego Mosci | Jana Trzeciego | Z przyłożeniem pod Artykuły, Constitucyi Seymo- | wych od Seymu Roku 1550. aż do Seymu Roku | 1690. Oboygu Narodom służących, | (Textu samego niwczym nie naruszaiąc) | Drukowany, | w Wilnie, w Drukarni Akademiey Societatis Iesv. | Roku Pańskiego 1693. | Этотъ текстъ обведенъ рамою узорнаго рисунка. Шрифты набора заглавнаго листа различнаго формата, обыкновенные и курсивные.

Составъ тома изданія Статута въ 1693 году такой: 1) привилей на изданіе Статута, выданный Яномъ III-мъ 2 мая 1691 года въ Виλановѣ типографіи Виленской Академіи, 2) посвященіе Казимиру Яну Сапѣгѣ и Бенедикту Павлу Сапѣгѣ отъ типографіи Виленской Академіи, 3) посвященіе отъ той же типографіи Литовскимъ канцлеру (Доминику Николаю Радивилу) и подканцлеру (Каролю Станиславу Радивилу), 4) привилей Сигизмунда III-го, выданный Льву Сапѣгѣ 11 февраля 1588 года на право изданія Статута, 5) привилей отъ 28 января того же года, дающій Статуту законодательную санкцію, 6) посвященіе Львомъ Сапѣгою перваго изданія Статута Сигизмунду III-му, 7) обращеніе Льва Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, 8) Porządek мѣстъ въ сенатѣ, 9) Krotka Deklaracya о компетенціи сенаторскихъ урядовъ, 10) Do Czytelnika, 11) оглавленіе Статута, 12) Summaryusz Statutu W. X. L. (т. е. его Реестръ раздѣловъ и артикуловъ съ ихъ заголовками), 13) самый текстъ Статута, 14) Do czytelnika łaskawego,

15) Regestr Статута алфавитный, 16) алфавитный реестръ нѣкоторыхъ конституцій. Какъ видно изъ этого перечня, изданіе Третьяго Статута въ 1693 году доставляло гораздо бо́льшія удобства пользующимся имъ, чѣмъ изданія предшествующія. Поэтому послѣ его выхода предпочитали пользоваться именно имъ[1]).

Привилей Яна III-го даетъ знать, что по просьбѣ „niektorych Panow Rad y Vrzędnikow" своихъ король разрѣшаетъ типографіи Виленской Академіи напечатать Статутъ „podług Exemplarza ostatniey editiey" 1648 года, придавъ „a Data pomienionego Roku Constitucie Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu służące (w czym typografia Wileńska laborare tenebitur)". Никакой отвѣтственности за правильность выборки конституцій, какъ и за само изданіе это вообще, государственная власть Великаго Княжества Литовскаго на себя не беретъ. Изданіе Статута частное, а не правительственное. Виленская Академическая типографія его и подготовляетъ сама, и предпринимаетъ на „koszt swoy własny". Поэтому и права ея на распродажу его экземпляровъ охраняются привилеемъ 1691 года отъ возможности ихъ нарушенія другими типографіями такъ же, какъ это дѣлаетъ и привилей, полученный въ 1647 году Варшавскимъ типографщикомъ Элертомъ.

Виленская Академія, издавая Статутъ, постаралась подчеркнуть свои связи съ Сапѣжинскимъ родомъ и съ „великимъ Львомъ", которому было даровано исключительное право изданія Третьяго Статута послѣ его утвержденія въ 1588 году. Основаніемъ для этого являлась фундація сыномъ его, Казимиромъ Львомъ Сапѣгою, при Виленской Академіи юридическаго отдѣленія, сдѣлавшая возможнымъ его открытіе. Юридическій факультетъ Академіи, учрежденный въ 1641 году, даже именовался Сапѣжинскимъ. Свое изданіе Статута, вышедшее въ 1693 году, Академическая типографія и посвящаетъ двумъ Сапѣгамъ, изъ которыхъ одинъ былъ тогда Виленскимъ воеводою и Литовскимъ великимъ гетманомъ (Казимиръ Янъ), а другой

---

[1]) Такъ, говоря объ изданіяхъ Литовскаго Статута, Ленгнихъ отмѣчалъ: „Quatuor sunt illius editiones, sed praefertur prioribus ultima, Vilnae a. 1693. f. excusa, quae se constitutionum excerptis usque ad annum 1690. commendat". G o t f r i d i L e n g n i c h, Jvs Pvblicvm Regni Poloni, tomvs I (Gedani, 1742), p. 6.

земскимъ подскарбіемъ государства Литвы (Бенедиктъ Павелъ). Опредѣляя Статутъ какъ „złotey wolności kleynot", въ этомъ посвященіи авторъ его отъ имени Академической типографіи говорилъ: „ten kleynot nie może należyciey nigdzie być chowany, iako w Jaśnie Wielmożnym Domu Waszym, w ktorym się znalazł". Черезъ этотъ Сапѣжинскій „домъ" Виленская Академическая типографія старалась установить свое преимущественное право полученія заказовъ на изданіе Литовскаго Статута. Это ей, видимо, удалось, ибо два послѣдующихъ изданія кодекса были дѣйствительно напечатаны и изданы ею.

Выпущенное въ 1744 году изданіе Третьяго Статута имѣетъ заглавный листъ слѣдующаго содержанія: Statut | Wielkiego Xięstwa | Litewskiego, | Naprzod, za Naiaśnieyszego Hospodara | Krola Jego Mosci | Zygmunta III. | w Krakowie w Roku 1588. | Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619. z pokazaniem zgody | y rożnice Statutow Koronnych y W. X. L. | Trzeci raz, za Naiaśnieyszego K. J. M. | Władyslawa IV. | w Warszawie, w Roku 1648. z przydaniem Kon- | stytucyi od Roku 1550. do 1647. | Czwarty raz, za Naiaśnieyszego | Krola Jego Mosci | Jana Trzeciego | w Wilnie w Roku 1698[1]). | Z przyłożeniem pod Artykuły Konstytucyi Sey- | mowych od Seymu Roku 1550. aż do Seymu Ro- | ku 1690. Oboygu Narodom służących, | (Textu samego niwczym nie naruszaiąc) | Teraz zaś piąty raz, za szczęśliwie | panuiącego Naiaśnieyszego | Krola Jego Mosci | Augusta Trzeciego | Przedrukowany, | w Wilnie, w Drukarni J. K. M. Akademickiey Societatis Jesv, | Roku Pańskiego 1744. |

Содержаніе тома этого изданія Статута таково: 1) привилей Августа III-го, выданный въ Варшавѣ 18 сентября 1744 года и разрѣшающій изданіе, 2) привилей Яна III-го отъ 2 мая 1691 года, 3) посвященіе изданія 1693 года Казимиру Яну и Бенедикту Павлу Сапѣгамъ, 4) привилей Сигизмунда III-го отъ 11 февраля 1588 года, 5) привилей отъ 28 января того же года, утверждающій Третій Статутъ, 6) посвященіе перваго изданія Статута Львомъ Сапѣгою Сигизмунду III-му, 7) обращеніе Сапѣги къ станамъ, напечатанное въ первомъ изданіи кодекса, 8) Porządek мѣстъ сенаторовъ въ радѣ, 9) Krotka Deklaracya о компетенціи сенаторскихъ урядовъ, 10) Do Czytelnika, 11)

---

[1]) Конечно, это опечатка, ибо предыдущее изданіе Статута вышло не въ 1698-мъ, а въ 1693 году.

страница оглавленія Статута по его раздѣламъ, 12) самый текстъ Статута, 13) вирши съ обозначеніемъ содержанія раздѣловъ Статута[1]), 14) Do Czytelnika Łaskawego, 15) Summaryusz Statutu, 16) алфавитный Rejestr къ Статуту, 17) Трибуналъ въ изданіи Виленской Академической типографіи въ 1744 году, 18) Coaequatio Jurium, 19) Porządek Sądzenia Spraw въ Трибуналѣ Великаго Княжества Литовскаго, постановленный 7 мая 1699 года. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія встрѣчаются еще приложенными конституціи Городенскаго сейма 1726 года. Порядокъ перечисленныхъ составныхъ частей тома изданія 1744 года не совсѣмъ совпадаетъ во всѣхъ сохранившихся его экземплярахъ. Это, конечно, объясняется размѣщеніемъ ихъ переплетчиками въ переплетаемыхъ ими томахъ.

Составъ тома изданія 1744 года, такимъ образомъ, значительно дополненъ по сравненію съ изданіемъ 1693 года. Кромѣ виршей, облегчающихъ запоминаніе содержанія раздѣловъ Статута, и конституцій Городенскаго сейма 1726 года, обращаютъ на себя вниманіе присоединеніе къ Статуту Трибунала и двухъ напечатанныхъ послѣ него документовъ. Изданія Трибунала были отдѣльными отъ Статута. Но экземпляры перваго нерѣдко переплетались затѣмъ въ одинъ томъ съ экземплярами второго. Такъ, къ экземплярамъ Статута изданія 1588 года присоединяли экземпляры изданія Трибунала, вышедшаго въ 1586 году, къ экземплярамъ Статута изданій 1614 и 1619 годовъ Трибуналъ изданія 1623 года, напечатаннаго у Мамоничей. Въ 1648 году типографія Элерта напечатала не только Статутъ, но и Трибуналъ. Въ 1693 году Виленская Академическая типографія также выпустила ихъ обоихъ. Но они представляли собою каждый разъ два особыхъ изданія, которыхъ экземпляры переплетались въ одинъ томъ съ соотвѣтствующими изданіями Статута, имѣя свои особые заглавные листы.

Напечатанный въ 1744 году въ изданіи Статута актъ „Coaequatio jurium Stanow Wielkiego Xięstwa Litewskiego z Koroną Polską“ былъ принятъ въ 1697 году на избирательномъ сеймѣ. Онъ уравнялъ право и институты Великаго Княжества Литовскаго съ правомъ и институтами Польской Короны въ ихъ силѣ и значеніи въ федеративной Польско-Литовской Ре-

---

[1]) Текстъ этихъ виршей нами печатается ниже.

чи Посполитой[1]). Актъ этотъ представляетъ собою соглашеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною, принятое на элекціонномъ сеймѣ-съѣздѣ времени безкоролевья послѣ смерти Яна Собѣсскаго. Вступленіе къ этому акту даетъ совершенно ясное представленіе и объ его содержаніи. Вотъ текстъ этого вступленія: „Uważaiąc, żeśmy są Sacra Unione juncti z Koroną Polską, nie widziemy nic słusznieyszego nad to, abyśmy Juribus etiam couniri mogli, za zgodą tedy Rzeczypospolitey zgromadzoney na ten czas ad Electionem Novi Regnantis przystępuiemy do Praw i zwyczaiow Korony Polskiey, daiąc Potestatem wszelkim Sądom, tak Trybunalskim, iako y Ziemskim, y Grodzkim, et aliis quibusvis subsellis, przykładem Praw Koronnych Paenas Banitionum et alias quasvis Condemnationes pro exigentia Juris et Facti decernendi, publicandi, Executiones injungendi et exequendi. Ministeria też Buław, Pieczęci, Lasek Marszałkowskich, Kluczow Podskarbich, y Circumscriptionem ich według tychże Praw Koronnych akceptuiemy. Sądow Trybunalskich et aliorum subselliorum formam z Koroną Polską eandem assumimus, excepto solo usu Statutu Wielkiego Xięstwa Litewskiego, y Sądu Duchowieństwa, w czym Ordynacyą osobliwą tegoż Trybunału, y Taryfę Repartycyey Woyska Hiberny na Woiewództwa y Powiaty, także iego Lokacyą ninieyszym Prawem approbuiemy: Ktoby się zaś tey Naszey Powszechney zgodzie y postanowieniu Rzeczypospolitey sprzeciwić chciał, y one ruinować, ma bydz pro hoste Patriae reputandus, et eo ipso Infamis". Послѣ окончанія этого вступительнаго текста къ акту стоитъ подпись: „Kazimierz Ludwik Bielinski, Podkomorzy Koronny, Marszałek Koła Rycerskiego". Что же касается слѣдующаго далѣе текста самаго акта, то онъ имѣетъ подъ собою длинный рядъ подписей депутатовъ „ad pacta Conventa", а также и нѣсколькихъ представителей городовъ Кракова и Львова[2]).

---

[1]) Объ этомъ актѣ см. И. И. Лаппо, Уравненіе правъ Великаго Княжества Литовскаго и Короны Польской въ 1697 году. Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ, вып. I (Бѣлградъ, 1930), стр. 53-67.

[2]) Актъ Coaequationis Jurium напечатанъ въ пятомъ томѣ Voluminum Legum и въ изданіяхъ Литовскаго Статута, вышедшихъ въ 1744 и 1786 годахъ. Иногда онъ встрѣчается и въ томахъ болѣе раннихъ изданій Статута, присоединеннымъ къ экземплярамъ при ихъ переплетѣ. Переизданъ актъ Коэквацiи и въ приложеніи къ нашей работѣ Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublino Unijos (Kaunas, 1932), стр. 154-162.

Помѣщеніе акта Coaequationis Jurium въ томѣ слѣдующаго за утвержденіемъ его изданія Литовскаго Статута представляетъ значительный интересъ. Самый актъ ясно говоритъ о томъ, что, во-первыхъ, къ концу XVII столѣтія уже притупилась та острота отношеній государствъ Литвы и Польши, которая такъ ярко проявлялась раньше, а во-вторыхъ, и болѣе столѣтія уже существовавшее ихъ федеративное соединеніе настоятельно требовало согласованія дѣятельности ихъ судовъ и министерскихъ урядовъ, а также содержанія и организаціи ихъ военныхъ силъ. Coaequatio Jurium еще ожидаетъ своего научнаго изслѣдованія, которое путемъ детальнаго изученія обширнаго актоваго матеріала, оставленнаго дѣятельностью судовъ и министровъ Великаго Княжества Литовскаго, выяснитъ реализацію постановленій этого акта. По своей природѣ онъ не является конституціей обычнаго „спольнаго" сейма. Онъ представляетъ собою соглашеніе-договоръ двухъ государствъ „Речи Посполитой", т. е. Польско-Литовской федераціи. Но этотъ договоръ отнюдь не сливалъ ихъ въ одно, единое государство. Великое Княжество Литовское и Польская Корона по-прежнему оставались соединенными договоромъ Уніи, т. е. въ федераціи. Но возможность заключенія договора-соглашенія Coaequationis Jurium, внѣ всякаго сомнѣнія, указываетъ на образовавшуюся уже привычку къ состоянію федеративнаго соединенія съ Польшею въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Эта привычка скрѣплялась и достаточно къ концу XVII вѣка развившимся вліяніемъ культуры и шляхетской политической идеологіи Польши на шляхетскій „народъ" Великаго Княжества Литовскаго.

Присутствіе акта Coaequationis Jurium въ томѣ изданія Литовскаго Статута неизбѣжно вызываетъ вопросъ: почему онъ послѣ своего утвержденія присоединялся къ Литовскому Статуту и почему актъ Люблинской Уніи не нашелъ для себя мѣста ни въ одномъ изданіи этого кодекса? Конечно потому, что соглашеніе Coaequationis Jurium было принято государствомъ Литвы добровольно въ порядкѣ соглашенія съ Польшею въ ихъ федераціи, а актъ Уніи 1569 года представлялъ собою вынужденный у Великаго Княжества Литовскаго Польшею договоръ международноправнаго характера, котораго отдѣльныя постановленія и тенденціи Польскаго экзекуціонизма оно признавало подлежащими отмѣнѣ и отвергла, сначала въ своихъ

дѣйствіяхъ и заявленіяхъ, а затѣмъ и въ утвержденномъ Сигизмундомъ III-мъ безъ протеста Польской Короны Статутѣ 1588 года[1]). Этотъ Статутъ былъ признанъ въ полной силѣ и актомъ Coaequationis Jurium. А въ 1699 году Литовскій Трибуналъ далъ и оффиціальное толкованіе ему въ смыслѣ ненарушенія имъ никакихъ прежнихъ правъ Великаго Княжества Литовскаго. 7 мая 1699 года Трибуналъ принялъ „Porządek Sądzenia Spraw w Trybunale W. X. Lit. z Konstytucyi Seymowych, z Koequacyey Praw W. X. Lit. z Koroną Polską, y z Statutu W. X. Lit. zebrany y opisany. Roku 1699. Miesiąca Maia siodmego dnia“. Настоящее постановленіе Литовскаго Трибунала начинается такъ: „Naprzód wiadomo każdemu być musi oyczystych Praw wiadomemu, iż Rzeczpospolita stanowiąc Coaequationem Praw W. X. Lit. z Koroną Polską, nie naruszyła Praw dawnieyszych W. X. Lit. służących, ale tylko to, cokolwiek Obywatelom iey z ukrzywdzeniem się być zdało, naprawiła przez opisanie Urzędow y władzy zbyteczney, do iednakowego rządu y prerogatyw z Koroną Polską przyprowadzaiąc“. Этотъ документъ, какъ мы уже видѣли выше, былъ также напечатанъ въ томѣ Статута изданія 1744 года[2]).

Послѣднимъ изданіемъ Третьяго Литовскаго Статута, вышедшимъ во время существованія Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи государства, было изданіе, выпущенное Виленскою Академическою типографіей въ 1786 году. На заглавномъ листѣ его стоитъ: Statut | Wielkiego Księstwa | Litewskiego, | Naprzod, za Nayjasnieyszego Hospodara | Zygmvnta III. | w Krakowie w Roku 1588. | Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619. z pokazaniem zgody i różnice Statutow | Koronnych i W. X. L. | Trzeci raz, za Nayjasnieyszego | Władysława IV. | w Warszawie, w Roku 1648. z przydaniem Konstytucyi | od Roku 1550. do 1647. | Czwarty raz, za Nayjasnieyszego | Jana Trzeciego | w Wilnie w Roku 1698[3]). | Z przyłożeniem pod Artykuły Konstytucyi Seymowych od Seymu Roku 1550. aż | do Seymu Roku 1690. Oboygu Narodom służących, | (Textv samego w niwczym nie narvszaiąc) | Piąty

---

[1]) Ср. выше, стр. 140-144.

[2]) Документъ этотъ также былъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ упомянутой выше нашей книжкѣ Lietuva ir Lenkija.

[3]) Такимъ образомъ, опечатка заглавнаго листа изданія 1744 года повторена и въ этомъ изданіи Статута.

raz za Nayjasnieyszego | Avgvsta Trzeciego, | Teraz zas za Nayjasnieyszego Krola | Stanisława Avgvsta | Szczęsliwie nam Panvjącego, | Powtórnie z przydatkiem Summaryuszow, Praw i Konstytucyi od roku 1764. | do roku 1786. | Przedrvkowany. | w Wilnie w Drvkarni J. K. Mci przy Akademij | Roku Pańskiego 1786. |

Не такъ легко бываетъ точно опредѣлить составъ дополненій къ основному тексту Статута, которыя встрѣчаются въ экземплярахъ этого изданія. Дѣло въ томъ, что въ него вплетались обычно и нѣкоторыя изъ сеймовыхъ конституцій, печатавшихся послѣ соотвѣтствующихъ сеймовъ. Но Svmmarivsze niektórych konstytucyi Wielkiego Księstwa Litewskiego, а именно 1764 (два сейма), 1766, 1768, 1775, 1776, 1778, 1780 и 1784 годовъ, приходится считать напечатанными вмѣстѣ со Статутомъ, ибо заглавный листъ его изданія 1786 года о томъ говоритъ опредѣленно. Какъ указываетъ тотъ же листъ, это изданіе являлось перепечаткою изданія 1744 года.

С. А. Бершадскій признавалъ изданіе 1786 года наименѣе удовлетворительнымъ изъ всѣхъ изданій Третьяго Литовскаго Статута[1]). Детальнаго изученія текста польскаго перевода этого кодекса въ его изданіяхъ сдѣлано до настоящаго времени не было. Не были сравниваемы экземпляры однихъ и тѣхъ же изданій и съ цѣлью установленія ихъ тожества или различій, какъ это дѣлалось по отношенію къ экземплярамъ перваго изданія Статута 1588 года, въ которомъ напечатанъ его оригинальный русскій текстъ. Не приведены въ извѣстность и ихъ опечатки и недосмотры, искажающіе содержаніе статутовыхъ артикуловъ въ ихъ польскомъ текстѣ. Конечно, все это должно быть признано работою нелегкою и крайне кропотливою. Но пока она не произведена, говорить о сравнительномъ качествѣ изданій польскаго перевода Литовскаго Статута въ XVII и XVIII столѣтіяхъ нельзя сколько-нибудь увѣренно и опредѣленно. Однако недостатокъ тщательности изданія 1786 года обнаруживается уже изъ внимательнаго просмотра напечатаннаго на заглавномъ листѣ его тома. Мы уже не говоримъ о повтореніи старой погрѣшности въ неправильномъ обозначеніи изданія 1588 года сдѣланнымъ въ Краковѣ и о пропускѣ изданія 1614 года, которые утвердились въ заглавныхъ листахъ

---

[1]) С. А. Бершадскій, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ, стр. 12.

изданій Статута еще съ 1648 года. Заглавный листъ изданія 1786 года, упоминая объ изданіи Статута при Янѣ III-мъ, его датируетъ неправильно, по примѣру изданія 1744 года, 1698-мъ, а, казалось бы, Академической типографіи было такъ просто исправить опечатку предшествующаго изданія, ибо изданіе 1693 года было выпущено ею самою.

Томы изданій Третьяго Литовскаго Статута, какъ мы уже отмѣчали раньше, при ихъ переплетѣ иногда дополнялись присоединяемыми къ составу тома другими законодательными памятниками. Напечатанный въ Мамоничской типографіи въ 1586 году Трибуналъ вплетался въ томъ перваго Мамоничскаго изданія Статута 1588 года. Къ тому изданія польскаго перевода кодекса, вышедшаго у Мамоничей въ 1614 году, можно встрѣтить приплетеннымъ экземпляръ Трибунала ихъ же изданія 1623 года[1]). Къ тому Варшавскаго изданія Статута въ 1648 году приплетался экземпляръ Трибунала въ изданіи той же типографіи Элерта[2]), къ тому изданія 1744 года приплетались конституціи Варшавскаго сейма 1778 года[3]) и т. п.

Начиная съ изданія Статута въ 1619 году, издатели кодекса старались сдѣлать свои изданія его болѣе удобными для практическаго ими пользованія. Они, какъ мы это видѣли, снабжали ихъ подведеніемъ подъ статутовые артикулы сеймовыхъ конституцій, присоединеніемъ „суммаріушовъ", алфавитныхъ указателей и другихъ добавленій, имѣвшихъ своею задачею не только собрать въ томѣ Статута возможно полнѣе законодательный матеріалъ, нужный для судьи, адвоката и простого „обывателя", но и облегчить отысканіе въ томѣ соотвѣтствующихъ узаконеній. Практическое значеніе Литовскій Статутъ имѣлъ не только въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Его артикулы являлись субсидіарнымъ правомъ и для Польской Короны, какъ и отдѣльные законы послѣдней могли получать примѣненіе въ государствѣ Литвы, также въ значеніи субсидіарнаго права. Такое значеніе Статута 1588 года заставляло его изучать и польскихъ юристовъ. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Prawo cywilne albo szczegolne narodu Polskiego", вышед-

---

[1]) Напримѣръ, въ экземплярѣ, хранившемся въ отдѣленіи „Rossica" бывшей Имп. Публ. Библіотеки.

[2]) Также.

[3]) Также.

шемъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, Островскій писалъ: „Prawo Litewskie będąc Municypalnym Prowincyi iednego Narodu, w niedostatku Koronnego, zawsze w Sądach Naszych miewa swoią powagę“ [1]). Значительную часть своего изложенія Островскій построилъ на основѣ Литовскаго Статута. Но изъ этого изложенія видны и многочисленныя отличія его права отъ права Короны Польской, какъ другой „провинціи“ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой.

Для облегченія усвоенія содержанія Третьяго Статута по его раздѣламъ обращались вирши. Мы встрѣтили два ихъ варіанта. Изъ нихъ первый былъ напечатанъ при текстѣ Статута въ его изданіи 1744 года [2]). Вотъ этотъ варіантъ —

„Pierwszy ma przed oczyma Królow Przywileie,
Drugi w Ziemskiey obronie kładzie swe nadzieie,
Trzeci w wolności Szlachtę obiecuie chować,
Czwarty Sądom i Sędziom życzy usługować,
Piąty Wiano, Oprawy, Panienkom Posagi,
Szósty dobrą Opiekę wiedzie do powagi,
Siódmy Zapis, Przedaży w potomność funduie,
Osmy o zły Testament mocno się prawuie,
Dziewiąty z Podkomorzym Granice rozdziela,
Dziesiąty w Lasach, Puszczach Ludzi uwesela,
Jedenasty przy nayściach, gwałtach, boiach stoi,

---

1) Prawo cywilne albo szczegolne narodu Polskiego z statutów i konstytucyi koronnych i litewskich zebrane: rezolucyami rady nieustaiącey obiasnione: dodatkami z praw kanonicznego, magdeburskiego i chełminskiego pomnożone: a porządkiem praw rzymskich ułożone przez X. Teodora Ostrowskiego S. P. Tom I (w Warszawie, MDCCLXXXIV), str. 3. Трудъ этотъ въ двухъ томахъ. Въ 1787 году, въ Варшавѣ же, онъ вышелъ вторымъ (edycya druga poprawna) изданіемъ. На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій онъ изданъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ — Civilrecht der Pohlnischen Nation aus den pohlnischen und lithauischen Statuten und Constitutionen zusammengetragen, durch Resolutionen des immerwährenden Raths erläutert mit Zusätzen aus dem Canonischen, Magdeburgischen und Culmischen Rechte vermehrt und nach der Ordnung der Römischen Gesetze eingerichtet im Jahre 1787 von Theodor von Ostrowski. Erster Theil. Aus dem Pohlnischen übersetzt. Berlin, 1797. Zweyter Theil. Leipzig, 1802.

2) Эти вирши напечатаны послѣ окончанія текста Статута. Передъ ними стоитъ слѣдующее заглавіе: „Dla większey wygody używaiących tego Statutu, kładą się wiersze pewnego Autora, zawieraiące w sobie materyą, w Rozdziałach czternastu będącą“.

Dwanasty nawiązkami wzelkie rany goi,
Trzynasty grabieżami zawsze zwykł się bawić,
Czternasty zaś złodzieiom przeciwnie się stawić“.

А. Ѳ. Кистяковскій приводитъ переводъ этихъ виршей на русскій языкъ, встрѣченный имъ въ рукописныхъ переводахъ Статута[1]). Вотъ тотъ текстъ ихъ, который самъ Кистяковскій справедливо признаетъ болѣе удачнымъ —

„Першій маетъ предъ очими кроліовъ привылѣе.
Другій въ земской оборонѣ кладетъ свои надѣе.
Третій въ вольности шляхту обѣцуе ховать.
Четвертый судамъ и судьямъ зычить услуговать.
Пятый вѣно, справы, паньенкомъ посаги.
Шестый добрую опеку ведетъ до поваги.
Семый записъ, продажъ въ потомность фундуе.
Осмый о злый тестаментъ мочно справуе.
Девятый съ подкоморымъ границы раздѣля.
Десятый въ лѣсахъ, пущахъ, людей увеселя.
Единадцятый при найтяхъ, гвалтахъ, бояхъ стоитъ.
Двѣнадсятый навязками всякіе рани гоитъ.
Тринадцятый грабежами завсе звыклъ бавыть.
Четырнадцатый злодѣемъ протывенье ставить“.

Что касается другого варіанта этихъ виршей, то онъ самостоятельнаго, а не переводнаго происхожденія и, надо думать, возникъ въ Россіи уже послѣ присоединенія къ ней Великаго Княжества Литовскаго. Мы его встрѣтили въ русской рукописи Третьяго Литовскаго Статута, по своему происхожденію относящейся къ началу XIX столѣтія и никакъ не раньше конца XVIII вѣка[2]). Приводимъ текстъ этого варіанта виршей:

---

[1]) А. Ѳ. Кистяковскій, Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ (Кіевъ, 1879), стр. 37 и 41. Въ текстѣ мы приводимъ второй изъ этихъ переводовъ, передъ которымъ въ рукописи стоитъ: „Для большой выгоды уживаючихъ сего Статута, кладутся вѣршѣ певнаго аутора, завѣряючіе въ себѣ матерію, въ роздѣлахъ четырнадцати имѣючихся“.

[2]) Рукопись эта хранилась въ Рукописномъ Отдѣленіи б. Имп. Публ. Библіотеки подъ сигнатурою F. II. № 95. Въ ней приведенные нами вирши были помѣщены передъ началомъ Реестра Статута. Передъ началомъ виршей стоитъ: „Для лучшаго познанія употребляющимъ сей статутъ прилагаются стихи изъясняющіе содержаніе въ себѣ четырнадцати роздѣловъ на

„Первый хранитъ монархи честь, вѣрность и корону,
вторый учитъ содержать земску оборону.
Третій волность шляхтѣ много обѣщаетъ,
четвертый всѣ порядки въ судахъ учреждаетъ.
Пятый утверждаетъ вѣно и придано,
шестый блюдетъ опеку кому что отъдано.
Седмый записѣ продажамъ вѣчно укрѣпляетъ,
осмый злы духовницы вовся провергаетъ.
Девятый съ подкоморымъ раздѣляетъ межи,
десятый о лесъ, ловли учитъ невежи.
Одинадцатый зъ гвалтовъ и боевъ отъводитъ,
двенадцатый платежами раны нагородитъ.
Тринадцатый за грабежъ навязки сулитъ,
четырнадцатый же обще всехъ злодѣевъ хулитъ".

Переходя къ рукописямъ Третьяго Литовскаго Статута, нужно признать, что онѣ далеко еще не приведены въ сколько нибудь достаточную извѣстность. Мы уже видѣли выше, что еще во время обращенія экземпляровъ перваго изданія Статута 1588 года въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ пользовались и его рукописными копіями, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились и до настоящаго времени[1]). Но рядомъ съ такими копіями дошли до насъ и переводы Третьяго Статута на другіе языки. А. Ѳ. Кистяковскій далъ описаніе восемнадцати рукописей Статута, отысканныхъ въ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніяхъ[2]). Изучая ихъ, онъ пришелъ къ заключенію, „что въ Малороссіи XVIII вѣка былъ въ употребленіи Литовскій Статутъ не печатный, а рукописный, въ спискахъ". Ближайшимъ образомъ изслѣдуя бывшія въ его рукахъ рукописи Третьяго Статута, Кистяковскій писалъ: „Изъ всѣхъ, разсмотрѣнныхъ мною, рукописей только одна составляетъ прямой списокъ съ первоначальнаго Литовскаго Статута, Мамоничевскаго изданія, написаннаго на юго-западномъ нарѣчіи русскаго языка — это рукопись, принадлежащая Кіевской археографиче-

---

россійскомъ диалектѣ сложенные". Правописаніе рукописи въ воспроизведенныхъ въ текстѣ виршахъ мы сохраняли, за исключеніемъ лишь буквы „укъ", которую передавали черезъ букву „у". Въ оригиналѣ обѣ эти буквы употребляются одинаково.

[1]) См. выше, стр. 405-408.

[2]) Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ, стр. 35-49.

ской коммиссіи. Другая подъ № 10, хотя носитъ уже не столь ясные признаки списковъ семьи Мамоничевской, можетъ быть однакожъ отнесена также къ этой семьѣ. Четыре списка,.... по языку представляютъ какую-то смѣсь, но во всякомъ случаѣ болѣе подходятъ къ типу переводовъ съ польскаго, чѣмъ передѣлокъ съ оригинальнаго..... Всѣ же остальные списки писаны русскимъ языкомъ тождественной редакціи, хотя отличной отъ Статута, изданнаго въ 1811 году въ сенатской типографіи" [1]).

Переводовъ Статута 1588 года на русскій языкъ или „россійскій діалектъ" въ литературѣ уже извѣстно нѣкоторое количество, кромѣ тѣхъ, которые указывалъ А. Ѳ. Кистяковскій рядомъ съ писанными „на юго-западномъ нарѣчіи". И. Ѳ. Токмаковъ отмѣтилъ такую рукопись въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]), Н. И. Петровъ — въ Библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора [3]), С. Л. Пташицкій — въ Библіотекѣ Ординаціи Красинскихъ въ Варшавѣ [4]). Всѣ эти рукописи относятся къ XVIII столѣтію. Въ дѣйствительности, конечно, ихъ значительно больше. Укажемъ хотя нѣкоторые изъ такихъ рукописныхъ переводовъ Третьяго Статута изъ бывшихъ въ нашихъ рукахъ. Такова, напримѣръ, рукопись, принадлежавшая Московскому Университету [5]). Къ исходу XVIII столѣтія или къ началу XIX-го относится рукопись, хранившаяся въ Рукописномъ Отдѣленіи бывшей Имп. Публичной Библіотеки [6]). Къ XIX столѣтію относятся рукописи изъ собранія той же Библіотеки [7]), а также изъ Библіотеки Государственнаго Совѣта [8]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 50-51.

[2]) Обозрѣніе Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, стр. 12 (Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ, выпуски 3 и 4. Москва, 1883).

[3]) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Вып. III. Библіотека Кіево-Софійскаго собора, стр. 78-79 (Чтенія въ Имп. Обществѣ Истор. и Др. Росс., 1904, I).

[4]) Pierwsze wydanie trz. Stat. Lit. (Ks. pam. ku uczcz.....), str. 168-169.

[5]) Сигнатура 6. В. i. II.

[6]) Сигнатура F. II. № 95.

[7]) Сигнатура F. II. № 187.

[8]) Сигнатура А. 2. № 7. Рукописная копія очень четкаго письма XIX столѣтія съ Мамоничскаго изданія русскаго оригинальнаго текста Статута. Послѣ окончанія текста приписки: 1) „Съ печатнымъ вѣрно. Статскій Со-

Особое мѣсто въ ряду русскихъ рукописей Третьяго Литовскаго Статута занимаетъ рукопись, принадлежавшая Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, приведенная въ извѣстность около двадцати лѣтъ тому назадъ. Ея происхожденіе относится, по наибольшей вѣроятности, къ тридцатымъ или двадцатымъ годамъ XVII столѣтія. Представляетъ она собою не простой списокъ, а московскій переводъ-редакцію, сдѣланный въ Москвѣ для офиціальныхъ задачъ, стоявшихъ тогда передъ Московскимъ правительствомъ въ его кодификаціонной работѣ. Интересъ этого перевода-редакціи не только въ возможности болѣе детальнаго изученія рецепціи права Великаго Княжества Литовскаго Московскимъ государствомъ. При переводѣ-редакціи цѣлый рядъ правовыхъ понятій, нашедшихъ свое выраженіе въ законахъ Третьяго Литовскаго Статута, преломляясь въ правовомъ сознаніи москвича XVII столѣтія, получалъ своеобразное измѣненіе примѣнительно къ его представленіямъ о государствѣ, законѣ, назначеніи и правахъ верховной власти и ея органовъ и т. д., столь несходнымъ въ государствахъ Москвы и Литвы того времени. Описаніе этой рукописи имѣется въ печати[1]). Изданъ и ея полный текстъ[2]).

Переходя къ переводамъ оригинальнаго русскаго текста Третьяго Статута на польскій языкъ, конечно, на первомъ мѣстѣ изъ этихъ переводовъ нужно поставить переводъ его, сдѣ-

---

вѣтникъ Анастасевичъ. С.-Петербургъ, 1825" (эта приписка сдѣлана другою рукою) и 2) „Съ печатнаго списывалъ Титулярный Совѣтникъ Игн: Пѣшко" (эта приписка сдѣлана рукою списывавшаго Статутъ). Тамъ же хранилась и другая рукопись Статута подъ сигнатурою А. 2. № 9 (1-2). Въ первомъ томѣ текстъ I-IV раздѣловъ Статута, во второмъ — V-XIV раздѣловъ. Ко II-му тому присоединено „Объясненіе обветшалыхъ словъ и выраженій Литовскаго Статута въ Польскомъ изданіи 1614 года расположенное по Азбучному порядку" на польскомъ языкѣ. Послѣ окончанія текста въ каждомъ изъ этихъ двухъ томовъ имѣются подписи трехъ надворныхъ совѣтниковъ (Петра Еліашевича, Константина Сербиновича и Ивана Бучинскаго) и коллежскаго ассессора Фабія Дубецкаго.

[1]) И. И. Лаппо, Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія. Журн. Мин. Нар. Пр., 1914, II, стр. 209-235.

[2]) И. И. Лаппо, Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи (Лѣтопись Занятій Имп. Археографической Коммиссіи, выпускъ 28). Съ этимъ изданіемъ знакомитъ своихъ читателей С. Л. Пташицкій въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей — Księga Pamiątkowa ku uczcz. . . . . . Pierwsz. St. Lit., str. 166-168.

ланный для изданія кодекса въ 1614 году, воспроизведенный затѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ польскаго текста Статута. Но извѣстенъ и рядъ рукописей польскаго перевода. Уже Даниловичъ указывалъ на двѣ превосходныя рукописи Статута 1588 года, имъ видѣнныя[1]). Одна изъ польскихъ рукописей Статута, хранившаяся въ бывшей Имп. Публ. Библіотекѣ[2]), имѣетъ такое заглавіе: „W° X Lith° Statut z Ruskiego Na Polski ięzyk Przełożony". Ниже этого заглавія находится государственный гербъ Великаго Княжества Литовскаго („погоня"), а подъ нимъ воспроизведены въ польскомъ переводѣ тѣ же цитаты изъ Священнаго Писанія, которыя даны на заглавномъ листѣ перваго Мамоничскаго изданія Статута: „Patrzycie co macie czynić; bo nie sprawuiecie sądu człowieczego ale Sąd Boży" и т. д. На оборотѣ этого заглавнаго листа рисунокъ герба Польской Короны — одноглавый орелъ, надъ которымъ два купидона держатъ корону. Подъ этимъ рисункомъ стоитъ: „Sigismundus Tertius Dei Gratia Rex Poloniae Magnus Dux Lithuaniae Russiae Prussiae Samogitiae Massoviae Liuoniaeque Necnon Svecorum Gothorum Wandalorumque etc. etc. haereditarius rex". Рисунокъ этотъ съ находящимся подъ нимъ титуломъ Сигизмунда III-го, конечно, былъ помѣщенъ въ замѣну королевскаго портрета, находящагося на оборотной страницѣ заглавнаго листа перваго Мамоничскаго изданія Статута, ибо нарисовать его переписчику было затруднительно. Надо думать, что рукописей польскаго перевода Статута, притомъ, вѣроятно, различнаго происхожденія, еще будетъ приведена въ извѣстность не одна. С. Л. Пташицкій къ одной изъ своихъ послѣднихъ статей приложилъ снимокъ съ рукописи польскаго перевода Третьяго Статута, хранившейся въ Московской Типографской Библіотекѣ[3]). Даниловичъ отмѣтилъ и нѣмецкій переводъ Статута, сдѣланный въ 1632 году[4]). Онъ хранился въ Библіотекѣ Дерптскаго Университета. Заглавіе этой рукописи слѣдующее: „Das gantze Statuten Buch des Gross Fürsten-Thumbs Littawen. Aus dem

---

[1]) Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты (Юрид. Записки Рѣдкина, томъ первый), стр. 30.

[2]) F. II. № 23 (Польская).

[3]) Stanisław Ptaszycki, op. cit., первый изъ приложенныхъ къ статьѣ снимковъ.

[4]) Цитируемъ по его статьѣ „Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego", str. 90-91.

Polnischen ins Teutsche gebracht und geschrieben. Anno Domini MDCXXXII". Объ этой рукописи сообщилъ Даниловичу профессоръ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго провинціальнаго права въ Дерптскомъ Университетѣ Фридрихъ Георгъ Бунге. Надо думать, что переводъ Статута на нѣмецкій языкъ, вѣроятно, съ польскаго изданія кодекса въ 1619 году былъ сдѣланъ для той части Лифляндской земли, которая принадлежала Великому Княжеству Литовскому.

Въ 1811 году былъ напечатанъ переводъ на русскій языкъ Третьяго Статута съ его переводнаго польскаго текста по изданію 1786 года. Переводъ этотъ вышелъ въ двухъ томахъ и имѣетъ такое заглавіе: Статутъ | Великаго Княжества | Литовскаго | съ подведеніемъ | въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на конституціи, | приличныя содержанія онаго. | Переводъ съ польскаго. | Въ Санктъ Петербургѣ. | Печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ. | 1811 г. | Русскій и польскій тексты въ этомъ изданіи были напечатаны параллельно. Какъ установилъ А. Е. Нольде, переводчики пользовались и Мамоничскимъ изданіемъ оригинальнаго русскаго текста Статута по экземпляру, имѣвшемуся уже въ то время въ Сенатѣ, куда онъ былъ доставленъ въ 1808 году губернскимъ прокуроромъ Руссовымъ[1]). Изданіе Литовскаго Статута въ 1811 году находится въ связи съ работами по кодификаціи мѣстнаго права западныхъ губер-

---

[1]) Баронъ А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. Выпускъ I. Попытка кодификаціи литовско-польскаго права (С.-Петербургъ, 1906). Стр. 70-73. Объ экземплярѣ Статута, доставленномъ въ Сенатъ Руссовымъ, см. выше, стр. 378. С. Л. Пташицкій счелъ возможнымъ приписать переводъ Статута съ польскаго на русскій языкъ для изданія 1811 года Даниловичу. Въ своей статьѣ, напечатанной въ „Reformacja w Polsce" (V, str. 90-97), онъ писалъ: „Mnie osobiście udało się ustalić na podstawie wiarogodnych świadectw, że przekładu tego dokonał Ignacy Daniłowicz. Ten właśnie przekład w dalszym ciągu nazywam przekładem Daniłowicza" (str. 91, nota 1). С. Л. Пташицкій, къ сожалѣнію, не указалъ болѣе опредѣленно основаній для этого своего утвержденія. Между тѣмъ свѣдѣнія о переводчикахъ Статута для изданія 1811 года собраны въ цитированномъ нами изслѣдованіи барона Нольде. Въ числѣ лицъ, работавшихъ надъ этимъ переводомъ, Даниловича нѣтъ, да и самъ онъ, называя ихъ, о себѣ не упоминаетъ (см. стр. 71 книги барона Нольде). Сверхъ того въ 1810 и 1811 годахъ Даниловичъ былъ студентомъ Виленскаго Университета, и уже потому трудно допустить возможность его приглашенія къ участію въ работѣ, производившейся при Правительствующемъ Сенатѣ.

ній Россійской Имперіи, въ составъ которыхъ вошла территорія Великаго Княжества Литовскаго послѣ раздѣловъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Послѣ присоединенія ея къ Россійской Имперіи въ ней было сохранено дѣйствіе Литовскаго Статута, за исключеніемъ его конституціонныхъ законовъ, относящихся къ верховной власти. То же значеніе Литовскаго Статута, какъ свода дѣйствующихъ законовъ, вызвало и изданіе его въ Вильнѣ Виленскимъ Типографичнымъ Товариществомъ въ 1819 году. На заглавномъ листѣ этого изданія напечатано: Statvt | Wielkiego Księstwa | Litewskiego | Naprzód, Za Nayiasnieyszego Hospodara | Zygmvnta III, | w Krakowie w Roku 1588; | Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619, z pokazaniem zgody i | różnice Statutow Koronnych i W. X. L.; | Trzeci Raz, Za Nayiasnieyszego | Władysława IV, | w Warszawie, w Roku 1648, z przydaniem Konstytucyy | od Roku 1550 do 1647; | Czwarty Raz, Za Nayiasnieyszego | Jana Trzeciego, | w Wilnie w Roku 1698, | Z przyłożeniem pod Artykuły Konstytucyi Seymowych od | Seymu roku 1550, aż do Seymu Roku 1690 Oboygu Na- | rodom służących, | Textu samego w niczém nie naruszając; | Piąty Raz Za Nayiasnieyszego | Avgvsta Trzeciego; | Po Dwakroć Za Nayiasnieyszego Króla | Stanisława Avgvsta, | Z przydatkiem Summaryuszow, Praw i Konstytucyy od | roku 1764 do roku 1786; | Teraz Za Szczęsliwego Panowania Nayiasnieyszego | Cesarza i Samowładcy Wszech Rossyy | Króla Polskiego | Alexandra I. | Bez żadney odmiany, podług wydania wileńskiego, roku 1786. | Nakładem Wileńskiego Towarzystwa Typograficznego przedrukowany. | W Wilnie W Drvkarni A. Marcinowskiego. | roku pańskiego 1819. |

Какъ даетъ уже знать это заглавіе, изданіе Статута въ 1819 году является перепечаткою изданія 1786 года въ полномъ составѣ тома послѣдняго. Въ отдѣлѣ „Summarivsze Niektórych Konstytucyi“ имѣется и нѣкоторое добавленіе. Къ конституціямъ, которыя вошли въ этотъ отдѣлъ тома въ изданіи 1786 года, добавлены и конституціи Варшавскаго сейма 1786 года.

Но въ Вильнѣ въ 1822 году началась самая серьезная работа для подготовки новаго изданія Литовскаго Статута, которая, если и не завершилась его выходомъ, то оказала весьма большое вліяніе на развитіе научнаго изученія этого кодекса. Мы разумѣемъ учрежденіе при Виленскомъ Университетѣ „Комитета для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литов-

скаго Статута"[1]). 28 февраля 1822 года Главноначальствующій надъ Коммиссіею Составленія Законовъ, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ обратился къ Виленскому куратору князю Чарторыйскому съ просьбою поручить провѣрку перевода Статута въ изданіи 1811 года профессору Зноскѣ, „служившему предъ симъ въ Коммиссіи Составленія Законовъ и извѣстному ей по познаніямъ его въ польскихъ и литовскихъ правахъ"[2]). 24 апрѣля 1822 года Чарторыйскій отвѣтилъ на эту бумагу Лопухина сообщеніемъ, что онъ для исправленія Статута назначилъ Комитетъ въ составѣ профессоровъ Зноски, Лобойки и Даниловича, а также помощника библіотекаря Контрыма. Лопухинъ отвѣтилъ Чарторыйскому 16 мая благодарностью за учрежденіе Комитета. Но Чарторыйскій, кромѣ намѣченныхъ первоначально въ его составъ четырехъ членовъ, очень скоро ввелъ и пятаго, а именно Лелевеля. Объ обращеніи къ нему Лопухина и объ учрежденіи Комитета изъ означенныхъ пяти лицъ Чарторыйскій сообщилъ 30 мая Университетскому Совѣту, и 29 іюня 1822 года „Komitet do sprawdzenia przekładu Statutu Litewskiego na język rossyjski" сообщилъ Чарторыйскому о началѣ своей дѣятельности и о принятомъ имъ порядкѣ своихъ занятій. 17 іюля онъ вновь писалъ Чарторыйскому о необходимости принять во вниманіе при порученной ему работѣ не только печатныя изданія, но и рукописи, притомъ не только Третьяго, но и Второго и Перваго Статутовъ. Въ библіотекѣ Виленскаго Университета, сообщалъ Комитетъ, имѣются только „rękopism ieden Ruski niepełny Statutu pierwszego, ieden Polski Statutu drugiego, i ieden Polski niepełny Statutu trzeciego. Zpomiędzy exemplarzów drukowanych są dawne Ruskie (teraz Białoruskiemi nazywane) w Bibliotekach Uniwersytetskiéy i Bazyliańskiéy po dwa exemplarze, ale wszystkie cztery niepełne;

---

[1]) А. Э. Нольде въ своей уже цитированной нами книгѣ даетъ свѣдѣнія о дѣятельности этого Комитета на основаніи документовъ Архива Государственнаго Совѣта и письма Даниловича отъ 8 сентября 1828 года къ министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену. Мы дополняемъ эти свѣдѣнія на основаніи документовъ дѣлопроизводства Виленскаго Университета, хранившагося въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Документы, которыми мы пользуемся въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, находились въ дѣлѣ № 36, 559 Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Озаглавлено было это дѣло такъ: „№ 145. Дѣло о Литовскомъ Статутѣ. O Litewskim Statucie. На 119 листахъ. Съ 8 іюня 1822". Помѣщалось это дѣло (по общей нумераціи за № 36, 559) въ картонѣ 950.

polskie w Bibliotece Uniwersytetskiéy tylko z lat 1744 i 1786, oraz w prywatnym ręku z roku 1619, 1693. Więcey żadnych exemplarzów w Wilnie dotąd się nie okazalo, wyiąwszy edycyą Petersburgską r. 1811 i Wileńską r. 1819".

Такимъ образомъ, Комитетъ, принимаясь за порученную ему работу, оказался въ довольно затруднительномъ положенiи изъ-за недостатка старыхъ изданiй и рукописей Статута, которыми онъ могъ располагать въ Вильнѣ. Передъ нимъ, вслѣдствiе этого, встала неотложная задача привести въ извѣстность, а по возможности, и получить для своихъ занятiй старопечатныя изданiя Статута и его рукописи изъ различныхъ мѣстъ ихъ храненiя. Члены Комитета съ большою энергiею взялись за разрѣшенiе этой задачи. На лѣтнее вакацiонное время Лобойко отправился въ Малороссiю, Лелевель и Даниловичъ въ Царство Польское. Всѣ они должны были использовать свои поѣздки для разысканiя и доставленiя въ Комитетъ нужныхъ ему матерiаловъ. Комитетъ просилъ Чарторыйскаго „o pożyczenie" для него всѣхъ кодексовъ, которые найдутся въ Пулавской Библiотекѣ. Лобойко, Даниловичъ и Лелевель будутъ стараться „o takież pożyczenie" русскаго кодекса у графа Ходкевича, польскаго у Юлiана Нѣмцевича и четырехъ экземпляровъ Статута у графа Сѣраковскаго. Члены Комитета предполагали искать вообще нужные имъ матерiалы, а кромѣ того была представлена просьба Чарторыйскому о выпискѣ ихъ изъ С.-Петербурга по приложенному списку.

Работа Комитета, образованнаго при Виленскомъ Университетѣ, возобновилась послѣ лѣтнихъ каникулъ 1822 года и продолжалась до ноября 1823 года. Въ его дѣлахъ сохранились „Zapisy Czynności Komitetu do sprawdzenia przekładu Statutu Litewskiego na język rossyjski, od Uniwersytetu Imperatorskiego Wileńskiego z woli wyższey władzy wyznaczonego". Это — тетрадь въ 17 страницъ листовъ обычнаго формата. Въ ней подлинные протоколы засѣданiй Комитета, подписанные присутствовавшими въ засѣданiяхъ его членами. Засѣданiя происходили въ квартирѣ профессора Зноски. Они начинались часовъ въ пять-шесть по полудни, иногда въ семь часовъ вечера. Первое засѣданiе состоялось 6 iюня 1822 года. Его протокольная запись представляетъ выдающiйся интересъ для исторiи дѣятельности Комитета, а потому приводимъ ее полностью:

„Posiedzenie I. Roku 1822 d. 6 Czerwca we Wtorek o godzinie 6 po południu w mieszkaniu Pana Professora Znoski, obecni: Jan Znosko, Joachim Lelewel i Jan Łoboyko Professorowie, Ignacy Daniłowicz i Kazimierz Kontrym Adjunkci.

1. Pan Znosko odczytał wypis z Protokółu Posiedzeń Rady Uniwersytetu pod d. 1 t. m. i dołączoną do tego Wypisu kopiją Zalecenia Xiążęcia Czartoryskiego Kuratora pod datą d. 30 zeszłego miesiąca, które oba pisma to zawierają w treści = Kommissya nad ułożeniem Zakonów dla Państwa rossyjskiego, pracująca w Petersburgu, życzy aby w Wilnie przy Uniwersytecie sprawdzony był przekład rossyjski Statutu Litewskiego, z porównaniem textu polskiego z dawnym ruskim drukowanym roku 1588. Po korrespondencyi w tęy rzeczy między prezydentem Kommissyi Xiążęciem Łopuchinem a Kuratorem Uniwersytetu, ostatni w powyższem zaleceniu przekłada, aby takowe zprawdzenie uskutecznione było przez Komitet, z osob na początku pomienionych, złożonego, i aby ten Komitet, dla uczynienia roboty swojey zupełnieyszą i dokładnieyszą porównał wielorakie texty ruskie i polskie, tak drukowane jako i rękopismowe, i spisał waryanty, które za porozumieniem się z Kommissyą możeby nawet wypadło wydrukować. W zbieraniu textów do porównywania, pozwala Xiąże Jegomość Kurator czerpać pomoc ze swojey Biblioteki puławskiey i o to każe udawać się prosto do Bibliotekarza Pana Karola Sienkiewicza: korrespondencyi Komitetowey przesyłanie wskazuje przez Kancellaryą Uniwersytecką: a naostatek znać daje że Kommissya powróci koszta jeśli jakie potrzebnemi się okażą na nabycie Statutu edycyi roku 1588, i że Xiąże Łopuchin prezydent Kommissyi obiecuje dla członków Komitetu wyjednać w swoim czasie nagrodę za trudy w uskutecznieniu poruczenia podjęte: w końcu wyraża Xiąże Kurator aby o rozpoczęciu Komitetu i o postępie prac w pewnych epokach, np. co dwa miesiące, Jemu donosić. — Przez odczytanie takowych pism, to jest Postanowienia Rady Uniwersyteckiey i Zalecenia Xiążęcia Kuratora, Komitet rozpoczął swoje czynności, których szczeguły wskazywać będzie następujący Ciąg nineyszych Zapisów.

2. Za jednomyślnem życzeniem członków Komitetu obowiązek utrzymywania Zapisów Czynności jego, przyjął na siebie Adjunkt Kontrym.

3. Ułożono porządek prac następny:

a) Sporządzić wiadomość o edycyach i rękopismach Statutu, tak ruskich, jako i polskich.
b) Zebrać niezwłócznie po exemplarzu wszystkich edycyj i kodexa rękopismowe, jakie wynaleść się mogą w Wilnie.
c) Uczynić stosowne kroki do wyszukania i sprowadzenia dalszych z innych mieysc.
d) Następnie czytać wszystkie texty, porównywać z sobą, zasięgać światłu z dzieł Czackiego, Lindego i innych, i odkrywać text autentyczny, oswobodzony od omyłek przepisywania i druku.
e) Pisać poosobno: naprzód text polski za autentyczny uznany zdaniem Komitetu, co może się uczynić na exemplarzu edycyi petersburskiey stosownie przygotowanym przez naklejenie i przełożenie papierem; Powtóre, powody tego uznania; Potrzecie, waryanty.
f) Z textem za autentyczny uznanym, porównywać przekład edycyi petersburskiey i wedle przyjętych popraw tenże przekład prostować, a sprostowany pisać osobno, tak jak się powiedziało o texcie polskim.

4. Pan Adjunkt Daniłowicz przyrzekł na następne posiedzenie przynieść Wiadomość o edycyach i rękopismach Statutu, znanych, a wszyscy Członkowie mają się starać o dostawanie exemplarzów, jakie teraz w Wilnie znaleść się mogą".

Приведенная сейчасъ протокольная запись представляетъ существенный интересъ. Прежде всего изъ нея узнаемъ, что Комитету была поставлена совершенно опредѣленная задача, установленная въ перепискѣ Лопухина съ Чарторыйскимъ. Этою задачею должно было явиться сравненіе различныхъ текстовъ Статута, русскихъ и польскихъ, рукописныхъ и печатныхъ, и запись варіантовъ, которые, по мнѣнію Комитета, могли бы быть напечатаны. За выполненіе этого труда членамъ Комитета были обѣщаны Лопухинымъ награды. Но и само порученіе, съ которымъ обратилась Коммиссія Составленія Законовъ къ Виленскому Университету, конечно, было достаточно почетнымъ. Потому то кураторъ его, князь Чарторыйскій, постарался всемѣрно содѣйствовать работамъ Комитета. Онъ не только предоставилъ для его сношеній силы и средства Университетской Канцеляріи, но и широкое пользованіе своей собственной, богатой по собранію рукописей и книгъ, Пулав-

ской Библіотекой. Эти работы онъ признавалъ имѣющими такое значеніе для Виленскаго Университета, что распорядился о доставленіи себѣ періодическихъ докладовъ о дѣятельности Комитета, примѣрно каждые два мѣсяца. Коммиссія Составленія Законовъ уже знала въ то время о существованіи перваго изданія Литовскаго Статута въ его русскомъ оригинальномъ текстѣ, напечатаннаго Мамоничскою типографіею въ 1588 году. Открытіе его Сопиковымъ было ей извѣстно. Зналъ о немъ и Комитетъ. Поэтому для послѣдняго открывалась полная возможность именно оригинальный русскій текстъ изданія положить въ основу своей работы.

Однако Комитетъ этого не сдѣлалъ. Онъ призналъ основнымъ текстомъ Статута его польскій текстъ. Онъ поставилъ себѣ задачу возстановить „аутентичный“ польскій текстъ кодекса и къ нему подвести варіанты. Надо думать, что это было сдѣлано по двумъ причинамъ. Первою изъ нихъ, вѣроятно, было убѣжденіе въ томъ, что утвержденными въ 1588 году Сигизмундомъ III-мъ были оба статутовыхъ текста, т. е. и русскій, и польскій. Это убѣжденіе, какъ мы видѣли выше[1]), въ польской литературѣ держалось даже до самаго послѣдняго времени. Но, кромѣ того, возможно думать, что оригинальный русскій текстъ Третьяго Статута былъ и не совсѣмъ понятенъ членамъ Комитета, а потому представлялъ для нихъ достаточныя трудности. Даниловичъ, издавая уже въ 1826 году такъ называемый „Статутъ“ или „Судебникъ“ Казимира Ягайловича, писалъ: „nie mało mieysc, terminów i sposobów mówienia dla mnie niepojętych w ustawach litewskich znayduję“[2]). Четырьмя годами раньше онъ не могъ знать литовско-русскаго языка старой письменности Великаго Княжества Литовскаго лучше. А между тѣмъ именно Даниловича нужно признать наиболѣе компетентнымъ въ вопросахъ, относящихся къ Статуту, изъ всего состава Комитета. Онъ преподавалъ въ Виленскомъ Университетѣ „отечественныя права“ и уже рядъ лѣтъ спеціально занимался исторіей литовскаго права. Остальные члены Комитета не имѣли прямого отношенія къ этой научной области, хотя и были почтенными академическими дѣятелями. Зноско былъ профессоромъ политической экономіи, Лобойко — россій-

---

1) Стр. 315.

2) Statut Kazimierza Jagiellończyka (Wilno, 1826), str. VII.

ской литературы, Лелевель — всеобщей исторiи, Контрымъ былъ помощникомъ библiотекаря. Но, конечно, всѣ они съ большимъ интересомъ принялись за работу въ Комитетѣ, а для Даниловича и Лелевеля участiе въ ней послужило толчкомъ для ихъ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованiй въ области изученiя Литовскихъ Статутовъ и библiографiи.

Уже во второмъ засѣданiи Комитета, состоявшемся 25 iюня 1822 года, Даниловичъ прочелъ составленное имъ „Opisanie dotąd znajomych exemplarzów Statutu litewskiego rękopismowych i edycyj drukowanych, tak w ruskim jako też w polskim i łacińskim języku“. Заслушавъ это „Описанiе“, Комитетъ постановилъ напечатать его въ журналѣ „Dziennik Wileński“, но лишь какъ „artykuł prywatny“, безъ указанiя на связь его происхожденiя съ занятiями Комитета и безъ какого либо о немъ упоминанiя. Въ томъ же засѣданiи Даниловичъ демонстрировалъ два экземпляра старопечатнаго изданiя русскаго текста Статута 1588 года, полученные имъ изъ библiотеки Базилiанъ. Были затѣмъ приведены въ извѣстность печатные экземпляры Статута и рукописи, которые Комитетъ можетъ найти въ Вильнѣ, постановлено ходатайствовать о выпискѣ другихъ изъ С.-Петербурга, сдѣлано уже извѣстное намъ постановленiе объ использованiи для нуждъ Комитета поѣздокъ отдѣльныхъ членовъ его на лѣтнее время въ Малороссiю и въ Царство Польское, постановлено было и о сообщенiи куратору Чарторыйскому объ открытiи Комитета и о планѣ его занятiй.

Мы не можемъ слѣдить за занятiями Комитета со всею подробностью, которая сохранена протоколами его засѣданiй. Это сдѣлать было бы возможно лишь въ спецiальной статьѣ, посвященной его изученiю. На настоящихъ страницахъ, однако, мы все же считаемъ себя обязанными хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ дать свѣдѣнiя объ этихъ занятiяхъ. Всего засѣданiй Комитетъ имѣлъ двадцать два. Послѣднее его засѣданiе состоялось 2 ноября 1823 года. Не всѣ пожеланiя Комитета, касавшiяся присылки ему старопечатныхъ изданiй Статута и рукописей, оказалось возможнымъ исполнить. Не были присланы въ Вильну и экземпляры Статута перваго Мамоничскаго изданiя, хранившiеся въ С.-Петербургѣ. Но Комитетъ и безъ нихъ, использовавъ доставленные ему матерiалы изъ другихъ мѣстъ, продолжалъ свои труды. Къ своей главной работѣ онъ наконецъ приступилъ 27 февраля, въ своемъ шестомъ засѣда-

ніи, начавъ наконецъ чтеніе Статута артикулъ за артикуломъ. Была заказана переписка статутоваго текста съ древнѣйшаго польскаго его изданія, вышедшаго въ 1614 году. Экземпляръ этого изданія былъ полученъ Комитетомъ изъ Пулавской библіотеки Чарторыйскаго. Когда началось изготовленіе этой копіи, Комитетъ, не ожидая его окончанія, приступилъ къ чтенію статутовыхъ артикуловъ. Въ протоколѣ засѣданія 27 февраля 1823 года записано: „Mając część przepisaną Statutu z pierwszey edycyi, przystąpiono do główney roboty, i zgodzono się: naprzód, konfrontować exemplarze rękopismowe oraz edycye drukowane tak ruską jako i polskie, dla oswobodzenia od omyłek textu polskiego, a potem mając już czysty text polski, przystąpić do poprawy przekładu rossyjskiego, zapatrując się już na oryginał stary ruski, już na oczyszczony text polski“.

Какъ мы уже сказали, всѣхъ засѣданій Комитета было двадцать два. Въ 1822 году они собирались 6 и 25 іюня, 2 іюля, 9 октября; въ 1823-мъ — 25 и 27 февраля, 3, 8, 10, 14, 18, 22, 24 и 29 марта, 5, 10 и 12 апрѣля, 3 и 5 мая, 23 и 26 октября и 2 ноября. Въ засѣданіяхъ съ 27 февраля по 5 мая включительно Комитетъ занимался исправленіемъ польскаго текста статутовыхъ артикуловъ и исправилъ весь первый раздѣлъ Статута и первые девять артикуловъ раздѣла второго. Въ первомъ послѣ лѣтнихъ каникулъ 1823 года засѣданіи Комитета т. е. 23 октября Лобойко доложилъ объ исполненіи имъ даннаго ему членами его въ частномъ порядкѣ порученія, воспользовавшись его пребываніемъ во время каникулъ въ Петербургѣ, навести справку о томъ, согласно ли съ цѣлями Коммиссіи Составленія Законовъ ведется работа Комитета. Не заставъ въ Петербургѣ Лопухина, Лобойко обратился къ его замѣстителю М. М. Сперанскому, сдѣлалъ ему докладъ, вручилъ свою записку со свѣдѣніями о дѣятельности Комитета, а также представилъ и ту часть статутоваго текста, которая была выправлена Комитетомъ. По словамъ Лобойки, Сперанскій „mile“ принялъ его докладъ и, возвращая черезъ нѣкоторое время представленную ему часть статутоваго текста, выразилъ свое признаніе цѣнности трудовъ Комитета. Что же касается составленной Лобойкою записки, то Сперанскій обѣщалъ ее внести на обсужденіе Коммиссіи Составленія Законовъ. Но резолюція ея задержалась. Въ засѣданіи 26 октября Комитетъ въ виду того, что прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени

подачи Лобойкою своей записки Сперанскому, призналъ невозможнымъ продолжать свои работы по прежнему ихъ плану. Онъ въ этомъ засѣданіи постановилъ выработать новый планъ на основаніи указаній, сдѣланныхъ Сперанскимъ Лобойкѣ устно. Въ засѣданіи 2 ноября новый планъ занятій былъ въ Комитетъ представленъ и имъ обсужденъ. Его было постановлено представить въ Коммиссію Составленія Законовъ, вмѣстѣ съ копіею записки Лобойки, врученной лѣтомъ 1823 года Сперанскому.

Такимъ образомъ, Комитету при Виленскомъ Университетѣ не пришлось закончить дѣла выработки исправленнаго текста Литовскаго Статута и его перевода на новый русскій литературный языкъ. Задача эта была выполнена уже въ Петербургѣ, образованной въ 1828 году особой Коммиссіей при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія подъ предсѣдательствомъ Демчинскаго. Эта Коммиссія, основываясь на авторитетѣ Линде, признала оригинальнымъ текстомъ Третьяго Статута текстъ русскій по Мамоничскому его изданію 1588 года. Министръ Народнаго Просвѣщенія, князь Ливенъ запросилъ бывшаго уже въ то время профессоромъ Московскаго Университета Даниловича объ его мнѣніи относительно этого. И Даниловичъ также призналъ нужнымъ именно старый оригинальный русскій текстъ Статута по его Мамоничскому изданію перевести на новый литературный русскій языкъ. Коммиссія, образованная въ Петербургѣ въ 1828 году, и исполнила возложенную на нее задачу въ 1831 году послѣ трехлѣтней упорной работы[1]).

Мы не знаемъ о томъ, не было ли какой либо связи несообщенія Коммиссіей Составленія Законовъ Комитету при Виленскомъ Университетѣ своего отвѣта на записку Лобойки съ тѣмъ дѣломъ, которое возникло въ этомъ Университетѣ по поводу обнаруженія революціоннаго движенія въ средѣ его сту-

---

1) См. объ этомъ А. Э. Нольде, op. cit., стр. 80-81. Копія съ Мамоничскаго изданія оригинальнаго русскаго текста Статута, о которой говоритъ А. Э. Нольде на основаніи указаній Архива Гос. Совѣта (op. cit., стр. 79, прим. 2), хранилась въ Библіотекѣ Госуд. Совѣта подъ сигнатурой А. 2. № 7. См. о ней выше, стр. 469-470, прим. 8. Въ той же Библіотекѣ хранилась и копія съ Мамоничскаго изданія русскаго текста Трибунала (сигнатура А. 2. № 20). Послѣ окончанія текста въ этой рукописи приписка: „Съ печатнымъ вѣрно: Статскій Совѣтникъ Анастасевичъ. СПБ. 1825, 20 апрѣля“.

денчества. Къ этому дѣлу, какъ извѣстно оказались привлеченными Лелевель и Даниловичъ, входившіе въ составъ Комитета. Но изъ протоколовъ Комитета видно, что оба они перестали участвовать въ его засѣданіяхъ съ осени 1823 года. Протоколы засѣданій 23 и 26 октября и 2 ноября подписаны только Зноской, Лобойкой и Контрымомъ, хотя въ нихъ и обозначалось, что въ засѣданіяхъ присутствовали „członkowie wszyscy".

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что „Комитетъ для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литовскаго Статута", учрежденный при Виленскомъ Университетѣ, оказалъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе изученія Третьяго Литовскаго Статута. Своей прямой задачи выполнить онъ не успѣлъ. Положивъ въ основу своей работы переводный польскій текстъ Статута, а не русскій оригинальный текстъ его, получившій законодательную санкцію въ 1588 году, конечно, Комитетъ допустилъ крупную ошибку въ дѣлѣ возстановленія „аутентичнаго", какъ онъ выражался, текста кодекса. Эта ошибка должна была, несомнѣнно, отразиться на цѣнности всей его работы, еслибы она была доведена до конца. Но въ деталяхъ своихъ работа Комитета заслуживаетъ безусловно полнаго признанія. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ онъ привлекалъ къ ней различныя, отчасти уже забытыя изданія Статута и его рукописи, притомъ не только подлежавшаго непосредственно его изученію Статута Третьяго, но и Второго и Перваго. Многое въ этой области въ извѣстность онъ привелъ впервые. Кромѣ того онъ далъ замѣтный толчокъ къ появленію новыхъ изслѣдованій въ области изученія Литовскаго Статута и старой библіографіи, и намъ придется еще въ слѣдующей главѣ настоящаго нашего изслѣдованія остановиться на этомъ значеніи Комитета. Отмѣтимъ пока лишь то, что труды Даниловича въ этой области въ значительной степени были вызваны именно его участіемъ въ работахъ Комитета. Можно предполагать, что и извѣстный трудъ Лелевеля „Bibljograficznych ksiąg dwoje", первый томъ котораго вышелъ въ 1823-мъ, а второй въ 1826-мъ годахъ, также былъ написанъ имъ подъ вліяніемъ интереса, возбужденнаго у него именно этимъ Комитетомъ.

Работы Комитета при Виленскомъ Университетѣ имѣли дѣло съ Литовскимъ Статутомъ какъ съ кодексомъ дѣйствующаго права въ части губерній Россійской Имперіи. Не законченныя имъ, онѣ продолжались въ Санктпетербургѣ. Отъ изу-

ченія ихъ на настоящихъ страницахъ насъ освобождаетъ не разъ уже цитированная нами прекрасная книга барона А. Э. Нольде, которая съ ними детально знакомитъ. Въ 1840 году Литовскій Статутъ утратилъ значеніе свода дѣйствующихъ законовъ, въ силу указа, даннаго 25 іюня этого года Сенату. Этимъ указомъ было предписано „отнынѣ впредь, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской и Гродненской и въ области Бѣлостокской, всякое дѣйствіе Статута Литовскаго и всѣхъ на основаніи сего Статута, или въ дополненіе къ оному изданныхъ Сеймовыхъ Конституцій и иныхъ постановленій прекратить, замѣнивъ ихъ общими Россійскими узаконеніями“[1]). Рядъ постановленій артикуловъ Литовскаго Статута былъ рецепированъ въ общее законодательство Россійской Имперіи. Но изученіе этой рецепціи уже не входитъ въ нашу задачу. Самъ же Третій Литовскій Статутъ послѣ 1840 года, потерявъ значеніе дѣйствующаго въ практическомъ примѣненіи кодекса, сталъ предметомъ уже только историческаго или историко-юридическаго научнаго изученія. Къ исторіи этого изученія мы и должны будемъ теперь обратиться, въ слѣдующей главѣ нашего изслѣдованія.

---

[1]) Полное Собр. Законовъ, № 13591. Ср. А. Э. Нольде, op. cit., стр. 249 и сл.

Глава VII.

Научное изученіе Литовскаго Статута 1588 года.

Тадеушъ Чацкій и его трудъ „O Litewskich i Polskich Prawach“. Неправильности и искаженія дѣйствительности, внесенныя этимъ трудомъ въ изученіе Третьяго Статута. Разрушеніе заблужденій Чацкаго въ области исторіи польскаго права и сохраненіе ихъ надолго въ области дальнѣйшаго изученія Литовскаго Статута 1588 года. Открытіе В. С. Сопиковымъ Мамоничскаго изданія оригинальнаго русскаго текста Третьяго Статута. С. Б. Линде. И. Б. Раковѣцкій. Комитетъ для исправленія Санктпетербургскаго изданія Статута, учрежденный при Виленскомъ Университетѣ. А. Повстанскій. Развитіе библіографическаго изученія Третьяго Статута въ русской литературѣ. Развитіе славяновѣдѣнія и введеніе Литовскаго Статута въ ряды славянскихъ законодательныхъ памятниковъ. В. А. Мацѣёвскій. Я. В. Бандтке. И. Н. Даниловичъ. І. Ярошевичъ. Результаты изученія Литовскаго Статута къ серединѣ XIX столѣтія. Начало изученія Литовскаго Статута, какъ законодательнаго памятника, въ русской научной литературѣ. Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Литовскій Статутъ. В. М. Строевъ, Ѳ. Л. Морошкинъ и Н. Г. Устряловъ. Традиція признанія Литовскаго Статута своимъ сводомъ законовъ въ русскихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго. Я. Ѳ. Головацкій и М. А. Максимовичъ. Статья въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1838 г. и статья Даниловича, вышедшая въ 1841 году. Изданіе Перваго Статута Дзялынскимъ и всѣхъ трехъ Статутовъ, а также и Трибунала, Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Успѣхи изученія вліянія Литовскаго Статута на Московское законодательство. Разработка русскими изслѣдователями права и исторіи Литовскихъ Статутовъ. Ѳ. И. Леонтовичъ и М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Выясненіе значенія Литовскаго Статута для исторіи русскаго права. Изученіе статутоваго права и его источниковъ русскими учеными. Фр. Пѣкосинскій и О. Бальцеръ. Я. Якубовскій. Представленія о Литовскомъ Статутѣ въ польской литературѣ последняго времени. Успѣхи монографическаго изученія Третьяго Литовскаго Статута въ XX столѣтіи.

Начало научному изученію Литовскихъ Статутовъ было положено на рубежѣ XVIII-го и XIX-го столѣтій трудомъ Тадеуша Чацкаго „O Litewskich i Polskich Prawach, o ich duchu, źrzódłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 roku wydanym“, вышедшимъ въ свѣтъ въ Варшавѣ

въ 1800-1801 годахъ и дважды затѣмъ переизданнымъ[1]). Первоначальною задачею, которую ставилъ себѣ Чацкій, являлся комментарій къ экземпляру Статута 1529 года, подаренному ему королемъ Станиславомъ Августомъ[2]). Но, входя въ изученіе Перваго Статута, онъ не ограничился сравненіемъ его текста съ текстами Второго и Третьяго Статутовъ, но далъ и цѣлый рядъ изслѣдованій отдѣльныхъ вопросовъ, которые являлись у него въ процессѣ его работы. Вопросовъ же этихъ оказалось такъ много, что задуманный комментарій получилъ характеръ „niesystematycznéj encyklopedyi wszystkich umiejętności polityczno-prawnych, zakreślonemu planowi i tytułowi dzieła nieodpowiedniéj", какъ характеризовалъ трудъ Чацкаго польскій историкъ права во второй половинѣ XIX столѣтія[3]). Эту характеристику едва ли возможно не признать правильною. А если это такъ, то недостатки работы „O Litewskich i Polskich Prawach" уже опредѣляются такимъ ея характеромъ. Чацкій въ процессѣ писанія ея заинтересовывался отдѣльными вопросами, такъ или иначе связанными съ Литовскимъ Статутомъ, и дѣлалъ экскурсы въ различныя области исторіи права и культуры Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Случайность возникновенія этихъ экскурсовъ соединялась и со случайностью матеріала, которымъ располагалъ для нихъ авторъ. Знанія его въ области затронутыхъ имъ темъ далеко не были равномѣрны. Какъ говоритъ Юліанъ Бартошевичъ, Чацкій „pisał o wszystkiem, i o tém co rozumiał i o tém czego nierozumiał.... Jest to nic innego tylko wydanie statutu litewskiego, który autor chciał objaśnić. Ale w tych objaśnieniach prawa, wszystko jest oprócz samego prawa.... Byle słówko statutu daje mu zaraz powód do rozpisywania się częstokroć o przedmiocie innym, jaki w daném miejscu traktuje, i byle słówko zbija go znowu z tropu na manowce i popycha do innych przedmiotów.... Wszystko to dowodzi wielkiego nieładu w głowie i wszelkiego braku systematyzo-

---

[1]) Второе изданіе было выпущено въ Познани графомъ Эдуардомъ Рачинскимъ въ первыхъ двухъ томахъ собранія сочиненій Чацкаго (Dzieła Tadeusza Czackiego), вышедшихъ въ 1844 году. Третье изданіе — въ Краковѣ въ 1861 году (Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, Nakładem Drukarni „Czasu").

[2]) Ср. Alex. Kraushar, Uwagi nad historyą prawa (Warszawa, 1868), str. 118.

[3]) Тамъ же, стр. 119.

wania. Czackiego wiadomości nie trzymały się kupy; był to uczony, który sam nie miał jasnego wyobrażenia o tém co wiedział, i stąd nikogo nic nie nauczył, bo jeżeli Czacki wyjaśnił jaki szczegół, za to żadnego na rzecz, i na całość nie dawał poglądu"[1]). Но къ своему суровому отзыву о Чацкомъ, какъ ученомъ, Бартошевичъ добавилъ, что онъ, однако, и самъ въ себя вѣрилъ и вѣрили въ него другіе. Причина послѣдняго была, конечно, не только въ неразработанности въ то время исторіи польскаго и литовскаго права, но и въ личности Чацкаго. Самъ Бартошевичъ отмѣчаетъ: „wszakże zasługi jego nie są tak literackie, jak obywatelskie"[2]).

И въ самомъ дѣлѣ Тадеушъ Чацкій занимаетъ видное мѣсто въ ряду польскихъ національныхъ дѣятелей рубежа XVIII-го и XIX-го столѣтій. Онъ выдвинулся еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка какъ общественный дѣятель. Послѣ раздѣловъ Польско-Литовской Речи Посполитой Чацкій былъ энергичнымъ сотрудникомъ князя Адама Чарторыйскаго, какъ куратора Виленскаго Учебнаго Округа, работая на Волыни для закрѣпленія въ ней польской національной идеи. Его заслуги въ этомъ отношеніи признавались и признаются въ польской литературѣ. Онѣ въ ней занимаютъ первое мѣсто. Въ серію біографій „славныхъ поляковъ" вошла и біографія Чацкаго, ибо, какъ поясняетъ ея авторъ, „w żywej pamięci narodu, przechowującej imiona tych, co go sławą okryli lub dobra mu przysporzyli, staje Czacki jako gorliwy wizytator szkół na Rusi, jako śmiały i rozumny twórca gimnazyum wołyńskiego i połączonych z niem zakładów, jako rozszerzyciel oświaty naszej na Wołyniu, Podolu i Ukrainie, jako światły obrońca „zdobyczy pługa polskiego"[3]). Особенное выдѣленіе заслугъ Чацкаго въ области организаціи школы въ юго-западныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи и утвержденія въ ней національно-польскаго направленія ясно замѣчается и въ польской литературѣ по поводу столѣтія смерти Чацкаго, которое въ ней было отмѣчено въ 1913 году. О немъ, какъ о дѣятелѣ школы, тогда появил-

---

[1]) Juljan Bartoszewicz, Historja Literatury Polskiej potocznym sposobem opowiedziana (Warszawa, 1861), str. 451.

[2]) Тамъ же, стр. 451-452.

[3]) Życiorysy sławnych polaków Nr. 10. Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza. Zarys biograficzny przez Piotra Chmielowskiego (Petersburg, 1898). Str. 3-4.

ся цѣлый рядъ работъ польскихъ авторовъ. Но о значенiи его въ развитiи разработки исторiи польскаго и литовскаго права можетъ быть отмѣчена лишь статья профессора Домбковскаго[1]).

Конечно, мы не можемъ входить въ изученiе дѣятельности Тадеуша Чацкаго какъ дѣятеля школы. Не можемъ входить въ оцѣнку ея и съ точки зрѣнiя не польскаго нацiональнаго дѣла, а реальныхъ интересовъ населенiя, среди котораго эта школа организовывалась, и его нацiональныхъ правъ какъ не польскаго по своей народности. Отмѣтимъ лишь, что въ литературѣ русской она получила далеко не сходную съ польскою оцѣнку. На настоящихъ страницахъ мы должны постараться выяснить лишь сдѣланное Чацкимъ для изученiя Литовскаго Статута. И приведенное нами для уясненiя его личности какъ польскаго нацiональнаго дѣятеля, польскаго „обывателя", по выраженiю Бартошевича, поможетъ намъ разобраться и въ его представленiяхъ о Литовскомъ Статутѣ 1588 года.

Происхожденiе Третьяго Литовскаго Статута Чацкiй считалъ тѣсно связаннымъ съ Люблинскою Унiею. Онъ писалъ: „Ten związek wymagał niektórych w statucie odmian. Kommisarze zatem do rewizyi statutu zostali wyznaczeni. Odtąd pracowano nad trzecim statutem"[2]). Чацкiй затѣмъ указываетъ, что дѣломъ Третьяго Статута занимались при короляхъ Генрихѣ и Стефанѣ, но дѣлаетъ это въ достаточно неясныхъ выраженiяхъ, а по отношенiю къ Генриху даже и невѣрно: „Henryk ledwo zaczął panować, opuścił Polskę. Podano mu księgę statutu, powtórnie żądała Litwa przejrzeć to dzieło. Król na to pozwolił. Za Stefana najpierwéj w Nowogrodku, potem w Warszawie 1578 roku, rozważono jeszcze ten zbiór ustaw. Zdaje się, że odtąd nic niedodano, aż do początku panowania Zygmunta III-go, który władzą sejmową ten statut 1588 roku, 30 Stycznia do wykonania państwu litewskiemu podał"[3]). Такимъ образомъ, представленiе на сеймѣ коронацiи Генриха одного статутоваго артикула на утвержденiе Чацкiй понимаетъ какъ новую просьбу Великаго Княжества Литовскаго объ исправленiи будто бы представленной имъ ему „книги Статута". Что же касается времени Сте-

---

1) Prz. Dąbkowski, Tadeusz Czacki jako prawnik (Przegląd Prawa i Administracji, r. 1913).

2) Dzieła Tadeusza Czackiego, t. I (Poznań, 1844), str. 9.

3) Ibidem, str. 9-10.

фана Баторія, то Чацкій не только далекъ отъ попытки собрать свѣдѣнія о работѣ надъ „поправою“ кодекса, производившейся въ то время въ государствѣ Литвы, но даже не знаетъ объ утвержденіи нѣкоторой части ея на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года. Изъ Варшавскихъ сеймовъ, занимавшихся дѣломъ „поправы“ Литовскаго Статута, онъ упоминаетъ только сеймъ 1578 года, хотя и конституціи сейма 1581 года были напечатаны въ томъ же томѣ Voluminum Legum, изъ котораго онъ вообще почерпалъ свои свѣдѣнія о положеніи дѣла съ исправленіемъ Статута въ царствованіе короля Стефана. Знаетъ Чацкій о томъ, что на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года и на Городенскомъ 1568 года производилось дополненіе Второго Статута новыми узаконеніями, но всю эту работу онъ понимаетъ лишь какъ подготовку къ соединенію Литвы съ Польшею по Люблинской Уніи 1569 года[1]).

Люблинскую Унію Чацкій представлялъ себѣ совершенно такъ, какъ ее представляла современная ему польская національно-политическая мысль круговъ, которые группировались около князя Адама Чарторыйскаго. Литва была слита въ 1569 году съ Польшею въ единое цѣлое — учила эта мысль[2]). И Чацкій внушаетъ своему читателю, что Люблинскій сеймъ не только постановилъ упраздненіе противорѣчащихъ Люблинской Уніи артикуловъ Литовскаго Статута, но что и въ дѣйствительности они были изъ него изъяты. Чацкій считаетъ даже возможнымъ указать при разборѣ текста Статута эти артикулы[3]). Приведя содержаніе второго артикула третьяго раздѣла Статута 1529 года, говорящаго объ обязанности монарха вернуть въ составъ Великаго Княжества Литовскаго всѣ земли, отъ него оторванныя, Чацкій по поводу его пишетъ: „...w statucie dru-

---

[1]) „Obiecana przez wszystkich królów z familii Jagiellonów Litwy z Polską unia, pracą Zygmunta Augusta, a bojaźnią rozerwania dwóch narodów jedności po śmierci bezpotomnego króla dochodziła naznaczonego końca. Jeszcze naród litewski w 1566 roku w Brześciu pisał dla siebie dodatki do statutu, a król je potwierdził. Sejm w Grodnie zebrany 1568 roku, ostatni raz za tego panowania, samėj Litwie pisał prawa. Nakoniec zwołany Sejm w Lublinie 1568 roku zaczęty, a 1569 skończony, dokonał wiecznego przymierza między Litwą a Polską“. Ibidem, str. 9.

[2]) См. выше, часть первая, стр. 298-299.

[3]) „W ciągu rozbioru statutu okazane będą warunki unii przeciwne, które sejm lubelski zniszczył, uchylenie tych warunków przygotowywano na zjazdach w Bielsku i Parczowie“. Str. 9, nota 13.

gim artykule 3 dodano, że ku Koronie, ku Mazowszowi i innym ziemiom, Litwa niebędzie oderwana. Kiedy zaś unia 1569 roku wcieliła te województwa do Korony, wtenczas ten artykuł, jako przeciwny traktatowi obydwóch narodów opuszczony został"[1]). Въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше[2]), въ Третьемъ Статутѣ отнюдь не былъ пропущенъ этотъ артикулъ. Въ немъ былъ лишь пропущенъ перечень странъ, къ которымъ были разобраны нѣкоторыя земли Великаго Княжества Литовскаго. Но обязательство монарха вернуть ихъ всѣ ему было сохранено въ артикулѣ въ полной силѣ, при чемъ не было сдѣлано никакой оговорки по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя были оторваны отъ государства Литвы къ Польшѣ въ 1569 году.

Касательно третьяго („Мы, господаръ, обѣцуемъ розмножати Великое Князство Литовское, а што бы розобрано и одышло зась ку нему привернути") и девятаго („Ижъ достоенствъ, врядовъ, въ дѣдицтво чужоземцомъ давано быти не маеть") артикуловъ третьяго раздѣла Статута 1566 года Чацкій замѣчаетъ: „Kiedy miała unia następować, Polacy, jak dyaryusz sejmu 1569 roku na karcie 37 świadczy, żądali uchylenia 3 i 9 artykułu drugiego statutu, którym sejmy dla Litwy oddzielne, były nakazane: po długich sporach tegoż roku 1569. V. L. 2, pag. 777, Warszawę na miejsce wspólnych sejmów wyznaczono"[3]). По всей вѣроятности, по отношенію указанія на третій артикулъ въ данномъ примѣчаніи Чацкаго имѣется простой недосмотръ, и надо думать, что авторъ имѣлъ въ виду шестой артикулъ Второго Статута „О сойму вальномъ". О третьемъ артикулѣ къ тому же онъ говорилъ уже выше, какъ мы это видѣли. Чацкій не выражаетъ совершенно опредѣленно въ только что приведенной нами цитатѣ, что этотъ и девятый артикулы были отмѣнены на Люблинскомъ сеймѣ Уніи, а указываетъ лишь на требованіе ихъ отмѣны, предъявленное поляками. Однако уже отмѣченное нами его намѣреніе обозначать при разборѣ Статута отмѣну его артикуловъ, противорѣчащихъ Люблинской Уніи, заставляетъ думать, что именно ее онъ отмѣчалъ и въ данномъ случаѣ. Что касается девятаго артикула Статута 1566 года, говорящаго о неравенствѣ правъ „чужоземцовъ", „загра-

---

1) Str. 267, nota 136.
2) Стр. 103-105.
3) Str. 297, nota 169.

ничниковъ“ и „сусѣдовъ“ Великаго Княжества Литовскаго съ „Литвою и Русью, родичами старожитными и врожонцами Великого Князства Литовского“, то Чацкій его также относитъ къ постановленіямъ относительно сейма и не вскрываетъ его подлиннаго содержанія. Такимъ образомъ, онъ скрылъ отъ своихъ читателей сохраненіе въ Третьемъ Статутѣ тѣхъ ограниченій въ правахъ для поляковъ, которыя были утверждены Статутомъ 1566 года и которыя отмѣняли постановленіе договора Уніи 1569 года. Если сопоставимъ это съ тѣмъ, что мы отмѣтили, изучая его искажающее дѣйствительность замѣчаніе объ отмѣнѣ въ Третьемъ Статутѣ артикула Второго, говорящаго объ обязанности монарха вернуть государству Литвы оторванныя отъ него къ другимъ государствамъ земли, то должны будемъ признать, что Чацкій или не замѣчалъ, или не хотѣлъ отмѣчать противорѣчій Статута 1588 года постановленіямъ Люблинской Уніи. Увѣренность въ томъ, будто бы въ Литовскій Статутъ были внесены измѣненія въ исполненіе постановленій Люблинской Уніи, Чацкій внушалъ своимъ читателямъ и въ другомъ своемъ трудѣ „Obraz panowania Zygmunta Augusta“. Въ немъ, совершенно искажая историческую дѣйствительность рѣшительно въ каждомъ изъ своихъ утвержденій о Литовскихъ Статутахъ, Чацкій писалъ: „Statut Litewski naprzód za Zygmunta I po łacinie, od uczonych pod przewództwem Gastolda wojewody Wileńskiego był pisany, za Zygmunta Augusta poprawiony, po polsku i rusku wydany, pod czas Unii 1569 r. dwa rozdziały nie zgodne z obecnym w ówczas stanem, przemienione“ [1]).

Не можетъ быть, однако, сомнѣнія въ томъ, что Чацкій производилъ сличеніе текста всѣхъ трехъ Литовскихъ Статутовъ, когда работалъ надъ своимъ трудомъ „O Litewskich i Polskich prawach“. Почему же онъ совершилъ такое искаженіе постановленій Третьяго Статута, который имѣлъ передъ своими глазами? Случиться это могло по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, Чацкій, увѣренный въ томъ, будто Люблинская Унія слила Литву съ Польшею въ единое государственное цѣлое и будто договоръ этой Уніи цѣликомъ осуществился въ направленіи традиціонно-польскаго его пониманія, не вчитывался сколько-нибудь внимательно въ артикулы Третьяго Статута, не ожидая

---

1) Dzieła T a d e u s z a C z a c k i e g o, t. III (Poznań, 1845), str. 555-556, nota 53.

найти въ нихъ ничего, противорѣчащаго этому договору. Вмѣсто того, что въ дѣйствительности стояло въ соотвѣтствующихъ артикулахъ Статута 1588 года, онъ подставлялъ то, что въ нихъ стоять было бы должно согласно его убѣжденію въ осуществленіи традиціонно-польскаго пониманія Люблинской Уніи. Но не исключена возможность и другого объясненія искаженія, совершеннаго по отношенію къ Третьему Статуту Чацкимъ. Польскій націоналистъ и энергичный охранитель „zdobyczy pługa polskiego“, онъ могъ рѣшиться на то, чтобы затушевать противорѣчащія традиціонно-польскимъ представленіямъ о сліяніи Литвы съ Польшею во-едино постановленія Третьяго Литовскаго Статута. Но какія бы ни были причины искаженія Чацкимъ этихъ постановленій, это искаженіе имъ было сдѣлано. Онъ не давалъ своего толкованія нѣкоторымъ статутовымъ текстамъ, а просто на мѣсто ихъ дѣйствительнаго содержанія поставилъ другое. Само собою разумѣется, что пониманіе и толкованіе текста иногда можетъ очень значительно различаться у различныхъ лицъ, его изучающихъ. Но, конечно, сохраненіе этого текста въ неприкосновенности одинаково обязательно для всѣхъ нихъ. Этого мы не находимъ у Чацкаго. И искаженіе имъ статутовыхъ текстовъ имѣло самыя тяжелыя послѣдствія для дальнѣйшаго научнаго изученія Третьяго Литовскаго Статута.

Кромѣ прямого искаженія текста Статута 1588 года, Чацкій внесъ въ изученіе этого кодекса и цѣлый рядъ совершенно невѣрныхъ представленій. Таковыми явились уже отмѣченныя нами его утвержденія, будто составленіе Третьяго Статута было вызвано постановленіемъ Люблинскаго сейма Уніи въ цѣляхъ реализаціи постановленій послѣдней, будто послѣ 1578 года въ статутовую „поправу“ не было внесено ничего новаго, будто короля Генриха Великое Княжество Литовское просило объ исправленіи своего Статута, въ то время какъ его „поправа“ въ дѣйствительности уже совершалась. Неправильныя представленія Чацкаго объ утвержденіи Статута 1588 года властью сейма коронаціи Сигизмунда Вазы, о введеніи польскаго текста Статута въ дѣйствіе сразу послѣ утвержденія кодекса, о несуществованіи изданія русскаго текста Статута въ Мамоничской типографіи, о переводѣ Львомъ Сапѣгою Третьяго Статута съ русскаго на польскій языкъ — нами уже были разсмот-

рѣны раньше[1]). Прибавимъ ко всему этому представленія Чацкаго о томъ, что Литва составляла съ Польшею единое цѣлое, что изученіе законодательства государства первой не должно быть отдѣляемо отъ изученія законодательства второй, что происхожденіе этого законодательства ведетъ свое начало отъ обычаевъ и преданій сѣверныхъ народовъ и германцевъ[2]). Количество внесенныхъ Чацкимъ въ научную литературу совершенно невѣрныхъ положеній велико чрезвычайно. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что нелегко найти въ этихъ положеніяхъ хотя бы немногое, могущее быть признаннымъ правильнымъ при современномъ состояніи научнаго изслѣдованія.

Первое время послѣ своего выхода въ свѣтъ трудъ Чацкаго „O Litewskich i Polskich prawach" пользовался величайшимъ авторитетомъ. И не только неразработанность исторіи польскаго и литовскаго права, но и авторитетность личности автора были того причиною. Однако, лишь только началась научная разработка вопросовъ, которыхъ касался Чацкій, началась и жестокая критика выдвинутыхъ имъ положеній. Ученые среднихъ десятилѣтій XIX столѣтія не только ихъ критиковали и разрушали, но и высказывали большое раздраженіе, вдумываясь въ имъ написанное. Извѣстно хорошо отношеніе Лелевеля къ Чацкому какъ научному работнику. По выраженію Бобржинскаго, ученіе Чацкаго о норманскомъ происхожденіи польскаго права „prysnęło dopiero pod młotem Lelewela", который выводилъ его изъ старыхъ славянскихъ общественной организаціи и обычнаго права[3]). Мацѣёвскій добавилъ къ высказанному Лелевелемъ о положеніяхъ и способѣ работы Чацкаго какъ историкъ-юристъ. Онъ писалъ, между прочимъ: „Przez literaturę starożytną usposobił się na krytyka Naruszewicz, Czacki powinien się był na takiegoż przez prawo rzymskie ukształcić, lecz nie ukształcił się wcale ..... Cóż więc uczynił? Obrał sobie za przewodnika Monteskiusza, który więcéj ruchu i dążności towarzystw społeczeńskich badał krytycznie, aniżeli się systematem organiza-

---

1) См. выше, стр. 241 и сл., 314 и сл. и часть первая, стр. 462 и сл.

2) „prawa litewskie w statutach zawarte, mają źródło w prawach, zwyczajach i tradycyach narodów północnych i Germanów". Str. 63.

3) Michał Bobrzyński, Szkice i studja historyczne, t. II (Kraków, 1922), str. 315.

cyi ich politycznéj zajmował“. Ни научной школы, ни таланта, которыми обладалъ Монтескье, у Чацкаго не было. Вмѣстѣ съ Лелевелемъ Мацѣёвскій удивляется пріемамъ работы Чацкаго, который могъ „ani ducha litewskiego prawa nie zbadać, ani jego źrzódła najdawniejszego nie odkryć“. Сравнивая Чацкаго съ избраннымъ имъ для себя образцомъ, Мацѣёвскій прибавляетъ: „Wszystko to inaczej u Monteskiusza wygląda“[1]).

Разработка исторіи польскаго права сдѣлала крупные успѣхи уже въ первой половинѣ XIX столѣтія, и слѣды заблужденій Чацкаго въ ней были заметены скоро. Инымъ оказалось дѣло по отношенію къ праву литовскому и, въ частности, къ Литовскому Статуту 1588 года. Искаженія содержанія статутовыхъ артикуловъ, формулировавшихъ основные законы государства Литвы, ученіе объ утвержденіи Третьяго Статута властью сейма, положеніе объ изданіи его польскаго текста сразу послѣ его утвержденія съ сомнѣніемъ въ существованіи печатнаго изданія текста русскаго, ученіе о происхожденіи Статута 1588 года въ силу постановленія Люблинскаго сейма Уніи и о реализаціи имъ въ своихъ артикулахъ постановленій послѣдней, представленіе о полномъ сліяніи литовскаго права съ польскимъ во-едино и другія искаженія дѣйствительности и фактовъ — все это, тяжелою глыбою положенное Чацкимъ на путь научной разработки литовскаго права и Литовскаго Статута, для возможности ея правильнаго и успѣшнаго развитія должно было быть съ этого пути убрано. И глыба заблужденій и искаженій, внесенныхъ Чацкимъ въ изученіе Третьяго Литовскаго Статута, начала раскалываться трудомъ научныхъ изслѣдователей и библіографовъ. Но для этой работы потребовалось больше столѣтія времени. А нѣкоторыя изъ искаженій и заблужденій Чацкаго продолжаютъ сохраняться даже въ части новѣйшей литературы.

Начало возстановленія исторической дѣйствительности въ области изученія Третьяго Литовскаго Статута было положено въ 1813 году трудомъ В. С. Сопикова „Опытъ Россійской Библіографіи“[2]). Сопиковъ открылъ совершенно забытое первое

---

[1]) Historya Prawodawstw Słowiańskich przez Wacława Alexandra Maciejowskiego. Wydanie drugie. Tom I (Warszawa, 1856), str. 362-364.

[2]) Объ этомъ трудѣ Сопикова см. выше, стр. 363-364.

Мамоническое изданіе русскаго текста Статута и тѣмъ разрушилъ предположеніе Чацкаго, будто бы его не существовало. Но Сопиковъ не только открылъ это изданіе. Его „Опытъ Россійской Библіографіи“ далъ первый толчокъ развитію научнаго изученія Третьяго Статута. Этому развитію начало было положено превосходнымъ для своего времени трудомъ Самуила Богумила Линде „O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym Wiadomość“, вышедшимъ въ Варшавѣ въ 1816 году. Происхожденіе этой книги тѣсно связано съ „Опытомъ Россійской Библіографіи“ Сопикова. Именно онъ вызвалъ ея появленіе[1]).

Въ своемъ трудѣ „O Statucie Litewskim“, послѣ предисловія, Линде даетъ такого содержанія главы: 1) описаніе русскаго изданія, 2) о письмѣ и языкѣ Статута, 3) исторія трехъ Статутовъ Литовскихъ, 4) сравненіе оригинальнаго русскаго текста Статута съ его польскими изданіями и съ новымъ русскимъ переводомъ въ изданіи 1811 года, 5) предположенія о томъ, что слѣдуетъ дѣлать дальше для научнаго изученія Статута[2]). За этими пятью главами слѣдуютъ пять прибавленій[3]), двѣ страницы, на которыхъ авторъ высказалъ собственное мнѣніе о своемъ трудѣ[4]), и списокъ приведенныхъ въ текстѣ выдержекъ изъ Статута, расположенныхъ въ порядкѣ его раздѣловъ и артикуловъ[5]). Книга Линде уже давно получила высокую, вполнѣ

---

[1]) См. выше, стр. 364-365.

[2]) Rozdział I. Opis Ruskiego wydania (стр. 4-10). Rozdział II. O Piśmie i Języku tegoż Statutu (стр. 11-19). Rozdział III. Historya trzech Statutów Litewskich i o Polskich wydaniach trzeciego (стр. 20-83). Rozdział IV. Ciąg porównywań textu Ruskiego z wydaniami Polskiemi i z tłumaczeniem Rossyyskiem (стр. 84-154). Rozdział V. Wnioski: co daléy czynić wypada (стр. 155-158). На стр. 158-165 примѣчаніе, въ которомъ напечатано письмо Льва Сапѣги къ Іосафату Кунцевичу отъ 12 марта 1622 года.

[3]) Dodatek I. O exemplarzu Ruskim w Grodnie i w Wilnie (стр. 166-167). Dodatek II. O wydaniu Polskiem roku 1588 (стр. 167-174). Dodatek III. O Polskiem wydaniu Statutu Litewskiego za Jana III (стр. 175-180). Dodatek IV. O rękopiśmie pierwszego Statutu Litewskiego, w zbiorze ś. p. Czackiego (стр. 180-185). Dodatek V. O rękopismach Statutu w bibliotece Puławskiéy (стр. 186-218).

[4]) Własne zdanie o moiém piśmie (двѣ страницы, безъ пагинаціи).

[5]) Spis przywiedzionych z Statutu mieysc, ułożony podług iego porządku, rozdziałów i artykułów — въ видѣ таблицы, занимающей четыре страницы (безъ пагинаціи).

заслуженную оцѣнку[1]). Для своего времени онъ дѣйствительно образцово выполнилъ задачу описанія и библіографическаго изученія Статута 1588 года въ его первомъ Мамоничскомъ изданіи. Но онъ въ то же время нѣсколько вошелъ и въ исторію этого кодекса. Къ своему труду онъ приложилъ и двѣ таблицы снимковъ съ экземпляра Статута, принадлежавшаго графу Суходольскому, сдѣланныхъ отъ руки воспитанникомъ пятаго класса Варшавскаго Лицея Антоніемъ Ганномъ и воспроизведенныхъ литографскимъ способомъ.

Положивъ своею книгою начало научному изслѣдованію Третьяго Литовскаго Статута въ его первомъ Мамоничскомъ изданіи, Линде высказалъ пожеланіе, чтобы для дальнѣйшей успѣшной работы надъ нимъ было сдѣлано: 1) новое, критическое изданіе русскаго оригинала Статута 1588 года, съ привлеченіемъ для него рукописей, которыя могутъ гдѣ либо найтись, а также польскихъ его изданій и новаго русскаго изданія (т. е. 1811 года) и, наконецъ, Русской Правды; 2) на основаніи этого критическаго изданія самымъ тщательнымъ образомъ исправить польскій переводный текстъ Статута, передавая въ немъ точно не только понятія, но и стиль въ словахъ и фразахъ, а также разстановку знаковъ препинанія; 3) присоединить къ тексту Статута указатель-словарь терминовъ и выраженій его, наиболѣе трудныхъ для пониманія[2]). Въ этихъ пожеланіяхъ передъ Линде стояло не только научное значеніе Третьяго Статута, но и его значеніе практическое, какъ дѣйствовавшаго тогда кодекса въ западныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи.

Съ Линде и его книгою „O Statucie Litewskim“ тѣсно связанъ трудъ другого польскаго ученаго, а именно Игнатія Бенедикта Раковѣцкаго, вышедшій въ Варшавѣ въ 1820—1822 годахъ. Заглавіе этого труда слѣдующее: „Prawda Ruska czyli Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież Traktaty Olga y Igora ww. xx. Kiiowskich z cesarzami Greckimi y Mścisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których Texta, obok z Polskiém tłómaczeniem poprzedza Rys Historyczny zwyczaiów, obyczaiów, religiy, praw y języka dawnych Słowiańskich y Słowiańsko-Ruskich narodów. Przez I. B. Rakowiec-

---

[1]) Эта оцѣнка была дана сразу — см. Pamiętnik Warszawski 1817, VI (рецензія редактора) и труды Даниловича и Лелевеля.

[2]) O Statucie Litewskim, str. 155-158.

kiego"[1]). Въ предисловіи къ своему труду Раковѣцкій указываетъ самъ, что высказанное Линде о необходимости привлеченія Русской Правды къ критическому изданію и научному изученію Литовскаго Статута было для него побужденіемъ для выбора предмета изслѣдованія. Линде же оказалъ ему содѣйствіе въ его работѣ своими совѣтами и доставленіемъ многихъ нужныхъ ему книгъ[2]). Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе всего обширнаго труда Раковѣцкаго. Отмѣтимъ лишь его значеніе для установленія связи Литовскаго Статута со старымъ русскимъ правомъ вообще и съ Русскою Правдою въ частности. „Prawda Ruska", писалъ Раковѣцкій, „iest niezaprzeczonym dowodem praw pisanych w Nowogrodzie w początku wieku XI, które iakośmy na swoiém mieyscu okazali, nierównie odlegleyszéy sięgaią starożytności i którémi rządziły się wszystkie kraie Ruskie; a zatém i kray Krywiczów, późniéy Litwą nazwany, temiż się rządził prawami, i gdzie w obszernieyszym zbiorze niżeli w Nowogrodzie i w różnych Xięstwach Ruskich też prawa dochowane, a od czasu połączenia się Litwy z Polską, przy redakcyi onych, Statutem Litewskim nazwane zostały. Wniosek ten wsparty iest oczywistym dowodem ze Statutu Litewskiego, który mieści w sobie wiele Artykułów słowo w słowo tychże samych co Prawda Ruska, o czém się wyżéy na wielu mieyscach mówiło. — Artykuły te, dla porównania onych z Artykułami Prawdy Ruskiéy niżéy przy tłumaczonym iéy texcie są także przywodzone"[3]).

Такимъ образомъ, Раковѣцкій призналъ Литовскій Статутъ памятникомъ русскаго права. Онъ, по его представленію, былъ ничѣмъ инымъ, какъ кодификаціею законовъ, дѣйствовавшихъ вообще въ Русскихъ земляхъ, а въ числѣ ихъ и въ землѣ, заселенной кривичами, которую позднѣе стали называть Литвою. Въ годы, когда писалъ свой трудъ Раковѣцкій, самостоятельное значеніе литовской народности въ наукѣ еще не было извѣстно. Его выясненіе началось только въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія[4]). Это объясняетъ совершенное игнори-

---

1) Первый томъ вышелъ въ 1820 году, второй въ 1822-мъ.

2) Przedsłowie, t. I, str. VII.

3) T. I, str. 243.

4) Это было сдѣлано филологіей. Особенное значеніе имѣлъ трудъ основателя сравнительнаго языковѣдѣнія Франца Боппа, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen. Berlin, 1833.

рованіе Раковѣцкимъ этнографическаго литовскаго элемента въ своихъ изученіяхъ. И Литву, какъ государство, онъ считаетъ по его существу русскимъ. Основнымъ источникомъ статутовыхъ артикуловъ Раковѣцкій признавалъ Русскую Правду. Печатая текстъ ея, какъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ стараго русскаго права, съ переводомъ на польскій языкъ, онъ въ примѣчаніяхъ отмѣтилъ довольно много параллельныхъ мѣстъ въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ[1]). Отъ объединенія, подобно Чацкому, права Литовскаго Статута съ правомъ польскимъ Раковѣцкій далекъ. Онъ, идя за Линде, отвергъ это представленіе Чацкаго совершенно. Но, какъ увидимъ ниже, оно продолжаетъ держаться въ болѣе новой польской литературѣ.

Труды Линде и Раковѣцкаго вышли въ Варшавѣ. Польскіе ученые Вильны также должны были начать работать надъ Литовскимъ Статутомъ. Уже одно преподаваніе въ Виленскомъ Университетѣ мѣстнаго права требовало изученія этого кодекса, дѣйствовавшаго въ то время на территоріи прежняго Великаго Княжества Литовскаго, превратившейся въ западныя губерніи Россійской Имперіи. Учрежденный при Виленскомъ Университетѣ въ 1822 году „Комитетъ для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литовскаго Статута“, съ дѣятельностью котораго мы познакомились выше[2]), далъ сильный толчокъ къ работамъ надъ Статутомъ всѣхъ профессоровъ, которые въ его составъ входили. Комитетъ этотъ, конечно, обратилъ ихъ вниманіе главнымъ образомъ на Третій Литовскій Статутъ. Однако работа надъ нимъ углублялась привлеченіемъ къ ней и двухъ Статутовъ предшествующихъ. Что касается Перваго Литовскаго Статута, то вниманіе къ нему польскихъ ученыхъ было вызвано еще нѣсколько раньше. Графъ Адамъ Титусъ Дзялынскій подготовлялъ изданіе рукописи старыхъ Литовскихъ законовъ, попавшей въ его руки, и привлекъ къ этому дѣлу рядъ ученыхъ польскихъ сотрудниковъ. Если интересъ Лелевеля и Даниловича къ Третьему Статуту былъ особенно усиленъ ихъ участіемъ въ „Комитетѣ“ 1822 года, то Статутъ 1529 года еще раньше сталъ предметомъ ихъ вниманія подъ вліяніемъ плановъ Дзялынскаго[3]). О работахъ Даниловича намъ

[1]) Т. II.

[2]) Стр. 473 и сл.

[3]) Выдержки изъ писемъ къ Лелевелю И. Олдаковскаго, И. Даниловича, Л. Соболевскаго, І. Ярошевича и Е. Янушкевича, касающіяся Статута,

придется говорить болѣе подробно ниже, ибо онѣ занимаютъ особое и видное мѣсто въ исторіи научнаго изученія Литовскаго Статута. Должны будемъ мы ниже остановиться нѣсколько и на внесенномъ Лелевелемъ въ это изученіе. Теперь же мы лишь отмѣчаемъ начало изученій этого кодекса обоими учеными[1]), полный расцвѣтъ научной дѣятельности которыхъ относится уже къ слѣдующимъ десятилѣтіямъ XIX вѣка.

Исправленіе Петербургскаго изданія Статута въ 1811 году, для котораго былъ созданъ въ 1822 году „Комитетъ" при Виленскомъ Университетѣ, вызвало появленіе и книжки Адама Повстанскаго, не связаннаго непосредственно съ этимъ Комитетомъ. Вышла она въ Вильнѣ въ 1829 году подъ заглавіемъ „Uwagi, odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego"[2]). Имени автора не обозначено на заглавномъ листѣ книги, но внутри ея, на страницахъ 206 и 227, подписаны иниціалы „A.P.". Эти иниціалы вообще употреблялись Адамомъ Повстанскимъ вмѣсто полной подписи[3]), а въ данномъ случаѣ она была не совсѣмъ удобна и потому, что авторъ, исполняя въ то время цензорскія обязанности, поставилъ свою полную подпись („A. Powstański") на книгѣ въ качествѣ цензора. Повстанскій, послѣ вводныхъ страницъ, говоритъ въ своей книгѣ объ изданіи Статута, вышедшемъ въ 1811 году, объ его пріемахъ и переводѣ статутоваго текста на русскій языкъ, а въ прибавленіи даетъ исправленіе перевода XIV-го раздѣла Статута[4]). А. Э. Нольде

недавно были напечатаны г-жою Л. Садовскою — Z listów do Joachima Lelewela o Statucie Litewskim (1815—1830), zebrała Leokadja Sadowska (Ateneum Wileńskie, r. VI, z. 3-4, str. 610-634). Переписка Лелевеля съ Дзялынскимъ была издана раньше — Korespondencja Lelewela z Tytusem hr. Działyńskim; Poznań, 1884. Задуманное Дзялынскимъ изданіе вышло въ свѣтъ только въ 1841 году. Это былъ извѣстный Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 (Poznań, 1841).

1) Ср. выше, стр. 482.

2) Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego.

3) Edward Minkowiecki, Spis kryptonimów używanych przez autorów polskich. Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny, t. I (Warszawa, 1881), str. 547.

4) Dodatek. Sprawdzenie textu Polskiego, Rozdziału 14-go Statutu Litewskiego, podług exemplarza ruskiego, 1588 r. drukowanego, przy Metrykach Litt. w St. Petersburgu naydującego się, raczey podług kopii wierney w roku 1816 z tegoż exemplarza i rozdziału starannie tamże spisaney (стр. 207-227 книги Повстанскаго).

уже отмѣтилъ связь этой книги Повстанскаго съ его участіемъ въ занятіяхъ Коммиссіи Составленія Законовъ, работавшей въ Петербургѣ[1]).

Библіографическое описаніе перваго изданія Третьяго Литовскаго Статута, начатое открывшимъ его Сопиковымъ, развивалось успѣшно въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка. Объ этомъ изданіи русскіе библіографы въ своихъ трудахъ того времени упоминаютъ постоянно[2]). Открываются все новые и новые экземпляры Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута въ 1588 году. Ихъ находятъ въ различныхъ библіотекахъ, правительственныхъ и частныхъ. Въ „Обозрѣніи Славяно-Русской библіографіи" И. П. Сахарова, вышедшемъ въ 1849 году[3]), обозначены уже тринадцать извѣстныхъ экземпляровъ, не считая нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые были указаны въ польской литературѣ. Иногда экземпляръ перваго изданія Статута оказывался въ такой библіотекѣ, въ которой, казалось бы, трудно его и ожидать. Такъ, К. Ѳ. Калайдовичъ нашелъ его въ 1822 году въ Рязанской архіерейской ризницѣ[4]), Я. И. Бередниковъ въ 1834 году въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря[5]). Открывались экземпляры Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута и въ заграничныхъ библіотекахъ. Въ 1838 году С. М. Строевъ открылъ такой въ Берлинской Королевской Библіотекѣ[6]).

---

1) Баронъ А. Э. Нольде, Очерки по ист. кодификаціи мѣстныхъ гражд. законовъ при гр. Сперанскомъ, вып. I, стр. 50.

2) Митрополитъ Евгеній, Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви, т. I (изданіе второе, С.-Петербургъ, 1827), стр. 268. Заглавія библіографическихъ трудовъ П. И. Кеппена и П. М. Строева приведены были нами выше, въ примѣчаніяхъ на стр. 259, 260, 304, 367.

3) Обозрѣніе Славяно-Русской библіографіи, томъ первый, книга вторая (Санктпетербургъ, 1849), стр. 24-25.

4) См. тамъ же, стр. 25. Ср. П. Безсоновъ, Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, II (Москва, 1862), стр. 68 и сл.

5) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 272.

6) См. Записку С. М. Строева отъ 7 мая 1838 года, напечатанную В. А. Францевымъ — Korespondence Pavla Josefa Šafaříka vydal V. A. Francev, č. II (Praha, 1927), str. 906. „Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи", составленное С. М. Строевымъ и изданное въ Москвѣ въ 1841 году его братомъ П. М. Строевымъ, не упоминаетъ объ этомъ экземплярѣ Статута.

Между тѣмъ интересъ къ Литовскому Статуту въ наукѣ поднимался. Мы уже отмѣтили выше, что при тогдашней полной невыясненности Литовской этнографической стихіи и ея національности этотъ кодексъ признавался собраніемъ законовъ славянскихъ. Къ памятникамъ права котораго изъ славянскихъ народовъ (польскаго или русскаго) относить его, въ этомъ могли расходиться ученые, имъ интересовавшіеся. Но въ томъ, что онъ принадлежитъ къ законодательнымъ памятникамъ права славянскаго, сомнѣній не было. Ростъ научнаго славяновѣдѣнія выдвинулъ и идею славянскаго права, которая объединяла разработку памятниковъ законодательства всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ Чешской Прагѣ, центрѣ славянскаго идейнаго и научнаго движенія того времени, и мѣстные ученые, и пріѣзжавшіе для научной работы изъ другихъ странъ съ большимъ интересомъ относились къ Литовскому Статуту. Въ своемъ письмѣ Ганкѣ изъ Берлина отъ 20 іюня 1838 года, Н. Д. Иванишевъ писалъ: „въ извѣстномъ Вамъ кодексѣ Статута Литовскаго я нашелъ небольшое уложеніе о судоустройствѣ въ Литвѣ, получившее законную силу 1581 года, на бѣлорусскомъ языкѣ, всего 6 листовъ[1]). Я переписываю этотъ памятникъ и потомъ напечатаемъ въ нашемъ собраніи"[2]). Зная о томъ, что при работахъ по составленію свода мѣстныхъ законовъ для Западнаго Края Россіи собрано много списковъ Статута, Ганка просилъ графа М. М. Сперанскаго разрѣшить Иванишеву „разсмотрѣть и сравнить вышеупомянутыя рукописи, потому что", какъ писалъ онъ, „объясняя памятники чешскаго законодательства, мы будемъ указывать на сходство оныхъ съ памятниками другихъ славянскихъ законодательствъ и, можетъ быть, со временемъ займемся изданіемъ и самаго Статута Литовскаго"[3]). Такимъ образомъ, въ Прагѣ уже въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія была выдвинута мысль о собраніи въ одномъ общемъ изданіи памятниковъ права всѣхъ славянскихъ народовъ,

---

[1]) Т. е. Трибуналъ, напечатанный въ Мамоничской типографіи въ 1586 году.

[2]) В. А. Францевъ, Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи конца XVIII и первой половины XIX ст. (Варшава, 1902). Стр. 242-243.

[3]) Тамъ же, стр. 243.

и Литовскій Статутъ долженъ былъ въ немъ занять свое мѣсто[1]).

Польская наука не осталась чуждою этому славянскому теченію. Уже Раковѣцкій, начавшій свои изученія Литовскаго Статута подъ вліяніемъ и даже руководствомъ Линде, принадлежитъ къ представителямъ его въ польской научной литературѣ. Но особенно яркимъ его выразителемъ былъ Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій, выпустившій въ 1832—1835 годахъ первое изданіе своего капитальнаго труда „Historya Prawodawstw Słowiańskich", получившаго такое крупное значеніе въ развитіи славяновѣдѣнія, особенно въ исторіи сравнительнаго изученія славянскаго права. Въ этомъ трудѣ Литовскій Статутъ занялъ видное мѣсто въ ряду памятниковъ славянскаго законодательства[2]). О происхожденіи Литовскаго права Мацѣёвскій писалъ такъ: „Litwy, Żmudzi i Prus obyczaie były podobne do skandynawskich, iak to iuż Hartknoch uważał. Atoli zwyczaiów tych małe pozostały ślady w prawach litewskich, z powodu że Litwini ulegli wpływowi ruskiéy narodowości, którą sobie całkowicie przyswoili. Późniéy upowszechniły się na Litwie zwyczaie mazowieckie do praw czeskich, iak się to iuż nie raz rzekło, wielce podobne.... Wszakże prawa ruskie, mazowieckie i czeskie, zwyczay raczéy, niż wola rządu upowszechniła na Litwie.... Wielcy Książęta litewscy, osiadłszy na tronie polskim, chcąc przywiązać swóy naród do Polaków, udziełali mu swobody: każda ziemia, i niemal każdy powiat miał swoie przywileie. Zygmunt I ogłosił w r. 1522, na seymie w Wilnie, że nadal ieden statut wszystkim rozkazywać będzie; i niezabawem w r. 1529, czyli raczéy 1530, doprowadził swóy zamiar do skutku. Syn iego wydał poprawnieyszy statut r. 1564, 1566, wszelako i tak nie obeszło się bez dodatków, a po unii Litwy z Polską, raz ieszcze, za Zygmunta III r. 1588, nowa redakcya statutu nastąpiła"[3]).

Такимъ образомъ, по Мацѣёвскому право литовское является правомъ славянскимъ. Въ основѣ лежитъ право рус-

---

1) Эта мысль нашла свое частичное осуществленіе въ изданномъ въ 1880 году Герменегильдомъ Иречкомъ Сводѣ Законовъ Славянскихъ — Svod zákonův slovanských, zpořádal Dr. Hermenegild Jireček (v Praze, 1880).

2) „Pomniki prawodawstw słowiańskich" (Tom III, rozdział V).

3) Tom III (w Warszawie i w Lipsku, 1835), str. 415-417.

ское, съ которымъ затѣмъ слились элементы права польскаго (мазовецкаго) и чешскаго. Возникновенiе областныхъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго Мацѣёвскiй, конечно, понималъ неправильно, приписывая его желанiю королей связать свой народъ Литвы съ поляками дарованiемъ ему свободъ. Эти привилеи въ дѣйствительности возникали по инициативѣ самихъ земель, создававшихъ свои хартiи, охранявшiя ихъ областныя права и элементы автономiи. Но это является лишь деталью въ общемъ построенiи мысли Мацѣёвскаго, въ которомъ на настоящихъ страницахъ насъ должно интересовать пониманiе имъ происхожденiя и природы статутоваго права. Онъ отрицаетъ положенiе Чацкаго о скандинавскомъ происхожденiи литовскаго права и пишетъ: „wszakże to bynaymniéy nas nie upoważnia, do upatrywania zrzódła litewskiego statutu tam, skąd go wywodził Czacki: bo i owszem zasady wszystkich trzech redakcyy, o ile takowe bądź z samego Czackiego, bądź z wydania które wnet przytoczę znamy, zgadzaią się z zasadami prawa ruskiego, mazowieckiego i czeskiego, i moiém iest zdaniem, że tuby raczéy, a nie w skandynawskiém prawie, początku praw litewskich śledzić należało"[1]. Въ своемъ трудѣ, какъ въ общемъ обзорѣ славянскихъ законодательствъ, а не детальномъ изслѣдованiи каждаго изъ нихъ, Мацѣёвскiй не признаетъ нужнымъ входить въ подробное изложенiе законовъ Литовскаго Статута, „pomnąc na to, że gdy litewskie prawo częścią prawa ruskie, częścią polskie (mazowieckie a więc i czeskie) ma za zasadę, przeto ktoby ie chciał w szczegółach rozebrać, musiałby iednę rzecz kilka razy powtórzyć. Osądziłem więć, że dosyć będzie zwrócić uwagę na to, com za wyłączną własność litewskiego statutu być uznał, i wykazać w czém się on do praw ruskich i polskich zbliżył, a w czém od nich, tudzież od innych prawodawstw słowiańskich, zupełnie odstąpił". Какъ на примѣръ такого несходнаго съ правомъ славянскимъ постановленiя Статута Мацѣёвскiй указываетъ на артикулъ, говорящiй о ссорѣ хозяина со своимъ гостемъ, и по поводу него пишетъ: „dostrzegłem że w niém dziwnie się łączy pańskość z gminnością, a dworskość i ziemstwo prawie iednémże spoione są ogniwem. To dowodzi, że Litwini mieli prawa z rozmaitych zasad rozwinięte, że te zasady częstokroć nie właściwie do potrzeb swoich zastósowywali, i dziwacznie pokleili iedne z drugiemi"[2].

---

[1]) Ibidem, str. 418.
[2]) Ibidem, str. 419.

Замѣчаніе Мацѣёвскаго о томъ, что въ Литовскомъ Статутѣ наблюдаются постановленія, отличающіяся отъ славянскаго права, и его объясненіе ихъ различными вліяніями на литовцевъ весьма любопытны. Какъ мы уже отмѣтили выше, этнографическая особность и самостоятельность литовскаго народа въ то время еще не были вполнѣ установлены. Литовцевъ считали смѣсью, „мѣшаниной" различныхъ народовъ, и Мацѣёвскій въ первомъ изданіи своего труда еще не могъ приписать именно литовскому происхожденію замѣченные имъ въ Литовскомъ Статутѣ элементы неславянскаго права. Къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, когда Historya Prawodawstw Słowiańskich Мацѣёвскаго выходила вторымъ изданіемъ, значеніе литовцевъ какъ самостоятельной народности было въ наукѣ уже установлено. Это не могло не отразиться и на ученіи о происхожденіи литовскаго права. Теперь Мацѣёвскій писалъ: „Prastary europejski naród Litwinów, zadługo ubawiwszy się pogaństwem swojem, do którego przykuli go zabobonami chytrzy jego kapłani, olśnił sobie wzrok blaskiem postępowéj oświaty, gdy przetarłszy oczy spojrzał na cywilizacyą otaczających go Słowian i Niemców, i gdy dla niéj porzucać zaczął dawne mniemania o politycznym swojéj społeczności towarzyskiéj organizmie. Jak dziecko, którego wszelka nowość bawi, i każe mu za to lub owo chwytać cacko, tak i Litwin chwytał za to lub owo ościennych ludów prawo, i szybkim jakoby pędem musiał sobie przyswajać słowiańskie o prawdzie i zakonach wyobrażenia, gdy w tych któremi się następnie rządził i sądził, nic narodowego, lecz wszystko obce spostrzegamy"[1]). Однако, впитывая въ себя славянское вліяніе, „nie rozstał się nigdy Litwin z pojęciem o rządach patryarchalnych, wyssaném z łona swéj ziemi". Само славянское вліяніе это шло не отъ одного только изъ славянскихъ народовъ. Раньше всего Литва впитала въ себя вліяніе русское, но затѣмъ „ruskie ustępowały polskim, te czeskim i znowu polskim, aż wreszcie usadowiwszy się tu stale polskie wyobrażenia, istniały i istnieją na Litwie aż do dzisiejszych czasów"[2]).

Признаніе самостоятельнаго значенія литовской народности заставило Мацѣёвскаго именно на ея счетъ отнести осо-

---

[1]) Historya Prawodawstw Słowiańskich przez W a c ł a w a A l e x a n d r a M a c i e j o w s k i e g o, wydanie drugie, t. I (Warszawa, 1856), str. 203-204.

[2]) Ibidem, str. 204.

бенности статутовыхъ постановленій, которыя онъ не могъ признать сходными со славянскимъ правомъ[1]). Но Литовскіе Статуты, въ виду основного характера ихъ права, при единичныхъ только постановленіяхъ, которыхъ Мацѣёвскій не могъ признать славянскими, онъ относилъ во всякомъ случаѣ къ законодательнымъ памятникамъ славянскимъ и отдавалъ имъ видное среди нихъ мѣсто. Что касается „поправы“ Второго Литовскаго Статута, которая вылилась въ составленіе Статута Третьяго, то Мацѣёвскій отмѣчаетъ дополненія кодекса 1566 года, сдѣланныя въ томъ же и въ 1568 годахъ. Но онъ все таки, подобно Чацкому, въ концѣ концовъ связываетъ происхожденіе Третьяго Статута съ Люблинскою Уніею и считаетъ возможнымъ говорить, что именно въ силу нея были сдѣланы въ царствованіе Стефана Баторія добавленія ко Второму Литовскому Статуту. Мацѣёвскій писалъ: „potrzeba sama nakazywała przerobić go zupełnie, odkąd unia Litwy z Polską r. 1569 zawarta, zmieniła stan polityczny krajów, do obudwu państw przyłączonych. Akt uniowy przeto opiewał między innemi nowe statutu przerobienie, w skutek czego wcielono do niego owe dodatki za Stefana Batorego. Wygotowaną redakcyą trzecią statutu (pracował nad tem dziełem z bezprzykładną gorliwością ówczesny wielki Kanclerz litewski Lew Sapieha) zamienił w prawo obowięzujące Zygmunt III r. 1588“[2]). Конечно, въ этихъ представленіяхъ Мацѣёвскаго о происхожденіи Третьяго Статута имѣются фактическія погрѣшности, вызванныя недостаточною въ его время разработкою исторіи составленія этого кодекса. Мы уже видѣли въ нашемъ предшествующемъ изложеніи, что Статутъ 1588 года совершенно не принялъ къ исполненію постановленій акта Люблинской Уніи[3]), какъ видѣли и то, что Левъ Сапѣга вовсе не былъ составителемъ этого Статута[4]). Ошибочно именовалъ Мацѣёвскій Льва Сапѣгу и канцлеромъ, ибо во время составленія и утвержденія Третьяго Литовскаго Статута онъ еще не занималъ этого уряда.

Третій Статутъ, какъ законодательный памятникъ, Мацѣёвскій оцѣниваетъ очень высоко. „Wielkim“, пишетъ онъ, „jak

---

1) См. выше, часть первая, стр. 139.

2) Hist. Praw. Sł., t. I, str. 206-207.

3) См. выше, глава II.

4) См. выше, часть первая, стр. 461 и сл.

na swój wiek pomnikiem prawodawstwa jest litewski statut, i takim jakiego ówczesna Europa nieposiadała. Jest jakoby roślina, która krzewiących się obok drzewek przyciągnąwszy do siebie soki, niemi się zapomogła, a przerobiwszy je w sobie, oddała im je znowu, jako lepsze i pożywniejsze"[1]). Оцѣнка Литовскаго Статута, внесенная Мацѣёвскимъ въ свою Исторію Славянскихъ Законодательствъ, подняла научный интересъ къ нему среди историковъ славянскаго права. Авторъ ея пользовался авторитетомъ выдающагося ученаго, а его этотъ трудъ имѣлъ достаточно большое распространеніе.

Мацѣёвскій выдвинулъ Литовскій Статутъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду памятниковъ славянскаго законодательства и ставилъ на очередь глубокое изученіе статутоваго права въ его системѣ и происхожденіи. Чтобы представить себѣ ясно значеніе сдѣланнаго Мацѣёвскимъ для установленія болѣе правильнаго взгляда для научной оцѣнки Статута стоитъ только сопоставить высказанное имъ съ тѣмъ, что говорилъ о немъ Я. В. Бандтке въ своемъ очеркѣ юридической литературы, напечатанномъ въ Исторіи Польской Литературы, выпущенной въ 1814 году Бентковскимъ. Бандтке объявлялъ его просто важнѣйшимъ сборникомъ „pomiędzy prawami prowincyonalnemi" Польши и писалъ о немъ, что „nie można statutu Litewskiego nazwać dziełem doskonałego prawodawstwa ani doskonałości bliskiém, nie można, chyba w uniesieniu lub w braku wiadomości, przekładać go nad zbiory praw nam współczesnych wieku XVIII i XIX, należy i owszém wyznać, że trąci surowością gdzie nie gdzie, że do naszych czasów nie iest stosownym, a wyznanie takowe niewyłącza zaszczytu dobroci i stosowności onegoż owczesnéy, nie ubliży sławie, że Litwa pobratymcza miała za staraniem naszych Królów układ prawa systematyczny w ten czas, gdy inne narody o tém ani pomyślały"[2]). Бандтке не входилъ въ болѣе или менѣе глубокое изученіе статутоваго права ни въ этомъ своемъ очеркѣ, ни въ своемъ курсѣ исторіи польскаго права, читанномъ въ Варшавскомъ Александрійскомъ Университетѣ. Въ послѣднемъ онъ ставитъ Литовскій Статутъ на первое мѣсто въ ряду памятниковъ польскаго провинціальнаго права и даетъ внѣшнюю

---

[1]) Hist. Praw. Sł., t. I, str. 207.

[2]) Historya literatury polskiey..., przez Felixa Bentkowskiego, t. II, str. 179.

его исторію[1]), поскольку она могла быть возстановлена въ то время. Мы уже имѣли случай отмѣтить выше его заслугу въ этой области опроверженіемъ ученія Чацкаго объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута властью сейма коронаціи Сигизмунда III-го[2]). Но изученіе самаго статутоваго права Бандтке и въ своемъ университетскомъ курсѣ оставилъ въ сторонѣ[3]), а его фраза о созданіи Литовскаго Статута стараніями польскихъ королей, написанная имъ еще въ 1814 году, внушала совершенно неправильное представленіе о происхожденіи этого кодекса.

Заслуга углубленія монографическаго научнаго изученія литовскаго права вообще и Литовскихъ Статутовъ въ частности принадлежитъ И. Н. Даниловичу[4]). Преподаваніе въ Виленскомъ Университетѣ дѣлало литовское право его научною спеціальностью, а участіе въ занятіяхъ „Комитета для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литовскаго Статута“ при этомъ Университетѣ дало толчокъ для его работъ надъ Литовскими Статутами. Труды Даниловича, посвященные изученію Литовскаго Статута, стали выходить въ свѣтъ еще во время существованія Комитета при Виленскомъ Университетѣ[5]). Но эти труды имѣли характеръ болѣе библіографическій и приводили въ извѣстность печатные экземпляры русскаго и польскихъ изданій Статута 1588 года и рукописи всѣхъ трехъ Литовскихъ Статутовъ. Изслѣдованіе въ области исторіи Статутовъ и происхожденія ихъ права Даниловичъ далъ впервые лишь въ своей извѣстной статьѣ „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung“, напечатанной въ 1834 году въ журналѣ Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands“[6]).

---

1) Cp. Al. Kraushar, Uwagi nad historyą prawa (Warszawa, 1868), str. 143.

2) См. выше, стр. 242-243.

3) Historya prawa polskiego .... przez Jana Wincentego Bandtkie Stężyńskiego (Warszawa, 1850), str. 484-485, 705-709.

4) О научной дѣятельности И. Н. Даниловича см. — баронъ А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи .., вып. I (стр. 88 и сл.) и Augustinas Janulaitis, Ignas Danilavičius, Lietuvos bei jos teisės istorikas, I dalis — Danilavičiaus gyvenimas ir darbai (Kaunas, 1932).

5) Статья въ Соревнователѣ Просвѣщенія (№ VI) и „Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego, rękopiśmiennych i edycyy drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też w polskim i łacińskim języku“ — Dziennik Wileński, t. II, r. 1823.

6) Zweiter Band. Riga und Dorpat, 1834.

Статья эта была написана по предложенію Берлинскаго профессора Бинера, переданному Даниловичу черезъ профессора Дерптскаго Университета Клоссіуса. Бинеръ, работая надъ подготовкою задуманнаго имъ труда „Historia Litteraria juris Graeco-Romani, tam civilis quam ecclesiastici, usque ad finem medii aevi", нуждался въ разработкѣ вопроса о вліяніи римскаго права на литовское, поднятаго уже въ началѣ XIX столѣтія, но далеко еще не разрѣшеннаго и спорнаго въ то время[1]). „Historischer Blick" Даниловича распадается на три отдѣла[2]). Первый изъ нихъ состоитъ изъ семи параграфовъ, въ которыхъ изучаются древнѣйшее состояніе права въ Литвѣ, изданіе Статутовъ 1529 и 1566 годовъ, составленіе и утвержденіе Статута 1588 года, его изданіе на русскомъ языкѣ и изданія польскія, а также литература о Литовскомъ Статутѣ[3]). Въ двухъ параграфахъ второго отдѣла статьи Даниловичъ изучаетъ вліяніе римскаго права въ Польшѣ[4]), а въ трехъ параграфахъ третьяго — вліяніе римскаго права на Литовскій Статутъ и вліяніе греческаго Номоканона въ православной церкви Литвы[5]). Статья эта въ томъ же 1834 году была реферирована въ журналѣ „Tygodnik Petersburski"[6]), въ 1837 году былъ напечатанъ ея переводъ на польскій языкъ въ Виленскомъ изданіи

---

1) См. выше, часть первая, стр. 95-96.

2) Erster Artikel — Das Litthauishe Statut, dessen Recensionen, Handschriften, Ausgaben und Uebersetzungen (S.S. 289-296). Zweiter Artikel — Das Römische Recht in Polen (S. S. 385-393). Dritter Artikel — Das Römische Recht in Lithauen (S. S. 481-491).

3) § 1. Der älteste Rechtszustand Litthauens. § 2. Abfassung des alten Litthauischen Statuts vom Jahre 1529. § 3. Abfassung des zweiten Litthauischen Statuts durch Sigismund August im Jahre 1566. § 4. Das Litthauische Statut Sigismunds III. vom Jahre 1588. § 5. Ausgaben des Statuts in Russischer Sprache. § 6. Polnische Ausgaben des Litthauischen Statuts. § 7. Schriften über das Litthauische Statut.

4) § 8. Von dem Einflusse des Römischen Rechts auf das Polnische. § 9. Schriften über den Einfluss des Römischen Rechts auf die Polnischen Constitutionen.

5) § 10. Von dem Einflusse des Römischen Rechts auf das Litthauische Statut. § 11. Fortsetzung. § 12. Von dem Einflusse des Griechischen Nomocanons auf die Orientalische Kirche in Litthauen.

6) Redakcije, rękopisy, przekłady i wydania w druku Statutu Litewskiego. Podług rozprawy P. Ign. Daniłowicza. Tygodnik Petersburski, 1834, str. 289-290.

„Wizerunki i roztrząsania naukowe“[1]), а въ 1846 году появился и ея переводъ на галицкое нарѣчіе русскаго языка[2]).

Статья Даниловича представляетъ собою первый опытъ широкой постановки вопросовъ объ источникахъ литовскаго права и объ исторіи Литовскихъ Статутовъ. Конечно, въ ней имѣется рядъ недосмотровъ и даже ошибокъ, которыхъ часть была нами отмѣчена въ нашемъ предшествующемъ изложеніи. Но въ исторіи изученія Статутовъ и въ частности Статута 1588 года она занимаетъ видное мѣсто. Безъ всякой предвзятости и увлеченія какою-либо теоріею, что въ такой большой степени наблюдается у Чацкаго, Даниловичъ постарался подойти къ затронутымъ имъ темамъ какъ подлинный научный работникъ. Въ этомъ отношеніи, можно признать, онъ указалъ путь для дальнѣйшихъ работъ въ изученіи Литовскихъ Статутовъ и разработкѣ статутоваго права. Въ послѣдующей своей жизни Даниловичъ, войдя уже въ русскую научную среду, непрерывно продолжалъ свои работы надъ Литовскими Статутами, особенно надъ Третьимъ. Съ русскою научною средою у Даниловича устанавливаются непосредственныя связи съ 1825 года, когда онъ въ Петербургѣ познакомился съ графомъ Н. П. Румянцовымъ и испыталъ на себѣ силу обаянія этого просвѣщеннѣйшаго и гуманнѣйшаго человѣка своего времени, отдававшаго весь свой досугъ отъ государственныхъ дѣлъ научнымъ интересамъ, собравшаго колоссальную библіотеку книгъ и рукописей и затѣмъ завѣщавшаго ее „на пользу общую“. Румянцовъ не только съ величайшею готовностью разрѣшилъ Даниловичу занятія въ своей библіотекѣ, но просилъ его самъ обратить вниманіе на хранившіеся въ ней законодательные памятники и даже привлекъ его къ подготовкѣ изданія Судебника Казимира, который Румянцовъ предполагалъ издать на свои средства. Даниловичъ такъ вспоминаетъ свое впечатлѣніе отъ библіотеки Румянцова: „w niemem zadumieniu przebiegając rozległe sale, wszędy nowemi uderzanemu widoki, żal tylko w sercu

---

[1]) Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty. Wilno. 1837. Статья И. Н. Даниловича „Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego“ занимаетъ стр. 81-134 этого томика.

[2]) Вѣнок Русинам на обжинки, уплѣв Иван Б. Ѳ. Головацкій (У Вѣдни, 1846). Заглавіе здѣсь статьи Даниловича такое: „Старина Литовско-Руского законодательства“ (стр. 129) и „Историческое розсмотреніе законодательства Литовского“ (стр. 131).

tulić wypadało, żem pożądaney nie mógł odnieść nauki, a nawet pierwszéy zaspokoić ciekawości. Spiesząc do prawodawczych zabytków, których przeyrzenie wyłączniey mi Kanclerz (т. е. графъ Румянцовъ) polecił, z któremi dotąd rozstać się nie miło, którym naypięknieysze życia mego poświęciłem chwile, sowicie za podjęte trudy wynagrodzony zostałem, gdym tam odkrył dotąd nikomu nie znany i naydawnieyszy pomnik Litewskiego ustawodawstwa za czasów Kazimierza Jagiellończyka"[1]). Смерть графа Румянцова помѣшала осуществленію предположеннаго изданія такъ называемаго Судебника Казимира, и этотъ памятникъ былъ изданъ Даниловичемъ въ Вильнѣ въ 1826 году. Но въ Петербургѣ Даниловичъ вошелъ въ соприкосновеніе съ ученою средою, окружавшею Румянцова, а во время своего профессорства въ Харьковскомъ, Кіевскомъ и Московскомъ Университетахъ сблизился и съ ихъ профессорами. Съ 1830 года Даниловичъ принималъ участіе въ работахъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по составленію свода мѣстныхъ законовъ для Западнаго Края Россіи. Его интересъ къ Литовскому Статуту теперь усилился еще больше, подъ вліяніемъ этого участія. Новые матеріалы привлекались Даниловичемъ къ своимъ изученіямъ, углублялась и его научная мысль. Уже въ его статьѣ „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung", вышедшей въ 1834 году, съ содержаніемъ которой мы только что познакомились, весьма замѣтно углубленіе и расширеніе его изученій Литовскихъ Статутовъ по сравненію съ его вышедшею въ 1823 году статьею въ Вильнѣ. Въ 1837 году въ Петербургѣ было издано „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній", извлеченное „изъ актовъ, хранящихся во II-омъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи"[2]). Матеріалъ, на основаніи котораго было составлено это „Обозрѣніе", былъ доставленъ Даниловичемъ. Въ имѣющихся здѣсь свѣдѣніяхъ о Ли-

---

[1]) Statut Kazimierza Jagiellończyka, pomnik naydawnieyszych uchwał litewskich z XV wieku wynaleziony i drukiem ogłoszony staraniem Ignacego Daniłowicza, professora w Cesarskim Uniwersytecie Charkowskim (W Wilnie. Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego. 1826), str. IV-V.

[2]) Переиздано въ Петербургѣ въ 1910 году М. Я. Пергаментомъ и барономъ А. Э. Нольде по порученію Юридическаго Факультета Петербургскаго Университета (вмѣстѣ съ проектомъ „Свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній").

товскомъ Статутѣ еще незамѣтно какихъ-либо дополненій по сравненію съ опубликованнымъ Даниловичемъ раньше. Да и само „Обозрѣніе“, напечатанное всего въ пятидесяти экземплярахъ, не поступившее въ продажу и разосланное только очень небольшому числу занимавшихъ соотвѣтствующее оффиціальное положеніе лицъ, не могло отразиться въ научной литературѣ и повліять на дальнѣйшую разработку вопросовъ, связанныхъ съ Литовскими Статутами.

Работою Даниловича, въ которой онъ вновь далъ изученіе Литовскаго Статута и на которую можно смотрѣть какъ на подведеніе имъ итоговъ своихъ научныхъ занятій надъ нимъ, ибо черезъ два года послѣ ея выхода въ свѣтъ онъ скончался, была его статья „Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты“, напечатанная въ 1841 году въ Юридическихъ Запискахъ П. Г. Рѣдкина[1]). Статья эта написана съ тѣми систематичностью и ясностью, которыми отличаются работы Даниловича, лучшаго для своего времени знатока литовскаго права. Но ея содержаніе несомнѣнно богаче всѣхъ его предшествующихъ работъ въ той же области, и сравненіе ея съ ними обнаруживаетъ слѣды того плодотворнаго и большого труда, который продѣлалъ Даниловичъ послѣ Виленскаго періода своей жизни, особенно въ изученіи вопросовъ, связанныхъ со Статутомъ, за долгіе годы своего участія въ занятіяхъ II-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Надо помнить при этомъ почти полную неразработанность исторіи литовскаго права во время жизни Даниловича и спеціальную трудность работы надъ нимъ при той запутанности и становившейся уже замѣтной послѣ 1830 года остротѣ національно-политическихъ теченій въ вопросахъ, касающихся западныхъ губерній тогдашней Россіи.

Богатство содержанія вышедшей въ 1841 году работы Даниловича видно уже изъ перечня заглавій небольшихъ главъ, на которыя она распадается. Вотъ этотъ перечень: 1) Управленіе Литвы до XIII столѣтія, 2) Самодержавное государство при Миндовгѣ съ XIII вѣка, 3) Феодальное состояніе Литвы при Гедиминѣ, 4) Продолженіе феодальной системы при Оль-

---

1) Юридическія Записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета. Томъ первый (Москва, 1841). Стр. 1-46.

гердѣ, 5) Узаконенія, издаваемыя послѣ соединенія Литвы съ Польшею и принятія Христіанской Вѣры, 6) Первый или древній Литовскій Статутъ, Сигизмунда I-го, 7) Второй Литовскій Статутъ, Сигизмунда Августа, 8) Перемѣны въ законоположеніяхъ втораго Статута, въ слѣдствіе соединенія Литвы съ Польшею въ 1569 г., 9) Приготовленіе и утвержденіе третьяго Статута, Сигизмунда III, 1588 года, 10) Печатаніе Литовскаго Статута въ 1588 году, 11) Основныя начала Литовскаго Статута. Въ статьѣ своей, такимъ образомъ, Даниловичъ постарался дать очеркъ развитія литовскаго права съ самаго начала государственности Литвы. Конечно, въ этомъ его очеркѣ многое значительно устарѣло и не соотвѣтствуетъ состоянію научнаго изслѣдованія въ настоящее время, встрѣчаются и фактическія неточности, хотя онъ и исправилъ теперь нѣкоторыя изъ допущенныхъ имъ въ своихъ трудахъ предшествующихъ. Но статья Даниловича, вышедшая въ 1841 году, надолго оставалась единственнымъ научнымъ трудомъ, который сколько-нибудь достаточно знакомилъ съ исторіей литовскаго права, хотя бы и неполно, и не безошибочно.

Въ статьѣ этой Даниловичъ категорическимъ образомъ призналъ Литовскій Статутъ, учитывая предшествующую литературу о немъ и, конечно, главнымъ образомъ уже отмѣченные нами труды Раковѣцкаго и Мацѣёвскаго, — памятникомъ права славянскаго и въ частности связаннымъ съ правомъ русскимъ. Заканчивая свою статью, онъ писалъ: „чувствуя, что въ Статутѣ Литовскомъ находится много Словянскаго и истинно Русскаго, я однако же, при всемъ моемъ желаніи, не въ состояніи опредѣлить, что именно и въ какой мѣрѣ. Пусть это опредѣлятъ любители и истинные знатоки Русскаго права; я буду ожидать, что скажутъ о томъ Гг. Профессоры Морошкинъ[1]), Орнатскій[2]) и Иванишевъ[3]), которыхъ труды по

[1]) Θеодоръ Лукичъ Морошкинъ былъ профессоромъ по каθедрѣ гражданскихъ законовъ въ Московскомъ Университетѣ, во время профессорства въ немъ Даниловича (по каθедрѣ законовъ благоустройства и благочинія).

[2]) Сергѣй Николаевичъ Орнатскій былъ профессоромъ въ томъ же Университетѣ по каθедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ и учрежденій, также во время профессорства въ Москвѣ Даниловича.

[3]) Николай Дмитріевичъ Иванишевъ былъ адъюнктомъ, а съ 1840 года профессоромъ Кіевскаго Университета. Въ своихъ, особенно болѣе ран-

этой части мнѣ уже извѣстны. И для нихъ я набросалъ этотъ очеркъ: можетъ быть не всѣмъ изъ нихъ знакомъ Литовско-Русскій языкъ Статута, преимущественно же юридическая терминологія Западной Руси, отзывающаяся у Богемцевъ, Иллирійскихъ Словянъ и вѣроятно у прочихъ Западныхъ племенъ. Не говоря о любви ко всему отечественному, они уже по самому званію своему должны углубляться въ изученіе мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ пространномъ Россійскомъ государствѣ". Такимъ образомъ, Даниловичъ призывалъ русскихъ ученыхъ отдаться изученію Литовскаго Статута съ цѣлью выясненія происхожденія его законовъ изъ стараго русскаго права, съ которымъ онъ самъ не былъ достаточно знакомъ. Этотъ призывъ не остался безъ отклика на него. Дѣйствительно, наступало время для принятія участія въ научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ Литовскимъ Статутомъ, и для русскихъ ученыхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ ихъ работамъ въ этой области, мы должны остановиться на томъ, что было сдѣлано Даниловичемъ для разрушенія тѣхъ искаженій въ изученіи Статута, которыя были внесены Чацкимъ и которыя являлись тяжелымъ препятствіемъ для правильной постановки этого изученія.

Первое Мамоничское изданіе оригинальнаго русскаго текста Третьяго Статута, въ существованіи котораго сомнѣвался Чацкій, Даниловичъ подвергъ спеціальному изслѣдованію, разрушая его неправильныя предположенія. Отвергъ Даниловичъ и приписываніе Чацкимъ Льву Сапѣгѣ перевода Статута на польскій языкъ. Отождествленіе литовскаго права съ польскимъ, дѣлаемое Чацкимъ, также было разрушено Даниловичемъ, показавшимъ особый отъ польскаго путь, которымъ шло развитіе литовскаго права. Но особенно важнымъ въ процессѣ разрушенія изслѣдованіемъ положеній Чацкаго было положенное Даниловичемъ начало возстановленію исторіи „поправы" Второго Литовскаго Статута, изъ которой выросъ Статутъ Третій. Это возстановленіе приводило къ необходимости признанія того, что послѣдній возникалъ независимо отъ Люблинской Уніи и не былъ лишь выполненіемъ постановленій Люблинскаго сейма 1569 года.

нихъ трудахъ онъ разрабатывалъ русское и славянское право. Объ Иванишевѣ см. А. В. Р о м а н о в и ч ъ - С л а в а т и н с к і й, Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева (СПБ. 1876).

Уже въ своей работѣ „Historischer Blick" Даниловичъ указалъ, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ послѣ изданія Второго Статута существовало желаніе его исправить и дополнить. Происхожденіе Третьяго Статута, слѣдовательно, онъ поставилъ прежде всего въ связь съ недостатками предшествующаго кодекса, а не съ Люблинскою Уніею. Требованія послѣдней лишь присоединились къ внутреннимъ потребностямъ Литвы. По словамъ Даниловича, депутаты для исправленія Статута улучшили судопроизводство, дополнили законы о наслѣдованіи, восполнили пробѣлы законодательства заимствованіями изъ римскаго и каноническаго права и такимъ образомъ выработали Третій Литовскій Статутъ, получившій свое утвержденіе въ 1588 году[1]).

Въ статьѣ, вышедшей въ 1841 году, Даниловичъ болѣе обстоятельно остановился на работахъ по статутовой „поправѣ", производившихся послѣ заключенія Люблинской Уніи. Сказавъ объ учрежденіи въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ Статутовой Коммиссіи, онъ писалъ: „Какія именно исправленія сдѣланы этою коммиссіею, нынѣ не совсѣмъ извѣстно. Что Докторъ Правъ Августинъ внесъ много статей изъ Тевтоническихъ городскихъ законовъ, а посредствомъ ихъ даже изъ Римскаго Права, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какія статьи исправлены и прибавлены къ законоположеніямъ о судопроизводствѣ, объ этомъ есть темный намекъ подъ 1578 годомъ. Послѣ кончины Сигизмунда Августа, Литва требовала отъ Короля Генриха Валоа, и получила утвержденіе и согласіе на продолженіе пересмотра своего Статута. На такое же пред-

---

[1]) „Nach der Bekanntmachung des zweiten Statuts erlosch in Litthauen nicht der Wunsch einer Verbesserung und Vervollständigung desselben. Den zu diesem Zweck erwählten Deputirten wurde aufgegeben, dasselbe aus der Polnischen und andern christlichen Gesetzgebungen zu ergänzen und zu vervollständigen, und alle der völligen Vereinigung (unio perpetua) Litthauens mit der Krone Polen entgegenstehenden Artikel auszumerzen. Die Deputirten hielten auf Anordnung des Reichstages mehrfache Zusammenkünfte, verbesserten die Gerichtsordnung, vervollständigten die Gesetze über das Erbrecht, ergänzten die Lücken durch Bestimmungen, welche sie sowohl aus dem Corpus juris civilis (nach den Anführungen desselben in der Glosse des Sachsenspiegels), als auch aus dem Canonischen Rechte entlehnten. Aus diesen Verbesserungen und Ergänzungen entstand das neueste Litthauische Statut, welches am 28 Januar 1588 von Sigismund III. bestätigt ist". S. 292.

ложеніе далъ свое согласіе и Король Баторій, который утвердилъ присягою, что Статутъ останется въ своей силѣ. Даже Баторій сдѣлалъ еще болѣе, назначивъ Сеймики для разбора исправленныхъ статей и повелѣвъ собраться, для этого именно только дѣла, Сейму Литовскому въ Новогродкѣ, гдѣ весь Статутъ должно было пересмотрѣть и исправить. Тогда только Король дозволилъ представить Статутъ на общій сеймъ Варшавскій и велѣлъ поднести себѣ чрезъ Канцлера на утвержденіе. Послѣ изданія (въ 1581 году) Литовскаго Трибунала, или устава судопроизводства для Верховнаго Судилища, новый пересмотръ Статута сдѣлался необходимымъ. Король Баторій въ 1587[1]) году повелѣлъ избрать новыхъ депутатовъ отъ Сената и отъ воеводствъ для окончательной ревизіи Трибунала и законовъ, но намъ вовсе не извѣстно, удержаны ли были въ этой коммиссіи прежніе члены, или же взошли новыя лица. Не основательна догадка Чацкаго, будто бы коронные (т. е. собственно Польскіе) законовѣдцы (Щербицъ) участвовали въ этомъ дѣлѣ". Далѣе Даниловичъ дѣлалъ возраженіе Чацкому противъ причисленія имъ Льва Сапѣги „къ редакторамъ Статута"[2]).

Приведенныя сейчасъ собственными словами Даниловича его представленія о происхожденіи Третьяго Статута весьма любопытны. Въ нихъ задачи, поставленныя „поправѣ" Статута сеймомъ Уніи, отступаютъ передъ задачами простого усовершенствованія Литовскаго кодекса съ устраненіемъ недостатковъ, обнаружившихся при примѣненіи его въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ его судахъ и при регулированіи правъ и отношеній его „обывателей", совершенно независимо отъ Люблинской Уніи. Даниловичъ указываетъ и на то, что учрежденіе Трибунала потребовало внесенія соотвѣтствующихъ измѣненій въ статутовые артикулы. Государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго эпохи Стефана Баторія онъ рѣшается именовать „Литовскимъ Сеймомъ", игнорируя постановленіе акта Уніи 1569 года о томъ, что особыхъ сеймовъ въ Литвѣ быть уже не должно. А такой знатокъ исторіи Литов-

---

[1]) Очевидный недосмотръ автора, ибо въ 1587 году Стефана Баторія уже не было въ живыхъ. Это ясно потому, что въ примѣчаніи 13-мъ, относящемся къ этому мѣсту своей статьи, Даниловичъ дѣлаетъ ссылку на 1059-ю страницу II-го тома Voluminum Legum.

[2]) Стр. 27-29 статьи Даниловича.

скаго права, какимъ былъ Даниловичъ, конечно, не могъ не знать точно содержанія договора и привилея Люблинской Уніи. Участіе поляковъ въ составленіи Третьяго Литовскаго Статута, которое допускалъ Чацкій, представляется Даниловичу невозможнымъ. Это является для него основаніемъ отвергнуть догадку Чацкаго, будто Польскіе „законовѣдцы участвовали въ этомъ дѣлѣ“. Наконецъ, какъ понимать слова Даниловича о присягѣ короля Стефана въ томъ, „что Статутъ останется въ своей силѣ“? Даниловичъ прекрасно зналъ, что упразднять этотъ кодексъ совсѣмъ никто не собирался и что сеймъ Уніи потребовалъ лишь исключенія изъ него тѣхъ его постановленій, которыя были направлены противъ поляковъ, лишая ихъ равноправія съ „тубыльцами“ и „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго, а также и другихъ статутовыхъ законовъ, конструировавшихъ Литву какъ независимое и самостоятельное, отдѣльное отъ Польши государство. Приходится думать, что Даниловичъ, говоря о присягѣ Стефана Баторія въ сохраненіи за Литовскимъ Статутомъ его силы, имѣлъ въ виду то, что составленіе Третьяго Статута разорвало съ директивами сейма Уніи 1569 года. Онъ не рѣшается сказать прямо, что Статутовая Коммиссія, утвержденная этимъ сеймомъ, измѣнила свой составъ или совсѣмъ прекратила свое дѣйствіе. А составъ ея имѣетъ первостепенное значеніе и для вопроса о сохраненіи директивъ, данныхъ статутовой „поправѣ“ сеймомъ Уніи. Прибавимъ къ этому, что, какъ глубокій знатокъ текста Статута 1588 года, далеко не разъ перечитавшій его артикулъ за артикуломъ, Даниловичъ, конечно, очень хорошо зналъ, что этотъ кодексъ сохранилъ всѣ постановленія Статута 1566 года, направленныя противъ поляковъ, а также и его другіе законы, закрѣплявшіе государственную самостоятельность Великаго Княжества Литовскаго и не допускавшіе сліянія его съ Польшею въ единое государство.

Начатое Даниловичемъ выясненіе происхожденія Третьяго Статута изъ внутреннихъ потребностей и нуждъ самого Великаго Княжества Литовскаго, а не благодаря требованіямъ Люблинской Уніи, нашло дальнѣйшее развитіе въ изученіяхъ Іосифа Ярошевича. Профессорствовавшій въ Виленскомъ Университетѣ, Ярошевичъ продолжалъ свою научную работу и послѣ его закрытія. Въ Университетѣ онъ преподавалъ мѣстное право. Литовскій Статутъ, естественно, долженъ былъ стать предме-

томъ его особенно внимательнаго изученія. Послѣ закрытія Виленскаго Университета Ярошевичъ не только не прекратилъ своихъ научныхъ занятій, но продолжалъ ихъ съ не ослабѣвшими интересомъ и энергіею. Разрабатывая общую исторію культуры Литвы, Ярошевичъ теперь изучалъ литовское право какъ одно изъ выраженій ея. Но интересъ къ нему у него не ослабѣвалъ и послѣ прекращенія его университетскаго преподаванія. Ярошевича можно признать прямымъ продолжателемъ изученія этого права, веденнаго Даниловичемъ, и въ теченіе нѣкотораго времени онъ былъ единственнымъ научнымъ работникомъ, разрабатывавшимъ исторію литовскаго права. Мацѣёвскій въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія писалъ, что послѣ смерти Даниловича „obecnie sam tylko Jaroszewicz zajmuje się historyą litewskiego prawa“[1]). Въ 1844 году вышелъ въ свѣтъ второй томъ его извѣстнаго трехтомнаго труда „Obraz Litwy“[2]). Въ немъ Ярошевичъ остановился и на исторіи составленія Третьяго Статута, внеся новыя данныя въ ея изученіе. Отмѣтивъ исправленіе Второго Статута на сеймахъ Берестейскомъ 1566 года и Городенскомъ 1568 года, онъ говоритъ о согласіи Литвы внести въ свой Статутъ измѣненія, которыхъ требовала заключенная въ 1569 году Унія. Но эти измѣненія отнюдь не представляются Ярошевичу главною задачею исправленія Второго Статута, производившагося послѣ нея. Онъ представляетъ дѣло такъ, что задача реализаціи Уніи въ артикулахъ Статута была лишь добавлена къ основной задачѣ „поправы“, т. е. къ устраненію недостатковъ, обнаружившихся сразу послѣ утвержденія Статута 1566 года[3]). Указавъ на коммиссію съ Виленскимъ бискупомъ Валеріаномъ Протасевичемъ во главѣ, учрежденную Люблинскимъ сеймомъ для

---

[1]) Historya Prawodawstw Słowiańskich (wydanie drugie), t. I, str. 358.

[2]) Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji, od czasow najdawniejszych do końca wieku XVIII. Przez J. Jaroszewicza, Professora prawa krajowego w b. Uniwersytecie Wileńskim. Cześć II. Litwa w piérwszych trzech wiekach po przyjęciu wiary chrześciańskiéj. Wilno, 1844.

[3]) Люблинская Унія повлекла за собою „nie małe zmiany w prawodawstwie tak prowincji które odpadały od W. Xięztwa i wcielały się do Korony jako też w saméj Litwie. Zaraz na Sejmie unjowym nie zaniedbali Litwini zwrócić na swój Statut pilniejszéj uwagi, bo nie tylko w powszechności postrzegano w nim niedostatki, ale nadto niektóre jego rozporządzenia, trzeba było odmienić lub zupełnie wyrzucić, jako Unji przeciwne“. Str. 143.

исправленія Статута, Ярошевичъ отмѣчаетъ, что ни въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа, ни въ царствованіе Генриха не обнаружились результаты дѣятельности этой коммиссіи. Не зная еще опубликованнаго только въ 1855 году артикула „поправы“, утвержденнаго на сеймѣ коронаціи Генриха Валуа[1]), Ярошевичъ писалъ, что этотъ король лишь далъ свое соизволеніе на производство уже до него проектированнаго исправленія Литовскаго Статута. Переходя къ эпохѣ короля Стефана, Ярошевичъ указываетъ на существовавшее уже въ его время мнѣніе, что часть Третьяго Литовскаго Статута, выработанная на съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго въ Гераноинахъ, Городнѣ и Мстибоговѣ, была Литвою представлена Стефану Баторію ея депутатами предъ признаніемъ его своимъ монархомъ, при чемъ новый король далъ ей свою санкцію[2]). Самъ Ярошевичъ не рѣшается принять этого мнѣнія однако, не находя его подтвержденія въ актахъ законодательства того времени[3]). На основаніи ихъ (т. е. Voluminum Legum) онъ указывалъ на утвержденіе артикуловъ новаго Статута въ 1578 и 1581 годахъ, на Варшавскихъ сеймахъ; отмѣчалъ работу надъ статутовою „поправою“ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго и „вальнаго съѣзда“ въ Новгородкѣ въ 1578 году; указывалъ на подтвержденіе королемъ Стефаномъ права шляхты на избраніе членовъ земскихъ судовъ, внесенное въ Статутъ 1588 года и выданное Баторіемъ, по мнѣнію Ярошевича, въ 1580 или 1581 годахъ; выдвигалъ значеніе учрежденія Литовскаго Трибунала для „поправы“ Статута, ибо оно потребовало исправленія соотвѣтствующихъ статутовыхъ артикуловъ, въ которыхъ оказалось необходимымъ принять во вниманіе существованіе новаго аппелляціоннаго судилища. Сравненіе Второ-

---

1) Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, книга двадцать третья (Москва, 1855), стр. 204-205.

2) „Twierdzą niektórzy, że jeszcze przed przystąpieniem do Elekcji Stefana Batorego, na Zjazdach jakoby litewskich w Gerajnonach, Grodnie i Mscibohowie (w Maju 1576), spisano pewne artykuły prawa, i że deputaci: Jan Chotkiewicz, Ostafiéj Wołłowicz, Jan Kiszka i Alexander Chotkiewicz z innymi, do Stefana wysłani dla uznania go Królem, potwierdzenie ich w tymże roku pozyskali“. Str. 143.

3) „Te jednak okoliczności nie zapisane w księgach ustaw naszych, gdzie natomiast znajdujemy: . . . .“ Далѣе Ярошевичъ приводитъ постановленія конституцій Варшавскихъ сеймовъ 1578 и 1581 годовъ, относящіяся къ исправленію Литовскаго Статута. Str. 143-144.

го и Третьяго Статутовъ, замѣчалъ Ярошевичъ, можетъ ясно показать, сколько измѣненій было внесено въ послѣдній, а стало быть, и не безрезультатно трудились надъ „поправою“ назначенные Люблинскимъ сеймомъ депутаты и тѣ, кто затѣмъ заступилъ ихъ мѣсто. Особую заслугу въ выработкѣ Статута 1588 года Ярошевичъ приписываетъ Льву Сапѣгѣ, за которымъ признаетъ первое мѣсто между законодателями Литвы. Характеризуя сдѣланныя составителями Третьяго Статута исправленія, Ярошевичъ повторилъ высказанное раньше Даниловичемъ: исправлено судопроизводство, усовершенствованы законы относительно права наслѣдованія, дополнены нѣкоторыя узаконенія заимствованіями изъ каноническаго и римскаго права (черезъ посредство Саксонскаго Зерцала), при чемъ особенно выдвигалъ имя Августина Ротундуса, какъ знатока каноническаго, римскаго и нѣмецкаго права[1]).

Такимъ образомъ, Ярошевичъ составленіе Третьяго Литовскаго Статута представляетъ по существу не связаннымъ съ Люблинскою Уніею. Она была лишь принята во вниманіе при выработкѣ кодекса, котораго происхожденіе вызвано недостатками Статута 1566 года и развитіемъ внутренней жизни Великаго Княжества Литовскаго. Выдвинулъ Ярошевичъ и значеніе эпохи Стефана Баторія въ исторіи составленія Третьяго Статута, а также работу надъ нимъ повѣтовыхъ сеймиковъ и государственнаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. О реализаціи постановленій Люблинской Уніи въ артикулахъ Третьяго Литовскаго Статута Ярошевичъ не говоритъ ничего опредѣленнаго. Онъ знаетъ и о томъ, что Литва предъявила рядъ

---

[1]) „Zreszta z porównania ostatnich dwóch Statutów przekonać się można, ile w trzecim zmian zaszło, i jak nie mało rzeczy nowych do niego przybyło, a tak widoczna, że od Sejmu lubelskiego wyznaczeni owi komissarze, i ci którzy z czasem miejsce ich zastąpili przy obywatelskiéj gorliwości Lwa Sapiehy, któremu słusznie z tego względu piérwsze miejsce między prawodawcami Litwy naznaczyć możemy, przygotowaniem materjałów do ostatniéj Redakcji, nie napróżno się zajmowali. Poprawili oni porządek sądowy, mając przytém na względzie wzorem polskim zaprowadzony Trybunał w Litwie, ulepszyli prawa tyczące się sukcessji, i dopełnili niektóre rozporządzenia przepisami wyjętemi z Kanonów i praw rzymskich w glosach Zwierciadła saskiego (speculum saxonicum) przywodzonych (Daniłowicz w Dorpater Jahrbücher l. c.); w czém prócz innych najczynniejszy mógł mieć udział Augustinus Rotundus Milesius (Mielecki?) wojt wileński z Kanonami, rzymskiém i teutońskiem prawem obeznany“. Str. 144-145.

своихъ условій Стефану Баторію для признанія его своимъ монархомъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не хочетъ остановиться на этомъ важномъ моментѣ въ исторіи отношеній Литвы и Польши послѣ Уніи 1569 года и не связываетъ его съ тѣмъ направленіемъ сохраненія государственной самостоятельности Великаго Княжества Литовскаго въ Уніи съ Польскою Короною, которое получило свое полное выраженіе въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ. Не отмѣчаетъ Ярошевичъ и постановленій этого Статута, отвергшихъ Польское пониманіе Уніи. Но надо не упускать изъ виду, что о нихъ вообще ничего не говорилось въ литературѣ о Литовскомъ Статутѣ вплоть до послѣдняго времени. Это молчаніе находитъ свое объясненіе по отношенію къ очень многимъ авторамъ въ томъ, что они не были основательно знакомы съ самимъ текстомъ Статута 1588 года въ полномъ его составѣ и, не прочитавъ его весь цѣликомъ, принимали на вѣру традиціонное представленіе о Люблинской Уніи какъ о сліяніи Литвы и Польши въ единое тѣло и о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ какъ о кодексѣ, реализовавшемъ понимаемую такъ Унію въ статьяхъ свода законовъ Великаго Княжества Литовскаго. Но такіе ученые, какъ Даниловичъ и Ярошевичъ, конечно, знали текстъ Статута 1588 года очень хорошо. Нельзя не пожалѣть о томъ, что они не нашли возможнымъ познакомить своихъ читателей съ основными законами Великаго Княжества Литовскаго, внесенными въ этотъ Статутъ и закрѣпляющими его самостоятельное государственное значеніе рядомъ съ государствомъ Польши въ ихъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой.

Ярошевичъ, какъ мы это уже видѣли выше, былъ профессоромъ Виленскаго Университета. Поэтому съ его именемъ приходится связывать происхожденіе рукописи, хранившейся въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки и озаглавленной „Prawo Polskie i Litewskie“[1]). По своему основному содержанію, данная въ этой рукописи исторія составленія Третьяго Литовскаго Статута совпадаетъ съ изложеніемъ ея во второмъ томѣ труда Ярошевича „Obraz Litwy“. Но въ рукописи, о которой у насъ идетъ рѣчь, она изложена болѣе кратко. Въ ней, послѣ указанія „поправъ“ Второго Статута

---

1) Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки, Б. 4, 82. Рукопись въ своей части дефектна.

на сеймахъ Берестейскомъ 1566 года и Городенскомъ 1568 года, а также постановленія Люблинскаго сейма Уніи объ исправленіи Литовскаго Статута съ утвержденіемъ для этого извѣстной коммиссіи, о ходѣ „поправы“ говорится такъ: „Za Walezyusza nic nie nastąpiło ważnego. Za Stefana Batorego ponowiono starania poprawienia drugiego statutu i 1576 roku, potwierdził Batory artykuły dodatkowe poczynione nie wiadomo gdzie, lecz domyślają się że na zjazdach w Gieraynonie, Grodnie i Mścibohowie, lecz to wtenczas kiedy nie był obrany Królem Litewskim. Deputowani wysłani do Króla z powińszowaniem godności Jan i Alexander Chodkiewiczowie, Wołowicz Ostafiei, Kiszka, otrzymali potwierdzenie tych artykułów. R. 1578 na seymie Warszawskim Król nakazał żeby stany zebrały się do Nowogródka na dzień świętego Michała i aby nowe artykuły o sądownictwie przeyrzeli i Królowi podali do zatwierdzenia. Nie wiadomo co tam zrobili, ale to tylko pewno, że nowe dodatki artykułów Litewskich podane na tym Seymie Król potwierdził, i za dopełnienie statutu uważać kazał: te dodatkowe artykuły znaydują się w rękopiśmie Polskim drugiego Statutu Litewskiego w Puławach i na Wołyniu we Młynowie u Hrabiego Chodkiewicza. Nie wiadomo czy od roku 1578 od Stef. Bat. aż do początku panowania Zygmunta III przybyło co do Statutu, nic o tem historya nie powiada; wprawdzie ieszcze Król nakazał nową redakcyą 1581 r., ale ta nie przyszła do skutku. Za panowania Zygmunta III dnia 30 Stycznia 1588 roku trzeci statut był potwierdzony, poprawiony i otrzymał sankcyą“ [1]).

Рукопись, изъ которой нами сейчасъ приведена выписка, мы рѣшаемся считать частью курса, читаннаго Ярошевичемъ въ Виленскомъ Университетѣ[2]). Если наше предположеніе справедливо, то этотъ курсъ могъ имѣть мѣсто, конечно, до закрытія Виленскаго Университета, послѣдовавшаго въ 1832 году, а еще точнѣе, до возстанія 1830 года. На то, что рукопись написана во всякомъ случаѣ до 1840 года, указываютъ ея слова о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ какъ о сборникѣ еще дѣйствующихъ законовъ въ „Польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи“ [3]).

---

[1]) Стр. 25 и 26 рукописи.

[2]) Почерка Ярошевича мы не знаемъ, а потому и не можемъ опредѣлить, писана ли эта рукопись имъ или кѣмъ-либо изъ его слушателей, или вообще кѣмъ-либо другимъ.

[3]) „Statut ten nie tylko obowiązywał Litwą, ale nadto Woiewództwa Brasławskie, Wołyńskie i Kiiowskie, nawet i w Koronie był używany za po-

Подводя итогъ научнаго изученія Третьяго Литовскаго Статута въ первой половинѣ XIX столѣтія, мы должны установить, что за это время оно сдѣлало значительные успѣхи, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ разрушеніемъ значительной части ложныхъ представленій объ этомъ кодексѣ и объ его исторіи, внесенныхъ въ литературу о немъ Чацкимъ. Во-первыхъ, было установлено, что первое изданіе Статута 1588 года было изданіемъ его русскаго текста. Во-вторыхъ, было разрушено представленіе, будто Третій Литовскій Статутъ составлялся лишь потому, что этого потребовалъ Люблинскій сеймъ Уніи. Было установлено, что „поправа" Второго Статута, которая и представляла собою составленіе Статута 1588 года, началась еще до Люблинской Уніи и была вызвана внутренними потребностями самого Великаго Княжества Литовскаго. Но признаніе дальнѣйшей статутовой „поправы" имѣющею связь съ постановленіями Люблинской Уніи сохранялось, и вопроса о дѣйствительномъ отношеніи Третьяго Статута къ нимъ еще не было поставлено. Въ-третьихъ, было выяснено, что право Литвы по своему происхожденію и сущности не является правомъ польскимъ. Въ-четвертыхъ, начался пересмотръ представленій Чацкаго объ исторіи Статута, т. е. объ исторіи его составленія и утвержденія, а также былъ широко поставленъ вопросъ объ источникахъ этого кодекса. Наконецъ, въ-пятыхъ, было признано значеніе русскаго права въ происхожденіи права Литовскаго Статута. Къ этому нужно прибавить, что и само Великое Княжество Литовское стало пониматься какъ государство Литовско-Русское. Такъ оно было опредѣлено Лелевелемъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Унію Лелевель опредѣлялъ какъ „wielkie dzieło zjednoczenia dwu narodów Polskiego z Litewsko-Ruskim"[1]), а о территоріи Великаго Княжества Литовскаго говорилъ какъ о „ziemiach litewsko-ruskich"[2]).

Въ русской литературѣ изученіе Третьяго Литовскаго Статута было начато въ трудахъ библіографическихъ. Мы уже видѣли, что открытіе совершенно забытаго перваго Мамоничскаго

---

mocnicze w sprawach cywilnych i dziś ieszcze w użyciu i obowiązuie Gubernie Polskie do Rossyi przyłączone". Стр. 26 и 27 рукописи.

[1]) Dzieje Litwy i Rusi aż do unjí z Polską w Lublinie 1569 zawartéj opowiada Joachim Lelewel (Paryż, 1839), str. 265.

[2]) Напримѣръ, ibidem, str. 267.

изданія его русскаго оригинальнаго текста является заслугою В. С. Сопикова въ его „Опытѣ Россійской Библіографіи“. Видѣли мы и успѣхи приведенія въ извѣстность экземпляровъ перваго изданія Статута и ихъ библіографическаго описанія въ первой половинѣ XIX столѣтія. Первоначально въ русской литературѣ Третій Литовскій Статутъ привлекалъ къ себѣ вниманіе лишь какъ русская старопечатная книга, занимающая свое видное мѣсто въ ряду другихъ книгъ, памятниковъ русской старопечати. Но въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка Литовскій Статутъ сталъ привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ ученыхъ и какъ памятникъ законодательный, въ его правѣ и въ его вліяніи на законодательство Московскаго государства. И именно это вліяніе стало первымъ, къ чему изъ связанныхъ съ изученіемъ Литовскаго Статута вопросовъ обратилась русская научная литература.

Съ выходомъ въ 1830 году Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, первый томъ котораго открывается Соборнымъ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, этотъ крупнѣйшаго значенія законодательный памятникъ Московскаго государства начинаетъ особенно изучаться русскими учеными. Въ 1833 году вышло „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія“ В. М. Строева, брата знаменитаго археографа П. М. Строева. Въ этомъ изслѣдованіи его авторъ призналъ Литовскій Статутъ однимъ изъ источниковъ Соборнаго Уложенія. Вліяніе перваго на второе представлялось В. М. Строеву тѣмъ болѣе естественнымъ, что онъ не только былъ изданъ на русскомъ языкѣ, но и право его обнаруживаетъ сродство съ русскимъ законодательствомъ[1]). Въ 1839 году профессоръ Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкинъ въ своей „Рѣчи объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи“ также указалъ на вліяніе Литовскаго Статута на Уложеніе[2]). Уже въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка это положеніе, выдвинутое впервые Строевымъ, утвердилось въ русской научной литературѣ. Можно сказать, что оно отразилось и на возникновеніи интереса у русскихъ историковъ къ Великому Княжеству Литовскому. Н.Г. Устряловъ, бывшій первымъ общимъ историкомъ Россіи, настаивавшимъ на равномъ правѣ его исторіи

---

1) Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, стр. 27.

2) Стр. 14 и 23.

„на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства“[1]), и требовавшимъ включенія исторіи Великаго Княжества Литовскаго въ общую исторію Россіи, выдвигалъ, что „законы гражданскіе“ его „оставались чисто Русскими“. О статутовыхъ законахъ онъ писалъ: „въ доказательство, до какой степени Литовскій Статутъ былъ принаровленъ къ Русскимъ понятіямъ и нравамъ, довольно замѣтить, что изъ него болѣе 50 статей внесено въ послѣдствіи въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича“[2]).

Но не только изученіе Соборнаго Уложенія 1649 года и сравненіе съ его статьями артикуловъ Литовскаго Статута привлекли къ послѣднему вниманіе русскихъ научныхъ работниковъ. На старое русское право какъ на основу статутоваго права указали уже, какъ мы это видѣли, польскіе ученые первой половины XIX столѣтія. Но память о Литовскомъ Статутѣ, какъ о своемъ родномъ кодексѣ, жила въ русскихъ земляхъ, раньше входившихъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго и Польши. Г. А. Полетика въ составленной имъ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“, приписанной Бѣлорусскому архіепископу Георгію Конискому и до 1846 года обращавшейся лишь въ рукописи[3]), настаивалъ на томъ, что послѣ присоединенія русскихъ земель къ Литвѣ онѣ сохраняли неприкосновеннымъ свое старое право, которое и вошло затѣмъ въ Литовскій Статутъ. Полетика писалъ: „права же и обычаи Рускіе не токмо подтвердилъ Гедиминъ тамошнему народу во всемъ ихъ пространствѣ, но ввелъ ихъ и въ своей землѣ вмѣстѣ съ письменами или грамотою Рускою; почему и доднесь въ Княжествѣ Литовскомъ видны по древнимъ архивамъ и у частныхъ особъ старыя приви-

---

[1]) О системѣ прагматической русской исторіи (Разсужденіе, написанное на степень доктора философіи Николаемъ Устряловымъ. С.-Петербургъ, 1836), стр. 36. См. также его же Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское? (читано на торжественномъ актѣ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ 30 декабря 1838 года. С.-Петербургъ, 1839).

[2]) Н. Г. Устряловъ, Русская Исторія, часть вторая (цитируемъ по изданію 1837 года), стр. 106-107.

[3]) См. выше, часть первая, стр. 134 и прим. 1. О происхожденіи „Исторіи Русовъ“ и о личности ея автора см. проф. Д. Дорошенко, Огляд української історіографії (Прага, 1923), стр. 47-58.

легіи и другіе документы, писанные письмомъ Рускимъ, а коренное право Руское, извѣстное подъ именемъ судныхъ статей и собранное въ одну книгу, Статутъ называемую, переведено послѣ съ Рускаго на языкъ Польскій, что и въ самой той книгѣ при концѣ напечатано"[1]). Полетика писалъ еще до начала научнаго изученія Литовскаго Статута, въ то время, когда еще существовало Великое Княжество Литовское какъ государство, находившееся въ федеративномъ соединеніи съ Польшею.

Въ 1849 году Я. Ѳ. Головацкій, бывшій въ то время профессоромъ Львовскаго Университета, писалъ о Статутѣ: „Статутъ Литовскій, уложеный на пôдставѣ давныхъ звычаєвыхъ правъ Руси, ..."[2]). М. А. Максимовичъ нѣсколькими годами позднѣе въ одной изъ своихъ статей говорилъ: „Литовскій Статутъ (которому основаніемъ послужили стародавнія права и обычаи юго-западной Руси; котораго два первыя изданія были еще до соединенія Кіевской Руси и Литовскаго княжества съ короною Польскою; котораго постановленія, взятыя изъ жизни народа, весьма были извѣстны народу; изъ котораго многія статьи приняты были и въ уложеніе царя Алексѣя Михайловича для Великой Россіи; изъ котораго, наконецъ, многія статьи удержаны и въ Сводѣ законовъ, исключительно для двухъ губерній, составляющихъ Малороссію)" . . . .[3]).

На рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ русской литературѣ появились двѣ работы и спеціально посвященныя Литовскому Статуту. Первою по времени была статья „О Литовскомъ Статутѣ", напечатанная въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1838 годъ. Она не была подписана полнымъ именемъ автора, вмѣсто котораго подъ нею стоитъ лишь одна буква „Д". Редакція Журнала снабдила текстъ статьи рядомъ своихъ примѣчаній, а также своимъ „Прибавленіемъ", напечатаннымъ послѣ окончанія ея текста. Статья эта начинается

---

1) Стр. 5-6.

2) Три вступительнии предподаванія о рускôй словесности. Сочиненіе Якова Головацкого, публ. Профессора Руского языка и Словесности Руской при ц. к. Львовскôмъ Университетѣ (Львовъ. 1849). Стр. 17.

3) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, томъ I (Кіевъ, 1876), стр. 555.

такъ: „Одинъ любитель археологическихъ изысканій, желая имѣть ближайшее свѣдѣніе о Литовскомъ Статутѣ, старался собрать старинные экземпляры онаго, и получилъ слѣдующіе“. Дальше слѣдуетъ перечень этихъ экземпляровъ съ обозначеніемъ городовъ, изъ которыхъ они были получены, а именно Вильны, Гродна, Кіева, Житомира, Бѣлостока и Витебска. Значеніе этого перечня экземпляровъ то, что въ русской литературѣ впервые появились свѣдѣнія объ изданіяхъ Третьяго Литовскаго Статута, какъ его оригинальнаго русскаго текста, такъ и польскаго перевода. Перечень этихъ изданій не совсѣмъ точенъ, ибо и годы изданія Трибунала, который нерѣдко вплетался въ одинъ томъ со Статутомъ, были принимаемы за годы изданія послѣдняго. Даны были въ статьѣ свѣдѣнія и о такъ называемомъ Волынскомъ Статутѣ, подъ которымъ авторъ понималъ Литовскій Статутъ 1566 года, говоря о немъ такъ: „Волынскій Статутъ былъ также дополняемъ и окончательно уже въ 1588 году утвержденъ, также на Русскомъ языкѣ, Сигизмундомъ III, въ день коронаціи его въ Краковѣ, съ повелѣніемъ напечатать оный какъ на Русскомъ, такъ и на Польскомъ языкахъ. Сія то редакція и есть нынѣшній Литовскій Статутъ, дѣйствующій доселѣ въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ отъ Польши Губерніяхъ“[1]).

Статья, подписанная буквою „Д“, не чужда и крупныхъ фактическихъ неточностей и даже простыхъ ошибокъ. Такъ, ея авторъ посчиталъ современниками и канцлера Гаштолта, и Августина Ротундуса, и Голонзку. Въ этой и ей подобныхъ неправильностяхъ, встрѣчаемыхъ въ статьѣ, прекрасно обнаруживается недостаточность научной разработки исторіи и права Литвы, которая еще ожидала притока новыхъ научныхъ работниковъ въ помощь и на смѣну тѣхъ слишкомъ немногихъ отдѣльныхъ ученыхъ, ими интересовавшихся и занимавшихся. Въ „Прибавленіи“, сдѣланномъ редакціею Журнала къ статьѣ, приходится отмѣтить и нѣкоторое отраженіе той политической и національной борьбы между началами польскимъ и русскимъ, которая открыто началась съ Польскаго возстанія 1830 года и которая такъ осложнила затѣмъ вопросы историческаго прошлаго Литвы и Западной Руси. Въ своемъ „Прибавленіи“ ре-

---

1) Стр. 381.

дакція Журнала писала, что „Статутъ Литовскій есть памятникъ не только Литовскаго Законодательства, но и древней Русской письменности въ Литвѣ и во всей Западной Руси“. Это было дѣйствительно уже установлено къ тому времени научнымъ изученіемъ Статута и его перваго Мамоничскаго изданія. Къ этому она добавляла: „Онъ лучше всѣхъ другихъ свидѣтельствъ напоминаетъ жителямъ Западныхъ Губерній, что ихъ происхожденіе (за исключеніемъ трехъ Уѣздовъ Виленской Губерніи) есть коренное Русское, и что природный языкъ ихъ есть Русскій же, который по сосѣдству съ Польшею нѣсколько отличался отъ Сѣверовосточнаго или Великорусскаго нарѣчія“[1]). Въ этихъ словахъ ясно чувствуется элементъ борьбы съ польскою національно-политическою мыслью въ ея проявленіяхъ въ литературѣ и дѣйствіяхъ по отношенію къ „Западнымъ Губерніямъ“.

Въ 1841 году вышла уже отмѣченная нами выше статья И. Н. Даниловича „Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты“. Она явилась цѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской научной литературы въ этой области. Но работа надъ Статутами чрезвычайно затруднялась отсутствіемъ изданій ихъ текста, вполнѣ доступныхъ для его изученія. Если изданія польскаго перевода Третьяго Статута, вышедшія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ (изданіе 1811 года давало и русскій его переводъ, хотя далеко не удовлетворительный), и можно было безъ труда находить въ библіотекахъ и въ продажѣ, то ни оригинальный русскій текстъ этого кодекса, ни Статуты 1529 и 1566 годовъ, никогда не напечатанные, были недоступны для сколько-нибудь широкихъ круговъ интересующихся ими. Въ 1841 году Первый Литовскій Статутъ былъ напечатанъ въ изданіи графа Адама Титуса Дзялынскаго[2]). Къ сожалѣнію, однако, въ этомъ изданіи оригинальный русскій текстъ памятника воспроизведенъ не въ его подлинномъ видѣ, а въ передачѣ польскимъ письмомъ, т. е. польскими, а не русскими буквами, что значительно уменьшило цѣнность изданія не только для филолога, но

---

[1]) Стр. 384.

[2]) Zbior praw litewskich, str. 141-394. Въ этомъ изданіи напечатаны въ два столбца параллельно переписанный польскими буквами русскій текстъ Статута и его текстъ латинскій. Подъ этими двумя текстами напечатанъ польскій переводъ.

и для историка. Изданіе всѣхъ трехъ Литовскихъ Статутовъ въ ихъ оригинальномъ русскомъ текстѣ было предпринято Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, которое вообще въ своихъ изданіяхъ напечатало много матеріаловъ, имѣющихъ крупное значеніе для исторіи Великаго Княжества Литовскаго. Во „Временникѣ" Общества Исторіи и Древностей И. Д. Бѣляевымъ были изданы всѣ три Литовскихъ Статута въ ихъ оригинальномъ русскомъ текстѣ, съ возможною точностью воспроизведенія ихъ письма, а по отношенію къ Мамоничскому изданію Статута 1588 года его печати. Изданія Перваго и Третьяго Статутовъ вышли въ 1854 году, Второго — въ 1855-мъ[1]). Въ 1857 году тѣмъ же Обществомъ былъ напечатанъ и Трибуналъ по Мамоничскому его изданію 1586 года[2]). Съ выходомъ въ свѣтъ этихъ изданій Литовскіе Статуты и дополняющій ихъ Трибуналъ сдѣлались вполнѣ доступными научнымъ изслѣдователямъ. Въ то же время значительно растетъ издательство и актоваго матеріала, относящагося къ исторіи и праву Великаго Княжества Литовскаго, особенно со времени археографической экспедиціи П. М. Строева и учрежденія Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ въ 1834 году[3]). Мы уже не говоримъ о другихъ издателяхъ и изданіяхъ актовъ Великаго Княжества Литовскаго въ XIX столѣтіи, которые въ общемъ развитіи русской археографіи доставили изслѣдованію историческаго прошлаго этого государства громадные матеріалы.

Совершенно естественно, что съ изданіемъ матеріаловъ оживилось и изученіе исторіи и права Великаго Княжества Литовскаго. Это оживленіе было возможно и потому, что развивавшіеся въ своей научно-академической работѣ университеты Россіи со второй половины XIX столѣтія создавали все бóльшіе и бóльшіе кадры подготовленныхъ къ научной работѣ и ей преданныхъ научныхъ работниковъ. Въ изученіи вліянія Литовскаго Статута на Соборное Уложеніе 1649 года новые успѣхи начинаются съ 1850 года. Въ этомъ году И. Е. Забѣлинъ опубликовалъ „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя

---

[1]) Книги XVIII, XIX и XXIII.

[2]) Книга XXV.

[3]) О Строевѣ см. Николай Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева (Санктпетербургъ, 1878).

Михайловича", заимствованныя имъ изъ одного дѣла Архива Оружейной Палаты[1]). Въ этой публикаціи были и „Указанія на источники Уложенія"[2]), въ которыхъ много разъ была сдѣлана помѣта „изъ Литовскаго". Въ 1855 году А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ „Дополнительныя статьи къ Судебнику Царя Іоанна Васильевича, издаваемыя въ первый разъ по списку Эрмитажной Библіотеки"[3]), при которыхъ было помѣщено и „Указаніе на статьи, соотвѣтствующія въ древнихъ юридическихъ памятникахъ дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику настоящаго изданія"[4]). Тутъ были приведены статьи изъ Русской Правды и другихъ законодательныхъ памятниковъ, а въ ихъ числѣ и изъ Литовскихъ Статутовъ 1529 и 1588 годовъ, при чемъ изъ послѣднихъ ихъ оказалось много. Такимъ образомъ, выяснилось, что Литовскій Статутъ оказалъ свое вліяніе не только на Уложеніе 1649 года, но и на предшествующее ему Московское законодательство. Н. В. Калачовъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ историковъ-юристовъ, въ своемъ предисловіи къ издаваемымъ „Дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику", между прочимъ писалъ: „но кромѣ Русской Правды есть еще одинъ памятникъ, именно Литовскій Статутъ, гдѣ встрѣчаются статьи, имѣющія поразительное сходство съ нѣкоторыми издаваемыми нами статьями Эрмитажнаго сборника"[5]). Сопоставленіе артикуловъ Литовскаго Статута съ законодательными памятниками Московской Руси приводило къ установленію ихъ сходства въ различныхъ узаконеніяхъ. А. В. Семеновъ въ своей статьѣ „О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси"[6]) выдвигалъ „сходство" Литовскаго Статута 1529 года „въ 1-хъ съ Русскою Правдою, данною Ярославомъ I-мъ, слѣдственно

---

1) Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ, книжка первая (Москва, 1850), стр. 1-18.

2) Стр. 17-18.

3) Тотъ же Архивъ Калачова, книги второй половина первая (Москва, 1855), стр. 71-120.

4) Стр. 96-120.

5) Стр. 76. Калачовъ, однако, не считалъ еще возможнымъ „рѣшить окончательно, что упомянутыя здѣсь и другія постановленія заимствованы составителемъ дополнительныхъ статей или даже писцомъ Эрмитажнаго сборника непосредственно изъ Литовскаго Статута".

6) Временникъ Имп. Московскаго Общества Ист. и Др. Росс., XIX (1854 г.), стр. I-XII.

за 400 лѣтъ и болѣе прежде сего Статута, и во 2-хъ съ Судебникомъ Великаго Князя Іоанна III изданнымъ 30 лѣтъ прежде въ 1497 г. и съ Судебникомъ Царя Іоанна IV изданнымъ въ 1550 г., который служилъ дополненіемъ Судебнику Іоанна III"[1]). Семеновъ признавалъ, что „порядокъ суда въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. сходенъ съ постановленіемъ Русскаго Судебника 1497 и 1550 года". Въ своей статьѣ далѣе А. В. Семеновъ даетъ сопоставленіе отдѣльныхъ постановленій Литовскихъ Статутовъ 1529 и 1588 годовъ съ Московскими Судебниками и Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года.

Разработка научнымъ изслѣдованіемъ вліянія Литовскаго Статута на Соборное Уложеніе 1649 года и вообще на Московское законодательство получила свое наиболѣе полное выраженіе въ новѣйшее время въ изученіяхъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Въ своей статьѣ „Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича"[2]) онъ не только окончательно установилъ связь перваго со вторымъ, но выяснилъ широту вліянія статутоваго права и вообще на право Московскаго государства. Третій Литовскій Статутъ, по опредѣленію Владимірскаго-Буданова, получилъ въ Московскомъ государствѣ значеніе субсидіарнаго источника права. Мысль эта была развита имъ и въ его извѣстномъ и весьма распространенномъ „Обзорѣ исторіи русскаго права", въ которомъ онъ писалъ: „Приказные дѣльцы, лишенные живой связи съ народнымъ сознаніемъ обычнаго права, не могли обращаться къ этому послѣднему и потому принуждены были создать сами для себя субсидіарные источники права изъ постановленій Литовскаго Статута (3-ей ред.). Къ этому открытъ путь постояннымъ сближеніемъ съ Литовскимъ государствомъ въ нач. XVII в. Изъ статута дѣлались выписки (изъ раздѣловъ X, XI и XIII) дьяками, переводились (весьма неискусно) на московское нарѣчіе, расчленялись на статьи, приписывались въ Указныя книги ..... и, несомнѣнно, примѣнялись къ практикѣ.

---

[1]) Стр. III. Вліяніе Литовскаго Статута на Соборное Уложеніе 1649 года во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ было уже общепризнаннымъ въ русской литературѣ. Ср., напр., С. Горскій, Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михайловича. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Первой и Второй Казанскихъ гимназій (Казань, 1857). Стр. 12.

[2]) Сборникъ Государственныхъ Знаній, т. IV (С.-Петербургъ, 1877).

Впослѣдствіи всѣ они, въ болѣе искусной редакціи, вошли въ Улож. ц. А. М.“[1]). Еще въ 1873 году, впервые издавая второй выпускъ своей извѣстной „Христоматіи по исторіи русскаго права“, въ предисловіи къ нему Владимірскій-Будановъ писалъ: „изъ литовско-русскихъ памятниковъ сюда не вошелъ Литовскій Статутъ старшихъ редакцій потому, что всѣ три редакціи Статута, какъ одинъ цѣльный памятникъ, должны быть сопоставлены съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, какъ основной источникъ этого послѣдняго“[2]).

Но Литовскій Статутъ занялъ прочное мѣсто въ изученіяхъ русскихъ ученыхъ не только въ силу его вліянія на законодательство и право Московскаго государства. Въ своихъ артикулахъ, относящихся къ гражданскому и уголовному праву, Третій Статутъ привлекъ къ себѣ вниманіе русскихъ юристовъ, ибо это право имѣло значеніе мѣстнаго права для части территоріи Россійской Имперіи. Въ рядѣ трудовъ Литовскій Статутъ изучался въ этомъ своемъ значеніи, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ затрагивались и вопросы, связанные съ его происхожденіемъ и исторіей[3]). А между тѣмъ русская историческая наука обратилась и къ научной разработкѣ исторіи Ве-

---

[1]) Обзоръ ист. р. права, стр. 222. Не имѣя въ настоящее время подъ руками седьмого, т. е. послѣдняго изданія этой книги, вышедшаго въ 1915 году, цитируемъ по шестому ея изданію, вышедшему въ 1909 году.

[2]) Предисловіе это было напечатано и въ слѣдующихъ изданіяхъ Христоматіи.

[3]) Въ числѣ ихъ см., напримѣръ, П. Даневскій, Рѣчь объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи (Рѣчь и Историческая Записка, написанныя для прочтенія въ торжественномъ собраніи лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, бывшемъ 1846 года, іюня въ 23 день. Кіевъ, 1846), стр. 64-69; М. М. Михайловъ, Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, выпускъ второй (С.-Петербургъ, 1860), стр. 76 и сл.; А. Квачевскій, Законы Черниговской и Полтавской губерній и новый судъ (Журн. Гражд. и Угол. Права, 1875 г., книжки первая и вторая) и Литовскій Статутъ, какъ источникъ мѣстнаго права для губерній Черниговской и Полтавской (тотъ же Журналъ, 1876 г., книжка четвертая); С. В. Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I (С.-Петербургъ, 1876), стр. 193-202. Къ трудамъ, авторовъ которыхъ Литовскій Статутъ интересуетъ преимущественно какъ кодексъ, дѣйствовавшій въ Малороссіи, можно отнести и слѣдующіе — А. Ѳ. Кистяковскій, Права, по которымъ судится малороссійскій народъ (Кіевъ, 1879) и В. И. Баршевскій, Краткая исторія Литовскаго Статута (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1882 г., VI).

ликаго Княжества Литовскаго, привлекая къ ней все новые и новые источники, которыхъ уже очень много было издано въ печати и которыхъ цѣлое море хранилось въ Литовской Метрикѣ, областныхъ архивахъ и различныхъ древлехранилищахъ. Временемъ особеннаго расцвѣта этой разработки были послѣднія десятилѣтія XIX-го и первыя XX-го столѣтія. Изслѣдованія Ѳ. И. Леонтовича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, С. А. Бершадскаго, М. К. Любавскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Н. Ясинскаго, Г. В. Демченка, Н. А. Максимейка, І. А. Малиновскаго, Ѳ. В. Тарановскаго, С. Л. Пташицкаго, В. И. Пичеты и другихъ внесли, на основаніи громаднаго матеріала, ими разработаннаго, такъ много въ изученіе исторіи и права Великаго Княжества Литовскаго, что совершенно перестроили ихъ въ тѣхъ областяхъ, которыя были этими учеными изслѣдованы. Но мы не можемъ отвлекаться въ разсмотрѣніе успѣховъ научной разработки исторіи Великаго Княжества Литовскаго, ибо нашею задачею на настоящихъ страницахъ является лишь изученіе Третьяго Литовскаго Статута въ литературѣ. Обращаясь непосредственно къ нему, нужно отмѣтить, что это изученіе въ русской литературѣ второй половины XIX вѣка развивалось главнымъ образомъ въ трехъ направленіяхъ. Во-первыхъ, опредѣлялись природа статутоваго права и основа, изъ которой оно выросло. Во-вторыхъ, изучались отдѣльные артикулы Статута, привлекаемые къ изслѣдованію отдѣльныхъ вопросовъ государственнаго устройства и права Великаго Княжества Литовскаго. Въ-третьихъ, выяснялись источники части статутовыхъ законовъ и изучались система права и процессъ, данные въ законодательствѣ Статута.

Въ области опредѣленія основной природы статутоваго права на первомъ мѣстѣ нужно поставить статью Ѳ. И. Леонтовича „Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить Литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права“, вышедшую въ 1865 году[1]). Ея основная мысль выражена въ самомъ ея началѣ. Леонтовичъ писалъ: „Литовскій Статутъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго права. Если между Русскою Правдою и законодательствомъ московскимъ проходитъ ничѣмъ не наполняемая пропасть, то, при самомъ поверх-

[1]) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1865 г., №№ II-IV.

ностномъ изученіи Литовскаго Статута, нельзя не видѣть прямой связи его съ Русскою Правдою. Литовскій Статутъ представляетъ цѣлый рядъ юридическихъ институтовъ, корнями своими нѣдрящихся въ Русской Правдѣ. Можно безошибочно сказать, что цѣлые раздѣлы Статута построены на одинаковыхъ началахъ съ Русскою Правдою. Сходство институтовъ въ обоихъ памятникахъ не могло быть дѣломъ случая. Оно указываетъ на общее сродство цѣлаго строя юридической жизни въ эпоху Русской Правды и Литовскаго Статута, въ особенности первой редакціи (1529)"[1]). Конечно, Леонтовичъ не былъ первымъ, кто указалъ на связь Литовскаго Статута съ Русскою Правдою. Мы уже видѣли выше, что она была выдвинута въ польской литературѣ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, а именно Линде и особенно Раковѣцкимъ. Леонтовичъ пошелъ въ сущности лишь вслѣдъ за ними. Но и русская литература наводила его мысль также на необходимость принятія положенія, имъ выдвинутаго. Самъ Леонтовичъ указываетъ на изслѣдованіе И. Д. Бѣляева „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ", вышедшее въ 1858 году и отмѣчавшее связь Статута съ Русскою Правдою, а также на статью А. В. Семенова „О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси", съ которой мы уже познакомились выше. Къ этимъ указаннымъ Леонтовичемъ работамъ можно было бы прибавить хотя бы и статью С. П. Шипова „Краткое обозрѣніе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи", напечатанную въ 1855 году. Въ ней авторъ, говоря о Литвѣ, писалъ: „Русская Правда была первоначально единственнымъ письменнымъ закономъ, коимъ руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ власть судебная, но въ послѣдствіи многія изданныя отъ Правительства узаконенія послужили дополненіемъ къ Русской Правдѣ и замѣнили существовавшее до того времени обычное право"[2]). Такимъ образомъ, Леонтовичъ не былъ иниціаторомъ положенія о связи Литовскаго Статута, но наиболѣе полно это положеніе формулировалъ и указалъ на значеніе Статута для общей исторіи русскаго права, ибо тѣ русскія земли, въ которыхъ Русская Правда въ ея южной редакціи возникла, вошли затѣмъ въ составъ территоріи Великаго Кня-

---

1) Тамъ же, II, стр. 1.

2) Временникъ Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс., XXII, стр. 14.

жества Литовскаго, а не Московскаго государства. Именно государство Литвы, а не Москвы явилось наслѣдникомъ древняго русскаго права, собраннаго въ Русской Правдѣ, и затѣмъ его развивало въ своемъ послѣдующемъ законодательствѣ. Таково основное положенiе, выдвинутое Ѳ. И. Леонтовичемъ, которое затѣмъ, хотя и не сразу, было принято въ наукѣ исторiи русскаго права.

Это положенiе развивалось черезъ два года Чарнецкимъ въ его изслѣдованiи „Исторiя Литовскаго Статута, съ объясненiемъ особенностей трехъ его редакцiй и предварительнымъ обозрѣнiемъ законодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ западной Россiи до изданiя Статута“[1]), а съ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтiя его углублялъ Владимiрскiй-Будановъ. Въ весьма удачной формулировкѣ, данной однимъ изъ его учениковъ, I. А. Малиновскимъ, положенiе, на которомъ настаивалъ Владимiрскiй-Будановъ, таково: „Древне-русское право получило дальнѣйшее развитiе въ московскомъ правѣ, съ одной стороны, и въ литовско-русскомъ правѣ, съ другой стороны“ и „на русскомъ правѣ перiода имперiи отразились какъ особенности московскаго права, такъ и особенности литовско-русскаго права“[2]).

Итакъ, въ русской литературѣ второй половины XIX столѣтiя была опредѣлена основа, изъ которой выросло статутовое право, и выяснено значенiе Литовскаго Статута для исторiи общерусскаго права. Къ обозначенiю права Великаго Княжества Литовскаго и къ послѣднему какъ государству въ русской литературѣ принимается обозначенiе „литовско-русскiй“, стремившееся указать на соединенiе въ этомъ государствѣ территорiй и нацiональныхъ стихiй литовской и русской. Мы уже видѣли, что это обозначенiе перешло въ русскую литературу изъ польской, въ которой примѣнилъ его Лелевель.

Переходя къ изученiю въ русской литературѣ статутоваго права и отдѣльныхъ артикуловъ Литовскихъ Статутовъ, приходится отмѣтить, что оно сопровождало почти всѣхъ изслѣдователей въ ихъ работахъ по исторiи права и внутренняго устройства Великаго Княжества Литовскаго, будетъ ли это изученiе

---

[1]) Кiевскiя Университетскiя Извѣстiя за 1866 и 1867 годы.

[2]) Проф. I. А. Малиновскiй, Памяти учителя (Опытъ характеристики ученой и преподавательской дѣятельности проф. М. Ф. Владимiрскаго-Буданова). Ростовъ н. Д., 1917. Стр. 9.

его сословнаго строя, управленія, территоріи, судебной организаціи, гражданскаго и уголовнаго права и процесса, землевладѣнія и т. д. А изслѣдованій этихъ было много десятковъ. Наконецъ, что касается изученія источниковъ статутовыхъ артикуловъ, то въ этой области слѣдуетъ особенно выдвинуть изслѣдованіе Н. А. Максимейка „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“ [1]), которое еще долго будетъ служить необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто станетъ изучать Статутъ въ его источникахъ.

Нельзя не упомянуть и о поднятомъ въ русской литературѣ первой половины девяностыхъ годовъ XIX столѣтія вспросѣ объ обязательности для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Польско-Литовскихъ сеймовъ послѣ Люблинской Уніи въ связи съ вопросомъ о значеніи для него конституціи о „кадукахъ“, утвержденной въ 1588 году сеймомъ коронаціи Сигизмунда III-го. О поводѣ для обсужденія и спеціальнаго изученія этого вопроса рядомъ русскихъ изслѣдователей мы сказали уже выше[2]), перечисливъ и ихъ работы, тогда появившіяся въ печати. Напомнимъ теперь лишь то, что при обсужденіи этого вопроса былъ поднятъ и вопросъ объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута, о двухъ различныхъ предложенныхъ тогда разрѣшеніяхъ котораго мы также говорили выше[3]).

Итакъ, въ русской литературѣ второй половины XIX-го и двухъ первыхъ десятилѣтій XX-го столѣтій изученіе Литовскаго Статута сдѣлало крупные успѣхи. Наоборотъ, въ литературѣ польской, вплоть до рубежа этихъ двухъ вѣковъ интереса къ этому кодексу не наблюдается, и лишь въ самое послѣднее время онъ значительно оживился. Въ исходѣ XIX вѣка Литовскимъ Статутомъ заинтересовался извѣстный польскій ученый Францишекъ Пѣкосинскій, напечатавшій въ 1900 году о немъ изслѣдованіе[4]) и въ томъ же году выпустившій весьма цѣнное изданіе латинскаго и польскаго переводовъ Второго Статута, съ приложеніемъ къ нимъ латинскаго текста земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго и польскаго текста до-

---

1) Кіевъ, 1894.

2) Стр. 65, прим. 1.

3) Стр. 246 и сл.

4) Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydżiał Historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIV. W Krakowie, 1900. Str. 61-130.

полнительной обработки Статута 1566 года для практическаго пользованія этимъ кодексомъ въ Кіевскомъ, Волынскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, отошедшихъ въ 1569 году въ составъ Польской Короны[1]). Изслѣдованіе Пѣкосинскаго носитъ заглавіе: „Statut Litewski. Część I. Powstanie trzech redakcyj Statutu". Начинаетъ свое изслѣдованіе онъ указаніемъ на то, что Литва до Ягайла не имѣла никакихъ писаныхъ законовъ, а также и сколько-нибудь развитого обычнаго права. Всякій законъ въ ней замѣняла деспотическая власть великаго князя. „Aż do chwili przyjęcia wiary chrześcijańskiej za Władysława Jagiełły Litwa", пишетъ Пѣкосинскій, „żadnych praw pisanych ani przywilei nie miała; trudno nawet przypuścić, iżby się wytworzyło jakieś znaczniejsze prawo zwyczajowe, któreby oprócz praw panującego wielkiego księcia, także jakieś prawa bojarów obejmowało. Litwa rządzoną bowiem była przez swoich wielkich książąt despotycznie, wola więc wielkiego księcia, mogąca się zmieniać od wypadku do wypadku, zastępowała miejsce prawa"[2]). Такимъ образомъ, Пѣкосинскій происхожденіе права Великаго Княжества Литовскаго ведетъ исключительно изъ права этнографической Литвы, совершенно отстраняя то, что съ самаго возникновенія этого государства въ его составъ входили и русскія земли, ибо уже со времени Миндовга въ немъ была такъ называемая Черная Русь со своимъ главнымъ городомъ Новогородкомъ. Въ дальнѣйшее время, еще до Владислава-Ягайла, къ созданному Литвою государству были присоединены громадныя русскія земли (Полоцкая, Витебская, Турово-Пинская, Кіевская, Черниговo-Сѣверская, Волынская, Подольская), имѣвшія свои давно сложившуюся общественную организацію, право и культуру. Великое Княжество Литовское съ самаго его возникновенія нельзя представлять себѣ государствомъ только литовцевъ, хотя они его и основали. Государство Литвы получило сразу не характеръ національнаго въ смыслѣ единства этнографическаго его народа, а характеръ имперіи, въ которой объединяются различные въ смыслѣ этнографическомъ народы и въ которой національное сознаніе вырабатывалось на основѣ не племенного родства, а общаго государственнаго сознанія. Конечно, во

---

1) Collectanea ex Archivo Collegii Iuridici. Tomus VII. Archiwum Komisyi Prawniczej. Tom siódmy. Kraków, 1900.

2) Statut Litewski, str. 61.

главѣ государства Литвы стоялъ великій князь съ неограниченною властью. Но эта власть едва ли правильно понимается Пѣкосинскимъ какъ полный произволъ. Предѣлы ея опредѣлялись прежде всего тѣмъ, что великій князь самъ былъ рожденъ, выросъ и дѣйствовалъ въ опредѣленной средѣ и въ опредѣленное время. Понятія и цѣли Литовскаго „господаря“ не могли слишкомъ рѣзко различаться съ тѣмъ, что было въ міросозерцаніи и въ правосознаніи постоянно окружавшей его среды соціальныхъ верховъ тогдашняго общества. Но эти верхи, да и самъ великій князь, по условіямъ жизни того времени, легко и часто входили въ непосредственное общеніе съ болѣе широкими кругами населенія и даже съ народною массою. Обычай, которымъ жилъ народъ, неизбѣжно получалъ значеніе силы, ограничивающей произволъ властителя. Однако для великаго князя Литовскаго существовало и другое ограниченіе его власти. Это были укладъ жизни и права земель, составлявшихъ его „господарство“. А русскія земли Великаго Княжества Литовскаго имѣли и свой внутренній укладъ, и свое право, какъ не писаное, такъ и писаное. Мы уже видѣли выше, что значеніе этого права, и прежде всего Русской Правды, было уже давно провозглашено въ научной польской литературѣ. Пѣкосинскій, однако, съ этимъ не нашелъ нужнымъ считаться.

Указавъ на то, что первое писаное право получили Литовскіе бояре отъ Владислава-Ягайла въ 1387 году, Пѣкосинскій далѣе приводитъ содержаніе привилеевъ и Статутовъ Великаго Княжества Литовскаго. Основная неправильность, допущенная имъ въ опредѣленіи происхожденія права государства Литвы, только что отмѣченная нами, конечно, отразилась и на опредѣленіи значенія Литовскаго Статута и характера статутоваго права. Пѣкосинскій совершенно упустилъ изъ виду, что Литовскій Статутъ представляетъ собою памятникъ такъ сказать имперскаго законодательства Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства не одной народности, а государства, имѣвшаго характеръ имперіи, объединявшей въ себѣ народы, составившіе его населеніе. Другая неправильность, допущенная имъ въ его взглядѣ на Литовскій Статутъ, состоитъ въ принятомъ имъ традиціонномъ польскомъ взглядѣ на Литву какъ слитую Уніями въ единое цѣлое съ Польшею. Пѣкосинскій писалъ: „Statut litewski pomiędzy pomnikami prawodawczymi polskimi nie-

wątpliwie najcelniejsze zajmuje miejsce i należy mu się niezawodnie pierwszeństwo nawet przed ustawodawstwem wiślicko-piotrkowskiem króla Kazimierza Wielkiego..... A i tego nie należy pomijać, że na taki doniosły pomnik zdobył się naród, który nie miał żadnej swojej kultury starodawnej rodzimej, dopiero od półtora wieku zetknął się z kulturą zachodnią, a i tę kulturę brał dopiero z drugiej ręki, gdyż za pośrednictwem Polski" [1]).

Игнорируя государственную природу Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства имперскаго типа, и въ значительно большемъ русскомъ, чѣмъ литовскомъ, составѣ его территорію, смотря на него какъ на „Litwu" въ традиціонно-польскомъ пониманіи этого обозначенія въ смыслѣ части Польши, Пѣкосинскій однако признаетъ вліяніе на него русской культуры, которая, впрочемъ, съ 1386 года уступаетъ вліянію культуры польской. Отвергнувъ раньше существованіе литовскаго обычнаго права, онъ затѣмъ признаетъ необходимость вскрыть его въ Литовскомъ Статутѣ, говоря, что въ немъ „powinniśmy znaleść elementa trzech różnych praw. W pierwszej linii powinniśmy w nim znaleść dawne prawo zwyczajowe litewskie, a ten materyał powinien być przeważającym". Но затѣмъ Литва испытала русское культурное вліяніе, которое смѣнилось съ конца XIV столѣтія польскимъ. Поэтому въ Литовскомъ Статутѣ, рядомъ съ литовскимъ обычнымъ правомъ, нужно „znaleść także elementa prawa zwyczajowego ruskiego, i to ze względu na kilkuwiekowy wpływ kultury ruskiej, również w pokaźnej ilości". Однако, по мнѣнію Пѣкосинскаго, основной и господствующій элементъ права Литовскаго Статута есть право польское. „Statut litewski powstał w półtora wieku po pierwszej unii Litwy z Polską i iuż na pierwszy rzut oka nosi na sobie niewątpliwe znamiona wpływu ducha prawa polskiego", и Пѣкосинскій даже допускаетъ возможность постановки вопроса о томъ, „czy szczegółowa analiza Statutu litewskiego może przynieść jakie nowe zdobycze dla prawa polskiego i jego historyi" [2]). Но онъ признаетъ важность изученія Литовскаго Статута и, какъ мы сейчасъ видѣли, отмѣтилъ три элемента, которыхъ долженъ изслѣдователь искать въ статутовомъ правѣ. Однако первый изъ указанныхъ имъ онъ отвергаетъ сразу и пишетъ: „nie może ulegać najmniejszej wątpli-

---

1) Ibidem, str. 126.
2) Ibidem, str. 127.

wości, iż rodzime prawo zwyczajowe litewskie, mogące pochodzić jeszcze z doby pogańskiej, na redakcyę Statutu litewskiego żadnego prawie nie wywarło wpływu, gdyż nie istniało wcale"[1]). Это свое положеніе Пѣкосинскій устанавливаетъ отнюдь не тщательнымъ изученіемъ всѣхъ артикуловъ во всѣхъ трехъ Статутахъ Литовскихъ. Наоборотъ, о своемъ изслѣдованіи ихъ онъ и не упоминаетъ. Не находя элементовъ обычнаго литовскаго права только въ земскихъ привилеяхъ, которые считаетъ источникомъ и началомъ Литовскаго Статута, Пѣкосинскій лишь потому не допускаетъ возможности нахожденія ихъ въ этомъ кодексѣ.

Что касается русскаго права, то, по представленіямъ Пѣкосинскаго, его элементовъ также не приходится искать въ Литовскомъ Статутѣ. „Od chwili zaś przyjęcia chrześcijaństwa", пишетъ онъ, „o wpływie prawa zwyczajowego ruskiego na rozwój prawa litewskiego już nie może być mowy. Litwini zetknęli się z Polakami i znaleźli u nich swobody, o których żaden Litwin ani Rusin nawet marzyć nie mógł. Odtąd wzrok Litwinów skierowany jest stale w stronę Polski, skąd bezustannie biorą sobie wzory do swych urządzeń prawnych..... Od chwili przyjęcia chrześcijaństwa przez Litwę już tylko instytucye prawa polskiego jedyny i wyłączny wywierały wpływ na kształcenie się i rozwój prawa litewskiego"[2]).

Если все это такъ, то дѣйствительно встаетъ вопросъ о томъ, какой смыслъ тратить время и силы изслѣдователямъ на изученіе Литовскаго Статута, если онъ въ себѣ заключаетъ только польское право, гораздо лучше и полнѣе изучаемое по другимъ, основнымъ его памятникамъ, рядомъ съ которыми онъ получаетъ лишь второстепенное значеніе. На этотъ вопросъ Пѣкосинскій отвѣчаетъ такъ. Въ средневѣковой Польшѣ рядомъ съ писанымъ правомъ развивалось право обычное, получавшее иногда очень большое значеніе. „A jeśli tak", пишетъ Пѣкосинскій, „jeśli istnieją niewątpliwie i takie postanowienia prawa polskiego, zwłaszcza zwyczajowego, które nam dotąd wcale znane nie są, to analiza szczegółowa Statutu litewskiego może nam łatwo odkryć niejedno takie zagubione postanowienie prawa zwyczajowego polskiego, o którem z innych pomników prawa polskiego nie mamy żadnej wiadomości"[3]).

---

1) Ibidem, str. 129.
2) Ibidem, str. 129.
3) Ibidem, str. 130.

Читая все это у Пѣкосинскаго, трудно не признать, что мимо него прошла вся научная разработка исторіи Великаго Княжества Литовскаго не только въ русской, но и въ польской литературѣ. На „Литву“ онъ смотрѣлъ глазами Чацкаго и польской національно-политической идеологіи и не видѣлъ въ ней того Великаго Княжества Литовскаго, которое существовало дѣйствительно и составъ территоріи котораго съ его особенностями населенія, его происхожденіе и исторія, по крайней мѣрѣ до Люблинской Уніи, были уже достаточно возстановлены въ научномъ изслѣдованіи къ тому времени, когда Пѣкосинскій принимался за свою работу о Литовскомъ Статутѣ. На этой работѣ не замѣтно вліянія не только трудовъ Линде, Раковѣцкаго, Мацѣёвскаго и русскихъ изслѣдователей Литовскаго Статута, но даже во многомъ и Даниловича или Ярошевича. Пѣкосинскій въ своихъ взглядахъ на Литовскій Статутъ является прямымъ наслѣдникомъ Чацкаго и повторяетъ большинство ложныхъ представленій, внесенныхъ послѣдимъ въ дѣло изученія этого кодекса.

Подобно Чацкому Пѣкосинскій происхожденіе Третьяго Литовскаго Статута связываетъ съ Люблинскою Уніею и считаетъ его приведшимъ въ исполненіе ея постановленія. Онъ пишетъ: „Przedewszystkiem wszelako akt unii lubelskiej z r. 1569 wywoływał konieczną potrzebę przystąpienia do ponownej naprawy Statutu. Aż do aktu unii lubelskiej bowiem Polacy uchodzili na Litwie za cudzoziemców, podlegali więc tym wszystkim ograniczeniom prawnym, jakie przeciw cudzoziemcom ustanowione były. Akt unii lubelskiej stworzył z Litwy i Korony jedno nierozdzielne państwo, a obywateli obudwu tych krajów zrównał w prawach zupełnie. W tym więc kierunku należało w Statucie odnośną poprawę przeprowadzić, czyli do trzeciej redakcyi przystąpić, bo chociaż akt unii lubelskiej w niczem wewnętrznego ustawodawstwa litewskiego nie dotykał, tak że Litwa i nadal swym osobnym Statutem rządzić się mogła, to jednak już recesem sejmu warszawskiego z r. 1564, a potem i aktem unii lubelskiej z r. 1569 wszelkie postanowienia praw litewskich, wymierzone przeciw Polakom co do nabywania dóbr ziemskich na Litwie, wyraźnie uchylone zostały“[1]). Еслибы Пѣкосинскій сколько-нибудь внимательно прочиталъ Третій Литовскій Статутъ, онъ, конечно, увидѣлъ бы въ немъ

[1]) Ibidem, str. 122.

самъ, что всѣ ограниченія правъ поляковъ, имѣвшіяся въ Статутѣ 1566 года, были сохранены и въ немъ, какъ увидѣлъ бы и то, что Статутъ 1588 года не принялъ къ исполненію и вообще постановленій Люблинской Уніи.

Работу Пѣкосинскаго трудно признать шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія Литовскаго Статута. Наоборотъ, въ ней можно видѣть попытку вернуть научную разработку исторіи и права этого кодекса ко временамъ Чацкаго и къ его ложнымъ представленіямъ о нихъ. Что касается изданія Пѣкосинскимъ Второго Статута въ латинскомъ и польскомъ переводахъ, то, конечно, оно имѣетъ крупное научное значеніе[1]). Можно лишь пожалѣть, что Пѣкосинскій не зналъ оригинальнаго русскаго текста Статута 1566 года, изданнаго еще въ 1855 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей. Этотъ текстъ помогъ бы ему сдѣлать коньектуры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ польскаго текста, въ которыхъ онѣ иногда безусловно требуются.

Работы Пѣкосинскаго надъ Литовскимъ Статутомъ, вызвавшія критическое къ себѣ отношеніе, послужили поводомъ высказаться объ этомъ кодексѣ и для одного изъ самыхъ выдающихся историковъ польскаго права новѣйшаго времени, для Освальда Бальцера. Въ 1907 году онъ выступилъ съ газетною статьею, бравшею подъ защиту какъ ученую личность Пѣкосинскаго, такъ и нѣкоторыя изъ выдвинутыхъ имъ по отношенію къ Литовскому Статуту положеній, а въ числѣ ихъ и основное, т. е. признаніе этого кодекса памятникомъ польскаго права. Статья эта имѣетъ несомнѣнный полемическій характеръ. Въ ней Бальцеръ рѣшительно выступилъ противъ утвердившагося въ русской литературѣ признанія Статута памятникомъ стараго русскаго права. Выдающаяся ученость автора налицо и въ этой небольшой статьѣ. Но, традиціонный ли взглядъ на Литву и ея тѣсныя связи съ Польшею, держащійся въ польской литературѣ, или полемическій характеръ статьи, а вѣрнѣе всего и то, и другое вмѣстѣ, внесли въ написанное Бальцеромъ тогда положенія, съ которыми очень трудно соглашаться. Начнемъ разборъ съ метода, который онъ считаетъ возмож-

---

[1]) Съ утвержденія о томъ, что Литовскій Статутъ является памятникомъ польскаго законодательства, начинается и „Słowo Wstępne“ къ этому изданію.

нымъ приложить къ изученію права Литовскаго Статута. Бальцеръ пишетъ: „Cały zasób postanowień Statutów litewskich, ze względu na ich pochodzenie, podzielić można przedewszystkiem na dwie grupy: polską i niepolską"[1]). Польское право было для Великаго Княжества Литовскаго правомъ иностраннымъ, правомъ не его, а другого государства. Почему же при изученіи права государства Литвы можетъ прилагаться методъ опредѣленія, что́ въ немъ является правомъ одного изъ другихъ государствъ и что́ не представляетъ собою права этого другого государства? Думается, что едва ли можно признать такой методъ правильнымъ. Изученіе права, напримѣръ, чешскаго трудно ставить такимъ образомъ, чтобы опредѣлять въ немъ нѣмецкое или ненѣмецкое, или изученіе права польскаго вести путемъ опредѣленія того, что въ немъ чешскаго и нечешскаго, нѣмецкаго и ненѣмецкаго, мадьярскаго и немадьярскаго, и т. д. въ приложеніи этого метода къ исторіи права всѣхъ рѣшительно народовъ. Думается, что единственнымъ научно-правильнымъ методомъ изученія права всякаго государства и всякаго народа является изученіе его происхожденія внутри этихъ народа или государства и усвоенія имъ вліяній другого иностраннаго права, если эти вліянія имѣли мѣсто. Почему же только къ изученію права Великаго Княжества Литовскаго нужно подходить съ особымъ, лишь для него вводимымъ методомъ?

Если мы станемъ прилагать научный методъ, примѣняемый по отношенію къ изученію права всѣхъ рѣшительно государствъ, и къ исторіи права Великаго Княжества Литовскаго, то, конечно, прежде всего должны будемъ обратить вниманіе на составъ его территоріи и на то право, которое въ ней существовало до тѣхъ иностранныхъ вліяній, которыя стараемся опредѣлить. Земли же государства Литвы, его территорія, были Литовскими и Русскими по своему населенію. Отсюда слѣдуетъ, что и основу послѣдующаго права Великаго Княжества Литовскаго нужно искать и опредѣлять именно въ этихъ земляхъ. Польское право для государства Литвы не было туземнымъ. Оно было для него иностраннымъ. Оно не выростало въ немъ органически, а проникало въ него такъ же, какъ проникаетъ вообще иностранное право въ туземное въ процессѣ

[1]) Oswald Balzer, Przygodne Słowa (Lwów, 1912), str. 190 (Prof. Piekosiński i Statuty litewskie).

развитія послѣдняго. Это проникновеніе совершается или путемъ усвоенія элементовъ иностраннаго права бытомъ и практикою органовъ суда и управленія, или рецепціею въ законодательство. Проникновеніе польскаго права въ Великое Княжество Литовское и подлежитъ научному изслѣдованію въ правѣ государства Литвы общепринятыми научными методами изученія рецепціи и усвоенія элементовъ иностраннаго права правомъ туземнымъ. И при такомъ изученіи никакая предпосылка о равенствѣ по значенію польскаго права, какъ иностраннаго, съ правомъ туземнымъ не можетъ быть допущена и по отношенію къ праву Великаго Княжества Литовскаго. Говоря о постановкѣ вопроса о вліяніи на Литовскій Статутъ въ трудахъ „pisarzów rosyjskich i ruskich", Бальцеръ превосходно выразилъ научныя требованія, которыми необходимо руководиться при опредѣленіи вліяній иностраннаго права на Литовскій Статутъ. Бальцеръ писалъ: „Najpierw: nie każda zgodność jest dowodem ruskiego pochodzenia odnośnych postanowień w Statutach litewskich, skoro także w innych prawach, które na Statuty wpłynęły, znaleść się mogą takież same zasady. Powtóre, i to najważniejsza, skoro na treść statutów wpływały rozmaite elementy, to nie można poprzestać na wykazaniu podobieństw między Statutami a jednym z tych elementów; owszem, należy wciągnąć w zakres porównań w s z y s t k i e wpływy, jakie tu w rachubę wchodzić mogą, i dopiero na zasadzie szczegółowego rozpatrzenia każdego z nich, jako też wzajemnego ich do siebie stosunku, rozstrzygnąć zasadnicze pytanie, jaką jest siła i natężenie każdego z tych wpływów, a w ślad za tem, który z nich tu przeważa, który na inne oddziaływa, i który Statutom tym nadaje właściwy charakter i zabarwienie" [1]).

Научная правильность этихъ положеній, формулированныхъ Бальцеромъ, безспорна. А если это такъ, то они обязательны и при опредѣленіи вліянія польскаго права на Литовскіе Статуты. И тутъ необходимо, повторяя слова Бальцера, во-первыхъ, помнить, что приписываемое вліянію польскаго права можетъ оказаться имѣющимся не въ немъ одномъ, а во-вторыхъ, представляющееся на первый взглядъ заимствованнымъ изъ польскаго права сравнить съ тѣмъ, что можно найти въ другихъ правахъ, вліяніе которыхъ нужно принимать въ расчетъ при

---

1) Ibidem, str. 190.

изслѣдованіи статутоваго права Великаго Княжества Литовскаго. Къ иному способу опредѣленія вліянія польскаго права на Статуты, конечно, должны быть приложены слова Бальцера: „Otóż postępowanie, którego ani w założeniu, ani w rozwiązaniu kwestyi nie można nazwać naukowem"[1]). Между тѣмъ онъ самъ, до производства такого детальнаго изслѣдованія всѣхъ артикуловъ Литовскаго Статута, считаетъ возможнымъ изъ всѣхъ вліяній на его право поставить не только на первое, но даже на исключительное и господствующее мѣсто именно польское право. Бальцеръ пишетъ: „Na ogół biorąc powiedzieć tedy można, że na treść Statutów litewskich złożyły się elementy różnorodne: polskie, litewskie, ruskie i niemieckie. Ale te trzy ostatnie, niewyjmując także ruskich, cofają się ilościowo i jakościowo na drugie miejsce, i nie tylko którykolwiek z nich, ale nawet wszystkie razem nie wykazują tak wszechstronnego oddziaływania, jak element polski. On je sprzęga wszystkie w jednolitą, organiczną całość, on w mniejszym lub szerszym zakresie przenika różnorodne stosunki prawne. Wpływ państwowości polskiej i cywilizacyjnej siły polskości uwidacznia się w najrozliczniejszych kierunkach. To też, skoro pytamy na ogół, który z elementów składowych ma tu rozstrzygać o charakterze pomnika, możemy — i musimy — stojąc na gruncie ściśle naukowym, przyznać pierwszeństwo i przeważne znaczenie elementowi polskiemu, możemy w tym sensie nazwać Statuty litewskie pomnikami prawa polskiego, nie przywłaszczając sobie zresztą niczego, co się słusznie należy komu innemu, co jednak w całym tym rachunku stanowi pozycyą mniejszą"[2]).

Но примѣнилъ ли Бальцеръ въ этомъ своемъ категорическомъ признаніи Литовскаго Статута памятникомъ польскаго права тотъ научный методъ, который онъ считаетъ необходимымъ при опредѣленіи вліяній на статутовое право другихъ правъ? На основаніи какого изслѣдованія всего статутоваго текста полностью, произведеннаго имъ самимъ или кѣмъ-либо другимъ, онъ считаетъ себя въ правѣ вынести это категорическое признаніе? Бальцеръ самъ признаетъ, что въ Литовскихъ Статутахъ имѣются въ достаточно большомъ количествѣ нормы не польскаго права. Къ такимъ онъ относитъ законы,

---

1) Ibidem, str. 190.

2) Ibidem, str. 194.

касающіеся общественной организаціи, землевладѣнія и уголовнаго права. Въ организаціи управленія, которую признаетъ устроенною по польскому образцу, онъ все-таки отмѣчаетъ нѣкоторыя особенности, хотя и „podrzędniejszego zresztą znaczenia“, въ судебномъ процессѣ также находитъ свои особенности, цѣлый отдѣлъ права частнаго признаетъ лишь переработаннымъ по польскому образцу и только по отношенію къ организаціи „обороны“ считаетъ возможнымъ сказать безъ оговорокъ, что она „oparta w zasadzie na tych samych podstawach co w Polsce“, но и это опредѣленіе не заключаетъ въ себѣ признанія полнаго тожества организаціи „wojskowości“ въ государствахъ Литвы и Польши[1]). Думается, что на основаніяхъ, приведенныхъ Бальцеромъ, едва ли возможно то утвержденіе о господствѣ польскаго права въ правѣ Литовскихъ Статутовъ, которое онъ въ такой категорической формѣ выдвинулъ. Къ этому нужно прибавить, что детальная научная разработка права Литовскихъ Статутовъ приводитъ все къ новымъ и новымъ обнаруженіямъ его существенныхъ отличій отъ польскаго въ тѣхъ областяхъ его, которыя Бальцеръ считалъ польскими[2]). Нельзя кромѣ того забывать, что сходныя явленія въ организаціи государствъ и въ ихъ правѣ очень часто создаются не заимствованіемъ одного отъ другого, а параллелизмомъ ихъ развитія при сходствѣ причинъ, ихъ вызывающихъ, и обстановки исторической жизни въ нихъ обоихъ. Приходится признать, что, превосходно формулировавъ требованія научной постановки изученія вліяній въ области права, Бальцеръ не примѣнилъ ихъ къ своему опредѣленію вліянія польскаго права на Литовскій Статутъ.

Мы едва ли ошибемся, говоря, что въ большинствѣ польскихъ трудовъ, касающихся Великаго Княжества Литовскаго и его права, основаніемъ, хотя и не всегда опредѣленно высказываемымъ, для преувеличенія вліянія Польши на Литву является традиціонное представленіе о сліяніи второй съ первою въ единое государство. Объ этомъ сліяніи говорилъ, какъ мы видѣли выше, и Пѣкосинскій. Но научное изслѣдованіе къ настоящему времени установило, что этого сліянія въ дѣйствительности не было. Можно говорить о томъ, что оно суще-

---

[1]) Ibidem, str. 191.

[2]) См. выше, часть первая, стр. 122-129.

ствовало лишь по отношенію къ семи годамъ между Кревскимъ актомъ 1385 года и Островскимъ соглашеніемъ 1392 года. Все остальное время своей исторіи Великое Княжество Литовское оставалось государствомъ, при томъ какъ до Люблинской Уніи, такъ и послѣ нея. А если это такъ, то и его исторія вообще, и исторія его права должны изучаться въ значеніи исторіи и права особаго государства, а не составной части государства Польскаго. Обращаясь къ Литовскимъ Статутамъ, необходимо при этомъ помнить, что первые два изъ нихъ составлялись въ то время, когда Унія съ Польшею, въ смыслѣ признанія какого-либо договора о ней въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, не существовала. Связью между государствами Литвы и Польши была въ то время лишь „особа“ монарха, занимавшаго ихъ отдѣльные престолы. Что касается Третьяго Статута, то мы уже видѣли въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи какъ исторію его составленія и утвержденія, такъ и его основные законы, устанавливающіе государственную самостоятельность Великаго Княжества Литовскаго. Статуты Литовскіе представляютъ собою своды законовъ самостоятельнаго государства, а не своды мѣстнаго права области Польской Короны. Только принявъ безоговорочно это положеніе, можно научно подойти и къ изслѣдованію ихъ права. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что Статуты Литовскіе мы не имѣемъ права называть законодательными памятниками никакого другого государства кромѣ Великаго Княжества Литовскаго, а во-вторыхъ, что основою ихъ права является туземное право именно этого государства, которое, какъ это бывало и въ иныхъ государствахъ, рецепировало въ себя элементы права и другихъ государствъ, въ частности въ числѣ ихъ и Польши. Поляки не были признаны законодательствомъ Великаго Княжества Литовскаго входящими въ составъ народа этого государства. Народомъ его были, по законамъ Литовскаго Статута, лишь „Литва, Русь и Жомойть, родичи“ Великаго Княжества Литовскаго[1]). Самъ Статутъ, такимъ образомъ, ясно указываетъ и на то, какое право легло въ основу его законовъ. Это — литовское и русское право. Старое литовское обычное право, къ сожалѣнію, къ настоящему времени не можетъ считаться сколько-нибудь разработаннымъ научно. И мы уже ука-

---

[1]) См. выше, стр. 110 и часть первая, стр. 209.

зывали выше на настоятельную необходимость его научнаго изученія[1]). Бальцеръ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что надобность принятія его во вниманіе впервые была указана польскимъ ученымъ Мацѣёвскимъ въ серединѣ XIX столѣтія. Но Бальцеръ упустилъ сказать, что польскій же ученый Пѣкосинскій въ послѣдній годъ того же столѣтія объявилъ литовское обычное право не существовавшимъ. Что касается права Руси, бывшей народомъ Великаго Княжества Литовскаго рядомъ съ Литвою и Жомойтью, то старое право ея хорошо извѣстно наукѣ, извѣстно даже и въ древнѣйшей его записи, которой является Русская Правда, а также и по цѣлому ряду памятниковъ. На необходимость привлеченія его къ изученію права Литовскаго Статута указали впервые Линде и Раковѣцкій, т. е. польскіе ученые. А если въ основу статутоваго права легло право туземное, а старое русское право являлось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ такимъ же туземнымъ, какъ и литовское, то отсюда слѣдуетъ, что Литовскій Статутъ является памятникомъ и этого права, а стало быть онъ подлежитъ изученію въ исторіи русскаго права и долженъ быть включенъ въ число законодательныхъ памятниковъ, въ нее входящихъ. Нельзя забывать при этомъ, что Первый и Второй Литовскіе Статуты до ихъ утвержденія обсуждались радою и сеймомъ Великаго Княжества Литовскаго, въ составѣ которыхъ поляковъ не было. Въ радѣ вмѣстѣ съ литовскими панами засѣдали князья и паны русскіе, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, князья Острожскіе и Ходкевичи, пользовались крупнымъ вліяніемъ. Число же представителей русской шляхты на сеймахъ Великаго Княжества Литовскаго бывало всегда больше, чѣмъ представителей шляхты литовской, ибо въ составѣ этого государства земель Литовскихъ было значительно меньше, чѣмъ Русскихъ. Что же касается Третьяго Статута, то мы уже видѣли исторію „поправы“ Статута Второго, которая и представляла собою его составленіе, и знаемъ, что онъ вырабатывался повѣтовыми сеймиками и государственными съѣздами Великаго Княжества Литовскаго, а повѣтовъ Русскихъ было въ государствѣ больше, чѣмъ повѣтовъ чисто Литовскихъ. Въ виду всего этого, русское право не могло не войти въ Литовскіе Статуты, а въ особенности въ Первый.

---

[1]) Часть первая, стр. 136-140.

Намъ остается сказать еще о двухъ, на нашъ взглядъ неправильностяхъ или неточностяхъ, допущенныхъ Бальцеромъ въ своей статьѣ. Первая изъ нихъ касается происхожденія Статута 1529 года. Бальцеръ пишетъ, что онъ „zapowiedziany został przez Zygmunta I. już r. 1522"[1]). Конечно, не съ 1522 года нужно вести начало проявленія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ мысли о Первомъ Статутѣ. Впервые рѣчь о немъ была поднята Виленскимъ сеймомъ 1514 года, который, соглашаясь на тяжелыя жертвы для веденія войны съ Москвою, предъявилъ просьбу о составленіи общаго для всего государства Литвы свода законовъ[2]). Вторая изъ этихъ неправильностей такова. Указавъ на заимствованія изъ Статутовъ Казимира Великаго, которыя онъ признаетъ въ Литовскомъ Статутѣ 1529 года, Бальцеръ писалъ: „widocznie redaktorowie Statutów litewskich podjęli gruntowne studyum pomników prawnych polskich i obficie z nich tu korzystali; może nawet znaleźli się pośród nich prawnicy koronni"[3]). Ученіе о томъ, что Литовскіе Статуты были, будто бы, составляемы при участіи польскихъ ученыхъ не ново въ польской литературѣ. Въ серединѣ прошлаго столѣтія оно проводилось даже въ историческихъ произведеніяхъ, предназначенныхъ и для болѣе широкихъ круговъ читателей[4]). Исторія составленія Перваго Литовскаго Статута еще не достаточно возстановлена научнымъ изслѣдованіемъ, хотя и можно уже ожидать, что это будетъ сдѣлано не въ слишкомъ продолжительномъ времени[5]). Что же касается исторіи выработки Второго и Третьяго Статутовъ, то мы видѣли выше, что поляки въ ней не участвовали. Въ польской литературѣ обычно считаютъ полякомъ Августина Ротундуса, но основанія для этого не могутъ быть признаны достаточно твердыми. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ участникамъ со-

---

1) Ibidem, str. 194.

2) М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 199.

3) O. Balzer, op. cit., str. 192.

4) Такъ, въ статьѣ о Литовскихъ Статутахъ, напечатанной во второмъ томѣ изданія Starożytności Polskie (Poznań, 1852), стоитъ: „Do układania każdego statutu litewskiego wpływali głównie uczeni polscy" (str. 498).

5) Мы имѣемъ въ виду особенно много обѣщающее начало работъ С. Г. Борисенка по изученію Перваго Статута, а особенно его изслѣдованіе „Списки Литовського Статуту 1529 р." (Праці ком. для виуч. іст. зах.-р. та укр. права, в. VI).

ставленія Статута 1566 года никакихъ сомнѣній въ ихъ непринадлежности къ полякамъ быть не можетъ. Всѣ они были, кромѣ Роизія, или литовцами, или русскими. Также литовцы и русскіе выработали и Третій Статутъ, съ которымъ государство Литвы жило до самыхъ раздѣловъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка.

Нѣтъ, не памятникомъ польскаго права является Литовскій Статутъ. Онъ представляетъ собою памятникъ національнаго права Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства, въ націи котораго соединились литовскій народъ и части русскаго.

Въ 1912 году Первый Литовскій Статутъ явился предметомъ вдумчиваго изученія въ трудѣ г. Якубовскаго „Studya nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed Unią Lubelską“[1]). Это изученіе является несомнѣнно шагомъ впередъ въ постановкѣ вопроса о происхожденіи права Статута 1529 года. Высоко ставя этотъ кодексъ какъ „wiekopomne dzieło“, г. Якубовскій указываетъ, что онъ „wykazuje już znaczną kulturę prawniczą i umiejętność oryentowania się w zawiłych pojęciach prawa“[2]). Положеніе, выдвинутое Пѣкосинскимъ и такъ горячо поддержанное Бальцеромъ, о томъ, что Литовскій Статутъ является памятникомъ польскаго права, не находитъ въ г. Якубовскомъ защитника и послѣдователя. Онъ пишетъ: „Do jakiego żywiołu etnicznego należy Statut Litewski; czy zawiera on, zgodnie ze swą nazwą, prawo litewskie, czy też, jako pisany po rusku, winien być uważany za pomnik prawodawstwa ruskiego? Na pytanie to możemy dać odpowiedź tylko wtedy, gdy zdamy sobie należycie sprawę z charakteru narodowego całego ogółu ówczesnej szlachty litewskiej, jako właściwego twórcy litewskiego prawa ziemskiego. Ogół ten, jak już starałem się na swem miejscu wykazać, był już w w. XVI pod względem narodowym jednolity. Każdy szlachcic na Litwie uważał się za Litwina, każdy mówił narzeczem białoruskiem (na południu małoruskiem), każdy posługiwał się na piśmie konwencyonalnym językiem ruskim (litewsko-ruskim)“. Считая, что имъ была доказана выше, въ другомъ мѣстѣ своей книжки, большая въ составѣ шляхты Великаго Княжества Литовскаго чис-

---

[1]) Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Wydział II Nauk antropologicznych, społecznych, historyi i filozofii. № 7. Warszawa, 1912.

[2]) Str. 72.

ленность шляхты литовской, чѣмъ русской, г. Якубовскій продолжаетъ: „Lecz z drugiej strony przewaga kulturalna była po stronie Rusi, większe też obszary zajęte były przez ludność ruską To znowu skłania do przypuszczenia, że wpływ pierwiastku ruskiego był silniejszy. Rozważyć i zmierzyć siłę obu tych pierwiastków etnicznych w prawie litewskiem jest rzeczą nadzwyczaj trudną. Prawo litewskie występuje w aktach i pomnikach prawodawczych jako całość jednolita, obowiązująca oba odłamy ludności. Pewne podobieństwo dostrzeżone pomiędzy Statutem a Prawdą Ruską świadczy, że w prawie litewskiem są niewątpliwie pierwiastki ruskie. Nie upoważnia to jednak bynajmniej do twierdzenia, że całe prawo statutowe jest ruskiem.... Prawo to było niewątpliwie zlepkiem dwóch praw; co jednak z niego należało do prawa ruskiego, a co do litewskiego, pozostaje jak dotąd niewyjaśnionem"[1]). По опредѣленію г. Якубовскаго, „Statut jest przedewszystkiem kodyfikacyą istniejącego prawa krajowego"[2]).

Конечно, г. Якубовскій признаетъ и вліяніе на Литовскій Статутъ польскаго права. Но онъ очень далекъ отъ того, чтобы считать статутовое право польскимъ по преимуществу, какъ это дѣлалъ Бальцеръ. Г. Якубовскій въ техникѣ составленія Статута 1529 года видитъ основу земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго и путемъ параллельнаго приведенія текстовъ нѣкоторыхъ статей ихъ и статутовыхъ артикуловъ устанавливаетъ переходъ первыхъ во вторые. Но громадное большинство такого перехода имъ устанавливается по отношенію къ земскимъ привилеямъ 1447, 1492 и 1506 годовъ[3]). Изъ привилея 1387 года имъ отмѣчается статья о правахъ наслѣдованія вдовъ и изъ Городельскаго привилея 1413 года — объ оправѣ женъ. Но эти постановленія вошли затѣмъ и въ привилеи эпохи Казимира и его сыновей. Земскіе привилеи переносили въ Литву институты и правовыя понятія Польши, „prawo przywilejów ziemskich Litwy było wprawdzie w istocie swej prawem publicznem polskiem, lecz zmodyfikowanem, przystosowanem do potrzeb społeczeństwa litewskiego"[4]). Но и въ области гражданскаго („оправа и вѣно") и

---

1) Str. 81-82.
2) Str. 83.
3) Str. 74-77.
4) Str. 78.

уголовнаго права Перваго Статута г. Якубовскій находитъ вліяніе польскаго права[1]).

Такова въ общемъ схема представленій г. Якубовскаго о Литовскомъ Статутѣ 1529 года. При своихъ достоинствахъ построеніе г. Якубовскаго имѣетъ, однако, и свои недостатки. Признавая Первый Статутъ созданіемъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго, какъ намъ думается, онъ нѣсколько ускоряетъ наступленіе того времени, когда она стала настолько большою силою въ государствѣ Литвы, чтобы взять въ свои руки непосредственное участіе въ составленіи свода законовъ. Развитіе шляхетскаго движенія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ становится совершенно замѣтнымъ уже въ десятилѣтія послѣ изданія Статута 1529 года, а о торжествѣ его можно говорить лишь съ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Въ эпоху составленія Перваго Статута рада, т. е. органъ, бывшій всецѣло въ рукахъ панскаго класса, играла рѣшающую роль. Но, конечно, она должна была считаться съ интересами боярства, изъ котораго выросталъ „народъ-шляхта", ибо войны государства требовали серьезнаго вниманія къ боярамъ, несшимъ военную службу. Поэтому можно лишь говорить объ интересахъ боярства и земянства, принятыхъ во вниманіе при составленіи кодекса, а не о созданіи его ими, еще только стоявшими на порогѣ своего превращенія въ шляхетскій „народъ". Вѣдь, ни отъ своихъ судебныхъ правъ по отношенію къ боярству, ни отъ исключительнаго значенія рады панскій классъ въ Первомъ Статутѣ не отказывался и не думалъ дѣлиться ими со шляхтою. Все это совершилось только въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Первый Литовскій Статутъ еще не былъ созданъ шляхтою. Созданіемъ ея вполнѣ можетъ быть признанъ лишь Статутъ 1588 года, хотя и въ составленіи Второго Статута участіе шляхты уже было достаточно крупнымъ.

Совершенно соглашаясь съ г. Якубовскимъ въ томъ, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ изъ литовской и русской шляхты выработалась единая нація этого государства, мы полагаемъ, что это наступило также послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ, а особенно послѣ формальной отмѣны ограниченій Го-

---

[1]) Str. 78-79.

родельскаго привилея для православныхъ, т. е. русскихъ[1]). Вѣдь, еще за какія-нибудь пятнадцать лѣтъ до утвержденія Перваго Статута, въ эпоху возстанія Глинскаго, замѣтно раздѣленіе интересовъ русскаго и литовскаго элементовъ въ государствѣ Литвы. Что же касается положенія г. Якубовскаго о численномъ перевѣсѣ шляхты литовской надъ русскою, которое онъ считаетъ доказаннымъ, то намъ кажется, что вполнѣ доказать ему его удалось ѐдва ли. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ подсчета конныхъ ратниковъ, выставляемыхъ по „ухвалѣ" Виленскаго сейма 1528 года боярами и земянами цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, г. Якубовскій считаетъ возможнымъ утверждать: „możemy uważać za pewnik, że w całem państwie litewskiem w w. XVI ludność rdzennie litewska, jeżeli nie stanowiła większości, to przynajmniej równała się pod względem liczebnym ludności ruskiej"[2]). Въ Литовскихъ повѣтахъ и въ землѣ Жомойтской онъ подсчитываетъ 5730 конныхъ ратниковъ, а въ Русскихъ вмѣстѣ съ Подляшьемъ — 5372, отмѣчая при этомъ справедливо, что въ Подляшскихъ повѣтахъ, въ которыхъ числилось 1536 ратниковъ, шляхта была въ значительной своей части происхожденія польскаго. Однако самъ г. Якубовскій оговаривается, что въ своемъ подсчетѣ онъ не принималъ въ расчетъ, во-первыхъ, „почтовъ"-отрядовъ панскихъ, а во-вторыхъ, земель Кіевской и Подолья. Изъятія изъ подсчета, допущенныя г. Якубовскимъ, конечно, не могутъ не отражаться на правильности его выводовъ. Уже одно игнорированіе численности боярства-шляхты Кіевщины и Подолья, казалось бы, должно было удержать г. Якубовскаго отъ его заключеній, притомъ въ той категорической формѣ, въ которой онъ призналъ возможнымъ ихъ сдѣлать. Не менѣе существеннымъ является и оставленіе имъ безъ должнаго учета панскихъ „почтовъ". Кромѣ того, изучая составъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ XVI столѣтіи, невозможно ограничиваться лишь цифрами, которыя даетъ „ухвала" Виленскаго сейма 1528 года. Данныя первыхъ десятилѣтій XVI вѣка нельзя принимать для него всего. Не говоря о другихъ источникахъ, при изученіи численнаго состава шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ XVI столѣтіи, необходимо изученіе данныхъ „пописовъ" этого

---

1) См. выше, часть первая, стр. 21.

2) Str. 10.

вѣка. Изъ нихъ два, а именно 1565-го и 1567-го годовъ, были изданы въ печати, правда уже послѣ выхода въ свѣтъ книги г. Якубовскаго[1]). Изъ этихъ „пописовъ“, какъ болѣе полный, особенно любопытенъ „пописъ“ 1567 года. И для „почтовъ“ князей и пановъ въ немъ мы найдемъ такія цифры: князья (Крошинскій, Пузына, Курбскій, Одинцевичевая, Вишневецкіе, Порыцкій, Микитиничъ, Масальскіе, Полубенскіе, Чарторыйская, Збаражскіе, Жилинская, Коширскій, Корецкій, Друцкіе-Соколинскіе, Озерицкій, Лукомскіе и паны Сапѣга, Носиловскій и Подбережскій) — 1296 конныхъ и 557 драбовъ[2]); паны (а въ числѣ ихъ много русскихъ) — 1243 конныхъ и 699 драбовъ[3]). Мы уже не говоримъ о „почтахъ“ радныхъ пановъ (4890 конныхъ и 2471 драбовъ) и урядниковъ земскихъ и дворныхъ (880 конныхъ и 435 драбовъ), въ составѣ которыхъ были и литовцы и русскіе[4]). Такимъ образомъ, въ подсчетѣ г. Якубовскимъ численности литовской и русской шляхты требуются исправленія. Нельзя при этомъ забывать, что на протяженіи XVI столѣтія внутри состава шляхты произошелъ рядъ существенныхъ измѣненій. Довольно значительная часть крупныхъ панскихъ имѣній, за вымираніемъ панскихъ родовъ, перешла „спадкомъ“ на великаго князя. Части спадковой шляхты затѣмъ соединялись распоряженіями его со шляхтою повѣтовою[5]), отражаясь на численномъ соотношеніи литовцевъ и русскихъ. Кромѣ того, съ естественнымъ размноженіемъ шляхетскихъ семей, шляхетскія имѣнія дробились, раздѣляемыя между сыновьями шляхтича, и становились потому все мельче и мельче. Со времени постановленія Берестейскаго сейма 1566 года, признавшаго за шляхтою право полнаго распоряженія ея имѣніями, мобилизаціи шляхетскаго землевладѣнія былъ предоставленъ полный просторъ. Это также способствовало уменьшенію размѣровъ отдѣльныхъ шляхетскихъ имѣній. Въ результатѣ всего этого увеличивалась численность „убогой“ шляхты, которая, конечно, не могла имѣть такого же значенія, какъ шляхта, владѣющая сколько-нибудь достаточными по своимъ размѣрамъ земельными

---

1) Русская Ист. Библіотека, XXXIII (Петроградъ, 1915).

2) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 467-477.

3) Тамъ же, ст. 487-506.

4) Тамъ же, ст. 431-467.

5) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 249-261

имуществами[1]). Всѣ эти процессы остались внѣ вниманія г. Якубовскаго, а ихъ развитіе на протяженіи XVI столѣтія необходимо принимать въ расчетъ при подсчетахъ, которые имъ производились. Самыя цифры своего подсчета г. Якубовскій бралъ изъ капитальнаго изслѣдованія М. К. Любавскаго „Литовско-Русскій сеймъ", а не изъ оригинальнаго текста „ухвалы" 1528 года, и возможно, что, обратившись къ этому оригиналу, онъ ихъ нѣсколько и измѣнилъ бы. Словомъ, подсчетъ литовской и русской шляхты какъ силъ, изъ соединенія которыхъ слагалась шляхта Великаго Княжества Литовскаго въ ея общихъ значеніи и силѣ, было бы рискованно признать прочно установленнымъ г. Якубовскимъ.

Признавая основою статутоваго права право литовское и русское, г. Якубовскій совершенно правильно указываетъ на трудность точнаго опредѣленія элементовъ каждаго изъ нихъ. Причина этого, однако, не только въ томъ, что оба права слились во-едино и образовали единое право Великаго Княжества Литовскаго. Величайшая трудность точнаго опредѣленія элементовъ чисто литовскаго права въ Литовскомъ Статутѣ обусловливается и полною неразработанностью его въ научной литературѣ. Потому то мы и указывали на необходимость скорѣйшаго обращенія новѣйшихъ литовскихъ историковъ права и этнографовъ къ его выясненію и возстановленію путемъ научнаго изслѣдованія[2]). До достиженія этимъ изслѣдованіемъ опредѣленныхъ результатовъ старое литовское обычное право невозможно выдѣлить въ нѣчто совершенно опредѣленное, съ чѣмъ можно оперировать въ изученіи статутоваго права и разложеніи его на его составные элементы. А если это такъ, то по необходимости пока, въ силу отсутствія въ распоряженіи изслѣдованія статутоваго права данныхъ по изученію литовскаго обычнаго права, приходится оставлять вопросъ объ его элементахъ въ Литовскомъ Статутѣ открытымъ и по необходимости обращаться къ русскому праву пока безъ собственно литовскаго въ значеніи основы статутоваго права, ожидая наступленія возможности дополнить изслѣдованіе введеніемъ въ него и данныхъ стараго литовскаго обычнаго права.

---

[1]) Ср. тамъ же, стр. 231-233, 237-241.

[2]) См. выше, часть первая, стр. 139-140.

Обращаясь къ земскимъ привилеямъ, которые справедливо выдвигаетъ г. Якубовскій въ значеніи источника статутоваго права, конечно, нужно признать, что онъ совершенно правъ, это дѣлая. Нельзя, однако, забывать, что къ нимъ непосредственно примыкалъ Литовскій Статутъ и Пѣкосинскій. Но, думается, что рядомъ съ общеземскими привилеями въ значеніи источника права Статута нужно ставить и привилеи областные. Требованіе никого не подвергать наказанію безъ суда „очи на очи на явномъ суду христіянскомъ“, право вдовы владѣть имѣніемъ мужа и рядъ другихъ статей областныхъ привилеевъ, выданныхъ Полоцкой и другимъ землямъ великимъ княземъ Литовскимъ, должны быть обязательно принимаемы во вниманіе при опредѣленіи источниковъ Статута, рядомъ съ привилеями земскими. А текстъ областныхъ привилеевъ, какъ призналъ и самъ г. Якубовскій въ своей работѣ, ихъ изучающей[1]), вырабатывался самими землями, представлявшими ихъ на утвержденіе великому князю. Разумѣется, долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, нельзя ли признавать въ областныхъ привилеяхъ и хотя бы нѣкоторую рецепцію привилеевъ земскихъ. Но не такъ легко представить себѣ доступность текстовъ земскихъ привилеевъ, хранившихся въ государственномъ скарбѣ, для пользованія ими въ Полоцкой, Витебской и другихъ русскихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго. А съ другой стороны, областные привилеи хранили въ себѣ старое право земель, эти привилеи вырабатывавшихъ и получавшихъ. Черезъ нихъ, уже какъ право писаное, оно входило и въ артикулы Литовскаго Статута.

Что касается самихъ земскихъ привилеевъ, то, какъ это видно изъ сопоставленій ихъ текстовъ съ текстами Статута, дѣлаемыхъ г. Якубовскимъ, не болѣе ранніе привилеи до Казимировской эпохи были восприняты Литовскимъ Статутомъ въ свои артикулы, а именно эпохи съ привилея 1447 года, который Великое Княжество Литовское положило въ основу дальнѣйшаго развитія своего конституціоннаго права, какъ совершенно независимаго отъ Польши и самостоятельнаго государства. Никакихъ постановленій объ Уніяхъ изъ привилеевъ до

---

[1]) И. В. Якубовскій, Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго. Журналъ Мин. Нар. Пр., 1903, IV и VI. Объ областныхъ привилеяхъ рѣчь идетъ въ VI-ой книгѣ Журнала.

Казимировской эпохи Статутъ въ себя не воспринялъ. О связанности государства Литвы по отношенію къ Польшѣ какими-либо договорами Уніи ни Первый Статутъ, ни два послѣдующихъ ничего не знаютъ. Всѣ они строятъ Великое Княжество Литовское какъ совершенно самостоятельное и независимое государство. И на эту то черту земскихъ привилеевъ г. Якубовскій совершенно не обратилъ своего вниманія, а думается, что она чрезвычайно характерна для Литовскихъ Статутовъ и ихъ отношенія къ Польшѣ. Но основные законы этихъ Статутовъ вообще въ польской литературѣ не изучаются, несмотря на все ихъ значеніе.

Оговорки, сдѣланныя нами, не лишаютъ, однако, насъ права признать изученіе г. Якубовскимъ Перваго Литовскаго Статута несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ научномъ изслѣдованіи этого кодекса. Неизмѣримо меньше, чѣмъ Статутомъ 1529 года, занимается въ своемъ трудѣ г. Якубовскій Вторымъ и Третьимъ Литовскими Статутами. По отношенію къ нимъ онъ проявляетъ значительно меньше и результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій, хотя въ его характеристикѣ Статута 1566 года имѣются и они. Онъ совершенно правильно выдвигаетъ внесеніе составителями Второго Статута въ этотъ кодексъ основъ теоретической научной мысли и указываетъ на значительное совершенство его системы[1]). Г. Якубовскій отмѣчаетъ усиленіе вліяній на Статутъ права иностраннаго, и особенно польскаго. Вліяніе римскаго права онъ еще, слѣдуя И. Н. Даниловичу, считаетъ возможнымъ признать лишь черезъ Саксонское Зерцало. Магдебургское право, повидимому, онъ предполагаетъ проникающимъ въ Великое Княжество Литовское только черезъ посредство Польши. Мы уже видѣли выше необходимость внесенія поправокъ въ эти старыя представленія[2]). Отмѣчая, что сразу послѣ утвержденія Второго Статута началось его исправленіе, г. Якубовскій говоритъ: „Potrzeba gruntowniejszej naprawy stała się widoczną szczególnie od czasu Unii Lubelskiej 1569 r. Na sejmie też unicwym wysadzona została komisya, która miała się zająć n a p r a w ą S t a t u t u. Obok kilku innych mężów uczonych, zasiadł w niej znakomity znawca prawa miejskiego, doktór obojga praw, znany już nam jako pierwszy his-

---

1) Str. 83-84.

2) См. выше, часть первая, стр. 97-108.

toryk Litwy, Augustyn Rotundus. To też Statut trzeci 1588 r. wykazuje większy jeszcze wpływ kodeksów prawa miejskiego oraz ogólnej teoryi prawa, niż poprzedni“ [1]).

Такимъ образомъ, г. Якубовскій выводитъ происхожденіе Третьяго Статута изъ постановленій Люблинской Уніи, какъ это дѣлалось и раньше польскими историками и историками права. Но онъ не изучалъ основныхъ законовъ Литовскаго Статута 1588 года и не указалъ, въ чемъ на нихъ отразилась Люблинская Унія. Еслибы онъ это сдѣлалъ, надо думать, онъ измѣнилъ бы это свое утвержденіе. Не изучалъ г. Якубовскій и исторіи составленія ни Третьяго, ни Второго Статутовъ. Еслибы онъ ее изучилъ по источникамъ, которыхъ уже очень значительное количество было опубликовано къ тому времени, когда онъ писалъ свою книгу, то, конечно, онъ помѣстилъ бы Августина Ротундуса въ число составителей главнымъ образомъ Второго Статута, а Третій призналъ бы составленнымъ депутатами повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Самый Третій Статутъ не былъ, какъ мы это видѣли выше [2]), кодексомъ, на которомъ отразилась еще въ бо́льшихъ размѣрахъ „теорія права“. Наоборотъ, онъ былъ бо́льшимъ приспособленіемъ къ жизни тѣхъ теоретическихъ построеній, которыя были введены въ предшествующій кодексъ государства Литвы [3]).

---

[1]) Str. 84.

[2]) Часть первая, главы IV, VII и VIII.

[3]) Не можемъ здѣсь не коснуться утвержденія г. Якубовскаго, что небольшая хроника, помѣщенная въ рукописи латинскаго перевода Второго Статута, издаваемая имъ во второмъ приложеніи къ его книгѣ (стр. 94-104), написана Ротундусомъ. То, что она находится въ рукописи перевода, по всей вѣроятности исполненнаго этимъ ученымъ Виленскимъ войтомъ и секретаремъ монарха для Стефана Баторія, еще не является доказательствомъ авторства именно его. Рукопись эту, конечно, переписывалъ не самъ Ротундусъ, а кто-либо изъ писцовъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. А въ этой канцеляріи, внѣ всякаго сомнѣнія, составлялись и записи исторіи своего государства. Нельзя забывать, что переводъ литовско-русской лѣтописи на латинскій языкъ, озаглавленный „Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae“, дошелъ до насъ записаннымъ въ одну изъ книгъ Литовской Метрики, т. е. архива государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго (П.С.Р.Л., XVII, стр. X-XI). Въ составѣ писарей этой канцеляріи во второй половинѣ XVI столѣтія было достаточно образованныхъ людей, которые могли составить краткую хронику по обязанности своей службы. Во всякомъ случаѣ, авторство Августина Ротундуса по отношенію къ этой хроничкѣ трудно признать доказаннымъ г. Якубовскимъ.

Вдумчивое и научное изученіе г. Якубовскимъ происхожденія права Перваго Литовскаго Статута и національнаго характера государства, въ которомъ этотъ кодексъ былъ созданъ, къ сожалѣнію не въ должной степени отразилось на послѣдующей польской литературѣ. Мы уже не говоримъ о литературѣ, предназначенной для болѣе широкихъ круговъ. Она проводила старые традиціонные взгляды на Великое Княжество Литовское, его культуру и его Уніи, какъ будто бы новое научное изслѣдованіе ихъ не затронуло нисколько. Какъ на примѣръ укажемъ хотя бы на книгу г. Іосифа Жербилло-Лабунскаго „Unia Litwy z Polską (1385—1569)“ [1]), въ приложеніи къ тексту которой напечатаны и „Akty unii W. Ks. litewskiego z Koroną polską“ [2]). Въ этой книгѣ читается: „Polska była mocniejszą i potężniejszą niż Litwa, miała większe siły ekonomiczne, liczniejszą ludność, wyższą kulturę, większą siłę zbrojną. Łączy się z państwem słabszem, barbarzyńskiem, zagrożonem na całej ogromnej północno-wschodniej granicy; bierze więc na siebie obronę jego i misyę cywilizacyjną — i nic za to nie żąda.... Polska wszystko daje, a nic nie bierze..... Wilno staje się takiem samem ogniskiem polskości, jak Kraków i Warszawa“ [3]). Цитатъ, показывающихъ, что авторъ цѣликомъ стоитъ на старой традиціонной польской идеологіи, разрушенной уже научнымъ изслѣдованіемъ, притомъ изслѣдованіемъ и польскихъ ученыхъ, можно бы было привести еще много. Упомянувъ объ утвержденіи Люблинскимъ сеймомъ коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута, г. Жербилло-Лабунскій, конечно, далекъ отъ того, чтобы привести основные законы Великаго Княжества Литовскаго, внесенные въ этотъ исправленный Статутъ.

Но и въ высоко авторитетныхъ научныхъ изданіяхъ встрѣчаемъ воскрешеніе старыхъ взглядовъ на Литовскій Статутъ, ведущихъ въ литературѣ свое начало еще отъ Чацкаго. Такъ, въ сборникѣ „Kultura Staropolska“, который вышелъ въ Краковѣ въ 1932 году и предисловіе къ которому подписалъ „Komitet Zjazdu Naukowego im. J. Kochanowskiego“, въ числѣ другихъ статей, напечатана статья профессора Станислава Эстрейхера „Kultura prawnicza w Polsce XVI wieku“. Въ ней о Литовскомъ

1) Warszawa. Księgarnia „Kroniki Rodzinnej“ (sine anno).
2) Str. 163-247.
3) Str. XIII-XIV.

Статутѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Najpoważniejszem jednak dziełem ustawodawczem, na jaki się zdobyła kultura prawnicza w Polsce XVI stulecia, jest niewątpliwie Statut litewski w kilku jego redakcjach (1529, 1566, 1588). Pierwsza inicjatywa co do jego ułożenia wyszła zapewne z kancelarji królewskiej (kanclerz Gasztold).... Ogólnie biorąc można scharakteryzować Statut jako zbiór prawa zwyczajowego, obowiązującego na Litwie, uzgodnionego z ustawami królewskiemi, a poprawionego i uzupełnionego w bardzo wielu przepisach przez wprowadzenie postanowień z prawa ziemskiego polskiego (zwłaszcza z konstytucyj). Wpływ prawa sasko-magdeburskiego jest nader słaby; wpływ prawa rzymskiego — pomimo, że do komisji układającej projekt II redakcji miał podobno należeć Roisius — jest wcgóle żaden. Kodyfikacją nie jest ten Statut w żadnej z trzech swoich redakcyj. Brak mu do tego cechy wyczerpania przepisów prawnych, nie mówiąc już o braku systematycznego układu. Reguluje tylko kwestje najpilniejsze lub najbardziej w danej chwili sporne, jak zwykłe zwody prawa zwyczajowego. W układaniu jego bierze inicjatywę i najżywszy udział kancelarja królewska, ale każda z trzech redakcyj bywa przedłożona w formie projektu sejmom litewskim, które treść nader krytycznie badają“[1]).

Приведенныя сейчасъ представленія о Литовскомъ Статутѣ возбуждаютъ цѣлый рядъ вопросовъ. Почему Литовскій Статутъ долженъ считаться продуктомъ Польской юридической культуры, если онъ представляетъ собою сводъ законовъ государства Литвы? Почему инціатива его составленія приписывается государственной канцеляріи, если просьба о дарованіи писаныхъ законовъ была представлена Сигизмунду Старому Виленскимъ сеймомъ 1514 года? Если Статутъ Литовскій является лишь сборникомъ обычнаго права, то неужели и законы объ ограниченіи власти великаго князя радою и сеймомъ, а также судебные, военные и административные уряды, о которыхъ говорится въ немъ, тоже являются институтами обычнаго права? Что̀ понимать подъ конституціями, изъ которыхъ переносились въ Статутъ постановленія польскаго земскаго права? Какъ можно безъ всякихъ доказательствъ говорить о слабости вліянія на Статутъ Магдебургскаго права и о полномъ отсутствіи вліянія римскаго права, если въ научной лите-

---

[1]) Str. 72-73.

ратурѣ эти вліянія были признаны? Какъ можно утверждать объ отсутствіи системы, по крайней мѣрѣ во Второмъ и Третьемъ Статутахъ, если ихъ систематичность сразу бросается въ глаза всякому, кто даже ихъ только поверхностно просмотритъ, а тѣмъ болѣе тому, кто ихъ дѣйствительно изучитъ? Какъ можно говорить, что Третій Статутъ такъ же, какъ два предыдущихъ, былъ разсматриваемъ Литовскими сеймами, если Люблинская Унія отдѣльные сеймы Великаго Княжества Литовскаго замѣнила „спольными" сеймами его и Польши? Едва ли, думается, авторъ статьи смогъ бы дать на эти вопросы достаточно убѣдительные отвѣты.

Въ томъ же сборникѣ „Kultura Staropolska" объ одномъ изъ Литовскихъ Статутовъ, а именно о Третьемъ, нѣсколько словъ написалъ и профессоръ Александръ Брюкнеръ въ своей статьѣ „Promieniowanie kultury polskiej na kraje sąsiednie". Вотъ эти слова: „a ruski Statut Litewski w nowem wydaniu kanclerz Sapieha r. 1588 polskiem tłumaczeniem opatrzył, chociaż to tłumaczenie nadto wiernie brzmienie i szyk oryginału ruskiego naśladowało, powtarzane bez zmian i w następnych wydaniach. Rozszedł się Statut Litewski właśnie w polskim tekście między szlachtą ruską i późniejsze wydania (w braku egzemplarzy, gdy ledwie dziesiąty je posiadał) dawały tylko tekst polski"[1]. Въ этихъ словахъ о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ имѣемъ выраженными представленія о немъ Чацкаго, рубежа XVIII и XIX столѣтій, разрушенныя уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Третій Статутъ и профессоромъ Брюкнеромъ считается переведеннымъ уже въ 1588 году Львомъ Сапѣгою на польскій языкъ. Первое изданіе этого кодекса въ его оригинальномъ русскомъ текстѣ совершенно игнорируется. Самъ Сапѣга титулуется канцлеромъ, хотя въ 1588 году онъ занималъ лишь подканцлерскій урядъ. Шляхта государства Литвы признается русскою, хотя ея значительная часть была литовскою. Забыто то, что первое печатное изданіе Статута въ польскомъ переводѣ вышло только въ 1614 году.

Трудно, такимъ образомъ, признать, чтобы даже въ трудахъ всѣхъ польскихъ ученыхъ въ новѣйшее время отразилась научная разработка Литовскихъ Статутовъ, произведенная изслѣдованіемъ даже только польскихъ, не говоря уже о русскихъ,

---

[1]) Str. 712.

научныхъ работниковъ. Но замѣчается въ польской литературѣ послѣдняго времени и пониженіе общей оцѣнки Литовскаго Статута какъ законодательнаго памятника. Этотъ „wielki pomnik prawodawstwa", какъ называли его раньше, профессоръ Эстрейхеръ уже не признаетъ даже кодификаціей. С. Л. Пташицкій, около пятидесяти лѣтъ работавшій надъ отдѣльными вопросами исторіи и права Третьяго Литовскаго Статута, въ незадолго до своей смерти написанной статьѣ счелъ нужнымъ отмѣтить эту тенденцію въ новѣйшей польской литературѣ, въ которой даже было высказано сомнѣніе въ томъ, что люди „miarodajne" составляли этотъ кодексъ[1]).

Болѣе глубокихъ изслѣдованій въ области изученія Литовскихъ Статутовъ въ новѣйшей польской литературѣ не появлялось. Однако интересъ къ статутовому праву и къ Литовскимъ Статутамъ вообще, несомнѣнно очень поднявшійся въ научной литературѣ, нашелъ свое выраженіе и въ рядѣ польскихъ работъ въ этой области. Но основные законы Литовскихъ Статутовъ, конструировавшіе государство Великаго Княжества Литовскаго, изученіе которыхъ выясняетъ его дѣйствительное отношеніе къ государству Польской Короны, въ изслѣдованіяхъ польскихъ ученыхъ совершенно не затрагивались. Исторіи составленія и утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, имѣющей такое выдающееся значеніе для выясненія отношеній государствъ Литвы и Польши въ ихъ соединенной Речи Посполитой, также не отдавалось вниманія[2]). А между тѣмъ въ этой области вскрыты были изслѣдованіемъ новые факты,

---

[1]) Księga Pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego, str. 166 (Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki). Ср. тамъ же, str. 207 (Konfederacja Warszawska roku 1573 w trzecim Statucie Litewskim).

[2]) Такъ, проф. Эренкрейцъ предложилъ просто не считаться съ нашими работами, изучающими происхожденіе и утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута (Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera, t. I, str. 254). Такое отношеніе къ новымъ фактамъ, вскрываемымъ изслѣдованіемъ, уже нашло свою оцѣнку у писавшаго объ этомъ предложеніи Н. П. Василенка: „З наукового боку, ці факти дуже цікаві й важливі для історії права. На них не може не вважати дослідник. Тимчасом наш автор ставиться до них високодумно, ба навіть не хоче звертати на них уваги .... Таке відношення немає нічого спільного з наукою, і воно не безстороннє". Праці ком. для виуч. іст. зах.-руського та вкр. права, вип. третій, стр. 445 (рецензія статьи проф. Эренкрейца).

которыхъ признаніе можетъ быть, по выраженію одного изъ новѣйшихъ историковъ польскаго права, „punktem zwrotnym w ocenie statutu litewskiego z r. 1588 i całego stosunku Litwy do Polski“[1]).

Въ XX столѣтіи монографическое изученіе Литовскихъ Статутовъ сдѣлало значительные успѣхи. Появился рядъ статей и даже книгъ, въ которыхъ были разработаны отдѣльныя части статутоваго права, а также нѣкоторые вопросы исторіи Литовскихъ Статутовъ. Конечно, полный перечень этихъ работъ не входитъ въ задачи настоящаго нашего труда. Но обозначить направленія, въ которыхъ въ настоящее время ведется научная разработка Третьяго Литовскаго Статута, и отмѣтить хотя нѣкоторыя новыя изслѣдованія въ этихъ направленіяхъ мы считаемъ необходимымъ на настоящихъ страницахъ. Прежде всего обратило на себя въ новѣйшее время вниманіе уголовное право Статута. Основу его изученія положили изслѣдованія Г. В. Демченка, Н. А. Максимейка и І. А. Малиновскаго, вышедшія въ Кіевѣ еще въ 1894 году[2]). Изъ работъ, изучающихъ отдѣльные вопросы статутоваго уголовнаго права, назовемъ „Główszczyzna w Statucie Litewskim trzecim“ (Lwów, 1906) А. Дубѣнскаго и „Pojęcie usiłowania wedle statutu litewskiego III z r. 1588“ (Ateneum Wileńskie, rocznik I) Т. Млынарскаго. Замѣтно оживилось въ послѣднее время изученіе статутоваго гражданскаго права. Въ 1925 году вышли работы О. Доброва „Право необхідного спадкування за Литовським Статутом“ (Праці комісії для виучування історії західньо-руського та вкраїнського права, випуск I) и Я. Адамуса „Zastaw w prawie litewskiem XV i XVI wieku“ (Pamiętnik historyczno-prawny, t. I, z. 7), въ 1928 году — Ак. Таўсталеса „Застаўное права“ (Труды Белорусского Государственного Университета в г. Минске, № 21), въ 1929 году — М. М. Товстоліса „Суть застави за Литовським Статутом“ (Праці, випуск VI), въ 1933 году — И. И. Лаппо (младшаго) „Рекуператорный владѣльческій искъ въ литовскомъ правѣ конца XVI столѣтія“ (Прага), въ 1935 году — его же “Листы-

---

1) Ateneum Wileńskie, rocznik II, zeszyt 7-8. Str. 340.

2) Г. В. Демченко, Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ; Н. А. Максимейко, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута; І. А. Малиновскій, Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту.

записы въ литовскомъ правѣ XVI столѣтія“ (Tartu — Юрьевъ). Стали привлекать вниманіе изслѣдователей и постановленія Третьяго Статута, относящіяся къ сословіямъ и группамъ населенія Великаго Княжества Литовскаго. Назовемъ въ этой области хотя бы работы Я. Герляха „Stanowisko duchownych wedle Statutu III litewskiego (1588)“ (Ateneum Wileńskie, r. I) и Т. І. Забелаго „Земляўласьнік і земляроб па Статуту Літоўскаму 1588 г.“ (Труды Бел. Гос. Университета, № 20).

Исполненіе четырехсотлѣтія со времени изданія Перваго Литовскаго Статута, кромѣ отмѣчающихъ его отдѣльныхъ статей[1]), вызвало и посвященіе ему цѣлыхъ сборниковъ, въ которыхъ были напечатаны работы, не только имѣющія прямое отношеніе къ Литовскому Статуту 1529 года, но и касающіяся Статута Третьяго. „На згадку про 400-річчя з часу видання першого Литовського Статута“ Всеукраинская Академія Наукъ посвятила шестой выпускъ трудовъ (Праці) своей Коммиссіи для изученія западно-русскаго и украинскаго права, въ которомъ была напечатана уже отмѣченная нами статья М. М. Товстоліса. Въ 1935 году появилась въ изданіи Towarzystwa Przyjaciół Nauk въ Вильнѣ „Księga Pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego“, въ которой для изученія Третьяго Статута представляютъ значительный интересъ не разъ цитированныя нами выше статьи С. Л. Пташицкаго „Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki“ и „Konfederacja Warszawska roku 1573 w trzecim Statucie Litewskim“ и статья Фр. Боссовскаго „Nowela Justynjana 115“ и ея отраженіе во всѣхъ трехъ Литовскихъ Статутахъ.

Мы отмѣчаемъ, конечно, лишь тѣ новыя изслѣдованія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ изученію Литовскаго Статута 1588 года. Но и право Перваго и Второго Статутовъ очень замѣтно стало привлекать къ себѣ интересъ изслѣдователей. Всѣ эти частныя изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ подготовляютъ возможность появленія болѣе крупныхъ трудовъ, въ которыхъ будутъ даны разработка системы статутоваго права вообще и права Третьяго Литовскаго Статута въ частности, а также и детальное изслѣдованіе источниковъ всѣхъ артику-

---

[1]) См., напримѣръ, Ignas Jonynas, Pirmasis Lietuvos Statutas. 400 metų sukaktuvių proga (Kaunas, 1930).

ловъ кодекса. Рядомъ съ изученіемъ отдѣльныхъ законовъ и системы составныхъ частей права Статутовъ, конечно, необходимо и детальное изученіе ихъ основныхъ законовъ, какъ законовъ особаго государства, каковымъ понимаютъ и конструируютъ Великое Княжество Литовское не только Первый и Второй, но и Третій его Статуты. Признаніе того, что Великое Княжество Литовское и послѣ Люблинской Уніи 1569 года сохраняло вполнѣ свое государственное значеніе, уже утверждается въ научной литературѣ[1]). И Третій Литовскій Статутъ можетъ изучаться строго научно лишь при взглядѣ на него какъ на законодательный памятникъ національнаго права Великаго Княжества Литовскаго, котораго народъ составляли „Литва, Русь и Жомойть", по опредѣленію самого этого кодекса.

---

[1]) Ср., напр., В. Д. Дружчыц, Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі, стр. 221 и сл. (Труды Белорусского Государственного Университета, № 6-7), С. Г. Борисенокъ, Методологічні питання въ науці історії литовсько-руського права, стр. 485 (Праці ком. для виуч. зах.-р. та укр. права, вип. VI), Ladas Natkevičius, Aspect politique et juridique du différend polono-lithuanien (Paris, 1930), p.p. 8-9, Теодор Тарановски, Литванско-руско право и историјат Литванског Статута, стр. 252-253 — Архив за правне и друштвене науке, кн. XXIX (XLVI). Београд, 1934.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

Примѣчаніе. Римская цифра II ставится передъ страницами второй части тома. Сокращенія: в-во — воеводство, д-ва — держава, им. — имѣніе, л-во — лѣсничество, м-чко — мѣстечко, м-рь — монастырь, п-тъ — повѣтъ, р. — рѣка, ст-во — староство, т-во — тивунство.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ.

Примѣчаніе. Римская цифра II ставится передъ страницами второй части тома. Сокращенія: архіеп. — архіепископъ, бурм. — бурмистръ, в. — воевода, вел. — великій, г. — господарскій, гетм. — гетманъ, гор. — городничій, гр. — графъ, д. — державца, дв. — дворянинъ, еп. — епископъ, з. — земянинъ, земск. — земскій, ж. — жидъ, имп. — императоръ, к. — король, канцл. — канцлеръ, кашт. — каштелянъ, кн. — князь, кон. — конюшій, кс. — ксендзъ, Л — Литовскій, м. — мѣщанинъ, марш — маршалокъ, нам. — намѣстникъ, П. — Польскій, п. — панъ, пис. — писарь, подк. — подканцлеръ, подком. — подкоморій, подск. — подскарбій, пот. — потомъ, проф. — профессоръ, рефер. — референдарій, ротм. — ротмистръ, с. — сынъ, секр. — секретарь, ст. — староста, тив. — тивунъ, хор. — хоружій, ц. — цитируемый авторъ или издатель, шл. — шляхтичъ.

ЗАМѢЧЕННЫЕ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
2	2 сн.	Временника	Временника,
15	3 св.	судовъ	судовъ,
18	13 „	отвѣтствен-	отвѣтствен-
57	14 „	родскаго	гродскаго
58	15 сн.	wymierzyć.	wymierzyć,
60	9 „	ièdno	iedno
68	4 „	part	parti
87	12 св.	поля	поля-
98	4 „	Статутъ	Статутъ,
137	14 „	воли,	волѣ,
—	18 „	зтотъ	этотъ
139	16 „	быль,	быть,
143	16 „	Объ Уніи	О договорѣ Уніи
—	3 сн.	нек.	ея договоромъ.
—	— „	ее	его
153	14 св.	Польши	Польшею
168	6 „	пореговоры	переговоры
169	14 сн.	Frankcofurti	Francofurti
—	10 „	Volhiniae.	Volhiniae,
210	11 св.	сейму“.	сейму“,
254	6 сн.	56.	56).
267	1 „	Лит.,	Лит. 53,
270	15 св.	. а	, а
—	16 „	, Зиновій	. Зиновій
272	4 сн.	хринящихся	хранящихся
274	20 св.	года)	года),
277	8—9 св.	Лукашова сына,	сына Кузьмы,
—	6 сн.	Лукаша	Кузьму
285	2 св.	гельство	тельство
311	6 сн.	dám	dam
319	10 св.	лежало	лежали
322	9 св.	соизволить	, соизволить
349	4 „	попытку	попытку,
—	18 сн.	утверждаетъ	утверждаетъ,
352	18 св.	Чацкій	Чацкій,
373	2 „	не	ней
389	9 „	окончанія	окончаніе
399	6 сн.	ли	ли,
403	20 „	показалъ	показалъ,
406	1 св.	литовскихъ[1])	литовскихъ[1]),
—	2 „	менѣе,	менѣе
420	3 сн.	588	1588
421	11 сз.	ута	тута
—	11 сн.	печатанія	печатанія.
452	10 св.	типографія	канцелярія
460	19 „	обрашаютъ	обращаютъ
472	17 „	А. Е.	А. Э.
475	3 „	okazalo	okazało
476	15 „	zprawdzenie	sprawdzenie
480	18 сн.	Комитета	Комитета,
—	17 „	октября	октября,
482	1 св.	извѣстно	извѣстно,
489	20 „	oddzielne,	oddzielne
505	16 „	Статута	Статута,
506	16 сн.	Dorpater	„Dorpater
545	14 „	о,	го,
547	1 св.	взглядъ	взглядъ,
549	2 „	ro-	ro
—	3 „	ruską	ruską.
552	15 „	и	, и
—	1 сн.	261	261.
567	23 „	535,	535.
569	15 св.	353	353,
573	6 сн.	Л	Л.